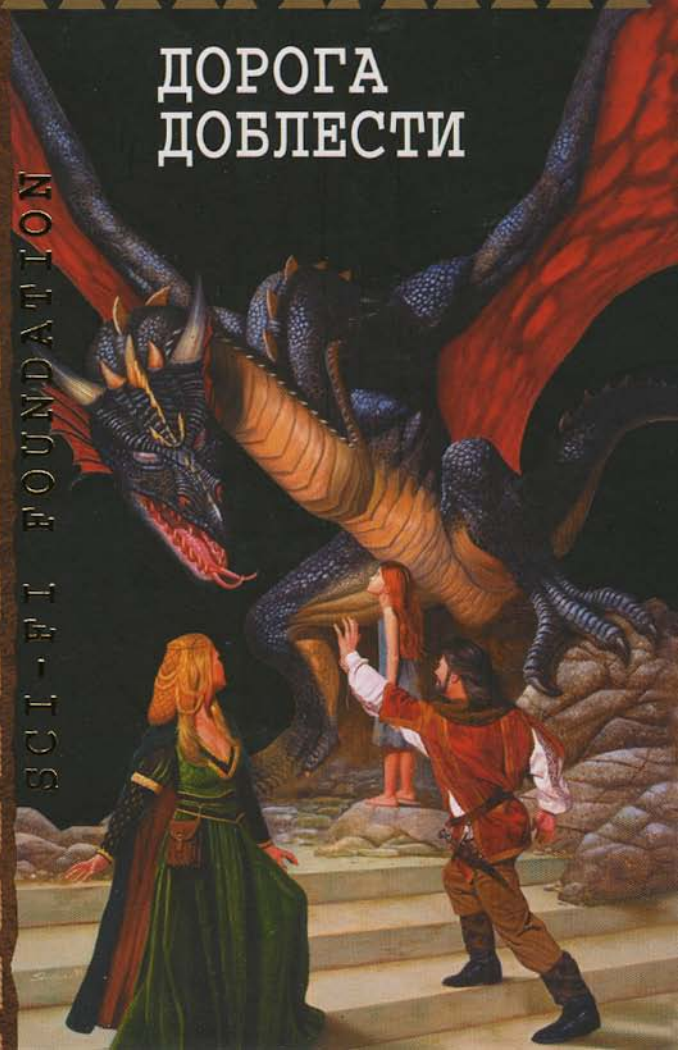
Весь

ХАЙНЛАЙН

ДОРОГА ДОБЛЕСТИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



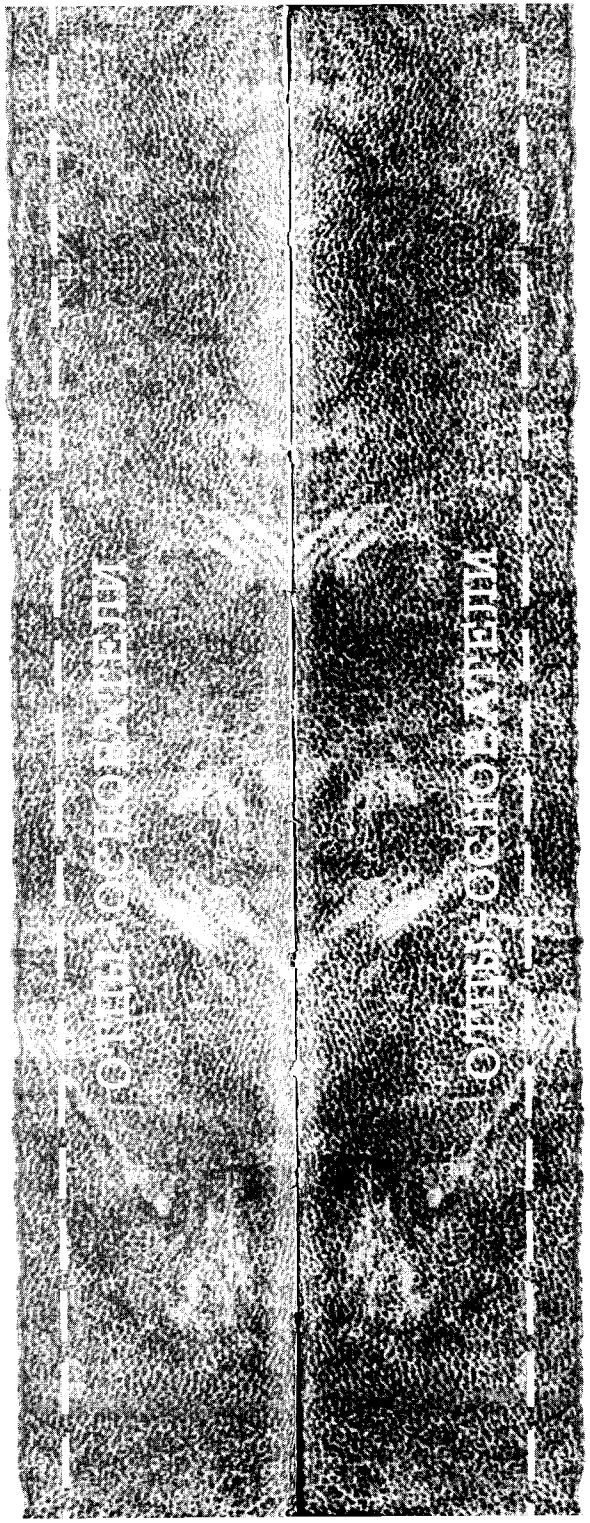
Весь

ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ



Роберт

ХАЙНЛАЙН

ДОРОГА ДОБЛЕСТИ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Х 12

Robert A. Heinlein

MAGIC, INC
GLORY ROAD
JOB: A COMEDY OF JUSTICE

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.
Х 12 Дорога доблести: Фантастические романы / Роберт Хайнлайн; [сост. и коммент. А. Ермолаева; пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006. — 816 с.: ил. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

ISBN 5-7921-07008-4 (TF)
ISBN 5-699-18880-0 (Эксмо)

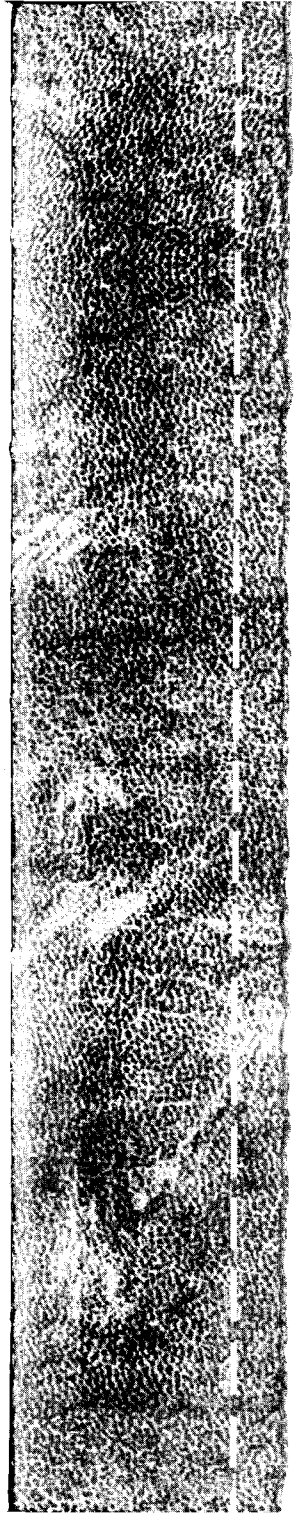
В очередной том полного собрания сочинений Роберта Энсона Хайнлайна (1907—1988) вошли романы, написанные в разные периоды его творчества.

Действие романа «Магия инкорпорейтед» разворачивается в одной из параллельных реальностей, в которой высокие технологии совершенно естественным образом сосуществуют с магами, колдунами и демонами. «Дорога доблести» — игровой роман, лежащий на грани между иронической и откровенно пародийной прозой. Роман «Иов, или Осмеяние справедливости» написан совершенно в ином ключе: автор создавал его в пору духовной зрелости, когда мировосприятие становится философским, а библейские истории — не менее актуальными, чем современная жизнь.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

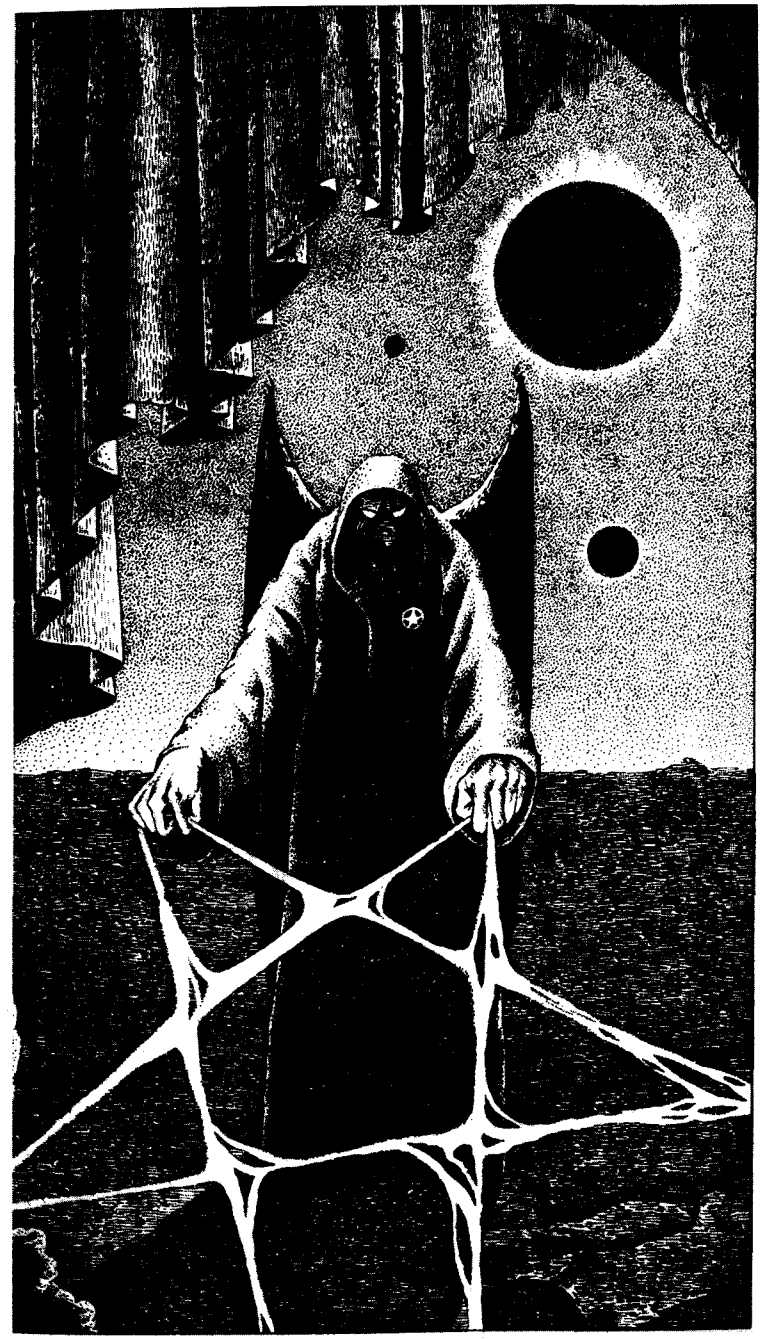
ISBN 5-7921-07008-4
ISBN 5-699-18880-0

© Перевод. И. Гурова, В. Ковалевский, Н. Штуцер, 2006
© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 2006
© TERRA FANTASTICA, 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006



МАГИЯ ИНКОРПОРЕЙТЕД





© И. Гурова, перевод

— Ты какими чарами пользуешься, приятель?

Вот что сказал этот типчик, в первый раз открыв рот с той минуты, как вошел в магазин. С четверть часа он шлялся по залу, выжидая, пока я останусь один,— обнюхивал образчики водоотталкивающих красок, листал каталоги сантехники, копался в витринах со скобяными изделиями.

Мне он не понравился. На деловой вопрос клиента я всегда отвечу охотно, но не выношу пустого любопытства.

— Всякими, какие поставляют местные лицензированные чародеи,— ответил я вежливым, но ледяным тоном.— А почему вас это интересует?

— Я не про то спрашиваю,— сказал он.— Валяй выкладывай, не торчать же мне тут целый день!

Я сдержался. От своих продавцов я требую вежливого обслуживания покупателей, и, хотя этот нахал мало смахивал на потенциального клиента, мне не хотелось нарушать собственного правила.

— Если вы приобретете что-либо,— сказал я,— мне доставит большое удовольствие сообщить вам, применялась ли магия при изготовлении выбранного вами товара или нет, а также и назвать чародея.

— Значит, пойти нам навстречу не хочешь? — вздохнул он.— А мы вот любим, чтобы нам шли навстречу. Не пойдешь, а ведь неизвестно, какое невезение на тебя свалится.

— Какие еще «мы»! — рявкнул я. (Да провались она, вежливость!) — И какое-такое невезение?

— А, вот дело и пошло! — Он ехидно ухмыльнулся и сел на край прилавка, чтобы дышать мне прямо в лицо. Смуглый коротышка. Сицилиец, решил я. Костюм, элегантный до тошноты, рубашка и галстук подобраны по цвету так, что в глазах рябит.

— Я тебе скажу, какие мы,— продолжал он.— Я представляю организацию, которая оберегает от невезения тех, кто умен и готов пойти нам навстречу. Потому я и спросил, какими чарами ты пользуешься.

— Ну, а дальше что? — сказал я, проверяя, как далеко он зайдет.

— Ты вот умен, я сразу усек,— ответил он.— Ну, скажем, устроит тебя, если в твоем магазине начнет резвиться саламандра — товары спалит, а то и покупателей напугает. Или продашь товары для постройки дома, а в нем заведется полтергейст и будет посуду бить, молоко сквашивать и швыряться мебелью. Вот что выходит, если не к тому чародею обратиться. Самая каплюшечка чего-то такого, и ты разорен. А мы же этого не хотим, а? — Он одарил меня еще одной ухмылкой.

Я промолчал, и он продолжал:

— У нас на контракте самые искусные демонологи, которые и сами чародеи высшего класса. Они проследят, как твой чародей ведет себя в Полумире и нет ли шансов, что он накличет на своего клиента черное невезение. Понял?

Еще бы не понять! Я же не вчера родился. Чародеи, к чьим услугам я прибегал, все были местные, я знал их много лет, и они пользовались уважением как в нашем мире, так и в Полумире. Со стихийными духами у них всегда был полный порядок. И накликать невезения они никак не могли.

Этот грязный подонок попросту требовал, чтобы теперь я обращался только к чародеям, на которых укажут они, и платил гонорары, назначенные ими же, а они будут прикарманивать процент и с гонораров, и с моей прибыли. А если я «не пойду им навстречу», меня начнут допекать стихийные духи, с которыми они в сговоре,— какие-нибудь отщепенцы с человеческими пороками — портить мои товары, отпугивать клиентов. А если я стану упорствовать, то следует ожидать черного заклятия, которое искалечит меня или убьет. И все — под предлогом будто они оберегают меня от людей, которых я знаю и уважаю!

Удобный рэкет!

На Восточном побережье я слышал о таком, но не предполагал столкнуться с этим в нашем тихом городе.

Он ухмылялся мне, ожидая ответа, и крутил шеей, потому что ее жал воротничок. И тут я кое-что заметил. При всей сверхмодности его костюма под воротничком сзади виднелась черная нитка. Так, он носит под одеждой талисман или амулет. Если моя догадка верна, значит, он умудрился остаться суеверным даже в наши дни, в наш просвещенный век!

— Кое-чего вы не учли,— сообщил я ему.— Я ведь седьмой сын, родился в рубашке и наделен даром ясновидения. С моим везением все в порядке, но я зрю, что над вами, точно кипарис над могилой, нависает невезение.— Я протянул руку и рванул нитку. Она лопнула и осталась в моих пальцах. И на ней таки болтался амулет! Омерзительный комочек неведомо чего и примерно такой же аппетитный, как дно птичьей клетки. Я уронил его на пол и старательно растер подошвой.

Он слетел с прилавка и уставился на меня, тяжело дыша. В его правой руке появился нож, а левой он защищался от дурного глаза, тыча в меня кулаком с выставленным вперед большим пальцем и мизинцем — рогами Асмодея. Я понял, что пока сладил с ним.

— А вот талисман, о котором вам, быть может, не приходилось слышать,— отбарабанил я и сунул руку в ящик под прилавком. Вытащив пистолет, я прицелился ему в лицо.— Холодное железо! А теперь отправляйся к своему хозяину и скажи ему, что его тоже ждет холодное железо — и так и эдак!

Он начал пятиться, не сводя глаз с моего лица. Если бы взгляды могли убивать... ну, и так далее. В дверях он остановился, плюнул на порог и мгновенно исчез.

Я убрал пистолет и занялся двумя покупателями, которые вошли, едва мистер Держи Ухо Востро покинул магазин. Но, признаюсь, я встревожился. Репутация — самое дорогое достояние человека. Я еще в молодости создал себе имя как продавец надежных товаров. А этот типчик и его дружки, уж конечно, попытаются очернить мое доброе имя, и способов у них для этого хоть отбавляй, если они заручились услугами черных колдунов.

Само собой, строительные материалы не требуют такого количества чар, как менее долговечные товары. Строя дом, люди хотят знать, что кровать не провалится в подвал как-нибудь в

полночь и крыша не исчезнет, оставив их на милость проливного дождя.

Ведь при строительстве используется много железа, а среди практикующих чародеев лишь горстка способна справляться с холодным железом. Те же, кто способен, берут такие гонорары, что прибегать к ним, когда строишься, попросту невыгодно. Разумеется, если какому-нибудь великосветскому хлыщу захочется похвастать, что его беседка или плавательный бассейн построены исключительно с помощью магии, я заключу контракт на соответствующую сумму, а затем сдам подряд тому или иному из первоклассных чародеев. Но в целом в моем деле чары используются только для частностей — всяких недолговечных украшений и приспособлений, которые люди любят приобретать недорого, а потом снова и снова менять.

Поэтому я тревожился не из-за чар, применяемых в моем деле, но из-за чар, которыми можно повредить в моем деле, если кто-то захочет навлечь на меня беды. Да и в любом случае мои мысли были заняты чарами из-за утреннего разговора с неким Дитвортом, который ничем мне не угрожал, а предложил выгодную сделку... И все-таки мне было не по себе.

Я закрыл магазин чуть раньше обычного и направился к своему приятелю Джедсону, специализирующемуся на готовой одежде. Он много меня старше и, хотя никаких степеней не имеет, большой знаток всевозможных форм колдовства, будь то белая или черная магия, некрология, демонология, чары, талисманы и наиболее практичные способы применения лозы. Вдобавок он человек здравомыслящий, с отличной головой на плечах и разносторонне способный. Я очень дорожу его советами.

Я думал, что в такой час он уже покончил с дневными хлопотами и сидит у себя в кабинете. Однако рассыльный проводил меня до комнаты совещаний. Я постучал и открыл дверь.

— Привет, Арчи! — воскликнул Джедсон, едва увидел меня.— Входи и садись. У меня есть кое-что новенькое.

Я огляделся. В комнате кроме Джедсона было еще четверо. Красивая плотная женщина лет тридцати в форме медицинской сестры, а также Огест Уэлкер, десятник Джедсона, умелец на все руки, обладатель лицензии чародея третьего класса. И низенький толстяк Задкиель Фельдштейн, агент множества посредственных чародеев и пары-другой знаменитостей. Его религия, понятно, запрещала ему самому заниматься чародейством, но, насколько мне известно, на получение честных комиссионных богословы запрета не наложили. Мне доводилось вести с ним дела, и ничего дурного я о нем сказать не могу.

Этот десятипроцентник сжимал в пальцах погасшую сигару, во все глаза глядя на Джедсона и на кое-кого еще.

А именно — на девушку лет двадцати пяти, если не меньше. Светлая блондинка и до того худенькая, что казалась почти прозрачной. Крупные кисти с длинными чуткими пальцами, большой трагичный рот и серебристые волосы. (Но альбиноской она не была.) Выглядела она измученной и полулежала в кресле. Сестра растирала ей запястья.

— Что случилось? — спросил я.— Девочке плохо?

— Да нет,— ответил Джедсон, оборачиваясь ко мне.— Она просто белая колдунья и работает в трансе. А сейчас утомилась, только и всего.

— А специальность у нее какая? — поинтересовался я.

— Готовая одежда.

— А? — У меня было полное право удивиться. Одно дело наколдовывать материю штуками, и совсем другое — выдать платье или костюм в готовом виде. Джедсон производил и продавал партии одежды, созданной только чарами. В основном спортивные костюмы, всякие новинки, модные женские ансамбли и прочее, требующее стиля, а не носкости. Обычно они снабжались предупреждениями «На один сезон», но в пределах этого сезона не оставляли желать ничего лучшего и были одобрены обществом защиты потребителей.

Однако изготавливались они не в один присест. Сначала создавались ткани — чаще всего этим занимался Уэлкер. Красители и рисунки добавлялись отдельно. У Джедсона были связи в Полумире, и его снабжали оттенками и фасонами, сотворенными специально для него. Для изготовления особой одежды он пользовался и старыми методами, и чарами, и у него работали некоторые из самых талантливых художников в этой области. По договоренности с ним его модельеры предоставляли свои чары

Голливуду — он просил только, чтобы в титрах упоминалась его фамилия.

Но вернемся к светлой блондинке...

— Вот именно! — сказал Джедсон.— Готовая одежда, причем долговечная. Девочка — подлинный талант, это точно, У нее контракт с текстильной фабрикой в Джерси-Сити, но я уплатил тысячу долларов, чтобы своими глазами увидеть один раз, как она творит готовое изделие. Но нам пока не везет, хотя я уже все испробовал, кроме разве что раскаленных клещей.

Девочка посмотрела на него с ужасом, сестра — с возмущением, а Фельдштейн начал было возражать, но Джедсон его перебил:

— Фигура речи, и ничего больше. Вы же знаете, я не приверженец черной магии. Ну как, милочка,— продолжал он обращаясь к девушке,— ты готова попробовать еще раз?

Она кивнула, и он скомандовал:

— Отлично. Баюшки-баю!

И она опять попробовала, причем стонала умеренно и почти не плевалась. Эктоплазма вытекала свободно и действительно преобразилась не в материю, а в готовое изделие — изящное вечернее платье шестнадцатого размера, небесно-голубое из блестящего шелка. На редкость элегантное, и я не сомневался, что любой комиссионер, едва его увидит, тут же закажет солидную партию.

Джедсон схватил его, отрезал лоскуток, подверг его обычным проверкам, а под конец вынул из-под микроскопа и подпалил спичкой.

А потом выругался.

— Прах его побери,— сказал он.— Все ясно! Это вовсе не новое творение, она просто обновила старую тряпку.

— Ну и что? — сказал я.— Подумаешь!

— А? Арчи, подучился бы ты хоть немножко! То, что мы видели, творческой магией и не пахнет! Это платье,— он схватил его и встряхнул,— реально существовало где-то и когда-то. Она заполучила его частичку — нитку, а то и пуговицу и, применив законы гомеопатии и смежности, создала его подобие.

Я его отлично понял, потому что сам пускал в ход этот метод. Как-то раз я построил на собственной земле временную трибуну — пригодную для парадов или атлетических соревнований,— используя самые лучшие материалы (без железа!) и самых квалифицированных рабочих, причем исключительно старыми способами. Затем я распилил ее на кусочки. По закону смежности каждый кусочек был потенциально прежней трибуной. Я брал подряд поставить трибуны на Четвертое Июля или для зрителей циркового шествия и отправлял на место парочку чародеев, снабдив их кусочками по числу трибун, которые требовалось поставить. Они накладывали на каждый кусочек суточные чары, а когда отпадала надобность, трибуны исчезали сами без всяких хлопот.

Накладка вышла только один раз. Ученик чародея, которому было поручено наблюдать, как трибуны исчезают, и подбирать изначальные кусочки для дальнейшего употребления, поднял не ту деревяшку. И в следующий раз, когда мы ее использовали для съезда паломников, на углу Четырнадцатой улицы и Вайна вместо одной из трибун возникло четырехкомнатное новехонькое бунгало. Могли бы выйти неприятности, но я приколотил на него объявление: «Выставочный образец современного загородного дома» и поставил трибуны по обеим его сторонам.

Однажды загородная фирма попыталась перехватить у меня заказы, но одна их секция рухнула то ли из-за брака в прототипе, то ли из-за халатности чародея, и несколько человек получили травмы. С тех пор в этой области я практически сохраняю монополию.

Вот почему я не понял реакции Джо Джедсона на обновление.

— Ну какая разница? — не отступал я.— Это же платье или нет?

— Платье-то платье, но не новое. Этот стиль где-то зарегистрирован и, значит, уже не мой. И даже если она использовала мою модель, мне требуется совсем другое. Я могу изготовлять дешевле и лучше, не прибегая к этому способу, не то я бы его давно использовал!

Блондиночка пришла в себя, увидела платье и воскликнула:

— А, мистер Джедсон, значит, у меня получилось?

Он объяснил, что произошло. Лицо у нее вытянулось, и платье сразу испарилось, Джедсон потрепал ее по плечу.

— Не принимай к сердцу, детка,— сказал он,— Ты устала. Завтра попробуем еще раз. Я знаю, у тебя получится, только не надо нервничать и изводить себя.

Она поблагодарила его и ушла с медсестрой. Фельдштейн рассыпался в извинениях, но Джедсон сказал, что это пустяки и он ждет их завтра в то же время.

Когда мы остались одни, я рассказал ему о том, что произошло со мной и как я внушил посетителю, будто обладаю даром ясновидения. Джедсон засмеялся.

— Как бы тебе не пожалеть, что его у тебя нет, ясновидения, хочу я сказать,— заметил он уже серьезно.— Неприятная перспектива. А ты уведомил Бюро Береженого Бизнеса?

Я покачал головой.

— Ну хорошо, я сам туда позвоню, и в торговую палату тоже. Помочь они вряд ли смогут, но сообщить им нужно непременно, чтобы они были готовы к этому.

Я спросил, а не обратиться ли мне в полицию.

— Пока нет,— ответил он.— Ведь противозаконного ничего не произошло, да и в любом случае начальник полиции ограничился бы тем, что вызвал к себе всех чародеев с лицензиями и задал бы им жару. А что толку? Но зато законопослушные члены профессии затаили бы против тебя зуб. Десять шансов против одного, что колдуны, связанные с этой шайкой, не получили разрешения практиковать чародейство и действуют подпольно. А если они полиции не известны, то она помочь тебе не сможет.

— Так что же, по-твоему, мне делать?

— Пока ничего. Отправляйся домой и ложись спать. Утро вечера мудреней. Не исключено, что этот прохиндей действует в одиночку и пытается нажиться на чистом блефе. Хотя я так не думаю. Подонок держался как гангстер. Но нам требуются хоть какие-то факты. Мы ничего не можем предпринять, пока они не приоткроют свои карты.

Ждать нам пришлось недолго. Когда утром я пришел в магазин, меня ждал сюрприз, а вернее, сюрпризы, и все неприятные.

Впечатление было такое, словно помещение разгромили, подожгли и устроили хороший потоп. Я тут же позвонил Джедсону, и он сразу приехал, но вначале ничего не сказал, а обошел пожарище, что-то высматривая, и наконец остановился на том месте, где хранились скобяные товары, и зачерпнул горсть мокрой золы и грязи.

— Замечаешь что-нибудь? — спросил он, перебирая пальцами так, что грязь стекла, оставив на ладони металлическую мелочь — гвозди, шурупы и прочее.

— Ничего особенного. Тут стояли бочки с гвоздями и тому подобным, что не горит.

— Это понятно,— нетерпеливо перебил Джедсон.— Неужели ты не видишь? У тебя ведь было много всякой латунной и медной фурнитуры, так?

— Да.

— Ну так отыщи хоть одну скобу!

Я поковырял носком ботинка в золе там, где следовало валяться бронзовым дверным ручкам, но увидел только гвозди, скреплявшие бочки. Я сориентировался по сохранившимся приметам и ковырнул еще раз. Гайки, болты, крюки — и ничего из меди или бронзы.

Джедсон следил за мной с сардонической усмешкой.

— Ну? — спросил я, разозлившись.

— Неужели ты не понял? Чары, никуда не денешься. На складе не осталось других металлов, кроме *холодного железа*!

Да, действительно, я мог бы и сам сообразить.

Он продолжал осмотр, и вскоре мы наткнулись на любопытную штуку — на мокрый слизистый след, который петлял по останкам моей собственности и кончался у сточной трубы. Казалось, тут ползал гигантский слизняк, величиной с газонокосилку.

— Ундина! — объявил Джедсон и брезгливо поморщился от запаха.

Я как-то видел фильм «Дочь водяного», супербоевик, выпущенный «Мегапиксом». Если верить ему, ундины очень даже аппетитны и способны соблазнить самого Эрла Кэрролла, но если они оставляют такие следы, то меня им не прельстить!

Джедсон достал носовой платок и расстелил его, чтобы сесть на бывший мешок с цементом, очень дорогим, быстро твердеющим «Гидролитом». Восемьдесят центов прибыли с мешка, которые все теперь превратились в несокрушимые валуны.

Джедсон принялся анализировать случившееся, загибая пальцы.

— Арчи, тебе дали по зубам минимум три стихии из существующих четырех — земля, огонь и вода. Может быть, участвовал и

сильф, стихийный дух воздуха, но прямых доказательств у меня нет. Сначала явились гномы и забрали все, что было у тебя добытого из земли — кроме холодного железа. За ними последовала саламандра, сжигая все, что горит, опаляя и покрывая копотью остальное. И наконец, ундина превратила это место в болото, погубив все, чего не мог пожрать огонь,— например цемент и негашеную известь. Ты застрахован?

— Само собой! — Но тут я задумался. Да, я застраховался от пожара, кражи и затопления, но страховка дела — вещь дорогая, и простой мне никто не оплатит, да и завершить текущие работы я не мог, а значит, придется откуда-то изыскивать средства. Нарушить контракт, значило бы погубить доброе имя фирмы, не говоря уж о судебных исках о причинении убытков.

Положение оказалось куда хуже, чем представилось мне в первые минуты, и чем больше я думал, тем ужаснее оно выглядело. Естественно, брать новые заказы можно будет не раньше, чем все тут удастся расчистить, отстроить магазин заново и восстановить запас товаров. К счастью, почти все мои документы хранились в несгораемом сейфе. Но не все! Значит, я не получу денег по счетам, которых не смогу предъявить. А свободного капитала у меня почти не было — так что складывалось следующее впечатление: фирма «Арчибальд Фрэзер, торговец и подрядчик» должна будет объявить о своем банкротстве.

Я изложил все это Джедсону.

— Не спеши,— утешил он меня.— То, что разрушено чарами, чары же и восстанавливают. Нам просто нужен лучший волшебник в городе.

— А кто ему заплатит гонорар? — возразил я.— Эти ребята за гроши не работают, а у меня в кассе пусто.

— Легче, легче, сынок! — посоветовал он.— Твоему страховому обществу убытки грозят не меньше твоих. Если мы им объясним, как можно выкрутиться, то найдем с ними общий язык. Кто их представляет тут?

Я назвал юридическую контору, помещавшуюся в Деловом Центре.

Я позвал секретаршу и распорядился, чтобы она обзвонила тех наших клиентов, кому материалы должны были быть отосланы

сегодня. Я проинструктировал ее, где возможно добиться отсрочки, а в остальных случаях велел передать заказы фирме, с которой в прошлом я обменивался такими услугами. Остальных служащих я отослал домой — они с восьми часов болтались вокруг, ахали, охали и только путались под ногами,— предупредив, чтобы они не возвращались, пока я их не позову. К счастью, была суббота, и мы располагали почти двумя сутками, чтобы найти какой-то выход.

Мы остановили свободный ковер-самолет и полетели к Деловому Центру.

Я расположился поудобнее, решив выбросить все тревоги из головы и наслаждаться полетом. Я люблю такси — они дарят мне ощущение, что я купаюсь в роскоши,— но особенно полюбил их, когда они сбросили колеса. Нам попался новейший «кадиллак» каплеобразной формы с воздушными подушками. Мы неслись по проспекту, бесшумно как мысль, всего в шести дюймах над мостовой.

Пожалуй, следует объяснить, что наши городские власти запретили левитирование, если только оно не проводится в строгом соответствии с правилами уличного движения — я имею в виду наземного, а не воздушного. Вас это может удивить, но причиной послужила беда, приключившаяся с одним подрядчиком вроде меня. Ему надо было доставить одиннадцать с лишним тонн стеклянных кирпичей в перестраиваемый ресторан в другом от его склада конце города. Он обратился к чародею с обычной лицензией на перевозки. А тот, уж не знаю, по небрежности или просто по глупости обрушил все одиннадцать тонн на крышу Баптистской церкви, что на Проспектном бульваре. Уж, кажется, все знают, что над освященной землей чары утрачивают силу, и если бы он потрудился справиться с планом города, то увидел бы, что путь по прямой проходит точно над церковью. Ну как бы то ни было, а кирпичи пробили крышу, и погиб привратник — хорошо еще, что не все прихожане. Это вызвало такой скандал, что левитирование было ограничено мостовыми вблизи поверхности.

Вот из-за таких недотеп страдают остальные!

Наш юрист был у себя — мистер Уигин из фирмы «Уигин, Снид, Макклатчи и Уигин». Он уже слышал о моем «пожаре», но, едва Джедсон объяснил, почему, по его мнению, причиной

должна быть магия, мистер Уиггин ощетинился. Это не укладывается ни в какие рамки, объявил он.

Джедсон был образцом терпения.

— Вы в магиях разбираетесь, мистер Уиггин? — осведомился он.

— Я не специалист по чародейному праву, если вы это подразумеваете, сэр.

— Ну у меня лицензии нет, но интересуюсь я им много лет. И данный случай я считаю абсолютно ясным. Можете обратиться к любым независимым экспертам, они подтвердят мои выводы. Итак, предположим удобства ради, что ущерб недвижимости был причинен с помощью чародейства. Если так, то перед нами открывается возможность избежать значительных убытков. Вы ведь уполномочены улаживать имущественные претензии?

— Ну, пожалуй, я могу ответить утвердительно — разумеется, с учетом правовых ограничений и условий контракта.

Нет, честное слово, без ревизорской проверки он не признал бы, что у него пять пальцев на руке.

— Следовательно, ваша обязанность — свести убытки вашей компании до минимума. Если я найду волшебника, который сумеет восстановить все — или хотя бы значительную часть — в исходном виде, гарантируете ли вы от лица своей компании гонорар в разумных пределах? Ну, скажем, двадцать пять процентов от сэкономленных сумм?

Он снова принялся экать и мэкать. Сказал, что не видит, каким образом он может согласиться на что-либо подобное, а если пожар вызвали чары, то прибегнуть к чарам для восстановления исходного состояния практически равносильно сокрытию преступления, поскольку нам неизвестно, какие связи в Полумире у причастных к этому делу чародеев. Кроме того, моя претензия еще не признана. Ведь я же не известил компанию о моем посетителе накануне пожара, а это, скорее всего, лишает меня права на страховую премию. В любом случае, речь идет о серьезнейшем прецеденте, и он обязан проконсультироваться в министерстве внутренних дел.

Джедсон встал.

— Я вижу, что мы просто зря тратим время друг друга, мистер Уиггин. Ваше утверждение, будто ответственность ложится на

мистера Фрэзера, смехотворно, и вы это знаете. Условия контракта не требуют от него подобного извещения, но и в противном случае на извещение положены сутки, которые еще не истекли. Полагаю, нам самим следует проконсультироваться в министерстве.— Он потянулся за шляпой.

Уиггин поднял ладонь.

— Господа, господа, прошу вас! Не будем спешить. Согласится ли мистер Фрэзер уплатить половину гонорара?

— Нет. С какой стати? Это ваши убытки, не его. Ведь он застрахован у вас, а не вы у него.

Уиггин задумчиво постучал очками по зубам, а затем объявил:

— Надо поставить условие, что гонорар определяется результатами.

— А вам приходилось слышать, чтобы люди в здравом уме договаривались с волшебниками на какой-то другой основе?

Через двадцать минут мы ушли от него с документом, уполномочивавшим нас нанять любого колдуна или волшебника для восстановления моего магазина и складов при нем за гонорар, не превышающий двадцати пяти процентов восстановленных ценностей.

— А я думал, ты решил махнуть рукой на это дело! — Я даже вздохнул от облегчения.

— Да ни за что на свете, сынок! — Он ухмыльнулся.— Этот тип просто пытался заморочить тебе голову, чтобы ты заплатил тому, кто сбережет их деньги! Ну а я дал ему понять, что вижу его насквозь.

Нам пришлось пораскинуть мозгами, раздумывая, к кому обратиться. Джедсон сразу сказал, что ближе Нью-Йорка не знает специалиста, которому мог бы со спокойной душой доверить такую задачу, ну а Нью-Йорк при таком гонораре сразу отпадал. Мы завернули в бар, и я пропустил пивка, пока он звонил туда-сюда. Вскоре он присоединился ко мне и объявил:

— По-моему, нашел. Сам я с ним дела еще не имел, но у него отличная репутация, солидный стаж, и все, с кем я ни говорил, в один голос советовали обратиться именно к нему.

— А кто он?

— Доктор Фортескью Бидл. Приемная у него дальше по улице в Доме железнодорожной биржи. Пошли, это совсем рядом.

Я залпом допил пиво и встал.

Приемная доктора Бидла производила внушительное впечатление. Он занимал угловое помещение на четырнадцатом этаже и не пожалел денег на обстановку. Стиль был ультрасовременный: она дышала аскетической элегантностью кабинета модного врача. Стены опоясывал фриз из знаков зодиака (цветное стекло и алюминий). Этим украшения и ограничивались, мебель же была очень простой и строгой, но весьма дорогой — изобилие зеркального стекла и хрома.

Нам пришлось прождать в приемной полчаса, и я коротал время, прикидывая, сколько я выручил бы за такой набор, учитывая привлечение чародея и десятипроцентную скидку. Затем подлинная красавица с нежным голосом проводила нас во внутреннюю комнатку, где мы прождали в одиночестве еще десять минут. Выглядела комната так же, как приемная, если не считать застекленных книжных шкафов и старинной гравюры, изображавшей Аристотеля. Мы с Джедсоном от нечего делать исследовали содержимое книжных шкафов. Полки заполняли классические труды по магии, и Джедсон как раз указал мне на «Красное наставление магу», когда позади нас голос произнес:

— Забавные вещицы, не правда ли? Древние знали поразительно много. Никакого понятия о науке, но поразительная находчивость...— Голос замер, мы обернулись, и он представился: — Доктор Бидл.

Выглядел он очень недурно: высокий, худощавый, чрезвычайно благообразный. Лет на десять старше меня, то есть разменял пятый десяток, седые виски, жесткая щеточка усов, как у английского майора. Костюм его словно сошел с модной картинки «Эсквайра», манеры казались приятными — словом, у меня не было причин сразу проникнуться к нему неприязнью. Разве что брюзгливая надменность выражения...

Он пригласил нас в кабинет, усадил, предложил сигареты и только тогда перешел к делу.

— Вы, разумеется, Джедсон,— начал он.— Полагаю, вас прислал мистер Дитворт?

Я навострил уши. Знакомая фамилия! Однако Джедсон ответил простодушно.

— Да нет. А почему вы так решили?

Бидл замялся. И сказал, словно про себя:

— Странно! Я был уверен, что он упоминал вашу фамилию. Один из вас знаком с мистером Дитвортом? — спросил он.

Мы оба дружно кивнули, удивив друг друга, но Бидл словно успокоился и добавил:

— Видимо, причина в этом. Однако... Мне нужно разобраться. Вы меня извините? Я справлюсь у него.

И он исчез. Я впервые увидел, как это делается. Джедсон говорит, что существуют два способа: отвод глаз, либо реальный проскок через Полумир. Но, на мой взгляд, все равно хамство.

— Насчет этого Дитворта,— обернулся я к Джедсону.— У меня как раз...

— Погоди,— перебил он.— Сейчас не время.

И тут возник Билл.

— Все в порядке,— объявил он, обращаясь прямо ко мне.— Я могу заняться вашим делом. Полагаю, вы пришли по поводу того, что вчера произошло с вашим магазином?

— Да,— подтвердил я.— А откуда вы знаете?

— Есть способы,— он снисходительно улыбнулся.— Моя профессия открывает некоторые возможности. Но о вашей проблеме — чего вы хотите?

Я взглянул на Джедсона, и он объяснил, что, по его мнению, там произошло и почему он сделал такие выводы.

— Не знаю,— заключил он,— насколько вы специалист по демонологии, но мне кажется, можно вызвать силы, причинившие ущерб, и принудить их вернуть все в прежнее состояние. Если вы согласны, мы готовы предложить вам приличный гонорар.

Бидл чуть улыбнулся и самодовольно покосился на коллекцию дипломов, украшавших стены кабинета.

— Думаю, причины отказать вам не будет,— промурлыкал он.— Разрешите, я произведу осмотр места происшествия...— И он вновь исчез.

Во мне закипало раздражение. Пусть ты хороший специалист, но это еще не повод пускать пыль в глаза. Однако меня еще не пробрало как следует, а он уже вернулся.

— Осмотр как будто подтвердил мнение мистера Джедсона, и особых трудностей не предвидится,— сообщил он.— А теперь о... э... материальной стороне дела...— Он деликатно кашлянул и смущенно улыбнулся, словно огорчаясь, что приходится касаться такой пошлости.

И почему некоторые люди ведут себя так, словно возможность заработать деньги царапает их нежные души? Я, лично, приветствую законную прибыль и не стыжусь ее. Раз люди платят деньги за мои товары и услуги, значит, мой труд приносит пользу.

Впрочем, договорились мы легко и быстро, после чего Бидл предложил встретиться у моего магазина через пятнадцать минут. Мы с Джедсоном вышли на улицу и махнули другому такси. Едва мы забрались внутрь, я спросил у него про Дитворта.

— Где ты с ним встречался?

— Приходил ко мне с деловым предложением.

— Хм-м-м... (Интересно! Дитворт и мне предложил кое-что, от чего мне стало не по себе.) Так какое предложение?

Джедсон наморщил лоб.

— Трудно сформулировать. Слишком много было цветистых аргументов. Короче, он представился секретарем местной некоммерческой ассоциации, цель которой — повысить требования к квалификации практикующих чародеев.

Я кивнул. То же самое Дитворт втолковывал мне.

— Ну а дальше что?

— Он распространялся о неадекватности законов, регулирующих выдачу лицензий, и повторял, что сейчас кто угодно может сдать экзамен и повесить табличку со своим знаком после двухнедельного знакомства с каким-нибудь «Наставлением» или черной книгой, притом понятия не имея о фундаментальных законах чародейства и волхвования. Его организация будет своего рода бюро стандартов и возьмет на себя ту же роль в этой сфере, какую играют в своих Американская медицинская ассоциация, или Национальная конференция университетов и колледжей, или

Ассоциация адвокатов. Если я подпишу соглашение обращаться только к тем колдунам, которые отвечают их требованиям, то смогу получить свидетельство о качестве моих товаров и поставить на каждый предмет их печать.

— Джо, я выслушал ту же историю,— перебил я,— и не могу в ней разобраться. Вроде бы все правильно, но мне не хочется рвать с хорошо мне знакомыми чародеями, а откуда я знаю, одобрит ли их эта его ассоциация.

— И что ты ему ответил?

— Потянул время, сказал, что не могу подписать такого рода обязательство, не обсудив этого с моим адвокатом.

— Молодец! А он что?

— Ну, он как будто все понял правильно и искренне желал всего лишь помочь мне. Сказал, что я поступаю мудро, и оставил мне для ознакомления кое-какие проспекты. Ты что-нибудь о нем знаешь? Он сам чародей?

— Нет. Но кое-что я о нем выяснил. Я вроде бы знал, что он как-то связан с торговой палатой, но выяснилось, что он — член правления десятка, а то и больше, весьма солидных корпораций. По образованию юрист, но не практикует. По-видимому, посвящает все свое время деловым интересам.

— Он выглядит ответственным человеком.

— Еще бы! И известен куда меньше, чем можно ожидать, когда речь идет о бизнесмене такого масштаба. Он словно предпочитает оставаться в тени. Я наткнулся на одно подтверждение этого.

— Какое? — спросил я.

— Просмотрел регистрационные документы его ассоциации в канцелярии государственного секретаря. Всего три фамилии — его собственная и еще две. Как я выяснил — его секретаря и регистраторши.

— Подставные лица?

— Несомненно. Но это дело обычное. Меня заинтересовало другое: одну из фамилий я узнал.

— А?

— Ты знаешь, я состою в ревизионной комиссии моей партии в нашем штате, ну и поискал фамилию секретаря там, где, как мне казалось, я ее встречал. И не ошибся. Его секретарь, тип по

фамилии Мэтьяс, значится в списке за дьявольски большой взнос в личный избирательный фонд губернатора.

На этом наш разговор оборвался, так как такси остановилось перед останками моего магазина. Доктор Бидл опередил нас и уже приступил к приготовлениям, воздвигнув для своих манипуляций хрустальный павильончик десять на десять футов площадью. От прохожих он был отгорожен неосязаемым экраном. Джедсон предупредил меня, чтобы я не думал к нему прикасаться.

Должен отдать Бидлу должное; он работал без обычных броских эффектов. Просто поздоровался с нами, вошел в павильончик, достал из кармана блокнот и начал читать. Джедсон утверждает, что Бидл использовал кое-какие приспособления, но я их не видел, и работал он полностью одетый.

Несколько минут все оставалось как было. Постепенно стены затуманились, и все внутри стало неясным. Тогда же я обнаружил, что Билл в павильончике не один. Кто или что это было я не разглядел, да и правду сказать, не очень старался.

Из павильончика не доносилось ни звука, но там несомненно вспыхнул спор. Бидл вскочил и принялся рубить руками воздух, а тот некто откинул голову и захохотал. Бидл тревожно оглянулся на нас и поднял правую ладонь. Тут же стены павильончика утратили прозрачность, и мы больше ничего не видели.

Минут пять спустя Бидл вышел из своего рабочего помещения, которое тут же исчезло. На него стоило посмотреть; волосы всклокочены, по лицу пот льет градом, воротничок измялся и промок. И хуже того: апломба в нем заметно поубыло.

— Ну? — спросил Джедсон.

— Ничего сделать невозможно, мистер Джедсон. Абсолютно ничего.

— То есть вы ничего сделать не можете?

Бидл сразу подобрался.

— Никто на свете не может, господа! Откажитесь от своего намерения, забудьте о нем. Вот мой совет.

Джедсон промолчал, меряя его задумчивым взглядом. Я и вовсе прикусил язык. Бидл начал обретать самоуверенность. Надел шляпу, поправил галстук и объявил:

— Мне нужно вернуться к себе. Мой гонорар за предварительную разведку равен пятистам долларам.

От такой наглости я и вовсе онемел, но Джедсон сделал вид, будто не понял его.

— Да, конечно,— вздохнул он.— Так жаль, что вы его не заработали. Очень, очень жаль.

Бидл побагровел, но сохранил светскую невозмутимость.

— Видимо, сэр, я выразился недостаточно ясно. Согласно договору, который я заключил с мистером Дитвортом, чародеи, одобренные ассоциацией, бесплатно не консультируют. Это понижает престиж профессии. Гонорар, который я упомянул, является наименьшим для чародея моей классификации, независимо от оказанных услуг.

— А-а! — вздохнул Джедсон.— Вы столько взыскиваете за вход в вашу приемную. Но вы нас не предупредили, так что никаких обязательств мы не несем. А что до договора, который вы подписали с мистером Дитвортом, нас он ни с какой стороны не касается. Рекомендую вам вернуться к себе и перечитать наш с вами контракт. Мы ничего вам не должны.

Тут, подумал я, Бидл и взбесится, однако он ответил только:

— Я не намерен препираться с вами. Вы обо мне еще услышите! — И он исчез, даже не попрощавшись.

Позади меня кто-то хихикнул, и я обернулся, готовый сделать из весельчака фарш. День выдался тяжелый, а я не терплю, чтобы у меня за спиной надо мной потешались. Я увидел молодого человека, примерно моего ровесника.

— Кто вы и над чем смеетесь? — рявкнул я,— Это частная собственность!

— Извиняюсь, приятель,— сказал он с обезоруживающей улыбкой.— Я смеялся не над вами, а над этим нулем без палочки. Ваш друг отлично его отбрил.

— Что вы тут делаете? — спросил Джедсон.

— Я? Вы, конечно, имеете право требовать от меня объяснения. Понимаете, я сам занимаюсь этим делом...

— Подрядами?

— Да нет, чародейством. Вот моя карточка.

Он вручил ее Джедсону, тот скользнул по ней взглядом и передал мне. Она гласила:

ДЖЕК БОДИ

Лицензированный чародей I класса

Телефон Знак 3840

— Понимаете, я поймал в Полумире слушок, что одна знаменитость устроит здесь сегодня шухер на всю катушку. Ну я и заглянул поразвлечься. Но как это вы связались с таким шарлатаном, как Бидл? Ему подобная работа не по зубам.

Джедсон протянул руку и забрал у меня карточку.

— Где вы учились, мистер Боди?

— А? Степень бакалавра я получил в Гарварде, а аспирантуру кончил в Чикаго. Но не в том дело. Мой старикан обучил меня всему, что я знаю, а в университет послал потому, что, по его словам, в наши дни чародей без диплома приличной работы не получит. И он прав.

— По-вашему, вы способны справиться с этой задачей? — спросил я.

— Думаю, нет. Но валять дурака, как Бидл, я не стану. Вот что: хотите найти, кто с вашей задачей справится?

— Естественно,— буркнул я.— А то что бы мы тут делали?

— Ну так вы начали не с того конца. Бидл набил себе цену, потому что учился в Гейдельберге и в Вене. А это ровнехонько ничего не значит. Бьюсь об заклад, вам и в голову не приходило поискать старомодную колдунью без всяких дипломов?

Ему ответил Джедсон.

— Вы не совсем правы. Я навел справки у моих друзей в этой сфере деятельности, но никто за это дело не взялся. Однако я всегда готов узнать что-то новенькое. Так кого вы порекомендовали бы?

— Вы знакомы с миссис Амандой Тодд Дженнингс? Она живет в старом городе за конгрегационистским кладбищем.

— Дженнингс... Дженнингс. Хм-м-м... пожалуй, нет. А впрочем, погодите. Вы о старушке, которую все называют «бабушка Дженнингс»? Носит широкополые шляпы и сама ходит за покупками?

— Вот-вот!

— Но она же не колдунья, а гадалка!

— Напрасно вы так думаете! Конечно, она коммерческим колдовством не занимается, поскольку на девяносто лет старше Санта-Клауса и порядком одряхлела. Но у нее в одном мизинце больше всяких чар, чем во всей Соломоновой книге.

Джедсон посмотрел на меня, я кивнул, и он сказал:

— По-вашему, вы сможете уговорить ее взяться за это дело?

— Ну если вы ей понравитесь, она вряд ли вам откажет.

— А ваши условия? — спросил я.— Десять процентов вас устроят?

Он словно бы даже обиделся.

— Черт,— сказал он.— Комиссионные я не возьму. Она всю мою жизнь меня привечала.

— За хороший совет полагается платить,— не отступал я.

— Бросьте! Может, вы ребята, как-нибудь подбросите мне работенку. Будем квиты.

Ну мы и отправились — но без Боди. Ему было некогда, но он обещал предупредить миссис Дженнингс, что мы заедем к ней.

Найти ее дом оказалось просто. Он находился на старой улице, над которой смыкались ветви вязов, и стоял в глубине двора — одноэтажный коттедж с верандой, обильно украшенный резными завитушками. Двор был запущен, но над крыльцом вьющаяся роза образовала прелестную арку.

Джедсон крутанул ручку старинного звонка. Несколько минут мы стояли в ожидании, и я рассматривал треугольники из цветных стекол, вделанные в боковые панели двери, и прикидывал, сохранился ли на свете хоть один умелец, способный изготовить вот такую дверь.

Потом она нас впустила. Выглядела она, ну просто невероятно. Такая маленькая, что я смотрел сверху вниз на ее макушку, на чистенькую розоватую кожу, которая просвечивала сквозь жидкие аккуратно причесанные волосы. И весила она меньше семидесяти фунтов, даже одевшись, чтобы выйти на улицу. Но стояла она, гордо выпрямившись в своем бледно-зеленом платье из альпаки с белым воротничком, и оглядывала нас живыми черными глазами, которые равно подошли бы и Екатерине Великой, и пророчице, накликающей беду.

— Доброго вам утра,— сказала она.— Входите.

Она провела нас через тесную прихожую, раздвинула занавеску из бус, прикрикнула «брысь, Серафим!» на кота, облюбовавшего кресло, и усадила нас в своей гостиной. Кот спрыгнул на пол, отошел с величавым достоинством, а потом сел, обвил хвостом лапы и уставился на нас таким же невозмутимо-оценивающим взглядом, что и его хозяйка.

— Мой Джек предупредил меня о вас,— начала она.— Вы мистер Фрэзер, а вы мистер Джедсон.— Это был не вопрос, а утверждение, и распределила она нас безошибочно.— Полагаю, вам хочется узнать свое будущее. Какой способ вы предпочитаете — ладони, звезды, кофейную гущу?

Я хотел было объяснить ей, что вышло недоразумение, но Джедсон меня опередил.

— Думается, способ лучше выбрать вам, миссис Дженнингс.

— Ну хорошо. Тогда на чаинках. Сейчас поставлю чайник, это и минуты не займет.

Она засеменила на кухню. Мы слышали, как она ступает там по линолеуму, как деловито и уютно позвякивает и побрякивает посудой.

Когда она вернулась, я сказал:

— Надеюсь, мы не причиняем вам лишних хлопот, миссис Дженнингс.

— Ну что вы, что вы! — успокоила она меня.— Я люблю с утра попить чайку, так подкрепляет! Но мне надо было снять с огня приворотное зелье, вот я и задержалась.

— Извините...

— Ему не повредит немножко отстояться.

— Формула Зекербони? — поинтересовался Джедсон.

— Да ни в коем случае! — Такое предположение ее даже расстроило.— Убивать кроткие милые существа? Зайчиков, ласточек, горлиц? Подумать и то страшно! Не понимаю, о чем думал Пьер Мора, когда составлял этот рецепт. Так бы и надавала ему оплеух! Нет, я пользуюсь совсем другим — колокольчик съедобный, померанец и амбра. А действует не хуже.

Тут Джедсон осведомился, не применяет ли она сок вербены. Она вгляделась в его лицо, а потом сказала:

— Сынок, у тебя у самого есть дар прозрения, верно?

— Очень слабый, матушка. Очень!

— Ничего, он наберет силу. Только не злоупотребляй им. Ну а вербена оказывает нужное действие, как ты знаешь.

— Так не проще ли?..

— Проще-то проще, но если такой нехитрый способ получит известность, то все, кому не лень, начнут им пользоваться направо и налево, а это куда как плохо. И колдуны с колдуньями поумирают с голоду в ожидании клиентов, что, пожалуй, не так уж плохо! — Она вздернула седую бровь.— Ну а если ты за простотой гонишься, так и вербену тревожить незачем. Вот, например...— она протянула палец и коснулась моей руки, бормоча «bestarberto corrumpit viscera ejus virilis»[1]. Или что-то в этом роде. За точность я не поручусь.

Да и не было у меня времени думать о заклятии, которое она произнесла. Меня совершенно поглотило внезапно нахлынувшее чувство. Я вдруг влюбился — восторженно, упоенно влюбился... в бабушку Дженнингс! Нет, она вовсе не показалась мне красавицей, ничего подобного! Я по-прежнему видел перед собой маленькую высохшую старушку с лицом мудрой мартышки, годящуюся мне в прабабушки. Только это не имело ни малейшего значения. Она была — она. Прекрасная Елена, предмет вожделения всех мужчин, их романтического преклонения.

Она улыбнулась мне ласковой понимающей улыбкой, и я преисполнился счастья. Но тут она сказала добрым тоном:

— Не стану делать тебя посмешищем, сынок! — Опять коснулась моей руки и что-то прошептала.

И тут же наваждение рассеялось. Я снова видел перед собой милую старушку, которая и пирожки внуку напечет, и с больной соседкой посидит. Ничего не изменилось, и даже кот не моргнул. От пылкого чувства осталось только воспоминание — отвлеченное и спокойное. Но у меня будто отняли что-то очень важное.

Тем временем закипел чайник. Она засеменила на кухню и вскоре вернулась с подносом, уставленным чашками, между которыми

[1] Набор бессмысленных и латинских слов. Последние можно примерно перевести: «Совратить плоть эту мужскую». *(Примеч. пер.)*

красовался тминный кекс, окруженный ломтиками хлеба домашней выпечки, намазанными душистым маслом.

Когда мы все чинно выпили по чашечке, миссис Дженнингс взяла чашку Джедсона и всмотрелась в чаинки на донышке.

— Денег не очень-то много,— объявила она,— но тебе много и не потребуется, а жизнь смотрится полная и дающая радость. Она помешала ложечкой остатки чая.— Да, у тебя есть дар и понимание, которое должно ему сопутствовать, но, вижу, ты предпочел делать дело, вместо того чтобы постигать великое искусство или хотя бы малое. Почему?

Джедсон пожал плечами и ответил, словно извиняясь:

— Кругом полно работы, которую нужно делать сейчас. Вот ею я и занимаюсь.

— И правильно! — Она кивнула.— Из каждой работы можно почерпнуть понимание, и ты его почерпнешь. Торопиться некуда — времени много. Когда настанет черед твоего собственного дела, ты его узнаешь и будешь готов к нему. Ну-ка, дай мне свою чашку! — сказала она, оборачиваясь ко мне.

Я отдал ей чашку. Несколько секунд она смотрела на чаинки, а затем сказала:

— Ну, у тебя нет ясных глаз твоего друга, но ты обладаешь прозрением в том, что касается твоей работы. А все сверх того, только пробудило бы в тебе томление духа, потому что я вижу тут деньги. Ты наживешь много денег, Арчи Фрэзер.

— А деловой неудачи сейчас вы не видите? — торопливо спросил я.

— Нет. Да ты сам взгляни! — Она указала на чашку, я наклонился и заглянул внутрь. Несколько секунд за чаинками словно по киноэкрану скользили изображения. Я сразу узнал свой магазин — даже выщербины на столбах ворот, ведущих во двор,— водители грузовиков склонны заворачивать в них слишком круто.

Но к магазину было пристроено новое крыло, а во дворе стояли две чудесные новехонькие пятитонки с моей фамилией на бортах!

И тут я увидел, что выхожу из дверей и иду по улице в модной шляпе. Костюм на мне, правда, был тот самый, в котором я пришел к миссис Дженнингс, и галстук тот же — клетчатый, цветов клана моих предков. Я поднял руку и погладил его.

— Ну, пока достаточно,— сказала миссис Дженнингс, и я увидел под чаинками дно чашки.— Ты видел,— продолжала она,— и можешь не тревожиться за свой магазин. Ну а любовь, женитьба и дети, болезни, здоровье и смерть... сейчас поглядим.

Кончиком пальца она коснулась остатков чая, и чаинки заколыхались. Несколько секунд она вглядывалась в них. Брови у нее сдвинулись, она было хотела что-то произнести, но опять уставилась в чашку.

— Не все ясно,— сказала она наконец.— Не понимаю. Моя собственная тень накладывается на образы.

— Дайте, я попробую,— предложил Джедсон.

— Не суйся, куда не просят! — ответила она с удивившей меня резкостью и прикрыла чашку ладонью, а потом посмотрела на меня с состраданием.— Будущее твое неясно, так как у тебя два возможных будущих. Постарайся, чтобы ум управлял твоим сердцем, и не терзай его из-за несбыточного. Тогда ты женишься, обзаведешься детьми и будешь доволен своим жребием.— Она исчерпала эту тему, так как тут же обратилась к нам обоим: — Но вы пришли не гадать, вы пришли искать помощи иного рода.— И вновь это было утверждение, а не вопрос.

— Какого же, матушка? — спросил Джедсон.

— Вот такого! — ответила она и сунула чашку ему под нос.

Он поглядел в чашку и пробормотал:

— Да, верно. А помочь можно?

Я тоже заглянул за край, но увидел только чаинки.

— Думаю, да,— ответила она.— Не стоило вам связываться с Биллом, ну да кто не ошибается!

Без дальнейших разговоров старушка принесла перчатки, сумочку и пальто, водрузила на голову нелепую старую шляпу и выпроводила нас из дома. Об условиях мы не договаривались, это казалось лишним.

Когда мы вернулись ко мне, ее рабочее помещение уже высилось во дворе. В отличие от Бидла — никакого шика, а просто старая палатка, смахивающая на цыганский шатер, островерхая и пестрая. Миссис Дженнингс откинула шаль, заменяющую дверное полотнище, и пригласила нас войти.

Там было темно, но она достала большую свечу, зажгла ее и прилепила посреди палатки. При ее свете она начертила на земле пять кругов — сначала большой, а перед ним второй поменьше. Затем два по сторонам первого и самого большого. В них легко мог поместиться человек, и она велела нам встать там. Последним она начертила круг в стороне и не больше фута в поперечнике.

Я никогда не обращал особого внимания на процедуры чародеев — к ним я отношусь так же, как Томас Эдисон, по его словам, относился к математикам: когда ему требовался математик, он его нанимал. Но миссис Дженнингс была совсем другой. Как мне хотелось понять, что именно она делает и для чего!

Я видел, что на земле, расчерченной кругами, она нарисовала много всяких кабалистических знаков. Различные фигуры, а также письмена, которые я счел древнееврейскими, но Джедсон говорит, что я ошибся. Особенно мне запомнился длинный вытянутый зигзаг с петлей внутри, вплетенный в мальтийский крест. По обеим сторонам креста она прилепила еще две свечи и зажгла их.

Потом вогнала кинжал (Джедсон сказал, что это артам), которым выцарапывала фигуры, прямо в верхнюю точку большого круга, и с такой силой, что он еще долго дрожал. И вообще продолжал вибрировать до самого конца.

В центре большого круга она поставила складной стульчик, села, вытащила какую-то книжечку и начала читать еле слышным шепотом. Слов я не разбирал, и, видимо, мне слышать их было не положено. Так продолжалось некоторое время. Я покосился по сторонам и обнаружил, что один из маленьких кругов тоже занят — в нем устроился Серафим, ее кот. А мы ведь заперли его у нее в доме. Он хранил величавое спокойствие и следил за происходящим с несуетным интересом.

Вскоре она закрыла книжицу и кинула щепотку порошка в пламя самой большой свечи. Порошок ярко вспыхнул и выбросил облако дыма. Точно не знаю, что произошло потом, так как от дыма у меня защипало глаза и я отчаянно заморгал, да и вообще Джедсон утверждает, что я понятия не имею, для чего нужно окуривание. Но я предпочитаю полагаться на свое зрение. Либо клуб дыма сгустился в плотное тело, либо замаскировал его появление через вход.

Во всяком случае в кругу прямо против миссис Дженнингс стоял могучий мужчина очень маленького роста — не более четырех футов, если не менее. Плечи у него были шире моих на несколько дюймов, а руки выше локтя поспорили бы с моими ногами выше колен и бугрились узловатыми мышцами. Одет он был в набедренную повязку, ременные сандалии и шапочку вроде капюшона. Его кожа была вовсе лишена волос и выглядела грубой и землистой. Все в нем было до невыносимости однообразным, кроме глаз, горевших зеленым огнем ярости.

— Ну-ну! — строго произнесла миссис Дженнингс,— долго же ты сюда добирался! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Он ответил сердито, как мальчишка, которого поймали на шалости, а он и не собирается просить прощения. Говорил он на языке, полном скрежещущих и шипящих звуков. Она слушала с минуту, а потом перебила его:

— Мне все равно, кто тебе велел! Ты отвечаешь передо мной! И я требую, чтобы все было исправлено. И в один момент!

Он огрызнулся, и она перешла на его язык, так что я перестал понимать. Но было ясно, что речь идет обо мне,— он злобно на меня косился, а под конец не сдержался и плюнул в мою сторону.

Миссис Дженнингс протянула руку и хлопнула его ладонью по губам. Он взглянул на нее, словно был готов тут же покончить с ней, и что-то буркнул.

— Ну и что? — сказала она, ухватила его за шею и перекинула через свое колено физиономией вниз. Потом сдернула с ноги туфлю и хорошенько его отшлепала. Он стал вопить, но вскоре умолк и только дергался при каждом ударе.

Закончив, она встала, так что он свалился на землю, но тут же вскочил и юркнул назад в свой круг, потирая ушибленные места. Глаза миссис Дженнингс метали молнии, голос стал грозным — она уже совсем не казалась дряхлой и слабой.

— Вы, гномы, начали много себе позволять,— отчитывала она его.— В жизни такого не слышала! Прекрати немедленно, не то я приглашу твой народец посмотреть, какую трепку я тебе задам. Зови своих на подмогу, пригласи своего братца и братца твоего братца. Во имя великого Тетраграмматона отправляйся на положенное тебе место.

Он исчез. И почти тут же появился следующий посетитель. Сначала — как висящая в воздухе искорка, которая затем разгорелась в живое пламя, в огненный шар шести дюймов в поперечнике, а может, и больше. Шар парил над центром второго круга на высоте глаз миссис Дженнингс. Плясал, кружил, вспыхивал, ничем не питаемый. Хотя я их раньше никогда не видел, мне сразу стало ясно, что это саламандра. Чем еще мог быть живой огонек?

Миссис Дженнингс минуту-другую следила за саламандрой молча, видимо получая от ее танца такое же удовольствие, как и я. Истинное воплощение красоты без малейшего изъяна. Пылкость, звенящая радость, которая не задавалась вопросами о добре и зле, а существовала вне их, вне всего человеческого. Гармония цвета и формы сама по себе была смыслом ее существования.

По-моему, я натура практичная. Во всяком случае, мой принцип — делай свое дело хорошо, а остальное приложится. Но тут я созерцал то, что имело право быть, какой бы вред оно ни причиняло по моим меркам. Даже кот — и тот мурлыкал.

Миссис Дженнингс заговорила с саламандрой звонким сопрано, не нуждавшемся в словах. Та отвечала чистыми переливчатыми нотами, а ее цвета менялись в лад кадансу. Миссис Дженнингс обернулась ко мне.

— Она не отрицает, что спалила твой магазин, но ее об этом попросили, а понять вашу точку зрения ей не дано. Мне не хочется принуждать ее поступать против собственной природы. Нет ли у тебя чем ее порадовать?

Я задумался.

— Скажите ей, что ее танец дарит мне радость.

Миссис Дженнингс вновь запела без слов, а саламандра вертелась, прыгала, и ее огненные переливы слагались в сложные чудесные узоры.

— Это хорошо, но мало. Попробуй придумать еще что-то.

Я напряг мысли.

— Скажите, если она захочет, я построю у себя дома камин, где она всегда будет желанной гостьей.

Миссис Дженнингс одобрительно кивнула и опять заговорила с саламандрой. Я и сам понял ее ответ, но миссис Дженнингс все равно перевела:

— Ты ей нравишься. Ты разрешишь ей приблизиться к тебе?

— А это для меня не опасно?

— Здесь — нет.

— Ну хорошо.

Миссис Дженнингс начертила между нашими кругами большую букву «Т», а саламандра двигалась за артамом почти вплотную, как кошка за открывающейся дверью. Она закружилась вокруг меня, чуть-чуть прикасаясь к моим рукам и лицу. Я не чувствовал жжения, только легкое щекотание, словно я воспринимал ее вибрирование напрямую, а не как жар огня. Она обволокла мое лицо, и я погрузился в царство света, словно проникнув в сердце северного сияния. Я опасливо задержал дыхание, но вскоре был вынужден вздохнуть. Со мной ничего плохого не случилось, только стало еще щекотней.

Странно, однако, с тех пор, как ко мне прикоснулась саламандра, я забыл, что такое насморк. А ведь прежде всю зиму хлюпал носом.

— Ну, будет, будет! — услышал я голос миссис Дженнингс, и облачко пламени, оставив меня, послушно возвратилось в свой круг. Музыкальные переговоры возобновились, но, видимо, они почти сразу же пришли к согласию, так как миссис Дженнингс удовлетворенно кивнула.

— Так лети же, дщерь огня, однако вернись, когда в тебе будет нужда. Во имя...— И она повторила ту же формулу, какой спровадила повелителя гномов.

Ундина заставила себя ждать. Миссис Дженнингс вновь взяла свою книжицу и стала читать монотонным шепотом. Я начал подремывать — в палатке было душно,— как вдруг кот зашипел. Распушив хвост, выгнув спину и выпустив когти, он свирепо уставился на центральный круг.

Там появилось бесформенное нечто. Оно капало и растекалось слизью до самых границ круга. Оттуда несло рыбой, гниющими водорослями и йодом, и оно влажно фосфоресцировало.

— Ты опоздала,— сказала миссис Дженнингс.— Ты получила мою весть, так почему же ты медлила, пока я тебя не принудила?

Оно чмокнуло, как липкая грязь, но ничего не ответило.

— Очень хорошо,— твердо произнесла миссис Дженнингс.— Спорить с тобой я не собираюсь. Тебе известно мое желание. И ты

его исполнишь! — Она встала и схватила большую свечу. Ее фитилек вдруг выбросил жгучий язык пламени, и миссис Дженнингс направила его за границу своего круга на ундину.

Раздалось шипение, словно брызнули водой на раскаленное железо, и булькающий вопль. Но миссис Дженнингс хлестала и хлестала пламенем, а потом перестала и поглядела вниз на дрожащую, втягивающуюся внутрь себя ундину.

— Довольно! — сказала она.— В следующий раз ты будешь выполнять приказания своей госпожи без промедления! Во имя...

Ундина словно впиталась в землю, оставив ее сухой.

Когда она исчезла, миссис Дженнингс жестом пригласила нас с Джедсоном войти в ее круг и кинжалом рассекла наши круги, выпуская нас. Серафим легко прыгнул из своего кружка и принялся тереться о ее ноги, громко мурлыча. Она же повторила набор бессмысленных слов и звонко хлопнула в ладоши.

Ударил ветер, раздался рев. Стенки палатки прогибались и хлопали. Я услышал журчание воды и треск огня, а сквозь них — бегущие шаги. Миссис Дженнингс смотрела то сюда, то туда, и там, где ее взгляд падал на стенку палатки, брезент становился прозрачным, и я успевал мельком увидеть какую-то бешеную свистопляску.

Затем все оборвалось с ошеломляющей внезапностью. От тишины у нас зазвенело в ушах. Палатка исчезла. Мы стояли во дворе перед моим главным складом.

Да, он был передо мной! Целый и невредимый, без малейших повреждений от огня или от воды. Я кинулся бегом в ворота, чтобы посмотреть с улицы на магазин. И увидел его таким же, каким он был. Витрины блестели в солнечных лучах, один угол украшала эмблема Ротари-клуба, а на крыше красовалась моя двусторонняя вывеска:

АРЧИБАЛЬД ФРЭЗЕР

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПОДРЯДЫ

Вскоре из ворот вышел Джедсон и потрогал меня за плечо.

— Почему ты льешь слезы, Арчи?

У меня глаза на лоб полезли: я ведь даже не заметил.

В понедельник утром дела шли заведенным порядком, и я решил, что все уладилось и мои несчастья остались позади. Но я поторопился с выводами.

Сначала нельзя было заметить ничего сколько-нибудь определенного — просто обычные неполадки, мелкие неприятности, которые случаются у кого угодно и мешают двигаться по накатанной колее. Но их ждешь и приписываешь случайности. Но ни одна не стоила внимания, если бы... если бы они не накладывались друг на друга почти непрерывно.

В любом предприятии, если оно солидно, общая сумма убытков из-за непредвиденных случайностей за год должна составлять какой-то определенный процент всех расходов. И в смете его учитываешь заранее. Но в моем предприятии количество происшествий и мелких трудностей возросло настолько, что это заметно съедало прибыль.

Как-то утром два моих фургона вдруг перестали заводиться. Причину отыскать не удалось, и я вынужден был отправить их в мастерскую и взять напрокат фургон, так как остался всего с одним. Мы все доставили вовремя, но мне пришлось уплатить за грузовик, по счетам мастерской и сверхурочные шоферам, так что день оказался просто убыточным.

А на следующее утро я готовился заключить контракт с клиентом, которого уговаривал два года. Контракт был на мелкие работы, но в будущем он мог привести к крупным заказам, поскольку клиент этот владел большим количеством доходной недвижимости — парочкой жилых домов, полдесятком разных магазинов, а также множеством пригодных для застройки участков по всему городу. Ему постоянно требовались ремонтные работы, а нередко он что-нибудь строил. Если бы он остался доволен мной, то я мог бы рассчитывать на постоянные заказы и быструю их оплату — с такими клиентами стоит иметь дело и при невысокой прибыли.

Мы стояли в торговом зале у дверей моего кабинета и беседовали, оговорив уже почти все. Шагах в трех от нас высилась аккуратная пирамида банок с солнцестойкой краской. Клянусь, ни он, ни я к ней не прикасались, однако пирамида внезапно рухнула с грохотом, от которого можно было оглохнуть.

Но хуже того, с одной из банок слетела крышка, и моего потенциального клиента обдало красной краской. Он так охнул, что я испугался, как бы он не упал в обморок, и увел его в кабинет, где тщетно пытался почистить его костюм носовым платком, стараясь его успокоить.

Он был в жутком состоянии и физически, и душевно.

— Фрэзер! — крикнул он в бешенстве.— Вы должны уволить продавца, который опрокинул банки! Вы только посмотрите на меня! Я за этот костюм заплатил восемьдесят пять долларов, а что от него осталось?

— Не будем торопиться,— сказал я мягко, стараясь держать себя в руках. Я никого увольнять не стану по капризу клиента, не люблю, когда мне предъявляют такие ультиматумы.— Никто к ним не подходил.

— Так, по-вашему, я их опрокинул?

— Вовсе нет. Ничего подобного,— я выпрямился, вытер руки, подошел к письменному столу и достал чековую книжку.

— Значит, вы!

— Не думаю,— ответил я терпеливо.— Сколько, вы сказали, стоил ваш костюм?

— А что?

— Хочу выписать вам чек на эту сумму.

Я считал, что так будет справедливо. Конечно, виноватым я себя не считал, но это произошло с ним в моем магазине и не по его вине.

— Так легко вы не отделаетесь! — ответил он нелогично.— Меня не деньги интересуют...— Он нахлобучил шляпу на голову и злобно продефилировал к двери. Его репутация была мне хорошо известна, и я знал, что больше его не увижу.

Вот о какого рода неприятностях я говорил. Конечно, банки могли установить небрежно, и все произошло случайно. Но тут мог быть замешан и полтергейст. Несчастные случайности сами себя не подстраивают.

Два дня спустя ко мне пришел Дитворт по поводу Бидла и его гонорара. Меня с утра до вечера преследовали мелкие неприятности, и во мне закипало раздражение. Как раз перед его прихо-

дом каменщики ушли с одной моей стройки, потому что какой-то олух мелом начертил на десятке кирпичей какие-то дурацкие знаки. «Это вуду!» — объявили они и отказались прикасаться к заклятым кирпичам. Так что я был не в настроении разглагольствовать с мистером Дитвортом. По-моему, я обошелся с ним довольно-таки резко.

— Позвольте, мистер Фрэзер, пожелать вам доброго утра,— начал он очень любезно,— не могли бы вы уделить мне минуту-другую?

— Ну, десять минут, пожалуй,— ответил я, взглянув на свои часы.

Он поставил свой дипломат около ножки стула и извлек какие-то бумаги.

— Если так, то я сразу перейду к делу. Дело касается претензий доктора Бидла. Мы с вами люди благожелательные и, думаю, придем к соглашению, устраивающему всех.

— У Бидла ко мне не может быть никаких претензий.

— Я прекрасно понимаю вашу точку зрения! — Он кивнул.— Бесспорно, в письменном контракте ничто не обязывает вас ему заплатить. Но ведь есть неоговоренные контракты, которые столь же обязательны, как и занесенные на бумагу.

— Не понял. Я все свои сделки оформляю в письменном виде.

— Безусловно,— согласился он.— Потому что вы бизнесмен. Но в некоторых профессиях положение иное. Если вы обратитесь к дантисту и попросите его удалить больной зуб, то, когда он его удалит, вы будете обязаны уплатить ему гонорар, пусть даже прежде о гонораре речи не было...

— Совершенно верно,— перебил я,— но ничего общего это с Биллом не имеет. Он ведь зуба, так сказать, не удалил.

— В каком-то смысле — удалил,— настаивал Дитворт.— Он хочет, чтобы ему уплатили за предварительный осмотр, то есть за услугу, оказанную вам до подписания контракта.

— Но гонорар за эту услугу не упоминался!

— Вот тут-то и возникает подразумевающееся обстоятельство, мистер Фрэзер. Вы сказали доктору Бидлу, что беседовали со мной. И он совершенно обоснованно предположил, что я объяснил вам правила нашей ассоциации касательно выплаты гонораров...

— Но я в ассоциацию не вступил!

— Знаю, знаю. Я сообщил это остальным членам правления, но они настаивают, что дело должно быть улажено. Лично я не считаю, что вся вина лежит на вас, но войдите в наше положение. Мы не сможем принять вас в ассоциацию, пока это дело не будет улажено... с учетом прав доктора Бидла.

— Но почему вы убеждены, что я собираюсь вступить в ассоциацию?

Он принял огорченный вид.

— Я не ожидал, что вы займете такую позицию, мистер Фрэзер. Ассоциация нуждается в людях вашего калибра. Но вступить в нее — значит соблюсти ваши собственные интересы, мистер Фрэзер. Вскоре получить помощь квалифицированного чародея, не состоя в ассоциации, будет очень и очень трудно. Мы хотим помочь вам. Пожалуйста, не осложняйте нам эту задачу.

Я встал.

— Боюсь, вам придется предъявить мне иск, а там пусть решает суд, мистер Дитворт. Иного разумного выхода я не вижу.

— Мне очень жаль,— сказал он, покачивая головой.— Это может вам помешать, когда вы попытаетесь вступить в ассоциацию.

— Пусть так,— ответил я резко и выпроводил его.

Едва он ушел, я устроил нагоняй секретарше за то, что она не занималась тем, что я поручил ей накануне, и мне пришлось извиниться. Некоторое время я выпускал пары, расхаживая взад и вперед, хотя работы было навалом. Но я нервничал: эти мелкие неприятности — а я не упомянул и половины их — довели меня до белого каления, и нахальные требования Дитворта послужили последней каплей, полностью выведя меня из себя. Конечно, своим иском он ничего не добьется — это было бы уж слишком,— но крови попортит мне много. Говорят, в Китае есть такая пытка: на голову жертвы каждые несколько минут падает капля воды. Вот что я чувствовал.

В конце концов я позвонил Джедсону и пригласил его пообедать со мной.

После обеда мне стало легче. Джедсон меня как всегда успокоил, и, просто рассказав ему о том, что мне досаждало, я сумел выбросить из головы почти все эти неприятности. Когда я допил вторую чашку кофе и выкурил сигарету, меня уже можно было бы почти без опаски пригласить на дипломатический прием.

Мы неторопливо пошли ко мне, разговаривая против обыкновения о его делах, а не о моих. Оказалось, что блондинке — белой колдунье из Джерси-Сити — удалось-таки синтезировать пусть не одежду, а обувь. Было лишь одно «но»: пока она изготовила больше восьмиста левых туфель — и ни единой правой!

Мы обсуждали возможную причину такой неудачи, как вдруг Джедсон воскликнул:

— Взгляни-ка, Арчи! Тобой начали интересоваться фотографы!

Я повернул голову. На тротуаре прямо напротив моего магазина стоял какой-то типчик и целился фотокамерой.

Я посмотрел на него повнимательней.

— Джо! Это тот самый подонок, про которого я тебе говорил, ну который приходил ко мне и с которого все началось!

— Ты уверен? — спросил Джедсон, понизив голос.

— Абсолютно.

Сомнений быть не могло. Мы были на той же стороне улицы и всего в нескольких шагах от него. Тот самый рэкетир, который пытался навязать мне «защиту» — та же средиземноморская внешность, тот же броский костюм.

— Надо его сцапать! — шепнул Джедсон.

Но я и сам сообразил. Прыгнул на него, ухватил за воротник и брюки, и, прежде чем он опомнился, поволок его через улицу, толкая перед собой. Не знаю уж, как нас не сбили, но я от бешенства ничего не замечал. Джедсон бежал за нами.

Дверь в мой кабинет была открыта. Я поднажал, и мерзавец, перелетев через порог, растянулся на полу. Джедсон вбежал следом за мной, и я запер дверь на засов.

Джедсон кинулся к письменному столу, рывком открыл средний ящик, порылся в хламе, который всегда накапливается в таких местах, и нашел, что искал — синий плотницкий карандаш. Во мгновение ока он очутился возле гангстера, который еще толком не опомнился, начертил на полу вокруг него круг, чуть не споткнувшись о собственные ноги от спешки, но успел замкнуть круг сложной загогулиной.

Наш непрошеный гость завизжал, увидев, что делает Джо, и попытался выскочить из круга, но было поздно. Джедсон запечатал круг, так что он отлетел от черты, будто ударившись о стеклянную

стену, и свалился на колени. В этой позе он принялся сыпать ругательствами на языке, который я счел итальянским, хотя, по-моему, он пользовался черными словами и других языков — английскими, это уж точно.

Да, «красноречия» ему было не занимать.

Джедсон взял сигарету, закурил и протянул пачку мне.

— Давай-ка сядем, Арчи, и отдохнем, пока наш приятель не созреет до делового разговора.

Я сел, и мы несколько минут покуривали под непрекращающийся град ругательств. Наконец Джедсон вздернул бровь и сказал:

— А тебе не кажется, что ты уже повторяешься?

Тот поперхнулся и замолчал, сверкая злобными глазками.

— Ну,— продолжал Джедсон,— что ты можешь сказать в свое оправдание?

Тот проворчал что-то неразборчивое, а затем буркнул:

— Требую адвоката!

Джедсон усмехнулся.

— Ты не понимаешь своего положения,— сказал он.— Тебя никто не арестовывал, и мы плевать хотели на твои гражданские права. Вот возьмем сотворим под тобой колодец и крышку захлопнем.

Тот, хоть и был смуглым, побледнел очень заметно.

— Да-да,— продолжал Джедсон.— Мы на это вполне способны, а может, на что-нибудь и похуже. Понимаешь, ты нам не нравишься. Конечно,— добавил он задумчиво,— мы можем и просто передать тебя полиции. Сердце у меня мягкое.

Наш пленник насупился.

— А, так тебе и это не по вкусу? Отпечатки пальчиков? — Джедсон вскочил и встал прямо перед ним почти вплотную к кругу.— Ну хватит! — рявкнул он.— Отвечай и не ври! Для чего ты делал снимки?

Тот что-то пробормотал, но я не расслышал, а Джедсон только отмахнулся.

— Не пори чушь, мы же не дети! Кто тебя послал?

Но тот от ужаса вообще замолчал.

— Очень хорошо! — Джедсон повернулся ко мне.— У тебя не найдется воска или пластилина?

— А замазка не подойдет? — спросил я.

— Самое оно!

Я сбегал на склад, где у меня хранились материалы для вставки стекол, и вернулся с пятифунтовой банкой замазки. Джедсон вскрыл ее, зачерпнул горсть, сел за стол, смочил замазку льняным маслом и стал разминать ее пока она не стала мягкой. Наш пленник следил за ним с видимым страхом.

— Ну вот! — объявил наконец Джедсон, шмякнул ком на промокательную бумагу и начал что-то лепить. Мало-помалу под его пальцами возникла куколка дюймов десять высотой. Ни на что и ни на кого в общем-то не похожая. Джедсон скульптор не ахти какой, однако он то и дело переводил взгляд с фигурки на человека в кругу и обратно, точно ваятель, лепящий с натуры глиняную модель будущей статуи. И я видел, как возрастает ужас, охвативший его натурщика.

— Ну вот! — объявил Джедсон, еще раз взглянув на своего подневольного натурщика.— Безобразна, прямо как ты! Зачем ты снимал?

Тот не ответил, а только попятился в круге, скорчив еще более злобную рожу.

— Отвечай! — приказал Джедсон и крутанул ступню куколки, зажав ее между большим и указательным пальцами. Та же ступня нашего пленника дернулась и резко повернулась. Он рухнул на пол с громким воплем.

— Ты собирался наложить чары, так?

В первый раз тот ответил членораздельно.

— Нет, мистер, не я!

— Не ты? Так-так. Значит, ты мальчик на посылках. А кто чародей?

— Не знаю... О-ох! Господи! — Он принялся растирать левую икру. (Джедсон всадил перо ручки куколке в ногу.) — Я не знаю. Правда не знаю! Не надо! Пожалуйста...

— Может, и не знаешь,— с неохотой признал Джедсон.— Но тебе известно, от кого ты получаешь приказы и кто еще состоит в вашей шайке. Давай выкладывай!

Тот раскачивался, пряча лицо в ладонях.

— Я боюсь, мистер,— простонал он.— Не заставляйте меня, ну пожалуйста!

Джедсон снова кольнул куколку ручкой, наш пленник подпрыгнул, задрожал, но на этот раз промолчал с угрюмой решимостью.

— Ладно,— сказал Джедсон,— раз ты настаиваешь...— Он затянулся сигаретой, а затем поднес тлеющий кончик к лицу куколки. Человек в круге попытался отдернуть голову, вскинул руки, чтобы защитить лицо, но тщетно. Я увидел, как краснеет кожа, как вздуваются пузыри. Мне стало плохо, и, хотя эта крыса у меня никакого сочувствия не вызывала, я собрался попросить Джедсона перестать, но в эту секунду он сам убрал сигарету от лица куклы.

— Ну, будешь говорить? — спросил он, и тот кивнул, а по его обожженным щекам катились слезы.

Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Ну-ка, без глупостей! — добавил Джедсон и кончиком пальца ударил куколку по лицу.

Я услышал звук пощечины, и голова нашего пленника дернулась как от удара, но это его словно подбодрило.

— Ладно, Арчи, садись записывать. А ты, приятель, говори все, что знаешь. Со всеми подробностями. А если память начнет тебе изменять, подумай, понравится ли тебе, если я прижму сигарету к глазам куколки.

Ну, он начал говорить, вернее, выкладывать все. Он, казалось, совсем пал духом и даже как будто находил облегчение в словах, останавливаясь, только чтобы утереть глаза или высморкаться. А Джедсон помогал ему вопросами, когда он начинал путаться.

Кроме него самого, насколько ему было известно, в шайке состояло еще пятеро, и действовали они так, как мы и предполагали. Они рассчитывали взимать поборы со всех, кто в нашей части города был так или иначе связан с чародейством,— с чародеев и их клиентов одинаково. Никакой защиты они предложить не могли — только против собственных бесчинств. Кто его босс? Он сказал нам. Его босс — самый главный? Нет, но кто главный, ему неизвестно. И больше он ничего не может сказать, даже если мы сожжем его заживо. Да, его босс на кого-то работает, только он не знает на кого. А организация большая, в этом он уверен. Его выписали из одного города на Востоке, чтобы он помог наладить этот рэкет.

Сам он чародей? Да упаси Бог! А его босс? Нет. Он уверен, что нет. Всем таким распоряжался кто-то наверху. Больше он

ничего не знает, можно ему уйти? Джедсон продолжал его расспрашивать, и он добавил кое-какие подробности, в большинстве незначительные, но я записал и их. В заключение он сказал, что к нам обоим вроде бы намечено применить особые меры, потому что мы успешно исправили последствия первого «урока».

Наконец Джедсон кончил его допрашивать и сказал:

— Я тебя отпущу, но лучше уберись из города. Чтоб я тебя больше тут не видел! Но очень далеко не уезжай, ты можешь мне еще понадобиться. Видишь? — Он поднял куколку и начал осторожно сжимать ее в поясе. Бедняга тут же захрипел, словно его затянули в смирительную рубашку.— Не забывай, я доберусь до тебя, едва захочу.— Он раздвинул пальцы, и его жертва охнула, переводя дух.— Твое альтер эго, то есть, по-твоему, куклу, я уберу в безопасное место под холодное железо. Когда я тебя позову, ты почувствуешь вот такую боль...— Он ущипнул плечо куколки, и бедняга взвизгнул.— Так сразу звони мне, где бы ты ни был.

Джедсон достал из нагрудного кармана перочинный ножик, рассек круг в трех местах, затер разрывы и скомандовал:

— А теперь убирайся!

Я думал, тот сбежит, едва выйдя на свободу, но ошибся. Он нерешительно переступил черту и немного постоял, весь дрожа. Потом спотыкаясь побрел к двери. На пороге остановился и посмотрел на нас глазами, полными страха. И мольбы. Он как будто хотел что-то сказать, но передумал, повернулся и вышел за дверь.

Я посмотрел на Джедсона. Он взял мои записи и проглядел их.

— Не знаю,— задумчиво пробормотал мой друг,— что лучше: прямо передать его признания в Бюро Береженого Бизнеса и пусть они сами разбираются с этим делом или продолжать действовать самостоятельно. Такой соблазн!

Но меня в ту минуту мучило другое.

— Джо,— сказал я,— ну зачем ты его обжег?

— А? Что? — Он словно удивился и перестал почесывать подбородок.— Я его не обжигал.

— Не прячься за слова! — сказал я с раздражением.— Ты обжег его при помощи куклы... то есть при помощи чародейства.

— Не обжигал я его, Арчи! Честное слово. Он сам себя обжег — и без всякого чародейства. Я тут ни при чем.

— Не понимаю!

— Симпатические чары, Арчи, это вовсе не чары, а просто практическое сочетание нейропсихологии и коллоидной химии. Все это он сам с собой проделывал, потому что верит в черную магию. А я всего лишь верно определил его умственные способности.

Наш разговор прервал душераздирающий крик, раздавшийся где-то снаружи. Он оборвался на самой верхней ноте.

— Что это? — спросил я, судорожно сглатывая.

— Не знаю,— ответил Джедсон, подошел к двери, посмотрел направо, налево и продолжал: — Как я сказал, будет очень интересно...

На этот раз его прервала сирена полицейской машины. Мы услышали ее еще вдалеке, но звук стремительно нарастал и наконец вырвался из-за угла на нашу улицу. Мы переглянулись.

— Надо бы посмотреть,— сказали мы хором и нервно засмеялись.

Это был наш знакомый гангстер. Мы обнаружили его на полпути до следующего угла среди кучки любопытных прохожих, которых оттесняли полицейские из машины, остановившейся у тротуара.

Он был мертв.

И лежал на спине, но поза его не дышала покоем. От лба до пояса его тело было располосовано. Три глубокие — до кости, примерно параллельные раны могли быть оставлены когтями коршуна или орла. При условии, что величиной эта птица не уступала бы пятитонному грузовику.

Застывшее на лице выражение ни о чем не говорило. Лицо и горло были выпачканы, а рот забит каким-то желтоватым веществом с лиловыми прожилками, по консистенции напоминавшим домашний сыр, но запах был омерзителен до невообразимости.

Я обернулся к Джедсону, который чуть побледнел, и сказал:

— Пошли отсюда!

И мы вернулись ко мне.

В конце концов мы решили не обращаться в Бюро Береженого Бизнеса или в полицию, пока не проведем собственного небольшого расследования. И к лучшему. Ни одного члена шайки,

чье имя нам было известно, мы не нашли ни по одному записанному нами адресу. Доказательств, что такой человек действительно существовал, было сколько угодно, и все они жили по адресам, которые Джедсон выпытал у их товарища. Да только все без исключения отбыли неведомо куда в тот самый день, а то и час, когда их сообщник был убит.

В полицию мы не обратились, так как не хотели оказаться хоть в какой-то степени причастными к крайне неаппетитному убийству. Джедсон удовлетворился тем, что осторожно в устной форме сообщил главные факты своему другу в Бюро Береженого Бизнеса, который в свою очередь сообщил их руководителю отдела по борьбе с рэкетом или кому там счел нужным.

Некоторое время затем дела у меня шли гладко, и я прилагал все усилия, чтобы получить за квартал хоть какую-нибудь прибыль. Я и вообще выкинул бы случившееся из головы, если бы иногда не забегал к миссис Дженнингс и не пользовался бы услугами ее молодого друга Джека Боди, когда мне раза два потребовалась малая толика коммерческих чар. Он проявил себя отличным специалистом — никаких фокусов и полный ажур.

Мне уже начало казаться, что я ухватил удачу обеими руками, как началась новая полоса неприятностей. На этот раз под угрозой оказался не мой магазин, но моя жизнь, а свою шкуру я люблю как всякий нормальный человек.

Дома у меня водонагреватель установлен на кухне. Он снабжен горелкой, а огонь регулируется термостатом. Рядом — плита, тоже с постоянно включенной горелкой.

Я проснулся ночью, и мне захотелось пить. Когда я вошел в кухню — не спрашивайте, почему я не свернул напиться в ванную, я и сам не знаю,— меня затошнило от запаха газа. Я кинулся к окну, распахнул его, а затем побежал в гостиную и открыл большое окно, чтобы создать сквозняк.

Тут словно ветер зашуршал, раздалось громкое «буууум!», и я обнаружил, что сижу в гостиной на ковре.

Я даже не ушибся, да и кухня не пострадала, если не считать пары разбившихся тарелок. Открытые окна дали выход взрывной волне, смягчили ее воздействие. Природный газ взрывается, только если он скапливается в закрытом пространстве. Как это

произошло, мне стало ясно, едва я осмотрел кухню. Горелка нагревателя погасла, и, когда вода в резервуаре остыла, термостат включил подачу газа, который начал разливаться по кухне. Когда его накопилось достаточно для взрыва, он вспыхнул от горелки на плите.

Видимо, я забрел на кухню в последний момент.

Я предъявил претензии по этому поводу моему домохозяину, и в конце концов мы заключили сделку — он бесплатно заменил газовый нагреватель на электрический, который я продал ему по себестоимости.

Газ, а не чары, а? Вот и я так думал, хотя не поклянусь, нет, не поклянусь.

Еще один случай, напугавший меня, произошел на той же неделе и, казалось, никак с предыдущим связан не был. Сухую смесь — песок и гальку — я держу в бункерах, установленных на бетонных опорах, чтобы грузовики могли подъезжать под желоба для погрузки. Как-то вечером, после закрытия магазина, я проходил мимо бункеров и вдруг увидел, что кто-то оставил совковую лопату под желобами.

Мои рабочие частенько не убирают инструменты на ночь, и я решил забрать лопату к себе в машину, а утром обличить виновника. Я уже собрался спрыгнуть за ней, как вдруг меня окликнули.

— Арчибальд! — произнес голос, удивительно похожий на голос миссис Дженнингс. Понятно, что я обернулся. Но никого не увидел и шагнул за лопатой, как вдруг раздался дробный шум, и лопата исчезла под двадцатью тоннами мелкой гальки.

(Погребенный заживо человек может и выжить, но только не пролежав под двадцатью тоннами ночь в ожидании, что его хватятся и откопают.) Очевидной причиной несчастья была усталость металла. А не очевидной?

Причины так и оставались вполне естественными, и все же две недели я то и дело наступал на банановые корки — и в буквальном и в переносном смысле. Десяток раз, если не больше, меня спасала только хорошая реакция. Наконец я не выдержал и рассказал миссис Дженнингс.

— Особенно тревожиться не стоит. Арчи,— успокоила она меня.— Убить человека чарами совсем не так просто, если он сам не занимается магией и не чувствителен к ней.

— Убить или напугать до смерти, не все ли равно? — возразил я.

Она улыбнулась своей неподражаемой улыбкой и сказала:

— Не думаю, что ты так уж перепугался, милый. Во всяком случае, ты своего страха не показывал.

Я уловил подтекст этих слов и накинулся на нее:

— Так вы следили за мной и приходили мне на выручку, так?

Она широко улыбнулась и ответила:

— Это мое дело, Арчи. Молодым вредно полагаться на помощь стариков. А теперь иди занимайся своими делами. Мне надо над этим поразмыслить.

Дня через два я получил письмо. Адрес был написан чуть дрожащим бисерным почерком. В нем было достоинство прошлого века. Видел я его впервые, но догадался, кому он принадлежит, еще не вскрыв конверта. Письмо гласило:

«Дорогой Арчибальд, я хотела бы, чтобы вы познакомились с мои высокоуважаемым другом доктором Ройсом Уортингтоном. Он остановился в отеле "Белмонт" и ожидает вашего звонка. Доктор Уортингтон больше кого бы то ни было способен уладить то, что тревожило вас последние недели. Вы можете полностью положиться на него, особенно в случаях, требующих принятия необычных мер.

Прошу вас познакомить с ним и вашего друга Джедсона, если вам угодно.

Остаюсь, сэр,

искренне вашей доброжелательницей.

Аманда Тодд Дженнингс».

Я позвонил Джедсону и прочел ему письмо. Он сказал, что сейчас же едет ко мне, а я пока должен позвонить доктору Уортингтону.

— Можно попросить доктора Уортингтона? — спросил я, едва телефонист в отеле соединил меня.

— Я слушаю,— ответил хорошо поставленный английский голос с оксфордскими интонациями.

— Меня зовут Арчибальд Фрэзер, сэр. Миссис Дженнингс написала мне, что я могу обратиться к вам.

— Да-да! — Его голос заметно потеплел.— Буду очень рад познакомиться. Когда вам будет удобно?

— Если вы не заняты, я мог бы подъехать прямо сейчас.

— Погодите...— Он замолчал, видимо поглядев на часы.— Мне надо побывать в вашей части города. Не мог бы я заехать к вам через полчаса или чуть позднее?

— Чудесно, доктор! Конечно, если вас это не затруднит...

— Нисколько. Так я буду у вас.

Скоро приехал Джедсон и еще с порога начал расспрашивать меня о докторе Уортингтоне.

— Я его еще не видел,— сказал я,— но говорит он, как высокоученый английский профессор. Ну да он скоро будет здесь.

Через полчаса вошла моя секретарша с его визитной карточкой. Я встал ему навстречу и увидел высокого плотного мужчину с благообразным умным лицом. Одет он был несколько старомодно в дорогой костюм изысканного покроя и держал в руках перчатки, трость и большой портфель. И при всем этом был черным, как чертежная тушь!

Я попытался скрыть удивление, и, надеюсь, мне это удалось: меня просто в дрожь бросает от мысли, что я мог допустить подобную промашку. Почему бы ему и не быть негром? Просто я этого не ожидал.

Меня выручил Джедсон. По-моему, он не выказал бы удивления, если бы яичница-глазунья ему подмигнула. Он взял на себя разговор в первые минуты, едва я их познакомил. Мы сдвинули стулья, сели и некоторое время обменивались вежливыми, ничего не значащими фразами, к которым прибегают люди, пока оценивают новых знакомых.

Первым о деле заговорил Уортингтон.

— Миссис Дженнингс,— сказал он,— дала мне основания полагать, что каким-то образом я могу оказаться полезным вам обоим или же одному из вас...

Я подтвердил это и рассказал вкратце обо всем, что произошло после того, как ко мне явился рэкетир. Он задал несколько вопросов, и Джедсон добавил кое-какие подробности. У меня

сложилось впечатление, что Уортингтону почти все уже рассказала миссис Дженнингс, и он просто уточнял детали.

— Отлично,— произнес он в заключение глубоким рокочущим басом, который отдавался эхом у него в груди, прежде чем заполнить комнату.— Мне представляется, что мы найдем способ разрешить ваши трудности, но для окончательного вывода мне необходимо произвести обследование.— Он нагнулся и начал расстегивать портфель.

— Э... доктор,— намекнул я,— не лучше ли нам условиться до того, как вы приступили к работе?

— Условиться? — Он посмотрел на меня с недоумением, но тут же добродушно улыбнулся.— Вы имеете в виду оплату. Любезный сэр, оказать услугу миссис Дженнингс — большая честь.

— Но... однако... послушайте, доктор. Мне так было бы легче. Уверяю вас, я привык оплачивать чары...

Он поднял ладонь.

— Мой юный друг, об этом не может быть и речи. По двум причинам. Во-первых, у меня нет права практиковать в вашем штате, а во-вторых, я не чародей.

Думаю, вид у меня был такой же идиотский, как мои слова.

— Что? А-а! Извините меня, доктор, но я, естественно предположил... Раз нас познакомила миссис Дженнингс... ну, и ваше звание... и вообще...

Он продолжал улыбаться, но улыбка была сочувственной, а не насмешливой. Мое смущение не показалось ему забавным.

— Вполне естественно. В эту ошибку впадали и некоторые ваши сограждане моей крови. Нет, я имею степень почетного доктора правоведения Кембриджского университета. Предмет, которому я себя посвятил,— антропология, которую я иногда преподаю в университете в Южной Африке. Но антропология включает кое-какие неортодоксальные разделы. И я здесь для того, чтобы применить знания подобного рода.

— В таком случае, могу ли я спросить...

— Безусловно, сэр. Мое призвание, если вольно перевести этот неудобопроизносимый термин, именуется «вынюхиватель колдунов».

Я все еще недоумевал.

— Но разве это занятие не требует применения магии?

— И да и нет. В Африке иерархия и категории, связанные с данной областью, совсем иные, чем на вашем континенте. Я не считаюсь ни чародеем, ни колдуном, а как бы противоядием от них.

Джедсона что-то смущало.

— Доктор,— спросил он,— но родом вы ведь не из Южной Африки?

Уортингтон указал на свое лицо. Джедсону, в отличие от меня, это что-то, видимо, сказало.

— Ваш вывод верен. Да, я родился в лесном племени к югу от Нижнего Конго.

— Вот как! Интересно. Вы случайно не нганга?

— Из Ндембо, но отнюдь не случайно.— Он обернулся ко мне и вежливо пояснил: — Ваш друг спросил, не состою ли я в оккультном братстве, которое охватывает всю Африку, но ядро его составляют мои земляки. Прошедшие инициации называются нганга.

Джедсон этим не удовлетворился.

— Думается, доктор, фамилией Уортингтон вы пользуетесь удобства ради, а настоящее ваше имя — совсем другое.

— И опять-таки вы правы. Мое племенное имя... Вы хотите его узнать?

— Если вы будете так любезны.

— Оно...— (Я не способен воспроизвести на бумаге прищелкивающее чмоканье, которое он испустил.) — Но поскольку важен смысл, то в переводе оно означает Человек-Который-Задает-Неудобные-Вопросы. Или, если вольно передать дух, а не букву, оно равнозначно значению слова «прокурор», указывая на племенную функцию. Но мне кажется,— продолжал он с обезоруживающей мягкой улыбкой,— вам оно подходит даже больше, чем мне. Могу ли я подарить его вам?

И тут произошло нечто, абсолютно мне непонятное, коренящееся, видимо, в каком-то африканском обычае, глубоко чуждом нашему мышлению. Я хотел было засмеяться шутке доктора, не сомневаясь, что он сострил, как вдруг Джедсон ответил с полной серьезностью:

— Принять его для меня великая честь.

— Это ты оказываешь мне честь, брат мой.

С этого момента, когда бы мы ни находились в обществе доктора Уортингтона, он неизменно называл Джедсона африканским именем, которое, по его словам, принадлежало ему самому, а Джедсон называл его «Ройс» или «брат мой». Отношение их друг к другу также изменилось, словно передача имени действительно превратила их в братьев со всеми привилегиями и обязательствами, которые подразумевает такое родство.

— Но ведь я не лишил вас имени,— сказал тогда Джедсон.— У вас есть и третье имя, настоящее?

— Разумеется,— ответил Уортингтон,— но упоминать его надобности нет.

— Естественно! — отозвался Джедсон.— Неназываемое имя. Так приступим?

— Да, конечно.— Уортингтон повернулся ко мне.— Найдется ли у вас помещение, где я мог бы приготовиться? Достаточно самого небольшого.

— Тут вам будет удобно? — спросил я, открывая дверь умывальной, примыкавшей к моему кабинету.

— Вполне, благодарю вас,— ответил он, забрал портфель и закрыл за собой дверь. Пробыл он там не меньше десяти минут.

Джедсон не был расположен к разговорам. Он только посоветовал мне предупредить секретаршу, чтобы она никого к нам не впускала и не входила сама. Мы просто сидели и ждали.

Наконец доктор Уортингтон вышел из умывальной, и я второй раз за день был ошарашен. Культурнейший доктор Уортингтон исчез. Перед нами стоял босой черный африканец ростом в шесть с лишним футов. Могучая грудь колесом бугрилась мышцами под черной кожей, глянцевой, как обсидиан. Его чресла опоясывала шкура леопарда, с пояса свисал кошель, а в руках он держал какие-то инструменты.

Однако мое внимание приковали не они, не фигура воина-атлета, но его лицо. Брови он покрасил белой краской, белая черта надо лбом следовала линии волос, но их я заметил мимоходом. Главным было выражение — мрачное, беспощадное, исполненное достоинства и силы, которых не передать никакими словами. Глаза свидетельствовали о великой мудрости, но в них не было

сострадания — только суровая справедливость, с какой мне бы столкнуться не хотелось.

Мы, белые в нашей стране, склонны недооценивать черных — во всяком случае, я склонен,— потому что видим их вне их культурного наследия. У тех, кого мы знаем, оно было отнято десяток поколений назад, заменено насильственно навязанной псевдокультурой. Мы забываем, что у черных была собственная культура, более древняя, чем наша, с более стойкой основой, так как опиралась она на человеческие способности и силу духа, а не на дешевые фокусы механических игрушек. Но это суровая культура без сентиментальной озабоченности судьбой слабых и неприспособленных, и она никогда полностью не исчезает.

Я невольно принял почтительную позу.

— Так приступим,— сказал доктор Уортингтон обычным голосом и присел на корточки, растопыривая крупные пальцы ног. Из кошеля он достал собачий хвост, какой-то сморщенный черный ком величиной с мужской кулак и еще несколько предметов непонятного назначения. Хвост он прицепил у пояса сзади, так что он повис у него между ног. Затем взял что-то, завязанное в красный шелковый платок.— Вы не откроете сейф? — попросил он меня.

Я открыл стальную дверцу и посторонился. Доктор сунул сверток внутрь, лязгнул дверцей и покрутил ручку. Я вопросительно взглянул на Джедсона.

— У него... ну... в этом свертке его душа, так он поместил ее под защиту холодного железа. Он ведь не знает, с какими опасностями столкнется,— шепнул мне Джедсон.— Видишь?

Я поглядел и увидел, что Уортингтон тщательно провел большим пальцем по краям дверцы там, где она смыкалась с сейфом. Затем он вернулся на середину комнаты, взял сморщенный черный ком и нежно его погладил.

— Это отец моей матери,— объявил он, и, вглядевшись, я убедился, что он держит мумифицированную человеческую голову, у которой на затылке сохранились прядки волос.— Он очень мудр,— невозмутимо добавил доктор,— и мне потребуются его советы. Дедушка, это твой новый сын и его друг.— (Джедсон поклонился, и я поймал себя на том, что тоже кланяюсь.) — Им нужна наша помощь.

Он заговорил с головой на своем языке, время от времени умолкая и как бы слушая, а потом отвечая. Между ними затем словно бы вспыхнул спор, но, вероятно, они пришли к согласию, так как доктор понизил голос. Через минуту он умолк и обвел взглядом комнату. Глаза его остановились на полочке для вентилятора.

— Превосходно! — сказал он.— Дедушке нужен наблюдательный пункт, чтобы следить за происходящим.— И он бережно водрузил сморщенную голову на полку лицом к комнате.

Вернувшись на середину, он опустился на четвереньки и начал водить носом из стороны в сторону, как охотничий пес, отыскивающий след. Он кружил, нюхал, поскуливал, точь-в-точь как вожак своры, сбитый с толку обилием следов. Прикрепленный к поясу хвост задрался и помахивал, как у настоящей собаки. Настолько все его движения походили на движения гончей, что я даже заморгал, когда он внезапно сел по-человечески и объявил:

— Впервые сталкиваюсь с сочетанием стольких чар в одном месте! Чары миссис Дженнингс и ваши коммерческие я опознал легко. Но, исключив их, воздух я практически не очистил. Здесь у вас разве что заклинания дождя не было, и еще шабаша!

Не дожидаясь нашего ответа, он вновь преобразился в гончую и начал описывать более широкие круги. Почти сразу он будто наткнулся на непреодолимое препятствие, замер, поглядел на голову и энергично заскулил. После чего застыл в ожидании.

Ответ, видимо, его удовлетворил. Громко тявкнув, он выдвинул нижний ящик картотеки — неуклюже, словно лапами, а не руками. Торопливо порывшись в нем, он живо извлек что-то из самой глубины и бросил в кошель.

После чего несколько раз бодро обежал помещение, обнюхивая все уголки. А когда закончил, вернулся на середину комнаты, снова сел на корточки и сказал:

— Ну пока здесь чисто. В этом месте сфокусированы все покушения, а потому дедушка согласился остаться тут и постеречь вас, в то время как я опоясшу вашу недвижимость веревкой, чтобы для чародеев ход сюда был закрыт.

Мне стало не по себе. Уж конечно, голова напугает мою секретаршу до полусмерти, чуть она ее увидит! Я намекнул на это, как мог деликатнее.

— Ну так как? — осведомился он у головы дедушки, выслушал ответ и обернулся ко мне.— Все в порядке, дедушка говорит, что будет показываться только тем, кого ему представили.

(Так оно и вышло. Головы никто не заметил, даже уборщица!)

— А теперь,— продолжал он,— я хочу как можно скорее обследовать контору моего брата, а также обнюхать ваши жилища и застраховать их от нежелательных вторжений. А пока оба вы примите к сведению следующее: ни в коем случае не допускайте, чтобы что-то ваше личное могло попасть в чужие руки — обрезки ногтей, сбритые волосы, слюна. Следите за этим строжайшим образом. Уничтожайте их либо в огне, либо погрузив в проточную воду. Это значительно облегчит нашу задачу. У меня все.

Он встал, быстро вошел в умывальную, а десять минут спустя благообразный, утонченно образованный доктор Уортингтон уже сидел с нами, покуривая сигарету. Мне пришлось покоситься на голову его дедушки, так как меня уже одолевали сомнения, не пригрезился ли мне этот владыка африканских дебрей.

После чистки, произведенной доктором Уортингтоном, несчастные случаи прекратились, а на меня посыпались заказы. Я уже подсчитывал квартальную прибыль, и ко мне вернулась бодрость. Дитворт прислал мне исковое письмо, настаивая на дутой претензии Бидла, но я бросил его в мусорную корзину не моргнув глазом.

Как-то в полдень в магазин явился Фельдштейн, чародейный агент.

— Привет, Зак! — приветствовал я его весело.— Как делишки?

— Мистер Фрэзер, чтобы из всех вопросов вы мне задали этот! — сказал он, скорбно покачивая головой.— Дела хуже некуда.

— Как так? — спросил я.— Всюду вокруг заметен подъем деловой активности...

— Внешность обманчива,— перебил он,— особенно в моем занятии. Скажите, вы что-нибудь слышали о корпорации «Магия», как они себя называют?

— Странное совпадение,— ответил я.— Услышал только что и впервые. Сейчас получил по почте.— И я протянул ему невскрытый конверт с обратным адресом: «Корпорация "Магия", 700, Дом Содружества».

Фельдштейн взял его кончиками пальцев, словно боясь обжечься, и прочел надпись на конверте.

— Они самые,— подтвердил он.— Разбойники с большой дороги!

— Да что такое, Зак?

— Они не желают, чтобы человек честно зарабатывал свой кусок хлеба... Мистер Фрэзер,— с тревогой перебил он себя,— вы же не подложите свинью старому другу, который вас никогда не подводил?

— Конечно, нет, Зак. Но в чем все-таки дело?

— А вы прочтите! Читайте, читайте! — Он сунул мне конверт.

Я вскрыл его. Прекрасная бумага с водяными знаками, а шапка выполнена строго и со вкусом. Я скользнул взглядом по списку внушительного правления и был приятно удивлен калибром людей, занимавших директорские и административные посты,— все очень известные, кроме парочки администраторов, чьи фамилии мне ничего не сказали.

Само письмо было чисто рекламным проспектом, но идея выглядела новой. Так сказать, холдинговая компания чародеев. Они гарантировали магические услуги любого рода. Клиент без всяких хлопот звонит по указанному номеру, излагает свои требования, а компания обеспечивает выполнение заказа и присылает ему счет.

Я скользнул взглядом по строчкам: «...гарантированное обслуживание, обеспечиваемое всеми возможностями ответственной компании...», «на редкость низкие, твердо установленные гонорары благодаря централизованному управлению и экономии на комиссионных, выплачиваемых агентам...», «личная заинтересованность ведущих членов великой профессии позволят нам смело предсказать, что корпорация "Магия" станет надежным источником компетентного чародейства любого вида, и даже, скорее всего, единственным источником подлинной первоклассной магии...»

Я бросил письмо на стол.

— Стоит ли волноваться, Зак? Подумаешь, еще одно агентство. Ну, а их заявления... Разве ты не говоришь, что обеспечиваешь услуги только самых лучших? Но ведь ты не ждешь, что тебе поверят?

— Нет,— признал он,— то есть отчасти, между нами говоря. Но это-то по-настоящему серьезно. Они сманили моих действительно

первоклассных ребят оплатой и премиями, которые мне не по карману. А теперь они предлагают чародейство всем, кто пожелает, по расценкам, которые оставят без работы остальных. Я разорен, говорю же вам!

Да, не весело. Фельдштейн был приятным человечком, который старался, правда, выжимать побольше центов ради жены и пяти черноглазых ребятишек, на которых надышаться не мог. Но я не сомневался, что он утрирует; у него была склонность к мелодраме.

— Не беспокойся,— сказал я.— Можешь на меня твердо рассчитывать, да и на большинство других своих клиентов тоже. Эти молодцы всех чародеев к рукам не приберут — те слишком независимы. Погляди на Дитворта. Он вылез со своей ассоциацией. И что у него вышло?

— Дитворт... а-ах! — Он хотел сплюнуть, но вовремя вспомнил, что находится в моем кабинете.— Так эта же компания — он. Дитворт!

— Откуда ты взял? В списке он не значится.

— Навел справки. Вы думаете, у него ничего не вышло, раз вы дали ему по рукам? Они устроили совещание директоров ассоциации — а это Дитворт и две его секретарши — и проголосовали за передачу контрактов новой корпорации. Дитворт якобы уходит, бездоходную ассоциацию возглавляет его подручный, и Дитворт заправляет обеими компаниями. Вот увидите! Если бы мы могли увидеть документы «Магии», так вы бы убедились, что контрольный пакет у него. Это уж точно!

— Не думаю,— сказал я медленно.

— Вот увидите! Дитворт с его сладкими разговорчиками о бескорыстном служении и высокой требовательности не должен был бы связываться с корпорацией «Магия», верно? А вы позвоните туда и спросите его!

Вместо ответа я набрал номер, указанный в письме.

Девичий голос произнес:

— Доброе утро. Корпорация «Магия».

— Будьте добры, соедините меня с мистером Дитвортом.

Она довольно долго мялась, а потом сказала:

— Кто его спрашивает?

Тут замялся я. Говорить с Дитвортом я не хотел, мне просто надо было установить факт. В конце концов я ответил:

— Передайте ему, что звонят из приемной доктора Бидла.

— Но мистер Дитворт должен был быть у доктора Бидла полчаса назад. Он не приехал?

— А! — отозвался я.— Возможно, он у шефа, а я просто не видел, как он вошел. Извините! — И я положил трубку.

— Выходит, ты прав,— признал я, оборачиваясь к Фельдштейну.

Но он был так расстроен, что совсем не обрадовался своей правоте.

— Послушайте,— сказал он,— может, закусим вместе и все обсудим?

— Я собирался в торговую палату на званый завтрак. Ты тоже член палаты, так поехали вместе и поговорим по дороге.

— Ладно,— он скорбно вздохнул.— Наверное, скоро мне это будет не по карману.

Мы опоздали, и двух мест рядом за столом для нас не нашлось. Казначей сунул мне под нос кружку для штрафов и «закрутил ей хвост», требуя с меня десять центов за опоздание. Кружкой служила простая сковородка с велосипедным звонком на ручке. За все провинности мы уплачиваем штрафы, что пополняет общественный фонд и служит источником безобидных шуток. Казначей подставляет сковородку и крутит звонок, пока провинившийся не выложит десять центов.

Я торопливо вытащил десятицентовик и опустил его на сковородку, а Стив Хэррис, владелец автомобильного агентства, завопил:

— Правильно! Пусть-ка шотландский скупердяй раскошелится!

— Десять центов за нарушение тишины и порядка! — объявил Норман Сомерс, наш председатель, даже не повернув головы. Казначей встал перед Стивом, и я услышал звяканье монеты, а затем дребезжание звонка.

— Что там еще? — спросил Сомерс.

— Стив опять за свое,— устало сообщил казначей.— На этот раз магическое золото.

Стив бросил на сковородку синтезированную монетку, которую сотворил для него какой-нибудь знакомый чародей. При

соприкосновении с холодным железом она, естественно, улетучилась.

— Еще двадцать центов за попытку всучить фальшивые деньги,— постановил Норман.— Наденьте на него наручники и позвоните в прокуратуру.

Стив завзятый любитель розыгрышей, но с Норманом его номера не проходят.

— Можно мне хоть завтрак доесть? — Стив ну просто изнывал от жалости к себе. Норман промолчал, и Стив уплатил все штрафы.

— Веселись, Стив, пока можешь! — посоветовал Эл Донахью, владелец закусочных для автомобилистов.— Вот заключишь контракт с «Магией», и больше розыгрыши с чарами устраивать не будешь.

Я навострил уши.

— Кто сказал, что я стану с ними связываться?

— Никуда ты не денешься.

— Да зачем мне?

— Зачем? Потому что это прогрессивное начинание. Возьми хоть меня. Я предлагаю разнообразнейшие исчезающие десерты во всех моих ресторанах. Можешь съесть разом хоть три, и не переешь, и не прибавишь в весе ни унции. Так вот: я на них терял деньги, но шел на это ради рекламы и привлечения женской клиентуры. И вот корпорация «Магия» предлагает мне то же самое, но за такую цену, что мои десерты начинают приносить прибыль. Естественно, я подписал с ней контракт.

— Естественно. А что, если они повысят цены, когда наймут или выгонят из города всех компетентных чародеев?

Донахью засмеялся самодовольным противным смехом.

— У меня есть контракт.

— Вот как? На какой срок? А пункт о расторжении ты прочел?

В отличие от Донахью я его прекрасно понял. Такое я испытал на себе. Лет пять назад портлендская фирма начала у нас в городе скупать мелкие предприятия и снижать цены — продавали цемент за тридцать пять центов мешок вместо обычных шестидесяти пяти и разорили оставшихся конкурентов. А потом начали полегоньку поднимать цену вплоть до доллара двадцати пяти

центов за мешок. Ребята здорово нагрелись, прежде чем поняли, как их обработали.

Но тут мы все замолчали, потому что встал почетный гость, старик Б. Дж. Тимкен, крупнейший подрядчик. Он произнес речь о «сотрудничестве и служении». Оратор он не ахти какой, но очень неплохо говорил о том, как бизнесмены могут служить обществу и помогать друг другу. Мне даже понравилось.

Когда аплодисменты стихли, Норман Сомерс поблагодарил Б. Дж. и сказал:

— На сегодня все, господа, если только кто-то не хочет представить новый вопрос на обсуждение...

Встал Джедсон. Я сидел спиной к нему и только тут увидел, что он здесь.

— Мне кажется, господин председатель,— заявил он,— такой вопрос есть, и крайне важный. Прошу разрешения на несколько минут, чтобы обсудить его неофициально.

— Пожалуйста, Джо,— ответил Сомерс.— Если это так важно.

— Спасибо. На мой взгляд — очень. Собственно, это продолжение того, о чем раньше спорили Эл Донахью и Стив Хэррис. Я считаю, что в нашем городе назревают значительные перемены в деловой обстановке прямо у нас под носом, а мы закрываем на них глаза, если только они нас прямо не затрагивают. Я говорю о коммерческой магии. Кто из вас пользуется чародейством в производственных целях? Поднимите руки.

Руки подняли все, за исключением двух адвокатов. Но я всегда подозревал, что они сами чародеи.

— Ладно,— сказал Джедсон.— Мы все им пользуемся. Я использую чары в производстве тканей. Хэнк Мэннинг чистит и гладит только с их помощью, а возможно, и красит тоже. В «Кленовой мастерской» Уолли Хейта чары собирают и отделывают дорогую мебель. Стен Робертсон скажет вам, что великолепное оформление витрин «Бомарше» создается чарами, как и две трети его товаров, а в секции детских игрушек и того больше. А теперь я задам вам еще один вопрос: часто ли процент ваших расходов на магию превышает прибыль? Подумайте, прежде чем ответить.— Он немного выждал.— Ну ладно, поднимите руки!

Рук поднялось почти столько же, что и раньше.

— В этом суть дела. Без чар нам не выстоять. И если в нашем городе кто-то приберет чародейство к рукам, мы все окажемся в их власти. Нам придется платить столько, сколько с нас запросят, назначать цены, какие нам укажут, и довольствоваться той прибылью, какую нам оставят, или лишаться своего дела!

— Подожди, Джо,— перебил председатель.— Пусть все, что ты сказал, правда — а так оно и есть! — но какие основания у тебя считать, что нас подстерегает подобная опасность?

— Самые веские,— ответил Джо негромко и очень серьезно.— По отдельности они таковыми не выглядят, но в совокупности убеждают меня, что кто-то тайком старается прибрать к рукам весь бизнес нашего города.— И Джедсон коротко изложил историю того, как Дитворт затеял организовать чародеев и их клиентов в ассоциацию, якобы для поднятия престижа профессии и как рядом с бездоходной ассоциацией возникла корпорация, уже почти монопольная.

— Секундочку, Джо,— вмешался Эд Пармели, владелец фирмы мелких услуг.— По-моему, эта ассоциация прекрасная штука. Меня попробовал запугать какой-то подонок — чтобы я поручил ему находить для меня чародеев. А я обратился в ассоциацию, и они обо всем позаботились. Больше мне тревожиться не пришлось. На мой взгляд, организация, способная укротить рэкетиров, именно то, что нам требуется.

— Но ведь вам пришлось подписать контракт с ассоциацией, чтобы заручиться ее помощью, так?

— Ну да. Но ведь это вполне нормально...

— А не этого ли добивался ваш рэкетир?

— Так до чего угодно договориться можно!

— Я вовсе не настаиваю именно на этом объяснении,— не отступал Джо,— но ничего невозможного тут нет. И не в первый раз монополисты прибегли к помощи хулиганья, чтобы левой рукой насилием получить то, в чем их правой руке было отказано. А еще кому-нибудь здесь пришлось столкнуться с подобным?

Выяснилось, что — да, и не одному. И я заметил, что многих это заставило задуматься.

Один из адвокатов задал вопрос официально — через председателя.

— Господин председатель, если на минуту перейти от ассоциации к корпорации «Магия»: не профессиональный ли это союз чародеев? В таком случае у них есть законное право объединяться.

Норман обернулся к Джедсону:

— Ты ответишь, Джо?

— Безусловно. Это никакой не профсоюз. Ситуация примерно такая же, когда все плотники в городе работают на одного подрядчика. И вы либо договариваетесь с подрядчиком, либо не строите.

— В таком случае, это чистая монополия... если все обстоит именно так. В нашем штате действует закон Литтл-Шермана, и можно обратиться в суд.

— Думаю, вы убедитесь, что это монополия. Кто-нибудь заметил, что ни один из чародеев сегодня здесь не присутствует?

Мы все посмотрели по сторонам. Джо оказался прав.

— Не сомневаюсь,— добавил он, что с этих пор представлять чародеев на заседаниях палаты будет администратор «Магии».— Он вытащил из кармана газету.— Рискую угодить под суд за оскорбление достоинства и все же спрошу: кто-нибудь из вас обратил внимание, что губернатор назначил внеочередную сессию законодательного собрания?

Эл Донахью презрительно заметил, что у него нет времени на политические игры: надо заниматься делом. Это была шпилька в адрес Джо. Все знали, что он член разных комиссий и много времени тратит на общественные проблемы. Как видно, Джо это задело, потому что он сказал с жалостью:

— Эл, твое счастье, что кто-то из нас готов тратить время на то, чтобы присматривать за затеями правительства, иначе в один прекрасный день ты проснешься и узнаешь, что и на тротуар перед твоим домом они наложили лапу.

Председатель предупреждающе постучал молотком, и Джо извинился. Донахью буркнул, что политика — одна грязь и всякий, кто с ней связывается, сам становится мошенником. Я потянулся за пепельницей и опрокинул бокал с водой на колени Донахью. Это его отвлекло, а Джо продолжал:

— Конечно, мы знаем, что для созыва внеочередной сессии есть несколько причин, но вчера вечером они опубликовали повестку, и почти в самом конце я отыскал пункт; «Урегулирование

чародейства». Стоило ли поднимать такой вопрос на внеочередной сессии, если что-то не назрело? Я тут же позвонил моей знакомой в законодательном собрании — мы с ней заседаем в одной комиссии. Она ничего об этом не знала, но позднее позвонила мне. И вот что ей удалось выяснить: пункт вставили в повестку по просьбе кого-то из финансировавших избирательную кампанию губернатора — а самого его этот вопрос не интересует. Никто словно понятия не имеет, о чем, собственно, речь, однако законопроект уже представлен...

Тут кто-то перебил Джо вопросом о сути законопроекта.

— Я о том и говорю,— терпеливо продолжал Джо.— Законопроект был представлен только заголовком, и содержание его мы узнаем не раньше, чем он поступит на рассмотрение комиссии. А заголовок такой: «Законопроект для установления профессиональных требований к чародеям, регулирования практического чародейства, учреждения комиссии для проверки, выдачи разрешений и наблюдения...» Ну и так далее. Как видите, это даже не название, а перечень, под который можно подвести любые законы, касающиеся чародейства, в том числе и отмену антимонопольных ограничений, если им это понадобится.

Наступило молчание. Полагаю, все мы пытались как-то разобраться в предмете, о котором, в сущности, понятия не имели — в политике. Потом кто-то спросил.

— Так что нам, по-вашему, делать?

— Ну,— ответил Джо,— нам хотя бы следует заручиться собственным представителем в законодательном собрании, который охранял бы наши интересы в сомнительных ситуациях. Еще мы должны хотя бы подготовить собственный законопроект, чтобы представить его, если в этом обнаружатся какие-то подвохи, и добиться наиболее выгодного компромисса. И внести поправку, которая придала бы реальную силу нынешнему антитрестовскому закону, хотя бы касательно чародейства.— Он ухмыльнулся.— Если не ошибаюсь, уже четыре «хотя бы».

— Но почему торговая палата штата не может сделать этого за нас? При ней же есть бюро по вопросам законодательства.

— Да, конечно, у них есть лобби, но вы прекрасно знаете, что торговая палата штата не слишком жалует нас, мелких предпринимателей. Положиться на нее нельзя. Возможно даже, нам придется дать бой и ей.

Джо сел, и начался хаос. У каждого обнаружились свои соображения, как и что следует предпринять, и все пытались излагать их одновременно. Вскоре стало ясно, что на общее согласие рассчитывать нечего, и Сомерс закрыл заседание, предложив остаться тем, кто хочет выбрать представителя в законодательное собрание. Ушли несколько твердолобых вроде Донахью, а остальные вновь начали совещаться под председательством того же Сомерса. Послать постановили Джедсона, и он согласился. Встал Фельдштейн и произнес речь со слезами на глазах. Он путался, нес невнятицу, но в конце концов выдавил из себя, что Джедсону, чтобы чего-то добиться там, нужна порядочная сумма денег и что надо возместить ему расходы и потерю времени. И он удивил нас всех: вытащил пачку долларов, отсчитал тысячу и положил перед Джо.

Такое доказательство искренности привело к тому, что его тут же по общему согласию выбрали казначеем, и сбор средств прошел весьма недурно. Я подавил свои природные наклонности и дал столько же, сколько Фельдштейн, хотя и предпочел бы, чтобы он проявил разумную сдержанность. По-моему, позже и сам Фельдштейн слегка раскаялся — так как посоветовал Джо соблюдать экономию и не швырять доллары на выпивку для этих «прохиндеев в законодательном собрании».

Джедсон покачал головой и сказал, что оплачивать свои расходы будет сам, а собранные средства намерен тратить по собственному усмотрению, в основном для поддержания дружеских контактов. Он добавил, что у нас просто нет времени полагаться только на здравый смысл и бескорыстный патриотизм и что у этих олухов чаще всего собственного мнения нет вовсе — не больше, чем у флюгера, и они голосуют за того, с кем пили в последний раз.

Кто-то с возмущением отозвался о подкупах.

— Подкупать я никого не собираюсь,— ответил Джо с досадой.— Если дело дойдет до взяток, считайте, что мы уже проиграли. Я просто молю Бога, что там найдется еще достаточно незавербованных представителей, чтобы было кого улещивать или запугивать в разумной мере.

Он настоял на своем, но про себя я согласился с Фельдштейном. И положил себе впредь обращать больше внимания на политику. Я даже не знал фамилии своего депутата! А уж тем более порядочный ли он человек или просто дешевый оппортунист.

Вот почему Джедсон, Боди и я отправились вместе в столицу штата.

Боди поехал потому, что Джедсон нуждался в первоклассном чародее на роль пойнтера. Неизвестно, что нас ждет, сказал он. А я поехал, потому что мне так хотелось. В столице штата прежде бывал только проездом, и мне было интересно понаблюдать, как варганятся законы.

Джедсон направился прямо в канцелярию секретаря по внутренним делам зарегистрироваться к качестве лоббиста, а мы с Джеком поехали с багажом в отель «Конституция» и сняли номера. Миссис Логан, приятельница Джо в комиссии, заглянула к нам еще до его возвращения.

В поезде Джедсон много рассказывал нам о Сэлли Логан. По его словам, выходило, что в ней хитрость Макиавелли сочетается с благородством и честью Оливера Уэнделла Холмса. Меня удивила его восторженность: слишком уж часто он ругал на все корки баб, лезущих в политику.

— Арчи, ты не понимаешь,— назидательно сказал он.— Сэлли не женщина-политик, а просто политик и не требует никаких привилегий потому лишь, что родилась женщиной. Она способна нанести удар и дать сдачи самому матерому интригану в собрании. Все, что я говорил о женщинах в политике, святая истина как обобщение, но к конкретным женщинам никакого отношения не имеет.

— Видишь ли,— продолжал он,— большинство женщин в Соединенных Штатах страдают близоруким крестьянским индивидуализмом, плодом романтической традиции, созданной мужчинами в прошлом веке. Им внушали, что они высшие создания, куда ближе к ангелам, чем их отцы, мужья и братья. Их не поощряли мыслить, не учили брать на себя бремя социальной ответственности. Требуются большой ум и воля, чтобы преодолеть такого рода обработку, и большинству такая задача не по зубам, будь они хоть женщины, хоть мужчины. В результате как избиратель-

ницы они склонны клевать на романтичную чепуху. Выманить их голос лестью даже легче, чем обработать мужчину. В политике их упоение собственной добродетелью в сочетании с по сути крестьянской психологией порождают мелочную придирчивость и нерасчетливую скаредность. Но Сэлли совсем другая. Ум у нее здравый, и дешевыми эффектами ее не заморочить.

— Ты случайно в нее не влюблен?

— Кто? Я? Сэлли замужем, очень счастлива и мать двух детей, симпатичнее которых я не видел.

— А кто ее муж?

— Юрист. Один из помощников губернатора. Сэлли занялась политикой после того, как ей пришлось заменить мужа во время одной избирательной кампании.

— А ее официальное положение?

— Никакого. Она правая рука губернатора, и в этом ее сила. Никакого поста Сэлли никогда не занимала и денег за свою работу не получала.

После таких рекомендаций мне не терпелось познакомиться с этой идеальной дамой. Когда она позвонила, мы говорили по внутреннему телефону, и я уже хотел сказать, что спущусь в вестибюль, но она заявила, что сейчас поднимется, и положила трубку. Меня несколько ошеломила такая фамильярность, если не выразиться сильнее, так как я еще не понял, что номер в отеле для политиков не спальня, а место деловых совещаний.

Не успел я открыть дверь, как она сказала:

— Вы ведь Арчи Фрэзер, верно? Я Сэлли Логан. А где Джо?

— Он вернется с минуты на минуту. Вы не подождете? Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо.

Она шмякнулась в кресло, сняла шляпу и тряхнула волосами. Я поглядел на нее.

Бессознательно я ожидал чего-то внушительного — дородную матрону с мужскими ухватками. А увидел молодую, пухленькую, задорную блондинку с непослушной гривой золотых волос и честными голубыми глазами. Она просто излучала женственность. Ей нельзя было дать и тридцати, но что-то в ней внушало неколебимое доверие.

Мне вспомнились сельские ярмарки, вкус колодезной воды и сахарных лепешек.

— Боюсь, тут можно обломать зубы,— начала она без обиняков.— Я такого не ожидала, но кто-то сколотил внушительный блок для законопроекта номер двадцать два. О нем я и телеграфировала Джо. Что вы, ребята, решили? Попытаетесь покончить с ними напрямую или предложите свой законопроект?

— Джедсон подготовил закон о квалифицированной практике с помощью кое-каких наших друзей из Полумира и парочки юристов. Хотите взглянуть?

— Будьте так добры. Я зашла в типографию и взяла несколько экземпляров законопроекта, против которого вы намерены выступать — АБ двадцать два. Обменяемся!

Я бился над переводом загадочного языка, которым пользуются юристы, творя законы, но без особого успеха. Вошел Джедсон, молча погладил Сэлли по щеке, а она пожала ему руку, продолжая читать. Он пристроился читать у меня за плечом, но тут я сдался и отдал брошюрку ему. По сравнению с ней технические характеристики будущего здания читаются как роман.

— Что ты об этом думаешь, Джо? — спросила Сэлли.

— Хуже, чем я предполагал,— ответил он.— Возьми раздел седьмой...

— Я в него еще не заглядывала.

— А? Ну, во-первых, ассоциация признается полуобщественной организацией вроде коллегии адвокатов или приходского фонда и получает право подавать жалобы комиссии. Иными словами, каждому чародею нужно поскорее вступить в дитвортскую ассоциацию и ни в чем не перечить ей.

— Но разве это законно? — спросил я.— На мой взгляд, тут прямое нарушение конституции. Чтобы частная ассоциация...

— Прецедентов полно, сынок! Например, корпорация по содействию всемирным ярмаркам. Их признают, им даже отчисляют бюджетные средства. Ну а конституционность... Неконституционную суть этого закона еще надо доказать, что крайне трудно, хотя он именно таков.

— В любом случае комиссия обязана провести разбирательство дела каждого чародея.

— Конечно, но тут-то и зарыта собака. Комиссия обладает очень широкими правами, почти неограниченными касательно всего, что так или иначе связано с чародейством. В законопроекте полно фразочек типа «в пределах разумного и надлежащим образом», которые попросту означают полную свободу рук, причем сдерживать членов комиссии должны здравый смысл и порядочность. Вот почему я против всяких правительственных комиссий — они исключают равенство в применении закона. Им передаются законодательные права, а потому закон — это то, что они назовут законом. Военный трибунал и то лучше. В данном случае членов предусматривается девять, причем шестеро должны быть лицензированными чародеями первого класса. Вряд ли нужно указывать, что несколько неудачных назначений при создании комиссии превратят ее в связанную круговой порукой самовозобновляющуюся олигархию. Благодаря ее праву выдавать лицензии.

Сэлли и Джо должны были повидаться с депутатом, который по их мнению мог предложить на рассмотрение собрания наш законопроект, а потому они высадили меня у капитолия. Мне захотелось послушать дебаты.

Поднимаясь по широкой величественной лестнице, я испытывал горделивое чувство. Старинное безобразное здание словно воплотило в себе твердость американского национального характера, непреклонную решимость свободных людей самим управлять своими делами. Наши нынешние трудности словно утратили всепоглощающую важность. Нет, их следовало разрешить, но лишь как очередной эпизод в долгой истории проблем самоуправления.

Подходя к огромным бронзовым дверям, я по привычке заметил еще кое-что; подрядчик, видимо, хорошо нагрел руки на этих стенах. Известковый раствор был очень и очень жидким!

Я решил побывать в нижней палате, а не в сенате, потому что, по словам Сэлли, заседания там проходили обычно повеселее. Когда я вошел в зал, там обсуждалась резолюция о проведении расследования случая, имевшего место в окрестностях города Сикс-Пойнтс, когда трое организаторов сельскохозяйственного профсоюза были вымазаны дегтем и облеплены перьями. Сэлли

заметила, что вопрос этот много времени не займет, поскольку те, кто внес резолюцию, на самом деле вовсе не хотят, чтобы она прошла. Однако Центральный рабочий совет вынес резолюцию с требованием расследования, и депутатам от рабочих избирательных округов пришлось потребовать ее рассмотрения.

Причина, по которой они только делали вид, что требуют расследования, была проста: вышеупомянутые организаторы были не людьми, а корешками мандрагоры, чего совет штата не знал, когда поставил вопрос о расследовании. Поскольку превращение корешков мандрагоры в человекоподобные существа требует наичернейшей черной магии и в высшей степени противозаконно, необходимо было отыскать способ спустить все на тормозах. Рабочие профсоюзы всегда были против такого использования мандраков, как их называют, поскольку в результате настоящие люди — отцы семейств — теряли работу. На том же основании они выступали против синтезированных двойников и гомункулов. С другой стороны, всем известно, что профсоюзы не прочь использовать мандраков и двойников для собственных целей: для пикетирования, оказывания давления и тому подобное. Полагаю, они чувствуют себя вправе вышибать клин клином. Гомункулы им не годятся — слишком малы, чтобы их можно было выдать за взрослых мужчин.

Не предупреди меня Сэлли, я бы ничего не понял в происходящем. Все рабочие депутаты по очереди вставали и непреклонно требовали вынести резолюцию о расследовании. Затем кто-то внес предложение отложить рассмотрение вопроса до следующего заседания большого жюри указанного графства. За это предложение проголосовали без обсуждения и переклички, причем, хотя присутствовали почти только выступавшие в пользу первой резолюции, вторая была принята практически единогласно.

В повестке значились обычные предложения нефтяной промышленности, о каких читаешь в газетах всякий раз, когда заседает законодательное собрание. Именно таким был следующий вопрос — губернатору предлагалось заключить соглашение с гномами, чтобы они содействовали в проведении разведки новых нефтяных месторождений, а также рекомендовали людям методы бурения, позволяющие поддерживать давление природного

газа в недрах, чтобы нефть поднималась на поверхность. Так я понял, но я не специалист.

Первым выступил сторонник проекта.

— Господин спикер,— сказал он,— прошу проголосовать за этот законопроект под номером АБ семьдесят девять. Цель его проста, а выгоды очевидны. Значительная часть расходов на добычу нефти-сырца падает на капризы разведки и бурения. С помощью Малого народца они могут быть сведены до семи процентов от нынешней суммы, исчисленной в долларах, так что стоимость бензина и других нефтепродуктов широкого потребления значительно снизится. Вопрос о подземном давлении газа технически несколько более сложен, но достаточно сказать, что в округленных цифрах нужна тысяча кубических футов природного газа, чтобы поднять на поверхность один баррель нефти. Если мы обеспечим надежный контроль бурения глубоко в недрах земли, для человека недоступных, использоваться это бесценное давление будет наиболее выгодным способом.

Единственное разумное возражение против этого закона сводится к вопросу, есть ли у нас возможность заключать соглашения с гномами на выгодных условиях. Я отвечаю «да», поскольку нынешняя администрация имеет прекрасные связи в Полумире. Гномы готовы приступить к переговорам, чтобы отрегулировать нынешнее хаотичное бурение вслепую, которое порой разрушает их жилища, а нередко — и святилища. Они не без некоторых оснований утверждают, что все земные недра — их владения, но согласны на разумные уступки, чтобы положить конец ситуации, для них невыносимой. Если это соглашение даст желанные плоды, а оно их даст, оно откроет путь к другим соглашениям, которые позволят нам разрабатывать все металлические и минеральные ресурсы нашего штата в условиях, весьма выгодных для нас и без вреда для гномов. Только представьте себе, как рентгеновские глаза гномов заглядывают в толщу породы и обнаруживают для вас мощную золотую жилу!

Звучало это очень заманчиво, но после моего краткого знакомства с владыкой гномов я бы не положился на его слово, разве что поручил бы переговоры миссис Дженнингс.

Едва сторонник проекта сел, как вскочил другой депутат и принялся столь же энергично его опровергать. Выглядел он старше большинства членов палаты, и я решил, что он юрист, практикующий в захолустье.

— Господин спикер! — загремел он.— Я прошу проголосовать против! Кто бы мог подумать, что американская законодательная власть падет до подобного унижающего ее вздора? (Его произношение выдавало в нем уроженца северной части штата, расположенного вдали от нефтяных полей.) Есть ли у вас хоть одна причина полагать, будто гномы существуют? Кто из вас хоть раз видел гнома? Перед нами просто дешевая уловка политических интриганов, цель которой — лишить избирателей их законной доли природных богатств нашего великого штата...

Его перебили вопросом:

— Следует ли из этих утверждений, что достопочтенный член этого собрания от графства Линкольн не верит в чародейство? Возможно, он также не верит в радио и телефон?

— Отнюдь нет. С разрешения председательствующего я изложу свою позицию столь ясно, что даже мой достопочтенный коллега в том углу зала сумеет ее понять. Некоторые замечательные достижения человеческого разума в своем практическом применении получили общеупотребительное название чародейства или магии. Принципы эти прекрасно изучены и преподаются, я счастлив сказать, в наших высших учебных заведениях, содержащихся на общественные средства. Я с глубочайшим уважением отношусь к дипломированным специалистам в этой области. Но, насколько я понимаю, хотя сам далек от этой замечательной науки, она вовсе не подразумевает веру в Малый народец. Но удобства ради предположим, что он существует. Основание ли это для того, чтобы от него откупаться? Должны ли граждане этого штата платить отступного населению подземного мира...— Он помолчал, давая время оценить свое тонкое остроумие, но оно осталось неоцененным,— ...за то, что принадлежит нам законно и по праву? Если этот смехотворный принцип довести до логичного завершения, фермеры и дояры, которых я с гордостью числю среди своих избирателей, должны будут платить пошлину эльфам за право доить своих коров!

Кто-то сел рядом со мной. Я повернул голову, увидел Джедсона и вопросительно посмотрел на него.

— Пока ничего,— шепнул он.— Надо подождать. Ну а время можно убить и здесь.— Он отвернулся от меня и стал слушать.

Кто-то уже начал отвечать старому индюку.

— Господин спикер, если достопочтенный член этого собрания закончил свою речь... (Я не совсем уловил, куда он выставил свою кандидатуру!) ...мне бы хотелось привлечь внимание присутствующих к отражению статуса стихий всех родов не только в законе Моисея, в римском праве и английском гражданском законодательстве, но и в решении апелляционного суда штата, граничащего с нашим на юге. Я убежден, что любой человек, хотя бы элементарно знакомый с юриспруденцией, поймет, какой прецедент я имею в виду, и назову дело только снисходя к...

— Господин спикер! Я предлагаю изъять последний эпитет...

— Уловка, чтобы получить слово,— шепнул Джедсон.

— Намерен ли достопочтенный коллега намекнуть...

Так это и продолжалось. Я обернулся к Джедсону и спросил:

— Я что-то не понимаю этого типа, который сейчас выступает. Несколько минут назад он вопил что-то о коровах. Чего он опасается? Религиозных предрассудков?

— Отчасти. Он из очень консервативного избирательного округа. Но он связан с независимыми нефтяниками. Они не хотят, чтобы условия вырабатывались штатом, и предпочтут договариваться с гномами напрямую.

— Но его-то нефть почему интересует? В его округе ею и не пахнет!

— Да, но там есть реклама. Холдинговая компания, которая контролирует так называемых независимых нефтяников, владеет акциями Загородной рекламной корпорации. А это ему может очень пригодиться в предвыборной кампании.

Спикер посмотрел в нашу сторону, и один из стражей порядка направился к нам. Мы замолчали. Кто-то потребовал соблюдать повестку дня, обсуждение нефтяного проекта было отложено, и собрание занялось одним из законопроектов о чародействе, который уже был рассмотрен комиссией. Закон сводился к требованию запретить все виды чародейства, магии и колдовства.

Его поддержал только предложивший, а он разразился филиппикой, очень ученой, но не слишком логичной. Он широко цитировал «Комментарии» Блекстоуна, ссылался на массачусетские процессы над ведьмами, а в заключение откинул голову, воздел дрожащий перст к небесам и возопил:

— «Ворожеи не оставляй в живых!» «Исход» двадцать два восемнадцать.

Никто не побеспокоился выступить с возражениями, закон тут же был поставлен на голосование без переклички и к моему полнейшему недоумению не получил ни единого голоса против. Я обернулся к Джедсону, и он улыбнулся выражению моего лица.

— Это ровно ничего не значит, Арчи,— произнес он вполголоса.

— Как?

— Этот депутат — пристяжная своей партии и вынужден был предложить этот закон, чтобы ублаготворить влиятельную часть своих избирателей.

— Ты хочешь сказать, что сам он в него не верит?

— Да нет, верит. Но знает, что это безнадежно. Видимо, было договорено, что закон пройдет на этой сессии нижней палаты, чтобы ему было чем помахать перед избирателями. А закон перейдет в сенатскую комиссию, где и утонет. Никто о нем больше не услышит.

Вероятно, я не совладал со своим голосом, потому что спикер поглядел на нас совсем уж грозно, после того как я охнул. Мы поторопились уйти.

В коридоре я спросил Джо, почему он вернулся так быстро.

— Он отказался наотрез,— ответил он.— Сказал, что не хочет рисковать и настраивать ассоциацию против себя.

— Значит, с нами покончено?

— Вовсе нет. После обеда мы с Сэлли поговорим с другим депутатом. У него сейчас заседание комиссии.

Мы отправились в ресторан, где Джедсон договорился встретиться с Сэлли Логан. Он заказал обед, а я попросил пару банок безалкогольного пива — и обязательно неоткупоренными. Я люблю выпить, но не терплю даже легкого опьянения. Как-то раз я заплатил за заклятое пиво, а подали мне что-то алкогольное. С тех пор я требую неоткупоренные банки и бутылки.

Я сидел, глядя в кружку, и размышлял над тем, чего наслушался в нижней палате, а главное — над попыткой запретить всякое чародейство. И чем больше размышлял, тем заманчивее мне представлялся такой закон. Страна ведь процветала в те дни, когда чародейство не приобрело популярности и не было поставлено на коммерческую основу. Оно причиняло много неприятностей и помимо нынешнего нашего столкновения с рэкетирами и монополистами. Я высказал свое мнение Джедсону, но он не согласился со мной.

Запреты, сказал он, никогда не приносили пользы ни в какой области. По закону или вопреки ему все, на что есть спрос, будет поставляться тем, кому оно требуется. Запретить чародейство — значит попросту расчистить дорогу всяким шарлатанам и черным колдунам.

— Я не хуже тебя сознаю отрицательные стороны чародейства,— продолжал он,— но это как огнестрельное оружие. Бесспорно, пистолеты открывают возможность почти для каждого убивать безнаказанно. Однако, едва они были изобретены, уже ничего нельзя было изменить. Оставалось только как-то выходить из положения. Закон Салливана и ему подобные не мешают преступникам носить оружие и пускать его в ход, они просто забрали оружие у порядочных людей.

Он помолчал.

— То же и с чародейством. Запретив его, ты отнимешь у законопослушных людей великие блага, которые дает знание великих законов оккультизма, но гнусные, вредоносные тайны, скрытые в черных и красных «Наставлениях», останутся доступными любому, кто не уважает законы и готов заплатить требуемую цену. Не верю, что с тысяча семьсот пятидесятого года по тысяча девятьсот пятидесятый, например, к черной магии прибегали реже, чем до этого времени или сейчас. Посмотри на Пенсильванию и край колдуний, посмотри на крайний Юг. Однако теперь мы пользуемся и благами белой магии.

В зал вошла Сэлли, увидела нас и села на диванчик.

— Фу-у...— вздохнула она с облегчением.— Еле пробралась через вестибюль! «Третья палата» явилась в полном составе. Никогда еще не видела их в таком количестве, и особенно женщин.

— Какая третья палата? — спросил я.

— Она говорит про лоббистов, Арчи,— объяснил Джедсон.— Я тоже заметил и бьюсь об заклад, две трети синтезированы.

— То-то мне показалось, что я почти никого из них прежде не видела,— согласилась Сэлли.— Но ты уверен, Джо?

— Не совсем. Но Боди согласился со мной. Он говорит, что женщины почти все мандраки или андроиды той или иной выделки. Настоящие женщины никогда не бывают столь безупречно красивыми... (да и такими покладистыми). Он сейчас проверяет их по моей просьбе.

— Каким образом?

— По его словам, он умеет определить работу большинства чародеев, способных на такие сложные манипуляции. Нам было бы полезно получить доказательства, что все эти андроиды выпущены «Магией», хотя я пока не совсем представляю, как мы могли бы использовать этот факт.

Боди даже опознал парочку-другую зомби,— добавил он.

— Неужели! — воскликнула Сэлли и брезгливо поморщилась.— Какие странные вкусы бывают у некоторых людей!

Тут они заговорили о политических делах, мне неизвестных, пока Сэлли расправлялась с довольно внушительным обедом, завершив его солидной порцией торта из мороженого с кремом. Однако я заметил, что заказывала она по левой стороне меню — из списка блюд с исчезающими компонентами, вроде алкоголя в моем пиве.

Слушая их разговор, я мало-помалу разобрался в ситуации. Когда предлагается законопроект, он предварительно передается в соответствующую комиссию. Проект Дитворта АБ 22 поступил в комиссию по профессиональной этике. А председательствующий в сенате помощник губернатора предложил точно такой же законопроект и передал его в комиссию по вопросам промышленности.

Нашей первой задачей было найти депутатов, которые внесли бы наш проект на рассмотрение обеих палат, если удастся, и — в оптимальном варианте, были бы членами соответствующих комиссий от своей палаты. Причем все это требовалось уладить до того, как дитвортский проект поступит на рассмотрение в собрании.

Ко второму депутату я отправился с ними. Правда, он не состоял в комиссии по профессиональной этике, зато был членом комиссии по способам и методам, а это значило, что с ним считаются во всех остальных комиссиях.

Он оказался очень приятным человеком. Фамилия его была Спенс — Лютер Б. Спенс, и я заметил, что он искренне хотел оказать услугу Сэлли — вероятно, в благодарность за ее прошлые услуги. Но нам повезло с ним не больше, чем с тем, к кому они обратились первому. К сожалению, сказал он, у него совсем нет времени, чтобы внести наш законопроект — председатель комиссии по способам и методам серьезно болен, и он его замещает до конца сессии.

Сэлли сказала без обиняков:

— Послушайте, Лютер, когда вам в прошлом требовалась помощь, вы получали ее от меня. Мне неприятно напоминать человеку о его обязательствах, но вспомните про прошлогоднюю вакансию в комиссии по охоте и рыболовству. Так вот: в этом деле мне нужны не извинения, а поддержка!

Спенс явно смутился.

— Послушайте, Сэлли, не надо так! Зря вы взъерошили перышки. Вы знаете, я всегда окажу вам всемерную поддержку, но это вам не так уж и нужно, а мне придется пренебречь тем, чем пренебрегать я никак не могу.

— Что значит — «вам не нужно»?

— Не нужно тревожиться из-за АБ двадцать два. Это же просто затравка.

Позже Джедсон объяснил мне, что «затравкой» называют законопроект, вносимый по тактическим соображениям. Вносящие и не пытаются добиваться его утверждения, а используют только для заключения сделки. Нечто вроде «цены с запросом» в торговле.

— Вы в этом уверены?

— Ну да. Практически. Говорят, что готовится другой законопроект, исправленный по сравнению с этим.

Когда мы вышли из приемной Спенса, Джедсон сказал:

— Сэлли, надеюсь, Спенс не ошибается, но я ни на цент не верю Дитворту. Он намерен прибрать эту сферу деятельности к рукам!

— Сведения Лютера обычно верны, Джо.

— Без сомнения. Но это слегка не по его части. Ну, в любом случае, спасибо, детка. Ты сделала все, что в твоих силах.

— Звони, Джо, если понадобится что-нибудь еще. И до отъезда выберись пообедать у нас. Ты же еще не видел ни Билла, ни ребят.

— Обязательно.

Джедсон наконец оставил бесплодные попытки внести наш законопроект на рассмотрение и сосредоточился на комиссии, куда поступили законопроекты Дитворта. Я его почти не видел. Он уходил из отеля в четыре часа на прием с коктейлями и возвращался в три ночи с покрасневшими от бессонницы глазами и сообщал мне последние новости.

На четвертую ночь он разбудил меня торжествующим заявлением:

— Дело в шляпе, Арчи!

— Ты зарезал эти законопроекты?

— Не совсем. Этого у меня не получилось. Но из комиссии они выйдут с такими поправками, что их утверждение нам ничем не грозит. Сверх того, поправки предложили разные комиссии.

— Ну и что?

— А то, что, в случае утверждения в своих палатах, они будут переданы объединенной комиссии для согласования, а затем возвращены в палаты для окончательного утверждения. А шансы на это, когда сессия практически завершена, крайне малы. Считай, что оба они утоплены.

Предположение Джедсона оправдалось. Законопроекты были отосланы из комиссии с рекомендацией «утвердить» вечером в субботу. То есть по реальному времяисчислению. Часы Капитолия были остановлены за двое суток до этого, чтобы провести в срок первое и второе чтение «обязательного» законопроекта, предложенного администрацией. А потому официально был четверг. Я понимаю, что звучит это по-идиотски, да и вообще это идиотство, но меня заверили, что в конце перегруженной сессии такую штуку устраивают законодательные собрания всех штатов.

Важно было другое: четверг ли, суббота ли, сессия должна была завершиться в этот вечер. Я следил, как законопроект Дитворта был представлен в нижней палате и прошел без обсуждения в

исправленной форме. Я вздохнул с облегчением. Около полуночи меня нашел Джедсон и сообщил, что в сенате произошло то же самое. Сэлли вела наблюдение на заседании объединенной комиссии, просто чтобы убедиться, что законопроекты застряли.

Мы с Джо возобновили наше дежурство в нижней палате и в сенате. Собственно, этого не требовалось, но так нам было спокойнее. Около двух ночи за мной зашел Боди и сказал, что Сэлли с Джедсоном будут ждать нас у дверей зала, где заседает объединенная комиссия.

— Что случилось? — У меня сразу взыграли нервы.— Провал?

— Нет-нет, все в порядке. Идем.

Джедсон ответил на мой вопрос прежде, чем я успел его задать, едва увидев меня и Боди, отставшего на несколько шагов.

— Все в порядке, Арчи. Сэлли была там, когда комиссия завершила работу, не добравшись до этих законопроектов. Все позади, и мы одержали победу.

В честь этого следовало выпить, и мы направились в бар на другой стороне улицы.

Несмотря на поздний час, бар был довольно полон. Лоббисты, местные политики, помощники депутатов — все те, кто толчется в Капитолии, пока продолжается сессия, оставались на ногах до утра, а некоторые и вообще просидели в баре весь вечер, дожидаясь новостей.

Нам повезло; мы нашли для Сэлли свободный табурет у стойки и втроем отгородили ее живой стенкой, стараясь привлечь внимание задерганного бармена. Только мы умудрились сделать заказ, как молодой человек похлопал по плечу мужчину, сидевшего на табурете рядом с Сэлли справа. Он тут же вскочил и вышел, а я толкнул локтем Боди, чтобы он занял освободившийся табурет. Сэлли повернулась к Джо:

— Ну, ждать уже недолго. Вон служитель.— И она кивнула в сторону молодого человека, который двигался вдоль стойки, вновь и вновь хлопая кого-то по плечу.

— В чем дело? — спросил я Джо.

— Начинается заключительное голосование, которого они ждали. И «созывается палата», а потому спикер распорядился арестовать отсутствующих членов.

— Арестовать? — переспросил я с некоторым возмущением.

— Чистая формальность. Видишь ли, нижней палате полагается ждать, пока не кончит заседать сенат, ну и почти все депутаты разбрелись перекусить или выпить. А теперь начинается голосование, вот их и собирают.

На табурет, освободившийся неподалеку от нас, плюхнулся толстяк. Сэлли сказала:

— Привет, Дон.

Он вынул изо рта сигару и ответил:

— Как поживаешь, Сэлли? Что новенького? Ах да! Тебя вроде бы интересовал этот закон о магии?

Мы все четверо разом встрепенулись.

— Да,— подтвердила Сэлли.— А что?

— Ну так лучше вернись в зал. Сейчас идет голосование по нему. Ты разве не заметила, что «созывается палата»?

По-моему, мы поставили новый рекорд бега на сто метров. Первой улицу пересекла Сэлли, и полнота ей не помешала. Я спросил было Джедсона, как это могло получиться, но он только буркнул:

— Не знаю. Сейчас увидим.

Нам удалось найти места внизу у самого барьера. Сэлли попросила знакомого рассыльного принести ей экземпляр закона, поставленного на голосование, а за барьером двумя группами собирались депутаты.

У стола руководителя правительственной фракции образовалась порядочная толпа, другая, поменьше, окружила руководителя оппозиционной фракции. Партийные организаторы там и сям останавливали депутатов и что-то им втолковывали напряженным шепотом.

Вернулся рассыльный с экземпляром законопроекта — Бюджет для плана улучшений в средних графствах,— последнего из «обязательных», для рассмотрения которых созывалась сессия, но... дополненный *законопроектом Дитворта в его первоначальной самой губительной форме!*

Видимо, в качестве поправки в сенате, как уступка подручным Дитворта, чтобы обеспечить большинство в две трети, необходимое для утверждения бюджета, с которым его скрепили.

Тут же и проголосовали. Еще в самом начале переклички стало ясно, что руководитель сплотил свое большинство и закон пройдет. Когда это было объявлено, руководитель оппозиции внес предложение закрыть заседание, и оно было принято единогласно. Спикер подозвал обоих руководителей к себе и поручил им сообщить губернатору и председателю сената о завершении сессии.

Удар его молотка вывел нас из оцепенения, и мы побрели к дверям.

На следующее утро нас принял губернатор, хотя день у него был расписан по минутам. Просто из любезности к Сэлли, что подтвердило уважение, каким она пользовалась в этих кругах. Во всяком случае было видно, что нас он видеть не хотел и времени у него в обрез.

Однако с Сэлли он поздоровался сердечно и терпеливо слушал, пока Джедсон, как можно короче, излагал, почему, по нашему мнению, на закон о бюджете для средних графств вкупе с дитвортским необходимо наложить вето.

Обстановка была не слишком подходящей для объяснений. Губернатор дважды отрывался, чтобы поговорить по телефону — со своим финансовым советником и с Вашингтоном. Один раз вошел секретарь и сунул ему какой-то документ: старик как будто встревожился, нацарапал резолюцию и отдал документ секретарю. Я видел, что некоторое время затем его мысли были заняты вовсе не тем, о чем говорил Джедсон.

Когда Джедсон замолчал, губернатор на несколько секунд уставился на пресс-папье с выражением тоскливой усталости, а потом сказал медленно:

— Нет, мистер Джедсон, вы меня не убедили. Я, как и вы, сожалею, что закон, регулирующий применение чародейства, соединили с совершенно другим. Но я не могу наложить вето на часть закона, а остальное подписать, даже если закон охватывает две разные области. Я ценю усилия, которые вы приложили для избрания моей администрации — (тут я распознал руку Сэлли),— и искренне хотел бы, чтобы мы пришли к согласию и в этом вопросе. Однако План для средних графств я поддерживал с момента моего избрания. Я искренне надеюсь и верю, что с его помощью

наиболее бедные районы нашего штата смогут разрешить свои экономические проблемы и без новых безвозвратных ссуд. Если бы я был убежден, что поправка, касающаяся чародейства, действительно нанесет серьезный ущерб штату...

Он помолчал.

— Но я в этом не убежден. После утреннего звонка миссис Логан я поручил своему юрисконсульту проанализировать этот закон. Я согласен, что он не нужен, но в остальном он разве что чуть-чуть расширит бюрократические процедуры. Конечно, ничего хорошего, но мы же многого добиваемся и при этих условиях, так что такая малость навредить никак не может.

Тут вмешался я. Грубо, не спорю, но я весь кипел.

— Ваше превосходительство, если бы вы сами нашли время внимательно с ним ознакомиться, вы убедились бы, сколько вреда он принесет!

Я не удивился бы, если бы он меня отчитал, но он только кивнул на груду входящих бумаг у себя на столе.

— Мистер Фрэзер, вы видите тут пятьдесят семь законопроектов, утвержденных этой сессией законодательного собрания. У каждого из них есть какие-то недостатки. Каждый из них очень важен для той или иной группы граждан нашего штата — или для них всех. Некоторые длиной не уступят роману. В ближайшие девять дней я должен решить, какие утвердить, а какие отложить для пересмотра до будущей сессии. На протяжении этих девяти дней по меньшей мере тысяча человек будут требовать, чтобы я принял их по поводу того или иного из этих законов...

В дверь просунулась голова секретаря.

— Двенадцать двадцать, шеф. Через сорок минут вы выходите в эфир.

Губернатор рассеянно кивнул и поднялся с кресла.

— Вы меня извините? Меня ждут на званом завтраке.— Он обернулся к секретарю, который доставал из стенного шкафа шляпу и перчатки.— Джим, вы взяли речь?

— Конечно, сэр.

— Секунду! — вмешалась Сэлли.— А свое лекарство вы приняли?

— Еще нет.

— Перед таким завтраком его надо принять обязательно! — Она кинулась в его умывальную и вернулась с флаконом в руке. Мы с Джо поспешили откланяться.

На улице я принялся злобствовать на то, как нас вышвырнули, и прошелся по поводу тупых, идущих на компромиссы политиканов, но тут Джо меня оборвал.

— Заткнись, Арчи! Попробуй как-нибудь поруководить штатом, а не маленькой фирмой и посмотри, как у тебя пойдут дела!

Я заткнулся.

Боди ждал нас в вестибюле Капитолия. Я заметил, что он очень взволнован. Увидев нас, он швырнул сигарету и кинулся к нам.

— Поглядите! — потребовал он.— Вон туда!

Мы посмотрели туда, куда указывал его палец, и увидели две фигуры, выходящие из больших дверей. Дитворт, а с ним — известный лоббист, который ему помогал.

— Ну и что? — спросил Джо.

— Я стоял вон за той телефонной будкой и закуривал сигарету. Вон в том настенном зеркале отражается нижняя часть лестницы. Я высматривал в нем вас. И вдруг вижу; этот лоббист, Симс, спускается по лестнице вроде бы один, но размахивает руками, как будто с кем-то разговаривает. Мне стало любопытно, и я посмотрел прямо на лестницу из-за угла будки. А он не один! Он с Дитвортом. Поглядел в зеркало — а там Симс один! ДИТВОРТ В ЗЕРКАЛЕ НЕ ОТРАЖАЛСЯ!

Джедсон щелкнул пальцами.

— Демон! — сказал он изумленно.— А мне и в голову не приходило!

Я удивляюсь, почему в поездах самоубийства случаются не каждый день. Не знаю, что может действовать более угнетающе, чем однообразные пейзажи за окном и монотонный перестук колес — ликети-ток, ликети-ток... Я даже был рад, что мог занять голову нашим открытием, что Дитворт не человек вовсе, и не вспоминать беднягу Фельдштейна с его тысячью долларами.

Но при всей своей неожиданности открытие, что Дитворт — демон, мало что меняло, просто объясняло быстроту и ловкость, с какой нас обошли, ну и подтверждало окончательно наше подо-

зрение, что рэкетиры и корпорация «Магия» — это две головы одного чудовища. Но у нас не было средства доказать, что Дитворт — исчадие Полумира. Попытайся мы вызвать его в суд для проверки, он наверняка затаится, а вместо себя пришлет двойника или мандрака, точное свое подобие, но в зеркале отражающееся.

Нам было страшно возвращаться, чтобы сообщить о полной нашей неудаче, то есть мне было страшно. Но хоть тут судьба нас пощадила. Закон о средних графствах вступал в силу с момента подписания, а с ним и поправка, включившая законопроект Дитворта. Когда мы сошли с поезда, на вокзале продавались газеты с фамилиями членов новоиспеченной комиссии по чародейству.

Комиссия, также не теряя времени, дала почувствовать свою силу. Она объявила о своем намерении поднять требования ко всем видам магии и возвестила о введении новых экзаменов с более взыскательным подходом. Ассоциация, прежде возглавлявшаяся Дитвортом, открыла курсы повышения квалификации для чародеев, желающих пополнить свои познания в области принципов волшебства и законов магии. В соответствии с благородными идеями, изложенными в их хартии, курсы не ограничивали прием только членами ассоциации.

Какое великодушие! А на самом деле на занятиях постоянно внушалось, что членство в ассоциации облегчит сдачу новых экзаменов. И ничего конкретного, с чем можно обратиться в суд, только косвенные намеки. И ассоциация росла как на дрожжах.

Недели через две все лицензии были аннулированы, а чародеям было разрешено практиковать, но с обязательством явиться на экзамен по первому требованию. Наиболее ярых из нежелавших заключить контракт с «Магией» вызвали, проэкзаменовали и отказали им в лицензии. Пресс был включен на полную мощность. Миссис Дженнингс тихо удалилась от дел. Боди как-то зашел ко мне — у меня был с ним контракт на завершение нескольких недостроенных домов.

— Вот ваш контракт, Арчи,— сказал он с горечью.— Я попрошу у вас отсрочки для уплаты неустойки. Мой залог конфисковали тогда же, когда отняли у меня лицензию.

Я взял и разорвал его на четыре части.

— Про неустойку забудь,— сказал я.— Сдашь экзамен, и мы заключим новый контракт.

Он зло засмеялся.

— Не будь наивным.

Я сменил тему.

— Что ты намерен делать? Подпишешь договор с корпорацией «Магия»?

Он гордо выпрямился.

— Я никогда не шел на мировую с демонами. И не собираюсь.

— Молодец! — отозвался я.— Когда на хлеб начнет не хватать, мы подыщем для тебя какую-нибудь работу здесь.

Хорошо еще, что у Боди было кое-что отложено на черный день, потому что я немножко поторопился со своим предложением, «Магия» стремительно нажала еще сильнее, и вопрос уже встал, а буду ли я сам есть досыта. В городе, конечно, оставалось еще немало лицензированных чародеев, не связанных договором с «Магией» — если бы корпорация выжила всех, это было бы подсудным делом,— но только одни бездарности, которые и любовный напиток настоять не сумели бы. А получить надежную и законную магическую помощь можно было только через корпорацию «Магия».

Мне пришлось вернуться к прежним методам даже в мелочах. Поскольку чарами я не злоупотреблял, заниматься этим я мог с той только разницей, что вместо прибыли выходили убытки.

Я взял Фельдштейна продавцом, когда его агентство лопнуло. Он чувствовал себя как рыба в воде и помог снизить потери. Прибыль он чуял даже на большем расстоянии, чем я,— на большем, чем доктор Уортингтон был способен учуять колдуна.

Но большинство знакомых мне бизнесменов были вынуждены капитулировать. Почти все они пользовались чарами по меньшей мере на одной стадии своего производства, и перед ними стоял простой выбор: либо заключить контракт с «Магией», либо ликвидировать свое дело. У них были жены, дети, и они заключали контракты.

Расценки за чародейство были взвинчены до предела — так, что с магией себестоимость оказывалась лишь чуть ниже, чем без нее. Чародеям от этой прибыли не перепадало ничего — все забирала

корпорация. Собственно говоря, чародеи теперь зарабатывали меньше чем прежде, когда были независимыми, но они брали, что им перепадало, и были рады хоть как-то прокормить свои семьи.

Джедсону был нанесен тяжелый удар. Сокрушительный. Он пока держался, предпочитая честное банкротство сделке с демонами, но ведь в своем производстве он пользовался магией буквально во всех операциях. Они начали с того, что дисквалифицировали Огеста Уэлкера, его десятника, а затем лишили остальных источников. Ему дали понять, что корпорация «Магия» не желает иметь с ним дела, даже если он будет просить об этом.

Как-то под вечер мы собрались у миссис Дженнингс выпить чаю — я, Джедсон, Боди и доктор Ройс Уортингтон, гроза колдунов. Мы пытались разговаривать на нейтральные темы — и все время возвращались к своим бедам. Любое самое безобидное замечание тут же заставляло вспомнить Дитворта и его проклятую монополию.

После того как Джек Боди минут десять, кривя душой, объяснял, будто нисколько не переживает из-за утраты возможности колдовать — у него и таланта к этому нет никакого, и занялся он этим только по настоянию отца, не желая его огорчать, я попытался сменить тему. Миссис Дженнингс слушала Джека с таким состраданием, с такой жалостью в глазах, что мне хотелось зареветь в голос.

Я обернулся к Джедсону и пробормотал:

— А как там мисс Мегит?

Та белая колдунья из Джерси-Сити, которая занималась творческой магией в текстильной промышленности.

Он дернулся и посмотрел на меня.

— Эллен? Она... у нее все хорошо. Ее лишили лицензии месяц назад,— закончил он бессвязно.

Такой поворот беседы меня не устраивал, и я сделал еще одну попытку:

— А ей все-таки удалось сотворить готовое платье?

Он чуть-чуть повеселел.

— Ну да. Один раз. Неужели я вам об этом не рассказывал?

Миссис Дженнингс проявила вежливый интерес, за что я мысленно ее поблагодарил. Джедсон объяснил остальным, чего они с мисс Мегит добивались.

— Она даже чересчур преуспела,— продолжал он.— Раз начав, все продолжала и продолжала: нам никак не удавалось вывести ее из транса, и она выдала более тридцати тысяч полосатых спортивных платьев маленького размера. У меня все склады ими забиты. Девять десятых успеет испариться, прежде чем я продам приличную партию.

Но больше она этим заниматься не будет,— добавил он.— Слишком вредно для ее здоровья.

— Как так? — спросил я.

— Ну, она похудела на десять фунтов после этого сеанса. Материала для чар почти не осталось. Ей нужно бы поехать в Аризону и год прожариваться на солнце. Эх, были бы у меня деньги! Я бы ее туда отправил.

Я вздернул бровь.

— Попался, Джо?

Джедсон закоренелый холостяк, но мне нравится его поддразнивать, и обычно он подыгрывает, но на этот раз прямо-таки огрызнулся. Вот насколько у него нервы истрепались!

— А чтоб тебя, Арчи! Извините, миссис Дженнингс! Но стоит мне проявить простой человеческий интерес к кому-нибудь, и ты сразу усматриваешь корыстные побуждения!

— Прости!

— Да ладно.— Он усмехнулся.— Мне не следовало лезть в бутылку. Как бы то ни было, а мы с Эллен кое-что изобрели — возможно, этот фокус нас всех выручит. Я собирался вам всем показать, когда будет готов пробный образец. Вот! — Из кармана жилета он извлек нечто вроде ручки и протянул ее мне.

— Что это? Ручка?

— Нет.

— Градусник?

— Нет. А ты открой.

Я отвинтил колпачок и увидел миниатюрный зонтик. Открывался и закрывался он как настоящий и был в поперечнике дюйма три. Мне вспомнились японские коробочки с сюрпризами, которые иногда раздают на праздниках. Только те зонтики сделаны из папиросной бумаги и бамбуковой палочки, а этот был из водонепроницаемого шелка с металлическими спицами и ручкой.

— Симпатичный,— сказал я.— И сделан очень искусно. А для чего он?

— Окуни его в воду.

Я посмотрел по сторонам, где взять воду, но миссис Дженнингс уже плеснула из графина в чашку и дала мне. Я обмакнул зонтик.

Мне почудилось, что он пополз у меня по ладони. Не прошло и тридцати секунд, как оказалось, что я держу над головой открытый зонт и выгляжу, наверное, так же глупо, как себя чувствую.

Боди хлопнул кулаком по ладони.

— Самое то, Джо! И как это никто раньше до этого не додумался!

Джедсон выслушал поздравления с самодовольной улыбкой, сказал: «Это еще не все!», достал из кармана конверт и вытряхнул из него прозрачный дождевик впору шестидюймовой куколке.

— Принцип тот же. Как и у них.— Он вытащил пару галош длиной менее дюйма.— Мужчина может носить их как брелок на часовой цепочке, а женщина — как талисманчик на браслете. И тогда, приобретя зонтик или плащ, можно будет не опасаться дождя. Едва он начнется — хоп! — они увеличатся. А высыхая, опять станут миниатюрными.

Мы восхищаясь, передавали их из рук в руки, а Джо продолжал:

— Вот, о чем я говорил. Для этого дела нужен чародей — это ты, Джек. И организатор сбыта — это ты, Арчи. Мы с Эллен получаем большие пакеты акций. Она сможет отдохнуть и подлечиться, а я уйду на покой, продолжать изучение законов магии, как и собирался.

Я уже вовсю обдумывал коммерческие возможности, и тут вдруг меня огорошила зловещая мысль.

— Погоди, Джо! Мы ведь не можем открыть это дело в нашем штате.

— Да, конечно.

— А чтобы открыть дело в другом штате, нужен какой-никакой капитал. У тебя есть что-нибудь? По правде сказать, я вряд ли и тысячу долларов выручу за магазин.

Он скривил губы.

— Ну, в сравнении со мной ты богач.

Я вскочил и начал нервно расхаживать по комнате. Может, мы сумеем занять необходимые деньги. Упустить такую возможность? Нет уж! Она же нас всех поставит на ноги! Все основания для получения патента, а тогда... Я уже видел коммерческие операции, какие Джо и не представлял себе. Туристские палатки, байдарки, купальные костюмы, любое снаряжение для путешествий. Золотое дно!

И тут миссис Дженнингс сказала мягко своим приятным голосом:

— Боюсь, что найти штат, где вы смогли бы обосноваться, будет не так-то легко.

— Извините, я не понял?

— Мы с доктором Ройсом наводили справки. Боюсь, вы убедитесь, что вся страна скоро окажется в таком же положении.

— Как! Все сорок восемь штатов?

— Демоны в отличие от нас во времени не ограничены.

Я осекся. Опять Дитворт!

Уныние окутало нас как черная мгла. Мы прикидывали и так и эдак, но возвращались все к тому же: что толку от замечательной идеи, если Дитворт обложил нас со всех сторон? Воцарилось угрюмое молчание.

Прервал его я, неожиданно для себя заявив:

— Но послушайте! Такое положение невыносимо. Довольно обманывать себя. Посмотрим правде в глаза: пока Дитворт командует, нам надеяться не на что. Почему же мы ничего не пробуем предпринять?

Джедсон страдальчески улыбнулся.

— Я бы и рад, Арчи, Бог свидетель, но что мы можем сделать?

— Мы ведь знаем, кто наш враг! Дитворт. Так возьмемся за него — законным путем или противозаконным, в открытую или исподтишка.

— В том-то и вопрос. Знаем ли мы, кто наш враг? Да, конечно, он демон. Но какой? И где он сейчас? Его уже давным-давно никто не видел.

— Что? Так ведь совсем на днях...

— Просто манекен. Пустая оболочка. Подлинный Дитворт где-то прячется.

— Но, послушай, если он демон, его же можно вызвать, принудить...

Ответила мне миссис Дженнингс:

— Пожалуй, но это ненадежный и опасный способ. Для этого нам не хватает главного — его имени. Вызвать демона можно, только зная его подлинное имя, иначе он не подчинится, какими могущественными ни были бы заклинания. Я уже не один месяц веду розыски в Полумире, но ничего полезного не узнала.

Доктор Уортингтон звучно откашлялся — словно загромыхала бетономешалка — и предложил:

— Мои способности в вашем распоряжении, и если я могу както помочь вам избавиться от этой докуки...

Миссис Дженнингс поблагодарила его, но добавила:

— Пока я не вижу, доктор, как мы могли бы воспользоваться вашими талантами. Но я всегда знала, что вы готовы помочь нам.

— Черное побеждается белым! — неожиданно сказал Джедсон.

— Всегда,— подтвердила миссис Дженнингс.

— И везде?

— И везде, ибо мрак — это отсутствие света.

— Негоже,— продолжал Джедсон,— белому уступать черному.

— Негоже.

— С помощью моего брата Ройса мы можем внести свет во мрак.

Она задумалась.

— Да, это возможно, но очень опасно.

— Вы там бывали?

— Случалось. Но ты — не я, и остальные тоже.

Все, кроме меня, словно бы понимали, о чем идет речь, и я, не выдержав, перебил их.

— Погодите. Может, вы объясните, в чем дело?

— Извини, Арчибальд, мы не хотели тебя обидеть,— сказала миссис Дженнингс голосом, который сразу меня утешил.— Джозеф предлагает, раз мы здесь бессильны, сделать вылазку в Полумир, вынюхать этого демона и напасть на него в его родной обстановке.

Я не сразу уловил дерзкую простоту этого плана, а тогда сказал:

— Чудесно! Давайте, а? Когда отправляемся?

Они начали профессиональный разговор, в котором я опять ровно ничего не разобрал. Миссис Дженнингс достала несколько подплесневевших фолиантов и справлялась по ним о тонкостях, которые были выше моего понимания. Джедсон позаимствовал ее календарь и вышел с доктором во двор посмотреть на луну.

Затем они начали спорить — вернее, обсуждать, поскольку предложения миссис Дженнингс принимались безоговорочно — как обеспечить связь с реальным миром. Насколько я понял, проверенного способа не имелось, а миссис Дженнингс отказывалась что-либо предпринять, пока они не найдут подходящий вариант. Загвоздка заключалась в следующем: они не были черными чародеями, не подписывали договора со Старым Чертом, а потому не считались гражданами Царства Тьмы и опасались вторгнуться туда без гарантий.

— А как насчет Эллен Мегит? — неуверенно спросил Боди у Джедсона.

— Эллен? Ну, конечно же! Она это может. Сейчас я ей позвоню. Миссис Дженнингс, у кого из ваших соседей есть телефон?

— Это лишнее,— перебил Боди.— Просто думай о ней, пока я не протяну линию...— Секунду он впивался взглядом в лицо Джедсона, а затем исчез.

Минуты три спустя Эллен Мегит грациозно спрыгнула в комнату из пустоты.

— Мистер Боди сейчас придет,— сказала она.— Он задержался купить пачку сигарет.

Джедсон подвел ее к миссис Дженнингс и познакомил их. Выглядела Эллен действительно плохо, и я понял, почему Джедсон за нее тревожится. Каждые несколько минут она судорожно сглатывала и кашляла, словно страдая увеличением щитовидной железы.

Едва вернулся Джек, как они принялись обсуждать детали. Он уже объяснил Эллен, что они задумали, и она с радостью согласилась помочь, твердо заявив, что еще один транс ей вреда не причинит. Тянуть не имело смысла, и они тут же собрались в путь. Миссис Дженнингс отдавала распоряжения:

— Эллен, ты в трансе будешь следовать за мной, поддерживая тесный контакт. Думается, на кушетке у камина твоему телу будет удобно. Джек, ты останешься здесь охранять врата.— (Наиболее

подходящими вратами оказалась труба камина в гостиной миссис Дженнингс.) — И будешь поддерживать с нами связь через Эллен.

— Но, бабушка, я пригожусь в Полу...

— Нет, Джек,— перебила она ласково, но твердо.— Здесь ты гораздо нужнее. Кто-то должен сторожить путь, чтобы помочь нам вернуться. У каждого свои обязанности.

Он проворчал, но уступил, и она продолжала:

— Пожалуй, это все. Эллен и Джек остаются здесь. Джозеф, Ройс и я отправляемся туда. Тебе, Арчибальд, остается только ждать, но по мирскому времени отсутствовать мы будем не дольше десяти минут — если, конечно, вернемся.

Она засеменила в кухню, упомянув про мазь, а потом повернулась к Джеку и распорядилась, чтобы он приготовил свечи. Я бросился за ней:

— О чем вы? — спросил я сердито.— Возьмите меня с собой!

Она посмотрела на меня с ласковой озабоченностью в чудесных глазах.

— Арчибальд, это невозможно!

Джедсон пошел за нами и дернул меня за рукав.

— Не глупи, Арчи. Ну, подумай сам! Об этом и речи быть не может. Ты же не чародей!

Я вырвал руку.

— И ты не чародей!

— Формально нет, но я знаю достаточно, чтобы оказаться полезным. Не изображай упрямого осла. Ты же просто будешь там помехой для нас.

Такой довод опровергнуть трудно. Удар под ложечку, и ничего больше.

— Это почему же? — не уступал я.

— Черт возьми, Арчи! Ты молод, силен, смел — и в драке я был бы только рад, если бы ты оказался рядом. Но в этом деле одного мужества или даже ума еще мало. Тут требуются специальные знания и опыт.

— Ну и что? — отрезал я.— У миссис Дженнингс и того и другого хватит на целый полк. Но — вы извините меня, миссис Дженнингс,— она в преклонных летах и слаба. Если силы ей изменят, я ее поддержу.

Джо усмехнулся, и я чуть не дал ему хорошего пинка.

— Но не это требуется в...

У нас за спиной зарокотал бас профундо доктора Уортингтона:

— Мне кажется, брат, что порывистость и невежество нашего молодого друга могут нам пригодиться. Бывают моменты, когда мудрость слишком уж опаслива.

Конец спору положила миссис Дженнингс.

— Погодите! Все вы! — скомандовала она и просеменила к кухонному шкафу, открыла дверцы, отодвинула пакет овсяных хлопьев и достала кожаный мешочек. Он был полон тонких палочек.

Она высыпала их на пол, и мы все трое деловито уставились на беспорядочную кучку.

— Бросьте их еще раз! — потребовал Джо, и она послушалась.

Затем я увидел, что миссис Дженнингс и доктор согласно кивнули, а Джедсон пожал плечами и отвернулся.

— Ты отправишься с нами,— сказала мне миссис Дженнингс с улыбкой, хотя глаза ее оставались озабоченными.— Это небезопасно, но мы тебя возьмем.

Больше времени мы не теряли. Разогрели мазь и втерли ее друг другу в спину. Боди, как привратник, восседал среди своих пентаграмм, мекаграмм и рунических знаков, монотонно и нараспев читая заклинания из пухлой книги. Уортингтон решил отправиться в боевом своем облике — в набедренной повязке, с ног до головы расписанный парасимволами, держа под мышкой голову дедушки.

Некоторое время они обсуждали, в каком облике лучше всего отправиться Джо, и несколько раз прикидывали то один, то другой. В конце концов он получил гнусной формы череп, тощие бока неведомого зверя и длинный костлявый хвост, которым он все время повиливал. Меня чуть не вырвало, но он остался очень доволен.

— Прелесть! — воскликнул он голосом, напоминающим скрежетание жести по жести.— Великолепная работа, миссис Дженнингс. Асмодей не отличит меня от родного племянника!

— Надеюсь! — сказала она.— Так в путь?

— Ну а Арчи?

— Мне удобнее оставить его таким, какой он есть.

— А ваше собственное преображение?

— Об этом я уж как-нибудь сама позабочусь,— ответила она с некоторой резкостью.— Займите свои места.

Мы с миссис Дженнингс оседлали одну метлу — я впереди, лицом к свечке, вставленной между прутьями. (В канун Дня Всех Святых часто вывешивают изображение ведьмы верхом на метле палкой вперед. Это грубая ошибка. В таких вещах обычай крайне важен.) Ройс и Джо должны были следовать прямо за нами. Серафим быстро прыгнул на плечо хозяйки и уютно устроился там. У него от приятного нетерпения даже усы подрагивали.

Боди громко произнес Слово, наша свечка выбросила язык пламени, и мы взвились. Я жутко перепугался, но постарался не показать виду, судорожно вцепившись в палку метлы. Камин разверзся, будто огромная пасть. Огонь в нем заревел, как лесной пожар, и унес нас ввысь. На мгновение я увидел в вихре пламени пляшущую саламандру и понял, что это моя саламандра — та, которая почтила меня своим одобрением и порой украшала своим присутствием мой новый камин. Я счел это добрым предзнаменованием.

Врата остались далеко позади, если слово «позади» можно употреблять там, где все направления чисто символичны. Рев огня уже не сопровождал нас, и страх почти отпустил. Я ощутил у себя на поясе ободряющую руку и оглянулся, чтобы поговорить с миссис Дженнингс.

И чуть не свалился с метлы.

Когда мы покидали дом, позади меня примостилась дряхлая старуха, съежившаяся, морщинистая, чье тело жило только благодаря неукротимому духу. А та, кого я увидел теперь, была молодой, полной сил женщиной, безупречной, ошеломительной красавицей. Описать ее невозможно, в ней нельзя было найти ни единого изъяна, и никакое воображение не могло ничего добавить или отнять.

Вы когда-нибудь видели бронзовую статую Дианы-охотницы? Между ними было легкое сходство, только никакому металлу не дано передать пленительную, дышащую жизнью красоту, которую увидел я.

Но это был она!

Миссис Дженнингс, вернее, Аманда Тодд в двадцать пять лет, когда она достигла высшего расцвета своей несравненной женственности, и до того, как годы начали подтачивать совершенство.

Я забыл свой страх. Я забыл все, кроме одного: рядом со мной была женщина всепокоряющей обворожительности и энергии,

каких я никогда не встречал, Я забыл, что она на шестьдесят лет старше меня, что этот ее облик был просто триумфом колдовства. Наверное, спроси меня кто-нибудь в ту минуту, влюблен ли я в Аманду Дженнингс, я бы ответил «да!». Но тогда мысли у меня мешались, и сам я ни о чем подобном не думал. Она была рядом со мной, и все остальное значения не имело.

Она улыбнулась. Глаза у нее были полны теплотой и пониманием. А когда она заговорила, я сразу узнал ее голос, хотя теперь вместо слабого чистого сопрано я услышал звучное контральто.

— Все нормально, Арчи?

— Да,— ответил я, запинаясь.— Все нормально, Аманда.

Ну, а Полумир... Как описать место, которое не имеет ничего общего с моим миром, миром людей? Как рассказать о том, для чего еще не придуманы слова? Обычно неизвестное объясняется через известное. Но тут не было никакого хотя бы отдаленного соотношения, никаких параллелей. Мне остается только рассказывать о том, какие впечатления я получал через свои человеческие органы чувств, как происходившее воздействовало на мои человеческие эмоции, памятуя, что все это опирается на двойную ложь,— недостоверность увиденного и почувствованного мной и неизбежные искажения при облечении мысли в слова.

Я обсуждал это с Джедсоном, и он согласился, что трудность эта непреодолима, и все же какая-то правда должна присутствовать в рассказе о том, как я воспринял Полумир.

Между реальным миром и Полумиром есть один разительный контраст. В реальном мире законы природы остаются неизменными, как бы ни менялись обычаи и культуры. В Полумире только обычаи обладают какой-то перманентностью, а законы природы вообще отсутствуют. Попробуйте вообразить ситуацию, в которой глава государства волен отменить закон тяготения, и его указ будет неукоснительно исполнен. Вообразите место, где король Кнут мог бы приказать приливу повернуть вспять и волны ему повиновались бы. Место, где «верх» и «низ» — дело вкуса, а расстояния с одинаковым успехом исчисляются в милях, сутках или цветах. И все же это не хаотическая анархия. Они вынуждены безоговорочно подчиняться своим обычаям, как мы подчиняемся законам природы.

В безликой серости, окружавшей нас, мы повернули влево, чтобы высмотреть какой-нибудь шабаш. Аманда решила встретиться

с Самим, вместо того чтобы бесцельно рыскать по непрерывно меняющимся лабиринтам Полумира в поисках некости, которую нелегко опознать и в самых благоприятных условиях.

Ройс нащупал шабаш, но я ничего не видел до тех пор, пока мы не разрешили поверхности подняться навстречу нам и не пошли дальше пешком. Тут возникли свет и формы. Впереди, примерно в четверти мили от нас, высился холм, увенчанный огромным троном, багровевшим в смутной мгле как раскаленный уголь. Я не мог рассмотреть, кем он занят, но я знал, что это Сам — древний враг рода человеческого.

Мы были уже не одни. Жизнь — сознающая себя злая немертвенность — клубилась вокруг нас, туманила воздух, выбиралась наружу из-под поверхности, по которой мы ступали, а она дергалась и пульсировала у нас под ногами. Бесформенности обнюхивали и покусывали наши пятки. Мы ощущали в туманном сумраке присутствие чего-то или кого-то, что пищало, хрюкало и хихикало. И звуки — чавкающие всхлипы, жадное чмоканье, срыгивание, блеяние.

Наше присутствие их, видимо, тревожило,— видит Небо, какой ужас внушали мне они! — недаром я слышал, как они сползают или шлепающими прыжками ускользают с нашей дороги, а потом осторожно смыкаются позади нас, блеянием предупреждая друг друга.

Нечто плюхнулось перед нами — нечто с чудовищно раздутой головой и мокрыми узловатыми руками.

— Назад! — просипело оно.— Кандидаты в нечисть подают заявления на нижнем уровне! — Его языка я не знал, но понял все.

Ройс ударил его по лицу, и мы прошли по нему, и его хрупкие кости хрустели у нас под ногами. Оно тут же собралось воедино, визгливо изъявляя свою покорность, а затем выскочило вперед и так сопровождало нас до самого трона.

— С ними иначе нельзя,— шепнул мне на ухо Джо.— Дай им сразу в зубы, и они будут тебя уважать.

Перед троном было что-то вроде поляны, где толпились черные ведьмы, черные колдуны, демоны во всевозможных гнусных обличиях и всякая нечисть ниже рангом. Слева кипел котел. Справа некоторые гости трапезничали по-ведьмински, и я поспешно отвернулся. Прямо перед троном согласно обычаю для развлечения Козла исполнялся танец ведьм. Десятки мужчин и женщин, молодых и старых, миловидных и безобразных вертелись и прыгали в немыслимо сложном адажио.

Танец оборвался, и они неуверенно расступились перед нами, пропуская нас к трону.

— Что такое? Что такое? — раздался хриплый лающий голос.— Да это же моя милая малютка! Иди сюда, сядь рядом со мной, моя прелесть! Ты наконец надумала подписать со мной договор?

Джедсон вцепился мне в локоть, и я проглотил слова, готовые сорваться с языка.

— Я останусь тут,— ответила Аманда с презрением.— Ну а твой договор... Ты сам знаешь.

— Тогда почему ты здесь? И с такими стра-а-анными спутниками?

Он поглядел на нас с высоты трона, хлопнул себя по волосатому бедру и залился хохотом. Ройс дернулся и проворчал что-то, голова его дедушки гневно заскрипела зубами, а Серафим зашипел.

Джедсон и Аманда о чем-то посовещались, и она сказала:

— Согласно с договором Адама я требую права на допрос!

Он хохотнул, и дьяволята вокруг него позатыкали уши.

— Ты чего-то требуешь здесь? Не подписав договора?

— Согласно с вашими обычаями,— отрезала она.

— Ах да! Обычаи. Раз ты воззвала к ним, да будет так. А кого ты хочешь допросить?

— Имени его я не знаю. Один из твоих демонов, который позволил себе недопустимые вольности за пределами твоих владений.

— Один из моих демонов, и ты не знаешь его имени? У меня, моя красоточка, семь миллионов демонов. Будешь опознавать их по очереди или всех разом? — Его сарказм почти не уступал ее презрению.

— Всех разом.

— Пусть никто не посмеет сказать, что я не уважил мою гостью. Если ты пройдешь дальше... хм-хм... точно на пять месяцев и три дня, то найдешь моих джентльменов в полном строю, готовых к инспекции.

Не помню, как мы добрались туда. Огромная бурая равнина и никакого неба над ней. Там, готовые к смотру в присутствии своего непотребного господина, по-военному выстроились все дьяволы

Полумира — легион за легионом, шеренга за шеренгой. Самого сопровождал его кабинет. (Джедсон назвал их мне. Люцефуг — премьер-министр, Сатаниах — фельдмаршал, Вельзевул и Левиафан — командующие флангами, Астарот, Аббадонна, Мамона, Тевт, Асмодей и Инкуб — Павшие Престолы.) Семьдесят князей, командующие дивизиями, стояли во главе их, предоставив герцогам и престолам толпиться вокруг их владыки — Сатаны Мекратрига.

Сам он все еще хранил образ Козла, но его присные избрали себе всевозможные гнуснейшие обличия, какие пришлись им по вкусу. Асмодей щеголял тремя головами, омерзительными каждая по-своему, которые торчали над задом распухшего дракона. Мамона несколько напоминал на редкость безобразного тарантула, Астарата же я и вовсе не возьмусь описать. Только Инкуб походил на человека — видимо, этот облик лучше всего выражал его сластолюбие.

Козел взглянул на нас.

— Поторопись! — приказал он.— Мы здесь не для твоего развлечения.

Аманда пропустила его слова мимо ушей и повела нас к первому полку.

— Вернись! — взревел он. И мы оказались перед троном, словно и не отходили от него.— Ты забываешь обычаи. Сначала заложники!

Аманда закусила губу.

— Пусть так,— признала она и быстро посовещалась с Ройсом и Джедсоном. Я расслышал, как Ройс ответил на какие-то возражения.

— Раз уж идти мне,— сказал он,— будет лучше, если я сам выберу *своих спутников по причинам, веским для меня. Дедушка* советует мне взять самого молодого, а это, бесспорно, Фрэзер.

— Что, что? — спросил я, услышав свое имя. В свои разговоры они меня демонстративно не включали, но раз уж они заговорили обо мне...

— Ройс хочет, чтобы ты пошел с ним вынюхивать Дитворта,— объяснил Джедсон.

— И оставить Аманду здесь с этими дьяволами? Мне это не нравится!

— Арчи, я могу сама о себе позаботиться,— сказала она спокойно.— Раз уж ты нужен доктору Уортингтону, то поможешь мне, если пойдешь с ним.

— А зачем им заложники?

— Потребовав права опознания,— объяснила она,— вы должны вернуться с Дитвортом, или за неудачу ответят заложники.

Джедсон предвосхитил мои возражения.

— Не изображай героя, сынок. Дело слишком серьезно. Нам ты поможешь, если пойдешь. А если вы не вернетесь, можешь не сомневаться, им придется выдержать хороший бой, прежде чем они наложат лапы на заложников.

И я пошел с Уортингтоном. Но мы не сделали и нескольких шагов, как я понял, что от паники меня оберегала только близость Аманды. А едва ее влияние перестало меня достигать, как весь кошмар этого места и его жутких обитателей обрушился на меня. Что-то потерлось о мои лодыжки. Я чуть не выпрыгнул из ботинок. Но, покосившись вниз, увидел, что Серафим, кот Аманды, решил сопровождать меня, и мне сразу стало легче.

Когда мы приблизились к первой шеренге демонов, Ройс принял свою собачью позу, предварительно вручив мне дедушкину голову. Прежде меня мороз продрал бы по коже от отвращения, но здесь эта мумифицированная голова казалась чем-то родным и домашним.

Встав на четвереньки, Ройс закружил среди рядов адских воинов. Серафим бросился за ним, догнал и принял участие в охоте. «Пес», казалось, был доволен, что кот взял на себя половину трудов, и, думаю, у него были на то все основания. Я как мог быстрее шел по проходам между ротами, а мои спутники пробегали между рядами.

Мне чудилось, что проходят часы — во всяком случае утомление перешло в деревянную бесчувственность, и ужас сменился тупой тревогой, Я наловчился не смотреть в глаза демонам, и никакие самые невероятные обличия меня уже не удивляли.

Роту за ротой, дивизию за дивизией прочесывали мы, пока не добрались до их конца на левом фланге. Животные мои все больше нервничали. И когда они обогнули первый ряд первой роты, пес подбежал ко мне и заскулил. Вероятно, ему был нужен его дедушка, но я нагнулся и погладил его по голове.

— Не отчаивайся, дружище,— сказал я.— Нам еще остались эти.— И я кивнул на генералов — сплошных князей,— которые стояли перед своими дивизиями. Поскольку мы начали с задних рядов, генералы еще не были проверены. Но меня уже душило

отчаяние: что такое полдюжины возможностей против уже проверенных семи миллионов?

Пес побежал к ближайшему генералу, кот не отставал от него, а я следовал за ними как мог быстрее. Пес затявкал еще в нескольких шагах от демона, и я припустил бегом. Демон вздрогнул и начал преображаться. Но даже в этом гротескном облике мерещилось что-то знакомое.

— Дитворт! — завопил я и кинулся на него.

Меня хлестали кожаные крылья, царапали когти. Тут в бой вступил Ройс — более уже не пес, а негр, сложенный как абсолютный чемпион по боксу. Кот превратился в клубок ярости, зубов и когтей. Тем не менее мы потерпели бы полное поражение, если бы не произошло невероятное. Какой-то демон, нарушив строй, ринулся к нам. Я не столько его увидел, сколько почувствовал, и не сомневался, что он явился на выручку своего господина, как бы меня ни заверяли, будто их обычаи это запрещают. А он — помог нам! Выручил своих природных врагов, и действовал с такой мстительной яростью, что победа осталась за нами.

В единый миг все было кончено. Я обнаружил, что лежу на земле, вцепившись не в адского князя, но в Дитворта, к которому вернулся его человеческий облик щуплого обходительного бизнесмена, одетого с неброской элегантностью, и со всеми своими атрибутами — портфелем, очками и зарождающейся плешью.

— Уберите от меня это! — раздраженно потребовал он.

«Это» было дедушкой, который впивался ему в шею беззубыми деснами с бульдожьим упорством.

Ройс освободил одну руку от обязанности держать Дитворта и забрал дедушку под мышку. А Серафим продолжал висеть на ноге нашего пленника, запустив в нее когти на всю длину.

Демон, склонивший чашу весов в нашу пользу, тоже продолжал держать Дитворта за плечи, зацепив его когтями под лопатки. Я прочистил горло и сказал:

— По-моему, мы обязаны вам...— Я понятия не имел, что можно сказать в такой беспрецедентной ситуации.

Демон скорчил рожу, видимо дружескую, но на редкость страхолюдную.

— Разрешите представиться,— сказал он на моем родном языке.— Агент Федерального бюро расследований Уильям Кейн.

Очевидно, это меня доконало, и я хлопнулся в обморок.

Пришел я в себя, лежа на спине. Кто-то смазал мои раны целительным бальзамом, так что они не омертвели и ничуть не болели, но меня сковывала смертельная усталость. Рядом раздавались голоса. Я повернул голову и увидел всю наш компанию. Уортингтон и дружественный демон, объявивший себя агентом ФБР, стояли перед Сатаной, крепко держа Дитворта слева и справа. Грозное адское воинство исчезло без следа.

— А, так это мой племянничек Небирос! — задумчиво произнес Сатана, прищелкнул языком и кивнул.— Небирос, ты скверный мальчишка, и я тобой горжусь. Но раз уж они тебя изловили, боюсь, тебе придется помериться силами с их представителем.— Он взглянул на Аманду.— Кто вас будет представлять, дорогая моя?

— Думается, это моя работа,— подал голос дружественный демон.

— Нет,— возразила Аманда, отвела его в сторону и что-то настойчиво зашептала. В конце концов он пожал крыльями и уступил.

Аманда вернулась к остальным. Я кое-как поднялся на ноги и подошел к ним.

— Поединок до смертного исхода,— услышал я ее слова.— Ты готов, Небирос?

У меня чуть сердце не остановилось от страха за Аманду, и одновременно появилась тихая уверенность, что она преуспеет во всем, за что бы ни взялась. Джедсон посмотрел на меня и замотал головой. Не вмешивайся!

Однако у Небироса не достало смелости. Все еще сохраняя облик Дитворта и выглядя до нелепости по-человечески, он воззвал к Самому:

— Не смею, дядюшка. Исход предопределен. Вступись за меня.

— Не премину, племянничек. Правда, я немножко надеялся, что она тебя уничтожит. Ты мне еще наделаешь хлопот! — Он обратился к Аманде.— Ну, скажем... э... десять тысяч лет?

Аманда взглядом осведомилась о нашем мнении, к большой моей гордости включив и меня, и ответила:

— Да будет так.

Мне потом объяснили, что приговор был легким — эквивалентным примерно шести месяцам тюремного заключения в реальном мире. Но ведь он ни в чем не нарушил их обычаев, а просто потерпел поражение от белой магии.

Старый Черт резко взмахнул рукой, раздался оглушительный грохот, последовала огненная вспышка, и мы увидели Дитворта-Небироса распростертого на скале и скованного по рукам и ногам тяжелыми железными цепями. Он вновь обрел облик демона. Аманда и Уортингтон осмотрели цепи. Она припечатала перстнем каждую заклепку и кивнула Козлу. Мгновенно скала унеслась в неизмеримую даль.

— Вот, пожалуй, и все,— сказал Козел.— Полагаю, вы отправитесь восвояси. Кроме вот этого...— Он улыбнулся демону из ФБР.— Я кое-что для него придумал.

— Нет,— категорично заявила Аманда.

— Что-что, моя крошка? Ваши защитные чары на него не распространяются, а он оскорбил наши обычаи.

— Нет!

— К сожалению, я вынужден настаивать.

— Сатана Мекратриг,— медленно произнесла она,— ты хочешь помериться силами со мной?

— С вами, сударыня? — Он внимательно ее осмотрел, будто увидел в первый раз.— Ну день выдался утомительный, не правда ли? Оставим эту тему. Ну так до следующего раза...

Он исчез.

Демон повернулся к Аманде.

— Спасибо,— сказал он просто.— Жаль, у меня нет шляпы, чтобы снять ее перед вами.— И спросил с тревогой: — А вам известна дорога отсюда?

— А вам нет?

— В том-то и беда. Разрешите, я объясню. Я прикомандирован к отделу по борьбе с монополиями. Мы занялись этим типом Дитвортом, или Небиросом, и я последовал за ним сюда в убеждении, что он просто черный колдун и я смогу вернуться через его врата. К тому моменту, когда я разобрался, что к чему, было уже поздно, и я оказался в ловушке, а потому мне пришлось смириться с мыслью, что так и буду коротать вечность в образе псевдодемона.

Меня его история захватила. Естественно, я знал, что агенты ФБР все либо юристы, либо чародеи, либо бухгалтеры-ревизоры, но до этой минуты мне доводилось встречать только ревизоров. Такое хладнокровие перед лицом невероятных опасностей произвело на меня глубокое впечатление и усилило мое уважение к агентам ФБР.

— Можете воспользоваться для возвращения нашими вратами,— сказала Аманда.— Держитесь поближе к нам. Так отправляемся? — спросила она всех нас.

Джек Боди, когда мы посыпались из камина, все еще бубнил заклинания по книге.

— Восемь с половиной минут,— возвестил он, взглянув на свои часы.— Отличная работа. Все в порядке?

— Да,— ответил Джедсон ломающимся голосом, претерпевая преображение.— Мы добились...

Но Боди перебил его:

— Билл Кейн! Старый мошенник! — закричал он.— Как ты затесался в нашу экспедицию?

Демон-агент успел преобразиться в пути и из камина появился в своем природном облике — худощавого закаленного молодого человека в скромном сером костюме и шляпе с загнутыми полями.

— Привет, Джек,— кивнул он.— Забегу к тебе завтра и все расскажу. Мне надо доложиться по начальству.— И он исчез.

Эллен вышла из транса, и Джо заботливо наклонился над ней, проверяя, не пострадала ли она. Я оглянулся, но Аманды не увидел.

И тут же услышал, как она возится на кухне. Я кинулся туда.

Она обернулась ко мне с улыбкой. Ее чарующее лицо было безмятежным, дышало спокойной красотой.

— Аманда! — сказал я.— Аманда...

Наверное, я бессознательно намеревался поцеловать ее, сжать в объятиях. Но очень трудно решиться на такое, если предмет вашей страсти ничем не показывает готовности ее разделить, Аманда осталась неприступной. Нет, она смотрела на меня ласково, дружески, но нас разделял невидимый барьер ее сдержанности. И я просто бродил за ней по кухне и говорил о пустяках, пока она готовила какао и поджаривала хлеб для всех нас.

Когда мы вернулись к остальным, я сел и не притронулся к какао, а только глядел на нее, и сердце у меня сжималось от смутного разочарования, пока Джедсон рассказывал Эллен с Джеком о нашем пребывании в Полумире. Вскоре он вызвался проводить Эллен домой, и Джек последовал за ними.

Когда Аманда вернулась, попрощавшись с ними у дверей, доктор Ройс уже спал, растянувшись на коврике у камина. На его могучей груди свернулся Серафим, и оба мелодично похрапывали.

И тут я понял, что валюсь с ног от усталости. Аманда это заметила и сказала:

— Приляг на кушетку и вздремни, если хочешь.

Второго приглашения мне не потребовалось. Она подошла, укрыла меня шалью и нежно поцеловала. Засыпая, я слышал, как она поднялась к себе в спальню.

Разбудили меня солнечные лучи, бившие прямо в глаза. Серафим сидел на подоконнике и умывался. Доктор Уортингтон уже ушел — но, очевидно, совсем недавно, потому что ворс на коврике еще не расправился.

Дом казался вымершим. Но тут я услышал на кухне легкие шаги, вскочил и бросился туда.

Она стояла лицом к старинным часам с маятником на стене, но обернулась ко мне — сухонькая, сгорбленная, невообразимо старая. Жиденькие седые волосы были стянуты в аккуратный пучочек на затылке.

И тут мне стало ясно, почему накануне все ограничилось материнским поцелуем на сон грядущий. У нее хватило здравого смысла за нас обоих, и она не допустила, чтобы я свалял дурака.

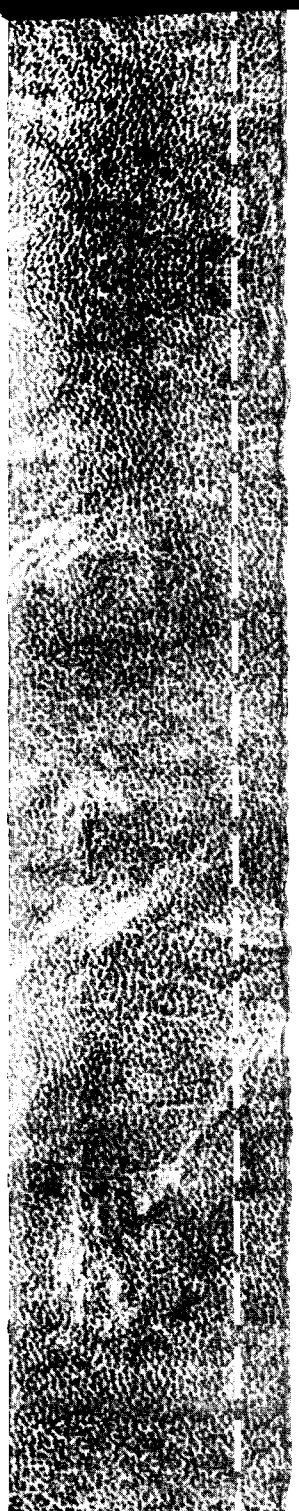
Она поглядела на меня снизу вверх и сказала своим обычным мягким голосом:

— Видишь, Арчи, мои старенькие часы вчера остановились.— Она протянула руку и слегка коснулась качающегося маятника.— А сегодня утром они опять пошли.

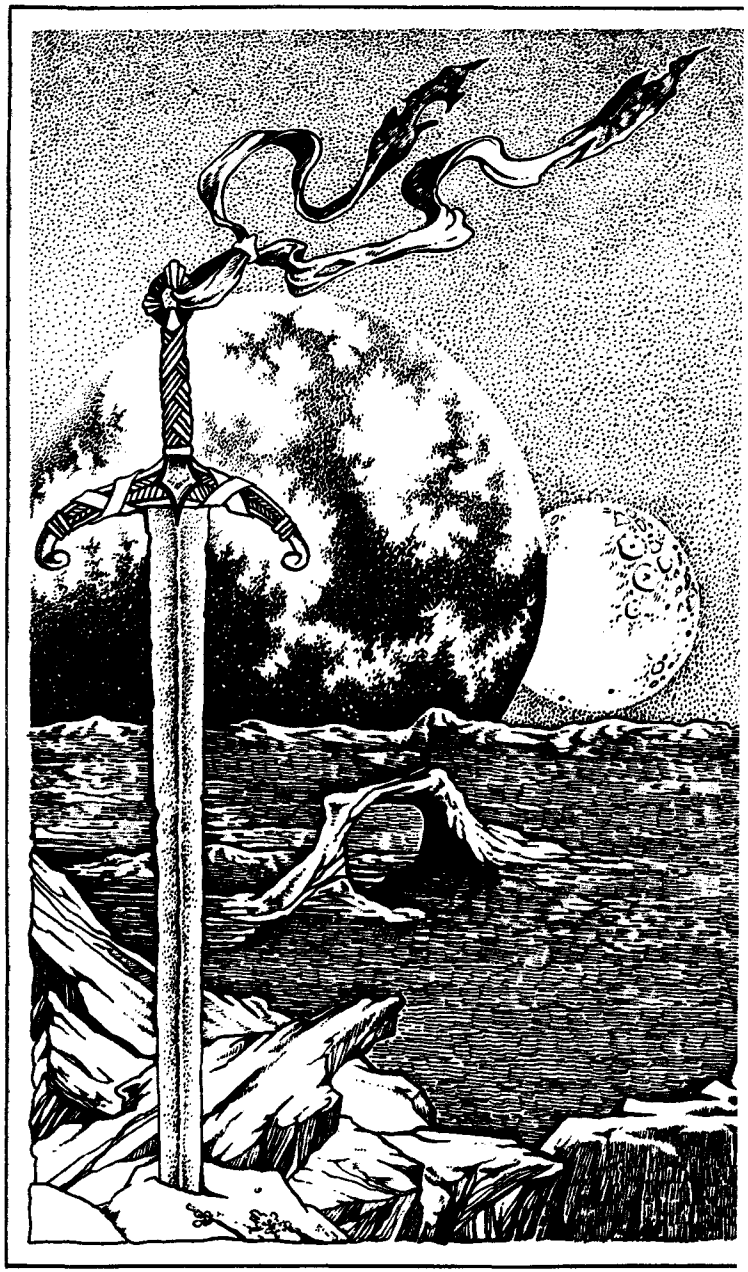
Рассказывать, собственно, больше не о чем. После исчезновения Дитворта и рапорта Кейна корпорация «Магия» развалилась буквально за одну ночь. А новые законы о лицензиях вышли из употребления еще до того, как были отменены.

Мы собираемся у миссис Дженнингс так часто, как она терпит. И я искренне радуюсь, что она не допустила ничего между мной и своим юным альтер эго. Ведь наши нынешние отношения для меня незаменимая опора. Однако родись я на шестьдесят лет раньше, у мистера Дженнингса объявился бы упорный соперник.

Я помог Эллен с Джо организовать их новое предприятие и порекомендовал в управляющие Джека Боди — меня больше тянуло привычное занятие. Я пристроил новое крыло к магазину и приобрел два грузовика — точно как предсказала миссис Дженнингс. Дела идут отлично.



ДОРОГА ДОБЛЕСТИ





© В. Ковалевский, Н. Штуцер, перевод

Посвящается Джорджу Х.Сайзерсу, постоянным покровителям «Терминуса» и «Оулсвика», а также трамваю из Форт-Маджа

Британ (*шокированный*). Цезарь, это непристойно.
Теодот (*возмущенный*). Что?
Цезарь (*снова овладевший собой*). Прости его, Теодот. Он варвар и полагает, что обычаи его острова суть законы природы.

Бернард Шоу. Цезарь и Клеопатра, акт II

Глава 1

Мне известно такое местечко, где нет ни смога, ни проблем парковки автомашин, ни демографического взрыва, ни «холодной» войны, ни водородных бомб, ни рекламных передач, ни совещаний на высшем уровне, ни помощи слаборазвитым странам, ни махинаций при уплате налогов, ни самого подоходного налогообложения. Климат там такой, каким похваляются Калифорния и Флорида (хотя на самом деле климат у обоих штатов куда хуже), ландшафт великолепен, люди гостеприимны и доброжелательны к иноземцам, а женщины очаровательны и на удивление готовы ко всем услугам...

И я мог бы туда вернуться. Мог бы...

То был год национальных выборов с обычной предвыборной болтовней (типа «все, что вы можете сделать, я сделаю куда лучше») на фоне бибикающих спутников. Мне уже стукнуло двадцать один, но я еще не решил, против какой партии следует голосовать.

Вместо этого я позвонил в призывную комиссию и попросил прислать мне повестку. Вообще-то я против призыва в армию примерно на том основании, на котором раки возражают против

кипятка: может, и станешь красивым, да по чужой воле. А страну свою я люблю. Даже очень люблю, несмотря на школьную пропаганду, что патриотизм — понятие устарелое. Один из моих прадедов пал под Геттисбергом[1], а отец протопал всю дорогу от водохранилища Инчхон[2], так что мне эти новые идейки не по нутру. Я выступал против них на школьных диспутах, пока не схлопотал двойку по обществоведению, после чего заткнулся и благополучно сдал экзамен. Взглядам своим, в угоду учителям, что не могут отличить божий дар от яичницы, я, однако, не изменил.

А вы-то сами из моего поколения? Если нет, то хоть знаете, почему у нас мозги набекрень? Или просто списываете нас со счета как малолетних преступников?

На эту тему я целое сочинение мог бы написать. Бог ты мой! Да возьмите хоть это: неужто можно ждать от мальчишки, из которого годами выбивают патриотизм, радости при виде повестки «сим уведомляем, что вам надлежит явиться туда-то для зачисления в вооруженные силы Соединенных Штатов»?

А еще болтают про «потерянное поколение»! Я перечел всю эту волынку, что появилась после Первой мировой войны — Хемингуэя, Фицджеральда и других, и пришел к выводу, что шум они поднимали из-за сущей ерунды. Мир-то у них был в кармане, так чего было вопить, спрашивается?

Разумеется, впереди у них был и мировой кризис, и Гитлер, так они же о том, что впереди, ничегошеньки не знали! А у нас были и Хрущев, и водородная бомба, о которых мы знали даже слишком много!

Нет, мы не были потерянным поколением. Мы были хуже, мы были «поколением благонамеренных». Не битники. Битниками были считанные сотни на многие миллионы. О, конечно, мы охотно болтали на жаргоне битников, с пеной у рта спорили о результатах опроса «Плейбоя» насчет рейтинга джазовых групп, будто

[1] *Геттисберг* — город в Пенсильвании, где в эпоху Гражданской войны (1861–1865) произошло кровопролитное сражение северян и южан.

[2] *Инчхон* — город и озеро в Южной Корее, получившие известность в связи с боевыми действиями во время Корейской войны (1950–1953).

это было бог знает какое важное дело. Мы зачитывались Сэлинджером и Керуаком, говорили языком, от которого шарахались наши родители. Иногда мы даже одевались как битники. Но мы никогда не думали, что оркестровые барабаны и бороды важнее банковского счета. Нет, мы не были бунтарями. Мы были конформистами, такими, что дальше некуда. Благонамеренность — вот наш тайный пароль! Наши пароли не произносились вслух, но мы следовали им так естественно, как естественно новорожденный утенок направляется к воде. «С начальством не спорят», «бери пока дают», «не пойман — не вор». Эти формулы обозначали наши высшие цели, наши моральные ценности, входившие в понятие благонамеренности. «Тише едешь — дальше будешь» (наш вклад в Американскую мечту) — вот она, основа устойчивости: если ты едешь тихо — конкуренция исключается.

Но амбиции были и у нас. Да, сэр, были. Оттянуть призыв в армию и окончить колледж. Жениться, заделать ей ребенка, и пусть твоя и ее семьи помогают вам, пока ты будешь укреплять свое положение студента, пользующегося отсрочкой. Получить работенку, считающуюся у призывных комиссий престижной, например, в какой-нибудь ракетной фирме. Еще лучше стать аспирантом (если твоя или ее семьи имеют нужные средства), сделать еще одного ребенка, полностью оставить призывную комиссию в дураках, тем более что докторская степень — прямая дорога к продвижению по службе, к высокой зарплате и к обеспеченной старости.

Ну а если нет беременной жены с богатыми родичами, так сойдут и «4-F»[1]. Неплохо, например, иметь проколотые барабанные перепонки, а еще лучше — аллергию. У одного из моих соседей была ужасная астма, продолжавшаяся до его двадцатишестилетия. И это вовсе не лажа: у него была аллергия на призывную комиссию. Еще одно недурное средство спасения — убедить военного психиатра, что твои закидоны больше подходят для министерства иностранных дел, чем для армии. Чуть ли не половина моего поколения состоит из лиц, непригодных для службы в строю.

Все это меня нисколько не удивляет. Есть старинная картина, на которой изображены сани, мчащиеся сквозь зимний лес, а за

[1] *«4-F»* — в США — негодный к действительной военной службе.

ними гонятся волки. Время от времени люди хватают одного из седоков и кидают волкам. И вот все эти льготы — от отсрочек призыва и «альтернативных служб» до разного рода выплат и преимуществ ветеранам — все они весьма похожи на ту картину, где большинство сбрасывает меньшинство волкам, чтобы самому продолжить стремительную гонку за гаражом на три машины, бассейном и надежным обеспечением после ухода от дел.

Но не думайте — я-то сам тоже не святой. И мне тоже нравятся гаражи на три машины. Вот только моя родня не смогла протащить меня через колледж. Мой отчим служил уоррент-офицером в ВВС[1], и его содержания хватало разве что на обувку и одежку для собственных ребятишек. Когда отчима перевели в Германию — как раз за год до моего перехода в последний класс, и мне пришлось поселиться с родной теткой со стороны отца и ее мужем,— нам, то есть мне и отчиму, сразу полегчало. В финансовом отношении, правда, лучше мне не стало, так как мой дядюшка выплачивал алименты своей первой жене, что, учитывая калифорнийское законодательство, делало его положение не лучше положения негра на плантациях Алабамы до начала Гражданской войны. Сам я получал 35 долларов в месяц как «несовершеннолетний иждивенец умершего ветерана» (а это совсем не то, что «осиротевший в результате войны», тем пенсия куда выше). Мать была уверена, что смерть отца последовала в результате ранений, но у Администрации по делам ветеранов были другие соображения, так что я был всего лишь «несовершеннолетним иждивенцем умершего ветерана».

Разумеется, мои 35 долларов в месяц отнюдь не восполняли тот ущерб, который я наносил продуктовой корзинке моей родни, и считалось, что когда я окончу школу, то сразу перейду на подножный корм. Под ним подразумевалось вступление в армию, но у меня были свои планы. Я играл в футбол и окончил последний класс с рекордным для школ Центральной Калифорнийской Долины числом прорывов к воротам противника, а также со сломанным носом, что позволило мне осенью получить место на пер-

[1] *Уоррент-офицер* — категория командного состава в армии США, занимающая промежуточное положение между офицерами и унтер-офицерами.

вом курсе местного колледжа, равно как и работенку «прислуги за все» в его гимнастическом зале со ставкой на 10 долларов больше, чем военная пенсия, да еще с надеждой на чаевые.

Будущее казалось туманным, но ближайшая цель была ясна: ногтями и зубами зацепиться за этот шанс и получить специальность инженера. Всячески избегать женитьбы и армии. После окончания колледжа найти работу, гарантирующую освобождение от призыва. Накопить деньжат и получить степень по правоведению, так как еще в Хомстеде, штат Флорида, мой учитель говаривал, что инженеры делают деньги, но большие деньжищи и должности боссов достаются адвокатам. Так что я намеревался сорвать куш в этой игре. Да, сэр, намеревался. Я бы сразу предпочел правоведение, да беда в том, что такого факультета в моем колледже не было.

Однако в конце моего второго года обучения футбол в колледже накрылся. Футбольный сезон не задался — ни одной победы. И хотя «Флэш» Гордон (такую кличку я приобрел в спортивных кругах) занял отличное место по многим показателям, но тем не менее и я, и тренер оказались без работы. О, разумеется, до конца года я продолжал крутиться среди баскетболистов, фехтовальщиков и бегунов, но старшекурсник, ответственный за формирование команд, не был заинтересован в баскетболисте ростом всего лишь шесть футов и один дюйм. Этим же летом мне исполнился 21 год, что означало прекращение моего военного пенсиона в 35 долларов. Поэтому сразу же после Дня Труда[1] мне пришлось отступить на заранее подготовленные позиции, то есть сделать тот телефонный звонок, о котором я уже говорил вначале.

Я рассчитывал провести год в ВВС, а затем выдержать конкурс в Академию ВВС, чтоб стать космонавтом и знаменитостью, если уж не удалось сделаться толстосумом. Но то ли ВВС набрали свою квоту, то ли еще что, а только я оказался в пехоте, причем так быстро, что еле успел собрать вещички. Тогда я решил заделаться самым лучшим помощником капеллана во всей пехоте и постарался, чтобы в числе моих талантов в бумагах было указано

[1] Этот национальный американский праздник отмечается в первый понедельник сентября.

умение печатать на машинке. Если бы требовалось мое мнение, то я бы выбрал службу в Форт-Карсоне[1], где аккуратно печатал бы документы в двух экземплярах и учился на вечернем отделении.

Но, разумеется, моего мнения никто не спросил.

Вы были когда-нибудь в Юго-Восточной Азии? По сравнению с ней Флорида — самая что ни на есть распроклятая пустыня. Куда ни ступишь — чавкает болото. Вместо тракторов там буйволы, а кусты полны насекомых и стреляющих в тебя туземцев. Впрочем, это была вовсе не война и даже не полицейская акция. Мы считались «военными советниками», но военный советник, убитый четыре дня назад, в жару воняет точно так же, как труп на всамделишной войне.

Меня произвели в капралы. Меня производили семь раз. Каждый раз в капралы.

Мне недоставало правильного отношения к делу. Именно так выразился мой ротный. Мой отец был морским пехотинцем, мой отчим — летчиком. А мои стремления ограничивались должностью помощника капеллана, но обязательно на родине. Что касается пехоты, то от нее меня просто тошнило. Ротный тоже пехоту не уважал. Он был первым лейтенантом и никак не мог пробиться в капитаны, так что каждый раз, как только он начинал по этому поводу метать икру, капрал Гордон терял свои лычки.

Последний раз я их лишился за то, что сказал ротному, будто обращусь к своему конгрессмену с просьбой выяснить, на каком основании я стал единственным в Юго-Восточной Азии солдатом, который вместо того, чтобы вернуться домой в положенное время, видимо, останется в армии до пенсионного возраста. Это так взбесило ротного, что он не только разжаловал меня, но и бросился в атаку, стал героем и тут же скончался. Тогда я и заработал этот шрам на сломанном носу, поскольку тоже совершил геройский поступок и наверняка получил бы Орден Чести[2], будь у меня свидетель.

Пока я отлеживался в госпитале, меня решили демобилизовать.

Майор Йан Хей в книге «Война и конец войны» так описывает структуру военной организации: вся военная бюрократия под-

[1] *Форт-Карсон* находится на западе штата Невада.

[2] *Орден Чести* — высшая награда за непосредственное участие в боевых действиях.

разделяется на департамент Путаницы, департамент Издевательства и департамент Добрых Волшебниц. Именно на два первых приходится львиная доля военного делопроизводства, тогда как третий — очень маленький и состоит из чинуши женского полу, преимущественно пребывающей в отпуске по болезни.

Когда же эта дама бывает на работе, она изредка откладывает в сторону вязанье, случайно выхватывает из лежащего перед ней списка чью-нибудь фамилию и совершает добрый поступок. Вы уже видели, как со мной обошлись департаменты Путаницы и Издевательства, но на этот раз именно департамент Добрых Волшебниц споткнулся на фамилии рядового Гордона.

Было это так. Когда я узнал, что поеду домой, как только мое лицо заживет (шоколадный братец забыл простерилизовать свой боло[1]), я попросил, чтобы меня отправили в Висбаден, где находилась семья матери, а не в Калифорнию, откуда призывался. Я не критикую шоколадного братишку, он, верно, вообще не рассчитывал на мое выздоровление и, надо думать, достиг бы своей цели, если бы не был так занят добиванием ротного, что на меня ему немного не хватило времени. Я и сам не стерилизовал свой штык, но ему на это жаловаться не приходится — он только вздохнул и опал, вроде как кукла, у которой распороли набитый опилками живот. Я даже благодарен ему, поскольку он не только высыпал иначе кости из стаканчика моей судьбы, так что я попал под дембель, но и подарил мне неплохую идейку.

Он да еще лечащий врач... Врач сказал: «Ты поправишься, сынок. Но шрам у тебя останется, как у гейдельбергского студента».

Это и заставило меня задуматься... Хорошую работу получить без ученой степени нельзя, как нельзя стать штукатуром, если ты не сын или не племянник члена союза штукатуров. Но степень степени рознь. Сэр Исаак Ньютон со степенью, полученной в таком коровьем колледже, как мой, мыл бы пробирки для какого-нибудь Джо Тумбфингерса, если бы у Джо была степень из европейского университета.

Так почему бы не Гейдельберг? Я собирался выдоить досуха мои ветеранские привилегии, собирался еще с той самой минуты, как позвонил в свою призывную комиссию.

[1] Тесак, острый длинный нож.

По словам матушки, в Германии жизнь очень дешева. Так, может, мне удастся превратить ветеранские денежки в докторскую степень? Герр доктор Гордон, со шрамом на лице, из Гейдельберга — это же верняком лишних три тысячи долларов в год в любой ракетной фирме.

Черт возьми, еще пара дуэлей со студентами добавит настоящие гейдельбергские шрамы к той царапине, которой я уже обладал. Фехтование было одним из моих любимых видов спорта — еще с тех времен, когда я ошивался в гимнастическом зале своего колледжа (хотя там оно котировалось весьма низко). Есть люди, которые панически боятся ножей, штыков, шпаг — словом, всего, чем можно порезаться. У психиатров для этого есть даже специальный термин — боязнь крови. Идиоты, которые гоняют свои машины со скоростью более ста миль по дороге, где скорость ограничена пятьюдесятью, падают в обморок при виде обнаженного лезвия.

Мне это непонятно, и вот почему я жив и даже многократно произведен в капралы. «Военный советник» не может себе позволить дрейфить перед ножами, штыками и тому подобным. Он обязан с ними управляться. Я их никогда не боялся, так как был уверен, что успею сделать с противником то самое, что он намеревается сделать со мной. Так всегда и получалось, за исключением того случая, когда я разыграл героя, но и эта ошибка не была смертельной. Если бы я уклонился, вместо того чтобы броситься вперед и распороть противнику брюхо, он бы надвое располосовал меня со спины. А так — хороший замах у него не получился, и его огромный резак лишь задел мое лицо, когда сам шоколадный братишка уже валился на землю, оставив мне на память весьма скверную рану, в которую инфекция попала задолго до того, как прилетели вертолеты. Боли я не почувствовал. Просто голова закружилась, и я сел прямо в грязь, а когда очнулся, то увидел фельдшера, вливающего мне плазму.

Я даже с удовольствием предвкушал ожидающие меня в Гейдельберге дуэли. Они там надевают специальные подбитые ватой костюмы, защищающие тело, руки и шею, а глаза и нос прикрывают такой металлической пластиной — так что все это не походит на встречу с марксистом-практиком в джунглях. Мне както пришлось держать в руках шпагу, какими пользуются в Гей-

дельберге: она легкая, прямая, с хорошо заточенным лезвием, но с тупым концом! Игрушка, пригодная лишь для нанесения шрамов, от которых девицы писают кипятком.

Я раздобыл карту, и что вы думаете? Гейдельберг оказался прямехонько на дороге в Висбаден. Вот поэтому-то я и потребовал отправки в Висбаден.

Врач сказал: «Ну ты даешь, парень!» — и заверил мою подпись. Сержант медицинской службы, ведавший госпитальной канцелярией, произнес: «Ничего не выйдет, солдат». Не буду утверждать, что имела место передача денег из рук в руки, но штамп «Препровождается» канцелярия все же поставила. Товарищи по палате сошлись на том, что я кандидат в психушку: дядя Сэм не привык предоставлять своим рядовым дармовые поездки вокруг света.

Впрочем, я и без того уже так проехался по шарику, что Хобокен[1] оказался от меня на том же расстоянии, что и Сан-Франциско, а Висбаден — так еще ближе. Однако политика требовала, чтобы демобилизованные возвращались домой именно пароходами и именно через Тихий океан. А военная политика ведь это вроде рака — никто не знает, откуда он берется, а проигнорировать его никак нельзя.

Вот тут-то и проснулся департамент Доброй Волшебницы, которая коснулась меня своей чудесной палочкой.

Я уже готовился ступить на борт корыта под названием «Генерал Джонс», следующего на Манилу, Тайбей, Иокогаму, Перл-Харбор и Сиэтл, когда пришла бумага, удовлетворявшая все мои желания и даже более того.

Мне предписывалось прибыть в штаб американских оккупационных войск в Гейдельберге на первом же подходящем для этого военно-транспортном средстве и там демобилизоваться согласно собственному желанию и статье такой-то. Неиспользованное отпускное время должно быть предоставлено или оплачено согласно статье такой-то. Вышеупомянутому надлежало вернуться в Штаты в течение 12 месяцев, прибегнув для этого к соответствующим военно-транспортным средствам и не предъявляя к правительству США каких-либо новых финансовых претензий.

[1] *Хобокен* — порт в Нью-Джерси (Атлантическое побережье США).

Сержант, штабной писарь, вызвал меня и показал бумагу, причем его лицо светилось неподдельным восторгом.

— Ты только учти, солдат, что никакого наличного военно-транспортного средства для тебя нет, так что — валяй, тащи вещички на «Джонса». Поедешь в Сиэтл, как я тебе и говорил.

Я тут же усек, о чем речь. Единственный за много-много дней транспорт отплыл на запад, в Сингапур, тридцать шесть часов назад. Я уставился на бумагу, но в глазах у меня стояла кастрюля с кипящим маслом, а в мозгу билась мысль, что сержант умышленно задержал мои бумаги, чтобы судно успело уйти.

Я отрицательно покачал головой:

— Нагоню «Генерала Смита» в Сингапуре. Будь человеком, сержант, выпиши мне нужные документы.

— Документы выписаны. На «Джонса». В Сиэтл.

— Господи! — протянул я задумчиво.— Пойти, что ли, поплакаться в жилетку капеллану?! — И тут я слинял по-быстрому, но отправился не к капеллану, а на аэродром. Здесь мне хватило пяти минут, чтобы выяснить, что ни одного гражданского или военного американского самолета на Сингапур на нужном мне отрезке времени нет и не будет.

Но был австралийский военно-транспортный самолет «Альбатрос», вылетающий рейсом в Сингапур этой же ночью. Осси[1] не считались «военными советниками», но ошивались тут же в качестве «военных наблюдателей». Я нашел командира борта — лейтенанта ВВС и изложил ему свою ситуацию. Он улыбнулся и сказал:

— Для одного парня местечко всегда найдется. Похоже, вылетаем сразу же после чая. Конечно, если старушка захочет взлететь.

Ну, я-то знал, что она «захочет». Ведь это был «С-47», весь в пробоинах и налетавший бог знает сколько миллионов миль. Как только я увидел эту раскрашенную в маскировочные цвета и испещренную заплатами птичку, сидевшую на аэродромном поле, я понял, мое счастье еще со мной. Через четыре часа я уже сидел в кресле, а «птичка» катилась по взлетной полосе.

Утром следующего дня я явился на борт военно-транспортного судна «Генерал Смит» промокшим до нитки. «Гордость

[1] *Осси (Aussi)* — кличка австралийцев, точно так же, как Томми — кличка британцев.

Тасмании» прорывалась сквозь штормы, а этот тип самолетов имеет один недостаток — они текут. Но кто из испытавших слякоть джунглей будет возражать против чистого дождя?! Хорошей новостью было и то, что судно отходило только вечером.

Сингапур похож на Гонконг, только лежит на равнине. Так что одного дня на осмотр хватает с избытком. Я пропустил стаканчик в «Раффлсе», другой в «Адельфи», промок под дождем в Международном парке отдыха, прошвырнулся по Чанг-Эли, придерживая одной рукой карман с деньгами, а другой — с документами. Здесь же я купил билет Ирландского тотализатора.

Вообще-то я никогда не играю в азартные игры, конечно, если мы договоримся считать покер чистым искусством. Так что покупку билета следует рассматривать как жертвоприношение богине Счастья или как благодарность ей же за долгий период удачи. Если она отзовется на этот жест ста сорока тысячами американских долларов, что ж, ей не придется долго меня упрашивать.

А если нет, так номинальная стоимость билета — один фунт, или два доллара и 80 центов. Заплатил я за него девять сингапурских долларов, или три американских, так что не такой уж убыток понес ради богини Счастья, особенно учитывая, что уже выиграл бесплатное кругосветное путешествие, да еще живьем выбрался из джунглей.

Эти три доллара я тут же сэкономил, так как удачно скрылся с Чанг-Эли, сбежав от других босоногих ходячих «банков», готовившихся всучить мне еще билеты тотализатора, сингапурские доллары и любые другие денежные знаки или даже мою собственную шляпу (если бы я хоть на секунду выпустил ее из виду), вышел на проезжую улицу, остановил такси и велел шоферу отвезти меня в порт. И это было явной победой Духа над Плотью, поскольку завершало долгий спор, который я вел с самим собой на тему: не снять ли с себя тяжелейший биологический стресс. Добрый старый Гордон слишком долго изображал добродетельного скаута, а Сингапур — один из семи Городов Греха, где можно получить все, что пожелаешь.

Не собираюсь утверждать, что все это время я оставался верным Девушке Моей Мечты. Эта юная девица — там, на родине — в свое время обучила меня кое-чему, относящемуся к Миру, Плоти

и Греху, уложившись в одну-единственную и удивительную ночь накануне того дня, когда я завербовался в армию. Она писала мне чисто дружеские письма, пока я проходил на базе курс военной подготовки, так что я испытываю к ней чувство благодарности, но отнюдь не считаю себя связанным с ней обетом верности. Вскоре она вышла замуж, теперь у нее пара ребятишек, но оба не от меня.

Главная причина биологического стресса носила географический характер. Эти маленькие шоколадного цвета братишки, против которых и в союзе с которыми я воевал, имели маленьких и тоже шоколадных сестриц, многие из коих были доступны за деньги, а другие даже pour l'amour ou pour le sport[1].

Вот таков был мой «местный колорит» в течение долгого времени. Вы скажете: а сестры милосердия? Ну, они были только для офицеров, а редкие певички или балерины из Управления культурно-бытового обслуживания армии США, случайно залетевшие так далеко от родины, были для нас куда недоступнее медсестер.

Что же касается шоколадных крошек, то мои возражения против них относятся вовсе не к цвету. У меня самого лицо, за исключением длинного розового шрама, было не менее коричневым, чем у них. Из своего меню я исключил их потому, что они уж очень малюсенькие. Я вешу сто девяносто фунтов — одни мускулы без капли жира,— и мне никак не удается убедить себя, что женщина ростом четыре фута десять дюймов и весом менее девяноста фунтов да еще выглядящая двенадцатилетней является взрослой и дееспособной. Для меня такое дело не отличается от изнасилования малолетней, и я сразу становлюсь импотентом.

Сингапур — местечко, где можно было найти девицу и достаточно крупных размеров. Но когда я удирал с Чанг-Эли, то внезапно ощутил какое-то разочарование в людях — больших и маленьких, мужчинах и женщинах — и решил прямиком отправиться на судно, что, возможно, спасло меня от оспы, гонореи, мягкого шанкра, проказы, чесотки и дерматофитозиса. Вероятно, это было самое мудрое решение, принятое мной с того времени, когда четырнадцатилетним мальчишкой я отказался от схватки с аллигатором средних размеров.

[1] По любви или ради развлечения (*фр.*).

Таксисту я сказал по-английски, к какому причалу ехать, потом повторил это же специально заученным предложением на кантонском диалекте (с плохим произношением, но китайский язык очень сложен, а в школе у нас, кроме немецкого и французского, других языков не было) и показал ему план, на котором нужный причал был отмечен и даже назван на английском и китайском языках.

Такой план давали каждому, кто сходил с парохода на берег. В Азии любой таксист достаточно владеет английским, чтобы отвезти тебя в квартал красных фонарей или в лавку, где продаются «редкости», но к нужному причалу они почему-то никогда не находят дороги.

Мой таксист выслушал, глянул на план и сказал: «О'кей. Мак. Я понимай», после чего рванул с места, резко срезал угол и помчался, кроя последними словами рикш, кули, собак и детей. Я расслабился, радуясь, что мне достался такой таксист — один из тысяч.

Внезапно я подскочил и крикнул, чтобы он остановился.

Надо вам сказать, что я физически не могу заблудиться. Если угодно, можно назвать это экстрасенсорным свойством. Мама же говорила, что у ее сынишки есть «шишка направления». Как ни называйте, а я только в шесть или семь лет узнал, что есть люди, которые могут заблудиться. Я же всегда знаю, где север, в каком направлении лежит место, с которого я отправился в путь, и как далеко я от него нахожусь. Я могу вернуться туда точно по прямой, а могу и по собственным следам, даже в темноте или в джунглях. Именно по этой причине меня столько раз производили в капралы и даже поручали обязанности сержанта. Патрули, которыми я командовал, всегда возвращались обратно, кроме убитых, конечно. Городским ребятам, которым джунгли не пришлись по душе, это весьма импонировало.

А закричал я потому, что таксист повернул направо вместо того, чтобы свернуть налево, и уже готовился к новому повороту, дабы вернуться на круги своя.

Такси продолжало набирать скорость.

Я снова заорал. Таксист же, казалось, напрочь забыл английский.

Однако несколько позже ему все же пришлось остановиться из-за дорожной пробки. Я вышел из машины, таксист также

выскочил из нее и стал что-то визгливо кричать на кантонском диалекте, указывая при этом на счетчик. Вокруг нас собралась толпа китайцев, которая все время росла, причем китайчата уже начали хватать меня за одежду. Я крепко придерживал деньги рукой, но очень обрадовался, увидев полицейского. Я позвал его, и мне удалось привлечь его внимание.

Полицейский протолкался сквозь толпу, помахивая внушительной дубинкой. Это был индус. Я спросил его: «Говоришь по-английски?»

— Еще бы. И даже понимаю по-американски.

Я изложил ему обстоятельства дела и пояснил, что таксист посадил меня у Чанг-Эли, а потом гонял машину по кругу.

Коп кивнул и заговорил с таксистом на каком-то третьем языке, похоже, на малайском. Потом коп сказал:

— Он не знает английского. Думал, вы велели ехать в Джохор.

Мост, ведущий в Джохор, лежит совсем в другом направлении, чем причал, но тоже еще на территории острова Сингапур. Я с раздражением буркнул:

— Черта с два он не понимает по-английски!

Коп пожал плечами:

— Вы его наняли и, значит, должны оплатить по счетчику. Потом я объясню ему, куда надо ехать, и мы договоримся о цене.

— Да я скорее отправлюсь в ад!

— Вполне возможно. Расстояние до него очень небольшое, особенно в этих кварталах. Думаю, вам все же лучше заплатить. Время простоя бежит быстро.

Иногда приходит час, когда человек должен встать на защиту своих принципов, чтобы потом, бреясь, он мог не стыдиться собственного взгляда. Я побрился еще утром, а потому уплатил восемнадцать с половиной сингапурских долларов за то, что потерял час времени и оказался дальше от места назначения, чем был, когда садился в машину. Таксист требовал еще чаевых, но коп приказал ему заткнуться и ушел вместе со мной.

Обеими руками я держался за карманы с деньгами, документами и с тотализаторным билетом, который я положил к документам. Но моя авторучка исчезла, равно как и носовой платок и ронсоновская зажигалка. Когда же я почувствовал, что чьи-то

невидимые пальцы ощупывают браслетку часов, я поспешил согласиться на предложение полицейского, рекомендовавшего мне услуги своего двоюродного брата — человека честного, который отвезет меня к причалу за условленную и умеренную плату. «Брат» оказался под рукой, и через полчаса я уже был на борту своего судна. Нет, никогда не забуду Сингапура — уж больно тут набираешься опыта.

Глава 2

Двумя месяцами позже я оказался на Французской Ривьере. Департамент Доброй Волшебницы присматривал за мной на всем пути через Индийский океан, Красное море и далее вплоть до Неаполя. Все это время я вел здоровый образ жизни, каждое утро делал зарядку и загорал, после обеда спал, а вечерами играл в покер. К тому времени, когда мы добрались до Италии, я уже был обладателем великолепного загара и кругленькой суммы.

В самом начале плавания один из игроков спустил все наличные и решил поставить на кон свои билеты Ирландского тотализатора. После непродолжительного спора билеты превратились в валюту, где каждый билет соответствовал двум американским долларам. К концу путешествия у меня оказалось 53 билета.

Перелет из Неаполя во Франкфурт занял всего несколько часов, но за это время департамент Доброй Волшебницы успел передать меня в ведение департаментов Путаницы и Издевательства.

Прежде чем отправиться в Гейдельберг, я завернул в Висбаден, чтобы повидать матушку, отчима и ребятишек, и тут узнал, что они только накануне выехали в Штаты, направляясь на базу ВВС Элмендорф на Аляске.

Тогда я поехал в Гейдельберг и с ходу стал знакомиться с городом, не подозревая, что шлейф невезения уже тащится за мной. Чудесный городок — прекраснейший замок, отличное пиво и крупнотелые девы с румяными щеками и с фигурами, похожими на бутылки кока-колы, в общем, все говорило, что это местечко, как никакое другое, подходит для получения ученой степени. Я даже начал приценяться к жилью и познакомился с молодым фрицем

в студенческой шапочке и с дуэльными шрамами на лице, не менее страшными, чем мой. Казалось, все шло путем.

Свои планы я обсудил с первым сержантом, который отвечал за дембель.

Он покачал головой:

— Эх ты, бедолага!

Почему? Да потому, что Гордону не полагалось никаких ветеранских привилегий. Оказалось — я вовсе и не ветеран. И шрам мой ничего не стоил, и то, что я укокошил людей в стычках больше, чем их можно загнать в... а, неважно куда! Оказывается, эта война вовсе не являлась войной, и Конгресс до сих пор не принял закона, предоставляющего «военным советникам» льготы для получения образования.

Думаю, виноват я сам. Просто всю жизнь слышал о ветеранских привилегиях... Господи, да я сам сидел на одной скамейке в химической лаборатории с парнем, который собирался окончить колледж с их помощью.

Сержант отечески напутствовал меня:

— Не пыли, сынок. Езжай домой, поступи на работу и обожди годик. Не иначе как они примут закон и придадут ему обратную силу, это уж точно. А ты еще молодой.

Вот я и оказался на Ривьере, в штатском, задумав надышаться воздухом Европы, пока не пришло время закругляться и возвращаться домой. Гейдельберг накрылся... Мое жалованье, вернее, тот остаток, что я не успел спустить в джунглях, плюс деньги за неиспользованный отпуск, плюс выигрыш в покер составляли сумму, которой хватило бы на первый год учебы в университете. А вот до получения степени эти деньги никак нельзя было растянуть. Я ведь рассчитывал, что буду жить на ветеранские дотации, а наличность послужит своего рода страховкой.

Мой пересмотренный план был ясен. Попасть домой, во всяком случае до начала учебного года. Наличные денежки разойдутся на оплату жилья и пансиона у тетки с дядей, следующее лето где-нибудь подработать и вообще держать нос по ветру. Опасность попасть в армию мне больше не угрожала, так что способы одолеть последний курс колледжа должны были подвернуться, хотя стать герром доктором мне уже не светило.

Колледж, однако, открывался только осенью, а сейчас было лишь начало весны. Поэтому я решительно настроился на знакомство с Европой, прежде чем приложить зубы к граниту науки. Другого такого случая могло и не подвернуться.

Была и еще одна причина, чтобы отложить отъезд,— те самые билеты. Подходило время жеребьевки лошадей. Ирландский тотализатор начинается как лотерея. Сначала продаются билеты в количестве, достаточном, чтобы обклеить ими Центральный вокзал в Нью-Йорке. Ирландские больницы получают 25 процентов выручки, так что они единственные, кто выигрывает наверняка. Незадолго до скачек начинается жеребьевка. Лошадей два десятка. Если твой билет не выиграл лошади, то цена ему, как листу оберточной бумаги (хотя какие-то утешительные призы есть и для этой категории). Если ты «получил» лошадь, это еще не значит, что ты выиграл. Некоторые из этих лошадей, может, и до старта не доберутся, а из тех, что выйдут на старт, большая часть приплетется в хвосте. Тем не менее любой билет, выигравший лошадь, даже если она, по общему мнению, способна только доковылять до стойла, теперь приобретает на весь период между жеребьевкой и скачками цену в несколько тысяч долларов. Сколько именно тысяч — это уж зависит от рейтинга лошади. Но цены высоки, ведь и самая плохая лошадь, как известно, чудом может прийти первой.

У меня было 53 билета. Если хоть один из них выиграет лошадь, я получу столько, что мне хватит на Гейдельберг. И я остался до жеребьевки.

Европа — дешевое местечко. Молодежное общежитие — роскошь для парня, вернувшегося из «райских» кущ Юго-Восточной Азии. Даже Французская Ривьера не так уж недоступна, ежели найти к ней правильный подход. Я не стал снимать апартаменты на La Promenande des Anglais[1], а снял крошечную комнатку четырьмя этажами выше и двумя километрами дальше набережной, да еще с общими «удобствами». Конечно, в Ницце есть роскошные клубы, но их вовсе не обязательно посещать, поскольку на пляжах стриптиз ничуть не хуже, чем в клубе, да еще бесплатно. Я не понимал этого высокого искусства до тех пор, пока не увидел, как

[1] Английская набережная (*фр.*).

юная француженка снимает платье и натягивает бикини на глазах у обывателей, туристов, жандармов и собак (не говоря уж обо мне), и все это никак не нарушает снисходительных французских норм относительно «неприличного обнажения». Ну разве что чуть-чуть нарушает.

Сами же по себе пляжи ужасны. Галька и камни. И все-таки камни лучше, чем грязная жижа джунглей, так что я, натянув плавки, любовался стриптизом и совершенствовал загар. Была весна, туристский сезон еще не начался, народу было мало, зато солнце грело и никаких дождей не предвиделось. Я валялся на солнце, чувствовал себя почти на небесах, а моим единственным приобретением был арендованный в «Американ Экспресс» почтовый ящик, куда мне клали парижские издания «Нью-Йорк Геральд Трибюн» и «Старз энд Страйпз»[1].

Я бегло проглядывал страницы, где сообщалось, как бездарно наши правители руководят миром, затем пробегал известия о событиях на «невойне», которую так недавно покинул (о ней писали мало, хотя нам и вдалбливали, что мы «спасаем цивилизацию»), а потом обращался к более стоящим делам: информации об Ирландском тотализаторе или надеждам, что «Старз энд Страйпз» развеют дурной сон, будто мне отказано в привилегиях на получение образования.

В конце шли кроссворды и личные объявления. Я всегда внимательно перечитывал этот раздел, позволяющий заглянуть в чужую частную жизнь. Например: «М. Л. позвонить Р. С. до полудня. Деньги». Информация к размышлению — кто кого надул и кто получит денежки!

Вскоре я нашел возможность вести еще более дешевый образ жизни и при этом любоваться еще лучшим стриптизом. Слышали когда-нибудь об Иль-дю-Леван? Это островок у побережья Ривьеры между Марселем и Ниццей, очень похожий на Каталину. На одном конце острова — деревушка, на другом — ВМС отгородили кусок земли для своих ракетных установок. Все остальное — холмы, пляжи и гроты. Автомобилей нет, нет даже мотоциклистов. Людям, которые сюда приезжают, хочется забыть об остальном мире.

[1] «Звезды и полосы». Американская газета военно-патриотического толка.

За десять долларов в день тут можно жить так же хорошо, как за сорок в Ницце. Можно заплатить пять центов в сутки за место для палатки и еще один доллар тратить на еду, что я и делал, а если надоест готовить самому, то тут полно дешевых и приятных ресторанчиков.

На острове, как мне кажется, не действуют никакие стесняющие людей правила. Хотя, погодите, одно ограничение есть: перед въездом в деревушку висит объявление «Le Nu Integral Est Formelement INTERDIT» («Полная обнаженность категорически запрещена»). Это означает, что все мужчины и женщины, прежде чем выйти на деревенскую улицу, должны нацепить на себя треугольную тряпочку — cache-sexe[1]. В других же местах, то бишь в кемпингах и на пляжах, никто ничего не обязан надевать, да и не надевает.

Исключая отсутствие автомобилей и одежды, Иль-дю-Леван ничуть не отличается от остальной французской провинции. Тут не хватает пресной воды, но французы ее не пьют, а купаться можно в Средиземном море, после чего покупают на франк пресной воды, с помощью которой смывают морскую соль. Садитесь на поезд в Ницце или в Марселе, сходите в Тулоне, берете билет на автобус до Лаванду, а потом — на катере (час с небольшим) до Иль-дю-Леван, после чего можете отбросить всякую заботу о своей одежде.

Я обнаружил, что могу покупать вчерашний номер «Геральд Трибюн» в деревне, прямо там же («Au Minimum», Mme Alexandre»)[2], где я арендовал палатку и другие туристские принадлежности.

Провизию я закупал в «La Brise Marine»[3], а лагерь разбил над La Plage des Grottes[4] возле самой деревушки. Там я и обосновался, давая отдых нервишкам, а глазам — наслаждение местным стриптизом.

Есть люди, которые не считают женщину венцом божественного творения. Они — «выше секса», им следовало бы родиться устрицами. А по мне, приятно смотреть на любую женщину (даже

[1] Плавки или бикини (*фр.*).
[2] «До минимума», мадам Александра (*фр.*).
[3] «Морской бриз» (*фр.*).
[4] Пляж у гротов (*фр.*).

на шоколадных крошек, хоть они меня и отпугивали). Вся разница в том, что на одних смотреть приятно, а на других — очень приятно. Некоторые толстоваты, другие — худощавы, одни — молоденькие, другие — постарше. Некоторые выглядят так, будто только что вышли из «Folies Bergeres»[1]. С одной из таких я познакомился, и оказалось, что близок к истине — это была шведка, работавшая «nue»[2] в одном из парижских кабаре.

Она со мной практиковалась в английском, я с ней — во французском, она обещала меня накормить настоящим шведским обедом, когда я приеду в Стокгольм, а я готовил ей обеды на спиртовке, мы напивались vin ordinaire[3], и она требовала, чтобы я рассказал, откуда у меня шрам, так что приходилось что-то выдумывать. Марьятта была прекрасным лекарством для солдатских нервишек, и я огорчился, когда ее отпуск истек.

А стриптиз все длился. Спустя три дня после отъезда шведки я сидел на Гротто-бич, облокотясь на скалу, и решал кроссворд, как вдруг почувствовал, что глаза у меня разъезжаются в разные стороны в тщетном усилии оторваться от самой великолепной женщины, какую я когда-либо видел.

Женщина или девушка — не знаю. С первого взгляда я дал ей лет 18–20, но потом, когда взглянул на ее лицо вблизи, она показалась мне не то 18-летней, не то 40-летней, а может, и 140-летней. Она обладала безупречной красотой, которая не зависела от возраста. Ну, как Елена Прекрасная или Клеопатра. Вполне возможно, что это и была Елена Прекрасная, так как Клеопатрой она быть не могла, это точно — та, как известно, рыжая, а эта яркая натуральная блондинка. Кожа у нее была золотистой, как корочка у свежеподжаренного гренка, причем на теле ни следа от бикини, а волосы на два тона светлее кожи. Они свободно струились по спине восхитительными волнами и, казалось, никогда не знали ножниц.

Рост высокий, чуть пониже меня и, надо думать, вес тоже поменьше, жира никакого, совсем никакого, кроме той тонкой прокладки под кожей, что так смягчает женские формы, скрывая мускульный каркас. Осанка ее напоминала о ленивой мощи львицы.

[1] *«Фоли Бержер»* — одно из известнейших парижских кабаре.

[2] Обнаженная (*фр.*), в данном случае — актриса стриптиза.

[3] Молодое (ординарное) столовое вино с выдержкой не более года (*фр.*).

Плечи широкие для женщины, почти такие же широкие, как ее полные женственные бедра. Талия могла бы показаться толстоватой у женщины более низкого роста, а у нее она выглядела восхитительно тонкой. Живот не впалый, а соблазнительно круглящийся под тяжелой грудью. Груди... Только ее мощная грудная клетка могла поддерживать тяжесть таких грудей, которые в другой ситуации могли бы показаться слишком роскошными. Они были крепки и высоки и лишь чуть подрагивали в такт шагам, увенчанные розовато-коричневыми сосками — женскими, не девичьими.

Пупок заставлял вспомнить эпитеты древних персидских поэтов, любивших сравнивать его с драгоценными каменьями. Ноги длинные, даже учитывая ее рост; кисти рук и ступни не маленькие, но тонкие и грациозные. Она вся была изумительно изящна, и просто невозможно было представить ее в какой-нибудь вульгарной позиции. И это при том, что тело ее было столь гибко, что, казалось, она, как кошка, может принять любую, самую невероятную позу.

Ее лицо! Как описать абсолютное совершенство? Разве что сказать, что, увидев такое лицо один раз, вы уже никогда его не забудете. Губы полные, рот довольно большой, слегка изогнутый в легкой улыбке, даже если лицо совершенно спокойно. Губы ярко-красные, но если она и пользовалась косметикой, то так искусно, что я не заметил и следа краски, а это уже делало ее уникальной, так как в этот год все женщины увлекались макияжем «Континенталь», ненатуральным, как корсет, и наглым, как ухмылка шлюхи.

Нос прямой и крупный. Не какая-нибудь «кнопка». Глаза... Она перехватила мой восхищенный взгляд. Разумеется, женщины готовы к тому, чтобы на них смотрели, готовы как в обнаженном виде, так и в бальном платье. Но такое беззастенчивое разглядывание хоть кому может показаться хамством. Тем не менее я сдался лишь через несколько секунд, стараясь запомнить каждую линию ее тела, каждый его изгиб.

Наши взгляды встретились, она смотрела на меня так же прямо и упорно, как я на нее. Я покраснел, но отвести глаз все равно не смог. Ее глаза были такого темно-голубого цвета, что казались

почти черными, во всяком случае были темнее моих — карих. Я хрипло сказал:

— Pardonnez-moi, ma'm'selle[1],— и усилием воли отвел взгляд.

Она ответила по-английски:

— О, я не возражаю. Смотрите сколько угодно,— и с ног до головы оглядела меня, так же тщательно изучая мое тело, как я изучал ее. У нее было теплое глубокое контральто, удивительно глубокое, особенно на нижнем регистре.

Потом она сделала два шага и оказалась рядом со мной. Я хотел встать, но она жестом приказала мне сидеть, жестом таким повелительным, будто всю жизнь только и делала, что отдавала приказы.

— Не вставайте! — произнесла она. Ветерок донес до меня аромат ее тела, по коже побежали мурашки.— Вы американец?.

— Да.

Я-то готов был побожиться, что она не американка, да и не француженка тоже. У нее не только не было и признака французского акцента, но и... как бы это сказать... француженки ведь всегда кокетничают, это у них в крови, эта манера интегрирована в самую французскую культуру.

В этой же женщине кокетства не было, хотя уже одним фактом своего существования она бросала вам вызов.

Не будучи кокетливой, она обладала редким даром устанавливать интимность в общении. Она разговаривала со мной так, как говорят только старые друзья, друзья, знающие сокровеннейшие тайны друг друга, чувствующие себя наедине совершенно естественно. Она задавала мне вопросы, многие из которых были глубоко личными, а я отвечал на них совершенно откровенно, причем мне и в голову не приходило, по какому праву она мне их задает. Имени моего она не спросила, как и я — ее. Впрочем, я вообще ее ни о чем не спрашивал.

Наконец она прекратила допрос, снова осмотрела меня — тщательно и спокойно. Потом задумчиво произнесла:

— Вы прекрасны! — и добавила: — Au'voir[2],— повернулась, прошла по пляжу до кромки воды и уплыла.

[1] Извините, мамзель (усеченное *мадемуазель*) (*фр.*).

[2] Усеченное *до свидания* (*фр.*).

Я был слишком ошеломлен, чтобы шевельнуться. Никто еще не называл меня красивым, даже когда мой нос был цел. А уж прекрасным...

Не думаю, что я чего-нибудь достиг бы, попробовав догнать ее, если даже предположить, что эта мысль пришла бы мне в голову. Эта женщина плавала что надо.

Глава 3

Я оставался на пляже до самого захода солнца, ожидая, что эта женщина все же вернется. Затем наспех проглотил скромный ужин из хлеба, сыра и вина, нацепил плавки и двинулся в деревню. Там я обошел все бары и кафе, нигде не обнаружив никаких следов красавицы, и, следуя по этому маршруту, еще заглядывал в незанавешенные окна коттеджей. Когда бистро стали закрываться, пришлось дать отбой и вернуться в палатку, проклиная себя за свою фантастическую тупость (почему, например, я не спросил ее имени, где она живет и где остановилась на острове?). Потом я завернулся в одеяло и заснул.

Проснулся я на рассвете, обежал пляж, позавтракал, снова обежал пляж, «оделся», пошел в деревню, побывал во всех лавчонках и на почте, где купил вчерашнюю «Геральд Трибюн».

И вот тут-то мне и пришлось делать самый трудный в моей жизни выбор: я выиграл лошадь! Сначала я не поверил глазам, так как не мог же я запомнить все 53 номера. Пришлось мчаться к палатке, искать записную книжку, проверять — действительно, выиграл! Этот номер прочно засел в моей памяти из-за своей легкости: XDV 34555. Я выиграл лошадь!

Это означало сумму в несколько тысяч долларов, но сколько именно, я не знал. Во всяком случае достаточно, чтобы оплатить обучение в Гейдельберге, если я немедленно загоню билет. «Геральд Трибюн» приходила сюда с дневным опозданием, то есть жеребьевка состоялась дня два назад, и эта животина вполне могла уже либо ногу сломать, либо покалечиться каким-нибудь другим способом. Мой билет имел цену только, пока «Счастливая Звезда» числилась в списке стартующих. Следовало немедленно добраться до Ниццы,

выяснить, где и как можно получить наибольшую цену за билет и сейчас же его загнать.

Но как же Елена Прекрасная?!

Шейлок с его душераздирающим воплем: «О дочь моя! Мои дукаты!»[1] — вряд ли страдал больше меня.

Пришлось идти на компромисс. Я написал исполненную страдания записку, назвав свое имя, сообщая о неотложном вызове по делам, умоляя ее или дожидаться моего возвращения на следующий день, или оставить записку с указанием, где я могу ее найти. Записку я оставил почтмейстерше вместе с описанием (блондинка, рослая, длинные волосы, великолепная poitrine[2]) и двадцатью франками, плюс обещание заплатить вдвое, если послание будет передано, а ответ получен. Почтмейстерша сказала, что такой женщины она не видела, но если cette grande blonde[3] покажется в деревне, то записка ей будет вручена.

В результате всей этой деятельности у меня осталось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы добежать до палатки, переодеться в городской костюм, забросить прочее имущество к Mme Alexandre[4] и успеть на катер. Ну а потом у меня оказалось целых три часа свободного времени, которые я мог посвятить волнующим раздумьям.

Одна из закавык заключалась в том, что «Счастливая Звезда» была отнюдь не дохлятиной. Рейтинг ставил ее на пятое-шестое место. Итак, что делать? Остановиться и получить верную прибыль? Или рискнуть всем и, возможно, не получить ничего?

Решение было трудным. Предположим, я продам билет за десять тысяч долларов. Даже если не пытаться обойти Налоговое управление, мне все же выдадут на руки большую часть этой суммы и ее хватит на завершение образования.

Но ведь образование я и без того могу получить, да и так ли сильно мне хочется поступить в Гейдельбергский университет? Тот студент с дуэльными шрамами по существу-то был настоящий болван со своей фальшивой заносчивостью, опирающейся на поддельную доблесть.

[1] Имеется в виду ростовщик Шейлок из «Венецианского купца» В. Шекспира.

[2] Грудь (*фр.*).

[3] Эта крупная блондинка (*фр.*).

[4] Мадам Александре *(фр.)*.

Теперь предположим, что я обожду продавать и схвачу один из главных выигрышей — 50 или даже 140 тысяч долларов?!

А знаете ли вы, какой налог платит молодой холостяк с суммы 140 тысяч долларов в Стране Отважных и на Родине Свободных? Сто три тысячи — вот сколько! А ему остается, стало быть, 37 тысяч.

Стоит ли ставить реальные десять тысяч против ненадежных тридцати семи? Шансы примерно один к пятнадцати против меня. Ну а предположим, я найду какую-нибудь уловку и обойду налогового инспектора? Тогда ставки будут 10 тысяч против 140, а это уж совсем другой коленкор — 140 тысяч не просто деньги для пропитания в период учебы, а состояние, приносящее 4–5 тысяч долларов в год.

И вовсе я не «обирал» Дядю Сэма, ведь США имели такое же моральное право на мой выигрыш (если бы я его получил), как я — на Священную Римскую империю. Что Дядя Сэм сделал для меня? Он швырнул моего отца в две мировые войны, причем в одной из них не дал нам победить, и тем самым куда как затруднил мое поступление в колледж, даже если оставить в стороне вопрос о той роли, которую мой отец мог бы сыграть в духовном развитии сына (этого я не знаю и никогда не узнаю). Затем Дядя Сэм вытурил меня из колледжа и послал сражаться на еще одну «невойну», почти что укокошил меня там и вообще, можно сказать, лишил девичьей невинности.

Так по какому же праву он теперь претендовал на 103 тысячи долларов, оставляя мне какой-то паршивый хвостик? Чтобы одолжить эти деньги какой-нибудь Польше? Или Бразилии? Черта с два!

Способ удержать все деньги (если допустить, что я их выиграю), конечно, был. Например, можно было отправиться в Монако, где налогов вообще нет, а через годик уехать оттуда куда угодно.

Можно хоть в Новую Зеландию. «Геральд Трибюн» пестрела своими обычными заголовками, разве что в большей концентрации. Похоже было, что эти парни (ах, эти шаловливые детишки), которые верховодят на нашем шарике, решили снова сыграть в мировую войну, только теперь уже с водородными бомбами и межконтинентальными ракетами.

Что ж, если забраться куда-нибудь на юг, ну хотя бы в ту же Новую Зеландию, то будет шанс, что там что-нибудь и останется, когда осядет радиоактивный пепел. А Новая Зеландия, говорят, страна красивая, рыбаки-любители, слыхал, там даже пятифунтовую форель считают мелочью, недостойной того, чтобы нести ее домой.

Сам-то я только раз в жизни поймал двухфунтовую.

И вот, когда мои размышления дошли до этого места, я сделал жуткое открытие. Оказалось, что мне больше не хочется поступать в колледж, ни в том случае, если я выиграю деньги, ни в том случае, если их проиграю. И что я ни в грош не ставлю гараж на три машины, плавательный бассейн или какой-нибудь другой символ высокого статуса или благосостояния. В этом мире все было ненадежно и лишь одни потрясные дураки и робкие мышата могут думать иначе.

Где-то, еще в джунглях, я растерял амбиции этого рода. В меня слишком часто стреляли, чтобы я сохранил интерес к супермаркетам и загородным участкам или к тому, что сегодня вечером я приглашен на ужин, организованный Ассоциацией родителей и учителей, и должен весь день помнить об этом.

Впрочем, все это вовсе не означало, что я собираюсь в монастырь. Я еще жаждал... А вот чего?..

Я жаждал добраться до яйца птицы Рух... Я ничего не имел против сераля, полного прекраснейших одалисок, но куда милее мне было видение клубов пыли из-под колес боевой колесницы и клинка, который никогда не запятнала бы ржавчина. Мне грезились самородки красного золота величиной с кулак, и я с наслаждением воображал, как швыряю своим ездовым собакам подонка, попытавшегося украсть у меня заявку на золотоносный участок. Я мечтал, как вскочу ранним утром, сильный и свежий, как сломаю на турнире пару копий, как присмотрю себе там подходящую девчонку для осуществления моего droit du seigneur[1], или, наоборот, как смело брошу вызов какому-нибудь барону, посмевшему нахально подмигнуть моей избраннице. А больше всего мне хотелось услышать плеск пурпурной воды о борт «Нэнси Ли» в час утренней вахты, когда ни один звук не нарушает тишины и не видно ничего, кроме медленного взмаха крыльев альбатроса, сопровождающего нас вот уже тысячу миль.

[1] Право сеньора, в частном проявлении — право первой ночи (*фр.*).

Мне мерещились быстрые луны Барсума, я тосковал о плаванье на плоту вниз по Миссисипи, мне хотелось спасаться от разъяренной толпы вместе с герцогом Бриджуотерским и покойным Дофином. А еще мне недоставало Пресвитера Иоанна и меча Эскалибура, протянутого чьей-то посеребренной лунным светом рукой из глубин сонного озера. Я мечтал о путешествии с Улиссом и Синдбадом-мореходом, мечтал о стране лотофагов, где стоит вечный полдень. Я тосковал по романтике и по тому чувству непреходящего изумления, которое было так свойственно мне в далеком детстве. Мне хотелось, чтобы мир снова стал таким, каким нам его обещали, а не той гнусной, вонючей кашей, каков он есть на самом деле.

А ведь у меня был шанс, был — в течение десяти минут вчерашнего вечера. Елена Прекрасная — или как там ее зовут — и я знал это... и дал этому шансу ускользнуть.

Больше такого шанса у меня не будет никогда.

Поезд въезжал в Ниццу.

В конторе «Американ Экспресс» я направился в банковский отдел, открыл свой личный сейф и достал из него билет, чтобы сверить его с номером в «Геральд Трибюн». Все так и было — XDV 34555! Чтобы успокоить нервы, я проверил все билеты, они ничего не стоили, как я и думал. Сунув их обратно в сейф, я спросил, не могу ли повидать управляющего.

У меня была денежная проблема, а «Американ Экспресс» не только бюро путешествий, но и банк. Меня отвели в кабинет менеджера, и мы представились друг другу.

— Мне нужен совет,— начал я.— Видите ли, я — владелец выигрышного билета Ирландского тотализатора.

Он широко улыбнулся:

— Поздравляю! Вы первый человек за долгое время, который заглянул сюда с приятным известием, а не с жалобой.

— Благодарю. А проблема вот в чем. Я знаю, что билет, выигравший лошадь, стоит кругленькую сумму, пока не начнутся скачки. В зависимости от лошади, конечно.

— Именно так,— подтвердил он.— А какая у вас лошадь?

— Довольно приличная — «Счастливая Звезда», в чем и заключается проблема. Если бы я выиграл «Водородную Бомбу» или одного из трех фаворитов, то... вы понимаете? А так я не знаю, держаться ли за этот билет или продать его, и вообще, как правильно рассчитывать шансы. Вы не знаете случайно, сколько дают за «Счастливую Звезду»?

Он сложил кончики пальцев «домиком».

— Мистер Гордон, «Американ Экспресс» не дает советов по скачкам и не занимается перепродажей билетов тотализатора. Тем не менее... Билет при вас?

Я достал из кармана билет и протянул ему. Билет пережил немало приключений, включая покер, он был помят и захватан потными пальцами. Счастливый номер был виден отчетливо.

Менеджер осмотрел его внимательно.

— А талон к билету у вас?

— При мне его нет,— и я начал объяснять, что дал адрес своего отчима и что мои письма пересылаются на Аляску.

— Это сейчас не так важно,— перебил он меня и потянулся к кнопке звонка.— Алиса, попросите мсье Рено зайти ко мне.

А я получил новую пищу для беспокойства. У меня хватило ума в свое время записать имена и адреса прежних владельцев билетов и каждый из них обещал прислать мне талоны, но пока ни один не прислал. Может, они уже получены на Аляске? Что касается выигравшего билета, то я проверил — он раньше принадлежал сержанту из Штутгарта. Вероятно, ему придется что-то заплатить, а не согласится — так вывихнуть руку.

Мсье Рено был похож на утомленного школьного учителя.

— Мсье Рено — наш эксперт в делах такого рода,— объяснил мне менеджер.— Будьте добры, дайте ему ваш билет.

Француз осмотрел его, глаза у него загорелись, он полез в карман, достал ювелирную лупу и вставил ее в глаз.

— Великолепно! — сказал он.— В Гонконге купили?

— В Сингапуре.

Он кивнул, улыбаясь:

— Это одно и то же.

Менеджер не улыбался. Он открыл ящик стола, вынул оттуда билет тотализатора и протянул его мне.

— Мистер Гордон, этот билет я купил в Монте-Карло. Сравните их, пожалуйста.

Мне билеты показались одинаковыми, только с разными серийными номерами, да еще его билет был новехонький и похрустывал.

— А зачем их сравнивать?

— Может, это вам поможет? — Менеджер подал мне большую лупу для чтения.

Билеты тотализатора печатаются на особой бумаге и на них выгравирован портрет в красках. И гравировка, и печать на билетах лучше, чем на денежных знаках в ряде стран.

Я знал, что сколько ни смотри на двойку, в туза она не превратится. Протянул менеджеру его билет:

— Мой поддельный.

— Я этого не говорил, мистер Гордон. Советую вам обратиться к другим экспертам. Например, во Французский банк.

— Да я и сам вижу. Гравировка не такая четкая и ровная, как на вашем. В ряде мест линии прерываются. Лупа показывает, что буквы расплылись.— Я повернулся: — Верно, мсье Рено?

Эксперт пожал плечами с видом ценителя:

— В своем роде дивная работа.

Я поблагодарил и вышел. Конечно, я сверился и во Французском банке, но не потому, что не доверял вынесенному приговору, а потому, что нельзя ни ампутировать ногу, ни выбрасывать на помойку 140 тысяч долларов, не сопоставив мнения экспертов. Этот эксперт даже к лупе не прибегал.

— Подделка,— сказал он.— Цены не имеет.

Вернуться на Иль-дю-Леван я не мог. Я пообедал и зашел повидаться со своей прежней хозяйкой. Моя конура пустовала, и хозяйка разрешила мне в ней переночевать. Заснул я моментально.

Удивительно, но я вовсе не пал духом, как ожидал. Чувствовал я себя хорошо, пожалуй, даже превосходно. Мне удалось испытать ощущения человека, неожиданно ставшего богачом, я познакомился с его радостями и с его горестями. Эти чувства оказались любопытными, но мне вовсе не хотелось начинать все сначала, во всяком случае сейчас.

Все тревоги меня покинули. Единственное, что надо решить, это время отъезда домой, но жизнь на острове была так дешева,

что с этим можно было и не торопиться. Более всего меня пугало то, что, внезапно уехав в Ниццу, я потерял из виду Елену Прекрасную, cette grande blonde! Si grande... si belle... si majestueuse![1] В мечтах о ней я и заснул.

Сначала я планировал попасть на самый ранний поезд в Тулон, а затем на первый утренний катер, но прошлый день съел все мои карманные деньги, а будучи в «Американ Экспресс», я позабыл снять деньги со счета. Забыл я и справиться о письмах. Вообще-то я их не ждал, разве что от матери и от тетки. Единственный мой дружок по армии погиб шесть месяцев назад. И все же я решил забежать за письмами, пока мне будут готовить деньги.

Я разрешил себе обильный завтрак. Французы полагают, что мужчина может начать свой день цикорным кофе с молоком и с рогаликами. Надо думать, это и определяет неустойчивость французской политики. Я выбрал кафе в переулке, рядом с большим газетным киоском, единственным в Ницце, где продавались «Старз энд Страйпз», а «Геральд Трибюн» появлялся сразу же после поступления на почту. Заказал дыню, две порции натурального кофе, omlette aux herbes fines[2], после чего предался кайфу.

«Геральд Трибюн» отвлекла меня от сибаритских наслаждений. Заголовки были еще хуже, чем обычно, и напомнили, что мне еще предстоит сражаться с миром за место в нем. Не мог же я вечно торчать на Иль-дю-Леван.

Но почему бы не остаться там подольше? Мне все еще ничуть не улыбалась перспектива поступления в колледж, а амбициозные желания иметь трехмашинный гараж были мертвы, как тотализаторный билет. Если третья мировая война готовилась перейти в кипящую фазу, то не было никакого смысла становиться инженером, чтобы ишачить в какой-нибудь Санта-Монике за 6–8 тысяч в год, а потом исчезнуть в огненной буре. Наверняка лучше пожить в свое удовольствие, срывая цветы наслаждения, пока есть возможность радоваться, пока есть доллары и время, а затем... что ж, пойду в морскую пехоту, как отец. Быть может, из меня все же наконец получится капрал?

[1] Эта крупная блондинка... такая большая... такая прекрасная... такая импозантная... (*фр.*).

[2] Омлет с травками (*фр.*).

Я раскрыл страницу «личных объявлений».

Сегодня они были что надо. Помимо предложений обучать йоге и закамуфлированных обращений одних инициалов к другим, было несколько таких, которые читались как новеллы. К примеру: «Награда! Вы собираетесь прибегнуть к самоубийству? Передайте мне право аренды на ваше жилище и вы свои последние дни будете кататься как сыр в масле. Ящик 323, Г.Т.»

Или: «Джентльмен из Индии, не вегетарианец, хочет познакомиться с культурной европейской, африканской или азиатской леди, владеющей спортивной машиной. Цель знакомства — улучшение международных отношений. Ящик 107».

Интересно, как этим можно заниматься в спортивной машине?

Следующее объявление было зловещим: «Гермафродиты всего мира, вставайте! Нам нечего терять кроме своих цепей. Тел. Опера, 59–09».

А одно объявление начиналось словами: «Вы трус?»

О да, разумеется, в том случае, если дается альтернатива!

Я прочел: «Вы трус? Тогда это не для вас. Срочно требуется храбрый человек, лет 23–25, отличного здоровья, минимум 6 футов ростом, весом около 190 фунтов, хорошо говорящий по-английски и немного по-французски, владеющий всеми видами оружия, желательно с некоторыми познаниями в инженерном деле и математике, любящий путешествовать, не связанный семейными и эмоциональными узами, смелый и решительный, красивый лицом и телом. Постоянное место, высокая оплата, интересные приключения, опасности гарантируются. Обращаться лично. Дом 7, Рю Данте, 2-й этаж, квартира Д».

Насчет лица и фигуры я прочел с некоторым облегчением: мне сначала показалось, что некто, обладающий чувством черного юмора, выкинул эту шутку специально для меня. И этот некто прекрасно осведомлен о моей привычке читать отдел личных объявлений в «Геральд Трибюн».

Судя по адресу, место, куда следовало явиться, находилось всего в сотне ярдов от моего кафе. Я перечел объявление еще раз, потом оплатил addition[1], оставил приличные чаевые, прошел к

[1] Счет в ресторане (*фр.*).

киоску, купил «Старз энд Страйпз», дошел до «Американ Экспресс», получил деньги, забрал почту и отправился на вокзал. До следующего поезда на Тулон оставался еще час, и я зашел в бар, заказал пива и расположился за столиком.

Мама огорчалась, что я не застал их в Висбадене. В письме сообщалось о болезнях ребятишек, о высоких ценах на Аляске и выражалось сожаление, что им пришлось покинуть Германию. Я сунул конверт в карман и взялся за «Старз энд Страйпз».

И тут же прочел: «Вы трус?» — это было то же самое объявление — от начала до конца. С проклятием я отшвырнул газету прочь.

Было еще три письма. Одно приглашало меня прислать пожертвование атлетической ассоциации моего бывшего колледжа. В другом предлагалось помочь мне в выборе выгодных объектов для инвестирования денег всего за 48 долларов в год. Самое последнее письмо было заключено в простой конверт без марки и явно принесено в «Американ Экспресс» посыльным.

В конверте лежала газетная вырезка, начинавшаяся словами «Вы трус?». Она ничем не отличалась от того, что я уже прочел, кроме того, что слова «Обращаться лично» были жирно подчеркнуты.

Схватив такси, я помчался на рю Данте. Если я потороплюсь, то еще успею разобраться с автором этой шутки и попасть на свой тулонский поезд. Номер 7-й был в верхней части улицы. Я взбежал по ступенькам и, уже подходя к квартире Д, столкнулся с человеком, который из нее выходил. Он был шести футов ростом, с красивым лицом и классной фигурой, которого легко можно было принять за гермафродита.

Табличка на дверях гласила на английском и французском языках: *«Доктор Бальзамо. Прием по договоренности»*. Имя показалось мне знакомым и с какой-то примесью фальши, но я не стал вспоминать, откуда его знаю. Я толкнул дверь.

Приемная была обставлена так, как любят обставлять свои конторы пожилые французские стряпчие или новомодные проходимцы. За письменным столом восседало нечто, похожее на гнома с насмешливой улыбкой, жесткими глазами, необычайно розовым лицом и лысиной и с неопрятной седой бахромой за ушами. Он пристально поглядел на меня и хихикнул:

— Привет! Так это ты и есть герой? — Внезапно гном выхватил револьвер, длиной чуть ли не в половину собственного роста и наверняка такой же тяжелый, и направил его на меня. Сквозь дуло вполне мог бы проехать целый «Фольксваген».

— Да не герой я! — мрачно буркнул я в ответ.— Я трус. И пришел сюда, чтобы выяснить, кто занимается этими дурацкими шуточками.— Тут я скользнул в сторону, отбил в бок страшенную пушку, ударил гнома по запястью и отнял у него револьвер. После чего вручил его обратно.— Не надо играть с такими игрушками, иначе мне придется забрать его насовсем. Я тороплюсь. Это вы Бальзамо? Вы дали объявление?

— Тихо, тихо, тихо! — произнес гном, вовсе не казавшийся рассерженным.— Ишь какой порывистый юноша! Нет, доктор Бальзамо — там! — И он повел бровями в сторону двух дверей в левой стене, потом нажал кнопку на столе (в комнате это была единственная вещь моложе Наполеона).— Иди. Она ждет.

— Она? А в какую дверь?

— Ах, трудно догадаться, где леди, а где тигр? Да какое это имеет значение? Особенно в далекой перспективе? Герой выберет правильно, трус же ошибется, будучи уверен, что я совру. Allez-y! Vite, vite! Schnell![1] Твой выход, Мак!

Я хмыкнул и рванул правую дверь.

Доктор стояла спиной ко мне возле какого-то прибора у дальней стены. На ней был один из тех белых, застегнутых до самой шеи халатов, которые так любят медики. Слева от меня находился хирургический стол для осмотров, справа — очень современная шведская кушетка. Были там еще шкафы из нержавейки и стекла, а на стенах дипломы в рамках. Комната выглядела так же современно, как не современно — приемная.

Когда я закрыл дверь, она обернулась, взглянула на меня и тихо сказала:

— Я очень рада, что ты пришел.— Потом улыбнулась, чуть слышно прошептала: — Ты прекрасен! — и оказалась в моих объятиях.

[1] Иди же! Скорей, скорей! (*фр.*); Торопись (*нем.*) !

Глава 4

Минуту и сорок секунд плюс несколько столетий спустя доктор Бальзамо—Елена Прекрасная оторвала свои губы от моих, отвела их на расстояние дюйма и шепнула:

— Отпусти меня, разденься и ляг на стол для осмотра.

Я чувствовал себя так, будто проспал часов девять, принял душ Шарко и сделал несколько глотков холодного как лед аквавита на голодный желудок. Все, что было угодно ей, было желанно и для меня. Но ситуация требовала особо остроумной реплики, так что я открыл рот:

— А?

— Ну пожалуйста! Я знаю, что ты — тот, кто нужен, но тем не менее должна осмотреть тебя.

— Ну... ладно...— согласился я.— Тут ты командуешь,— и начал расстегивать рубашку.— А ты действительно доктор медицины?

— Да, это тоже, среди прочих профессий.

— Но зачем тебе нужно осматривать меня? — спросил я, сбрасывая туфли.

— Хотя бы из-за ведьминых меток. Их, конечно, нет, я знаю. Но нужно выяснить и много других показателей. Чтобы защитить тебя.

Стол был очень холодный. И почему не делают теплых подкладок?

— Тебя зовут Бальзамо?

— Это одно из моих имен,— ответила она рассеянно, нежно трогая меня пальцами то тут, то там.— Это семейное имя.

— Обожди-ка! Граф Калиостро?

— Это один из моих дядюшек. Да, он носил это имя. Хотя, вообще-то говоря, оно ему принадлежало не более чем имя Бальзамо. Дядя Жозеф был плохой человек и довольно большой лгун.— Она дотронулась до старого маленького шрама.— Тебе вырезали аппендикс?

— Да.

— Отлично. Покажи-ка свои зубы.

Я широко раскрыл рот. Возможно, лицо у меня и подгуляло, но зубы вполне годятся для рекламы «Пепсодента».

— Следы флюорита. Ладно, а теперь мне надо взять у тебя кровь для анализа.

Она могла бы, если б захотела, прокусить мне прямо вену на шее, и я бы не только не удивился, а, вернее всего, попросту ничего не заметил бы. Однако она сделала все как обычно, взяв у меня 10 миллилитров из вены на сгибе локтя. Отлила немного в пробирку и поместила ее в аппарат, стоявший у стены. Тот заурчал и защелкал, а она вернулась ко мне.

— Послушай, принцесса,— начал я.

— Я не принцесса.

— Но я же не знаю, как тебя зовут, ты намекнула, что твоя фамилия вовсе не Бальзамо, а доктором я тебя звать не хочу.— Я и в самом деле не хотел звать ее доктором — эту самую очаровательную женщину, которую когда-либо видел, не хотел, особенно после того поцелуя, который стер память о других поцелуях, сколько бы их ни было раньше. Вот уж нет!

Она подумала.

— У меня много имен... а как бы ты хотел меня звать?

— А одно из этих имен, случаем, не Елена?

Ее улыбка была как скользящий солнечный зайчик, и я увидел, как от улыбки у нее появляются ямочки на щеках. Выглядела она лет на шестнадцать, совсем девушка, надевшая свое первое бальное платье.

— Ты очень галантен. Нет, она мне даже не родственница. Это было так давно, так давно.— Она повернулась ко мне: — Хочешь, зови меня Иштар.

— Это одно из твоих имен?

— Пожалуй, только надо сделать скидку на транскрипцию и акцент. Можно, и это будет очень близко, звать меня Астар, или Эстер, или даже Эстрелитта.

— Астар! — повторил я.— Стар — Звезда. Счастливая Звезда.

— Я и хочу быть для тебя счастливой звездой,— сказала она серьезно.— В общем, называй как хочешь. А как я буду звать тебя?

Я задумался. Мне, разумеется, не хотелось вытаскивать на свет божий свою старую спортивную кличку «Флэш». Армейское прозвище, которое продержалось дольше других, просто невозможно было произнести в дамском обществе. Хотя я сам предпочитал его

имени, данному при крещении. Видимо, мой отец очень гордился своими предками, но разве это основание для того, чтобы назвать ребенка мужского пола Ивлин Сирил? Из-за него мне пришлось научиться драться куда раньше, чем читать. Пожалуй, кличка, приставшая ко мне в госпитале, сойдет лучше всего.

— О, Скар[1], пожалуй, не такое плохое имя.

— Оскар,— повторила она.— Гордое имя! Имя для настоящего героя,— своим голосом она как будто ласкала это имя.

— Нет! Не Оскар, а «Скар» — «Меченый». Из-за этого вот.

— Нет! Теперь твое имя будет Оскар,— сказала она твердо.— Оскар и Эстер, Шрам и Звезда.— Она легко прикоснулась к шраму.— А тебе не нравится эта метка героя?

— Что? О, нет, я к нему уже привык. Он помогает мне понять, кто это такой, когда я смотрюсь в зеркало.

— Хорошо, мне он нравится, ведь он был у тебя, когда мы встретились впервые. Но если ты захочешь убрать его, только скажи.

Аппарат у стены снова защелкал. Она повернулась и вытащила из аппарата длинную ленту, пробежала ее глазами и тихонько присвистнула.

— Это займет немного времени,— сказала она весело и подкатила прибор к столу.— Лежи тихо, пока Хранитель будет подключен к тебе, расслабься и дыши ровно.— Она прикрепила ко мне около полудюжины датчиков, и они крепко присосались в тех местах, куда она их приложила. На собственную голову Стар водрузила нечто, сначала показавшееся мне каким-то странным стетоскопом, хотя в надетом виде он закрыл ей оба глаза.

— Изнутри ты тоже хорош, Оскар. Нет, помолчи-ка еще.— Она положила руку мне на плечо, и я замер. Минут через пять Стар сняла руку и отсоединила все датчики.— Вот и все,— оживленно произнесла она.— Больше ты никогда не испытаешь простуды, мой герой, не будет у тебя и приступов расстройства желудка, подхваченного в джунглях. А теперь пройдем в другую комнату.

Я слез со стола и взялся за свои шмотки. Стар сказала:

— Там, куда мы направляемся, они не нужны. Там ты получишь полную экипировку и оружие.

[1] *Скар* — шрам, рубец (*англ.*).

Я остановился, держа в одной руке туфли, а в другой брюки.

— Стар?..

— Да, Оскар?

— Скажи мне, в чем дело? Это ты дала объявление? И оно действительно предназначалось мне? Ты в самом деле собираешься нанять меня для выполнения какого-то замысла?

Она глубоко вздохнула и спокойно ответила:

— Объявление дала я. Оно предназначено тебе и только тебе. Да, есть работа, которую ты должен выполнить... как мой рыцарь. Будут и увлекательные приключения, и несметные сокровища, и большие опасности, так что, возможно, ни один из нас не доживет до конца.— Она посмотрела мне прямо в глаза: — Итак, сэр?

Мелькнула мысль, что, видимо, уже давно, незаметно для себя, я попал в сумасшедший дом. Вслух я, однако, ничего не сказал, так как там, где я сидел, Стар уж никак не могла быть. А мне безумно хотелось, хотелось больше всего на свете быть с ней. Я сказал:

— Принцесса... ты получила своего мальчика на побегушках.

Стар с облегчением вздохнула:

— Тогда быстрее. Времени мало.— Она провела меня через дверь, находившуюся за шведской кушеткой, расстегивая по пути халат, распуская «молнию» на юбке и сбрасывая одежду прямо на пол. В мгновение ока она оказалась в том же виде, что тогда — на пляже.

Стены комнаты были окрашены в темный цвет, в ней не было окон, и тусклый свет падал неизвестно откуда. Два низких ложа стояли рядом друг с другом, они были черного цвета и походили на гробы. Другой мебели не было и в помине. Когда дверь за нами закрылась, я поразился мертвой тишине, стоявшей в комнате,— голые стены не отражали ни звука.

Оба ложа стояли в центре круга, очерченного мелом или белой краской на голом полу и являвшегося частью более сложного узора. Мы вошли внутрь рисунка, Стар повернулась ко мне спиной и, присев на корточки, провела какую-то завершающую линию. Даже в этой позе она не казалась вульгарной, даже на корточках, даже с грудью, почти касающейся пола.

— Что это? — спросил я.

— Карта, пользуясь которой мы отправимся туда, куда нам надо.

— Она больше похожа на пентаграмму.

Стар пожала плечами:

— Пусть будет так. Это действительно Пятиугольник Мощи. А лучше сказать — схема соединения. Но, мой герой, у меня нет времени для объяснений. Пожалуйста, ложись скорее.

Я лег на указанное мне правое ложе, но не мог оставить тему без завершения:

— Стар, ты колдунья?

— Если хочешь. Но прошу тебя, прекрати разговоры.— Она легла и протянула мне ладонь.— Соединим руки, милорд. Так надо.

Ее рука была мягкой, теплой и безукоризненно красивой. Внезапно свет стал красным, потом погас. Я заснул.

Глава 5

Проснулся я от пения птиц. Рука Стар все еще лежала в моей. Я повернул к ней лицо, и она улыбнулась:

— Доброе утро, милорд!

— Доброе утро, Принцесса.— Я осмотрелся. Мы все еще лежали на тех черных ложах, только теперь они стояли под открытым небом в поросшей травой лощине, окруженной деревьями, а где-то совсем рядом тихонько журчал ручеек. Место было такое живописное, что казалось, его собирали листок к листку неторопливые руки старых японских садовников. Теплый солнечный свет струился сквозь решето листвы, расцвечивая золотистое тело Стар. Я глянул на солнце.

— Это утро? — Мог быть и полдень, и даже после полудня, но тогда, значит, солнце садилось, а не вставало.

— Здесь снова утро.

Внезапно моя «шишка направления» полностью вышла из повиновения, и голова закружилась. Неспособность определить направление оказалась для меня чувством совершенно непривычным и малоприятным. Я не мог определить, где находится север. Спустя несколько секунд все стало на свои места. Север был вон там, вверх по течению ручья, а стало быть, солнце действительно вставало, было эдак часов девять утра, и вскоре солнцу предстояло

пройти через северный квадрант неба. Значит — южное полушарие. Пугаться нечего. Подумаешь, делов-то! Просто сделали дураку укол какого-то наркотика, когда проходил медосмотр, сунули его на борт «Боинга 707», перебросили в Новую Зеландию, дозаправив его зельем во время полета. Когда понадобится — разбудят.

Однако я ничего не сказал вслух, да... и не все додумал до конца, поскольку дело обстояло совсем не так, как я полагал.

Стар села.

— Ты голоден?

Тут я почувствовал, что омлет, съеденный несколько часов назад (а сколько именно, никто не знает), явно недостаточен для ребенка, вошедшего в период роста. Я тоже сел и перебросил ноги на траву.

— Съел бы целую лошадь!

Она улыбнулась:

— Боюсь, что лавка «La Société Anonyme de Hippophage»[1] уже закрыта. Может, ограничимся форелью? Нам все равно придется немного подождать, так что времени для приготовления завтрака у нас сколько угодно. И не бойся, это место защищено.

— Защищено?

— Да, безопасно.

— Ладно. А как насчет удилища и крючков?

— Сейчас покажу.— Но показала она мне, не как ловить рыбу на удочку без наличия последней, а как ловить ее руками.

С этим способом, впрочем, я был знаком с детства. Мы вошли в прелестный ручей, с приятно прохладной водой, стараясь двигаться как можно тише, и выбрали местечко как раз под нависающей скалой, местечко, где форели любят собираться и общаться, едва-едва поводя плавниками. Что-то вроде рыбьего эквивалента клуба для джентльменов. Данный способ лова основан на том, что вы добиваетесь доверия рыбы, а потом ее бесчестно обманываете. Уже через две минуты я поймал первую форель фунта на два-три и выбросил ее на берег, а Стар ухватила почти такую же.

— Сколько ты можешь съесть? — спросила она.

— Вылезай и обсушись,— отозвался я.— Попробую выловить еще одну штучку.

[1] Анонимное общество поедателей конины (*фр.*).

— Тогда, пожалуй, лучше возьми еще две или три,— подытожила она.— Скоро прибудет Руфо.

— Кто?

— Твой слуга.

Спорить я не стал. Подобно Черной Шахматной Королеве я готов был до завтрака поверить целым семи нелепостям, а потому занялся добычей этого самого завтрака. Я ограничился всего двумя рыбами, так как последняя оказалась самой крупной из всех когда-либо виденных мной форелей. Рыбы, казалось, сами становились в очередь на право быть пойманными.

К этому времени Стар уже развела костер и тут же принялась чистить рыбу с помощью острого кремня. Что ж, любой скаут женского пола и любая колдунья должны уметь разводить костер без спичек. Я и сам — если дадут несколько часов и гарантируют удачу — могу сделать то же самое при помощи двух кусков сухого дерева. Однако я не заметил таких кусков поблизости. Я сел на корточки и, перехватив у Стар ее работу, начал чистить форель.

Вскоре она вернулась с какими-то фруктами, похожими на яблоки, но почти вишневого цвета, а также с изрядным количеством грибов вроде шампиньонов. Все это она несла на широком листе, схожем с листом канны или ти, но только еще больше, почти как у банана.

У меня потекли слюнки:

— Эх! Еще бы чуточку соли.

— Поищу. Только боюсь, что она будет хрустеть на зубах.

Стар приготовила рыбу двумя способами: обжарила на огне, подвесив на свежесрубленной зеленой ветке, и испекла на плоской известняковой плите, на которой разводила костер. Угли она сгребла в сторону, а на раскаленную плиту положила рыбу и зашипевшие сразу же грибы. В таком виде рыба показалась мне вкуснее всего.

Маленькая нежная травка оказалась местной разновидностью зеленого лука, а крошечный клевер по вкусу почти не отличался от щавеля. Эти травки вместе с солью (грубой и действительно скрипевшей на зубах, а возможно, и многократно лизанной какими-нибудь животными, что мне было абсолютно безразлично) придавали форели совершенно неописуемый вкус. Думаю, сюда

внесли свою лепту еще и погода, и живописная местность, да и сама компания Стар, последнее в особенности.

Я все раздумывал, как бы это поделикатнее сказать: «Как насчет того, чтобы нам провести тут вдвоем ближайшую тысячу лет и как угодно — в браке или без. А кстати, ты замужем?» Но тут нас прервали. И очень жаль, так как мне как раз удалось сложить в уме довольно изящную и очень оригинальную фразу для выражения этой простой, но старой как мир мысли.

Пожилой лысый гном — владелец револьвера-переростка — возник за моей спиной и тут же принялся браниться. Я был совершенно уверен, что он ругался на чем свет стоит, хотя язык мне был незнаком. Стар повернулась к гному, что-то спокойно сказала ему на том же языке, подвинулась, освобождая место, и протянула ему форель. Он схватил рыбу и откусил от нее огромный кусок, бормоча уже по-английски:

— В следующий раз ничего ему не заплачу. Вот увидишь!

— А не надо было пытаться обжуливать его, Руфо. Возьми-ка грибов. А где багаж? Мне надо переодеться.

— Вон там! — И он снова принялся пожирать рыбу.

Руфо был прекрасным доказательством того, что некоторым людям лучше всегда быть одетыми. У него была ярко-розовая кожа и весьма солидный животик. В то же время мускулатура у него была что надо, чего я и не подозревал, иначе был бы куда осторожнее, отнимая у него пушку. В глубине души я решил, что, если нам случится схватиться в индейской борьбе, мне придется прибегнуть к какой-нибудь нечестной уловке.

Он взглянул на меня сквозь полтора фунта форели и спросил:

— Не желает ли милорд переодеться?

— А? После того, как ты позавтракаешь. И к чему этот титул «милорд»? Ведь последний раз, когда мы встречались, ты запросто тыкал мне в физиономию своей пушкой.

— Очень сожалею, милорд. Но Она велела так поступить... А когда Она приказывает, приходится повиноваться, сами понимаете.

— Меня это устраивает. Кто-то же должен командовать. А меня зови просто Оскар.

Руфо глянул на Стар, она кивнула. Он ухмыльнулся:

— О'кей, Оскар. Претензий нет?

— Никаких.

Он положил рыбу на камень, вытер ладонь о голое бедро и протянул мне:

— Отлично. Значит, вы будете рубить, а я вывозить.

Мы пожали друг другу руки, причем каждый попытался испытать силу другого. Кажется, мне удалось чуть перебороть Руфо, но я вынес впечатление, что не иначе он когда-то занимался кузнечным ремеслом.

Стар казалась очень довольной, у нее снова появились ямочки на щеках. Она уютно устроилась у огня и стала похожа на лесную нимфу, занятую чаепитием во время обеденного перерыва. Внезапно она протянула мне свою сильную тонкую руку и положила ее поверх наших.

— Мои храбрые друзья! — сказала она серьезно.— Мои славные мальчики. Руфо, все будет хорошо.

— Вам был Знак? — с интересом спросил он.

— Нет, только предчувствие. Я совершенно спокойна.

— Вряд ли можно что-нибудь утверждать определенно,— возразил Руфо,— пока мы не рассчитались с Игли.

— Оскар справится с Игли.— Стар поднялась каким-то необыкновенно гибким движением.— Кончай с рыбой и распаковывай. Мне нужна одежда.— Она сразу стала очень деловитой.

Стар была многолика — ничуть не меньше, чем целый взвод из Женской Вспомогательной Службы. И заметьте — это не гипербола. В этой женщине заключились все прочие — от Евы, раздумывающей, какой из двух фиговых листков пойдет ей больше, до современной дамы, которая жаждет оказаться в недрах самого модного магазина совершенно голой, но с чековой книжкой в руках. Когда я встретил ее впервые, она казалась чуть ли не «синим чулком», интересующимся проблемами одежды не более, чем я сам. У меня же лично одежда не вызывала вообще никаких эмоций. Быть представителем нынешнего поколения нерях — значит получить существенную добавку к студенческому бюджету, ибо самые простые джинсы считаются тут au fait[1], а пропахшая потом рубашка последним писком моды.

[1] *Здесь — вполне допустимыми (фр.).*

При второй нашей встрече Стар была одета в лабораторный халат и узкую юбку, в которых умудрялась выглядеть одновременно и деловой женщиной, и славным парнем. Но сегодня — в это утро, или как его там назвать, она была полна женственности и жизни. Она отдавалась рыбной ловле с такой страстностью, что не могла сдержать восторженных воплей. А через несколько секунд она уже превратилась в девчонку-скаута, с пятнами сажи на щеках, с волосами, небрежно заброшенными за плечо, чтобы уберечь их от огня, пока готовила завтрак.

Теперь же это была Вечная Женщина, которой предстояло заняться разборкой Новых Нарядов. Я-то понимал, что надеть на Стар платье было все равно что покрасить масляной краской королевские драгоценности, но следовало признать, что если мы не собираемся играть в «Я — Тарзан, ты — Джейн» в этой лощине до времени, пока нас не разлучит смерть, то какая-то одежда, хотя бы для того, чтобы охранять великолепную кожу Стар от сучков и терниев, определенно понадобится.

Багаж Руфо оказался чем-то вроде небольшой черной шкатулки, размерами и формой походившей на пишущую машинку. Он раскрыл ее.

И еще раз раскрыл.

И раскрыл очень много раз.

И продолжал раскрывать до тех пор, пока эта штуковина не приобрела размеры небольшого грузовичка, доверху набитого множеством вещей. Поскольку дома меня прозвали «Правдивым Джеймсом» сразу же, как я начал говорить, то вам придется предположить, что я стал жертвой галлюцинаций, вызванных гипнозом или наркотиками.

Что касается меня лично, то я твердой точки зрения не имею. Всякий, кто изучал математику, знает, что внутренняя поверхность предмета теоретически не обязательно меньше наружной, а каждый, кому довелось видеть, как какая-нибудь толстуха пролезает сквозь узкую щель, знает, что эта теория находит и практическое доказательство. Шкатулка Руфо была лишь расширенным изданием указанного постулата.

Первым делом Руфо достал из шкатулки здоровенный сундук из тикового дерева. Стар тут же открыла его и принялась

вытаскивать из таинственных глубин всевозможные прозрачные прелести.

— Оскар, что ты думаешь об этом? — Она прижимала к груди длинное зеленое платье, разглаживая юбку на одном из бедер для лучшего обозрения.— Тебе нравится?

Еще бы мне не нравилось! Если это был оригинал (а я и подумать не мог, что Стар наденет жалкую копию), то не стоило пытаться даже вообразить его цену.

— Шикарная тряпочка! — сказал я.— Но, послушай, мы же вроде собирались путешествовать?

— Совершенно верно.

— Но я не вижу поблизости ни одной стоянки такси. Ты не боишься, что платье порвется?

— Оно не рвется. И я не собираюсь его носить. Я хочу только показать его тебе. Разве оно не великолепно? Хочешь, я пройдусь в нем, как манекенщица? Руфо, где мои сандалии на высоких каблуках, ну те, что с изумрудами?

Руфо ответил на том же языке, на котором ругался в минуту своего прибытия. Стар лишь пожала плечами и сказала:

— Успокойся, Руфо. Игли подождет. И кроме того, мы все равно не сможем с ним встретиться раньше завтрашнего утра. Да и милорду Оскару еще надо выучиться здешнему языку...— И все же она бросила это зеленое роскошество обратно в сундук.

— А вот и еще одна прелестная штучка,— продолжила Стар, поднимая в воздух нечто.— Это просто шутка, больше ни на что она не годится.

Я понял, что она имеет в виду. «Штучка» была по преимуществу юбкой, с крохотным корсажем, который лишь все поддерживал, но ничего не скрывал — стиль, изобретенный на древнем Крите и, как мне приходилось слышать, все еще пользующийся популярностью в «Оверсиз уикли», «Плейбое» и в ночных клубах. Этот стиль превращал паданцы в настоящие буфера. Впрочем, Стар в этом не нуждалась. Руфо тронул меня за плечо.

— Босс! Не хотите ли взглянуть на арсенал и выбрать, что нужно?

— Руфо, жизнь надо украшать, а не подгонять,— с упреком заметила Стар.

— У нас останется куда больше жизни для украшения, если Оскар выберет то, что применит с наибольшим эффектом.

— Оружие ему все равно не понадобится, пока мы не уладим отношения с Игли.— Стар, однако, перестала настаивать на демонстрации новых моделей и, хотя мне было дьявольски приятно смотреть на нее в это время, я все же с готовностью взялся за инспекцию оружия, которым мне предстояло пользоваться, поскольку предназначенная мне работенка явно того требовала.

Пока я любовался организованным Стар показом мод, Руфо успел разложить коллекцию, которая была чем-то средним между армейским арсеналом и музеем: шпаги, пистолеты, копье футов в двадцать длиной, огнемет, две базуки, между которыми лежал автомат Томпсона, медные кастеты, мачете, гранаты, луки, стрелы, «кинжал милосердия»...

— А почему нет пращи? — спросил я для подначки.

Руфо оказался на высоте:

— Какой тип вам угодно иметь, Оскар? С вилкообразной рукоятью? Или обыкновенную пращу?

— Извини, что затронул эту тему. Из рогатки я никогда и ни во что не попаду.— Я поднял «Томми», убедился, что магазин пуст, и начал разборку. Автомат был почти новехонький, но пристрелянный настолько, чтобы механизм работал как часы. Вообще-то говоря, «Томми» не намного точнее бейсбольной биты, да и радиус действия у него лишь чуть больше. Есть, конечно, и свои достоинства — если из него попадешь в человека, так тот обязательно упадет и не встанет. Оружие это короткое и не очень тяжелое, обеспечивает большую плотность огня на нужное время. Подходящая игрушка для боев в зарослях и для схваток, близких к рукопашной.

Я-то сам, признаться, больше уважаю что-нибудь со штыком на конце для случаев, так сказать, интимного характера и что-нибудь, обеспечивающее высокую точность попадания в тех случаях, когда враждебные действия ведутся с дальних рубежей. Поэтому я отложил «Томми» и взял «Спрингфилд», правда изготовленный на заводе в Рок-Айленде, что было видно по серийному номеру, но все равно «Спрингфилд». Эта винтовочка пробудила во мне те же чувства, что и австралийский «Альбатрос» —

ведь некоторые виды механизмов столь совершенны, что единственное средство улучшить их — это сконструировать заново.

Я передернул затвор, сунул палец в ствол, осмотрел мушку. Ствол сверкал, никаких потертостей, на мушке была отчетливо видна малюсенькая звездочка. Чудесное оружие!

— Руфо, а какова местность там, куда мы двинемся? Такая же, как тут?

— Сегодня будет такая же. Но...— Он виновато принял винтовку из моих рук.— Здесь пользоваться огнестрельным оружием запрещено. Шпаги, ножи, стрелы — все, что рубит, колет, режет с помощью человеческой руки, пожалуйста. Но не огнестрельное.

— А кто это распорядился так?

Он пожал плечами:

— Спросите лучше у Нее.

— Но если пользоваться нельзя, то зачем ты их брал вообще? Да и боеприпасов я не вижу.

— Боеприпасов хватит. Позже, когда мы доберемся до... до другого места... живыми, я имею в виду... А что вам понравилось из разрешенного оружия? Вы из лука стреляете?

— Пока еще не знаю. Покажи-ка, как это делается.

Руфо хотел что-то сказать, но, пожав плечами, взял лук. Надел кожаную перчатку и тщательно выбрал стрелу.

— Вон то дерево,— указал он,— то, у корней которого лежит белый камень. Я буду целиться на высоту груди.

Он наложил стрелу, поднял лук, натянул тетиву и спустил стрелу, все это одним плавным, текучим движением. Стрела вонзилась в ствол дерева в четырех футах от земли.

— Хотите посоревноваться? — ухмыльнулся Руфо.

Я не ответил. Знал, что попасть не смогу, разве что по чистой случайности. В детстве у меня был лук, подаренный на день рождения. Попадал я из него редко, а потом и стрелы куда-то запропастились. Тем не менее я весьма картинно стал выбирать себе лук, отыскав самый большой и тяжелый. Руфо вежливо откашлялся.

— Разрешите обратить ваше внимание, что этот лук очень туг и тяжел для начинающего.

Я натянул тетиву.

— Найди мне перчатку.— Перчатка подошла, словно была скроена по мне (а может быть, и была?). Я взял стрелу, даже не осматривая, они все казались мне одинаковыми и прямыми. Никакой надежды попасть в это распроклятое дерево у меня не было. Находилось оно ярдах в пятидесяти и имело около фута в диаметре. Я просто намеревался пустить стрелу повыше, рассчитывая, что такой тугой лук обеспечит достаточно пологую траекторию. Больше всего мне хотелось наложить стрелу, поднять лук, натянуть его и спустить стрелу таким же слитным движением, как у Руфо, хотелось выглядеть настоящим Робин Гудом, не будучи им в действительности.

Но когда я поднял и согнул этот лук, когда ощутил его мощь, то почувствовал внезапный прилив уверенности — этот инструмент был для меня! Мы были сотворены друг для друга.

Ни о чем не думая, я пустил стрелу.

Она, задрожав, впилась в дерево на расстоянии ладони от стрелы Руфо.

— Отличный выстрел! — воскликнула Стар. Руфо глянул на дерево, поморгал, потом с обидой перевел глаза на Стар. Она ответила ему надменной улыбкой.

— Ни в чем не виновата,— заявила она.— Ты же знаешь, что на такие проделки я не способна. Соревнование шло честно... Оба отличились.

Руфо задумчиво посмотрел на меня.

— Хм-м. А не желает ли милорд заключить маленькое пари... на его собственных условиях... что милорду не удастся повторить свой выстрел...

— Не буду я биться об заклад,— ответил я.— Что я — дурачок, в самом деле! — Но тут же взял другую стрелу и положил ее на тетиву. Мне нравился этот лук, приятен был даже звук, с которым тетива ударялась о перчатку. Я решился на еще одну попытку, просто чтобы вновь ощутить слияние с оружием.

Я спустил тетиву.

Третья стрела выросла в точке, расположенной между двумя предыдущими, чуть ближе к стреле Руфо.

— Отличный лук! — сказал я.— Я его возьму себе. Поищи-ка колчан.

Руфо молча затопал прочь. Я снял тетиву и принялся копаться в ножевом товаре. В глубине души я очень надеялся, что из лука мне больше никогда не придется стрелять — даже профессиональный игрок не может рассчитывать на нужный расклад каждый раз, когда он сдает карты, и моя следующая стрела вполне могла превратиться в бумеранг.

Тут было бесконечное разнообразие лезвий, начиная от двуручного меча, по моему мнению, вполне пригодного для колки дров, до крошечного кинжальчика, который дама может спрятать в колготках. И каждый клинок я брал в руки и пробовал... пока наконец не нашел такого, который был мне по руке так, как Эскалибур — по руке короля Артура.

Я никогда не видел ничего похожего, а потому даже не знаю, как следует по науке назвать этот клинок. Скорее всего — саблей, поскольку он был слегка изогнут и заточен, как бритва, примерно на половину длины тыльной части. Конец клинка был остр, как у рапиры, а изгиб лезвия имел столь большой радиус, что клинок мог с одинаковым успехом работать и как шпага, и как сабля. Гарда изгибалась вдоль кулака и плавно переходила в получашие. Хотя точка равновесия располагалась только в двух дюймах ниже рукояти, клинок был достаточно тяжел, чтобы разрубить любую кость. Оружие давало ощущение естественного продолжения руки.

Рукоять, обтянутая шершавой акульей кожей, прямо вливалась в ладонь. На клинке был выбит какой-то девиз, но он был плохо виден среди завитушек дамасской стали, и я не стал возиться с расшифровкой из-за нехватки времени. Этот клинок был мой, мы с ним составляли неразрывное целое. Я вложил его в ножны и застегнул пояс с ножнами на голой талии, чувствуя себя этаким капитаном Джоном Картером, Джедакком из Джедакков, плюс знаменитым гасконцем и его тремя друзьями одновременно.

— Ты не хочешь одеться, милорд Оскар? — спросила Стар.

— Что? О, разумеется. Я только примерял на себя пояс. Но... разве Руфо захватил сюда мою одежду?

— Ты захватил, Руфо?

— Его одежду? Не хочет же он носить тут то, что надевал в Ницце?

— А что, собственно говоря, плохого в сочетании фирменных джинсов и гавайки? — запротестовал я.

— Как вы изволили сказать? Да, конечно, ничего плохого, милорд Оскар,— поспешно заговорил Руфо.— Живи сам и давай жить другим, как я говорю. Я знал когда-то человека, который носил... впрочем, неважно, что он носил... Разрешите показать, что я для вас приготовил.

Мне предоставлялся огромный выбор — от плаща из болоньи до железных лат. Последние я нашел малопривлекательными, так как само их присутствие говорило о возможности ситуации, когда они могут понадобиться. Кроме солдатской каски никаких доспехов я не носил, не стремился носить и не знал, как их носить,— и, честно говоря, не собирался водить компанию с теми грубиянами, которые нуждались в чем-либо подобном.

Кроме того, я не видел нигде поблизости лошадей, скажем, першеронов или клайдсдейлов, а вообразить себя двигающимся пешим порядком в этой железной утвари я вообще не мог. Надо думать, я ходил бы, как на костылях, гремел бы, как вагон подземки, а чувствовал бы себя точно в душной раскаленной телефонной будке. Поту сходило бы с меня фунтов десять на каждые пять миль пути. Стеганых длинных курток, что полагалось поддевать под все эти железяки, и одних хватило бы за глаза при такой чудной погоде, а уж сталь поверх стеганок превратила бы меня просто в бродячую печь и сделала бы слабым и неуклюжим, даже для сражения в очереди к билетной кассе.

— Стар, ты сказала, что...— начал я и умолк. Она, оказывается, закончила переодеваться, и результат был — что надо! Мягкие кожаные туфли, вернее, мокасины, коричневые облегающие брюки, короткая зеленая куртяшка — среднее между жакетом и лыжной курточкой... А на голове кокетливая шапочка. Костюм был опереточной версией костюма стюардессы — ловкой, изящной, толковой и сексапильной.

А возможно, и костюмом вольных стрелков, поскольку он дополнялся двоякоизогнутым луком, колчаном и кинжалом.

— Ты выглядишь так, как та штучка, из-за которой начался мятеж.

Стар продемонстрировала свои ямочки и вежливо присела. Стар никогда не «выставляется»: она знает, что женственна, что выглядит чудесно, и не скрывает, что это доставляет ей истинное наслаждение.

— Ты сказала только что, будто в моем оружии в ближайшее время нужды не будет. Так есть ли основания натягивать на себя один из этих скафандров? Мне лично они не кажутся комфортабельными.

— Сегодня я опасностей не жду,— не торопясь, проговорила Стар,— но это не то место, где можно рассчитывать на помощь полиции. Ты должен сам решать, что нужно делать.

— Но... черт возьми, Принцесса, ты же знаешь эту страну лучше, чем я. Мне нужен совет.

Она промолчала. Я повернулся к Руфо. Тот с подчеркнутым вниманием рассматривал что-то в кроне дерева. Тогда я приказал:

— Руфо! Одевайся!

Он задрал одну бровь:

— Что угодно милорду Оскару?

— Шнелль! Давай пошевеливайся!

— О'кей! — Руфо быстро натянул костюм, который был мужским повторением костюма Стар, с шортами вместо женских облегающих брюк.

— Оружие! — приказал я, начав одеваться в том же духе, хотя и решил включить в свой туалет высокие сапоги. Тут я, однако, заметил пару мокасин прямо моего размера и подумал — не попробовать ли, каковы они на ноге? Они обтянули ноги, как перчатка и... да и подошвы у меня так затвердели за месяц хождения босиком на Иль-дю-Леван, что надобность в сапогах сама отпала. Выглядели мокасины вполне современно — с «молнией» спереди и этикеткой «Fabrigue en France»[1] внутри.

Руфо взял лук, из которого только что стрелял, шпагу и кинжал вдобавок. Я вместо кинжала выбрал золингеновский охотничий нож. С грустью посмотрел на армейский пистолет 45 калибра, но даже не дотронулся до него. Раз «они», кто бы «они» там ни были, приняли местный вариант закона Салливана[2], буду ходить без оружия.

Стар приказала Руфо паковаться, а затем присела со мной на песчаном пятачке у ручья и набросала маршрут нашего похода.

[1] Сделано во Франции (*фр.*).

[2] Закон Салливана регулирует продажу и ношение оружия в США.

Путь шел на юг вниз по течению ручья (кроме отдельных участков для спрямления дороги) вплоть до Поющих Вод. Там мы и остановимся на ночлег.

Я запомнил все детали маршрута.

— О'кей! О чем-нибудь еще я должен быть предупрежден? Следует ли нам стрелять первыми? Или надо ждать, пока в нас бросят бомбу?

— Сегодня я ничего такого не ожидаю. Ах да, тут есть хищники размером раза в три крупнее льва, но они жуткие трусы — на движущегося человека не нападают.

— Вот такие мне по душе! Ладно, в крайнем случае будем все время двигаться.

— Если же мы встретимся с людьми, чего я не предполагаю, будет, пожалуй, мудро приготовить лук и стрелы, но не поднимать лук без необходимости. Впрочем, я ничему не должна тебя учить. Все решаешь ты один. Руфо тоже не будет стрелять до тех пор, пока не увидит, что ты почел за благо применить силу.

Руфо кончил упаковывать наши пожитки.

— О'кей! Пошли! — приказал я.

И мы двинулись в путь. Маленькая шкатулка Руфо была закреплена у него за плечами как рюкзак, и я не переставал дивиться, как это он волочет на своей спине более двух тонн груза. Может, это что-то вроде антигравов, что встречаются в научной фантастике? А может, у него в жилах течет кровь китайских кули? Черная магия? Да и вообще в рюкзаке не мог бы поместиться и один тиковый сундучок Стар, даже будучи уменьшен в масштабе тридцать к одному, не говоря уже об арсенале и прочих причиндалах.

Не стоит, пожалуй, удивляться, что я не выжал из Стар сведений касательно того, где мы находились, почему мы там находились, что собираемся там делать, а также относительно деталей тех опасностей, с которыми мне предстояло бороться. Слушай — как тебя там — Мак, ну, если тебе снится самый роскошный сон всей твоей жизни и ты добрался уже чуть ли не до самой кульминации, так неужто ты остановишься и начнешь обсуждать с самим собой вопрос, что логически невозможно, чтобы данная девица располагалась в данной копне сена рядом с тобой в данную минуту, а от этого возьмешь, да и проснешься? Я знал, в полном

соответствии с логикой, что все происходящее со мной после прочтения того дурацкого объявления не могло существовать наяву.

Потому-то я и отбросил логику ко всем чертям.

Логика, дружище,— хрупкая штучка. «Логика» доказала, что аэропланы летать не могут, что водородная бомба теоретически невозможна и что камни с неба не падают. Логика — это способ выражения идеи: что не случалось вчера, не может случиться и завтра.

Мне ситуация, в которой я находился, очень нравилась. И я вовсе не желал проснуться в собственной постели, а тем более в отделении какой-нибудь психушки. А особенно мне было бы противно, проснувшись, опять оказаться в джунглях со свежей раной на лице и без вертолета в обозримом будущем. Или — в то самое мгновение, когда шоколадный братишка заканчивает трудиться надо мной и отправляет меня в свою Валгаллу[1]. Так вот, эта самая Валгалла мне была очень даже по душе.

Тут я прогуливался с верной шпагой на боку, которая постукивала меня по левому бедру при каждом шаге, с симпатичнейшей девицей, вполне отвечавшей моим запросам, с чем-то вроде раба-крепостного-слуги, шагавшего сзади и в поте лица тащившего весь груз да еще защищавшего нас с тыла.

Пели птички, пейзаж был такой, что его, видимо, спроектировали лучшие специалисты ландшафтной архитектуры, а воздух пьянил и благоухал. И даже в случае, если мне никогда больше не светило прочесть заголовки в утренней газете или окликнуть такси на улице, вышеописанная ситуация меня полностью устраивала.

Признаюсь, мой длинный лук мне здорово мешал, но также мешала бы и «М-1»[2]. У Стар ее маленький лук ловко висел за спиной, доставая ей от плеча до бедра. Я попробовал носить было свой в той же манере, но он запутался в ногах. Кроме того, меня не оставляла мысль о необходимости быть готовым к стрельбе в любую минуту, поскольку Стар упоминала о возможности такой ситуации. Тогда я снял лук с плеча и, натянув тетиву, понес его в левой руке.

За весь утренний переход случилась только одна тревога. Я услыхал, что тетива Руфо пропела «тванг», обернулся, держа лук с

[1] *Валгалла* — в скандинавской мифологии обиталище богов и героев.

[2] *«М-1»* — марка винтовки, принятой на вооружение в армии США в то время.

уже наложенной стрелой и натянутой тетивой, хотя еще не успел разобраться, в чем дело. На земле лежала птица, похожая на тетерку, которую Руфо сбил с ветки, прострелив ей шею. Я еще раз подумал о нежелательности совместного выступления с ним на стрелковых соревнованиях, разве что он даст мне пять очков форы.

Руфо обернулся и довольно осклабился:

— Обед! — На протяжении следующей мили он ощипывал тетерку, а потом подвесил ее к поясу.

На ланч (где-то около полудня) мы остановились в живописнейшем месте, которое, как поспешила меня успокоить Стар, было «защищено». Руфо раскрыл свою шкатулку до размеров чемодана и сервировал завтрак: холодное мясо, тертый сыр-провансаль, хрустящий французский хлеб, груши и две бутылки шабли. После завтрака Стар предложила устроить сиесту. Идея была недурна — я славно закусил, так что птичкам остались одни крошки, но все же удивился:

— Разве мы не должны поторапливаться?

— У тебя будет урок языка, Оскар.

Теперь я могу сказать тем, кто учил меня языкам в средней школе Понсе-де-Леона[1], что существуют и лучшие методики обучения. Ты ложишься на мягчайшую траву вблизи смеющегося ручейка и в окружении дивного ландшафта, а самая прекрасная женщина мира склоняется над тобой и смотрит тебе в глаза. Она начинает что-то тихо говорить на неизвестном языке. Время бежит, ее глаза становятся больше... больше... больше... и ты тонешь в них...

Потом, сколько-то времени спустя, Руфо говорит:

— Erbas, Оскар, t knila voorsht.

— О'кей! — отвечаю я.— Я уже встаю. Нечего меня подгонять.

Эти последние слова я произнес на языке, коему наш алфавит просто тесен. Потом были еще уроки, но о них я тоже писать не буду, важно то, что с этого момента все мы разговаривали только на указанном выше диалекте, за исключением тех случаев, когда необходимо было заполнить какие-то языковые лакуны английским словом.

[1] *Понсе де Леон* — город во Флориде, названный в честь испанского мореплавателя, открывшего полуостров Флориду.

Язык этот богат ругательствами и терминами, относящимися к любовным делам, а также превосходит английский по технической терминологии. Существуют и пропуски: нет, например, слова «адвокат».

Спустя час мы подошли к Поющим Водам. По пути мы пересекли довольно высокое лесистое плато. Ручей, в котором мы ловили форель, принял множество притоков и превратился в приличную реку. Под нами, в том месте, куда мы еще не дошли, река падала мощным, превосходящим Йосемитский по высоте, водопадом[1], срываясь с высоких утесов. Но там, где мы остановились на ночлег, она прорыла в плато ущелье, и в ее русле образовались каскады, предваряющие появление водопада.

Слово «каскады» слабо передает действительность. Выше и ниже по течению, куда только достигал взгляд, вы видели одни водопады — большие, футов по тридцать-пятьдесят в высоту, и маленькие, которые и мышь могла бы перескочить, а между этими крайностями — все переходы размеров и форм. Были там и террасы, и целые лестницы террас, были и тихие заводи, где вода казалась ярко-зеленой от свисающих с берега ветвей, были и полосы ослепительно белой, как взбитые сливки, воды, вскипавшей клоками пены.

Слух их тоже воспринимал. Крохотные водопадики пели серебристым сопрано, большие — гудели глубокими басами. На той зеленой лужайке, где мы разбили лагерь, все эти тона смешивались в величественный хорал, а у самой воды, чтобы услышать друг друга, приходилось кричать во всю мочь.

Кольридж явно побывал тут в одном из своих горячечных снов:

По склонам зеленой отарой
Сбегали леса, что древнее
Холмов, подставляющих солнцу
Округлые мягкие спины.
А в темном глубоком ущелье,
Как будто тяжелой секирой
Рассекшем кедровую рощу,
Под вечер, едва восходила

[1] *Йосемитский водопад* — общее название каскада водопадов на р. Йосемити-Крик, в Калифорнии.

Луна с искривленной улыбкой,
Являлся рыдающий призрак,
Взывавший в смятенье и муке
К любовнику — Падшему Духу...

Надо думать, Кольридж шел по тому же маршруту и добрался до Поющих Вод. Неудивительно, что он испытал горячее желание прикоснуть этого «Человека из Порлока», вломившегося в его лучший сон. Когда я буду умирать, положите меня возле Поющих Вод, пусть они будут последним, что я увижу и услышу.

Лагерь был устроен на поросшей нежной травой террасе, плоской, как мысль глупца, и мягкой, как поцелуй. Я стал помогать Руфо распаковываться, так как мне хотелось раскрыть фокус роста размеров шкатулки. Фокус остался нераскрытым. Каждая стенка шкатулки откидывалась в сторону совершенно просто и естественно, подобно тому, как раскладывается доска для глаженья, а размер шкатулки увеличивался после этого так же просто и естественно.

Сначала мы достали палатку для Стар. Не какую-нибудь армейскую б/у, а изящный павильон из расшитого шелка; ковер, который мы расстелили вместо пола, наверняка создавался тремя поколениями бухарских художников-ткачей.

— Вам нужна палатка, Оскар? — спросил Руфо.

Я посмотрел на небо, на спускающееся к горизонту солнце. Воздух был как топленое молоко, и даже мысль о дожде не приходила в голову. Я не люблю спать в палатках, особенно если есть хоть ничтожная вероятность нападения.

— А ты будешь в палатке?

— Я? О, нет! Но Ей палатка нужна. Хотя потом Она нередко располагается на траве.

— Мне палатка не нужна (а ну-ка вспомни, не должен ли рыцарь спать у порога своей повелительницы с оружием в руках? Я не очень-то разбираюсь в этикете такого рода, его ведь не проходят на школьных занятиях по обществоведению).

Стар к этому времени вернулась и сказала Руфо:

— Защищено. Охранители на месте.

— Перезарядили? — забеспокоился он.

Стар дернула его за ухо.

— Я пока еще не впала в детство.— И добавила: — Мыло подай, Руфо. Оскар, пойдешь со мной, раскладываться — его работа.

Руфо раскопал кусок «Люкса», подал ей, оглядел меня оценивающе и выдал мне кусок «Лайф-бью».

Поющие Воды — лучшая баня на свете, к тому же бесконечно разнообразная. Тихие заводи образуют то мелкие ножные ванны, то бассейны для плавания, то сидячие ванны, в которых вода слегка пощипывает кожу, то душевые, в которых она или падает мелким дождем, или бьет острыми струями, могущими свести с ума, если стоять под ними слишком долго.

Нетрудно подобрать и нужную температуру. Выше каскада, которым мы пользовались, в главный поток впадал ручеек горячей воды, а чуть ниже, из берега, бил подводный ледяной родник. Так что нужды возиться с кранами не было. Просто требовалось передвинуться чуть ниже или чуть выше по течению, чтобы получить воду нужной температуры, или спуститься туда, где вода была теплой и нежной, как поцелуй матери.

Сначала мы просто резвились, Стар вскрикивала и хихикала, когда я брызгал на нее холодной водой, и пыталась «утопить» меня. Резвились мы как дети, я и в самом деле чувствовал себя мальчишкой. Стар разыгрывала девчонку, но играла она сильно — под бархатной кожей чувствовалась сталь мышц.

Потом я взял мыло, и мы стали мыться. Когда она намылила волосы, я подошел сзади и помог их промыть. Стар разрешила помочь ей, так как явно не справлялась с могучей гривой, раз в шесть длиннее, чем носят современные девицы.

Это были незабываемые минуты (особенно учитывая занятость Руфо и его отсутствие). Казалось, создалась вполне подходящая обстановка, чтобы сначала схватить Стар, тиснуть, а потом быстро перейти к решительным действиям. Я далеко не уверен, что она оказала бы мне даже притворное сопротивление. Весьма вероятно, она пошла бы на сближение охотно, с открытой душой.

Черт, я же знаю, что притворного сопротивления не было бы. Она либо поставила бы меня на место высокомерным словом или хорошей оплеухой, либо сдалась бы с радостью.

И все же я не мог решиться. Не мог решиться даже начать. Не знаю почему. Мои намерения в отношении Стар колебались от

самых бесчестных до самых-рассамых порядочных и обратно, с того самого момента, как я впервые ее увидел. Нет! Не так! Лучше изложу это иначе: мои намерения были постоянно абсолютно безнравственны, но с полной готовностью превратиться в высоконравственные попозже, как только удалось бы раскопать какого-нибудь занюханного мирового судью.

И все же я даже пальцем не дотронулся до Стар, кроме тех мгновений, когда помогал смыть мыло с волос.

Пока я пытался разгадать эту загадку, погружая обе руки в ее тяжелые светлые волосы, мой мозг все еще не мог выдать ответа на вопрос — что же мешает мне обхватить эту сильную тонкую талию, находящуюся от меня на расстоянии нескольких дюймов? В эту минуту я вдруг услыхал пронзительный свист и мое имя — мое новое имя. Я оглянулся.

Руфо в своем малопривлекательном «в чем мать родила», с перекинутыми через плечо полотенцами, стоял на берегу, футах в десяти от нас, и пытался перекричать рев водопада, чтобы привлечь мое внимание.

Я подошел к нему на несколько футов ближе.

— Ну, чего тебе надо? — Можно сказать, что я почти рычал.

— Я спрашиваю — вы будете бриться? Или станете отращивать бороду?

Подсознательно, видимо, я ощущал кактусообразное состояние своей физиономии, еще когда вел внутренний спор о том, совершать или нет преступные действия в отношении Стар, и это сыграло свою роль в принятии отрицательного решения. «Жиллетт», «Аква-Вельва», «Бирма Шейв»[1] и прочие создали у несчастного американского мужчины (я имею в виду себя) чувство неполноценности, мешающее им соблазнить или изнасиловать даму, не будучи свежевыбритым. А у меня щетина была уже двухдневной давности.

— У меня нет бритвы! — заорал я.

Руфо продемонстрировал мне наличие опасной бритвы.

Стар возле меня зашевелилась. Она протянула руку и большим и указательным пальцами ощупала мой подбородок.

[1] Компании, выпускающие бритвенные лезвия.

— А ты будешь великолепен с бородой,— сказала она.— Что-то в духе Ван Дейка, с торчащими усами.

Раз таково мнение Стар, то кто я такой, чтобы возражать? Кроме того, растительность на лице частично может скрыть шрам.

— Как скажешь, Принцесса.

— И все же я предпочту тебя таким, каким увидела в первый раз. Руфо отличный брадобрей.— Она обернулась к Руфо.— Подай руку и полотенце.

Стар пошла к лагерю, вытираясь полотенцем на ходу. Я бы охотно помог ей в этом, если бы она попросила о такой услуге. Руфо проговорил устало:

— И чего вы не боретесь за свои права? Но раз Она велит побрить вас, то теперь мне уже некуда деваться, придется с собственным мытьем поторопиться, а то Она не терпит опозданий.

— Если у тебя найдется зеркало, я и сам побреюсь.

— Вы когда-нибудь имели дело с опасной бритвой?

— Нет, но могу научиться.

— Еще перережете себе глотку, а Ей это может не понравиться. Давайте вон там на бережку, где я смогу стоять в теплой водичке. Нет! Нет! Не садитесь, а ложитесь так, чтобы голова опиралась о камушек. Я не могу брить человека, когда он сидит.— Руфо стал втирать мыльную пену мне в подбородок.

— А знаете почему? Я учился на покойниках, вот почему. Наводил на них красоту, чтобы родственникам было приятно. Тихо, вы! Вы же чуть не лишились половины уха! А мне нравится брить жмуриков: во-первых, они не жалуются, во-вторых, ни о чем не просят, в-третьих, ни с чем не спорят и всегда лежат тихонько, в-четвертых, самая что ни на есть разлюбезная работа. Что же касается существа дела...— Руфо прервал бритье и, держа лезвие у моего кадыка, начал изъяснять свои горести.

— Разве у меня были выходные по субботам? Черта с два, у меня и по воскресеньям-то они были не всегда! А продолжительность рабочего времени?! Два дня назад я читал в газете, что одно похоронное бюро в Нью-Йорке... Вы в Нью-Йорке бывали?

— Был я в Нью-Йорке! И убери эту чертову гильотину от моего горла, раз ты вошел в раж и так размахиваешь руками!

— Если будете болтать, то не миновать вам быть порезанным сразу в нескольких местах. Так вот, эта контора подписала контракт на

обслуживание из расчета двадцатипятичасовой рабочей недели. Недели! А я работал по двадцать пять часов в сутки! Знаете, сколько часов без перерыва мне пришлось как-то раз проработать?

Я сказал, что не знаю.

— Ну вот, вы опять болтаете! Более семидесяти часов, и будь я проклят, ежели вру! А ради чего? Ради славы? А что такое слава? Для кучки сожженных костей. Богатство? Оскар, я скажу вам как родному: я обработал больше покойников, чем какой-нибудь султан — одалисок. И никогда ни один из них гроша ломаного не дал бы за то, чтоб покоиться в одеяниях, украшенных рубинами размером с ваш нос и вдвое более красных, или в рубище. Зачем мертвому богатство? Скажите мне, Оскар, как мужчина мужчине, пока Она не слышит, ну зачем вы позволили Ей втянуть себя в эту историю?

— А мне это дело нравится. Пока.

Руфо шмыгнул носом:

— Именно так сказал один мужик, когда пролетал мимо окон пятнадцатого этажа Эмпайр стейт билдинг. А ведь внизу его, как известно, ждала мостовая. Однако,— добавил он туманно,— пока дело с Игли не выяснилось, проблем нет. Если бы со мной был мой служебный чемоданчик, я бы так загримировал ваш шрам, что все бы сказали: «Смотрите, совсем как живой».

— Не твое дело. Ей нравится этот шрам (черт его побери, опять забыл и дернулся).

— Ну еще бы! Я ведь какую идею пытаюсь вам внушить: если вы вступили на Дорогу Доблести, то знайте, что найдете вы на ней по преимуществу булыжники. Лично я на эту дорогу не напрашивался. Мои представления о хорошей жизни вполне укладываются в маленькую тихую похоронную контору с хорошим выбором гробов на все цены и с прибылью, позволяющей иногда оказать посильную помощь родственникам усопших. И с продажей гробов в рассрочку для тех, кто достаточно проницателен, чтобы все планировать заранее, ибо все мы смертны, Оскар, все мы смертны, и разумный человек может с полным успехом посиживать с доброй кружкой пива в хорошей компании и одновременно заключать контракт с надежной похоронной фирмой.— Он доверительно наклонился ко мне: — Послушайте, милорд Оскар... Если мы чудом выберемся отсюда живыми, замолвите за меня

словечко перед Ней. Пусть Она поймет, что я слишком стар для Дороги Доблести. А я уж найду, чем скрасить ваши преклонные годы... если вы отнесетесь ко мне по-товарищески...

— Мы же с тобой, кажется, пожали друг другу руки?

— Ах, да, действительно...— Руфо вздохнул.— Один за всех и все за одного и так далее и тому подобное... Все, с вами покончено.

Когда мы вернулись в лагерь, было еще светло. Стар сидела в своей палатке, а моя одежда была выложена снаружи. Я начал было артачиться, когда увидел этот костюм, но Руфо сказал:

— Раз Она распорядилась, чтобы вечерний костюм, то это значит — черный костюм и черный галстук.

Я с трудом надел все, даже запонки (это были большие черные жемчужины); фрак был явно или сшит на меня, или куплен в магазине готового платья человеком, который знал мой рост, вес, ширину плеч и талии. Торговая марка на подкладке гласила: «Английский Дом. Копенгаген».

Но галстук меня доконал. В разгаре борьбы с ним появился Руфо, заставил меня лечь (я уж и не стал спрашивать почему) и завязал его в мгновение ока.

— Вам нужны ваши часы, Оскар?

— Мои часы? — Я полагал, что они остались там — в смотровой врача в Ницце.— Они у тебя?

— Да, сэр. Я захватил все, кроме...— его передернуло,— кроме вашей одежды.

Руфо не преувеличивал. Здесь было все — не только содержимое моих карманов, но и то, что было в сейфе «Американ Экспресс»,— деньги, паспорт, военное удостоверение, даже билеты тотализатора с Чанг-Эли.

Я хотел было спросить, как Руфо залез в мой сейф, но воздержался. У него был ключ, а способ проникновения мог быть и очень прост — например, поддельная доверенность, а мог быть и сложен — вроде магической черной шкатулки. Я горячо поблагодарил Руфо, и он отправился готовить ужин.

Сначала я решил выбросить все это барахло, кроме паспорта и денег, но мусорить в таком дивном месте, как Поющие Воды, было просто преступлением. Пояс, на котором висела шпага, имел кожаный карманчик, куда я и запихал все, включая давно остановившиеся часы.

Руфо накрыл стол прямо перед палаткой Стар, сделал электропроводку, пустил ее на дерево, под которым стояла палатка, на стол поставил горящие свечи. Когда Стар вышла, стало ясно, как было темно до ее появления. Стар вышла и остановилась. Я все же сообразил: она ждет, чтобы ей предложили руку. Подведя Стар к ее месту за столом, я пододвинул ей стул, а Руфо сделал то же самое для меня. На Руфо была ливрея сливового цвета.

Ухаживать за Стар было чистым наслаждением. Она была в том самом зеленом платье, в котором хотела показаться мне утром. До сих пор не знаю, пользовалась ли Стар косметикой, но выглядела она так, будто не имела ничего общего с той страстной Ундиной, что пыталась утопить меня всего лишь час назад. Казалось, такой экспонат нуждался в хранении под стеклом. Это была Элиза Дулитл[1] на своем первом балу.

Звуки «Ужина в Рио» сливались с хоралом Поющих Вод. Белое вино к рыбе, розовое — к дичи, красное — к ростбифу. Стар смеялась, щебетала и сверкала остроумием. Один раз Руфо, наклонившись ко мне, чтобы предложить какое-то блюдо, шепнул: «Обреченные обедали с аппетитом». Я также шепотом послал его ко всем чертям.

К десерту подали шампанское. Руфо почтительно предложил мне оценить его. Я молча кивнул. Интересно, как бы он поступил, если бы я отказался от шампанского... Угодно ли еще вина... к кофе — «Наполеон»... и сигареты.

О сигаретах я мечтал весь день. Это были «Бенсон и Хеджес» № 5, а я, в целях экономии, последнее время смолил эту черную французскую дешевку.

Закурив, Стар поблагодарила Руфо за ужин, он принял ее комплименты со всей серьезностью, я их поддержал от всего сердца. До сих пор не знаю, кто готовил этот ужин. Большую часть, конечно, Руфо, но Стар также внесла немалую лепту, пока меня брили на берегу.

Неторопливо бежало счастливое время, мы сидели, попивая кофе с коньяком, а вечерний свет постепенно тускнел, пока не осталась лишь одна горящая свеча, оживлявшая игру драгоценностей Стар и освещавшая снизу ее лицо. Наконец Стар сделала

[1] Героиня пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

еле заметное движение, как будто отодвигая от себя стол, и я тут же вскочил, чтобы проводить ее к палатке. Стар остановилась у входа:

— ...Милорд Оскар...

И тогда я поцеловал ее и последовал за ней в...

Как бы не так! Я был настолько загипнотизирован, что склонился над ее рукой, поцеловал ее... и все.

После чего мне не оставалось ничего другого, как вылезти из своего наемного обезьяньего костюма, отдать его Руфо и попросить у него одеяло. Руфо выбрал для ночлега место по одну сторону палатки, так что мне осталась только другая сторона, где я и растянулся. Стояла такая теплынь, что и одеяла-то не требовалось.

А заснуть я не мог. Дело в том, что у меня есть застарелая привычка, привычка куда худшая, чем курение марихуаны, но более дешевая, чем употребление героина. Я, конечно, могу поднапрячься и в конце концов заснуть, но сейчас меня вряд ли стимулировал к этому свет в палатке Стар и ее силуэт, не отягощенный никакой одеждой.

Дело в том, что я заядлый читатель. Книжонки из серии «Голд Медал Ориджинал» по 35 центов за штуку вполне достаточно, чтобы отправить меня в глубокий сон. Или романа о Перри Мейсоне... Даже объявления в старом номере «Paris-Match»[1], в который кто-то завернул селедку, для меня лучше, чем ничего.

Я встал и обошел палатку кругом.

— Эй, Руфо!

— Да, милорд? — Он вскочил с кинжалом в руке.

— Слушай, нет ли на твоей свалке какого-нибудь чтива?

— Какого именно?

— Да любого. Лишь бы слова шли подряд.

— Минуту.— Он исчез, и я слышал, как он роется в своей куче багажа, похожей на обломки кораблекрушения. Вскоре он вернулся, неся книгу и небольшую походную лампу. Я поблагодарил, вернулся к себе и лег.

Это была любопытная книженция, написанная неким Альбертусом Магнусом и явно украденная из Британского музея. Альберт предлагает длинный список рецептов для осуществления самых удивительных дел: как утишить бурю, как летать выше облаков, как торжествовать над врагами и как заставить женщину соблюдать верность. Вот, например, каков рецепт последнего средства: «Ежели ты восхочешь, чтобы жена не заглядывалась на мужчин и не желала бы их, то возьми срамные части волчца и власы, что растут на щеках его или с бровей его, а также власы, растущие ниже подбородка, сожги все это, а пепел дай ей выпить и чтобы не знала она, что пьет, и тогда не возжелает она мужа другого».

[1] *«Пари-Матч»* — парижская газета.

Думаю, рецепт этот вряд ли понравился бы «волчцу», а если бы я оказался на месте той жены, то он и меня огорчил бы немало — смесь, видимо, довольно мерзкая. Самую же формулу я передаю точно, так что, если у вас есть жалобы на вашу даму, а под руками имеется «волчец», то попытайте счастья. А мне сообщите о результате. Только письменно, а не лично.

Было там еще несколько рецептов, как заставить женщину, которая вас не любит, влюбиться в вас без ума, но «волчец» в них был самым простым ингредиентом.

Наконец я отложил книгу, погасил свет и стал следить за движущимся силуэтом на полупрозрачном шелке палатки. Стар причесывалась. Чтобы больше не мучиться, я перевел взгляд на звезды. Я ничего не знал о звездной карте южного полушария — в таком дождливом регионе, как Юго-Восточная Азия, звезд никогда не видно, да и не очень-то в них нуждается парень, у которого есть «шишка направления».

Это южное небо было великолепно! Я пристально всматривался в одну из звезд или планет — довольно большой диск — и внезапно обнаружил, что она движется.

Я так и сел.

— Эй, Стар!

— Что, Оскар? — откликнулась она.

— Пойди-ка сюда. Тут спутник! И большущий!

— Иду.— Свет в палатке погас, и она тут же возникла рядом со мной, равно как и старый добрый папа Руфо, зевающий и почесывающийся.— Где, милорд? — спросила Стар.

— Вон! Вон! — показал я.— Только, пожалуй, это не спутник, скорее один из метеорологических зондов. Уж очень велик и ярок.

Она посмотрела и отвела глаза. Руфо молчал. Я снова внимательно взглянул на спутник, потом на Стар. Она явно наблюдала за мной, а не за спутником. Я снова посмотрел на спутник, как он движется на фоне звездных декораций.

— Стар! — воскликнул я.— Это не спутник! И это не зонд. Это луна, настоящая луна.

— Да, милорд Оскар.

— Но тогда это не Земля!

— Твоя правда.

— Хм...— Я снова посмотрел на маленькую луну, бодро пробирающуюся меж звезд с запада на восток.

— Ты не боишься, мой герой? — тихо спросила Стар.

— Чего?

— Оказаться в чужом мире?

— Он мне кажется очень славным.

— Он таков и есть,— согласилась она.— Во многих отношениях.

— Мне он нравится,— подтвердил я.— Может быть, пришло время узнать о нем побольше? Где мы находимся? В скольких световых годах или в чем еще там измеряют расстояния? И в каком направлении?

— Я попытаюсь, милорд,— вздохнула Стар.— Но это будет нелегко, ты ведь не изучал метафизической геометрии и... многого другого. Представь себе книгу.— Книга Альберта Великого все еще была у меня под мышкой, Стар взяла ее у меня.— Каждая страница очень похожа на соседнюю. И в то же время она совершенно иная. Эта страница соприкасается с другой во всех точках, а от третьей полностью отделена. Вот и мы так близки сейчас к Земле, как две следующие друг за другом страницы. И тем не менее мы удалены от нее на такое расстояние, что никакими световыми годами этого не выразить.

— Послушай. Не надо так усложнять. Я же смотрел по телеку «Сумеречную зону». Ты имеешь в виду другое измерение. Я это усек.

Стар явно пребывала в затруднении.

— Что-то в этом роде, но...

— Утром нам предстоит иметь дело с Игли,— перебил ее Руфо.

— Да,— согласился я.— Если утром намечается беседа с Игли, то, возможно, нам лучше поспать. Извините. А между прочим, кто такой этот самый Игли?

— Это вы узнаете в свое время,— отозвался Руфо. И я завернулся в свое одеяло как настоящий герой (одни мускулы и никаких извилин), Стар и Руфо — тоже. Она не стала зажигать свет, так что смотреть было не на что, если не считать стремительных лун Барсума.

Я просто попал в том научной фантастики. Оставалось только надеяться, что все обойдется, что автор оставит меня в живых для участия в будущих приключениях. Во всяком случае, до нынешней главы герою, пожалуй, грех было жаловаться. Вон и Дэя Торис спит в своих шелках в каких-нибудь двадцати футах от меня.

Я всерьез задумался, не подползти ли ко входу в палатку и не шепнуть ли ей о необходимости обсудить несколько вопросов из области метафизической геометрии и смежных наук. А может быть, просто намекнуть, что становится холодно и нельзя ли мне...

Ничего этого я не сделал. Старый верный Руфо свернулся в клубочек с другой стороны палатки, а у него был пренеприятный обычай просыпаться внезапно и притом с кинжалом в руке. И еще он обожал брить покойников. А я, если мне дать выбор, всегда за мир.

Я долго рассматривал стремительные луны Барсума. Пока не заснул.

Глава 6

Пенье птиц лучше звонка будильника и уж совсем не напоминает о Барсуме. Я с удовольствием потянулся, вдыхая запах кофе, и подумал, хватит ли времени, чтобы искупаться до завтрака. День был не хуже вчерашнего: прозрачный, голубой, солнце только что встало, и я чувствовал себя вполне способным уложить до завтрака парочку каких-нибудь драконов.

Тех, что поменьше, разумеется.

Я зевнул и вскочил на ноги. Чудесная палатка Стар исчезла, и черная шкатулка была наполовину уложена — размером она уже не превышала коробку для кабинетного рояля. Стар стояла на коленях перед костром и уговаривала кофе вскипеть побыстрее. В это утро она явно изображала пещерную женщину, одетую в шкуру, весьма красивую, но менее впечатляющую, чем ее

собственная кожа. Может, это была шкура с оцелота. А может, от Дюпона[1].

— Привет, Принцесса! А что у нас на завтрак? И где наш повар?

— Завтрак будет позже. А сейчас могу предложить тебе чашечку кофе — очень черного и очень горячего. От него злее будешь. А Руфо уже начал дразнить Игли.— Она налила мне кофе в бумажный стаканчик.

Я выпил полстакана, обжег рот и сплюнул кофе на землю. Кофе существует пяти убывающих по качеству сортов: «Настоящий кофе», «Ява», «Джамук», «Джо» и «Толченый Уголь». Этот кофе был явно не выше четвертого сорта.

И тут я остолбенел, увидев Руфо и его компанию, я бы сказал, очень оживленную компанию. На краю нашей речной террасы кто-то, видно, разгрузил целый Ноев ковчег. Там были все, кто угодно,— от африканского трубкозуба до зебу, причем большинство обладало большими желтыми зубами. Руфо стоял примерно футах в десяти от их передовых пикетов, и как раз против него находился самый крупный и безобразный субъект. В это мгновение стаканчик в моих руках расклеился и горячий кофе обжег мне пальцы.

— Хочешь еще? — спросила Стар.

Я подул на пальцы:

— Нет, спасибо. А это и есть Игли?

— Ну да — тот, что в центре. Тот, которого дразнит Руфо. Остальные-то просто явились поглазеть на забаву, так что о них можешь не беспокоиться.

— Но они кажутся мне очень голодными.

— Некоторые из них, особенно крупные, подобно страшилищу Кювье, травоядны. Вон те львы-переростки сожрут нас, если Игли выиграет дело. Но только в этом случае. Наша главная проблема — Игли.

Я принялся внимательно разглядывать Игли. Он был похож на отпрыска того человека из Данди — здоровущий подбородок и никакого лба. В нем сочетались самые непривлекательные черты великанов и людоедов из «Красной Книги Волшебных Сказаний». С детства терпеть не могу эту книгу.

[1] Модный магазин одежды.

В общем он был человекообразен, если применять этот термин в расширительном смысле. По росту он превосходил меня на пару футов, а по весу — фунтов на 300–400. Я, пожалуй, имел перед ним преимущество только в благообразности. Волосы на Игли росли пучками, вроде как на заброшенном газоне, и вы сразу же понимали, даже не получив специального извещения, что он в жизни не пользовался дезодорантом, выпускаемым для так называемых мужественных мужчин. Узлы его мышц свивались в клубки, а ногти явно никогда не подстригались.

— Стар,— спросил я,— а что мы не поделили с Игли?

— Ты должен убить его, милорд.

Я снова пригляделся к Игли.

— А нельзя ли нам договориться о мирном сосуществовании? Ну там взаимная инспекция, культурный обмен и так далее?

Она покачала головой:

— Для этого он слишком глуп. Он явился сюда, чтобы перекрыть нам дорогу в долину, и тут кто-то должен умереть — или он, или мы.

Я перевел дух.

— Принцесса, я принял решение. Человек, который повинуется всем законам без исключения, еще более глуп, чем тот, который их постоянно нарушает. Пожалуй, не стоит нам беспокоиться о том, нарушим мы или нет местный закон Салливана. Мне нужны огнемет, базука, несколько гранат и самая крупнокалиберная винтовка из нашего арсенала. Покажи, где их взять.

Она помешала угли.

— Мой герой,— медленно заговорила она.— Я искренне сожалею, но... все не так просто. Ты заметил, что вчера вечером, когда мы курили за столом, Руфо зажигал нам сигареты от свечей? Он не пользовался даже зажигалкой.

— Н-н-н-ет, я этому не придал значения.

— Этот закон против огнестрельного оружия и взрывчатых веществ не из тех законов, которые существуют у вас на Земле. Он иной. Здесь применение таких вещей просто физически невозможно. В противном случае они будут обращены против нас.

— Ты хочешь сказать, что они тут просто не сработают?

— Не сработают. Вернее сказать, на них тут наложено заклятие.

— Стар! Посмотри мне в глаза. Ты, может быть, веришь в заговоры. Я — нет. И готов поставить семь против двух, что автомат Томпсона в них тоже не верит. Я хочу устроить проверку. Помоги мне распаковаться.

В первый раз за все время разговора она показалась мне встревоженной.

— О, милорд! Умоляю тебя — не делай этого.

— Почему?

— Даже попытка может привести к катастрофе. Верь мне, я знаю о бедах, опасностях и законах этого мира больше, чем ты. Верь мне, я не желаю тебе вреда и, более того, вся моя жизнь и благополучие полностью зависят от тебя. Пожалуйста, верь мне.

Невозможно не поверить Стар, когда она говорит всерьез.

— Может, ты и права. Не хватает еще только, чтобы этот тип таскал на боку в качестве личного оружия шестидюймовую мортиру. Ладно, Стар. Тогда у меня есть идея получше. Почему бы нам не вернуться обратно тем же путем и не пожить в тех местах, где мы ловили форель? За пять лет мы создадим там приличную ферму, а через десять, когда о нас разнесется молва, откроем небольшой приличный мотель с бассейном для нудистов и шикарным газоном.

Она даже не улыбнулась.

— Милорд Оскар, назад пути нет.

— Это еще почему? Да я его с закрытыми глазами найду.

— Они и там отыщут нас. Не Игли, а множество подобных ему будет послано, чтобы прогнать нас и истребить.

Я снова вздохнул:

— Что ж, так, значит, так. К тому же говорят, что открывать мотель вдали от шоссе — верный проигрыш. Слушай, в этом арсенале есть хороший боевой топор. Может, мне удастся отрубить Игли ногу прежде, чем он меня заметит.

Она снова покачала головой.

— А теперь в чем дело? Что, я должен драться с ним, привязав к ноге ведро, что ли? Я думал, будто все режущее и рубящее, все, приводимое в действие моими собственными мышцами, вроде бы разрешено?

— Разумеется, милорд, но оно не сработает.

— Это как?!

— Игли нельзя убить. Понимаешь? Он не совсем живой. Он создан, сконструирован, сделан неуязвимым и предназначен только для одной цели. Шпаги, ножи и даже топоры против него бессильны. Они отскакивают. Я видела это своими глазами.

— Ты хочешь сказать, что он робот?

— Нет, если под этим подразумевать провода, шестеренки и печатные схемы. «Голем» — это уже ближе. Игли — имитация жизни.— Стар добавила: — В некотором смысле эта форма жизненной силы лучше обычной, поскольку нет способа — во всяком случае я его не знаю,— чтобы его убить. Но эта жизненная сила и хуже, так как Игли очень глуп и плохо сбалансирован. У него очень высокое мнение о себе и нет здравого смысла. Руфо играет на этом в настоящую минуту, подготавливая его для тебя и стараясь разозлить до такой степени, чтобы он вообще перестал соображать.

— Вот как! Господи! Не забыть бы мне поблагодарить Руфо за это. Большущее ему спасибо. Принцесса, так что же все-таки я должен сделать?

Она всплеснула руками, как будто это само собой разумелось.

— Когда ты будешь готов, я отключу защиту и ты его убьешь.

— Но ты же только что сказала...— Я замолчал. Когда расформировали французский Иностранный легион, то для нас — романтиков — почти не осталось приятных легких заданий. С этим наверняка легко справился бы Умбопа. И, разумеется, Конан. Или Хок Карей. Да еще Дон Кихот, поскольку этот Игли был ростом почти с ветряную мельницу.— Ладно, Принцесса, давай начинать. А можно мне хотя бы поплевать на ладони? Или тут и это запрещено?

Она улыбнулась, но ямочки на щеках не появились, и ответила очень серьезно:

— Милорд Оскар, мы все поплюем на ладони. Руфо и я будем сражаться с тобой бок о бок. Мы или победим... или умрем.

Мы пошли и присоединились к Руфо. Тот показывал Игли ослиные уши и вопил:

— А кто твой родитель, Игли?! Мать твоя — мусорная корзина, а вот кто твой отец? Нет, вы только гляньте на него! У него пупка нет! А-а-а!

Игли ответствовал:

— А твоя мать лает на прохожих, а у сестры — желтый билет! — Однако отвечал он, как мне показалось, без особого энтузиазма.

Было очевидно, что замечание насчет пупка попало в цель — пупка у него действительно не было. Что, вообще-то, для такой образины вполне естественно.

Все сказанное выше передает реплики с обеих сторон далеко не точно, за исключением разве что ремарки о пупке. Мне бы очень хотелось привести весь разговор в оригинале, так как в невианском языке оскорбления — высокое искусство, по меньшей мере равное поэзии. Фактически вершиной литературного мастерства является обращение к врагу (публичное), облеченное в труднейшую поэтическую форму, например в виде секстины, где каждое слово источает жгучий яд.

Руфо издевательски закудахтал:

— Сделай себе пупок, Игли. Ткни пальцем в брюхо, вот тебе и пупок! Тебя выкинули под дождь, и ты сбежал. Тебя же просто не успели доделать, Игли! Ты зовешь эту хреновину носом?

Руфо продолжал в сторону на английском:

— Каким ты хочешь его получить, босс? Зажаренным или чуть сыроватым?

— Позабавься с ним еще немножко, пока я подумаю. По-английски он не понимает?

— Ни крошки!

— Ладно. Как близко я могу к нему подойти, чтобы он меня не сграбастал?

— Как угодно близко, пока работает защита. Но, босс, послушайте, мне не следует давать вам советы, однако, когда мы ввяжемся в драку, не давайте ему хватать себя за мягкие места.

— Постараюсь.

— Будьте осторожны.— Руфо отвернулся от меня и заорал: — А-а-а! Игли ковыряет в носу и жрет козявок! — И мне: — Она отличный доктор, одна из лучших, но тем не менее будьте осторожны.

— Хорошо.— Я остановился совсем рядом с невидимым барьером и стал присматриваться к Игли. Он окинул меня злобным взглядом и свирепо зарычал, а я в ответ показал ему нос и обложил его на сочном крепком жаргоне Бронкса[1]. Ветер дул в мою

[1] Район Нью-Йорка; манера речи, свойственная его обитателям, вошла в поговорку.

сторону, и было ясно, что Игли ни разу не мылся за последние 30–40 лет. От него воняло хуже, чем от туалета в тюряге.

Это подало мне мысль:

— Стар, а этот херувимчик умеет плавать?

— Честно говоря, не знаю,— удивилась она.

— Может быть, его на это не запрограммировали? А ты хорошо плаваешь, Руфо?

Руфо даже обиделся:

— А вы испытайте меня, попробуйте! Я и рыбу могу поучить, как надо плавать. Эй, Игли! Расскажи нам, почему это с тобой даже свиньи не хотят целоваться!

Стар плавала, как тюлень, мой стиль несколько напоминал движения парома, но держаться на воде я мог.

— Стар, эту штуковину убить нельзя, но ведь он дышит! Стало быть, у него кислородный обмен, даже если он работает на керосине. Ежели нам удастся сунуть его голову под воду на достаточно долгое время, гарантирую, огонь погаснет.

Ее глаза стали большими-большими.

— Милорд Оскар... мой рыцарь... я не ошиблась в тебе...

— Только предупреждаю, это будет еще та работенка. Руфо, ты играешь в водное поло?

— Я сам его изобрел!

— Надеюсь, что это так и есть.— Я тоже играл в поло. Один раз. Как и спуск по перилам крутой лестницы, это испытание довольно любопытное, но одного раза вполне достаточно на всю жизнь.— Руфо, ты можешь заманить нашего общего друга к самому обрыву? Я так понимаю, что линия защиты совпадает с линией, по которой расположилась его свита в мехах и перьях? Если это так, то мы можем заманить Игли до бугра над обрывом, который прямо нависает над глубоким омутом — тем самым, где ты, Стар, пыталась меня вчера утопить.

— Это легко,— отозвался Руфо.— Мы побежим, а он последует за нами.

— Я бы хотел, чтобы он бежал как можно быстрее. Стар, сколько времени надо, чтобы снять защиту?

— Я могу сделать это мгновенно.

— О'кей! Тогда вот наш план. Руфо, я хочу, чтобы ты заставил Игли гнаться за тобой, причем на максимальной скорости. Потом

свернешь в сторону и помчишься к тому бугру, вернее, к той его точке, которая ближе всего подходит к реке. Стар, когда Руфо это проделает, снимай барьер, снимай сразу, не дожидаясь моей команды. Руфо, ты прыгнешь в воду и поплывешь изо всех сил, не давая Игли схватить тебя. Если нам повезет, если Игли будет бежать достаточно быстро, то такая огромная и тяжелая скотина обязательно рухнет вниз, независимо от того, хочет он этого или нет. Я же побегу рядом, чуть-чуть отставая от него. Если Игли попробует затормозить, я подставлю ему подножку и сшибу в воду. А там уж мы все сыграем в водное поло.

— Я водного поло даже не видела,— засомневалась Стар.

— Неважно, судьи тут не будет. Все дело в том, чтобы втроем навалиться на Игли, погрузить его голову под воду и держать ее там как можно дольше, одновременно пресекая попытки Игли сунуть туда же наши головы. Поскольку он огромен и тяжел, а мы, предположительно, плаваем лучше, Игли окажется в затруднительном положении, мы же будем держать его, пока он полностью не выдохнется. Главное — не давать ему дышать. А потом уж, для полной уверенности, привяжем к нему камни и пустим *на дно — живого ли, мертвого ли. Вопросы есть?*

Руфо ухмыльнулся, как химера:

— Вот будет забава так забава!

Оба эти пессимиста, видимо, пришли к выводу, что дело пойдет, а поэтому пришлось начинать. Руфо проорал такую оскорбительную ложь насчет личных привычек Игли, что даже «Олимпия Пресс» сочла бы нужным подвергнуть такое сообщение цензуре, а затем предложил Игли догнать его — Руфо, выдвинув в качестве премии за победу нечто чудовищно неприличное.

Игли потребовалось немалое время, чтобы привести свою тушу в движение, но когда привел, то задвигался быстрее Руфо и далеко за собой оставил свою свиту из взвинченных до предела птиц и животных. Я бегаю хорошо, но мне с трудом удалось занять нужную позицию сбоку и чуть позади великана. Я надеялся, что Стар не снимет защиту, если поймет, что на суше Игли может догнать Руфо.

Однако Стар сняла барьер в ту же секунду, когда Руфо добежал до условленной линии, и он, достигнув берега, сделал вели-

колепнейший прыжок в воду, ни на йоту не замедлив бега, как и планировалось.

Все остальное пошло наперекосяк.

Думаю, Игли был слишком глуп, чтобы сразу же оценить исчезновение барьера. Он продолжал еще несколько мгновений бежать в прежнем направлении, уже после того, как Руфо круто свернул к берегу, а когда сам сделал левый поворот, оказалось, что скорость потеряна и никаких препятствий для торможения не существует.

Я кинулся на него, схватил его за ноги запрещенным приемом, так что Игли рухнул, но... не в воду. А у меня обе руки оказались заполненными сопротивляющимся и весьма вонючим големом.

Тут мне на помощь пришла свирепая, как дикая кошка, Стар, а затем подоспел и промокший до нитки Руфо.

Позиция создалась почти тупиковая, стало ясно, что если битва затянется, мы ее проиграем. Игли по весу превосходил нас всех троих вместе взятых, он, казалось, состоял из одних мышц, дурного запаха, когтей и зубов. Мы обогатились синяками, ссадинами и ранами, тогда как Игли не понес никакого видимого ущерба. О, конечно, он вопил, как телевизионная фонограмма в фильме ужасов, когда кто-нибудь из нас начинал рвать ему ухо или ломать палец, но все это мелочи по сравнению с теми потерями, которые он наносил нам. И не было никаких шансов спихнуть эту тушу в воду.

Я начал сражение с захвата колен Игли и продолжал долгое время цепляться за его ноги, тогда как Стар пыталась, повиснув на одной из его рук, согнуть ее и опустить вниз, а Руфо старался проделать то же самое с другой рукой. Но ситуация менялась — Игли извивался, как гремучая змея с перебитым хребтом, и непрерывно выдирал то одну руку, то другую, надеясь или раздавить нас, или загрызть.

Мы оказывались в самых невозможных позициях, я, например, обнаружил себя вцепившимся в одну из Иглиных мозолистых ступней и пытающимся выдернуть ее из сустава, притом глаза мои смотрели прямо в открытую пасть Игли, широкую, как медвежий капкан, но значительно менее привлекательную. Зубы его явно нуждались в чистке.

И тогда я сунул большой палец Иглиной ноги прямо в эту пасть.

Игли завизжал, а я продолжал засовывать эту ногу ему в глотку так, что там вскоре не осталось места для визга. Я пихал ее все глубже. Когда Игли проглотил свою левую ногу до колена, он вырвал свою правую руку из хватки Стар и попробовал вытащить ею проглоченную ногу, но тут я ухватил его запястье.

— Помоги мне! — крикнул я Стар.-- Запихивай!

Она поняла и принялась вместе со мной заламывать ему руку. Рука ушла в глотку по локоть, а нога — по бедро. В этот момент к нам присоединился Руфо, который согнул левую руку Игли и тоже засунул ее в широкую пасть великана. Теперь Игли уже не мог бороться так отчаянно, как раньше, а потому отправить туда же большой палец правой ноги было уже делом чистой техники: Руфо оттягивал вверх его волосатые ноздри, я давил коленом на подбородок, Стар засовывала ногу.

Мы продолжали скармливать его самому себе по дюйму в минуту, ни на мгновение не ослабляя усилий. Игли все еще извивался и пытался освободиться, но мы продолжали его упихивать так, что вскоре и бедра, и вонючие подмышки были уже близки к исчезновению.

Это было похоже на то, как катают снежный ком, только наоборот: чем больше катали его, тем меньше он становился, тем сильнее растягивалась его пасть — самое жуткое из виденных мной зрелищ. Вскоре Игли уменьшился до размеров медицинского мяча, потом до футбольного, бейсбольного, а я все катал его между ладонями, все уплотнял... мяч для гольфа... горошина... наконец ничего, кроме жирной грязи на пальцах.

Руфо глубоко втянул воздух:

— Думаю, это научит его не брать в рот ноги в присутствии старших. Кто будет завтракать?

— Сначала хотелось бы помыть руки,— отозвался я.

Мы искупались, потратив уйму мыла, потом Стар занялась нашими ранами, а Руфо — ее, под ее же руководством. Руфо был прав, Стар — первоклассный доктор. Мази, которыми она пользовалась, не жгли, разрезы мгновенно стягивались, повязки не нуждались в смене и отпадали сами, когда в них исчезала надобность, а шрамы проходили бесследно.

У Руфо был сильный укус — Игли вырвал у него из левой ягодицы кусок мяса на сорокацентовый гамбургер, но когда Стар с этим покончила, Руфо уже мог сидеть, и укус его нисколько не тревожил.

Руфо попотчевал нас золотистыми блинчиками и жирными немецкими сардельками, а также несколькими галлонами настоящего кофе. Уже миновал полдень, когда Стар снова отключила защиту и мы начали свой спуск с плато.

Глава 7

Обрыв плато к долине Невии, если считать от начала Большого Водопада, составлял не менее тысячи футов и был очень крут. Уступ нависает над долиной, и ты спускаешься на веревке, медленно вращаясь вместе с ней, подобно пауку на паутинке. Никому не советую проводить такой эксперимент — голова кружится, и я чуть было не потерял только что съеденные удивительно вкусные блинчики.

Вид сверху такой, что теряешь дар речи. Сбоку виден водопад, свободно низвергающийся с уступа, так что вода даже не смачивает каменную стену, а отвесно летит в пропасть, разбиваясь внизу на мириады брызг, взлетающих ввысь облаком водяной пыли. Если же оторвать взгляд от суровой каменной стены, то перед тобой открывается широкая долина, такая пышная, зеленая и прекрасная, что глазам собственным не веришь; болота и леса у подножия обрыва, обработанные поля за ними, а еще дальше — затянутые дымкой предгорья и четкие абрисы вершин могучей стены снежных гор.

Стар нарисовала мне план долины.

— Сначала нам придется пробиваться через болота. Потом будет легче, там опасность представляют только кровожадные коршуны. Затем мы выйдем на кирпичную дорогу, очень хорошую.

— Дорога вымощена желтым кирпичом?

— Да. Он из глины, которую добывают поблизости. А в чем дело?

— Ни в чем. Просто хочу, чтобы ты была более точной. А потом?

— Потом мы остановимся на ночевку в одной семье, у местного деревенского сквайра. Хорошие люди, тебе понравятся.

— А потом путешествие станет особенно опасным,— вмешался Руфо.

— Руфо, да перестань ты накликивать беду!— рассердилась Стар.— Будь добр, воздержись от своих комментариев, разреши уж Оскару самому разбираться с проблемами по мере их возникновения. Разве тебе известен кто-нибудь еще, кто бы мог так расправиться с Игли?

— Ну раз вы так ставите вопрос, то... нет, неизвестен.

— Да, я ставлю его именно так. Сегодня мы будем спать в роскошных условиях. Разве этого мало? Ты будешь наслаждаться этим, как и все...

— Вы тоже.

— А когда я отказывалась от радостей жизни? Придержи язык. Теперь вот что, Оскар. У подножия скалы нас ждут Рогатые Призраки — обойти их нельзя, они увидят нас, когда мы будем спускаться. Если нам очень повезет, то мы избежим встречи со Сворой Холодных Вод, и она не вылезет из своего тумана. А если не повезет и мы столкнемся с ними обоими, то возможен еще один неплохой вариант — они накинутся друг на друга, и мы проскользнем незамеченными. Тропа через болота хитрая, и будет лучше, если ты ее хорошенько заучишь по этому чертежу. Твердая земля встречается только там, где растут желтые цветочки, в остальных местах, даже если они кажутся сухими, скрываются «окна». Как ты сам увидишь, даже если удастся тщательно придерживаться этих безопасных примет, нам встретится множество боковых тропок и тупичков, по которым можно плутать целый день, но если нас застанет там темнота — мы пропали и уже никогда не выберемся.

А как хотелось бы, чтобы Рогатые Призраки оказались действительно призраками! Но это вполне реальные двуногие скоты, всеядные, пожирающие все, включая друг друга, но прямотаки обожающие путешественников. От брюха и выше, как мне сказали, они очень похожи на Минотавра, а ниже — на козлоногих сатиров. Верхние конечности — короткие руки, но кисть у них ненастоящая — нет больших пальцев. Зато рога! Рога у них, как у техасских лонгхорнов[1], только растут вверх и вперед.

[1] Техасская порода крупного рогатого скота. Отличается необыкновенно длинными рогами.

Есть только один способ перевести Рогатого Призрака в настоящего — это такое мягкое местечко на черепе между рогами, вроде «родничка» у ребенка. Поскольку эти деятели опускают голову вниз, намереваясь вас проколоть насквозь, то до уязвимого места добраться сравнительно легко. Все, что требуется,— твердо стоять на земле, не трусить, целиться в эту точку и попадать в нее.

Так что задача моя была проста — спуститься первым, убить побольше этих скотов, чтобы у Стар оказалась безопасная площадка для приземления, а потом защищать ее до тех пор, пока не спустится Руфо. После этого нам предстояло пробить себе дорогу к лесу... Если, конечно, к нашему празднику не подоспеет Свора Холодных Вод...

Я попытался усесться в петле троса поудобнее — у меня затекла левая нога — и глянул вниз. Сотней футов ниже уже собралась вся комиссия по встрече. Сверху она выглядела, как грядка спаржи. Или как рота с примкнутыми штыками.

Я дал сигнал остановить спуск. Далеко вверху Руфо придержал трос. Я висел, потихоньку вращаясь и пытаясь найти наилучший выход из ситуации. Если я опущусь прямо в эту толкучку, то успею уложить одного-двух, прежде чем они проткнут меня. А может, и не успею. Точно одно — я буду мертв задолго до того, как мои друзья спустятся вниз.

С другой стороны, кроме указанного выше уязвимого места между рогами у этих обормотов имеется еще мягкое подбрюшье, как будто специально созданное для стрел. Если Руфо опустит меня еще немного...

Я просигналил наверх. Спуск шел медленно, но рывками, и Руфо чуть не пропустил мой сигнал о новой приостановке спуска. Пришлось подобрать ноги — некоторые из этих ребятишек скакали и подпрыгивали прямо передо мной, пихая друг друга в попытке подцепить меня рогами. Один из них — видно, местный Нижинский — умудрился пропороть кожу на моем левом мокасине, так что я покрылся гусиными пупырышками чуть ли не до подбородка.

При наличии такого здорового стимула я подтянулся на руках по тросу и встал ногами на петлю, чтобы зря не рисковать своей мягкой частью. Я стоял в этой петле, попеременно поднимая то

правую, то левую ногу, пытаясь снять с плеча лук и натянуть тетиву. Вся эта операция сделала бы честь любому акробату, но сомневаюсь, чтобы ему удалось сгибать лук и пускать стрелы, стоя в петле на конце тысячефутового троса и держась за него одной рукой!

Наверняка он бы растерял свои стрелы. Я потерял три и чуть не потерял себя самого.

Тогда я попытался пристегнуться к тросу с помощью своего пояса. Это привело к тому, что я повис вниз головой, что обошлось мне еще в несколько стрел и мою робингудовскую шляпу. У моей аудитории это вызвало взрыв восторга, она зааплодировала (если, конечно, это были аплодисменты), требуя повторения. Я попробовал передвинуть пояс с живота на грудь, что позволило бы мне удерживать стоячую позицию, и в процессе этой попытки потерял еще одну-две стрелы.

И чуть не потерял шпагу.

До сих пор главным результатом моей деятельности было привлечение новых зрителей («Мама, посмотри на этого смешного человечка») и то, что я начал раскачиваться взад и вперед, словно маятник.

Хотя последнее обстоятельство было весьма малоприятно, оно все же подало мне одну идейку. Я стал увеличивать амплитуду колебания, как это делают на качелях. Дело шло медленно, так как период качания маятника, где я играл роль гири, был около минуты, а с этим приходится считаться — тормозить маятник нельзя, можно только следовать его качаниям. Я очень надеялся, что мои друзья догадаются о моем замысле и не испортят его.

Прошло довольно много времени, прежде чем я добился качания по пологой дуге, длиной футов в сто, над самыми головами своей аудитории, совпадавшей с самой низкой точкой дуги. К противоположным концам дуги движение замедлялось до полной остановки в конечной точке. Сначала эти рогачи бегали за мной, повторяя движение маятника, но потом, видимо, устали, сбились в месте наибольшего сближения дуги с землей и стали ждать, двигая только головами, как зрители при просмотре замедленной съемки теннисного матча.

Однако всегда находится какой-нибудь идиот — любитель новаций. Я сначала рассчитывал, что спрыгну с троса в конце дуги

почти у самой скалы и сразу займу позицию спиной к стене. Там было что-то вроде холмика или осыпи, так что падать было невысоко. Однако один из этих рогатых кошмаров догадался о моем намерении и затопал к тому концу дуги. За ним еще двое-трое.

Это меняло все. Значит, прыгать придется на противоположном отрезке дуги. Но юный Архимед и это сообразил. Он оставил своих дружков у стены, а сам поскакал за мной. Я опередил его на самой низкой точке дуги, но он догнал меня задолго до того, как я достиг мертвой точки в конце. Ему предстояло пробежать футов сто за тридцать секунд, что можно было сделать и шагом. В общем, он оказался подо мной как раз тогда, когда я готовился прыгать.

Передумывать было поздно. Я освободил ноги, повис на одной руке, выхватил шпагу еще на отрезке замедления движения и спрыгнул. Я надеялся хотя бы плюнуть в его уязвимое темечко до того, как ноги коснутся земли.

Все получилось не так — я промахнулся, он тоже, мы столкнулись, он полетел вверх тормашками, я последовал его примеру, быстро вскочил на ноги и помчался к ближайшей скале, ткнув по дороге этого новоявленного стратегического гения своей шпагой прямо в брюхо.

Этот, возможно, не очень спортивный удар спас меня. Друзья и родственники усопшего притормозили, дабы принять участие в склоке на предмет того, кому достанутся самые вкусные ребрышки, и только после этого всей массой кинулись на меня.

Это дало мне время вскочить на кучу осыпавшихся с утеса камней, где можно было прекрасно сыграть в «Короля в замке», бросил шпагу в ножны и приготовил стрелу.

Я не стал ждать, пока они набросятся на меня. Просто выждал, когда они окажутся на нужном расстоянии, чтобы не промахнуться, прицелился под дых самому крупному самцу, бежавшему впереди, и пустил стрелу со всей силы моего мощного лука.

Стрела пронзила его насквозь и попала в следующего, что бежал позади.

Это привело к новой свалке из-за отбивных котлет. Они сожрали все — от зубов до кончиков ногтей. В этом и заключалась слабина Призраков — аппетита много, ума — мало. Если бы они

объединились, они бы схватили меня в то самое мгновение, когда я коснулся земли. Они же предпочли завтрак.

Я взглянул вверх. Высоко надо мной Стар казалась крошечным паучком, висящим на паутинке, но она быстро увеличивалась в размерах. Я боком, как краб, скользнул вдоль утеса, пока не оказался в сорока футах от места ее вероятного приземления.

Когда Стар приблизилась футов на пятьдесят к поверхности, она дала сигнал Руфо прекратить травить трос, вытащила свою шпагу и салютовала мне: «Великолепно, мой герой!» Мы теперь все носили шпаги. Стар выбрала себе дуэльное оружие с широким клинком, вообще-то великоватое для женщины, но Стар — крупная девушка. Кроме того, она положила в сумочку, висевшую на поясе, кое-какие медицинские препараты и принадлежности. Это обстоятельство могло бы послужить для меня предупреждением о грядущих опасностях, но я ее — эту сумочку — вовремя не заметил.

Я выхватил шпагу и ответил на ее салют. Призраки пока не беспокоили меня, хотя некоторые — те, что кончили завтракать или были оттеснены от стола,— шлялись поблизости и поглядывали на меня с интересом. Тогда я вложил шпагу в ножны и приготовил новую стрелу.

— Начинай раскачиваться, Стар. Прямо в моем направлении. Скажи Руфо, чтобы он еще немного спустил тебя.

Она спрятала шпагу и просигналила Руфо. Он медленно опустил ее на высоту девяти футов от земли, где она снова просигналила остановку.

— Теперь раскачивайся! — крикнул я. Кровожадные туземцы совсем забыли обо мне и внимательно следили за Стар — во всяком случае те, кто не был занят обедом из кузена Эбби или дядюшки Джона.

— Порядок! Но у меня есть швартовый тросик. Поймаешь?

— Ох ты моя умница! — Видно, она наблюдала за моими маневрами и поняла, что требуется.— Подожди-ка минуту. Тут необходима какая-то диверсия! — Я покопался в колчане, висевшем за плечом, и пересчитал стрелы. Семь! А начинал я с двадцатью, с толком истратил только одну, остальные потерялись, выпали. Теперь я послал три стрелы почти одновременно — на-

право, налево и в центр, выбирая цели почти на пределе меткости, целясь в середину туловища и веря в то, что мой удивительный лук направит стрелы точно и мощно. Как и ожидалось, толпа набросилась на свежее мясо, как налогоплательщики на государственное пособие.— Давай!!!

Через десять секунд я уже держал ее в своих объятиях, принимая быстрые поцелуи, как плату за проезд.

А еще через десять минут до нас добрался Руфо, который использовал ту же тактику, что обошлось мне еще в три стрелы, а Стар — в две, только меньших по размеру. Руфо спускался без помощи, стоя в петле, а свободный конец троса был обвязан вокруг его туловища. Он тут же начал собирать канат в бухту.

— Брось! — резко сказала Стар.— У нас нет времени, а трос слишком тяжел, чтобы тащить его с собой.

— Я спрячу его в рюкзак!

— Нет!

— Это хороший трос,— настаивал Руфо.— Он нам еще пригодится.

— Тебе пригодится саван, если мы до темноты не выберемся отсюда.

Стар повернула голову ко мне:

— Когда двинемся в поход, милорд?

Я огляделся. Перед нами и слева от нас все еще шаталось несколько этих клоунов, явно опасавшихся подойти поближе. Справа и над нами — гигантское облако, образовавшееся у подножия водопада, отражалось в небе яркими радугами. Прямо перед нами — примерно в трех сотнях ярдов — стояла группа деревьев, между которыми лежал проход к болотам, начинавшимся дальше.

Мы двинулись вниз по склону, держась тесным клином: я на его острие, Руфо и Стар по флангам, все держа в руках взведенные луки. Я приказал им браться за шпаги, если какой-нибудь Рогатый Призрак приблизится на расстояние пятидесяти футов. Ни один, однако, не подошел. Какой-то идиот сунулся было к нам, но Руфо положил его стрелой на вдвое большей дистанции. Когда мы подошли к рощице, Руфо вытащил кинжал.

— Брось! — прикрикнула Стар. Она явно нервничала.

— А я хочу забрать самородки и подарить их Оскару!

— И чтобы мы погибли? Если Оскару нужны самородки, он их получит.

— Какие еще самородки? — спросил я, не останавливаясь.

— Золотые, босс. У этих мерзавцев желудки устроены, как у кур. Только вместо песка они заглатывают золото. У старых экземпляров набирается в желудке фунтов по тридцать-сорок.

Я присвистнул.

— Тут полно золота,— сказала Стар.— У подножия водопада его целые груды — там, в этом облаке,— намытого за бесчисленные годы. Из-за него и идет война между Призраками и Сворой Холодных Вод, ибо Призраков гонит за золотом это странное пристрастие, и они иногда рискуют залезать в облако, чтобы удовлетворить свой аппетит.

— Я пока не видел никого из Своры Холодных Вод,— заметил я.

— Ну и благодарите бога за это,— ответил мне Руфо.

— Тем больше причин углубиться в болота,— добавила Стар.— Свора туда не ходит, даже Призраки избегают забираться далеко. Невзирая на свои копыта, они попадают в «окна» и тонут.

— А сами болота опасны?

— Еще бы! — ответил Руфо.— Главное — держаться желтых цветов.

— Ты сам смотри, куда ставить ногу! Если карта верна, я вас не потеряю. А как выглядят члены Своры Холодных Вод?

— Тебе когда-нибудь приходилось видеть человека, утонувшего неделю назад?

Я предпочел переменить тему.

Прежде чем углубиться в болота, я приказал закинуть луки за спину и обнажить клинки. И именно под защитой деревьев они на нас и напали. Я имею в виду Призраков, а не Свору. Засада была устроена со всех сторон, и я не знаю, сколько Призраков приняло в ней участие. Руфо убил четырех или пятерых, Стар — по меньшей мере двух, а я прыгал взад и вперед, стараясь выглядеть очень занятым, а главное — остаться живым.

В общем, чтобы идти дальше, нам пришлось перебираться через гору трупов, так что сосчитать их было невозможно.

Мы уходили в болота, следуя путеводным золотистым цветам и зигзагам и поворотам тропок, запечатленным в моей памяти.

Примерно через полчаса мы вышли на лужайку размером с двойной гараж. Стар проговорила еле слышным голосом:

— Пожалуй, отошли достаточно.— Она держалась рукой за бок, но до этого категорически отказывалась остановиться, несмотря на то, что кровь пропитала ее накидку и текла по левому бедру.

Теперь она позволила Руфо заняться раной, а я в это время сторожил проход на лужайку. Честно говоря, я радовался, что моя помощь не требуется, так как, когда мы сняли со Стар куртку, мне стало дурно при виде большой колотой раны, хотя сама она не издала даже стона. Это золотое тело — ранено! Как странствующий рыцарь, я оказался круглым болваном.

Стар, однако, после того как Руфо выполнил ее указания, стала опять весела как птичка. Она занялась Руфо, потом мной, у каждого было до полудюжины ранений, но по сравнению с ее раной — это всего лишь царапины.

После того как Стар заштопала меня, она спросила:

— Милорд Оскар, сколько времени нам нужно, чтобы выйти из болот?

Я прикинул в уме.

— Дорога дальше будет еще хуже?

— Нет, чуть получше.

— Тогда не больше часа.

— Отлично. Нет смысла надевать эти грязные тряпки. Руфо, распакуй багаж, достань чистую одежду и побольше стрел. Оскар, они нам пригодятся против кровожадных стервятников, как только мы выберемся из леса.

Маленькая черная шкатулка заняла чуть ли не всю лужайку, прежде чем развернулась настолько, чтобы из нее можно было достать одежду и пополнение нашего арсенала. Чистая одежда и полный колчан помогли мне ощутить себя новым человеком, особенно после того, как Руфо выудил пол-литра коньяку и мы распили его прямо из горла на троих. Стар пополнила свою аптечку, после чего я помог Руфо уложить вещи.

Вероятно, Руфо немного ослабел от коньяка и голода, а может, и от потери крови. А может, причина лежала в невезении: он не заметил полоску скользкой грязи. В эту минуту он как раз держал в руках свою шкатулку и собирался сложить ее в последний

раз, то есть довести до размера рюкзака, и тут он поскользнулся, попытался было восстановить равновесие, но шкатулка вылетела у него из рук прямо в шоколадную жижу.

Упала она довольно далеко от нас. Я закричал:

— Руфо, снимай ремень! — И начал расстегивать свой.

— Нет! Нет! — вопил Руфо.— Назад! Немедленно уходите!

Уголок шкатулки еще торчал из «окна». С помощью веревки, уверен, я вытащил бы его, даже если «окно» было бездонным. Так я и сказал. Весьма раздраженно.

— Нет, Оскар,— сказала с тревогой Стар,— Руфо прав. Надо уходить.

И мы пошли: я впереди, Стар — дыша мне в затылок, Руфо — наступая ей на пятки.

Мы отошли примерно на сотню ярдов, когда позади нас поднялся грязевой вулкан. Звук был приглушен — такой басовый низкий гул, плюс маленькое землетрясение и грязевой дождь. Стар остановилась.

— Что ж, так — значит, так,— обращаясь ко мне, сказала она.

— Там осталась вся наша выпивка! — жалобно простонал Руфо.

— Ах, какие пустяки! — воскликнула Стар.— Спиртное можно найти где угодно. А у меня там были новые платья, такие красивые, Оскар! Я так мечтала их тебе показать! Я и купила-то их ради тебя!

Я не ответил. Я думал об огнемете, об «М-1» и ящиках амуниции. И о выпивке, разумеется.

— Ты слышал, что я сказала, милорд? — настаивала Стар.— Я хотела носить их только ради тебя.

— Принцесса! — ответил я.— Самый лучший твой наряд всегда с тобой.— Я услышал радостное хихиканье, всегда предшествующее появлению ямочек.

— Уверена, что ты это уже говорил другим и неоднократно. И всегда, надо думать, с успехом.

Мы выбрались из болот задолго до наступления темноты. Вскоре мы уже шагали по великолепной кирпичной дороге. Кровожадные коршуны-стервятники оказались не очень опасными. Это такие свирепые зверюги, что если пустить стрелу им наперерез, то коршун делает кульбит и пытается схватить стрелу, полу-

чая ее прямо в брюхо. Таким образом мы вернули обратно почти все свои стрелы.

Вскоре мы очутились среди плодородных полей, и стервятников стало куда меньше. Уже на закате мы увидели огоньки и хозяйственные постройки усадьбы, в которой Стар решила переночевать.

Глава 8

Милорд Дораль'т Гьюк Дораль должен был бы родиться техасцем. Я не хочу сказать, что Дораля можно было принять за уроженца Техаса, но характер у него такой же, знаете, типа — «ты-платишь-за-завтрак-а-я-уж-уплачу-за-кадиллак».

Дом Дораля был величиной с цирк-шапито и богат, как стол в День Благодарения,— пышная роскошная резьба и инкрустации из драгоценных камней. И тем не менее дом имел слегка неряшливый и нежилой вид, и если вы плохо смотрели под ноги, то легко могли наступить на детскую игрушку, забытую на ступеньке, просчитать собственной спиной все ступеньки лестницы и приземлиться со сломанной ключицей. Повсюду под ногами путались собаки и дети, самые юные из которых еще не привыкли «проситься на горшок». Дораля это не беспокоило. Дораля вообще ничего не беспокоило — Дораль наслаждался жизнью.

По его полям и лугам мы шли долгие мили (почва богатая, как в Айове, а зим тут вообще не бывает. Стар говорила, что они собирают по четыре урожая в год), но поскольку уже вечерело, то видели мы только отдельных батраков, если не считать повозки, которую встретили, выйдя на дорогу. Мне показалось, что ее везет упряжка из двух пар лошадей. Как выяснилось, я ошибся, упряжка состояла только из одной пары, а животные эти вовсе не лошади — у каждой было по восемь ног.

Таково все в долине Невии — обыденность сочетается с дикой экзотикой. Люди тут обыкновенные, собаки — тоже, а лошади — вовсе не лошади. Подобно Алисе, никак не справлявшейся со своим фламинго, я все время натыкался на какой-то новый фокус, когда казалось, что экзотика уже исчерпана до конца.

Человек, управлявший упряжкой этих восьминожек, посмотрел на нас с удивлением, но не потому, что мы были как-то странно одеты — он был одет так же, как я. Он просто уставился на Стар, но кто бы на его месте поступил иначе? Люди, работавшие на полях, одевались во что-то вроде лава-лава. Этот наряд состоит из куска материи, обернутого вокруг бедер, и служит здесь эквивалентом наших комбинезонов и джинсов как у мужчин, так и у женщин. А то, что носили мы,— эквивалент серых фланелевых костюмов или женских выходных платьев. Что же касается вечерних туалетов — то это вопрос особый.

Едва мы вошли на территорию усадьбы, как нас встретила волна собак и детей, впереди которых мчался какой-то малыш, а когда мы подошли к большой террасе главного дома, из широко открытой парадной двери вышел сам милорд Дораль. Он был одет во что-то вроде короткого саронга[1], бос и без шляпы. Густая шевелюра кое-где была испещрена сединой, имелась еще импозантная борода, и вообще он очень походил на генерала Гранта[2].

Стар помахала рукой и крикнула:

— Джоко! Эй, Джоко! (Имя милорда было Гьюк, но мне послышалось «Джоко», так пусть он и остается Джоко.)

Дораль уставился на нас в изумлении, потом пошел вперед как танк.

— Эттибу! Да будут благословенны твои голубенькие глазки! Да будет благословен твой пышный маленький задик! Почему ты меня не известила заранее! (Мой перевод очень бледен — невианские идиомы не соответствуют нашим. Попробуйте-ка перевести некоторые французские идиомы на английский, и вы поймете, что я имею в виду. Дораль вовсе не был вульгарен, наоборот, он был официален и в высшей степени вежлив по отношению к своему старому высокочтимому другу.)

Он сграбастал Стар в объятия так, что ее ножки оторвались от земли, расцеловал в обе щеки и в губы, нежно укусил за ушко, затем опустил на землю, продолжая обнимать одной рукой.

— Игры и праздники! Три месяца каникул! Скачки и состязания в силе ежедневно! Оргии каждую ночь! Призы для сильнейших, красивейших и остроумнейших!

[1] Национальная одежда в Индонезии и Малайзии.

[2] *Генерал Грант* — президент США в 1869–1877 гг.

— Милорд Дораль!..— остановила его Стар.

— А? А самый главный приз из призов — за первого ребенка, который родится...

— Джоко, дорогой! Я нежно тебя люблю, но завтра мы уезжаем. Все, что нам нужно,— это какая-нибудь косточка на ужин и уголок для ночлега.

— Чушь! Ты не можешь так со мной поступить!

— Но ты же понимаешь, что я должна.

— Да будь она проклята, эта политика! Я умру у твоих ножек, мой сладчайший пирожочек! Сердце бедного старого Джоко перестанет биться! Вот оно — я чувствую приближение смертельного приступа! — Он пощупал грудь.— Вот где-то тут!

Стар потыкала его пальцем в живот.

— Ах ты, старый плут! Ты умрешь так же, как жил, а не от разрыва сердца. Милорд Дораль...

— Да, миледи?

— Я привела к тебе Героя.

Дораль удивленно поморгал.

— Уж не о Руфо ли ты говоришь? Здорово, Руфо, старый хорек! Как насчет новеньких анекдотов? Иди-ка на кухню и выбери чего хочешь по вкусу.

— Благодарю вас, милорд Дораль.— Руфо шаркнул ножкой, низко поклонился и вышел.

— Милорд Дораль, с вашего разрешения! — настойчиво теребила его Стар.

— Внимаю.

Она освободилась из его объятий, вытянулась, как стрелка, и начала декламировать:

К Смеющимся Пляшущим Водам
Пришел героический рыцарь.
Оскар был могуч и прекрасен,
И был хитроумен к тому же.
Он Игли поймал на приманку,
Запутал его в парадоксах,
В пасть Игли он Игли засунул,
Скормил ему руки и ноги.
Не знали Поющие Воды...

Это продолжалось довольно долго — не то чтобы чистое вранье, но и не то чтобы чистая правда — все было расцвечено, как в сообщении пресс-агентства. Например, Стар упомянула, что я убил двадцать семь Рогатых Призраков, причем одного — голыми руками. Я такого количества вообще не помню, а что касается «голых рук», так это чистая случайность. Я только что заколол одного из Призраков, как вдруг еще один рухнул мне прямо под ноги — его толкнули сзади. У меня не было времени вытащить застрявшую шпагу, поэтому я поставил одну ногу на один рог и со всей силы рванул к себе другой, так что череп развалился на две части, подобно грудной дужке у курицы. Но я это сделал от отчаянья, а не по расчету.

Стар провела даже кое-какие экскурсы в героическое прошлое моего родителя, добавила, что мой дед руководил атакой на Сан-Хуан-Хилл, а затем перешла к прадедам. Но когда она начала повествовать Доралю о том, как я получил шрам от глаза до челюсти, тут она сняла все тормоза. Но, вы послушайте, ведь Стар выжала из меня многое еще при первом нашем свидании, кое-что я добавил, отвечая на ее вопросы во время нашего вчерашнего марша. Но я не сообщил ей и половины той информации, которую она сейчас выдавала Доралю. Чтобы собрать все эти данные обо мне, ей потребовалась бы многомесячная работа Сюрте, ФБР и Арчи Гудвина вместе взятых! Она даже назвала команду, с которой мы играли, когда я сломал себе нос, а уж об этом я и подавно ей не рассказывал.

Я стоял, сгорая от стыда, а Дораль не сводил с меня глаз, время от времени издавая свист или сопение, означавшие, по всей видимости, одобрение. Стар закончила рассказ обычным «Так все это и было», а Дораль шумно втянул воздух и попросил:

— Нельзя ли повторить ту часть, где говорилось про Игли?

Стар согласилась и продекламировала все снова, пользуясь другими оборотами и уснащая повествование новыми деталями. Дораль, то хмурясь, то кивая головой в знак внимания, жадно слушал.

— Героическое решение,— произнес он.— Значит, он еще и математик? Где же он учился?

— Он прирожденный гений, Джок!

— Получается так! — Он подошел ко мне, посмотрел прямо в глаза, положил руки мне на плечи.— Герой, победивший Игли, достоин любого жилья. Не окажет ли он честь моему дому, приняв гостеприимство кровли... и стола... и постели?

Он говорил очень серьезно, упорно глядя мне в глаза. У меня не было возможности перекинуться взглядом со Стар, не говоря уже про Руфо, чтобы получить указания. А они мне были необходимы. Человек, который самодовольно толкует, что хорошие манеры всюду одинаковы, что люди — везде люди, явно никогда не отъезжал от своего захолустья дальше нескольких километров. Я не могу похвалиться мудростью, но достаточно поболтался по свету, чтобы постичь эту простую истину. То, что происходило, имело официальный характер, даже, можно сказать, протокольный и требовало такого же официального ответа.

Я постарался быть на уровне. Положил свои руки ему на плечи и серьезно ответил:

— Я благодарю вас за эту честь, далеко превосходящую мои заслуги, сэр.

— Но ты принимаешь ее? — настаивал он с тревогой в голосе.

— Принимаю от всего сердца (сердце — довольно близко по смыслу, я еще плохо владел здешним языком).

Он перевел дух с явным облегчением:

— Дивно! — схватил меня в свои медвежьи объятия, расцеловал в обе щеки, и только быстрое и решительное движение головой спасло меня от лобзания в уста.

Затем Дораль вытянулся во весь рост и завопил:

— Вина! Пива! Шнапса! Где тот несчастный вахлак, которому надо задать трепку! Я сдеру с него шкуру ржавыми щипцами! Кресла сюда подать! Обслужить Героя! Куда все запропастились?!!

Последнее заявление не соответствовало действительности: пока Стар занималась декламацией о том, какой я есть развеликий герой, на веранде уже собралось человек двадцать-пятьдесят, которые, толкаясь и проталкиваясь, старались меня получше рассмотреть. Среди них, вероятно, находились и слуги, ибо тут же в одной руке у меня появилась кружка эля, а в другой — четырехунциевый стакан с огненной водой, причем все это еще до того, как хозяин кончил орать. Джоко осушил свой стакан одним глотком,

я последовал его примеру, после чего рухнул на стул, подставленный мне кем-то. Во рту у меня горел пожар, а черепушка, казалось, взорвалась, так что оставалось лишь надеяться, что пиво загасит этот пожар.

Какие-то люди буквально заваливали меня кусками сыра, холодного мяса, маринадами, непонятными закусками и заедками, впрочем, очень вкусными, не дожидаясь, пока я их возьму, а просто засовывая их мне в рот, когда я открывал его, чтобы произнести «Gesundheit»[1]. Я поглощал все это по мере появления, и скоро закуски притушили фосфорную кислоту, что я выпил вначале.

Тут Дораль начал представлять мне членов своей семьи. Было бы лучше, если бы на них имелись какие-нибудь опознавательные знаки, так как я никак не мог разнести их по табели о рангах. Одежда тут не помогала, так как сквайры одевались так же, как батраки, а вторая горничная могла (а часто так и делала) навесить на себя целый груз золотых украшений и напялить вечерний туалет. Да и представляли их мне без соблюдения этих самых рангов.

Хорошо хоть вовремя усек, кто тут хозяйка дома — жена Джоко, вернее, его старшая жена. Это была очень видная зрелая женщина, брюнетка с несколькими лишними фунтами веса, однако весьма завлекательно распределенными по фигуре. Одета она была так же просто, как и сам Джоко, но, к счастью, я заметил, что она подходила здороваться со Стар и обе обнялись как старые добрые подруги. Поэтому я навострил уши, когда через несколько минут ее представили мне как Дораль (со специальной приставкой, которую носил и Джоко, только женского рода).

Я тут же вскочил с кресла, взял ее за руку, склонился над ней и поцеловал. Это в малой степени походило на невианские обычаи, но вызвало крики восторга, а миссис Дораль покраснела и приосанилась, тогда как Джоко гордо ухмыльнулся.

Встал я только перед ней. Мужчины и мальчики шаркали мне ножкой, женщины от шести до шестидесяти лет низко приседали, но не так, как это делается у нас, а по обычаю Невии. Больше всего это напоминало па из твиста. Сначала балансируют на одной ноге, как можно сильнее отклоняя назад туловище, потом —

[1] Ваше здоровье! (*нем.*)

на другой, так же сильно наклоняясь вперед и при этом вибрируя всем телом. Выраженные в словах, эти движения не кажутся грациозными, но в действительности они именно таковы, а в семье Доралей благодаря им не было случаев артрита или повреждения позвоночных дисков.

Джоко не затруднял себя произнесением имен. Женщины все представлялись мне как «лапочки», «красотки» и «очаровашки», а мужчины, даже те, что были старше Джоко по возрасту,— как «сыночки». Вполне возможно, что многие действительно были его детьми. В семейных и общественных отношениях Невии я так и не разобрался. На первый взгляд это было что-то вроде феодализма, но кем была эта толпа — рабами, крепостными или членами одной огромной семьи,— не знаю. И то, и другое, полагаю. Титулы тоже ничего не проясняли. Единственный титул, который был у Джоко и выделял его из прочих, была приставка «сам» — Сам Дораль, что отличало его от двух сотен просто Доралей. В своих воспоминаниях я направо и налево бросаюсь титулом «милорд», поскольку Стар и Руфо пользовались им в своей английской речи, но в общем-то это была просто вежливая форма обращения, отдаленно сходная с невианской. «Freiherr»[1] вовсе не эквивалентно «свободному человеку», а «месье» — «милорду», такие понятия точно не переводятся. Стар украшала свою речь «милордами» только потому, что она была хорошо воспитана и физически не могла сказать «Эй, ты, Мак!» даже своим близким друзьям (между прочим, одно из самых ласкательных имен на невианском языке принесло бы вам в Нью-Йорке хорошую зуботычину).

Когда наконец все присутствующие были представлены Гордону Первоклассному Герою, мы разошлись, чтобы подготовиться к банкету, которым Джоко решил вознаградить себя за обманутые надежды на трехмесячные каникулы. Это не позволило мне поговорить со Стар и, уж естественно, с Руфо. Две служительницы повлекли меня в мои покои.

Вы не ослышались — женщины. Во множественном числе. Хорошо еще, что я несколько попривык к женской обслуге в мужских банях европейского типа и еще больше свыкся в Юго-Восточной

[1] Барон, в дословном переводе — свободный человек (*нем.*).

Азии и на Иль-дю-Леван. В американских школах не обучают искусству обращения со служительницами, особенно если они молоды, очаровательны и в высшей степени готовы ко всем услугам, а ты имеешь за спиной долгий, полный опасностей день. Я еще после своего первого участия в патруле узнал, что ничто так не повышает физиологическую активность, как ружейный обстрел и выход из него живым.

Если бы прислужница была одна, то я наверняка опоздал бы к ужину. Но в сложившейся ситуации одна была дуэньей для другой и наоборот, хотя и без всякого умысла. Я похлопал рыженькую по попке, когда отвернулась вторая, и, как мне показалось, установил с ней взаимопонимание на более поздний час.

Ну, ничего! Когда тебе скребут спину — это тоже удовольствие. Подстриженный, с головой, вымытой шампунем, доведенный до глянца, выбритый, побывавший под душем, пахучий, как пышная роза, разодетый в самые роскошные одеяния, я был препровожден своими девами в банкетный зал точно в назначенное время.

Однако костюм проконсула, в который я был облачен, выглядел рабочим комбинезоном в сравнении с нарядом Стар. Все свои роскошные платья она, как известно, потеряла сегодняшним утром, но хозяйке дома удалось откопать кое-что из своих запасов.

«Верхнее платье», закрывавшее фигуру Стар от подбородка до колен, было прозрачно, как зеркальное стекло. Оно имело голубовато-дымчатый цвет, тесно облегало тело спереди, а сзади пышно пенилось. Под ним было надето «нижнее платье». Казалось, Стар окутывает вьющийся плющ — но плющ золотой и заткан весь сапфирами. Он обвивался вокруг ее прекрасного тела, отходившие от плюща ветви окружали ее груди, это прикрытие скрывало меньше, чем самое модное бикини, но поражало взор сильнее, а стало быть, было и более эффектным.

На ногах у нее были сандалии из какого-то прозрачного и пружинистого материала. На ногах они держались каким-то чудом — ни ремешков, ни пряжек. Очаровательные ножки Стар смотрелись как босые, они будто висели в воздухе в четырех дюймах от земли, причем сама Стар казалась стоящей на цыпочках.

Грива ее светлых волос преобразовалась в сложное сооружение, походившее на корабль под всеми парусами и сверкавшее

сапфирами. Похоже, Стар несла на себе по меньшей мере два состояния в сапфирах: одно на голове, другое на теле. Впрочем, не буду детализировать.

Она увидела меня в то самое мгновение, когда я увидел ее.

— Мой Герой, ты прекрасен! — осветилось ее лицо.

— Гмм... А ты тоже не теряла времени. Можно я сяду с тобой? Мне нужна помощь.

— Нет, нет! Ты будешь сидеть с джентльменами, а я с дамами. Никаких трудностей не предвидится.

Весьма недурная организация банкета, надо признать. Оба пола имели отдельные низкие столы, мужчины сидели лицом к дамам, разделенные расстоянием примерно футов пятнадцать. Светская болтовня с дамами становилась необязательной, а смотреть на них было приятно, и даже очень. Леди Дораль сидела как раз напротив меня и вполне могла соревноваться со Стар при дележе золотого яблока. Ее платье кое-где было прозрачно, но в местах совершенно неожиданных. Большую часть платья составляли бриллианты. На мой взгляд, правда. Хотя вряд ли тут стали бы делать поддельные камни таких огромных размеров.

За столами сидело человек двадцать, вдвое или втрое больше — прислуживали, забавляли или просто болтались без дела. Например, три девицы занимались только тем, что заботились обо мне — чтоб не умер от жажды или голода: я ведь не знал, как пользоваться невианскими столовыми приборами. Мне до них даже дотронуться не дали. Девушки стояли возле меня на коленях, я же восседал на большой подушке. А Джоко, так тот к концу вечера уже просто лежал на спине, покоясь головой на женских коленях, и служанки клали ему кусочки еды прямо в рот и подносили к губам бокалы с вином.

У Джоко, как и у меня, были три прислужницы. Стар и миссис Джоко имели по две. Остальным приходилось обходиться одной на каждого. Эти девы-прислужницы так закрутили мне голову, что я не сумел даже прикинуть, какова будет дальнейшая вечерняя программа. Хозяйка дома и Стар были одеты так, чтобы убивать зрителей наповал, но одна из моих стюардесс — шестнадцатилетняя первая претендентка на титул мисс Невии — носила вообще одни драгоценности, но их было так много, что она

казалась одетой куда скромнее, чем Стар или Дораль Летва — леди Дораль.

Вели они себя вовсе не как служанки, за исключением того, что выполняли безукоризненно свой долг, заключавшийся в том, чтобы обкормить и напоить меня. Они болтали между собой на жаргоне тинейджеров, отпускали шуточки насчет моей мускулатуры, как будто я и не присутствовал за столом. Было очевидно, что от героев никто не ждал разговорчивости, ибо как только я открывал рот, мне в него что-нибудь совали.

Все время что-то происходило: танцовщицы, фокусники, певцы — все они выступали в проходах между столами. Вокруг бегали ребятишки, все время хватавшие кусочки прямо с подносов, которые слуги несли к столам. Крошечная куколка лет трех уселась на полу напротив меня — два широко открытых глаза и такой же рот — и смотрела на меня пристально и серьезно, заставляя танцоров обходить ее по мере возможности. Я попробовал подозвать ее к себе, но она лишь молча рассматривала меня и шевелила пальчиками ног.

Какая-то девица с цимбалами в руках ходила вдоль столов и что-то напевала. Тут все предположительно: и что инструменты — цимбалы и что девица — девица.

Бал длился уже более двух часов, когда Джоко встал и заревел, требуя тишины, громко рыгнул, стряхнул с себя двух прислужниц, пытавшихся поддержать его в стоячем состоянии, и начал полупеть-полудекламировать.

Те же стихи, но на другой мотив — он расписывал мои приключения. Я считал, что он слишком пьян даже для того, чтобы прочесть какой-нибудь лимерик[1], но стихи лились рекой, скандировались сложные внутренние рифмы, звучные аллитерации — роскошный праздник виртуозной поэзии. Джоко держался линии, намеченной Стар, но сильно расцветил ее. Я слушал его с возрастающим восхищением, любуясь, с одной стороны, им как поэтом, а с другой — могучим рыцарем Гордоном — этой армией из одного человека. Я решил, что такой мужчина не может не быть всюду победителем, и когда Джоко кончил — встал я.

[1] *Лимерик* — пятистрочные шуточные стихи, рифмующиеся так: аа-бб-а.

Мои девочки гораздо больше преуспели в накачивании меня спиртным, нежели едой. Большая часть блюд была мне совершенно неизвестна, хотя и вкусна. Но было там одно блюдо холодной закуски — маленькие лягушкоподобные существа на льду, причем не разрезанные. Их надо было окунать в острый соус и съедать в два приема.

Девушка в драгоценностях схватила одну лягушку, окунула в соус и подала мне, чтобы я откусил кусочек. А та взяла и очнулась от сна. Это маленькое существо — назову его Элмер — закатило глаза и посмотрело на меня как раз в ту минуту, когда я намеревался закусывать. Тут я внезапно потерял аппетит и резко откинул голову назад.

Мисс Ювелирный Магазин весело рассмеялась, снова окунула Элмера в соус и показала, как надо с ним поступать. Нет больше бедняги Элмера!

Некоторое время после этого я не мог есть вообще, зато пил слишком много. Каждый раз, когда мне подносили закуску, я вспоминал дрыгающиеся ножки Элмера, исчезающие во рту, глоток... и хватался за бокал.

Вот поэтому-то я и поднялся.

Раз ты встаешь, так сразу наступает тишина. Замолкла музыка, поскольку музыканты соображали, чем они будут сопровождать мою поэму.

И тут я понял, что говорить-то мне нечего. Абсолютно нечего. Я не мог вспомнить даже молитвы, которую можно было бы преобразовать в благодарственную поэму, добавив в нее несколько изящных комплиментов, и произнести на невианском языке. Черт, я и на английском этого бы не сделал.

Стар смотрела на меня, взор ее был серьезен и полон уверенности во мне.

Это решило все. Правда, на невианский язык я не отважился. Сейчас я не мог бы на нем даже спросить, где туалет. Поэтому я дал залп из обоих стволов по-английски. Это было линдсеевское «Конго»[1].

Все, что я помнил,— примерно страницы четыре текста. Все, что я мог передать,— это захватывающий ритм и схему рифмовки,

[1] *Линдсей Вачел* (1879–1931) — американский поэт.

сбиваясь в словах, с ходу заменяя забытые, но зато изо всех сил нажимая на «Лупите палкой по столам! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум! Бум!». Оркестр подхватил ритм, и загремели тарелки на столах.

Аплодисменты оглушили меня, а мисс Тиффани[1] припала к моей коленке и целовала ее. Тогда я выдал в качестве десерта «Колокола» Э.А. По. Джоко облобызал меня в левый глаз и распустил слюни на моем плече.

После этого встала Стар и объяснила в четких и рифмованных строках, что в своей собственной стране, на собственном языке и среди собственного народа, состоящего сплошь из воинов и художников, я столь же известен как поэт, так и герой (вот уж истинная правда — ноль всегда ноль), и что я оказал им честь, прочтя свое величайшее произведение, да еще на алмазно-жемчужном собственном языке, как дар благодарности Дорали и дому Дораля за гостеприимство кровли, стола и постели, и что она — Стар — попробует когда-нибудь напрячь свои слабые силы и передать музыку этого языка на невианском диалекте.

Вдвоем мы явно заслужили премию «Оскар»[2].

Затем подали piéce de résistance[3] — нечто зажаренное целиком, доставленное четырьмя слугами. По форме и величине это вполне мог быть зажаренный целиком мужчина. Но он, по крайней мере, был явно мертв, и от него шел восхитительный запах. Я съел здоровенный кусок и протрезвел. После жаркого было еще восемь-девять блюд — супы, шербеты и прочая дребедень. Банкет все больше терял свою официальность, участники уже не придерживались разделения мест по полу. Одна из моих девиц заснула и разлила мою чашу вина. Тут я наконец заметил, что большая часть гостей уже разошлась.

Дораль Летва, сопровождаемая двумя девушками, провела меня в мои покои и уложила в постель. Они притушили свет и удалились, пока я пытался составить на их языке галантное пожелание доброй ночи.

Вскоре они вернулись, сняв с себя все драгоценности и прочие украшения, и остановились возле моего ложа, изображая три

[1] *Тиффани* — совершенно прозрачная ткань из шелка или хлопка.

[2] *Премия «Оскар»* ежегодно присуждается за достижения в области кинематографии.

[3] Здесь — «гвоздь программы» (*фр.*).

грации. Я решил, что обе молодые девушки были дочками Летвы. Старшей было лет восемнадцать, в полном соку и портрет мамаши в эти же годы. Младшая была лет на пять моложе сестры, она едва вступила в брачный возраст, тоже красотка и весьма уверенная в себе. Она зарумянилась и опустила глазки долу, когда я взглянул на нее. Старшая сестра, наоборот, ответила на мой взгляд прямым взглядом своих пламенных глаз. Их мамаша, обнимавшая девушек за талии, объяснила мне очень просто, но в стихах, что я уже оказал честь их кровле и их столу, а теперь оказываю их постели. Так что же будет угодно Герою? Одну? Двух? Или всех трех?

Я трус. Вы уже знаете это. Если бы тут не было этой младшей сестрички, ростом как раз с тех шоколадных сестренок, что напугали меня в прошлом, возможно, я действовал бы с большим апломбом. Но, черт побери, двери тут не запирались. Их вообще не было — одни арки. И грубиян Джоко мог проснуться в любую минуту, я даже не знал, где он спит. Не буду отрицать, мне приходилось спать с замужними женщинами и с дочерьми людей, под крышей которых я останавливался, но и в таких случаях соблюдались определенные правила, свойственные американцам. А такое откровенное предложение напугало меня хуже Рогатых Козлов, то бишь Призраков.

Я постарался облечь свое решение в поэтическую форму. Это мне не удалось, но негативность решения до них дошла. Малышка зарыдала и исчезла с невероятной быстротой, ее сестра, похоже, была готова взяться за кинжал и, фыркнув «тоже мне герой», вышла за ней. Мамаша только одарила меня взглядом и удалилась.

Минуты через две она вернулась. Она говорила со мной очень серьезно, полностью контролируя свои чувства, она умоляла сказать, нет ли в доме другой женщины, которая соответствовала бы вкусам Героя? Как ее имя? Как она выглядит? Или мне будет угодно, чтобы все женщины дома продефилировали передо мной, чтобы я мог узнать ее?

Я изо всех сил пытался ей разъяснить, что если бы я мог сделать выбор, то он пал бы на нее, но что я устал и хочу спать в одиночестве.

Летва сморгнула слезу, пожелала мне геройского сна и вновь покинула меня, уже гораздо более быстрыми шагами. В один момент мне даже показалось, что она готова дать мне пощечину.

Через пять секунд я вскочил с постели и кинулся искать ее. Но она уже ушла, галерея была темна.

Заснул я как убитый, мне снилась Свора Холодных Вод. Они были еще более отвратительны, чем их описывал Руфо, и пытались скормить мне золотые самородки, у которых были выпученные глазки Элмера.

Глава 9

Руфо сильно встряхнул меня.

— Босс! Вставайте! Немедленно!..

Я натянул на лицо простыню.

— Убирайся вон! — Во рту стоял привкус тухлой капусты, в голове что-то жужжало, уши заложило.

— Немедленно! Это Ее приказ!

Я встал. Руфо был уже в одежде Вольных Стрелков, при шпаге, поэтому я оделся так же и пристегнул свою. Мои служанки отсутствовали, равно как и роскошное одеяние, данное мне накануне. Спотыкаясь, я последовал за Руфо в огромный банкетный зал. Там уже была Стар, одетая для путешествия и очень мрачная. Прекрасная обстановка вчерашнего праздника улетучилась. Зал был холоден и гол, как заброшенный сарай. Стоял лишь стол, на котором ничего не было, кроме куска холодного мяса, покрытого пупырышками застывшего жира; рядом лежал нож.

Я взглянул на мясо безо всякого удовольствия.

— Это еще что?

— Твой завтрак, если он тебе нравится. Я же ни минуты под этой крышей не останусь и есть эти объедки не буду.— Такого тона и таких манер я у Стар еще ни разу не наблюдал.

Руфо потянул меня за рукав.

— Босс, давайте-ка уходить, и побыстрее.

Так мы и поступили. Ни одной души в поле нашего зрения не появилось — ни в доме, ни во дворе, не было даже детей или собак. Но три быстрых скакуна нас ожидали. Я имею в виду этих восьминогих «пони» — лошадиную версию гончих, оседланных и готовых к отъезду. Седловка у них сложная. Над каждой парой

ног надевается что-то вроде кожаного хомута, а груз распределяется при помощи двух шестов, протянутых вдоль боков и на которые поставлено кресло со спинкой, мягким сиденьем и подлокотниками. К каждому подлокотнику тянулись поводья. Слева находился рычаг для замедления или убыстрения хода, и мне не хотелось бы рассказывать, каким именно путем распоряжения всадника передавались животному. Впрочем, последние, кажется, особенно не возражали.

Конечно, это были не лошади. Головы у них лишь отдаленно сходны с лошадиными, а ноги — без копыт и заканчивались мягкими подушечками, как у хищников. Они всеядны, а не травоядны. Когда привыкнешь, к ним можно даже и привязаться. Моя «лошадь» была черная с белыми пятнышками — ну просто само очарование. Назвал я ее Арс Лонга. Глаза у нее были понимающие.

Руфо привязал мой лук и колчан к багажной полке за креслом, показал, как на него влезать, укрепил ремень безопасности, поставил мои ступни на специальные подножки (стремян не было), отрегулировал спинку, сделав ее положение удобным, как в салоне первого класса авиалайнера.

Сначала мы тронулись быстрой трусцой, потом перешли на бег со скоростью около десяти миль в час. Многоножки знают только одну побежку — иноходь, но качка смягчается благодаря креплению кресла в восьми точках, так что впечатление от езды сходно с впечатлением от поездки в автомобиле по гравийной дороге.

Стар ехала впереди, не проронив за все время ни полслова. Я попытался было заговорить с ней, но Руфо дотронулся до моей руки:

— Когда Она в таком настроении, лучше не трогать.

Позже, когда мы с Руфо ехали бок о бок, а Стар была впереди за пределом слышимости, я спросил:

— Руфо, ради бога, скажи, что случилось?

Он нахмурился:

— Вряд ли мы об этом узнаем. У них с Доралем произошла бурная ссора, это ясно. Но лучше сделать вид, что ничего не случилось.

Руфо замолчал, я — тоже. Может, Джоко ей нахамил? Он же был пьян, легко мог войти в раж. Только трудно представить, чтобы Стар не справилась с любым мужчиной. Думаю, она

прекраснейшим образом отшвырнула бы насильника, но при этом умудрилась бы не оскорбить его мужского самолюбия.

Эти размышления привели меня к другим, еще более мрачным. Ах, если бы старшая сестра пришла одна... если бы мисс Тиффани не опьянела вечером... если бы моя служаночка с рыжей шевелюрой явилась раздевать меня, как мы договорились... О, дьявол!

Руфо распустил свой пояс безопасности, опустил спинку кресла пониже, закрыл лицо носовым платком и захрапел. Немного погодя я последовал его примеру — спал я мало, завтрака не получил, опохмелиться после вечернего пьянства не дали. «Лошадь» в моей помощи не нуждалась — и моя, и Руфова слепо следовали за «конем» Стар.

Проснувшись, я почувствовал себя куда лучше, если не думать о жажде и голоде. Руфо все еще храпел, «конь» Стар скакал в пятидесяти футах от нас. Ландшафт был по-прежнему красив и пышен, а впереди на расстоянии полумили виднелся дом — не помещичий, а скорее фермерский. Я увидел колодезный журавль и представил себе покрытое холодной росой ведро с ледяной водой, а может, и с тифозными бактериями... впрочем, мне же сделали предохранительные прививки в Гейдельберге... Очень хотелось пить. Я имею в виду воду. А еще лучше пиво... они тут его здорово варят.

Руфо зевнул, спрятал платок и поднял спинку кресла.

— Должно быть, вздремнул,— сказал он с глупой ухмылкой.

— Руфо, видишь тот дом?

— Да, а что такое?

— Завтрак, вот что! Я уже напутешествовался на пустой желудок, и мне хочется пить так, что мог бы сжать камень и выцедить из него сыворотку.

— Тогда лучше так и сделайте.

— Что?

— Милорд, мне очень жаль... я тоже погибаю от жажды... но там мы не остановимся. Ей это не понравилось бы.

— Не понравилось бы, вот как! Руфо, скажу тебе прямо: хоть миледи Стар и мила, но это не может служить причиной, чтобы я ехал весь день без воды и пищи. Ты поступай как хочешь, а я остановлюсь позавтракать. Кстати, у тебя есть деньги? Местные?

Он покачал головой.

— Так поступать нельзя, во всяком случае, здесь. Босс, потерпите еще часок. Пожалуйста!

— Это еще почему?

— Потому что мы все еще на земле Дораля, вот почему! Мы не знаем, может, он уже разослал приказ стрелять в нас при первой же встрече. Джок — добродушный старый мерзавец. Я бы лично сейчас очень хотел иметь на теле добрую кольчугу — свист стрелы меня бы нисколько не удивил, равно как и сеть, которую на нас могут сбросить вот в той роще.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Все зависит от того, насколько он зол. Помню случай, когда один парень разозлил его по-настоящему. Дораль приказал раздеть этого несчастного донага, украсил его фамильными драгоценностями и сунул...—тут Руфо сглотнул, и его чуть не вырвало.— Прошлая ночь была чрезмерно оживленной, мне немного не по себе. Поговорим о более приятных вещах. Вы упомянули сыворотку из камня... Надо думать, вы имели в виду Могучего Малдуна?

— Черт побери, не уклоняйся в сторону! — Голова у меня раскалывалась.— Я не поеду сквозь эту рощу, а парень, который пустит стрелу, пусть подготовит свою кожу для пробоин. Я хочу пить.

— Босс,— умолял Руфо.— Она не будет ни пить, ни есть на земле Дораля, даже если Ее будут коленопреклоненно просить об этом. Вы не знаете здешних обычаев. Здесь принимают только то, что дается от чистого сердца... даже ребенок здесь не потянет руку к тому, в чем ему было отказано. Еще пяток миль! Неужели же Герой, победивший Игли до завтрака, не может подождать еще пять миль?

— Ну... Ладно, ладно! Но это какая-то психованная страна, согласись. Абсолютно спятившая.

— Ммм...— ответил он.— А вам приходилось бывать в городе Вашингтоне?

— Согласен,— смущенно улыбнулся я.— Touche[1]! Я забыл, что это твоя родная страна. Совсем не хотел тебя обидеть.

— Это вовсе не моя страна! Почему вы так решили?

— Как! — Я попытался привести свои мысли в порядок.— Ты знаешь местные обычаи и говоришь на их языке, как туземец.

[1] В фехтовании — «задет».

— Милорд Оскар, я давно уже позабыл, сколько знаю языков. Когда я слышу какой-нибудь из них, то сразу начинаю на нем разговаривать.

— Но ты же не американец? И, кажется, не француз.

Он весело улыбнулся:

— Могу показать вам метрики, выданные в обеих этих странах; вернее, мог бы, если бы не утопил их вместе с багажом вчера утром. Нет, нет! Я не с Земли.

— Так откуда же ты?

Руфо явно колебался:

— Лучше бы вам спросить об этом у Нее.

— Вздор! Связали меня по рукам и ногам, да еще мешок на голову натянули. Просто свинство!

— Босс,— сказал Руфо серьезно,— Она ответит на любой ваш вопрос, который вы ей зададите. Надо только уметь его поставить.

— И поставлю!

— Тогда поговорим на другие темы. Вот вы упомянули Могучего Малдуна...

— Это ты его упомянул!

— Возможно. Я-то с Малдуном не встречался, хотя и бывал в той части Ирландии. Отличная страна и единственный народ на Земле, который логически мыслит. Факты не могут сбить ирландцев с толку перед лицом Высшей Истины. Восхитительный народ. Я слыхал о Малдуне от одного из моих дядей — человека правдивого, много лет работавшего «писателем-призраком» и сочинявшего речи для политических деятелей. Но в то время, в связи с печальным недоразумением, возникшим при подготовке речей для соперничавших кандидатов, он оказался в отпуске и стал независимым корреспондентом одного американского синдиката, специализирующегося на сенсационных рассказах для воскресных приложений. Он услыхал о Могучем Малдуне, выяснил, где тот живет, и отправился к нему сначала на дублинском поезде, потом на местном автобусе, а там уж в наемной повозке. Дядя увидел человека, вспахивающего поле с помощью одноконного плуга. Только этот мужик толкал плуг перед собой, не пользуясь услугами лошади, и оставлял сзади себя аккуратную восьмидюймовую борозду.

— Ага! — сказал себе дядя и крикнул: — Мистер Малдун!

Фермер остановился и откликнулся:

— Благослови тебя бог, приятель, за твою ошибку! — Потом поднял плуг одной рукой и махнул ею в сторону.— А Малдуна ты найдешь вон там. Вот он так силен!

Дядя поблагодарил фермера и поехал дальше, пока не встретил другого человека, устанавливавшего изгородь, забивая столбы в землю голыми руками. А земля была довольно каменистая. Дядя снова назвал этого мужика Малдуном.

Человек так удивился, что уронил десять или двенадцать столбов диаметром в шесть дюймов, которые он держал под мышкой.

— Убирайся ты со своей болтовней! Надо же знать, что Малдун живет дальше по дороге. Вот он силен!

Следующего местного селянина дядя застал за строительством каменной стены. Он строил ее без цемента, работа была тонкая. Человек этот обтесывал камни без молотка и зубила, разрубая их ударом ладони, а пальцами убирая мелкие шероховатости. Дядя окликнул его тем же славным именем.

Человек начал было отвечать, но глотка у него явно пересохла от каменной пыли и голос ему изменил. Тогда он взял большой камень, сжал его так, как ты — Игли, выдавил из него воду, как будто это был бурдюк, и выпил ее. Потом сказал:

— Это не я, дружище. Он ведь очень силен, как известно. Господи, сколько раз мне приходилось видеть, как он засовывает свой мизинец...

Мой мозг отвлекся от серии этих дурацких баек при виде девки, копнившей сено за кюветом. Она отличалась чудовищно развитыми грудными мышцами, так что лава-лава[1] ей очень шла. Девка поймала взгляд, ответила мне таким же, да еще тряхнула грудью.

— Что ты сказал? — переспросил я.

— Что?.. Только до первого сустава и так держит себя в воздухе часами!

— Руфо,— сказал я,— никогда не поверю, что это длилось больше нескольких минут. Слишком велика нагрузка на ткани, и все такое...

[1] Основной вид одежды в Полинезии, нечто вроде набедренной повязки у мужчин и коротенькой юбочки у женщин; изготавливается из одного куска яркой набивной ткани.

— Босс,— ответил обиженно Руфо,— я могу привести вас к тому самому месту, где Могучий Дуган проделывал эту штуку.

— Ты ж говорил, что его звали Малдун!

— Дуган — это девичья фамилия его матери, он очень гордился ею. Вам будет приятно узнать, что уже видна граница владений Дораля. Завтракать будем через несколько минут.

— С радостью. Плюс галлон чего угодно, включая чистую воду.

— Утверждается единогласно. По правде говоря, милорд, я себя сегодня чувствую не в своей тарелке. Мне нужно поесть, выпить и хорошенько отдохнуть перед тем, как завяжется драка. Иначе я могу зевнуть в момент защиты. Это была Великая Ночь.

— Я тебя на банкете не видал.

— Присутствовал мысленно. На кухне еда горячее, выбор ее богаче, а компания менее претенциозна. Но я не думал, что это растянется на всю ночь. Ложись пораньше — вот мой девиз. Умеренность во всем, как сказал Эпиктет. Но пирожница... Она напомнила мне мою другую знакомую — партнершу по почтенному занятию, контрабанде. Ее девизом было: «Все, что приятно делать, следует делать вдвойне», чего она и придерживалась на практике. Она перевозила двойную порцию контрабанды — в порядке личной инициативы, сохраняя это от меня в секрете, так как я держал на учете каждый предмет и передавал соответствующий список таможенникам со взяткой, чтобы они знали — я веду дело честно. Но женщине трудно пройти через таможню — в одном направлении толстой, как откормленная гусыня, а двадцать минут спустя в другом — тощей, как цифра один (нет, она-то не была такой — это просто фигуральное выражение), и при этом не вызвать удивления. Если бы не странное поведение собаки ночью, эти любопытные накололи бы нас.

— А что странного было в поведении собаки той ночью?

— Да то же самое, что в моем — в прошлую ночь. Шум разбудил нас, и мы успели убежать через крышу — свободными, но без единого цента из денег, заработанных тяжелым шестимесячным трудом... Да еще с ободранными коленками... Но эта пирожница... Вы видели ее, милорд... русые волосы, голубые глаза, и все прочее, удивительно напоминающее Софи Лорен.

— Смутно что-то вспоминается...

— Значит, вы ее не видели, ничего смутного в отношении Налии быть не может. В общем, я собрался вести прошлой ночью безгрешную жизнь, зная, что сегодня нам предстоит кровавый бой. Вы же помните:

Настала ночь — гони свет прочь,
Пришел рассвет — вставай, мой свет...

Так сказал классик, но с Налией я кое-чего не учел. Именно поэтому я не выспался и остался без завтрака, а вечером могу оказаться лежащим в луже собственной крови, и все это в значительной степени по вине Налии.

— Ничего, я побрею твой труп, Руфо, обещаю тебе это.— Мы проехали мимо пограничного столба с соседним графством, но Стар не замедлила бега своей «лошади».— Между прочим, а где ты научился похоронному делу?

— Что?! А! Очень далеко отсюда. А вот за вершиной того холма, за теми деревьями стоит домик, где мы и позавтракаем. Чудесные люди!

— Отменно! — Мысль о завтраке была светлым пятном на темном фоне моих сожалений о бойскаутском поведении прошлой ночью.— Руфо, ты все перепутал, говоря о странном поведении собаки ночью.

— Милорд?

— Собака ничего не делала ночью, вот в чем странность.

— Ну, пожалуй, она действительно не издала ни одного звука,— с сомнением сказал Руфо.

— Разные собаки в разных местах. Извини. Я-то хотел сказать вот что: забавная штука произошла со мной, когда я отправился вчера спать... Вот уж я действительно вел безгрешную жизнь.

— В самом деле, милорд?

— На деле, но не в мыслях.— Мне было необходимо с кем-нибудь поделиться, а Руфо был как раз таким проходимцем, которому можно было довериться. И я изложил ему историю Трех Обнаженных.

— Ну не мог же я рисковать! — заключил я.— С божьей помощью рискнул бы, если бы только эту девчонку уложили в ее собственную постель — одну, и в тот час, как это полагается детям. Во всяком случае, думаю, рискнул бы, невзирая даже на дробовики и

прыганье из окон. Скажи мне, Руфо, почему самые прелестные девицы имеют или отцов, или мужей? Говорю тебе — вот так они стояли: Большая обнаженная, Средняя обнаженная и Совсем маленькая обнаженная так близко, что можно было коснуться их, и все готовые с радостью согреть мою постель, а я... ничего, ну совсем ничего... Ну, смейся же! Я заслуживаю этого.

Он не смеялся. Я посмотрел на него — лицо его выражало глубокое смятение.

— Милорд! Оскар, мой старый товарищ! Скажите, что это неправда!!!

— Это правда,— ответил я раздраженно.— И я тут же пожалел обо всем, но было уже поздно. А ты еще жалуешься на свою ночь!

— О, боже! — Руфо перевел своего скакуна на большую скорость и умчался.

Арс Лонга бросила на меня через плечо вопросительный взгляд и продолжала идти прежним аллюром.

Руфо поравнялся со Стар. Они остановились, чуть не доехав до дома, где нас ждал ланч, и ждали, когда я к ним присоединюсь. Лицо Стар было непроницаемо. Руфо же выглядел очень смущенным.

Стар приказала:

— Руфо, иди и попроси приготовить нам завтрак. Потом принесешь его сюда. Я хочу поговорить с милордом наедине.

— Слушаюсь, миледи! — Он исчез почти мгновенно.

Тем же невыразительным тоном Стар спросила меня:

— Милорд Герой, это правда? То, что доложил мне ваш слуга?

— Я не знаю, что он вам доложил.

— Относительно вашей неспособности... вашей мнимой неспособности... прошлой ночью.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, говоря о неспособности. Если вы хотите знать, что я делал после банкета, то я спал один. Точка.

Она перевела дух, но выражение ее лица осталось неизменным.

— Я хотела услышать это из твоих уст. Чтобы не быть несправедливой.— И тут лицо ее выразило такое бешенство, какого я никогда не видел. Низким, почти бесцветным голосом она начала меня разделывать под орех: — Ах ты, Герой! Жалкий безмозглый олух! Невежа, путаник, нескладеха, толстолобый идиот!

— Замолчи!

— Нет, это ты замолчи, я с тобой еще не покончила! Ты оскорбил трех ни в чем не повинных женщин! Ты унизил верного старого друга!

— Заткнись!!!

Мой голос раскатился громом. Я гремел, не давая ей опомниться:

— Никогда не смей со мной так разговаривать, Стар. Никогда!

— Но...

— Попридержи-ка язык, уж больно ты его распустила! Ты не имеешь права так говорить со мной! И ни одна баба в мире такого права никогда не получит! Ты будешь всегда — запомни — всегда обращаться ко мне вежливо и почтительно! Еще одно грубое слово — и я выдеру тебя так, что слезами изойдешь!

— Только посмей!

— А ну, убери руку с эфеса, или я отберу у тебя шпагу, спущу штаны и тут же на дороге отлуплю тебя твоей же шпажонкой. До тех пор, пока твой зад не станет алым и ты не начнешь просить прощения. Стар, я не дерусь с женщинами, но гадких детей наказываю. С дамами я обращаюсь как с дамами, с испорченным отродьем — как с испорченным отродьем. Стар, ты можешь быть королевой Великобритании или императрицей Галактики в одном лице, но еще одно дерзкое слово — и я стащу с тебя штанишки, и уж недельку тебе придется полежать на животе. Поняла?

— Я поняла, милорд,— тихонько ответила Стар.

— А кроме того, я увольняюсь с должности Героя. Я не собираюсь вторично выслушивать такие речи и не желаю работать на человека, который хотя бы раз обошелся со мной подобным образом.— Я вздохнул, поняв, что снова потерял свои капральские нашивки. Но я всегда чувствовал себя без них свободнее и проще.

— Да, милорд.— Я еле разбирал ее слова. Мне показалось, что мы с ней снова там — в Ницце. Но меня это не тронуло.

— Хорошо, тогда больше не о чем говорить.

— Да, милорд.— Она тихо добавила: — Но можно мне объяснить, почему я так говорила?

— Нет.

— Хорошо, милорд.

Наступило долгое молчание, длившееся вплоть до возвращения Руфо. Он остановился, не подходя к нам, чтобы не слышать, о чем мы говорим. Я жестом велел ему подойти.

Мы ели молча, причем я почти не ел — уж больно пиво было хорошее. Руфо попытался завести светскую беседу насчет какого-то своего очередного дядюшки, но эта история не вызвала бы улыбки даже в Бостоне.

После ланча Стар повернула своего скакуна в обратную сторону — этих «лошадей» трудно разворачивать, в боевых условиях это приходится делать, ведя их в поводу.

— Миледи? — обратился к ней Руфо.

— Я возвращаюсь к Дорало,— ответила бесстрастно Стар.

— Миледи! Пожалуйста, не надо!

— Милый Руфо,— ответила она нежно и печально.— Ты можешь остаться в этом доме и, если я через три дня не вернусь, ты свободен.— Она посмотрела на меня, потом отвела взгляд.— Я надеюсь, что милорд Оскар проводит меня. Я не прошу об этом — не имею права.— И она тронула «коня». Мне потребовалось немало времени, чтобы развернуть Арс Лонгу — не было опыта. Стар сильно опередила меня. Я так и поехал в некотором отдалении.

Руфо стоял неподвижно и кусал ногти, пока я разворачивался, потом взобрался на свое кресло и догнал меня. Мы ехали бок о бок, держась футах в пятидесяти от Стар. Наконец он произнес:

— Это самоубийство. Вы-то это понимаете?

— Нет, не понимаю!

— Ну, так постарайтесь понять!

— И именно поэтому тебе кажется затруднительным добавлять слово «сэр»?

— Милорд? — Руфо коротко хохотнул и сказал: — Возможно. В этой чепухе нет смысла, раз все равно едем умирать.

— Ты ошибаешься.

— В чем?

— «В чем, милорд», с твоего разрешения. Попробуй хотя бы попрактиковаться. И пусть так останется и дальше, даже если нам осталось прожить всего лишь тридцать минут. Поскольку я теперь намерен командовать, а не разыгрывать роль «чего изволите». И не хочу, чтоб у тебя остались хоть малейшие сомнения,

когда начнется свалка, в том, кто тут хозяин. Иначе поворачивай лошадь, а я ее хлестну по заду, чтобы придать тебе первоначальное ускорение. Слышишь?

— Да, милорд Оскар.— Руфо добавил задумчиво: — Я знал, что вы босс, с той самой минуты, когда вернулся с фермы. Хоть и не понимаю, как вы этого добились. Милорд, я никогда не видел Ее такой растерянной. Могу ли я узнать...

— Нет, не можешь. Но разрешаю спросить у нее самой. Если ты сочтешь это благоразумным, конечно. А теперь расскажи мне об этом «самоубийстве» и не вздумай увиливать, что, мол, она не желает, чтобы ты давал мне советы. С этой минуты ты будешь давать мне советы всякий раз, когда я их буду спрашивать. Но если не спрошу — держи рот на замке.

— Слушаюсь, милорд. Так вот о перспективе самоубийства... Шансы тут рассчитать довольно трудно. Все зависит от того, насколько зол Дораль. Только это не будет поединок. Нас или забьют в ту самую минуту, когда мы высунем нос... или мы останемся целы до той минуты, пока не покинем его владения,— это в том случае, если он прикажет нам немедленно поворачиваться и убираться.— У Руфо было такое выражение лица, будто он решал труднейшую задачу.— Милорд, тут невозможно угадать. Полагаю, вы оскорбили Дораля так, как никто не оскорблял его за всю его долгую и небезгрешную жизнь. Ставлю девяносто против десяти, что через несколько минут после того, как мы свернем с дороги, из нас будет торчать больше стрел, чем из святого Себастьяна.

— А при чем же тут Стар? Она же ничего не сделала. И ты тоже. (И про себя добавил: и я тоже. Ну и страна!)

Руфо вздохнул.

— Милорд, сколько миров — столько и обычаев. Джоко вовсе не хочет навредить Стар. Она ему нравится. Он к Ней чудесно относится. Можно сказать, он даже любит Ее. Но если он убьет вас, он должен будет убить и Ее. Иначе, по его стандартам, это было бы не гуманно, а он высокоморальный человек, о чем здесь все широко осведомлены. Убьет он и меня, но я не в счет. Он обязан убить ее, хотя с этого начнется целая цепь событий, которые уничтожат самого Джоко, ибо его можно считать мертвецом с той минуты, как новость о смерти Стар разнесется по свету. Вопрос

вот в чем — должен ли он убивать вас? Думаю, обязан, насколько я понимаю этот народ. Мне очень жаль... милорд.

Я переваривал сказанное.

— Тогда почему же ты здесь, Руфо?

— Милорд?

— Можешь на часок отбросить этих «милордов». Почему ты здесь? Если твоя оценка верна, то ни твоя шпага, ни твой лук в конечном счете ничего изменить не могут. Она дала тебе верный шанс остаться в стороне. Так что это? Гордость? Или ты влюблен в нее?

— О, боже! Конечно, нет.— Руфо был искренне шокирован.— Извините меня,— продолжал он,— вы застали меня врасплох.— Он подумал.— По двум причинам, я полагаю. Первая — если Джоко разрешит нам объясниться, то... Она ведь отличный оратор. Второе,— тут он глянул на меня,— я суеверен, надо признаться. Вы же — человек удачи, в чем я убедился. Поэтому мне хочется быть поближе к вам, даже если разум советует бежать. Вы можете в любой момент провалиться в выгребную яму, и все же...

— Чушь! Послушал бы ты историю моих злоключений!

— Ну, это в прошлом, я почти готов биться об заклад, что сейчас расклад совершенно иной.— Руфо замолчал.

— Оставайся здесь,— приказал я, ускорил ход «коня» и подъехал к Стар.

— Вот мой план,— сказал я ей.— Когда мы доберемся до места, ты и Руфо останетесь на дороге. Я поеду один.

Она испугалась.

— О, милорд! Нет!

— Да.

— Но...

— Стар, ты хочешь, чтобы я вернулся к тебе? Как твой рыцарь?

— Всем сердцем.

— Хорошо. Тогда поступай так, как я хочу.

Она долго молчала, потом ответила:

— Оскар...

— Что, Стар?

— Я поступлю, как ты прикажешь. Только разреши мне объяснить кое-что перед тем, как ты начнешь продумывать свою речь.

— Давай.

— В этом мире место путешествующей дамы — рядом с ее рыцарем. И именно там я и хочу находиться, мой Герой, даже в минуту гибели. Особенно в эту минуту. Но молю я тебя не из сентиментальности и не ради проформы. Зная то, что я знаю теперь, я могу с полной уверенностью предсказать, что ты будешь убит немедленно, а потом умрем я и Руфо — как только они нас догонят. А это произойдет быстро — наши «кони» слишком устали. С другой стороны, если отправлюсь я одна...

— Ни в коем случае!

— Ну выслушай же, милорд! Я же ни на чем не настаиваю. Если бы поехала я одна, я, вероятно, умерла бы так же быстро, как умер бы ты. А может быть, вместо того, чтобы скормить меня свиньям, Дораль сохранил бы мне жизнь и позволил кормить своих свиней и быть забавой для его свинарей — судьба лучшая, нежели то полное унижение, которое ожидает меня в будущем, если я вернусь без тебя. Но я нравлюсь Доралю и думаю, что он оставит мне жизнь, только жизнь скотницы и чуть-чуть лучшую, чем жизнь свиней. На этот риск я готова пойти, если необходимо, и буду ждать своего шанса бежать — гордость для меня слишком дорогое удовольствие. Нет у меня ее — есть только необходимость.— Ее голос был хриплым от непролитых слез.

— Стар! Стар!

— Что, мой любимый?

— Как? Что ты сказала?

— Можно, я еще раз повторю это? У нас больше времени не будет.— Она как слепая потянулась ко мне, я схватил ее за руку. Стар наклонилась и прижала меня к своей груди.

Затем выпрямилась, продолжая сжимать мою руку:

— Теперь я спокойна. Я всегда становлюсь женщиной в тот момент, когда это наименее оправданно. Мой любимый Герой, у нас есть лишь одна возможность спастись — это отправиться навстречу опасности бок о бок, с гордо поднятыми головами. Это не только самый надежный, это еще и единственный путь, который я предпочла бы, будь у меня гордость. Я купила бы тебе Эйфелеву башню для забавы и другую, если бы ты эту сломал, но гордость купить нельзя.

— А почему это самый безопасный путь?

— Потому что Дораль может — повторяю, может — дать нам возможность вступить в переговоры. Если мне дадут сказать десять слов, то он выслушает и сто, а потом и тысячу. И может так случиться, что я залечу его рану.

— Согласен. Но, Стар... Что я такое совершил, что так глубоко его ранило? Я же ничего не сделал. Наоборот, я старался ничем не ранить его.

Она немного помолчала, потом произнесла:

— Ты американец...

— Ну и что с того! При чем тут это? Джоко об этом и не знает.

— Видно, очень даже при чем. Нет, Америка для Джоко в лучшем случае только название, он ведь проходил курс «Вселенные», но никогда не путешествовал. Но... Ты на меня не рассердишься снова?

— А? Давай-ка поставим на прошлом большой крест. Говори что хочешь, лишь бы все прояснилось. Только не надо меня клевать в макушку. А, черт, клюй, если хочешь, но только в последний раз. Не надо делать из этого привычку... любимая.

Она сжала мою руку:

— Больше никогда! Моя ошибка была в том, что я забыла, что ты американец. Я плохо знаю Америку, во всяком случае знаю ее не в тех аспектах, в которых с ней знаком Руфо. Если бы Руфо присутствовал в зале... Но его там не было, он жуировал на кухне. Я предположила, когда тебе даровали гостеприимство кровли, стола и постели, что ты поведешь себя так, как повел бы себя на твоем месте француз. Мне и в голову не пришло, что ты откажешься. Если бы я знала, я бы придумала для тебя тысячу отговорок. Принятый обет, например. Священный день твоей религии. Джоко был бы разочарован, но не был бы оскорблен. Он человек чести.

— Но... будь оно проклято, я все равно не понимаю, почему он хочет убить меня за то, что я не сделал чего-то такого, за что меня наверняка пристрелили бы в моей стране, сделай я это там. Что, в этой стране мужчины обязаны принимать предложение, сделанное любой женщиной? И почему она бежит к мужу и жалуется? Почему не держит это в секрете? Она же даже не попыталась скрыть. И еще дочек в это вовлекла.

— Но, милорд, это никогда не было секретом! Дораль сделал тебе предложение публично, ты публично принял его. Как бы вел себя ты, если бы твоя невеста в брачную ночь турнула тебя из спальни? «Кровля, стол и постель». Ты согласился.

— Постель! Стар, в Америке постель — вещь многоцелевая. Иногда в ней спят, просто спят. Я ничего не понимаю.

— Зато я теперь все поняла. Ты просто не знал, что это идиома. Вина моя. Но и ты теперь знаешь, как глубоко он был унижен, к тому же еще и публично.

— Да, конечно, но он сам виноват. Чего же он спрашивал при всех? Было бы еще хуже, если бы я ответил — нет.

— Совсем наоборот! Ты не обязан соглашаться. Мог бы отказаться — вежливо, изящно. Лучше всего было бы — хотя это чистая ложь — сослаться на трагическую невозможность — временную или постоянную — от ран, полученных в той битве, где ты проявил себя как Герой.

— Впредь буду знать. И все же я не понимаю, почему Джоко был так поразительно щедр?

Стар посмотрела мне в лицо:

— Любимый, можно мне сказать, что ты поражаешь меня каждый раз, когда я говорю с тобой? А я-то думала, что давным-давно разучилась чему бы то ни было удивляться.

— Взаимно. Ты меня тоже поражаешь. Однако мне это по душе, кроме одного раза.

— Милорд Герой, как часто, по твоему мнению, простой деревенский сквайр имеет шанс получить в свою семью сына Героя и воспитать его как собственного? Можешь ли ты вообразить его разочарование, когда у него отняли то, что он считал твердо обещанным и всецело принадлежащим ему? Можешь ли вообразить его стыд? Его гнев?

Я немного подумал.

— Ладно. Виноват. Так бывает и в Америке. Только там этим не хвастают.

— Сколько стран, столько и обычаев. Известную роль сыграло и то, что Герой оказал ему честь, отнесся к нему как к брату, и при особой удаче он мог рассчитывать, что Герой станет членом дома Доралей.

— Погоди-ка минутку! Что ж он для того и прислал всех троих? Чтобы повысить шансы?

— Оскар! Да он бы с радостью прислал тебе тридцать... если бы ты намекнул, что настроен достаточно героически и совладаешь с ними. А так он послал тебе старшую жену и двух любимых дочерей.— Стар заколебалась.— Вот что мне до сих пор неясно...— И задала прямой вопрос.

— Господи! Нет, конечно! — запротестовал я, вспыхнув.— Уже с пятнадцати лет... Главной причиной, что выбила меня из седла, была эта девчонка. Только она, я уверен в этом.

Стар пожала плечами.

— Возможно. Но она не ребенок. В Невии она уже женщина. И даже если она еще сохраняет невинность, то готова спорить, что месяцев через двенадцать она уже будет матерью. И уж если ты испугался ее, то почему не выпроводил из спальни и не взялся за сестричку? Эта пичужка потеряла девственность задолго до того, как стала оформляться физически, насколько я знаю. И я слыхала, что Мьюри — «блюдо с начинкой» — кажется, у американцев есть такая идиома.

Я пробормотал что-то, думая о том же. Но мне почему-то не хотелось эту проблему обсуждать со Стар.

Она сказала:

— Pardonne-moi, mon cher? Tu as dit?[1]

— Я сказал, что мне простится, должно быть, шесть грехов за этот Великий Пост.

Она удивилась:

— Но Великий Пост давно прошел на Земле. А здесь его вообще не бывает.

— И очень жаль.

— И все же я рада, что ты не выбрал Мьюри раньше Летвы. Иначе Мьюри задрала бы нос перед матерью. Но правильно ли я поняла, что ты готов исправить дело, если мне удастся договориться с Дораля? — Она добавила: — Мне это очень важно знать, в зависимости от этого я буду строить свою дипломатию.

— (Стар, Стар... это тебя я хочу в свою постель...) Если тебе так угодно, любимая.

[1] Извини, дорогой. Ты что-то сказал? (*фр.*)

— О, это сильно помогло бы.

— О'кей. Тут ты командир. Одну... две... тридцать... умру, но не сдамся. Только, пожалуйста, никаких девочек... маленьких...

— Нет проблем. Дай-ка мне подумать. Ах, если бы только Дораль дал мне сказать хотя бы пять слов.— Она замолкла. Рука ее сохраняла ровную теплоту. Я тоже примолк, задумавшись. Эти странные обычаи имели последствия, важность которых я до сих пор не смог полностью оценить. Например, почему, если Летва немедленно сообщила мужу, какой я олух...

— Стар, а где ты провела эту ночь?

Она бросила на меня острый взгляд:

— Милорд, позвольте сказать вам, что вам лучше не совать нос не в свои дела.

— Разрешаю. Только все почему-то суют нос в мои.

— Извини. Я очень встревожена, и мои самые главные тревоги тебе пока неизвестны. Это был прямой вопрос, и он заслуживает прямого ответа. Гостеприимство здесь всегда сбалансировано, и честь оказывается одновременно двум сторонам. Я спала в постели Дораля. Однако, если это важно, а для тебя это может быть важным — я все еще плохо понимаю американцев,— вчера я, как известно, была ранена и рана еще беспокоила меня. Джоко — широкая и добрая душа. Мы спали. И только.

Я постарался, чтобы мой голос прозвучал беззаботно:

— Твоя рана меня беспокоит. Как она сегодня?

— Не болит. Повязка сама отпадет завтра к утру. Но... вчера — это не первый раз, когда я пользовалась гостеприимством кровли, стола и постелей в доме Доралей. Джоко и я — старые друзья, близкие друзья, вот почему мне кажется, что можно рискнуть в надежде получить несколько секунд до того, как он начнет нас убивать.

— Что ж, я и сам начал догадываться кое о чем.

— Оскар, по твоим стандартам, по тем, в которых ты воспитан, я — стерва.

— О, нет! Ты — Принцесса!

— Стерва. Но я не из твоей страны, и я воспитана по другому кодексу. По нашим стандартам, а они кажутся мне правильными, я — высокоморальная женщина. А теперь... я все еще твоя любимая?

— Моя любимая!

— Мой любимый Герой! Мой рыцарь! Обними меня крепче и поцелуй. Если мы умрем, я хочу, чтобы наши губы были согреты дыханием друг друга. Въезд к Доралю — за тем поворотом.

— Знаю.

Мы ехали со шпагами в ножнах и луками за плечами, горделиво приближаясь к зоне обстрела.

Глава 10

Три дня спустя мы уезжали снова. На этот раз завтрак был чудовищно обилен. На этот раз наш выход сопровождал оркестр музыкантов. На этот раз Дораль ехал с нами. На этот раз Руфо подвели к его скакуну две девицы, которых он обнимал за талии, одновременно держа в каждой руке по бутылке спиртного, затем, после смачных поцелуев от дюжины других лиц женского пола, он был водружен в свое кресло и пристегнут ремнем в почти лежачем положении. Руфо заснул и захрапел еще до того, как мы отправились в дорогу.

Сколько поцелуев получил я на прощание, счесть просто невозможно, и многие из них были от тех, кто, честно говоря, не имел для этого больших оснований — я ведь пока еще только начинающий Герой, только постигающий основы этого мастерства.

Это неплохая профессия, несмотря на большие затраты времени, профессиональные заболевания и полное отсутствие социальной защищенности; у нее есть и свои достоинства, причем наибольшие перспективы на продвижение имеют тут люди упорные и готовые учиться. Дораль казался наверху блаженства.

За завтраком он воспел мои достижения на текущий момент в тысячах звучных строк. Но я был трезв и не позволил его хвалам вскружить голову созерцанием собственного величия. Я-то знал себе цену. Ясное дело — какая-то пичуга регулярно приносила ему новости, но эта пичуга — врунья. Джон Генри — Стальной Человек, и тот не мог бы сотворить то, что делал я, если верить Джоковой оде.

Я принял все как должное, ничего не отразив на своем геройском благородном лице, а затем встал и выдал им «Кейси в Бате», вложив сердце и душу в строку «Кейси могучий вынул его».

Стар в свободной манере интерпретировала мое выступление. Я (согласно ее переводу) восхвалял всех леди из дома Дораля, причем мои мысли явно ассоциировались с образами мадам Помпадур, Нелл Гвин, Нинон Ланкло и Ренджи Лил. Стар не называла этих знаменитостей по именам, но зато изощрялась в хвалах на невианский манер, применяя термины, которые наверняка сразили бы даже Франсуа Вийона.

Мне пришлось выступить на «бис». Я продекламировал им «Дочурку Рейли» и «Бармаглота», сопровождая текст жестикуляцией.

Стар интерпретировала и это в должном духе. Она сказала именно то, что сказал бы я сам, будь я в состоянии слагать поэтические строфы. Вечером, на второй день пребывания в гостях, мы встретились со Стар в парилке сауны Дораля. Около часа мы пролежали, закутанные в простыни, на ложах, стоящих рядом, изгоняя вместе с потом вредные шлаки и восстанавливая силы. Я тут же выразил ей свое удивление происходящим и удовольствие по тому же поводу. Вообще-то на такие темы говорить трудно, но Стар — из тех немногих, перед кем я отваживаюсь открыть душу.

Она внимательно выслушала меня. Когда же я закончил, тихо сказала:

— Мой Герой, как ты знаешь, я плохо знакома с Америкой, но из того, что мне рассказывал Руфо, я усвоила, что ваша культура уникальна в сравнении с культурами других Вселенных.

— Да, я понимаю, что Соединенные Штаты не так наловчились в этих делах, как, например, Франция...

— Франция! — Тут она неподражаемо пожала плечами.— Латиняне — никудышние любовники! Это утверждение я слышала неоднократно и готова его подтвердить, исходя из собственного опыта. Оскар, насколько я понимаю, ваша культура — единственная из полуцивилизованных, в которой любовь не рассматривается как высшее искусство и не исследуется так глубоко, как того заслуживает.

— Ты хочешь сказать, что мы в чем-то сходны с Невией? Как бы не так! «Это слишком хорошо для простого народа!»

— Нет, я не имею в виду, что вы такие же.— Стар говорила по-английски.— Хотя я и очень люблю своих здешних друзей, но это

варварская культура и их искусство — тоже варварское. О, по-своему это прекрасное искусство, даже превосходное. Но... если мы переживем все то, что нам еще предстоит пережить, и когда трудности останутся позади, я хочу, чтобы ты попутешествовал по разным Вселенным. И ты поймешь, что я имею в виду.— Стар встала, придерживая простыню, как тогу.— Но я рада, что ты доволен, мой Герой. Я тобой горжусь.

Я полежал еще немного, обдумывая услышанное от Стар. «Высшее искусство», а там — дома — мы даже не изучаем его, а еще менее — преподаем. Да и как это делать? Обучение балету требует многих лет, а в «Метрополитен Опера» не приглашают петь за громкий голос. И почему у нас любовь классифицируется как инстинкт?

Разумеется, сексуальный аппетит — это инстинкт, но разве аппетит превращает обжору в гурмана, а кухарку из забегаловки — в изысканного ресторанного повара? Черт побери, но ведь, даже чтобы стать кухарем в обжорке, надо учиться.

Я вышел из парилки, насвистывая: «В мире все лучшее — даром», но тут же замолчал, чувствуя сожаление ко всем своим несчастным компатриотам, ограбленным еще в день своего появления на свет самым колоссальным жульничеством в Истории.

Проводив нас на милю за пределы своих владений, Дораль попрощался с нами, обнял меня, расцеловал Стар и взъерошил ей волосы. Потом, вместе со всем эскортом, выхватил шпагу и отдавал нам салют до тех пор, пока мы не скрылись за ближайшим холмом. Я ехал рядом со Стар, Руфо храпел позади.

Я взглянул на Стар, у нее чуть подрагивали уголки губ. Она поймала мой взгляд и чопорно произнесла:

— Доброе утро, милорд.

— Доброе утро, миледи. Каково почивали?

— Благодарю вас, недурно, милорд. А вы?

— Спасибо, тоже хорошо.

— Вот как? А с собакой ничего странного этой ночью не произошло?

— Собака ночью ничего не делала, и это было самым странным,— сказал я, стараясь сохранять на лице полную серьезность.

— Неужели? Такая жизнерадостная собачка?! А тогда кто был тот рыцарь, которого я видела с некой леди?

— То было не ночью. Еще варкалось[1].

— Понятно. Значит, у тебя «взы-взы» стрижает меч? «О, светозарный мальчик мой»!

— Брось свои бармаглотовы штучки, ты чересчур игривая девчонка! — Я старался быть серьезным.— У меня есть друзья, и они подтвердят мое алиби. А кроме того, во мне сила десяти мужей, ибо чист я сердцем.

— Да, это-то мне известно — ваши друзья просветили меня насчет силы десятерых, милорд.— Тут она захохотала, шлепнула меня по бедру и принялась во все горло распевать припев из «Дочурки Рейли». Вита Бревис застыдилась, Арс Лонга запрядала ушами и посмотрела на Стар с явным неодобрением.

— Перестань! — одернул я ее.— Ты шокируешь лошадей.

— Во-первых, они не лошади, во-вторых, их невозможно шокировать. Ты видел, как они занимаются этим? Несмотря на свое многоножие? Сначала они...

— Придержи язык! Арс Лонга — леди, чего не скажешь о тебе.

— Я же предупреждала тебя, что я — стерва. Сначала она ложится на бок...

— Да видел я! Мьюри думала, что это может позабавить меня. А я получил приступ комплекса неполноценности, длившийся весь вечер.

— Рискну поспорить, что не весь вечер, милорд. Ну, раз так, давай споем «Дочурку Рейли». Ты начинай, я буду вторить.

— Что ж... Но тогда — не очень громко, иначе разбудим Руфо.

— Его не разбудишь. Он набальзамирован.

— Тогда разбудишь во мне зверя, а это куда хуже. Стар, милая, а где и когда Руфо был похоронных дел мастером? И как из похоронной конторы он попал в наши дела? Его выгнали, что ли?

— Могильщик? Руфо? Не может того быть! — удивилась Стар.

— Он говорил со мной с полным знанием дела.

[1] Здесь и ниже цитируются строки и словечки из знаменитого стихотворения Л. Кэрролла «Jabberwocky» (в русском переводе «Бармаглот»).

— Вот как! Милорд, у Руфо множество недостатков, но правдивость не входит в их число. Кроме того, в нашем мире могильщиков не бывает.

— Не бывает? Что же вы делаете со своими покойниками? Нельзя же оставлять их в своих гостиных? Это было бы негигиенично.

— Я тоже так думаю, но мой народ именно так и поступает: держит покойников в своих гостиных. Во всяком случае, по нескольку лет. Обычай основан на чистой сентиментальности, но мы и есть сентиментальный народ. Хотя даже у нас кое-кто перебарщивает с этим делом. Одна из моих теток держала в собственной спальне всех своих усопших мужей — там была страшная теснотища, а кроме того, она непрерывно о них говорила, все время повторяясь и путаясь. Я даже перестала ходить к ней в гости.

— Ничего себе! Она их чистила пылесосом?

— О да! Она была очень хорошая хозяйка.

— М-м-м... и сколько их было?

— Семь или восемь, не считала.

— Понятно. Стар, быть может, убийство мужей у тебя в семье является наследственной чертой?

— Что? Ох, любимый, да в каждой женщине сидит потенциальная склонность к вдовству.— На ее лице появились ямочки, и она, протянув руку, погладила меня по колену.— Но тетя их не убивала. Поверь мне, мой Герой, женщины в моей семье слишком любят своих мужей, чтобы терять их зазря. Нет, тетя очень расстраивалась, когда они умирали. Я считала, что это глупо — надо смотреть вперед, а не назад.

— И пусть мертвое прошлое само хоронит своих мертвецов... Слушай, если твой народ держит покойников в своих домах, то и у вас должны быть похоронных дел мастера. Ну, хотя бы бальзамировщики. Иначе воздух...

— Бальзамировщики... О, нет! Их погружают в стасис, как только убеждаются, что человек умер... или умирает. С этим может справиться даже школьник.— Подумав, она добавила: — Пожалуй, я несправедлива к Руфо. Он провел очень много лет на Земле и, вполне возможно, занимался там и похоронным делом. Только мне кажется, что эта профессия слишком честна и прямолинейна, чтобы увлечь Руфо.

— Ты, однако, не сказала мне, что же в конце концов у вас делают с трупами.

— Во всяком случае, не погребают в земле. Нашим людям это показалось бы шокирующе глупым.— Стар вздрогнула.— Даже мне, которая путешествовала по Земле и ряду других Вселенных и привыкла спокойно относиться к самым странным обычаям.

— И все-таки, что же?

— Ну, примерно то же, что ты сделал с Игли. Применяют геометрический перенос, вот и все.

— Ох, Стар, а куда подевался Игли?

— Не знаю, милорд. Не было времени для решения этой задачи. Возможно, это известно тем, кто его сотворил. Но не думаю, что они были бы удивлены больше меня.

— Думаю, я ужасно туп, Стар. Ты называешь это геометрией, Дораль назвал меня «математиком», а я всего лишь делал то, что заставляли меня делать обстоятельства. Не понимаю я этого.

— Вернее было бы говорить об обстоятельствах, давивших на Игли, милорд Герой. Что получится, если приложить огромное давление к массе, такое, что масса больше не сможет оставаться в данном месте, хотя деваться ей некуда? В метафизической геометрии это задачка для школьника и называется она парадоксом невыносимого давления и неподвижной массы. Масса взрывается изнутри — она вытесняется из этого мира в какой-то иной. Именно таким путем иногда люди одной Вселенной открывают себе путь в другую, но чаще это сопровождается губительными последствиями, подобными тем, которые ты создал для Игли. Могут пройти бесчисленные годы, пока этот процесс будет поставлен под контроль. Надо думать, что еще очень долго такие вещи будут считаться явлениями «магическими», иногда будут получаться, чаще — нет, иногда оборачиваясь смертельной опасностью для самого мага...

— И это ты называешь «математикой»?

— А как же иначе?

— Я бы назвал это магией.

— Разумеется. Я так и сказала Джоко: ты — природный гений. Ты мог бы стать могучим колдуном.

Я пожал плечами с некоторой долей неловкости.

— Я не верю в магию.

— Я тоже,— отозвалась Стар.— В том виде, в котором ты ее понимаешь. Но я знаю, что она существует.

— Так я же об этом и говорю. Не верю в фокусы-покусы. Что случилось с Игли, вернее, то, что, по-видимому, с ним произошло, не могло произойти на самом деле, так как нарушает закон сохранения массы-энергии. Должны быть другие объяснения.

Стар вежливо промолчала.

Тогда я ввел в действие грубый здравый смысл безграмотности и предубеждения:

— Слушай, Стар, я не могу поверить в невозможность только потому, что видел что-то своими глазами. Законы природы — есть законы природы. Ты должна это признать.

Мы проехали несколько десятков метров в молчании, потом она ответила:

— С твоего разрешения, милорд, мир вовсе не таков, каким мы его хотим видеть. Он таков, каков есть. Нет, я немного упрощаю. Возможно, он действительно таков, каким он нам представляется, но и в этом случае он таков, каков есть. Le voilá! [1] Смотри, вот он перед тобой. Das Ding an sich! [2] Попробуй ее на зуб! Ai-je raison?[3] Я верно говорю?

— Так и я говорю то же самое! Вселенная такова, какова есть, и не может быть изменена какими-то фокусами. Она подчинена определенным законам, как подчинена им машина.— Я помолчал, вспомнив автомобиль, который у нас был когда-то. Это был явный ипохондрик. Он «заболевал» и «выздоравливал», как только механик дотрагивался до него. Я сказал твердо: — Законы природы не берут отпусков. Неизменность законов природы — краеугольный камень науки.

— Верно.

— Ну и...— потребовал я.

— Ну и тем хуже для науки.

— Но...— Я замолчал и ехал дальше обиженный и нахохлившийся.

[1] Вот так! (*фр.*).

[2] Вещь в себе (*нем.*).

[3] Не так ли? (*фр.*).

Потом нежная рука легла на мое плечо и погладила его.

— Рука крепкая, как шпага,— проговорила мягко Стар.— Милорд Герой, можно, я поясню?

— Валяй,— разрешил я.— Если ты убедишь меня, ты и папу римского сможешь обратить в мормонскую веру. Я упрям.

— Неужели я выбрала бы тебя из сотен миллиардов людей как своего рыцаря, не будь ты таков?

— Сотен миллиардов? Ты хочешь сказать, из миллионов?

— Выслушай меня, милорд, и будь снисходителен и терпелив. Давай поступим по правилам Сократа: я буду задавать тебе хитрые вопросы, а ты будешь давать на них простые ответы. Потом — твоя очередь спрашивать, а моя — подавать глупые реплики. О'кей?

— Ладно. Начинай первая.

— Отлично. Вопрос первый: что, обычаи дома Доралей совпадают с теми, которые существуют в твоем мире?

— Что?! Ты же знаешь, что нет. Никогда в жизни не был так поражен, с того самого времени, когда дочка причетника затащила меня на колокольню, пообещав показать Святого Духа.— Я глупо хмыкнул.— Я бы, наверно, до сих пор краснел, если бы не перегорели мои пробки скромности.

— И тем не менее главное различие между невианскими обычаями и вашими заключается в одном-единственном постулате. Милорд, существуют миры, где мужчины убивают женщин, как только те отложат яйца, существуют и другие — там женщины съедают мужчин в момент оплодотворения, как та мужеубийца, которую ты навязал мне в родственницы.

— Но я же не это имел в виду, Стар.

— И я не обиделась, мой любимый. Оскорбление — как выпивка — действует, лишь когда оно принято. А гордость — слишком тяжелый багаж для моего путешествия. У меня ее нет. Оскар, тебе те миры кажутся более странными, чем Невия?

— Ты же говоришь о пауках или о чем-то в таком роде. Это не люди.

— Нет, я говорю о людях, о доминирующих расах в каждом из этих миров. И притом высокоцивилизованных.

— Не может того быть!

— Ты бы воздержался от своего «не может того быть», если бы их увидел. Они так сильно отличаются от нас, что их семейная

жизнь уже не имеет для нас особого значения. Наоборот, Невия похожа на Землю, и тем не менее ваши обычаи так шокировали бы старого Джоко, что он лишился бы языка. Дорогой мой, твой мир имеет обычай, который уникален и не встречается нигде, вернее, ни в одной из Двадцати Вселенных, известных мне из тысяч или миллионов Вселенных. В известных мне Двадцати Вселенных только Земля обладает таким поразительным обычаем.

— Ты говоришь о войне?

— О, нет! Большинству миров война знакома. Только эта Невия... она одна из тех немногих, где убийство — дело розничное, а не оптовое. Тут есть герои, тут убийства возникают на почве страстей. Это мир любви и человекоубийства, причем и то и другое происходит с жизнелюбивой непринужденностью. Нет, я говорю о чем-то таком, что шокирует гораздо сильнее убийства. Попробуй догадаться сам.

— Гм... Телевизионные коммерческие передачи?

— Близко по духу, но от цели далеко. У вас есть такое выражение — «древнейшая профессия». Здесь и в других мирах она не числится даже в списке новейших. Никто о ней и не слыхивал, да и не поверит, если услышит. Мы — те немногие, кто побывал на Земле,— не говорим об этой профессии. Впрочем, это не имеет значения, кто же верит россказням путешественников?

— Стар, ты хочешь сказать, что во всей Вселенной больше нигде нет проституции?

— Во всех Вселенных, милый. Нигде.

— Ты знаешь, моего первого сержанта от такого известия мог бы хватить удар. Как, вообще нет?

— Я хочу сказать,— резко ответила она,— что проституция, видимо, чисто земное изобретение. Сама идея проституции могла бы довести Джоко до полной импотенции.

— Будь я проклят! Видимо, мы просто кучка дегенератов.

— Я не хотела тебя оскорбить, Оскар. Я придерживаюсь голых фактов. Но эта странность землян нисколько не кажется странной в земном контексте. Любой товар производится, чтобы быть проданным и купленным, он дается взаймы, сдается в аренду, служит для бартерных сделок, является основой существования всей системы торговых отношений, стимулируется государ-

ственной политикой, подвергается инфляции, реализуется на черном рынке, облагается законной пошлиной, обесценивается и т. д., а следовательно, и «женский товар», как его называли на Земле в менее ханжеские времена, не может служить исключением. Единственное, что вызывает удивление, так это чудовищная мысль, что женщина может рассматриваться как товар. Господи, это так удивило меня, что я однажды... Впрочем, это к делу не относится. Все можно сделать товаром. Когда-нибудь я покажу тебе цивилизации, существующие в космосе, не на планетах или на каком-либо другом фундаменте, а просто в космосе. Далеко не все Вселенные имеют планеты. Так вот, у этих цивилизаций глоток жизни продается так же, как килограмм масла в Провансе. На других же планетах существует такая перенаселенность, что привилегия жить облагается налогом, а малолетних преступников немедленно уничтожают в Министерстве Вечных Доходов, и никто из жителей не возражает, наоборот, все очень довольны.

— Боже мой! Да почему же?

— Смерть — единственное решение их проблем, поскольку большинство не может эмигрировать, несмотря на обилие незаселенных планет. Но мы с тобой говорили о Земле. Проституция не только не известна нигде, кроме Земли, но нигде не известны и ее мутационные производные: приданое, выкуп невесты, алименты, раздельное проживание, то есть все те варианты, которые так специфичны для многих земных институтов, все те обычаи, которые, иногда весьма отдаленно, связаны с невероятным предположением, что все, чем обладают женщины,— товар, который можно запасать впрок и продавать на аукционах.

Арс Лонга издала звук, говоривший об отвращении. Нет, я не думаю, что она что-нибудь поняла. Кое-что она понимает по-невиански, но Стар говорила на английском. Словарь невианского языка слишком беден для такой темы.

— Даже ваши вторичные обычаи,— продолжала она,— формируются под воздействием этого уникального института. Одежда, например. Ты заметил, что в Невии нет существенных различий между одеждой обоих полов. Сегодня утром я надела облегающие брюки, а ты — шорты, но если бы мы поменялись одеждой, никто бы не обратил внимания.

— Как же, не заметили бы! Твои штаны на меня не налезут.

— Они растягиваются. А стыд перед обнаженным телом — это же тоже следствие узкой половой специализации одежды! Здесь обнаженность так же обычна, как на том очаровательном маленьком островке, где я встретила тебя. Все лысые покрывают чем-то свою лысину, все остальные, независимо от прически, украшают свои волосы драгоценностями, но табу на обнаженное тело существует только там, где плоть является товаром, который упаковывают и помещают на витрину. И все это есть на Земле. Между прочим, все это близко таким вещам, как объявление «Грейпфруты руками не мять» или как двойное дно в ящиках для ягод. Если вам не намерены всучить какое-то гнильцо, то зачем прятать его под пологом таинственности?

— Следовательно, если мы откажемся от одежды, то разделаемся и с проституцией?

— Господи, да нет же! Ты все ставишь вверх ногами.— Она нахмурилась.— Я понятия не имею, как ликвидировать проституцию на Земле. Она, в сущности, часть всего вашего образа жизни.

— Стар, ты ошибаешься! В Америке проституции практически нет.

— В самом деле? — удивилась она.— Но разве слово «алименты» изобрели не в Америке? А такие слова, как «золотоискательница»?[1] «Девушка по вызову»?

— Да, но проституция как таковая почти вымерла. Черт возьми, я даже не знаю, как задать вопрос, есть ли публичный дом в каком-нибудь военном поселке. Не хочу сказать, что у нас негде «поваляться на сене», но это же не за деньги! Стар, если даже о какой-нибудь американке говорят, что она «легкого поведения», то, если ей предложат пять или двадцать долларов, в девяти случаях из десяти можно получить по морде.

— А как же это делается?

— Ну, ты обращаешься с ней вежливо. Ведешь ее поужинать, может быть, в театр. Покупаешь ей цветы — девушки их обожают. Ну а затем делаешь ей в деликатной форме предложение.

[1] Этим словечком именуют женщин, выходящих замуж с намерением вскоре развестись, получив изрядное обеспечение или крупные алименты.

— Оскар, разве этот ужин, театр, а возможно, и цветы не стоят больше пяти долларов? Или даже двадцати? Я слышала, что цены в Америке выше, чем во Франции.

— Да, конечно. Но нельзя же ожидать, что тебе стоит лишь раскланяться, как девушка тут же готова лечь. Толстый кошелек...

— Все! Обвинительное заключение вручено. Все, что я говорила, сводится к одному: обычаи могут резко отличаться в различных мирах.

— Это верно даже для Земли... Но...

— Пожалуйста, не торопись, милорд. Я не буду оспаривать достоинства американок и не буду их критиковать. Если бы я выросла в Америке, думаю, потребовала бы как минимум бриллиантовый браслет, а не ужин или киношку. Но все это лишь подходы к вопросу о законах природы. Разве презумпция неизменности законов природы не является ничем не обоснованной даже на Земле?

— Ну... Ты неправильно формулируешь. Это действительно презумпция, насколько я понимаю. Но пока не было случая, чтобы она не подтвердилась.

— Значит, черных лебедей не бывает? Разве не может быть, что исследователь, увидев исключение, предпочтет не поверить собственным глазам? Точно так же, как ты не хочешь поверить, что Игли съел самого себя при твоей помощи, мой Герой. Впрочем, не в этом дело. Давай оставим Сократа его Ксантиппе. Законы природы могут быть неизменны в пределах какой-то Вселенной, особенно из категории «устойчивых». Хорошо известно, однако, что законы природы варьируются от Вселенной к Вселенной, и тебе следует смириться с этим, милорд, иначе никто из нас долго не проживет.

Я задумался. Черт, но куда же в самом деле девался Игли?

— К такой мысли трудно привыкнуть!

— Не более трудно, чем свыкнуться со сменой языков и обычаев при переезде из одной страны в другую. Скажи, как много химических элементов на Земле?

— Девяносто два да еще несколько производных, так что всего сто шесть или сто семь.

— В Невии примерно столько же. Тем не менее земной химик испытал бы здесь сильный шок. Электроны тут не вполне те же и

ведут себя не совсем так, как на Земле. Водородная бомба здесь не сработает, динамит не взорвется.

Я воскликнул громче, чем требовалось:

— Подожди-ка! Уж не хочешь ли ты доказать, если смотреть в корень, что электроны и протоны тут не такие?

Она пожала плечами.

— Может — да, а может — нет. А что такое электрон, как не математическая абстракция? Ты какой-нибудь из них пробовал на вкус? Пытался насыпать соли на хвост кванту? Разве в этом дело?

— Конечно, в этом! Ведь человек может умереть от нехватки некоторых элементов так же легко, как от отсутствия хлеба!

— Это правда. В некоторые миры мы, люди, должны брать с собой пищу, когда отправляемся туда, ну, например, если нам необходимо туда попасть для пересадки с места на место. Но в Невии и в каждой из Вселенных и бесчисленных планет, где живем мы, люди, нам нет нужды беспокоиться: местная пища вполне пригодна для еды. Конечно, если бы ты жил тут долгие годы, а потом вернулся на Землю и вскоре умер там и было бы сделано вскрытие, то патологоанатом, должно быть, не поверил бы своим глазам. Однако желудку до этого дела нет.

Я подумал о своем желудке, набитом удивительной пищей, о воздухе — чистом и прекрасном... Телу моему явно было безразлично, существуют ли те различия, о которых говорила Стар. Затем я вспомнил об одном деле, где мелкие отклонения могут вызвать важнейшие последствия. Я спросил Стар об этом.

Ее взгляд был светел и невинен:

— А что тебе до этого, милорд? Когда у Дораля возникнут проблемы, тебя уж тут давно не будет. Я считала, что все эти три дня у тебя была лишь одна цель — помочь мне в решении моей задачи. Получая известное удовольствие от этой работы, ты отдался ей душой и телом...

— Дьявольщина, да прекрати ты смеяться надо мной, Стар! Правильно, я все это делал ради тебя! Но поинтересоваться-то все-таки можно?

Она хлопнула меня по мягкому месту и захихикала:

— Ох, мой милый, мой родной! Не надо так напрягаться — человеческие расы во всех Вселенных могут скрещиваться. Не-

которые результаты такой операции очень хороши, в других случаях дело кончается тем же, чем у мулов. Но этот случай — иной. Ты можешь жить в Невии сколько угодно долго, даже вообще не возвращаться на Землю. И ты не стерилен, это я установила во время осмотра твоего великолепного тела в Ницце. Разумеется, прогнозировать с точностью, как лягут игральные кости, нельзя, но думаю, у Дораля не будет оснований для разочарования.

Она склонилась ко мне:

— А не ознакомишь ли ты своего врача с более точными данными, чем те, о которых распевал Дораль? Тогда бы я могла определить статистическую вероятность. Или даже воспользоваться Знанием.

— Ни в коем случае! Нечего тут вынюхивать!

— Вынюхивать? Вот даже как? Ну, как угодно милорду. Тогда если отрешиться от личностей, то факт возможности скрещивания людей различных рас из разных Вселенных, равно как и таких животных, как кошки и собаки,— вопрос в высшей степени интересный. Единственное, что установлено точно,— это то, что человеческие существа процветают лишь во Вселенных, обладающих химическим обменом столь сходным, что элементы, составляющие ДНК, практически неразличимы.

Что же до остального, то у каждого ученого — свои гипотезы. Некоторые прибегают к теологическим объяснениям, считая, что человек возникал в каждой Вселенной, которая могла обеспечить его развитие, как результат или Божественного Промысла, или Слепой Необходимости, что заставляет последователей этих учений принимать религию в чистом виде или разбавлять ее содовой водичкой.

Другие думают, что мы возникли (или сотворены) лишь однажды и только потом постепенно проникали в другие Вселенные. Они очень любят рассуждать о том, какая именно Вселенная была родиной Человечества.

— А какие тут могут быть споры? — возразил я.— Земля обладает археологическими доказательствами, рисующими всю эволюцию человека. Другие планеты или имеют такие же, или — нет, так что вопрос должен решаться просто.

— Ты уверен, милорд? Я слышала, что генеалогическое древо человека на Земле имеет не меньше пунктирных линий, чем число бастардов в королевских семействах Европы.

Я опять заткнулся. Я ведь читал только научно-популярные брошюрки, так что, возможно, она права. Раса, которая не может выяснить, кто и что именно сделал кому-то в войне, случившейся лишь двадцать лет назад, уж конечно, не может знать, что какой-нибудь Алле-Оп сделал третьей горничной миллионы лет назад, поскольку от доказательств осталась лишь одна косточка. А подделок разве не было? Этот... Пилтдаунский человек или как его там...

Стар продолжала:

— Какова бы ни была истина, но между мирами существуют связи. На твоей собственной планете исчезновения людей исчисляются сотнями тысяч. И это отнюдь не одни беглецы и мужья, бросившие жен. Чаще всего исчезновения происходят на полях сражений. Давление становится столь невыносимым, что человек проваливается сквозь дыру, о которой и не подозревал, и оказывается в списках пропавших без вести. Иногда, но очень редко, другие люди наблюдают такие исчезновения. Один из ваших писателей — Бирс или Пирс — коллекционировал подобные истории, пока сам не попал в такую коллекцию.

Но Земля имеет и обратные связи, например, известный Каспар Хаузер — человек ниоткуда, говоривший на непонятном языке и так и не поведавший, кто он такой.

— Минутку! Но почему только люди?

— А я не говорила «только люди». Тебе приходилось слышать о дождях из лягушек? Из камней? О кровавых дождях? Кто будет интересоваться местом рождения бродячего кота? Все ли «летающие тарелки» — оптическая иллюзия? Могу твердо сказать, что нет. Некоторые из них — несчастные астронавты, ищущие дорогу домой. Мой народ редко прибегает к космическим путешествиям, так как передвижение быстрее света — самый надежный способ заблудиться между Вселенными. Мы предпочитаем более безопасный метод метафизической геометрии, или «магии» в просторечии.— Стар задумалась, а потом сказала: — Милорд, твоя Земля — возможный Дом Человечества. Так считают многие ученые.

— Почему?

— Она соприкасается со многими мирами. Занимает первое место в списке по числу пересадочных мест. Если народы Земли сделают ее непригодной для жизни, что маловероятно, но возможно, то будут разорваны связи со многими Вселенными. Земля имела свои «Круги Фей», «Врата» и «Мосты» на протяжении множества веков. Врата, которыми мы пользовались в Ницце, существуют как минимум с доримских времен.

— Стар, как можно говорить о точках «соприкосновения» Земли с другими мирами, якобы существующими множество столетий? Ведь Земля движется вокруг Солнца со скоростью что-то вроде 20 миль в секунду. Кроме того, она вращается вокруг своей оси, на нее оказывают воздействие другие тела Солнечной системы, что делает ее орбиту невероятно сложной, а скорость движения трудновычислимой. Как же можно обеспечить «постоянство касания»?

Некоторое время мы ехали молча, потом Стар спросила:

— Мой Герой, сколько времени тебе потребовалось, чтобы изучить дифференциальное исчисление?

— Я его не изучил. А учился ему два года.

— Скажи мне, частица может быть волной?

— Что? Стар, это же квантовая механика, а не дифференциальное исчисление. Я мог бы попытаться объяснить, но это бессмысленно. Я же плохо владею высшей математикой — инженеру это не нужно.

— Было бы проще,— сказала она мягко,— ответить на твой вопрос словом «магия», как ты ответил мне термином «квантовая механика». Но ты это слово не любишь, поэтому мне придется сказать, что после того, как ты изучишь высшую геометрию, метафизическую, вероятностную, равно как топологическую и здравомысленную,— если ты решишься предпринять это,— я тебе с удовольствием отвечу. Впрочем, тогда тебе уже незачем будет и спрашивать.

(Вам когда-нибудь говорили: «Подожди, пока вырастешь, тогда и поймешь»? Я в детстве не любил получать такой ответ от взрослых, каково же мне было услышать его сейчас, когда я давно вырос, да еще от любимой!)

Стар не позволила мне погрузиться в мрачное состояние и переменила тему:

— Скрещивание происходит не только в результате внезапных перемещений или космических перелетов. Слышал ли ты когда-нибудь об инкубах и суккубах?

— Разумеется. Только никогда не забивал голову мифами.

— Это не мифы, милый, сколько бы раз легенды ни использовались для объяснения весьма непривлекательной ситуации. Колдуны и колдуньи далеко не всегда святые, и у некоторых из них появляется страсть к насилию. Колдуны, узнавшие, как отворяются Врата, могут легко удовлетворить свой порок. Он — или она — могут напасть на спящего, девственницу, добродетельную жену, невинного мальчика и подчинить их волю, а потом исчезнуть до крика петуха.— Стар вздрогнула.— Грех во всем своем безобразии! Если мы их ловим, то убиваем на месте. Мне посчастливилось схватить нескольких и уничтожить. Это страшный грех, даже если жертве начинает нравиться ее судьба.— Ее снова передернуло.

— Стар, а каково твое определение греха?

— А разве их несколько? Грех — это жестокость, несправедливость, все остальное — пустяки. О, понятие греха идет от нарушения обычаев твоего племени. Но нарушение обычая — не есть грех, даже если ощущается как таковой. Грех — причинение вреда другому человеку.

— А как же грех перед Господом Богом?

Она бросила на меня быстрый взгляд:

— Опять бреем брадобрея? Тогда скажи, милорд, что ты понимаешь под богом?

— Я просто хотел услышать, как ты выберешься из ловушки.

— Ну, в такую-то ловушку я не попадаюсь уже многие-многие годы. Это для меня все равно что попытаться сделать выпад с вывихнутой рукой или войти в пентаграмму одетой. Кстати о пентаграммах, милорд. Мы едем не в том направлении, в каком намечали три дня назад. Теперь мы направляемся к другим Вратам, которыми я не намеревалась воспользоваться. Они более опасны, но тут уж выбирать не приходится.

— Моя вина. Я очень сожалею, Стар.

— Это моя вина, милорд. Но мы не в полном проигрыше. Когда мы потеряли наш багаж, я была в большем отчаянии, чем могла позволить себе показать, хотя я всегда чувствую себя плохо,

когда перевожу огнестрельное оружие через мир, где к нему нельзя прибегать. Но наша складная шкатулка заключала в себе кое-что гораздо более важное, чем оружие,— вещи, без которых мы становились беззащитными. Время, которое ты потратил на излечение сердечных ран дам дома Дораля, я, частично во всяком случае, использовала, чтобы выудить у Джоко новую шкатулку, в которой есть все, что может пожелать душа, кроме огнестрельного оружия. Так что у нас — не одни потери.

— Мы направляемся в другой мир?

— И не позже завтрашнего утра, если доживем до него.

— Какого черта, Стар! Вы с Руфо разговариваете так, будто каждый вздох может быть последним.

— Именно так и может произойти.

— Но сейчас-то ты не ждешь засады! Мы все еще находимся на земле Дораля. Однако Руфо полон страшных предчувствий, как в плохой мелодраме. Да и ты не многим лучше его.

— Очень сожалею. Руфо волнуется, но он — именно тот человек, которого хорошо иметь за спиной, когда начнется потасовка. Что касается меня, то я стараюсь быть честной, милорд, и предупреждать тебя о том, что ждет нас впереди.

— Ну, пожалуй, ты меня скорее сбиваешь с толку. Не думаешь ли ты, что уже пришло время выложить карты на стол?

Стар была в явном затруднении.

— А если первой из них окажется «Повешенный»?[1]

— Плевать! Я могу встретить опасность, не падая в обморок.

— Знаю, что можешь, мой рыцарь!

— Спасибо. Но незнание задачи угнетает меня. Поэтому — говори!

— Я отвечу на любой твой вопрос, милорд Оскар. И всегда была готова ответить.

— Но ты же знаешь, что мне неизвестно, какие именно вопросы следует задать. Возможно, почтовому голубю и не надо знать, из-за чего идет война, но я чувствую себя воробьем в роли волана в бадминтонном матче. Поэтому начнем сначала.

[1] Карта в колоде гадальных карт Таро, означающая самопожертвование.

— Как прикажешь, милорд... Около семи тысяч лет назад...— Стар замолчала.— Оскар, ты хочешь узнать все перипетии положения мириадов миров Двадцати Вселенных в течение многих тысяч лет, приведших к нынешнему кризису, сейчас же? Я постараюсь, если ты прикажешь, но даже дать общее представление об этом можно только за гораздо большее время, чем у нас осталось, чтобы пройти через Врата. Ты мой рыцарь, сама моя жизнь зависит от твоей храбрости и умения. Тебе нужно знать все изгибы политики, лежащей за моим теперешним бессилием и за почти безнадежным, если исключить надежду на тебя, будущим, или я могу остановиться на тактический оценке ситуации?

(Черт их возьми! Я хочу знать все!)

— Ладно, давай ограничимся тактической стороной. Пока.

— Обещаю,— сказала она серьезно,— что, если мы останемся живы, ты узнаешь все детали. Ситуация же такова: я собиралась пересечь долину Невии на лодке, затем добраться до гор и проникнуть во Врата, расположенные за Вечными вершинами. Этот путь безопасен, хотя и длинен. Теперь мы должны торопиться. Мы свернем с дороги после полудня и поедем через дикую местность, и местность еще худшую в ночное время. К тамошним Вратам мы должны добраться до рассвета. Если повезет, сможем немного поспать. Я надеюсь на это, так как через эти Врата мы перенесемся в другой мир к еще более опасному «выходу».

Попав в тот мир — а он называется Хокеш или Карт — в Карт-Хокеш, мы окажемся вблизи, даже опасной близи от высокой башни — высотой около мили,— и тут-то и начнутся главные трудности. В башне находится Никогда-Не-Рожденный Пожиратель Душ.

— Стар, ты хочешь меня запугать?

— Предпочитаю, чтобы ты испугался здесь, если это возможно, а не был захвачен врасплох там. Моя мысль, милорд, такова, что об опасностях надо предупреждать по мере их появления, чтобы ты смог преодолевать их по очереди. Но ты почти силой заставил меня действовать иначе.

— Возможно, ты права. Сделаем так — ты будешь сообщать мне детали каждый раз, когда начнется дело, а пока изложи мне все лишь в общих чертах. Итак, я должен буду сразиться с Пожирателем Душ, да? Это меня не пугает. Если он попытается слопать мою, его стошнит. Чем я буду с ним драться? Плевками?

— Это один из способов,— на полном серьезе ответила Стар.— Но при удаче мы не будем с ним драться вообще. Нам нужно только то, что он охраняет.

— А что это?

— Яйцо Феникса.

— Феникс не откладывает яиц.

— Знаю, милорд. Это и делает яйцо уникально ценным.

— Но...

Она перебила меня:

— Так оно называется. Это небольшой предмет, чуть больше яйца страуса, черного цвета. Если я его не получу, произойдет много бед. Из них самая малая — я умру. Я говорю об этом, так как тебе это обстоятельство может показаться значительным, да и сказать эту правду легче, чем разъяснять проблему в целом.

— Ладно. Мы украли Яйцо. Что дальше?

— Дальше — мы едем домой. После этого ты можешь отправиться обратно в свой мир. Или остаться в моем. Или отправиться, куда хочешь, через Двадцать Вселенных и мириады миров. Все, что тебе захочется, все сокровища — твои. Ты заработал право на все и даже больше того... А также на мою невыразимую благодарность и на все, что ты от меня захочешь получить.

(Самый щедрый чек на предъявителя, который когда-либо выписывался, если, конечно, мне удастся его предъявить к оплате.)

— Стар, ты, по-видимому, не думаешь, что мы выживем?

Она глубоко перевела дух:

— Это маловероятно, милорд. Говорю тебе правду. Сделанная мной ошибка заставляет прибегнуть к очень опасной альтернативе.

— Понятно. Стар, ты выйдешь за меня замуж? Сегодня же?

(Да, пойми этих женщин!)

— Эй, полегче! Не падай! — Правда, упасть она не могла — предохраняющий ремень хорошо ее держал. Она только перевесилась через него. Я наклонился и обнял ее за плечи.— И перестань плакать. Ответь мне просто — да или нет, я же все равно буду драться за тебя. Ох, я забыл! Я люблю тебя. Во всяком случае, думаю, что это любовь. Странное щекочущее чувство возникает каждый раз, когда я вижу тебя или думаю о тебе, что бывает чаще.

— Я тоже люблю тебя, милорд,— голос Стар слегка охрип.— Люблю с тех пор, как впервые увидела тебя. Да, «странное щекочущее чувство», как будто у меня внутри все тает.

— Ну, у меня не совсем так,— признался я.— Скорее совсем наоборот, но означает оно то же самое. Щекотно, во всяком случае. Бросает в дрожь и в жар. Так как насчет того, чтобы пожениться?

— Но, милорд, любовь моя, ты, как всегда, меня поражаешь. Я знала, что ты любишь меня. Надеялась, что ты скажешь мне об этом до того... ну, в общем, вовремя. Дай мне услышать это еще раз. Но я никак не ожидала, что ты захочешь на мне жениться!

— А почему бы и нет? Я — мужчина, ты — женщина. Дело обычное.

— Но... О, мой любимый, я же говорю тебе... На мне вовсе не обязательно жениться! По твоим представлениям, я — стерва.

— Стерва, колдунья, ну и что? Да пес с ним, радость моя! Это твой мир, а не мой. Ты почти убедила меня, что правила, в которых я был воспитан,— варварские, а твои — первый сорт. Лучше высморкайся, погоди-ка, у меня где-то был носовой платок...

Стар вытерла глаза и высморкалась, но вместо ожидаемого «да, милорд» она уселась поудобнее и даже не улыбнулась.

— Милорд Герой, а не лучше ли вам попробовать рюмку вина перед тем, как покупать целую бочку?

Я сделал вид, что не понял.

— Пожалуйста, милорд, мой любимый,— настаивала она.— Я говорю серьезно. Вон там, по твою сторону дороги, чуть дальше по курсу, есть зеленая лужайка. Веди меня туда, и я тут же, и охотно, последую за тобой.

Я привстал в кресле и притворился, что изучаю лужок.

— По-моему, там колючки. Будут царапать.

— Тогда выбери по своему вкусу. Милорд, я хочу, я жажду, я не безобразна, но ты вскоре узнаешь, что я — всего лишь уличный маляр в сравнении с теми художниками, которых ты еще встретишь. Я деловая женщина. У меня не было времени заняться глубоким изучением любви, как она того заслуживает. Поверь мне! Нет, лучше испытай меня! Ты же не уверен, что в самом деле хочешь жениться на мне.

— Значит, ты фригидна и неуклюжа?

— Нет... так бы я не сказала... Просто не очень искусна, но полна энтузиазма.

— Ага, как твоя тетка со своей набитой спальней, это у вас в крови, ты говорила. Давай остановимся на том, что я хочу жениться на тебе, несмотря на все твои очевидные недостатки.

— Но...

— Стар, ты что-то много стала болтать.

— Да, милорд.

— Нам нужно вступить в брак. Как тут это делается? Может быть, местный лорд по совместительству является и мировым судьей? А если да, то не пользуется ли он правом droit du seigneur? У нас нет времени на такие фривольности.

— Каждый сквайр — действительно мировой судья,— в раздумье сказала Стар.— И он действительно заключает браки, хотя большинство жителей Невии обходятся без них. Но... да, он и в самом деле будет ожидать выполнения droit du seigneur, и, как ты справедливо заметил, мы не должны терять времени.

— Да это и не входит в мои представления о медовом месяце. Стар, погляди на меня. Я не собираюсь держать тебя в клетке, знаю, ты воспитана иначе. Но сквайра мы искать не будем. А есть тут что-нибудь вроде священников? Только желательно таких, что хранят целомудрие.

— Видишь ли, сквайр — одновременно и священник. В Невии религия не занимает большого места. Молитва о плодородии — вот и все, что их интересует. Милорд, любовь моя, самый простой способ — прыгнуть через шпагу.

— Такова церемония в твоем мире, Стар?

— Нет, скорее это в твоем:

> Шлюха, скачи же, прыгай же, вор —
> Будьте супругами вы с этих пор.

Это очень древний обряд.

— М-м-м... Не очень-то по душе мне такой брачный гимн. Возможно, я и разбойник, но мне хорошо известно, что ты думаешь о шлюхах. А что еще предложишь в этом плане?

— Дай подумать. В деревушке, которую мы будем проезжать после завтрака, есть Глашатай. Они иногда женят горожан, которые хотят, чтобы слух об их свадьбе распространился как можно шире. Брачная церемония включает распространение слухов.

— А что за церемония?

— Не знаю. Да и что нам до этого? Мы же все равно будем мужем и женой.

— Молодец! Вот это по-нашему! Не будем завтракать!

— Нет, милорд,— твердо сказала Стар.— Уж если я стану твоей женой, то постараюсь быть хорошей хозяйкой и не позволю тебе ходить голодным.

— Уже начинаешь пилить меня! Придется, видно, тебя поколотить.

— Как вам заблагорассудится, милорд. Но есть все же придется, ведь тебе потребуются все силы для...

— Ну еще бы!

— ...для битвы. Ибо сейчас я в десять раз больше хочу, чтобы мы оба остались в живых. А вот и местечко для завтрака!

И Стар повернула Виту Бревис к обочине. Арс Лонга последовала за ней. Стар глянула на меня через плечо, на щеках у нее появились ямочки.

— Я тебе уже говорила сегодня, любовь моя, что ты прекрасен?

Глава 11

Многоножка Руфо последовала за нами на покрытую травой лужайку, выбранную Стар для пикника. Сам Руфо своей вялостью больше всего напоминал мокрый носок, но храпел громко. Я бы не трогал Руфо, но Стар крепко встряхнула его за плечо.

Он моментально проснулся, начал искать шпагу, крича:

— A moi! M'aidez! Les vaches![1] — К счастью, какой-то доброжелатель положил шпагу с перевязью подальше на заднюю багажную полку, вместе с луком, колчаном и новой раскладной шкатулкой.

Потом Руфо тряхнул головой и спросил:

— Сколько их тут было?

— Это было далеко отсюда, старина,— весело ответила Стар.— Мы остановились поесть.

[1] Ко мне! На помощь! Фараоны! (*фр.*)

— Есть! — Руфо сглотнул, и его всего передернуло.— Ради бога, миледи! Избавьте меня от ваших непристойностей! — Он что-то сделал со своим поясом безопасности и выпал из седла. Я успел подхватить его.

Стар порылась в своей сумочке, вынула из нее флакон и протянула Руфо. Тот отшатнулся:

— Миледи!

— Ну что, мне самой зажать тебе нос? — ласково спросила она.

— Сейчас буду в полном порядке... дайте мне только минуту... и чего-нибудь покрепче...

— Разумеется, сейчас ты будешь в порядке! Попросить милорда Оскара, чтобы он придержал тебя за руки?

Руфо жалобно посмотрел на меня. Стар открыла пузырек. Его содержимое запенилось, из горлышка бурно пошел дым.

— Ну же!

Руфо весь перекосился, заткнул нос и выпил до дна.

Не буду утверждать, что из ушей Руфо пошел дым. Но его затрясло, словно брезент на веревке во время грозы, раздались какие-то ни на что не похожие звуки. Затем он как-то вдруг снова оказался в фокусе, как телевизионное изображение. Теперь он стал явно больше по весу, на несколько дюймов выше ростом и несравненно более устойчив. Его кожа приобрела ярко-розовый оттенок вместо прежнего мертвенно-бледного.

— Благодарю, миледи! — сказал он весьма живо, и голос его был чист и свеж.— Надеюсь когда-нибудь отплатить вам той же монетой.

— Разве что когда греки снова начнут отсчитывать время по календам,— согласилась Стар.

Руфо отвел многоножек в сторонку, накормил их, открыв шкатулку и достав оттуда большие куски свежего мяса. Арс Лонга съела не меньше полцентнера, Вита Бревис и Морс Профунда — еще больше. В пути эти животные требуют высокобелковой диеты. Закончив эту работу, Руфо присвистнул и стал готовить стол и стулья для Стар и меня.

— Цветочек,— спросил я Стар,— а что это еще за оживитель?

— Это старый семейный рецепт:

Зев ехидны, клюв совиный,
Глаз медянки, хвост угриный,
Шерсть кожана, зуб собачий
Вместе с пастью лягушачьей...

— Шекспир, «Макбет».

— ...Вслед за жабой в чан, живей... Нет, милорд, Уилл получил его от меня. Такой уж народ эти писатели — тянут все, что плохо лежит, стачивают напильником заводские серийные номера, а потом говорят, что это ими придумано. Я же получила рецепт от моей тетушки — другой, той, что была профессором медицины по внутренним органам. Стишок облегчает запоминание, настоящие же ингредиенты куда сложнее, ведь никто не знает, когда именно тебе может понадобиться лекарство от похмелья. Я составила его вчера вечером, зная, что Руфо, хотя бы ради целости наших драгоценных шкур, должен быть сегодня в отличной форме. На всякий случай, любовь моя, я приготовила две порции — одну в расчете на тебя. Ты ведь привык прощаться с нашей аристократией в весьма поздний час.

— Семейный недостаток. Ничего не могу поделать.

— Завтрак готов, миледи.

Я предложил Стар руку. Горячие блюда были горячи, холодные закуски — охлаждены. Эта новая шкатулка ярко-зеленого цвета с чеканным изображением герба Дораля имела приспособления, отсутствовавшие у потерянной. Все было безумно вкусно, а вина — превосходны.

Руфо ел с аппетитом за своим столиком и внимательно поглядывал на нас. Когда он подошел к нашему столу, чтобы добавить вина в салат, я выложил ему новости:

— Руфо, старый товарищ, миледи Стар и я сегодня сочетаемся браком. Прошу тебя быть моим шафером и оказать помощь в этом деле.

Бутылка выпала из рук Руфо.

Потом он принялся обтирать меня и вытирать стол. Когда же он наконец закончил, то заговорил, обращаясь исключительно к Стар.

— Миледи,— с трудом выговорил он.— Я мирился со многим и ни разу не жаловался, по причинам, о которых я умолчу. Но сейчас вы зашли слишком далеко. Я не позволю...

— А ну-ка, прикуси язычок!

— Да,— согласился я,— прикуси, а то я возьму нож и отрежу кусок. Что мы с ним сделаем? Зажарим? Отварим?

Руфо взглянул на меня, потом резко повернулся и ушел к своему столику. Стар сказала тихонько:

— Милорд, любовь моя, мне очень жаль.

— Что это? Кто его укусил? — Затем в голову пришло самое вероятное: — Стар! Руфо ревнует?

Она ужасно удивилась, начала хохотать, потом тут же остановилась:

— Нет, нет! Дело совсем в другом. Руфо... Ладно, у Руфо свои странности, но на него можно положиться в главном. А он нам сейчас просто необходим. Не обращай внимания. Прошу тебя, милорд.

— Как прикажешь. Для того чтобы я перестал себя чувствовать счастливым в такой день, потребуется нечто более существенное.

К столу Руфо вернулся с уже ничего не выражающим лицом и продолжал прислуживать нам. Затем, не говоря ни слова, сложил багаж, и мы тронулись в путь.

Дорога привела нас к деревенскому выпасу. Здесь мы оставили Руфо и пошли разыскивать Глашатая. Его лавочка находилась в косом переулке, где обнаружить ее было довольно легко. Подмастерье Глашатая бил в барабан прямо у входа, выкрикивая выборку из сплетен толпе местных жителей. Мы растолкали толпу и вошли в дом.

Сам Глашатай сидел за столом, держа в каждой руке по бумаге. Третий манускрипт служил подставкой для его ног, покоившихся на столешнице. Он поднял глаза, быстро опустил ноги на пол, вскочил, шаркнул ножкой и жестом указал нам на кресла.

— Входите, входите, Ваши Благородия,— разливался он.— Вы оказываете мне огромную честь, это великий для меня день. И тем не менее, если осмелюсь так выразиться, вы явились по правильному адресу, какова бы ни была ваша проблема и в чем бы вы ни нуждались, вам нужно только намекнуть: хорошие новости плохие новости новости любого сорта кроме печальных отмывание пятен с репутаций события прихорашивающие историю прославление заново осмысленных великих дел качество любой работы

гарантируется старейшим агентством новостей в Невии новости из всех миров всех Вселенных становление или ликвидация пропаганды или изменение каналов ее распространения гарантируется полное удовлетворение всех желаний заказчиков честность лучшая политика но клиент всегда прав не говорите ничего я все знаю все знаю у меня глаза в каждой кухне и уши в каждой спальне вы без сомнения Герой Гордон и ваша слава милорд не требует герольдов но я польщен что вы разыскали меня вероятно из благородных побуждений биографического характера чтобы биография соответствовала вашим несравненным деяниям например старая нянюшка которая вспомнит своим тоненьким стареньким но убедительным голоском все знамения и предзнаменования предшествовавшие вашему рождению...

— Мы хотим вступить в брак,— врубилась Стар в его речь.

Рот Глашатая захлопнулся, он бросил острый изучающий взгляд на талию Стар, за что чуть не схлопотал от меня хорошую плюху.

— Какое удовольствие иметь дело с клиентами, которые знают, чего хотят! Я с радостью поддержу такое начинание, как имеющее огромное общественное значение. Все эти новомодные бегства с любимыми, гражданские браки и внебрачные ласки даже без поздравлений и благословений парочки родных и знакомых лишь содействуют росту налогов и сокращению доходов, уж это точно. Я сам глубоко сожалею, о чем неоднократно говаривал своей жене, что у меня не нашлось времени жениться. Теперь, что касается дальнейших планов, то если я могу внести свои скромные предложения...

— Мы хотим повенчаться по законам Земли.

— А, очень разумно...— Глашатай повернулся к шкафу, стоявшему рядом со столом, и покрутил наборный диск. Подождав немного, сказал:

— Извините, пожалуйста, Ваши Благородия, но мой мозг перегружен миллионами различных фактов — больших и малых и... как вы сказали... это название начинается с буквы З?

Стар подошла к шкафу, внимательно рассмотрела диск и покрутила его.

Глашатай только хлопал глазами.

— Ах, это та Вселенная? У нас о ней так редко спрашивают. Я часто сожалею, что у меня нет времени на путешествия... все дела, дела, дела... Библиотека!

— Слушаю, мастер,— раздался голос.

— Планета Земля, брачные обычаи... Большое З, потом тета,— и он добавил еще пять групп чисел.— Да побыстрее!

Через несколько минут в комнату вбежал подмастерье с тонким свитком в руках.

— Библиотекарь сказал, что с этим надо поосторожнее... Сказал, что это очень опасно. Он велел...

— Заткнись! Прошу прощения у Ваших Благородий.— Глашатай вложил свиток в читальную машину и начал сканировать.

Глаза у него полезли из орбит, он приник к экрану.

— Невероятно! Удивительно! — На какое-то время он, казалось, забыл о нашем присутствии и только время от времени издавал возгласы: — Поразительно! Фантастика! — и тому подобное.

— Мы очень торопимся,— дотронулся я до его локтя.

— А? Да, да, милорд Герой Гордон, а также миледи.— Глашатай без всякой охоты оторвался от сканера и сложил ладони у груди.— Вы пришли именно туда, куда надо. Ни один другой Глашатай Невии, полагаю, не смог бы осуществить проект такого значения. Сейчас, думаю, впрочем, это лишь очень приблизительное умозаключение, для организации свадебной процессии нам придется созвать всех жителей из сельской округи, но для карнавала нужно будет использовать только горожан, если вы хотите, чтобы последний был скромен в соответствии с вашей репутацией любителей скромности и простоты. Итак, скажем, один день на процессию и минимум две ночи для карнавала с гарантированным уровнем шума...

— Хватит!!!

— Милорд? Я же не собираюсь извлекать из этого выгоду! Это будет художественная работа, любовно исполненная — только оплата издержек и маленькая сумма сверх — для вознаграждения моего начальства. Кроме того, как профессионал, скажу, что самоанский обычай, предшествующий свадьбе, более тонок, более трогателен, нежели вовсе не обязательный зулусский. Что касается привнесения некоторого элемента юмора, то это бесплатно. Одна

из моих служащих находится сейчас как раз на седьмом месяце, и она с восторгом примет поручение вбежать по церковному проходу и прервать церемонию бракосочетания. Затем нам следует решить вопрос о свидетелях успешного завершения брачных отношений и сколько их понадобится с обеих сторон. Впрочем, этот вопрос может быть отложен на недельку. Нам в первую очередь нужно подумать об украшении улиц и о...

— Пошли отсюда! — Я взял Стар за руку.

— Конечно, милорд,— согласилась она. Глашатай гнался за нами, громко вопя о нарушении контракта. Пришлось положить руку на эфес и показать ему шесть дюймов клинка. На этом торг и закончился.

Руфо, казалось, перестал сердиться и успокоился; он вежливо и даже мило приветствовал нас. Мы сели на коней и поскакали. Когда мы проехали с милю в восточном направлении, я сказал:

— Стар, дорогая!

— Что, милорд, любовь моя?

— Этот прыжок через шпагу — в самом деле брачная церемония?

— Очень древняя, милорд. Думаю, относится ко времени Крестовых Походов.

— Считаю, что слова нуждаются в модернизации:

Скачи же, Принцесса, прыгай же, вор —
Моя жена ты навек с этих пор.

Тебя так устроит?

— Да, да!

— Но ты вторую строчку скажешь так: «Твоя жена я навек с этих пор». Поняла?

— Да, да, да, любовь моя,— воскликнула Стар.

Мы оставили Руфо с многоножками и, ничего ему не говоря, взобрались на невысокий лесистый холм. Невия прекрасна вся, и ни одна консервная банка или использованная бумажная гигиеническая салфетка фирмы «Клинекс» не марают эту райскую красоту, но это место было настоящим храмом под открытым небом: покрытая нежнейшей травой лужайка, окруженная аркадами деревьев,— восхитительное убежище для влюбленных.

Я обнажил свою шпагу, оглядел ее, ощущая сказочную сбалансированность клинка, на котором легкие удары молота мастера-оружейника оставили лишь слабую рябь.

— Прочти девиз, Стар.

Она разобрала надпись: «Dum vivimus, vivamus!» — «Пока мы живы, будем жить!»

— Да, да, моя любовь! — Она поцеловала клинок и отдала его мне. Я положил шпагу на землю.

— Помнишь текст?

— Он навечно в моем сердце.

Я взял ее за руку.

— Прыгай выше. Раз... Два... Три!

Глава12

Когда я свел новобрачную вниз по склону того благословенного холма, обнимая ее за талию, Руфо помог нам сесть на «лошадей». Никаких комментариев с его стороны не последовало. Вряд ли он пропустил мимо ушей, что Стар теперь обращалась ко мне словами «милорд муж». Руфо поехал за нами, соблюдая почтительное расстояние, чтобы не слышать нашу беседу.

Около часа мы ехали, держа друг друга за руки. Каждый раз, когда я видел лицо Стар, она улыбалась, если же она встречала мой взгляд, то на ее щеках появлялись ямочки. Раз я спросил:

— Скоро ли начнется опасный отрезок пути?

— Когда мы свернем с дороги, милорд муж.

Проехали еще с милю. Наконец Стар застенчиво обратилась ко мне:

— Милорд муж?

— Что, жена?

— Ты все еще думаешь, что я фригидна и неуклюжа?

— М-м-м...— промычал я, как бы обдумывая каждое слово.— «Фригидная» — нет, честно говоря, я это утверждать не могу. А «неуклюжая»... ну, в сравнении с такой артисткой своего дела, как Мьюри, можно сказать...

— Милорд муж!

— Что? Я только говорю...

— Ты что, набиваешься на пинок в брюхо? — И добавила: — Это такая американская идиома.

— Женушка... Уж не ты ли собираешься дать мне пинок в брюхо?

Она помедлила с ответом, голос ее звучал еле слышно:

— Нет, милорд муж. Никогда!

— Рад слышать. Но если бы ты попыталась, что бы произошло?

— Ты... Ты бы меня отшлепал. Моей шпагой. Но не своей. Пожалуйста, не бей меня твоей шпагой никогда, муж мой.

— И твоей тоже не буду. Рукой — да. Больно. Сначала отшлепаю тебя, а потом...

— Что будет потом?

— Но не следует доводить меня до этого сейчас. Согласно плану, мне предстоит сегодня вечером сражаться. И в будущем меня тоже не перебивай.

— Хорошо, милорд муж.

— Отлично. Теперь, если мы дадим Мьюри судейскую оценку в десять баллов, то по этой шкале ты заслуживаешь... Дай-ка мне посчитать...

— Балла три-четыре? Или даже пять?

— Молчание! Я дал бы тысячу. Да, тысячу плюс-минус один балл. И у меня нет под рукой подходящего измерителя.

— Ах, ты, плутишка! Любимый мой! Наклонись ко мне и поцелуй. И берегись — как бы я все это не рассказала Мьюри.

— Ничего ты Мьюри не расскажешь, женушка, иначе тебе влетит как следует. И перестань набиваться на комплименты. Ты же сама знаешь о себе все, ты — прыгающая через шпаги девчонка!

— Ну и какова же я?

— Ты — моя Принцесса!

— Ох!

— И еще я с пылающим хвостом. И сама это знаешь.

— А это хорошо? Знаешь, я изучала американские идиомы, очень внимательно, но не уверена, что всегда правильно их понимаю.

— Это означает высший класс. Просто такой оборот речи, хотя я лично никогда не был близко знаком с норками. А теперь давай подумаем о вещах более важных, иначе ты можешь стать вдовой в день своего бракосочетания. Так ты говоришь — драконы?

— Они будут только ночью, милорд муж, да, по правде говоря, они не совсем драконы.

— Из твоего описания следует, что разницу ощущают только другие драконы. Восемь футов в холке, вес две тонны, зубы длиной в мою руку, только что пламенем не дышат.

— О нет! Они огнедышащие! Разве я не говорила?

— Нет, не говорила,— вздохнул я.

— По существу-то, они огнем не дышат. Это их бы убило. Они задерживают дыхание, выпуская огонь. Это болотный газ — метан, он вырабатывается в пищеварительном тракте. Всего лишь контролируемая отрыжка с эффектом самовоспламенения, которое вызывается энзимом, скрытым между первым и вторым рядом зубов. Газ вспыхивает уже по выходе из пасти.

— Как они это делают, меня мало интересует, раз уж они все равно огнеметы. Ну и как же ты хочешь, чтобы я с ними расправился?

— Надеюсь, у тебя самого возникнет какая-нибудь идея. Видишь ли,— сказала она извиняющимся тоном,— я ничего не планировала, поскольку не собиралась пользоваться этой дорогой.

— Что ж... Женушка, давай вернемся обратно в ту деревушку. Вступим в конкурентную борьбу с нашим другом — Глашатаем, спорю, мы его переплюнем...

— Милорд муж!

— Ладно, ладно... Если ты желаешь, чтобы я по вторникам и средам убивал драконов, я к твоим услугам. Этот метан... они его выпускают с обоих концов?

— О, только из переднего! Как это так — с обоих?

— Очень просто. Увидишь в модели будущего года. А сейчас — тихо! Мне нужен Руфо. Он-то, думаю, убивал драконов в прошлом?

— Мне не известен ни один человек, который бы это сделал, милорд муж.

— Вот как! Моя Принцесса, я, конечно, горжусь доверием, которое ты мне оказываешь. Или тобой двигает отчаяние? Не отвечай, не хочу об этом знать. Помолчи, дай мне подумать.

Доехав до ближайшей фермы, мы отправили туда Руфо, чтобы он договорился о доставке обратно многоножек. Они были наши — дар Дораля, но нам приходилось их отправлять назад;

там, куда мы направлялись, они бы не выжили. Мьюри обещала мне присмотреть за Арс Лонга и даже выгуливать ее.

Руфо вернулся, сопровождаемый деревенским парнишкой, восседавшим на тяжелой рабочей скотине,— он ерзал между второй и третьей парами ног, дабы не обременять спину животного, и управлял голосом.

Когда мы спустились с седел, забрав с собой луки и колчаны, и уже готовились в путь, подошел Руфо:

— Босс, этот навозник мечтает поговорить с Героем и коснуться его шпаги. Гнать его в шею?

Положение обязывает, а не только дает привилегии.

— Зови сюда.

Парень, уже вышедший из детского возраста, с реденькой порослью на подбородке, подходил почтительно, заплетающейся походкой и расшаркивался так, что чуть не упал.

— Держись смелее, сынок! — подбодрил я.— Как тебя звать?

— Паг, милорд Герой,— ответил он ломающимся голосом. (Паг?![1] Впрочем, сойдет. Значение этого слова на невианском языке сродни грубым шуткам Джоко).

— Достойное имя. Кем хочешь стать, когда вырастешь?

— *Героем, милорд.* Как ты.

Подумал, не рассказать ли ему о булыжниках на Дороге Доблести. Но он и сам обнаружит их очень скоро, если только выйдет на нее, и либо пойдет по ней дальше, не обращая на них внимания, либо вернется и забудет эти глупости. Я одобрительно кивнул и заверил, что на верхних ступенях геройской профессии всегда найдется место для парня, крепкого духом, и что чем ниже будет лежать начальная точка отсчета, тем больше славы... Главное — трудиться не покладая рук, учиться изо всех сил и ждать случая. Постоянно быть настороже, беседовать с незнакомыми дамами... и Приключение само найдет тебя. Потом я дал ему дотронуться до своей шпаги — только дотронуться, но не в руки. Леди Вивамус — моя, и я скорее разделю с кем-нибудь свою зубную щетку.

Когда-то, когда я был еще мальчуганом, меня представили конгрессмену. Он всучил мне ту же отеческую жвачку, которую

[1] Мякина, высевки (*англ.*).

я сейчас произносил от своего лица. Подобно молитве она не может принести вреда, но способна дать и пользу. Обнаружилось, что я был совершенно искренен, говоря все сказанное выше, как был искренен и конгрессмен. Впрочем, вред возможен — парнишку ведь могут убить на самой первой миле Дороги Доблести. Но это лучше, чем в старости сидеть у огня, жевать смолку и думать об упущенных шансах и о девчонках, которых не потискал. Верно, не так ли?

Я решил, что этот случай достаточно серьезен для Пага и надо отметить его по-настоящему. Я порылся в своей сумке и нашел там американскую монету в 25 центов.

— Как твое полное имя, Паг?

— Просто Паг, милорд. Из дома Лердики, конечно.

— Теперь у тебя будет три имени: я дам тебе одно из моих.— У меня было одно, в котором я не нуждался, поскольку имя «Оскар Гордон» меня вполне устраивало. И, конечно, не «Флэш», этой клички я никогда не признавал. И не мое армейское прозвище — его я даже на стенах уборной не писал бы. «Изи» — было имя, которым я мог пожертвовать. Я всегда предпочитал писать И. С. Гордон вместо Ивлин Сирил, а в школе «И. С.» превратились в «Изи»[1], что в свою очередь происходило из моего поведения на поле — я никогда не бегал скорее или медленнее, чем того требовали обстоятельства.

— Властью, данной мне штабом командования армии США в Юго-Восточной Азии, я, Герой Оскар, повелеваю, чтобы с этого дня ты был известен под именем Лердики'т Паг Изи. Носи его с честью.

Потом я дал ему четвертак и показал изображение Джорджа Вашингтона на аверсе.

— Это глава моего Дома, Герой более великий, чем я смогу стать когда-либо. Он был храбр и горд, он говорил правду и сражался за Право так, как он его понимал, против страшных опасностей. А тут,— я перевернул монету другой стороной,— герб моего Дома, который он основал. Эта птица олицетворяет храбрость, свободу и высшие идеалы. (Я не сказал ему, что Американский Орел теперь питается падалью, нападает только на тех, кто слабее,

[1] Тихий, скромный, ленивый (*англ.*).

и вероятно скоро вымрет вообще. К чему все это говорить? Он именно олицетворение Идеалов. Символ — всегда лишь то, что мы сами в него вкладываем.)

Паг Изи яростно кивал головой, из глаз его текли слезы. Я не представил его своей новобрачной — не был уверен, захочет ли она с ним познакомиться. Однако она сама подошла и мягко сказала:

— Паг Изи, запомни слова милорда Героя. Цени их, и они определят всю твою жизнь.

Парнишка хлопнулся перед Стар на колени. Она дотронулась до его волос и проговорила:

— Встань, Лердики'т Паг Изи. Встань и будь честен и смел.

Я попрощался с Арс Лонга, пожелал ей быть славной девочкой и пообещал когда-нибудь вернуться. Паг Изи отправился на свою ферму с нашими многоножками, а мы вошли в лес с натянутыми луками. Руфо изображал арьергард. На том месте, где мы свернули с желтой кирпичной дороги, был знак, приблизительный смысл которого — «Оставь надежды всяк сюда входящий».

(Буквальный перевод несколько напоминает надписи в Йеллоустонском парке: *«Предупреждение: хищники в этих лесах не ручные. Путешественникам рекомендуется оставаться на дороге, иначе возвращение их останков ближайшим родственникам не может быть гарантировано. Милорд Лердики.* Его герб».)

— Милорд муж...

— Да, Крохотные Ножки? — Я не смотрел на нее. Я отвечал за свою сторону тропы и отчасти за сторону Стар, но, кроме того, время от времени приходилось поглядывать и вверх, будто нам угрожала бомбежка, а вернее, нечто вроде коршунов-стервятников, только меньших размеров и целившихся прямо в глаза.

— Мой Герой, ты действительно благороден, и ты заставил свою жену гордиться тобой.

— А? Как это? — Я оторвался от мыслей о наиболее вероятных целях: два вида их были наземные — крупные крысы таких размеров, что вполне могли питаться котами, и дикие свиньи, примерно такой же величины, из которых нельзя было бы выкроить даже приличного сандвича с ветчиной, поскольку состояли они исключительно из толстенной шкуры и дурного характера. Мне рассказывали, что свиньи, увидев вас, кидаются тут же и не раздумывая. Посему промах не рекомендуется. Лучше иметь наготове шпагу, ибо пустить вторую стрелу уже вряд ли удастся.

— Я говорю об этом парнишке Паг Изи. Вернее, о том, что ты сделал для него.

— Для него? Накормил его старыми побасенками. Товар дешевый.

— Это был истинно королевский поступок, милорд муж.

— Ерунда, Цветочек. Он ожидал услышать от меня громкие слова, и он их услышал.

— Оскар, мой возлюбленный, а можно послушной жене сказать своему мужу, что он несет чепуху и несправедлив к себе? Я ведь знала многих героев, и некоторые из них были такие олухи, что их следовало бы кормить на кухне, если бы своими делами они не завоевали место за парадным столом. Но я знала лишь немногих, кто был благороден, ибо благородство души встречается куда реже героизма. Настоящее благородство легко распознается даже в тех, кто тщательно скрывает свою истинную сущность — как ты, например. Парень ожидал, поэтому ты выдал ему, но nobless obligé[1] — это чувство, которое способны испытывать лишь те, кто истинно благороден.

— Что ж, возможно. Стар, ты опять слишком много болтаешь. Ты что — не думаешь, что у этих скотов есть уши?

— Извини, милорд... Уши такие хорошие, что они слышат шум шагов, разносящийся по земле, задолго до того, как услышат наши голоса. Разреши мне сказать еще одно слово, раз уж сегодня день моей свадьбы. Если ты... Нет, не так... Когда ты галантен к какой-нибудь красотке, например к Летве или Мьюри, черт бы побрал ее красивые глазки, то это не благородство. Такое поведение вытекает, надо полагать, из гораздо более обыденных эмоций, чем nobless obligé. Но когда ты разговариваешь с деревенским дурачком, ноги которого измазаны навозом, дыхание воняет чесноком, сам он весь пропах потом, а лицо его усеяно прыщами, и говоришь мягко, заставляя его на какое-то время почувствовать себя таким же благородным, как ты сам, пробуждая в нем стремление

[1] Положение обязывает.

и надежду стать когда-нибудь равным тебе, я знаю, что это не потому, что ты решил позабавиться с этим мальчишкой.

— Ну, не знаю... Мальчишки этого возраста в некоторых кругах ценятся высоко. Если его отмыть, надушить, завить ему волосы...

— Милорд муж, а разрешается ли мне хотя бы подумать о пинке в ваше брюхо?

— За мысль обычно не предают военно-полевому суду, это единственная вещь, которая остается при нас и отобрать которую они не могут при всем желании. О'кей, я предпочитаю девочек. В этом отношении я обыкновенен, тут уж ничего не поделаешь. А что ты там говорила про Мьюри? Уж не ревнуешь ли ты, Длинноножка?

Я просто-напросто кожей почувствовал, как на ее щеках появляются ямочки — чтобы увидеть, мне пришлось остановиться.

— Только в день свадьбы, милорд муж. Все остальные дни — твои. Если я застану тебя увлеченным этим видом спорта, то или сделаю вид, что не замечаю, или поздравлю с успехом, как уж получится.

— Не думаю, что ты меня поймаешь!

— А я уверена, что тебе не удастся поймать меня, милорд разбойник,— ответила она невозмутимо.

Все-таки ей досталось последнее слово, так как в эту минуту раздался звон тетивы Руфо. Он крикнул: «Попал!» — и тут мы оказались по горло в хлопотах. Эти дикие свиньи были такие страховидные, что в сравнении с ними наши самые безобразные выглядят красавчиками. Я убил одну стрелой, пронзившей ее вонючую глотку, затем — секундой позже — вогнал сталь шпаги в бок ее братишке. Стар направила меткую стрелу в свою цель, но стрела скользнула по кости, боров пошел в атаку, и я ударил его ногой в бок, так как все еще не высвободил шпагу из туши его родича. Наконечник стрелы, попавшей ему между ребер, видимо, все же утихомирил его. Стар хладнокровно пустила новую стрелу, а я добил наглеца. Еще одну свинью Стар прикончила шпагой, нанеся удар так, как наносит его матадор, когда наступает «момент истины». Она сделала пируэт, пропуская жертву мимо себя — уже мертвую, но не желающую признать сей факт.

Битва закончилась быстро. Старина Руфо свалил без посторонней помощи троих, но получил серьезную рваную рану. У меня

была царапина, а моя новобрачная оказалась целой и невредимой, в чем я поспешил убедиться, как только страсти утихли. Затем я держал вахту, пока наш хирург занимался Руфо. Потом она обратилась к моему, гораздо более легкому ранению.

— Ну как, Руфо,— спросил я,— можешь идти?

— Босс, я не останусь в этом лесу, даже если мне придется из него выбираться ползком. Надо уходить отсюда. Во всяком случае,— добавил он, глядя на гору никому не нужных свиных окороков,— в ближайшее время крысы нам не угрожают.

Я изменил порядок движения, поместив Руфо и Стар во главу колонны, а сам занял позицию в арьергарде, откуда мог прийти им на помощь в любую минуту. Арьергард вообще-то безопаснее головы колонны в обычных условиях, но здесь не тот случай. Кроме того, я дал эмоциям взять верх над расчетом: хотел лично опекать свою любимую.

Заняв это место, я чуть не окосел, одновременно пытаясь углядеть, что происходит и впереди и сзади, чтобы оказаться рядом, если Стар или Руфо окажутся в беде. К счастью, мы получили небольшую передышку, и я несколько отрезвел, припомнив главную заповедь патрульных: нельзя брать на себя работу «за того парня». И тогда отдал все внимание нашему тылу. Руфо, он хоть и стар и ранен, не сдался бы смерти, не убив врага и не доставив ему чести сопровождать себя в ад, как это и положено. Стар тоже не принадлежит к числу героинь, падающих в обморок. Я поставлю на нее сколько угодно против любого мужчины ее весовой категории — с оружием или без оного, и мне очень жаль того мужика, который попытался бы изнасиловать ее: он, надо думать, долго бы еще *отыскивал свои cojones*[1].

Свиньи нас больше не беспокоили, но по мере приближения вечера мы стали видеть, а чаще слышать гигантских крыс, которые крались за нами, оставаясь практически невидимыми. Они не вступают в бой как берсерки, подобно свиньям, они выжидают удачного момента, как это вообще свойственно крысам.

Крыс я боялся. Однажды, когда я был еще маленьким (отец уже умер, а мать еще не вышла вторично замуж), мы остались без

[1] Мужские гениталии (*исп.*).

жилья и поселились на чердаке заброшенного дома. Было слышно, как крысы орудуют внутри стен, и дважды они пробегали по мне, когда я спал.

До сих пор иногда просыпаюсь с воплем ужаса.

Крыса отнюдь не становится лучше, если ее довести до размеров койота. Эти были типичные крысы — вплоть до кончиков усов — с той лишь разницей, что ноги и особенно ступни были у них непропорционально большими.

Мы не тратили стрел, если не были уверены в удачном попадании, мы шли зигзагами, стараясь держаться более открытых участков леса, что, однако, увеличивало опасность нападения сверху. Но кроны деревьев были весьма густы, так что атаки с неба нас не очень беспокоили.

Я убил одну крысу, которая подобралась слишком близко, и почти попал в другую. Нам приходилось расходовать стрелы на тех, что уж очень наглели, это заставляло других быть более осторожными. Однажды, когда Руфо целился в одну из таких, а Стар со шпагой в руке готовилась прийти ему на помощь, один из этих мелких хищных коршунов спикировал прямо на Руфо.

Стар срубила его в воздухе на самой низкой точке его пике, так что Руфо ничего не заметил — он был слишком занят, целясь и пуская стрелу.

К счастью, нам не приходилось волноваться из-за подлеска — лес походил на парк — деревья и трава, без кустарника. Так что этот отрезок пути был не так уж и плох, хотя стрелы у нас все равно кончались. Я как раз с беспокойством думал об этом, когда вдруг обнаружил кое-что:

— Эй, вы, впереди! Вы же сбились с курса! Сворачивай вправо!

Стар указала мне направление, еще когда мы свернули в лес, держать его было моим делом. «Шишка направления» у Стар работала плоховато, у Руфо — не лучше.

— Извини, милорд,— отозвалась Стар.— Тут уклон больно уж крут.

Я подошел к ним:

— Руфо, как нога?

На лбу у него выступили капли пота.

Не отвечая мне, он обратился к Стар:

— Миледи, скоро стемнеет.

— Знаю,— сказала она спокойно.— Поэтому наступило время перекусить. Милорд муж, вон тот большой плоский камень кажется мне подходящим.

Я подумал было, что у нее шарики зашли за ролики, Руфо, видимо, тоже, но по другой причине.

— Миледи, мы же сильно опаздываем.

— И опоздаем еще больше, если я не займусь твоей ногой.

— Лучше бросьте меня тут,— пробормотал он.

— Лучше помолчи, пока твоего совета не спрашивают! — сказал я ему.— Я бы даже Рогатого Призрака не бросил крысам. Стар, как мы поступим?

Большой плоский камень торчал, словно череп, среди деревьев неподалеку от нас. Это была верхушка известкового валуна, глубоко ушедшего в землю. Я занял пост в центре валуна, раненый Руфо уселся рядом, а Стар занялась установкой Охранения. Я не видел, как она это делала, так как во все глаза следил за тем, что происходило у нее за спиной, следил с натянутым луком и положенной на тетиву стрелой, готовый встретить врага. После Стар сказала мне, что Защита ни в малейшей степени не связана с «магией» и вполне доступна для земной технологии, если бы нашелся умник и додумался до изгороди под током, но без изгороди, ну как радио и телефон работают без проводов, хотя аналогия тут не вполне точная.

И очень хорошо, что я следил за ситуацией за пределами Охранения, не пытаясь решить загадку того, как устанавливается волшебный круг: Стар была внезапно атакована единственной из встреченных нами крыс, начисто лишенной рассудка. Крыса бросилась прямо на Стар, моя стрела, просвистевшая у Стар возле самого уха, послужила веским предупреждением, и она прикончила крысу ударом шпаги. Это был очень старый самец, беззубый, с седыми усами и, видимо, чокнутый. Величиной с волка и с двумя смертельными ранами на теле, он все еще выглядел олицетворением красноглазой шелудивой ярости.

Когда последний Хранитель был поставлен, Стар сказала, что о небе мне больше не надо беспокоиться, поскольку Защита идет не только по кругу, но и прикрывает нас куполом сверху. Как

говаривал Руфо, если Она сказала — значит, все! Пока Руфо караулил, он умудрился частично развернуть шкатулку. Я достал оттуда хирургический чемоданчик Стар, запас стрел и еду. Никаких глупостей по части взаимоотношений слуг и господ мы не придерживались: поели вместе, сидя и лежа, Руфо лежал пластом, давая отдых ноге, а Стар подавала ему пищу и даже особо лакомые кусочки клала ему прямо в рот, согласно обряду невианского гостеприимства. Она долго возилась с его ногой, а я светил ей и подавал инструменты. Стар покрыла рану каким-то бледным гелем, прежде чем наложить повязку. Если это и было больно, то Руфо даже не поморщился.

Пока мы ужинали, наступила полнейшая темнота и вдоль всей невидимой стены зажглись огоньки глаз, отражавших свет, при котором мы ели, огоньки столь же многочисленные, как свита Игли в то утро, когда он съел самого себя. Большинство глаз принадлежало, как мне кажется, крысам. Другая группа, державшаяся на отшибе и отделенная от крысиных двумя большими промежутками, явно состояла из свиней — их глаза находились на большей высоте.

— Миледи, любимая,— сказал я,— это Охранение будет действовать всю ночь?

— Да, милорд муж.

— Хорошо бы. Сейчас уже слишком темно, чтобы стрелять, а шпагами нам вряд ли удастся прорубить дорогу в такой толпе. Боюсь, нам снова придется пересмотреть график движения.

— Нельзя, милорд Герой. Но забудь об этих животных. Мы полетим.

— Этого я и боялся. Вы же знаете, что у меня от полета начинается морская болезнь! — застонал Руфо.

— Бедняжка Руфо,— нежно проворковала Стар.— Не бойся, мой старый друг, у меня для тебя есть сюрприз. Предвидя такой случай, я еще в Каннах купила драммамин[1] — лекарство, которое, как ты знаешь, решило судьбу вторжения в Нормандию. А может, не знаешь?

[1] Фармакологическое средство борьбы с морской и воздушной болезнью; широко применялось в армии.

— Знаю ли я? Я сам принимал участие в этом вторжении, и у меня, миледи, аллергия на драммамин. Я травил всю дорогу до Омаха-Бич. Самая ужасная ночь за всю мою жизнь! Господи, да я уж лучше тут останусь!

— Руфо, ты действительно был на Омаха-Бич?

— Черт побери, еще бы, босс! Выполнял предначертания Эйзенхауэра.

— Но почему же? Ведь это не твоя война?

— А вы спросите себя, почему вы участвуете в этой свалке, босс. В моем случае повинны французские девчонки. Простые, не знающие никаких запретов, веселые и всегда готовые поучиться чему-нибудь новенькому. Помнится, была там одна малышка из Арман-тьера (он произнес это слово без акцента), у которой только и...

Стар прервала наш разговор:

— Пока вы тут предаетесь своим холостяцким воспоминаниям, я подготовлю все, что надо для полета.— Она встала и пошла к шкатулке.

— Ну, давай, Руфо! — гадая, как далеко он способен зайти, сказал я.

— Нет, босс,— ответил он грустно.— Ей это не нравится. Видно невооруженным глазом. Босс, вы на Нее оказываете колоссальное влияние. Ведет себя точно девочка из пансиона благородных девиц... это же на Нее ничуть не похоже! Надо думать, теперь Она первым делом подпишется на «Вог»[1], а уж куда Ее потом занесет, и предположить нельзя. Я в этом деле ничего не понимаю, но считаю, что виной тут, прошу прощения, уж никак не ваша внешность.

— Ладно, я не обижаюсь. А расскажешь как-нибудь в другой раз. Если вспомнишь.

— Ну, качку-то я никогда не забуду. Только, босс, насчет морской болезни — это еще далеко не все. Вы считаете, что эти леса опасны, но в тех, куда мы сейчас с дрожащими поджилками направляемся — это я говорю о себе,— в тех лесах полным-полно драконов.

— Знаю.

— Значит, Она вам сказала? Но чтобы поверить — надо увидеть. Леса буквально кишат ими. Их там больше, чем людей по

[1] Знаменитый светский журнал для женщин.

фамилии Доил в Бостоне. Большие, маленькие, двухтонные тинейджеры, и все голоднющие. Возможно, вам по душе быть съеденным драконом, а мне — нет. Это как-то унижает. И потом — это уж навсегда. Такие места следовало бы опрыскивать каким-нибудь антидраконьим препаратом, это уж точно. Закон специальный следует принять.

Вернулась Стар.

— Никакого такого закона не требуется,— твердо сказала она.— Нечего, Руфо, болтать о вещах, в которых ты не разбираешься. Нарушение экологического баланса — самая худшая ошибка, которую когда-либо может позволить себе правительство.

Руфо ворча удалился.

— Любовь моя, а зачем нужны драконы? Реши мне эту задачку, пожалуйста.

— Я никогда не занималась экологическим балансом Невии, это лежит вне моей компетенции. Однако могу предложить на выбор несколько вероятных последствий нарушения равновесия, которым явится попытка уничтожить драконов, что, вообще-то, жителям Невии вполне по силам. Ты видел, что на их технологию просто так чихнуть нельзя. Эти крысы и свиньи портят посевы. Крысы контролируют рост численности кабанов, пожирая поросят. Но крысы для полевых культур еще хуже, чем дикие свиньи. Драконы бродят по этим лесам в дневное время — они дневные животные, а крысы — ночные — и забираются в крысиные норы, спасаясь от жары.

Драконы и свиньи ограничивают рост подлеска, причем драконы в этом деле особенно важны, так как объедают нижние ветви деревьев. Но дракон с удовольствием съест и вкусную крысу. Каждый раз, когда они натыкаются на крысиную нору, они вдувают туда пламя, что, правда, не всегда убивает взрослых крыс, поскольку те для каждого нового помета строят две норы, но уж наверняка уничтожает приплод; после этого дракон разрывает нору и получает свой излюбленный завтрак. Существует давнее соглашение, почти договор, что пока драконы придерживаются своей территории и занимаются уничтожением крыс, люди их не тревожат.

— Но почему бы сначала не истребить крыс, а потом уж приняться и за драконов?

— И позволить диким свиньям безнаказанно размножаться? Слушай, милорд муж, я не знаю всех ответов на вопросы, которые могут возникнуть по этой проблеме, но зато уверена — нарушение экологического равновесия — вопрос, требующий подхода, основанного на боязни ошибок, длительном размышлении и на сложных компьютерных расчетах. Жители Невии, поверь, вполне удовлетворены своим решением не обижать драконов.

— Но, видимо, нам все же придется их потревожить. Это не нарушит договора?

— Это не договор в точном смысле этого слова, это народная мудрость невианцев и условный рефлекс, а возможно, и инстинкт со стороны драконов. Если нам повезет, мы их не потревожим. Но тактику действий тебе лучше обсудить с Руфо сейчас. Там у нас времени не будет.

Итак, я остался с Руфо обсуждать проблему, как лучше убить дракона, а Стар слушала нас и одновременно заканчивала свои приготовления.

— Что ж,— мрачно подытожил Руфо,— это лучше, чем сидеть тихонько, как устрица на створке своей раковины, и ждать, пока тебя съедят. Так-то более достойно. Я лучше стреляю из лука, милорд, чем вы, или во всяком случае — так же хорошо, а поэтому возьму на себя зад, тем более что этим вечером я буду менее ловок, чем обычно.

— Смотри, надо быть готовым и к действиям с другого конца, если дракон обернется.

— Это вам надлежит готовиться, милорд. Я-то и без того буду готов, ибо при мне самый лучший стимул — забота о сохранности собственной шкуры.

Стар тоже была готова. Руфо еще во время нашего совещания упаковал шкатулку и приторочил ее к спине. Стар надела нам на каждую ногу чуть выше колена по подвязке, затем усадила на камень так, чтобы лица были обращены к месту назначения.

— Руфо, достань дубовую стрелу.

— Стар, а это, часом, не из книжки Альбертуса Магнуса?

— Почти,— ответила она.— Только мой рецепт надеж нее, а ингредиенты, использованные при изготовлении подвязок, дольше сохраняются. Извини, милорд муж, мне надо сконцентрироваться

на моем волшебстве. Положи стрелу так, чтобы она была направлена на пещеру.

Я повиновался.

— Точно ли она нацелена?

— Если карта, которую ты мне показала, верна, то все в порядке. Стрела смотрит туда же, куда был проложен наш курс после того, как мы вошли в лес, свернув с дороги.

— Как далеко от нас Лес Драконов?

— Послушай, любовь моя, уж если мы летим по воздуху, то почему бы нам не миновать этот лес и не причалить прямо к пещере?

Стар терпеливо ответила:

— Я бы очень хотела так поступить. Но там у леса такие густые кроны, что возле пещеры сесть нельзя — не проскочишь сквозь ветви. А те твари, что живут в кронах,— куда хуже драконов. Они вырастают...

— Пожалуйста, перестань,— взмолился Руфо.— Меня и без того тошнит, хотя мы еще и не в воздухе.

— Ладно, об этом потом, Оскар, если тебе будет интересно. В любом случае мы не можем рисковать и не станем этого делать. Эти твари живут вне досягаемости драконов. Так как же далек от нас лес?

— М-м-м... миль восемь с половиной, с учетом того расстояния, которое мы уже прошли. Затем останутся еще мили две до пещеры с Вратами.

— Хорошо. Теперь оба вы должны крепко обхватить меня за талию, как можно больше соприкасаясь с моим телом. Сила должна быть распределена равномерно.— Руфо и я обняли ее со спины, и пальцы наших двух рук крепко сомкнулись у нее на животе.— Все правильно. Держитесь крепче! — Стар нарисовала какие-то цифры на скале возле стрелы.

Стрела поднялась в воздух и полетела. Мы за ней.

Не знаю, как можно все это не считать магией, точно так же, как не представляю себе, из чего были сделаны эти эластичные подвязки. Если угодно, то считайте, что Стар нас загипнотизировала, а затем воспользовалась своим экстрасенсорным эффектом для телепортации нас на расстояние восьми с половиной миль.

Словечко «экстрасенсорный», ясное дело, лучше, чем «магия»,— известно, что однослоговые слова куда действеннее многослоговых, последнее проверено на речах Уинстона Черчилля. Я не понимаю значения ни того, ни другого термина, точно так же, как не понимаю, почему не могу заблудиться. Или — как могут другие люди отличаться от меня в этом отношении!

Когда я летаю во сне, то это происходит двумя путями: один из них в стиле лебединого полета — нырок вниз, затяжное пике, кружение, как в водовороте, посадка, завершающая наслаждение; другой — в позе сидящего турка, когда летишь медленно, спокойно, управляя полетом с помощью силы воли.

Именно так летели мы в этот раз — будто на планере, но без него. Ночь была прямо предназначена для полета (впрочем, на Невии все ночи таковы — дождь идет только под утро и только в дождливый сезон, как мне говорили), та из лун, что побольше, серебрила поверхность у нас под ногами. Лес кончился и перешел в открытую местность, усеянную отдельными группами деревьев, а тот лес, куда мы летели, казался нам издалека черной стеной, гораздо более высокой и мощной, чем прекрасные лесные массивы, что остались у нас за спиной. На большом отдалении слева были видны поля дома Лердики.

Мы не продержались в воздухе и двух минут, как Руфо сказал «пардон» и отвернул голову в сторону. Дело тут было явно не в пустом желудке: хотя на нас не попало ни капли, струя из него била как из фонтана. Это был единственный инцидент за все время полета.

Когда мы долетели до первых высоких деревьев, Стар быстро шепнула: «Амех». Мы зависли в воздухе на манер вертолета, а затем опустились вниз на посадочную площадку, вполне достаточную для наших трех седалищ. Стрела лежала на земле прямо перед нами, уже безжизненная. Руфо положил ее в свой колчан.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.— Как твоя нога?

Он проглотил слюну.

— Нога ничего. А вот земля ходит под ногами вверх и вниз.

— Тихо! — прошептала Стар.— С ним все будет хорошо. Только тихо! От этого зависят наши жизни.

Несколькими минутами позже мы двинулись в поход, я с обнаженной шпагой впереди, за мной Стар, вслед ей Руфо с натянутым луком и готовый ко всему.

Переход от лунного света к глубокой лесной тьме нас ослепил, и я шел на ощупь, упираясь в древесные стволы протянутыми руками и моля бога, чтобы на моем пути, проложенном в нужном нам направлении, не оказалось какого-нибудь дракона. Я, конечно, знал, что по ночам они обычно спят, но как-то не очень доверял им в принципе. А может, у них холостяки стоят на страже, как у бабуинов? Я с удовольствием уступил бы и свое место, и свою славу святому Георгию, а сам бы пошел за ним в некотором отдалении.

Однажды мой нос остановил меня — запахло застоявшимся мускусом. Я задержал шаг, и вот передо мной медленно «проявилось» нечто величиной с контору по продаже недвижимости — спящий дракон. Я повел свой отряд мимо него, стараясь не производить ни малейшего шума и надеясь, что сердце у меня бьется не так сильно, как это кажется.

Мои глаза уже стали привыкать к темноте, и я невольно искал светлые полоски лунных лучей, просачивающихся вниз. Появилось и кое-что еще. Земля тут была покрыта мхом, который слабо фосфоресцировал, подобно светящимся гнилушкам. Слабо. Ох, совсем слабо. Больше всего это походило на свет ночника в темной спальне, почти незаметный, когда входишь в нее, и прилично видимый потом. Теперь я ясно различал стволы, землю и драконов.

Раньше я думал — ну, что такое дюжина или около того драконов на большой лес? Много шансов, что мы их вообще не увидим, как можно не увидеть ни одного оленя в оленьем заказнике.

Человек, который возьмет концессию на открытие платной ночной стоянки для драконов в этом лесу, заработает себе целое состояние — разумеется, если найдет способ заставить драконов выложить денежки. После того, как мы «прозрели», мы ни разу не теряли их из поля зрения.

Конечно, это не настоящие драконы. Нет, они еще безобразнее. Больше всего эти ящеры похожи на тираннозавров, больше, чем на что-либо другое,— колоссальный зад, тяжелые задние ноги, гигантский хвост и маленькие передние лапы, используемые и

для ходьбы, и для захвата добычи. Голова преимущественно состоит из зубов. Всеядны, тогда как тираннозавры, как мне говорили, хищники. От этого не легче, поскольку они охотно жрут и мясо, когда есть возможность его достать, и даже предпочитают. Еще хуже, что эти драконы разработали производство собственного горючего газа. Впрочем, как эволюционное приспособление, этот фокус не может считаться самым удивительным, если мы вспомним для сравнения способы любви у осьминогов.

Однажды, довольно далеко от нас, слева возник гигантский факел газа, сопровождаемый громким кряхтеньем, подобным тому, что издают старые самцы-аллигаторы. Зарево продержалось несколько секунд, потом погасло. Не спрашивайте меня, что там случилось; возможно, пара самцов поспорила из-за самки. Мы продолжали идти вперед, хотя после того, как зарево погасло, пришлось продвигаться медленнее — его было достаточно, чтобы снова ослепить нас, и потребовалось какое-то время для восстановления ночного зрения.

У меня на драконов аллергия — это точно, тут не просто глупый страх. Такая же аллергия, как у бедного Руфо на драммамин, только ближе к той, что у некоторых людей вызывается кошачьей шерстью. Сразу же после вхождения в лес у меня начали слезиться глаза, потом заложило нос и, прежде чем мы прошли первые полмили, я уже изо всех сил тер верхнюю губу, стараясь хотя бы болью предотвратить чих. Когда же и это не помогло, я принялся зажимать пальцами ноздри, кусать губы и загонять чих вовнутрь, отчего у меня чуть не лопались барабанные перепонки. И все же это произошло как раз в ту минуту, когда мы огибали южный конец дракона величиной с грузовик с прицепленным к нему трейлером.

Я замер. Остальные — тоже и стали ждать. Дракон не проснулся.

Только мы снова пошли, как моя любимая оказалась возле меня и остановила прикосновением руки. Она порылась в своей сумочке, что-то в ней нашла, втерла это мне в нос и в ноздри и затем легким толчком дала знать, что можно идти вперед.

Сначала нос у меня закоченел, как от мази Вика, потом потерял чувствительность, а вскоре начал прочищаться.

Больше часа продолжалось это казавшееся бесконечным призрачное блуждание между высокими стволами и гигантскими

тушами, и я уже считал, что мы благополучно доберемся до цели. Пещера Врат должна была находиться всего лишь в сотне ярдов от нас, я видел уже то место, где, по моим соображениям, был вход в пещеру, причем между ним и нами лежал только один дракон, и тот чуть в стороне от нашего пути.

Я поторопился.

Всему виной тот малыш — ростом не больше валлаби и даже внешне похожий на него, если не считать детских зубов по четыре дюйма каждый. Возможно, он был еще так юн, что просыпался, чтобы попроситься на горшок, не знаю. Все, что мне известно, это то, что, проходя мимо дерева, за которым лежал малыш, я наступил ему на хвост, а он завопил.

Конечно, у него для этого были все основания. Но последствия оказались для нас роковыми. Взрослый дракон, что спал между нами и пещерой, проснулся тут же. Он был и не очень-то велик — так, футов в сорок, включая хвост.

Старина Руфо приступил к делу с такой быстротой, будто тренировался бесконечно много времени — он кинулся к южному концу этой скотины, стрела наготове, лук натянут, готовый стрелять на бегу.

— Заставь его поднять хвост! — крикнул он.

Я помчался к переднему концу дракона и попытался раздразнить зверюгу криками и шпагой, размахивая ею перед самым его носом, одновременно испытывая интерес к вопросу о том, на какое расстояние действует его огнемет. У невианского дракона только четыре места, куда можно всадить стрелу, все остальное — броня, потолще носорожьей шкуры. Вот эти четыре места: рот (когда он открыт), глаза (попасть трудно — они маленькие и подслеповатые) и местечко под хвостом, ранимое у многих животных. Я считал, что стрела, посланная в это место, должна сильно повысить то ощущение «резкого жгучего раздражения», о котором оповещается на последних страницах газет в маленьких объявлениях, что толкуют об «ИЗЛЕЧЕНИИ БЕЗ ХИРУРГИИ».

Считал также, что дракон, будучи не слишком умным, получив сильное раздражение с обоих концов, потеряет ко всем чертям координацию, а мы будем продолжать свое дело до тех пор, пока он или не выйдет из строя, или ему все это не надоест и он удерет. Но мне надо было заставить его поднять хвост, чтобы Руфо

было куда всадить стрелу. Эти чудовища такие же тяжелые, как старина тираннозаврус рекс, нападают стремительно, подняв вверх голову и передние лапы, а для равновесия и хвост.

Дракон мотал башкой туда и сюда, я же старался обмануть его и не оказаться на линии огня, когда он включит свой огнемет, как вдруг получил удар метановой струей еще до того, как включился механизм зажигания. Я отступил так быстро, что споткнулся об драконыша, на которого недавно наступил, перелетел через него и приземлился на плечи, что, по-видимому, меня и спасло. Огонь вылетел на дистанцию футов двадцать. Взрослый дракон продолжал наступление и преотличненько сжег бы меня, если бы не малыш, оказавшийся между нами. Дракон перестал пускать пламя, но тут Руфо заорал:

— Точно в «десятку»!!!

Причина, по которой я отступил так быстро, заключалась в дурном запахе из драконьей пасти. Считается, что чистый метан не имеет ни цвета, ни запаха. Метан же, производимый в желудочном тракте дракона, не был чист, он оказался так перегружен кетонами и альдегидами домашнего изготовления, что по запаху мог сравниться только с выгребной ямой, не обработанной известью.

Считаю, что лекарство, которое дала мне Стар для прочистки носа, спасло мне жизнь. Если бы нос был заложен, я бы не учуял даже запаха собственной верхней губы. Все это я продумал уже позже — во время схватки времени было маловато. Как только Руфо попал в «десятку», дракон с видом полнейшего недоумения опять раскрыл пасть, на этот раз без выброса огня, и попытался ухватить свой зад передними лапами. Этого сделать ему не удалось — передние лапы были слишком коротки, но старался он изо всех сил. Я вложил шпагу в ножны, как только увидел длину газового выхлопа, и взялся за лук. Времени вынуть стрелу и выпустить ее у меня хватило — стрела вонзилась в левую миндалину.

Лекарство подействовало моментально. С криком ярости, потрясшим землю, дракон ринулся на меня, рыгнув огнем. И Руфо снова закричал:

— Опять туда же!

Я был слишком занят, чтобы посылать Руфо свои поздравления: эти штуковины для своих размеров слишком быстро

передвигаются. Я тоже бегал резво, а степень свободы у меня была больше. Таким махинам трудно резко менять направление, но мой дракон весьма быстро вертел головой с пылающим факелом. Штаны он мне, во всяком случае, прожег, что побудило меня бегать еще быстрее и попытаться зайти ему в тыл.

Стар, тщательно прицелившись, послала ему стрелу в другую миндалину, прямо туда, откуда выходило пламя, а я в это время прилагал все усилия, чтобы увернуться от него. Несчастное животное тщетно пыталось теперь действовать одновременно в двух направлениях, чтобы достать и меня и Стар, но в результате запуталось в собственных ногах и рухнуло, вызвав небольшое землетрясение.

Руфо послал еще одну стрелу в незащищенный зад дракона, а Стар — другую, прошившую язык и застрявшую там перьями, что хотя и нельзя было назвать серьезным ранением, но причиняло сильнейшую боль.

Дракон свернулся в шар, потом вскочил на ноги, бросился вперед и снова попытался сжечь меня. Было ясно: я ему не очень нравлюсь.

Но пламени не было.

Именно на это я и рассчитывал. Настоящий дракон — тот, что с замками и пленными принцессами,— имеет столько пламени, сколько ему потребуется, он вроде шестизарядного «кольта» в ковбойских телесериалах. А эти драконы, ферментирующие собственный метан, не обладают ни мощными собственными газохранилищами, ни такими, в которых его можно держать под большим давлением, надеялся я. Если бы нам удалось заставить дракона быстро израсходовать все свои боеприпасы, то время, нужное для восстановления запаса газа, должно быть весьма продолжительным.

Между тем Руфо и Стар непрерывно тревожили дракона, используя для этого уже известную тактику. Дракон сделал еще одну попытку сжечь меня, когда я перебегал перед его мордой, стараясь держаться так, чтобы малыш по-прежнему оставался между нами. Результат был такой же, как у высохшего «Ронсона»,— огонь вспыхнул, пламя ударило на шесть жалких футов и погасло. Дракон так старался достать меня этим последним усилием, что опять запутался в ногах и упал.

Я понял, что секунду или две он будет оглушен, как человек, хлопнувшийся на пол с приличной силой, подбежал к нему и ткнул его шпагой прямо в правый глаз.

Его сотрясли конвульсии, и он затих.

(Удачный удар! Говорят, динозавры имели, при всей своей огромной величине, мозг размером с лесной орех. Этот, надо полагать, обладал мозгом размером с дыню — и все же это большая удача, если, ткнув наобум в глазницу, ты тут же попадаешь в мозг. Все остальное, что мы делали до сих пор,— комариные укусы. А умер он от этого удара шпагой. Святой Михаил и святой Георгий верно направили мой клинок.)

— Босс! Давай к дому! — завопил Руфо.

Драконы всей округи строем двигались на нас. Это было совсем как учение на базе, где тебе велят отрыть личный окопчик, а затем пропустить над собой танк.

— Сюда!!! — заорал я.— Руфо! Сюда, а не туда!!! Стар!

Руфо резко затормозил, мы побежали в одном направлении, и я увидал отверстие пещеры, черное, как грех, приветливое, как материнское объятие. Стар мчалась за нами. Я впихнул ее внутрь, Руфо ввалился следом, а я повернулся, чтобы встретить во славу моей любимой какое угодно множество драконов.

Но она уже кричала:

— Милорд! Оскар! Внутрь, ты, идиот! Я должна установить Защиту!

Я быстренько отступил, а Стар сделала свое дело, причем мне даже в голову не пришло отругать ее за то, что она назвала своего супруга идиотом.

Глава 13

Дракон-малютка плелся за нами до пещеры, не из желания отомстить (хотя я и не доверяю никому с такими зубами), а скорее, как я полагаю, из тех же соображений, по которым утенок следует за тем, кто идет впереди. Он попытался войти за нами в пещеру, но тут же отскочил, коснувшись носом невидимой преграды, подобно котенку, получившему удар статического электричества.

После этого дракончик долго болтался возле входа, издавая жалобные звуки.

Мне хотелось узнать, защищает ли Охранение, установленное Стар, от огня драконов. Это я выяснил после того, как появившийся вслед за нами старый дракон сунул свою башку в отверстие, отпрянул назад, как и малыш, оглядел нас и включил свой огнемет.

Нет, Охранение не задерживало пламени.

Мы находились в глубине пещеры на достаточном расстоянии, чтобы не превратиться в угольки, но дым и вонь были ужасны, а пожалуй, могли бы оказаться и смертельными, продолжайся это долго.

Стрела просвистела возле моего уха, и дракон сразу же потерял к нам интерес. Его сменил другой, пока еще сохранявший прежние убеждения. Руфо, а может быть, Стар переубедили его еще до того, как он включил свою паяльную лампу. Воздух очистился — откуда-то из глубины пещеры шел встречный воздушный поток.

Между тем Стар зажгла свет, и драконы тут же устроили митинг протеста. Я бросил взгляд в глубину пещеры, куда уходил узкий ход, спускавшийся вниз и в сторону. Затем я перестал интересоваться пещерой и даже тем, что делали Руфо и Стар: явилась новая комиссия по проводам.

Ее председателю я попал в нежное нёбо еще до того, как он рыгнул. Его место занял вице-председатель, которому удалось подать короткую реплику — футов на пятнадцать, прежде чем он получил повод изменить направление мыслей. Комиссия попятилась и начала склочничать между собой.

Дракончик все это время продолжал слоняться возле пещеры. Когда взрослые удалились, он подобрался к входу, задержался чуть дальше того места, где получил ожог. «Ку-верп?» — спросил он жалобно. «Ку-верп? Киит?» Он явно просился к нам.

Стар тронула меня за руку.

— С вашего разрешения, милорд муж, мы готовы.

«Киит!»

— Сию минуту,— ответил я и закричал: — Брысь отсюда, малыш! Иди к своей мамочке!

Руфо просунул свою голову рядом с моей.

— Пожалуй, это невозможно,— прокомментировал он.— Похоже, дракон, которого мы убили, и был его мамашей.

Возразить было нечего, Руфо, видимо, был прав. Тот взрослый дракон, которого мы прикончили, проснулся мгновенно, как только я наступил малышу на хвост. Очень похоже на материнскую любовь, если она есть у драконов, чего я не знаю. Но какова, черт возьми, жизнь, если ты не можешь даже дракона убить без того, чтобы потом не ощутить горечи и боли!

Мы отправились в глубь холма, наклоняясь, чтобы избежать сталактитов, и обходя сталагмиты. Руфо с фонарем шел впереди. Вскоре мы оказались в сводчатом зале, пол которого стал гладким и блестящим из-за многовековых отложений кальцита. Сталактиты вдоль стен отличались нежной пастельной окраской, а сверху по центру свисала очаровательная, почти симметричная люстра, под которой сталагмит не рос. Стар и Руфо прилепили к стенам помещения дюжину кусков люминесцентной мастики, которая в Невии играет роль ночников. Она осветила зал мягким светом и рельефно высветила сталактиты.

Руфо показал мне паутину, затянувшую пространство между сталактитами.

— Это безвредные пауки,— объяснил он,— хотя они огромны и безобразны. В отличие от других, эти даже не кусаются. Но... Осторожнее!! — Он оттащил меня назад.— А вот до этих штук опасно даже дотронуться. Слепые черви! Они-то нас и задерживают. Прежде чем ставить Охранение у входов, надо убедиться, что внутри все чисто. Теперь, когда Стар начинает возиться с Охранением, я могу проверить все еще раз.

Так называемые слепые черви — полупрозрачные светящиеся существа, ростом с крупную гремучую змею, покрытые слизью наподобие земляных червей. Было приятно знать, что они мертвы. Руфо нанизал их на свою шпагу — чудовищный шашлык — и вынес через тот проход, которым мы пришли.

Он быстро вернулся, и Стар закончила установку Охранения.

— Вот теперь хорошо,— вздохнул Руфо с облегчением, очищая свой клинок.— Их запах в нашем доме мне представляется явным излишеством. Они протухают очень быстро и навевают

на меня воспоминания о свежесодранных шкурах. Или о копре. Я вам не говорил, как я работал коком на судне из Сиднея? У нас был второй помощник, который никогда не принимал ванны, а в своей офицерской каюте держал пингвина. Женского полу, разумеется. Эта птичка была ничуть не чище помощника, и когда она...

— Руфо,— позвала Стар,— не займешься ли ты багажом?

— Иду, миледи.

Мы вынули еду, спальные матрасы, запас стрел, предметы, необходимые Стар для волшебства, или как оно там называется, а также канистры для воды. Стар еще раньше предупредила меня, что Карт-Хокеш — такое место, где химические процессы плохо совмещаются с человеческим организмом. Поэтому всю еду и питье надо приносить с собой.

Я смотрел на эти литровые канистры без всякого удовольствия.

— Девочка, не слишком ли мы урезываем наш рацион пищи и воды?

— Больше нам, по правде говоря, и не потребуется.

— Линдберг перелетел через Атлантику на одном бутерброде с арахисовым маслом,— вмешался Руфо.— Хотя я и уговаривал его взять чего-нибудь еще.

— А откуда ты знаешь, что нам не понадобится побольше? — настаивал я.— В частности, воды?

— Свою воду я буду разбавлять коньяком,— сказал Руфо.— Будете дружить со мной, поделюсь.

— Милорд муж, вода — тяжелая штука. Если мы нагрузим на себя больше жестко необходимой нормы, то, подобно Белому Рыцарю, слишком утяжелим себя для грядущих боев. Мне нужна сила, чтобы перенести из одного мира в другой трех человек, оружие и минимум одежды. Самое простое — живые тела, тут я могу позаимствовать прану у вас обоих. Затем следуют материалы органического происхождения. Ты, надо думать, заметил, что наша одежда сделана из шерсти, луки — из дерева, их тетива — из кишок. Вещи же, которые никогда не были живыми, переносить труднее всего, особенно сталь, а нам необходимы шпаги, а будь у нас огнестрельное оружие, то пришлось бы напрягать все силы, чтобы взять его с собой. Однако, милорд Герой, я тебя только

инструктирую. Решать должен ты сам — я же уверена, что смогу захватить с собой... ну... еще около полуцентнера мертвого груза, если будет необходимо. Если ты отберешь сам то, что тебе подскажет твой гений.

— Считайте, что мой гений пошел рыбку половить на покое. Но, Стар, любимая, тут же есть простой ответ — бери с собой все!

— Милорд?

— Джоко нагрузил нас чуть ли не тонной еды, вином, в количестве достаточном, чтобы открыть винную торговлю, и небольшим запасом воды. Плюс обширный выбор орудий для убийства, нанесения ран и увечий. Даже латы. И много чего другого. В этой шкатулке хватит запасов, чтобы выдержать осаду в Карт-Хокеше, не пользуясь ни местной едой, ни местным питьем. И все это весит всего лишь пятнадцать фунтов в упакованном виде, то есть куда меньше тех пятидесяти фунтов, которые, как ты сказала, можно перенести при напряжении всех сил. Да я сам привяжу шкатулку на спину и ничего не замечу. Даже шага не замедлю. Более того, шкатулка убережет меня от искривления позвоночника. Годится?

Выражение лица Стар больше всего подошло бы матери, чье дитя задало один из «вечных» вопросов, и она теперь пытается разъяснить ему весьма деликатную проблему.

— Милорд муж, масса будет непомерно велика. Я очень сомневаюсь, чтобы какой-нибудь колдун или колдунья могли бы передвинуть ее без помощи со стороны.

— Но я же говорю о сложенной шкатулке!

— Это ничего не меняет, милорд, масса все равно присутствует и, надо сказать, опасно присутствует. Представь себе мощную пружину, сжатую до тугого и очень малого объема и тем самым таящую в себе огромный запас энергии. Необходима колоссальная сила, чтобы перенести сложенную шкатулку из этого мира в другой, ибо она может просто взорваться.

Я вспомнил грязевой вулкан, промочивший нас до нитки, и перестал спорить.

— Ладно. Я ошибся. Но есть еще вопрос: если масса присутствует постоянно, почему же она весит так мало в сложенном виде?

На лице Стар снова возникло то же выражение затрудненности.

— Извини, милорд, но у нас с тобой отсутствует общий язык, я имею в виду математический, который позволил бы мне ответить на вопрос. Во всяком случае, сейчас. Обещаю тебе, что потом, если захочешь, ты сможешь досконально изучить эту проблему. А пока в качестве эрзаца подумай о шкатулке как о частном случае искривления пространства. Или представь себе массу, столь удаленную — в каком-то другом измерении — от граней шкатулки, что местное тяготение просто может не приниматься в расчет.

(Я вспоминаю эпизод, когда моя бабушка попросила меня объяснить ей телевизор — его внутреннее устройство, а не бегущие картинки. Существует множество вещей, которые нельзя усвоить за десять коротких уроков, нельзя и популяризовать для широкой массы населения. Для этого нужны долгие годы работы мозга, чтобы черепушка стала мокрой от пота. Конечно, подобный взгляд можно рассматривать как тяжкое преступление в век, где правит невежество, а взгляд одного человека считается не хуже взгляда любого другого. Но факт остается фактом. Как говорит Стар — мир таков, каков он есть, и он не прощает невежества.)

Однако любопытство продолжало грызть меня.

— Стар, а ты можешь объяснить мне, почему одни вещи проходят через пространство легче других, я говорю о шерсти и стали?

Вид у нее был грустный.

— Нет, не могу — сама не знаю. Магия — не наука, это комплекс подходов, которыми достигается определенный результат, подходов, которые работают, а почему — неизвестно.

— Похоже на инженерное проектирование. Замысел рождается из теории, а разработка идет методом тыка.

— Да, милорд муж. Волшебник — это инженер-эмпирик.

— А философ,— вмешался Руфо,— это ученый без эмпирики. Я — философ. Это лучшая из всех профессий.

Стар ничего ему не ответила, достала чертежный блок и познакомила меня с данными, которыми она располагала насчет Высокой Башни, из которой нам предстояло увести Яйцо Феникса. Этот блок представлял собой куб из плексигласа. Во всяком случае, он был похож на плексиглас, был таков же на ощупь и так же, как плексиглас, покрывался отпечатками пальцев.

В руке Стар держала длинную указку, которая погружалась в куб столь же легко, как в воздух. Кончиком указки Стар могла рисовать в трех измерениях. Указка оставляла тонкие светящиеся линии разных цветов — своего рода грифельная доска, но трехмерная.

Это была не магия, это была передовая технология, которая преобразит к чертовой матери все наши методы инженерного проектирования, когда мы дотумкаем до того, как это делается; эта штука сыграла бы огромную роль при проектировании сложных узлов, например, в авиационном моторостроении или в производстве ЭВМ. Блок имел грани около тридцати дюймов по краю, рисунок внутри можно было рассматривать под любыми углами, в том числе повернув вверх ногами.

Башня-Высотой-в-Милю имела форму не шпиля, а огромного монолита и несколько напоминала ступенчатые небоскребы Нью-Йорка, только куда выше. Внутри ее лабиринт.

— Милорд Рыцарь,— начала Стар виновато.— Когда мы покидали Ниццу, в нашем багаже лежал законченный чертеж Башни. Теперь мне приходится восстанавливать его по памяти. Однако я так часто рассматривала тот чертеж, что, кажется, могу изобразить все точно, хотя и с нарушением пропорций. Я уверена в направлении верных проходов, что ведут к Яйцу. Вполне возможно, что фальшивые ходы и тупики я помню хуже. Ведь им я уделяла меньше внимания.

— Не думаю, чтобы это имело значение,— успокоил я ее.— Если я буду знать правильные ходы, то все, чего я не знаю,— фальшиво. И мы ими пользоваться не будем. Разве что спрячемся туда в случае чего.

Стар нарисовала верный путь пылающим красным цветом, а фальшивые ходы — зеленым, причем зеленого на чертеже было куда больше, чем красного. У парня, что спроектировал эту Башню, мозги были явно набекрень. Ходы, которые шли от того, что казалось главным входом, вели вглубь, шли то вверх, то вниз, раздваивались, сходились, расходились, проходили совсем рядом с Залом Яйца, опускались вниз, поворачивали обратно, шли окольными путями и выбрасывали вас наружу, совсем как в паноптикуме П. Т. Барнума.

Другие входы вели внутрь и запутывали вас в лабиринте, который совсем не подчинялся правилу «держитесь левой стороны». Если вы придерживались этого правила, то обрекали себя на голодную смерть. Даже путь, прорисованный красным, и тот был неимоверно труден. И если не знать комнаты, где хранилось Яйцо, можно было путаться там целый год плюс еще следующий январь в бесплодных и бессмысленных поисках.

— Стар, ты была в Башне?

— Нет, милорд. Я была в Карт-Хокеше, но далеко от Башни, в Гротто-Хиллз. Башню видела лишь издалека.

— Но кто-то ведь там был? Уверен, что это не твои... оппоненты снабдили тебя этим чертежом.

— Милорд, шестьдесят три смельчака погибли, добывая информацию, которую я вручила тебе.

(Значит, сегодня шестьдесят четвертая попытка!)

— А можно мне сосредоточиться только на красных линиях? — спросил я.

— Конечно, милорд.— Стар коснулась кнопки контроля, зеленые линии померкли. Красные начинались от трех входов — от «двери» и двух «окон».

— Это единственная дверь из тридцати или сорока, которая ведет к Яйцу? — Я показал на самый нижний вход.

— Точно так.

— Тогда именно возле этой двери они и будут поджидать нас, надеясь прикончить.

— Весьма вероятно, милорд.

— Хмм.— Я повернулся к Руфо.— Руфо, в твоих запасах нет ли длинной, крепкой и тонкой веревки?

— Есть то, что Джоко использует в подъемниках. Она похожа на толстую леску, но выдерживает вес до полутора тысяч фунтов.

— Молодчина!

— Я так и думал, что она вам пригодится. Тысячи ярдов хватит?

— Вполне. А что-нибудь полегче есть?

— Шелковая леска для форели.

Через час мы закончили все приготовления, учтя все, что мне казалось важным, а план лабиринта сидел в моей памяти так же прочно, как алфавит.

— Стар, милая, мы готовы. Хочешь приступить к своему волшебству?

— Нет, милорд.

— Почему же нет? Чем быстрее, тем лучше.

— Не могу, любимый. Эти Врата — не настоящие Врата, в том смысле, что тут необходима точная привязка ко времени. Эти откроются всего лишь на несколько минут примерно через семь часов, а потом будут закрыты в течение нескольких недель.

Мне в голову пришла вполне естественная мысль:

— А ведь если тем типам, с которыми нам придется иметь дело, это известно, то они могут ударить по нам в ту минуту, когда мы будем выходить из Врат?

— Надеюсь, нет, милорд Рыцарь. Они будут думать, что мы появимся где-то в Гротто-Хиллз, поскольку им известно о существовании Врат в том районе, и я действительно собиралась ими воспользоваться. Что касается этих Врат, то, если они даже известны нашим противникам, сами Врата расположены для нас столь неудобно, что трудно поверить, будто мы решимся к ним прибегнуть.

— Каждое твое слово укрепляет мои надежды. Не скажешь ли ты еще что-нибудь об ожидающих нас опасностях? Что нас ждет — танки? Кавалерия? Зеленые великаны с волосатыми ушами?

Стар явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Все, что я скажу, может тебя только запугать. Мы вправе предположить, что их войско будет состоять скорее из сконструированных, чем из живых существ, а это значит, что их внешний вид может быть любым. Кроме того, многое, возможно, будет иллюзией. Я говорила тебе о гравитации?

— Не думаю, наверное — нет.

— Извини, я устала, мозг работает хуже. Гравитация тут колеблется сильно и внезапно. Горизонтальная поверхность может вдруг наклониться вниз или круто пойти вверх. Другие вещи... они легко могут оказаться иллюзиями.

— Босс, если он движется — стреляйте,— вмешался Руфо.— Если оно говорит — режьте ему глотку. Таким путем вы уничтожите немало иллюзий. Особая программа действий вам не нужна: вот они — мы, а вот они — прочие. Стало быть, сомневаешься — убивай. И не надо зря напрягаться.

— Не напрягаться, значит! О'кей, волноваться будем, когда доберемся. А посему — кончай разговоры.

— Да, милорд муж,— поддержала Стар,— будет лучше, если мы несколько часов поспим.

Что-то в ее голосе было новое. Я взглянул на нее: какие-то легкие изменения обнаружились и в ее внешнем облике. Она казалась меньше, мягче, более женственной и слабой, чем та амазонка, которая лишь два часа назад палила из лука в зверюгу, в сотни раз превосходившую ее по весу.

— Отличная мысль,— проговорил я неторопливо и огляделся. Пока Стар рисовала чертеж Башни, Руфо упаковал все, что мы оставляли здесь, и (теперь я это заметил) положил одну спальную подстилку у одной стены, а две других рядышком — у другой, самой дальней.

Я задал свой вопрос без слов, показав взглядом на Руфо и пожав плечами с видом «А что потом?».

Ее ответный взгляд не сказал мне ни «да», ни «нет». Вместо этого она приказала:

— Руфо, иди спать и дай ноге отдых. Ляг на живот или носом к стене.

Впервые Руфо показал, что не одобряет наших действий. Он ответил резко, но не на то, что Стар сказала, а на то, что подразумевалось:

— Подглядывать я не нанимался!

Стар сказала так тихо, что я едва разбирал слова:

— Извини его, милорд муж. Он стар, у него свои слабости. Когда он ляжет, я погашу свет.

— Стар, любимая,— шепнул в ответ я,— все это никак не соответствует моим представлениям о медовом месяце.

— Ты так хочешь, милорд, мой возлюбленный? — заглянула она мне в глаза.

— Да. По рецепту медового месяца полагается кувшин вина и ломоть хлеба, но там ничего не говорится о дуэньях мужского полу. Я очень сожалею.

Она положила свою легкую руку мне на грудь и опять посмотрела в лицо.

— Я очень рада, милорд.

— Рада? — Не понимаю, зачем ей понадобилось так говорить?

— Да. Нам обоим нужен сон. Из-за завтрашнего дня. Эта сильная рука, привыкшая держать шпагу, дарует нам еще много ночей и рассветов.

Я сразу почувствовал себя лучше и улыбнулся ей.

— О'кей, Принцесса. Только сомневаюсь, что засну.

— Ах, конечно, заснешь.

— Побьемся об заклад?

— Выслушай меня, милорд, мой любимый. Завтра, после того, как ты победишь... мы сразу же отправимся ко мне домой. Никаких отсрочек, никаких неприятностей. Я очень хочу, чтобы ты выучил язык моей страны и не чувствовал себя там чужаком. Я хочу, чтобы моя страна стала твоим домом, и немедленно. Пусть мой муж приготовится ко сну, ляжет на спину и позволит дать ему урок языка. Ты заснешь, ты же знаешь, что заснешь.

— Что ж, отличная мысль. Но тебе же сон нужен еще больше, чем мне.

— Прошу прощения, милорд, но это не так. Четыре часа сна сделают мой шаг снова пружинистым, а на устах вновь заиграет улыбка.

— Ладно!

Через пять минут я уже вытянулся на подстилке, глядя в самые дивные в мире глаза и слушая любимый голос, мягко выговаривавший слова на чуждом для меня языке.

Глава 14

Руфо тронул меня за плечо.

— Завтрак готов, босс.— Он сунул мне в одну руку сандвич, в другую — кружку пива.— Хватит для драки, а ланч уже упакован. Я приготовил вам чистую одежду и оружие... помогу одеться, как только вы поедите.— Он был уже одет и подпоясан ремнем.

Я зевнул, откусил кусок сандвича (анчоусы, ветчина и майонез с чем-то, отдаленно похожим на помидоры или латук) и осмотрелся. Место рядом со мной пустовало, но, судя по всему, Стар только что встала. Она еще не оделась. Стояла на коленях в центре зала и рисовала на полу какой-то узор.

— Доброе утро, болтушка,— сказал я.— Опять пентаграмма?

— Ммм...— Стар не подняла даже глаз.

Я подошел поближе, чтобы рассмотреть, что она делает. Что бы это ни было, но рисунок исходил не из пятиугольной звезды. Он имел три главных центра, был очень сложен, включал несколько надписей в разных местах — я не разобрал ни языка, ни алфавита. Мне показалось, рисунок чем-то походит на проекцию гиперкуба.

— Уже позавтракала, птичка?

— Я встала давно.

— То-то ты у меня похудела. Это тессеракт?

— Хватит! — Она откинула волосы назад, взглянула на меня и смущенно улыбнулась.— Прости меня, дорогой. Колдуньи — стервы, как на подбор, это уж точно. Но, пожалуйста, не заглядывай мне через плечо. Я ведь работаю по памяти — книги пропали в болоте, и мне дьявольски трудно. И еще — прошу тебя — сегодня никаких вопросов... Ты можешь нарушить мою уверенность в себе, а я должна быть совершенно уверенной.

— Прошу извинения у миледи,— расшаркался я.

— И не надо быть со мной таким официальным, родной. Просто люби меня и быстренько поцелуй, а потом оставь в покое.

Я наклонился к ней и наградил высококалорийным поцелуем с майонезом, после чего оставил в покое. Одевался я, одновременно приканчивая сандвич и пиво, потом зашел в естественный альков, в сторонке от Хранителей, установленных в проходе, в тот самый, что служил нам мужским туалетом. Когда я вернулся, Руфо уже ожидал меня с моей шпагой и перевязью в руках.

— Босс, вы опоздаете даже на собственное повешенье.

— Очень надеюсь.

Через несколько минут мы уже стояли на этой пентаграмме, Стар, так сказать, на площадке питчера[1], а я с Руфо — на второй и третьей центральных точках. Оба были обвешаны вещами: я — с двумя канистрами, со шпагой Стар и с ее боевым поясом, застегнутым на самую первую дырочку, и с моим собственным оружием, а Руфо — с двумя колчанами, с луком Стар, с ее медицинской

[1] *Питчер* — подающий в бейсболе.

сумочкой и нашим ланчем. Наши луки с натянутыми тетивами мы зажали под левыми подмышками. Каждый держал в правой руке обнаженную шпагу. Штаны Стар я засунул сзади под ремень, откуда они торчали неряшливым хвостом, а Руфо поступил так же с ее жакетом. Что же касается ее мокасин и шляпы, их мы распихали по карманам. Выглядели мы с ним словно уличные торговцы.

Левые руки у меня и Руфо были свободны. Мы смотрели прямо вперед, шпаги наголо, левые руки откинуты назад, каждую из них крепко держала Стар. Она занимала позицию точно в центре — ноги расставлены, прочно стоят на земле, одета так, как того требует профессия ведьм, занятых тяжелой работой,— даже заколки в волосах, и той не было. Смотрелась она великолепно — волосы копной, глаза горят, лицо пылает, так что я очень жалел, что приходится стоять к ней спиной.

— Вы готовы, мои храбрецы? — возбужденно произнесла она.

— Готов! — подтвердил я.

— Ave, Imperatrix, nos moriture te...[1]

— Руфо, прекрати... Молчание!! — Она затянула песнь на незнакомом мне языке. По затылку побежали мурашки.

Стар кончила петь, еще сильнее сжала наши руки и крикнула:

— Пошел!

Внезапно, как внезапно захлопывается дверь, обнаружилось, что я (нормальный герой Бута Таркингтона) попал в ситуацию, привычную скорее героям Микки Спиллейна. У меня не было времени даже простонать.

Вот оно — прямо передо мной, это существо, готовящееся срубить меня, и я воткнул ему клинок прямо в брюхо, выдернул его обратно, пока оно решало, в какую именно сторону упасть. Сразу же — его приятель, которого пришлось успокоить тем же способом. Еще один скорчился внизу, пытаясь нанести мне удар в ногу, просовывая оружие между ног своих товарищей по службе. Я метался, как голый однорукий среди муравейника, и даже

[1] Императрица, идущие на смерть приветствуют тебя (*лат.*) Герой несколько перефразирует классическое приветствие римских гладиаторов.

не заметил, как Стар сорвала с меня свою шпагу. Зато увидел, как она зарубила противника, намеревавшегося стрелять в меня. Стар была повсюду одновременно, голая, как лягушка, и вдвое более ловкая. Переход между мирами вызвал чувство, сходное с ощущением, которое испытываешь в быстро опускающемся лифте, и, надо думать, резко изменившаяся гравитация была бы для нас трудным испытанием, будь у нас время об этом подумать.

Стар даже воспользовалась этим обстоятельством. Прикончив парня, нацелившегося пристрелить меня, она проплыла над моей головой и головой еще одного надоеды, ткнув его по пути шпагой в шею, после чего он навсегда потерял желание к кому-либо приставать.

Я считал, что она помогает и Руфо, но времени для наблюдений у меня не было. Я слышал, как он кряхтит за моей спиной, из чего следовало, что он все еще больше выдает, чем получает.

Тут он заорал:

— Ложись! — И что-то ударило меня под колени, я упал, приложившись весьма капитально, и уже готовился вскочить на ноги, когда сообразил, что виновником падения был Руфо. Он лежал на брюхе рядом со мной и из чего-то, что могло быть пистолетом, палил по движущимся целям — там на равнине, прячась за трупом одного из участников этой игры.

Стар тоже лежала, но уже не сражалась. Что-то пробило дырку в ее правой руке между локтем и плечом.

Вблизи от меня ничего живого не наблюдалось, но на расстоянии четырехсот-пятисот футов от нас ясно виднелись какие-то цели, весьма быстро передвигавшиеся. Я видел, как одна из целей упала, услышал странное гудение и почуял запах горелой плоти. Одно из странных ружей валялось на трупе, лежавшем слева от меня. Я схватил его и попытался понять принцип действия. Там был приклад и какая-то трубка — видимо, ствол, все остальное не лезло ни в какие ворота.

— Вот так, мой Герой.— Стар подползла ко мне, волоча за собой раненую руку и оставляя кровавый след.— Прижми его к плечу как винтовку и смотри в него. Там, под большим пальцем левой руки, есть кнопка. Нажми на нее. Вот и все — ни поправки на ветер, ни поправки на дальность.

И никакой отдачи, как я обнаружил, выследив одну из бегущих фигур и нажав на кнопку. Возник клубочек дыма, и фигура упала. «Луч смерти», или лазерный луч, или что-то еще — а ты цельсь, нажимай кнопку, и кто-то далеко от тебя закончит пикник с прожженной в теле дырой.

Я сбил еще парочку, работая слева направо, и с помощью Руфо прикончил все мишени. Ничто, насколько я мог видеть, больше нигде не шевелилось.

— Лучше продолжайте лежать, босс.— Руфо подкатился к Стар, открыл ее медицинскую сумочку, висевшую на его поясе, и торопливо наложил ей грубую повязку на раненую руку.

Потом повернулся ко мне:

— Как сильно вы ранены, босс?

— Я? Ни царапины!

— А это что на рубашке? Кетчуп? Когда-нибудь вам влепят хороший заряд. Давайте посмотрим.

Я позволил ему расстегнуть куртку. Кто-то, с помощью зазубренного, как пила, лезвия, проделал мне в левом боку, пониже ребер, изрядную дырку. Я ее не заметил и боли не почувствовал — до тех пор, пока не увидал, а уж тогда она заныла, да так, что голова закружилась. Дело в том, что я совершенно не одобряю насилия, когда оно обращено к моей персоне.

Пока Руфо делал перевязку, я смотрел в сторону, чтобы не видеть рану.

Вблизи нас валялось около дюжины убитых, плюс почти половина этого количества лежала вдали — бежавшие, думаю, уничтоженные поголовно. Как? А как собака весом в шестьдесят фунтов, имеющая на вооружении только зубы, хватает, валит на землю и держит до зубов вооруженного человека? Ответ: благодаря атакующему мужеству.

Думаю, что мы прибыли в Карт-Хокеш в то самое время, когда производилась смена караула у Врат, и если бы мы появились со шпагами в ножнах, нас тут же зарубили бы. А получилось, что мы убили многих прежде, чем они поняли, что драка уже началась. Они были рассеяны, деморализованы, и нам удалось уничтожить их всех, включая и бежавших. Карате и ряд других видов рукопашной (кроме бокса и тех игр, в которых действуют жесткие

правила) основаны на том же — нападай, бей на уничтожение и не пугайся. Все эти виды — не столько умение, сколько отношение к делу.

У меня было время, чтобы рассмотреть наших противников — один из них лежал ко мне лицом с распоротым брюхом. «Иглины дети» назвал бы я их, только более экономичной модели. Ни красоты, ни пупков, ни ума, созданные, надо думать, только для одной цели — драться и стараться выжить. Это, правда, и к нам относится, но мы были пошустрее. Зрелище это действовало мне на пищеварение, поэтому я перевел взгляд на небо. Тут было нисколько не лучше — небо было какое-то ненастоящее, виделось как бы вне фокуса. Оно нависало, и цвет был неправильный, что раздражало, как картина абстрактного живописца. Я снова посмотрел на наши жертвы — теперь, в сравнении с небом, они казались почти приятными.

Пока Руфо перевязывал меня, Стар вползла в свои брюки и мокасины.

— А можно я сяду, чтобы надеть и жакет? — спросила она.

— Нет! — ответил я.— Может, они считают нас мертвецами.— Руфо и я помогли ей одеться, не высовываясь над баррикадой мертвых тел. Боюсь, что руку мы ей растревожили, хотя все, что она сказала, было:

— Шпагу перевесьте мне на правый бок. Что будем делать дальше, Оскар?

— Где твои подвязки?

— У меня, но я не уверена, что они тут сработают. Это очень странное место.

— Уверенность в себе! Вот о чем мы говорили всего лишь несколько минут назад. А ну-ка, заставь свой крохотный умишко напрячься, веря, что из этого кое-что получится.

Мы собрались в кучку, вместе с имуществом, дополненным тремя «ружьями» плюс чем-то вроде пистолетов, затем нацелили дубовую стрелу на крышу Башни-Высотой-в-Милю. Она возвышалась над всей округой — скорее гора, чем здание, черная и страшенная.

— Готовы? — спросила Стар.— И вы тоже верьте! — Она нарисовала что-то пальцем на песке.— Вперед!!!

И мы полетели. Уже в воздухе я понял, какую роскошную мишень мы представляем, но и на земле мы тоже были легкой добычей для каждого, кто сидел в Башне, так что было бы гораздо хуже, двинься мы к Башне пешедралом.

— Быстрее! — орал я в ухо Стар.— Пусть она летит еще быстрее!

Так и вышло. Воздух завыл у меня в ушах, мы ныряли вниз, взмывали наверх, скользили вбок, пролетая над теми гравитационными возмущениями, о которых предупреждала Стар. Возможно, это нас и спасло — как цель мы очень потеряли в качестве. Впрочем, если мы перебили весь сторожевой отряд, то в Башне могли еще и не знать о нашем прибытии.

Земля под нами лежала серо-черной пустыней, окруженной горным кольцом вроде лунного кратера, причем Башня играла роль главного пика. Я рискнул бросить взгляд на небо и попытался понять, что с ним такое. Солнца не было. Звезд не было. Небо не черное, не голубое — свет идет отовсюду, и оно распадалось на ленты, клубящиеся формы и провалы теней — всех цветов радуги.

— Во имя Господа Бога, что же это за планета?! — воскликнул я.

— Это не планета,— прокричала в ответ Стар.— Это место в совершенно уникальной Вселенной. Жить здесь нельзя.

— Кто-то же живет там,— указал я на Башню.

— Нет, нет, тут никто не живет. Она построена только для того, чтобы хранить Яйцо.

Мне еще не до конца была ясна вся чудовищность этой идеи. Тут я вспомнил, что мы не осмеливаемся здесь ни есть, ни пить, и поразился, как это мы дышим тут воздухом, если местная химия для нас отрава? Грудь у меня стеснило, где-то внутри появилось жжение. Тогда я спросил об этом Стар, а Руфо застонал (он вполне имел право на два-три стона — его до сих пор не вырвало, во всяком случае, я не видал).

— О, по меньшей мере двадцать часов,— ответила она.— Забудь об этом. Это не имеет значения.

Пусть так, но грудь у меня действительно болела, я даже застонал.

Сразу же после этих слов мы сели на крышу Башни. Стар еле успела произнести свое «Амех» — мы чуть не проскочили мимо.

Крыша была плоская, покрытая вроде бы черным стеклом, площадью в двести квадратных ярдов. И не было там никакой хреновинки, к которой можно было бы привязать веревку.

А я-то рассчитывал по крайней мере на вентиляционную трубу!

Яйцо Феникса лежало прямо под нами на глубине ста ярдов. В мозгу у меня было два плана на случай, если мы все же доберемся до Башни. В ней было три отверстия (из сотен), от которых шли верные ходы к Яйцу и к Никогда-Не-Рожденному Пожирателю Душ — местному военному полицейскому, сторожившему Яйцо.

Одно отверстие было на уровне земли — я его сразу исключил. Второе — в сотне футов от земли, и я о нем размышлял всерьез: пустить стрелу с тонкой леской так, чтобы она обмоталась вокруг чего-нибудь точно над окном, пользуясь леской, подтянуть более толстую веревку, подняться по ней — пустяк для опытного альпиниста, каковым я не был, но Руфо — был.

Но, как выяснилось, на Башне ничего не торчало — истинно современный дизайн, доведенный до абсурда.

Второй план заключался в том, чтобы добраться до крыши Башни, спуститься вниз по тросу до третьего «настоящего» отверстия, которое находилось почти на одном уровне с Яйцом. И вот мы там, все готово, кроме штуки для крепления веревки.

Мысли задним числом — всегда самые наилучшие... И почему же я не попросил Стар прямо подлететь вместе с нами к этой дыре в стене?!

Ну, во-первых, потребовалось бы очень точно нацеливать эту дурацкую стрелу, во-вторых, мы могли ошибиться «окошком», а в-третьих и в главных — я просто об этом вовремя не подумал.

Стар сидела и нянчила раненую руку. Я спросил:

— Детка, а ты можешь медленно и спокойно слететь с нами вниз на пару сотен футов и доставить нас к дыре, которая нам нужна?

Она посмотрела на меня, и ее лицо вытянулось.

— Нет.

— Ну что ж, плохо.

— Мне не хотелось об этом говорить, но я пережгла подвязки, летя на такой скорости. Теперь они никуда не годятся, пока их не

перезарядишь. Но того, что мне надо, тут нет — заячья кровь, волшебные травки и тому подобное.

— Босс,— вмешался Руфо,— а как насчет того, чтобы использовать как столбик для крепления троса всю Башню?

— Это как?

— Да ведь веревки у нас до черта!

Это была вполне рабочая гипотеза — обойти крышу по периметру с веревкой в руках, затем завязать узел и спустить свободный конец вниз. Так мы и сделали, но свободными у нас остались только сто футов троса из всей длины в тысячу ярдов.

Стар внимательно наблюдала за нами. Когда же мне пришлось сознаться, что нам не хватает примерно сотни футов троса, что почти так же плохо, как и его полное отсутствие, она произнесла задумчиво:

— Интересно, а не сгодится ли Ааронов жезл?

— Сгодится, если он будет держаться на этом столе-переростке для пинг-понга. А что такое Ааронов жезл?

— Он делает твердые вещи мягкими, а мягкие — твердыми. Нет, нет, не это! Впрочем, это — тоже, но я-то предлагаю уложить веревку поперек крыши, спустив примерно десять футов по задней стене Башни. Затем сделать этот конец и ту часть, что лежит на крыше, твердыми, как камень, и прочными, как сталь — получится что-то вроде крюка.

— И ты можешь это сделать?

— Не знаю. Это из «Ключа Соломонова», такое заклинание. Не уверена, что мне удастся его вспомнить, и не знаю, работают ли подобные вещи в этой Вселенной.

— Уверенность, уверенность и еще раз — уверенность! Должно получиться!

— Не помню даже, как оно начинается... Дорогой, а ты не смог бы меня загипнотизировать? Руфо не может, во всяком случае меня.

— Но я же об этом деле и представления не имею!

— А ты сделай, как я, когда даю тебе уроки языка. Смотри мне в глаза, говори нежно и спокойно, прикажи мне вспомнить Слово. А может быть, лучше сначала уложить этот трос?

Так мы и сделали, причем я спустил с крыши не десять, а целых сто футов, по принципу «чем больше, тем лучше». Стар легла на

спину, а я стал уговаривать ее, раз за разом тихо повторяя одни и те же слова (без особой убежденности).

Стар закрыла глаза и, казалось, уснула. И вдруг начала бормотать что-то на непонятном языке.

— Эй, босс! Эта проклятущая штуковина крепка, как утес, и сурова, как пожизненный приговор!

Я немедленно приказал Стар проснуться, и мы начали спуск со всей доступной нам скоростью, молясь, чтобы трос над нами не размягчился. Мы ничем не укрепляли свободный конец, я просто попросил Стар «накрахмалить» его до уровня окошка и спустился по нему, убедясь, что оно именно то, которое нужно — в третьем ряду, четырнадцатое по счету. Затем ко мне соскользнула Стар, и я принял ее прямо в свои объятия. Потом Руфо спустил наш багаж — преимущественно оружие — и последовал за ним.

Мы были в Башне, пробыв на планете, извиняюсь, в «месте», называемом Карт-Хокеш, всего лишь каких-нибудь сорок минут.

Я остановился и стал приводить план Башни, хранившийся в моей памяти, в соответствие с реальной обстановкой, устанавливая местонахождение Яйца и направление верных ходов.

О'кей! Осталось лишь пройти несколько сот ярдов, схватить Яйцо Феникса и бежать. Грудь перестала болеть.

Глава 15

— Босс,— сказал Руфо,— взгляните-ка на равнину.

— На что?

— Ни на что,— ответил он.— Мертвяков-то не видно! А мы, готов поклясться, должны были бы их видеть на фоне черного песка, где нет даже кустика, способного загородить перспективу.

Я не стал смотреть.

— Это проблема крыс и мышей, будь они прокляты. А нам надо работать. Стар, ты можешь стрелять левой рукой? Ну, хотя бы из этих пистолетов?

— Разумеется, милорд.

— Держись футах в десяти от меня, стреляй в любую движущуюся мишень. Руфо, ты пойдешь за Стар с натянутым луком и

стрелой наготове. Бей во все, что покажется подозрительным. Повесь на плечо одно из этих ружей, вместо ремня возьми кусок веревки.— Я подумал еще.— Большую часть багажа придется бросить. Стар, ты лук натягивать не сможешь, так что оставь его здесь, хоть он и очень красив. Брось и колчан. Мой колчан Руфо повесит на спину вместе со своим — стрелы у нас одинаковые. Жаль бросать мой лук, я к нему привык. Но надо. Будь оно все неладно.

— Я понесу его, мой Герой.

— Нет, все барахло, которым мы не будем пользоваться, надо выбросить.— Я отцепил свою канистру, сделал несколько больших глотков и передал ее остальным.— Пейте и выбросьте.

Пока Руфо пил, Стар перекинула мой лук через плечо.

— Милорд муж, он очень легок и ничуть не помешает мне стрелять. Ну как?

— Если он будет мешать, обрежь тетиву и забудь. Теперь пейте сколько нужно и пошли.— Я поглядел в глубь коридора, в котором мы находились,— пятнадцать футов в ширину, столько же в высоту, освещенный неизвестно чем и неизвестно откуда, заворачивающий направо, что полностью соответствовало картинке в моем мозгу.— Готовы? Будьте начеку. Если не сможем изрубить всех в капусту, будем стрелять и колоть, почести павшим отдадим потом.— Я обнажил шпагу, и мы двинулись походным маршем.

Почему со шпагой, а не с одним из этих лучевых ружей? У Стар было такое, и она разбиралась в нем получше меня, я даже не знал, как долго надо жать на кнопку. Стрелять Стар умела, это доказало ее обращение с луком, а в битве она была столь же хладнокровной, как Руфо или я.

Я расположил свое войско и роды оружия в силу своего разумения. Руфо в тылу с запасом стрел мог воспользоваться ими в любую минуту, но в то же время имел возможность в случае нужды перейти либо на шпагу, либо на одно из «ружей» — как подсказал бы ему разум.

Мне не надо было подавать ему советы — он и сам был с усами.

Итак, с тылу меня подкрепляло оружие дальнего боя — древнее и ультрамодерновое, находившееся в руках людей, умевших им пользоваться, а также обладавших боевым темпераментом — последнее особенно важно (вы знаете, сколько человек во взводе

действительно стреляют в схватке? От силы — шесть. Вернее — три. Остальные — обмирают).

И все же — почему я не вложил шпагу в ножны и не взял одно из этих удивительных «ружей»?

Хорошо сбалансированная шпага — самое универсальное оружие из всех изобретенных для ближнего боя. Пистолеты и винтовки — они для нападения, а не для обороны. Кинься на противника рывком, он даже не успеет выстрелить из своей винтовки, а ведь ему надо остановить тебя на приличном расстоянии. А если броситься на человека, вооруженного клинком, то он проткнет тебя, как жареного голубя, конечно, в том случае, если у тебя самого нет клинка или ты им владеешь хуже, чем он.

Шпагу никогда не заклинит, ее не нужно перезаряжать; она всегда готова к бою. Основной ее недостаток — она требует большого искусства в обращении и спокойной, «любящей» практики в овладении этим искусством. Научить этому необученных рекрутов нельзя ни за несколько недель, ни за несколько месяцев.

Но главное (а это и есть основная причина) — радость ощущать эфес Леди Вивамус, чувствовать ее готовность врубиться во вражескую плоть придавала мне смелость в той ситуации, которая страшила меня до потери слюны во рту — ее не хватило бы даже для плевка.

Они (интересно, кто такие эти «они»?) могли стрелять в нас из засады, травить нас газами, готовить для нас ловушки и многое другое. Сделать это они могли и в том случае, если бы я был вооружен одним из тех странных «ружей». Со шпагой же в руках я чувствовал себя свежим и смелым — и это ставило мой маленький отряд почти что вне опасности. Если командир считает нужным таскать с собой заячью лапку, пусть таскает, а эфес этой чудесной шпаги был куда лучшим талисманом, чем все заячьи лапки штата Канзас.

Коридор тянулся вдаль прямой, ровный, казалось, не таивший ни звука, ни угрозы. Вскоре вход в него остался позади. Большая Башня была пуста, но не мертва. Она жила, как по ночам живет музей — сборище призраков старины и древнего Зла. Я еще крепче сжал рукоять шпаги и лишь усилием воли расслабился и чуть-чуть разжал пальцы.

Мы подошли к крутому повороту налево. Я резко затормозил.

— Стар, этого поворота на чертеже не было!

Она не ответила. Я стал настаивать:

— Да, не было. Или был?

— Я не уверена, милорд.

— Ладно. Но я уверен. Х-м-м...

— Босс,— сказал Руфо.— А вообще-то вы уверены, что мы вошли в правильное «окно»?

— Уверен. Я могу ошибаться, но я уверен, так что если я ошибся, то мы можем считать себя мертвецами. М-м-м... Руфо, возьми лук, надень на него шляпу, высунь его, будто это человек, выглядывающий из-за угла, и держи ее на высоте человеческого роста, пока я сам посмотрю, что там делается, но только с более низкой позиции.— Я лег на живот.

— Готов? Давай...— Я умудрился выставить глаз в шести дюймах от пола, пока Руфо вызывал огонь на более высокую точку.

Ничего там не было, кроме пустого коридора, стрелой уходившего вдаль.

— О'кей, следуйте за мной! — Мы зашли за угол.

Пройдя несколько шагов, я встал:

— Что за черт!

— Что-нибудь не так, босс?

— Все! — Я обернулся и понюхал воздух.— Тут все не так. Яйцо находится вон там,— проговорил я и показал.— Примерно ярдах в двухстах, если верить чертежу в блоке.

— А чем это плохо?

— Не знаю. Дело в том, что именно такими были направление и угол до того, как мы свернули в это колено коридора. Теперь же Яйцо должно было быть справа от нас, а там его нет.

— Босс, послушайте, а почему бы нам просто не следовать теми проходами, которые вы запомнили хорошо? Вы же не можете помнить все мелкие детали.

— Заткнись. Смотри вперед, следи за коридором. Стар, стань на углу и следи за мной. Я кое-что хочу проверить.

Оба встали на свои места. Руфо — «впередсмотрящий» и Стар, которая могла смотреть у поворота направо в обе стороны. Я вернулся в первый «рукав» коридора, потом пошел обратно. Не доходя

до поворота, закрыл глаза и шагнул вперед. Сделав десяток шагов вперед, я остановился и открыл глаза.

— Теперь все ясно,— сказал я Руфо.

— Что ясно?

— А то, что никакого поворота не существует,— и я показал на поворот.

— Босс, как вы себя чувствуете? — Он попытался потрогать мой лоб.

— Нет у меня жара. Идите оба за мной.— Я повел их обратно футов на пятьдесят в глубину первого «рукава» и остановился.— Руфо, выпусти стрелу вон в ту стену, в которую упирается коридор. Пусти ее так, чтобы она ударилась футах в десяти от пола.

Руфо вздохнул, но повиновался. Стрела взвилась и... исчезла в стене. Руфо пожал плечами:

— Попал в какую-то дыру! Из-за вас потеряли стрелу, босс.

— Возможно. Теперь пошли обратно.

Мы завернули за угол и там обнаружили нашу стрелу лежащей на полу довольно далеко от поворота. Я позволил Руфо поднять стрелу, он внимательно рассмотрел ее, потрогал вытисненный на ней герб Дораля и положил ее обратно в колчан. Мы пошли дальше.

Потом мы подошли к месту, где ступени лестницы повели нас вниз, тогда как моя «шишка направления» утверждала, что мы поднимаемся и место нашего назначения соответственно с этим меняло и направление, и угол. Я закрыл глаза для проверки и физически ощутил, что поднимаюсь. Значит, глаза меня обманывали.

Это было похоже на один из этих «хитрых» домов в парках отдыха, где горизонтальный пол оказывается вовсе не горизонтальным,— очень похоже, но только в степени, возведенной в куб.

Я перестал сомневаться в правильности чертежа Стар и шел по его трассе, независимо от того, что подсказывало мне мое зрение. Когда коридор вдруг разветвился на четыре, тогда как память мне говорила, что тут только два ответвления, из которых одно — тупик, я решительно зажмурил глаза и шагнул туда, куда глядел мой нос,— и Яйцо осталось там, где оно и должно было быть по моим расчетам.

Но Яйцо отнюдь не обязательно должно было приближаться к нам с каждым новым поворотом или с новой развилкой, и правило, что прямая — это кратчайшее расстояние между двумя точками, тут не работало. Наш путь был запутан, как кишки в животе человека,— архитектор явно предпочитал кренделя прямым линиям и углам. Еще хуже получилось в том случае, когда мы взбирались по лестнице вверх, тогда как по чертежу тут был горизонтальный отрезок, гравитационная аномалия обрушилась на нас с огромной силой, и мы оказались на потолке.

Особого вреда нам это не причинило, но когда мы достигли предела, гравитация снова изменилась, и нас сбросило с высоты на пол. С вылезающими из орбит глазами я помог Руфо собрать рассыпанные стрелы, и мы двинулись дальше. Мы приближались к логовищу Никогда-Не-Рожденного и к Яйцу.

Коридоры стали сужаться, их стены приобрели грубую фактуру, обманные проходы также стали эже и ничем не отличались от настоящих, а свет стал меркнуть.

И это было еще не самое плохое. Я не боюсь темноты и тесных помещений. Только намертво забитый людьми подъемник в универсаме в день дешевой распродажи может вызвать во мне ощущение клаустрофобии. Но я услышал крыс!

Крысы, множество крыс бегали и визжали в стенах — вокруг нас, под нами, над нами. Я покрылся потом и пожалел, что выпил столько воды. Темнота и теснота усиливались, теперь мы уже ползли через узкий туннель, пробитый в камне, сначала на четвереньках, потом на брюхе, в полной тьме, как будто это было подземелье замка Иф. И крысы перебегали нам дорогу с писком и шорохом когтей.

Нет, я не заорал. Стар ползла за мной, она не визжала и не стонала из-за раненой руки — и я не имел права кричать. Она похлопывала меня по ноге каждый раз, как мы продвигались вперед на считанные дюймы, давая знать, что с ней все в порядке и с Руфо все тоже о'кей. Мы не могли тратить силы на разговоры.

Я увидел что-то едва различимое — два призрачных пятна где-то впереди, остановился, всмотрелся, моргнул слезящимися глазами, снова всмотрелся. Потом шепнул Стар:

— Я что-то вижу. Побудь тут, а я поползу вперед и узнаю, что это такое. Поняла?

— Да, милорд Герой.

— Повтори это Руфо.

А потом я совершил единственный по-настоящему смелый поступок за всю мою жизнь — пополз вперед. Смелость — это когда ты продолжаешь идти вперед, несмотря на то, что смертельно напуган, напуган так, что твой сфинктер[1] уже не держит, сердце готово разорваться, ты не можешь даже вздохнуть. Вот это и есть точное описание (на данный момент) состояния И.С. Гордона — бывшего пехотинца и Героя по профессии. Я был почти уверен, что знаю, чем были эти два тусклых отблеска, и чем ближе я к ним подползал, тем больше росла моя уверенность — я мог даже обонять эту пакость, я даже начал различать ее очертания.

Крыса. Нет, не обычная крыса, что живет на городских помойках и иногда кусает детей. Нет, гигантская крыса, чей размер позволяет ей заблокировать эту нору, но, будучи все же меньше меня, она обладает большей свободой маневра для наступления, той свободой, которой у меня нет вообще.

В лучшем случае я мог только протискиваться вперед, держа перед собой шпагу и пытаясь так направить ее острие, чтоб встретить нападающую крысу, заставить ее подавиться острой сталью, ибо если она избежит клинка, то у меня останутся только голые руки да надежда использовать их, несмотря на тесноту. Крыса бросится мне в лицо.

Я проглотил кислую слюну с запахом блевотины и преодолел еще несколько дюймов. Глаза крысы опустились к полу, как будто она готовилась к прыжку.

Но прыжка не последовало. Оба огонька теперь стали более четкими и как бы разошлись в стороны, и, когда я продвинулся вперед еще на два-три фута, я с потрясающим облегчением понял, что это не крысьи глаза, а что-то другое, причем мне уже было абсолютно наплевать, что именно.

Еще дюйм, еще. Яйцо находилось где-то совсем рядом, а я до сих пор не знал, что оно такое, а поэтому было бы лучше сначала взглянуть самому, а уж потом позволить Стар ползти сюда.

«Глаза» оказались двумя дырками в занавесе, который прикрывал выход из крысиной норы. Я увидел, что это гобелен, увидел обратную сторону вышивки и наконец обнаружил, что вполне могу заглянуть в одну из дырок, когда доползу до нее.

[1] *Сфинктер* — запирательная мышца, сжиматель.

За занавесом находилась большая комната, пол которой лежал примерно на фут ниже пола туннеля. В дальнем конце, футах в пятидесяти от меня, рядом со скамьей стоял человек и читал книгу. Я рассматривал его, а он, подняв глаза от книги, глянул в мою сторону. Казалось, он пребывал в нерешительности.

Я не колебался ни секунды. Нора в этом месте была пошире, так что мне удалось подобрать под себя ногу и рвануться вперед, откинув в сторону гобелен своей шпагой. Я споткнулся, вскочил на ноги, готовый к бою.

Он был так же быстр, как я. Швырнул книгу на скамейку, выхватил свою шпагу и двинулся мне навстречу в то самое мгновение, когда я вылетел из норы.

Он принял стойку ан-гард — колени согнуты, кисть напряжена, левая рука за спиной, клинок нацелен мне в лицо — ну прямо учитель фехтования. Он оглядел меня с ног до головы, наши вытянутые клинки разделяло три-четыре фута.

Я не кинулся на него. Есть такая рискованная тактика — «Мишень для уколов», иногда практикуемая самыми опытными фехтовальщиками, заключающаяся в стремительном наступлении с вытянутыми в одну линию рукой, кистью и шпагой — все нацелено на атаку и ничего для защиты от шпаги противника. Но эта позиция результативна только в том случае, если момент нападения тщательно рассчитан, если вы видите, что ваш противник на мгновение расслабился. В противном случае — это самоубийство.

И в данном случае это было бы самоубийство: он был начеку, словно выгнувший спину бродячий кот, готовый к драке.

Я попытался оценить его боевые качества, а он, в свою очередь, так же внимательно изучал меня. Это был маленький ловкий человек с руками явно более длинными, чем полагалось иметь по росту. Не могу сказать, что это сулило мне какие-нибудь преимущества, тем более что он обладал старомодной рапирой, более длинной, чем Леди Вивамус (возможно, это обстоятельство могло повлиять на скорость его движений, разве что кисть у него окажется очень сильной). Одет он был так, как одевались в Париже при Ришелье, а не по моде Карт-Хокеша. Нет, тут я не прав:

Большая Башня была вне моды, иначе и я бы тут выглядел старомодно в моем стилизованном робингудовском костюме. «Иглины дети», которых мы встречали, вообще были без одежды.

Это был очень некрасивый и дерзкий человек с озорной улыбкой и самым крупным носом к западу от Дюранс[1], заставивший меня вспомнить нос моего Первого сержанта, который не терпел, когда его поддразнивали кличкой «Носач». Впрочем, на этом сходство между ними и заканчивалось — мой сержант никогда не улыбался, а глазки у него были злые и свинячьи. У этого человека глаза были веселые и гордые.

— Ты христианин? — Тон был очень требовательный.

— А тебе-то что?

— Ничего. Кровь есть кровь, тут разницы нет. Но если ты христианин, то покайся в грехах. Если язычник — обратись к своим ложным богам. Я дам тебе не больше трех схваток. Но я сентиментален и всегда хочу знать, кого мне предстоит убить.

— Я американец.

— Это страна? Или болезнь? И что вообще ты делаешь в Хоуксе?[2]

— Хоукс? Или Хокеш?

Свое безразличие он выразил только глазами, острие рапиры даже не дрогнуло.

— Хоукс, Хокеш — вопрос географии и произношения. Этот замок находился где-то в Карпатах, поэтому «Хокеш» правильнее, если сознание твоей правоты доставит тебе удовольствие перед смертью. Ну а теперь начнем наш дуэт.

Он скользнул ко мне так быстро и так плавно, что казалось, плыл по воздуху, и наши клинки зазвенели, когда я парировал его в позиции сикста и сделал ответный выпад и был отбит — ремиз, реприз, снова выпад — схватка лилась так легко, так долго и с таким разнообразием приемов, что посторонний зритель принял бы ее не за бой, а за салют дуэлянтов.

Но я-то знал! Этот первый выпад должен был убить меня на месте, и на это же было рассчитано каждое его движение в течение всей схватки. И одновременно он испытывал меня, испытывал

[1] Нижний приток р. Роны, южная Франция.

[2] Грубая шутка, обман (*англ.*).

крепость кисти, искал слабые места, изучал, боюсь ли я ударов в нижнюю часть тела, постоянно возвращался к выпадам в верхнюю часть туловища, а возможно, и изыскивал способ обезоружить меня. Мне практически ни разу не пришлось сделать выпад, не было даже отдаленного шанса на это, каждая часть схватки была навязана мне, я лишь отвечал, стараясь изо всех сил сохранить жизнь.

Уже через три секунды я понял, что против меня стоит фехтовальщик гораздо более высокого класса, чем я,— со стальной кистью, столь же гибкой, как нападающая змея. Это был единственный фехтовальщик из всех мне известных, который пользовался примой и октавой, пользовался, я имею в виду, так же часто, как сикстой и квартой. Их, разумеется, изучают все, мой собственный учитель заставлял меня практиковаться в них столько же, сколько и в остальных шести, но большинство фехтовальщиков прибегают к ним, лишь когда к этому вынуждают обстоятельства — из страха потерять очко.

Мне же грозила опасность потери не очка, а жизни, и я знал, знал еще задолго до окончания этой первой затянувшейся схватки, что, каковы бы ни были ставки, жизнь я потеряю.

А этот идиот при первом же лязге скрестившихся шпаг еще принялся скандировать!

> Мне жаль вас! Где вам воевать?
> Зачем вы приняли мой вызов?
> Куда же вас пошпиговать,
> Прелестнейший из всех маркизов?
> Бедро? Иль крылышка кусок?
> Что подцепить на кончик вилки?
> Так, решено: сюда вот, в бок
> Я попаду в конце посылки...[1]

Стихи были достаточно длинны, чтобы прикрыть по меньшей мере тридцать почти увенчавшихся успехом покушений на мою жизнь, а на последнем слове нападающий отступил так же плавно и неожиданно, как и вступил в бой.

[1] Эдмон Ростан. Сирано де Бержерак (пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

— Что ж ты, дружок? Подхватывай! Уж не хочешь ли ты, чтобы я пел один? Хочешь умереть как клоун перед глазами прекрасных дам? Пой! И сумей сказать свое «прости» грациозно, так, чтобы последняя твоя рифма бежала бы вперегонки со смертным хрипом в твоей глотке! — Он несколько раз притопнул правым ботфортом, будто собирался танцевать фламенко.— Пробуй же! Цена-то все равно будет одна — и так и этак!

Я не опустил глаза к полу, когда раздалось щелканье сапога — это старый гамбит, некоторые фехтовальщики притопывают при каждом выпаде и даже при ложных выпадах, надеясь, что резкий звук действует на нервы противника, выбивает его из темпа, заставляет отшатываться назад и таким образом доставляет им желанное очко. Последний раз, когда я попался на эту удочку, относится ко времени, когда я еще и бриться не начал.

Но его слова подтолкнули мою мысль. Его выпады были коротки — глубокие выпады противопоказаны рапире, они слишком опасны в настоящем бою. Я уже начал отступать, медленно, так как за спиной была стена. Сразу же, как начнется новая схватка, я либо превращусь в пришпиленную к обоям бабочку, либо споткнусь обо что-нибудь, полечу вверх тормашками, и тогда он нанижет меня на рапиру, как нанизывают на острый штырь бумажные обрывки в скверах. И тем не менее я не осмеливался покинуть стену.

Хуже всего было то, что Стар могла в любую минуту появиться из крысиной норы, что находилась за моей спиной, и тогда ее убили бы в самый момент появления, и даже если бы я тут же пронзил шпагой моего противника, это бы ничего не изменило. Но если бы мне удалось развернуть его в другую сторону... Моя любимая была практичной женщиной, и никакие «спортивные соображения» не удержали бы ее шпагу от погружения в спину врага.

Тут же в голову пришла и другая счастливая мысль: если я подыграю его безумию, попробую рифмовать и декламировать, то он, возможно, еще поиграет со мной, прежде чем решится меня заколоть.

Но и затягивать эту игру было нельзя. Я не заметил, когда он успел задеть мне руку ниже локтя. Это была просто царапина, которую Стар залечила бы в несколько минут, но она могла ослабить мою кисть и поставить меня в трудные условия при парировании ударов в нижнюю часть тела — кровь сделает рукоять скользкой.

— Первая строфа,— объявил я, делая шаг вперед и слегка поигрывая клинком. Он отнесся к этому с полным пониманием, не стал напирать, а начал как бы играть с кончиком моей шпаги, еле прикасаясь к нему легкими парирующими движениями.

Это было именно то, на что я надеялся. Я стал передвигаться вправо, одновременно декламируя, и он разрешил мне это.

Раз Твидлдам и Твидлди
Решили скот украсть.
Сказал братишке Твидлди: «Свою взнуздаю часть!»

— Ну, ну, старина,— сказал он ворчливо,— воровать-то нехорошо. Лучше быть честным, дружок. К тому же и рифма, и размер хромают. Оставь-ка своего Кэрролла в покое.

— Постараюсь,— согласился я, опять чуть-чуть сдвигаясь в сторону.— А вот и вторая строфа:

С двумя девицами из Бирмингама
Произошла скандальнейшая драма...

И тут я кинулся на него.

Не все вышло так, как я задумал. Он, как я и надеялся, немного расслабился, ожидая, видимо, что я продолжу валять дурака с этими едва соприкасающимися клинками все время, пока буду декламировать.

Я застал его врасплох, но он не отступил, мощно парируя мой выпад, и мы неожиданно оказались в незащитимой позиции — корпус к корпусу, клинки скрещены у эфесов — почти полный тет-а-тет.

Он захохотал мне прямо в лицо и прыгнул назад — почти в то же мгновение, что и я, что снова поставило нас в позицию ан-гард. Но кое-что я все же выиграл. До сих пор мы довольствовались лишь колющими выпадами. Острие опаснее лезвия, но мое оружие обладало и тем и другим, а человек, привыкший действовать только острием, далеко не всегда готов отразить рубящий удар. В тот момент, когда мы расходились, я обрушил свой клинок ему на голову.

Я надеялся развалить ее надвое. Но для такого удара не хватило ни силы, ни времени, однако он получил рану, которая рассекла ему лоб до брови.

— Touche! — крикнул он.— Отличный удар! Да и песенка ничего себе. Давай дальше!

— Ладно,— согласился я, тщательно парируя и выжидая, пока кровь зальет ему глаз. Рана в лоб — одна из самых кровоточащих среди поверхностных ранений, и на этом я строил теперь свой расчет.

Поединок на шпагах — страшная штука — ум в нем участия почти не принимает, он не успевает за темпом сражения. Думает твоя кисть, она отдает приказы ногам и телу, что им делать, а мозг она обходит стороной — ты мыслишь «на потом», превращая мозг в склад инструкций и указаний на будущее, во что-то, подобное компьютеру с его программой.

Я продолжил:

Теперь они уже в суде
За нарушения в...

Я задел ему руку — почти как он мне — только серьезнее. Теперь, решил я, он мой! Но тут он сделал то, о чем я только слышал, а видеть не приходилось: он быстро отступил и перебросил клинок из одной руки в другую.

Да уж — удачей это не назовешь! Фехтовальщик, действующий правой рукой, терпеть не может левшей — это выбивает его из седла, тогда как левша прекрасно знаком со всеми приемами праворучного большинства. Этот сукин сын владел левой рукой так же, как и правой. Еще хуже — теперь ко мне была обращена не залитая кровью глазница.

Он снова задел меня — на этот раз в коленную чашечку, причинив мне сильнейшую боль и существенно ограничив подвижность. Несмотря на его раны, куда более серьезные, чем мои, я понимал, что долго не продержусь.

Выбора не было.

В позиции секунда есть рипост — отчаянно опасный, но блистательный, если его, конечно, удастся провести. Он доставил мне

немало побед в рее[1], где на карту не ставилось ничего, кроме очков. Начинается все с сиксты. Сначала ваш противник нападает, но вместо парирования и кварты ты жмешь, атакуя с зажимом, твой клинок скользит вдоль и вокруг его клинка штопоровидным движением, пока острие не входит в его плоть.

Беда с этим приемом в том, что если он не удался, то времени для защиты у тебя уже нет, для рипоста — тоже, твоя грудь открыта для клинка противника.

Я не пытался использовать этот прием, особенно против такого фехтовальщика. Я только подумал о нем.

Мы продолжали драться практически на равных. Затем он слегка отступил, парируя, и поскользнулся в собственной крови. Моя кисть сама выполнила все: клинок скользнул с захватом, как то полагалось в секунде, и шпага пронзила его насквозь.

Он будто несказанно удивился и поднял клинок рапиры, салютуя, а затем рухнул на колени, и рапира выпала из его руки. Я шагнул вперед вслед за моим клинком, намереваясь вытащить его из раны.

Он схватился за мой клинок.

— Нет, нет, мой друг, пожалуйста, оставь его. Он на время закупорит мое вино. Твоя логика остра, она дошла до моего сердца. Как твое имя, сэр?

— Оскар из Гордонов.

— Гордое имя. Не могу позволить, чтобы меня убивал незнакомец. Скажи мне, Оскар из Гордонов, ты когда-нибудь бывал в Каркасоне?

— Никогда.

— Побывай там. Любить девчонок, убивать мужей, писать книги, слетать на Луну — я все это испытал.— Он задохнулся, и пена пошла у него изо рта, розовая пена.— На меня даже дом падал! И какова цена чести, раз на голову тебе может обрушиться балка! Какое разорительное остроумие!

Он закашлялся и продолжал:

— Темнеет. Давай обменяемся последними дарами, если ты согласен. Мой первый дар состоит из двух частей. Часть первая: ты счастливец и умрешь не в постели.

[1] *Здесь* — соревнования по фехтованию (*фр.*).

— Надеюсь, что ты прав.

— Постой... Часть вторая: бритва отца Гильоме никогда не бреет брадобрея, она слишком тупа. А теперь твой дар, мой старый... и поторопись, у меня уже нет времени... но сначала — как кончается твой стишок?

Я сказал ему. Он прошептал, колотушка смерти уже стучала у него в горле.

— Очень славно. Старайся. А теперь — твой дар, я более чем готов для него...— Он попытался перекреститься.

И я преподнес ему дар милосердия, потом устало постоял, подошел к скамье и рухнул на нее, затем вытер оба клинка — сначала узкий золингеновский охотничий нож, после него — особенно тщательно — Леди Вивамус. Я нашел силы встать и отсалютовать ему блестящим клинком. Знакомство с ним было для меня большой честью. Жаль, не спросил его имени. А он, казалось, думал, что оно мне известно.

Я снова тяжело опустился на скамью, поглядел на гобелен, закрывавший крысиную нору в дальнем конце комнаты, и подумал: почему же не пришли Стар и Руфо? Все это лязганье стали, все эти разговоры...

Я думал, не пойти ли к норе и не крикнуть ли им? Но сейчас слишком мало сил, чтобы двигаться. Я вздохнул и закрыл глаза.

Из-за свойственной мальчишкам живости (и безалаберности, за которую меня постоянно бранили) я разбил дюжину яиц. Мама увидела яичницу, и я понял, что она сейчас расплачется. Я тоже зарыдал. Тогда она вытерла глаза, нежно взяла меня за плечо и сказала:

— Все в порядке, сынок. Яйца не стоят того.

Но мне было мучительно стыдно, я вырвался и убежал.

Я мчался вниз по склону, не ведая, куда бегу, почти скользя над землей, и внезапно понял, что сижу за рулем, а машина вышла из-под контроля. Я пытался нащупать тормозную педаль, но она «утопилась» с той легкостью, которая свидетельствует о падении давления тормозной жидкости. Что-то появилось на дороге впереди, но я не видел, что именно, не мог даже повернуть головы, а глаза ничего не различали: их что-то залило. Я крутанул руль, но ничего не произошло — толкающая штанга отсутствовала.

Вопль в моих ушах, когда мы столкнулись!.. И тут я понял, что проснулся в собственной постели и что вопли — тоже мои. Я мог опоздать в школу, что было бы проступком, которому нет извинения. Нет пощады, только агония стыда, ибо пустует школьный двор, другие ребятишки — отмытые и добродетельные — уже сидят за своими партами, а я не могу найти свой класс. Мне даже не хватило времени зайти в уборную, и вот я сижу за партой со спущенными штанами, готовый сделать то, чего не успел сделать раньше, когда торопился бежать из дому, а все ребята тянут руки вверх, но учитель вызывает именно меня. А я не могу встать, так как мои штаны не только спущены, а отсутствуют вообще, и, если я встану, это увидят все, мальчишки начнут хохотать, девчонки отвернутся, морща носы. Но самым несмываемым стыдом было то, что я не знал ответа на вопрос!

— Ну отвечай же,— сердито говорила мне учительница,— не трать наше дорогое время, И. С.! Ты не выучил свой урок!

Что ж, верно, не выучил. Да, я учил, но она написала на доске «Вопросы 1—6», а я подумал, что это значит первый и шестой, а она задает мне четвертый! Но она мне все равно не поверит, да и объяснение довольно вшивенькое. Нам нужны голы, а не объяснения.

— Понимаешь ли, Изи,— продолжал мой тренер, голосом скорее печальным, чем сердитым,— длина общего пробега это хорошо, но ты не заработаешь ни цента, если не пересечешь линию у ворот противника с яйцом под мышкой.— Он показал на футбольный мяч, лежавший на столе.— Вот оно как. Я приказал его позолотить и надписать к началу сезона, ты казался мне в отличной форме, и я был полностью уверен в тебе, так что он должен был достаться тебе на банкете в честь окончания сезона и нашей победы.

Тут лоб тренера наморщился, он говорил так, будто заставлял себя быть справедливым.

— Не могу сказать, чтобы наше спасение полностью зависело только от тебя. Но ты действительно относишься к делу слишком легко, Изи, может, тебе надо просто поменять имя. Ведь если дорога становится труднее, нам приходится прикладывать больше усилий.— Он вздохнул.— Моя ошибка — должен был раскусить это дело пораньше. Вместо этого стал разыгрывать что-то

вроде родительского отношения к тебе. Хочу, однако, доложить, что ты не один пострадаешь из-за прошедшего — ведь в мои годы не так легко найти себе новую работенку.

Я натянул простыню на голову, ибо не мог видеть выражения его лица. Но почему он не хочет оставить меня в покое? Кто-то стал трясти меня за плечо.

— Гордон!!!

— Отстань от меня!

— Гордон, проснись! И тащи свою задницу в офис! У тебя крупные неприятности!

Так оно и было, и я об этом догадался, едва только вошел в офис. Во рту у меня был кислый привкус блевотины, и чувствовал я себя жутко — будто стадо бизонов проскакало надо мной, время от времени наступая своими копытами. Вонючих бизонов к тому же.

Первый сержант даже не глянул на меня, когда я вошел. Дал мне настояться и пропотеть, скотина. Он поднял глаза и долго изучал меня, прежде чем заговорить. Потом сказал медленно и раздельно, давая мне возможность попробовать каждое слово на вкус:

— Уход в самоволку, оскорбление и нападение на туземных женщин, незаконное использование государственного имущества, скандальное поведение, неповиновение, похабная брань, сопротивление аресту, нанесение побоев полицейскому... Гордон, почему ты заодно не украл лошадь? Мы ведь тут вешаем за конокрадство. Все было бы проще.

Сержант ухмыльнулся своему остроумию. Старый мерзавец всегда считал себя остряком. И обычно был прав процентов на пятьдесят.

Но мне было плевать на то, что он говорил. Я же совершенно отчетливо понимал, что все это сон, один из тех снов, что часто мне снились в последние дни, как результат страстного желания вырваться из этих джунглей. Даже она, и то не была реальностью. Моя... как же ее звали... Даже и имя ее я вообразил...

Стар... Моя счастливая звезда.

О, Стар, любимая — тебя не существует!

Он продолжал:

— Я вижу, ты снял свои лычки? Что ж, это экономит время, но лишь это обстоятельство и можно считать удачей. Ты одет не по форме. Не брит. Твоя одежда в грязи. Гордон, ты позор для армии Соединенных Штатов! Ты сам знаешь это, не правда ли? Из такой ситуации дешево не выберешься. У тебя нет ни личного номера, ни пропуска, ты назвался чужим именем. Ну, Ивлин Сирил, мой мальчик, теперь-то мы воспользуемся твоим нежным именем. Официально.— Он повернулся на своем вращающемся кресле, из которого не вынимал своей жирной задницы с тех самых пор, как прибыл в Азию,— патрульная служба для него вроде бы не существовала.— И еще — меня интересует одна вещь: где ты подцепил это? И что побудило тебя его спереть? — Он кивнул на шкаф, стоявший за креслом.

Я узнал то, что лежало на шкафу, узнал, хотя, когда я видел его в последний раз, оно было покрыто золотой краской, а теперь было измазано в той черной липкой грязи, которую они специально производят в Юго-Восточной Азии. Я пошел на него:

— Это мое!

— Нет, нет! — вскинулся он.— Смотри, обожжешься, обожжешься, мальчик! — Он отодвинул футбольный мяч подальше к стене.— Кража еще не делает его твоей собственностью. Я взял его на хранение в качестве вещественного доказательства. К твоему сведению, поддельный герой, врачи думают, что он помрет.

— Кто?

— А тебе-то что? Два доллара против Бангкокского храма, что ты не спрашивал его имени, когда проломил ему башку. А ты не имеешь права шляться тут и разбивать головы туземцам только потому, что надрался по уши, у них тоже есть права, даром что ты об этом не знаешь. Тебе разрешается их лупить только там и только тогда, когда получишь приказ.

И вдруг он улыбнулся. Это нисколько не улучшило его внешность. С его длинным острым носом и маленькими налитыми кровью глазками он, как я внезапно осознал, был вылитая крыса.

А он продолжал улыбаться и говорить:

— Ивлин, мой мальчик, а может, ты снял свои лычки слишком рано, раньше чем нужно?

— Как это?

— А вот так. Из этой грязной истории, возможно, есть выход. Садись! — Он еще раз громко прикрикнул: — Садись!

Я сел.

— Если бы дело зависело только от меня, я бы просто подвел тебя под восьмую статью и забыл бы обо всем — все, что угодно, лишь бы от тебя отделаться! Но у ротного другие соображения — вот уж поистине блестящая мысль, с помощью которой можно и насовсем твое дело закрыть. На нынешнюю ночь планируется рейд. И поэтому...— Тут он нагнулся и достал из ящика своего письменного стола два стакана и бутылку «Четыре розы». Потом щедро наполнил стаканы.— Пей!

Об этой бутылке знали все, все, разве что кроме ротного, но никто еще не слыхивал, чтобы наш сержант кому-нибудь предложил выпивку, за исключением того случая, когда он явился к арестованному объявить, что тот предается военно-полевому суду.

— Спасибо, нет.

— Брось, брось, выпей. Ну, налей хоть на собачий волосок. Тебе же это пригодится. Потом сходи, прими душ, приведи себя в порядок, хотя ты небось и не знаешь, что это такое, а потом иди к ротному.

Я встал. Мне очень хотелось выпить. Безумно хотелось. Я готов был проглотить какое угодно пойло, а «Четыре розы» отличное питье, я выпил бы сейчас любую огненную воду, как бы ее ни называли, даже если от нее у меня лопнут барабанные перепонки.

А вот с ним я пить не мог. С ним я и капли бы не выпил. И есть бы не стал...

И тогда я плюнул ему в рожу.

Он так удивился, что стал таять. Я вытащил шпагу и пошел на него. Свет погас, но я продолжал рубить шпагой, иногда попадая во что-то, иногда — нет.

Глава 16

Кто-то тряс меня.

— Проснись!

— Отваливай!

— Проснитесь! Босс, ну пожалуйста, проснитесь!

— Да, мой Герой, ради меня, проснись!

Я открыл глаза и улыбнулся ей, потом попробовал оглянуться по сторонам. Господи, ну и бойня же здесь была! А посреди бойни, чуть поближе ко мне, стоял черный стеклянный столб — футов пять в высоту, а на нем Яйцо.

— Это оно?

— Ага,— подтвердил Руфо. Выглядел он потрепанным, но веселым.

— Да, мой рыцарь,— удостоверила и Стар.— Это и в самом деле Яйцо Феникса. Я проверила.

— Хм...— Я снова окинул взглядом комнату.— А где же Пожиратель Душ?

— Ты убил его. Убил еще до того, как мы сюда добрались. Ты продолжал сжимать в руке шпагу и крепко держал под мышкой левой руки это Яйцо. Нам стоило большого труда отобрать его у тебя, ведь без этого я не могла заняться тобой.

Я посмотрел на свою грудь и понял, что она имела в виду, и поспешил отвести глаза. Красный цвет не принадлежит к числу моих любимых. Чтобы уйти от темы хирургии, я спросил Руфо:

— А почему вы так задержались?

Ответила Стар:

— Я боялась, что мы тебя вообще не найдем.

— А как же нашли?

— Босс, потерять вас по-настоящему было бы трудновато. Мы просто пошли по кровавому следу, даже когда он уходил в стены. Она исключительно упряма.

— Хм... Видели каких-нибудь мертвецов?

— Трех или четырех. Все нам неизвестные, да нам до них и дела не было. Судя по всему — искусственники. Мы на них времени не тратили. Кстати, нам следует поторопиться с уходом отсюда, если вы чувствуете себя достаточно заштопанным и можете идти. Время не ждет.

Я осторожно согнул правое колено. Там, где меня ранили в чашечку, боль все еще ощущалась, но наложенное Стар лекарство уже начинало действовать.

— Нога в порядке. Идти смогу, как только Стар закончит свою работу. Но я вовсе не жажду снова ползти по той крысиной норе. У меня от крыс поджилки трясутся.

— Какие крысы, босс? И какая нора?

Я рассказал им все.

Стар никак не отреагировала, просто продолжала обклеивать меня пластырем и накладывать повязки, зато Руфо обрисовал обстановку:

— Босс, вы вдруг встали на колени, а потом поползли — это было в таком же самом коридоре, как и прочие. Я в этом не видел никакой нужды, но, поскольку вы уже доказали, что ничего не делаете зря, мы не стали спорить и последовали вашему примеру. Потом вы велели нам ждать, пока пойдете на разведку, мы подчинились и ждали вас очень долго, пока Она наконец не решила идти на поиски.

Мне нечего было сказать.

Мы ушли сразу же, воспользовавшись вторым путем и не встретив никаких препятствий — ни иллюзий, ни ловушек, ничего, кроме того, что путь был долог и утомителен. Руфо и я были начеку и шли в том же порядке — со Стар, несущей Яйцо, в середине.

Ни Стар, ни Руфо не знали, грозит ли нам опасность атаки, да и вряд ли мы сейчас могли отразить что-нибудь пострашнее отряда бойскаутов. Согнуть лук был в состоянии один Руфо, а я не смог бы даже шпагу поднять. Поэтому наша задача заключалась только в том, чтобы дать Стар время для уничтожения Яйца — не отдавать же его!

— Не надо беспокоиться,— объяснил мне Руфо.— Это будет все равно что оказаться рядом с атомной бомбой. Даже не заметишь, что произойдет.

Выйдя из Башни, мы проделали довольно долгий пеший переход к Гротто-Хиллз, где находились другие Врата. Завтракали мы на ходу — я был дико голоден — и разделили между собой коньяк Руфо и воду Стар, последней было не очень-то много. Даже небо, которое было вовсе не небом, а чем-то вроде крыши, даже странные прыжки гравитации нам не мешали.

Диаграмма, или пентаграмма, в пещере уже была нарисована. Стар пришлось ее только чуть-чуть подновить, потом надо было подождать немного — мы так торопились сюда, поскольку должны были попасть обязательно до закрытия Врат. Когда они закроются, то станут недоступны на несколько недель или месяцев: слишком долго, чтобы люди могли выжить в атмосфере Карт-Хокеша.

Мы были готовы даже раньше времени. Я был одет как Владыка Марса — без всего, если не считать перевязи и шпаги. Нам пришлось бросить все пожитки, так как Стар утомилась и даже перенос органики был для нее слишком тяжел. Она очень хотела взять с собой мой лук, но я наложил вето. Однако настояла на Леди Вивамус, и тут я, признаться, сопротивлялся куда слабее. Стар прикоснулась к шпаге и сказала, что это уже не мертвый металл, а часть меня самого.

Руфо нес на себе только свою далеко не прекрасную розовую кожу плюс бинты. Он считал, что шпага — это только шпага, у него дома есть и получше. Стар из профессиональных соображений имела одежды не больше, чем Руфо.

— Еще долго? — спросил Руфо, когда мы соединили наши руки.

— До начала отсчета осталось две минуты,— ответила Стар. Часы в ее голове работали не хуже моей «шишки направления». Она никогда не пользовалась настоящими часами.

— Ты ему сказала? — спросил Руфо.

— Нет.

Руфо воскликнул:

— И тебе не стыдно? Тебе не кажется, что давно пора прекратить водить его за нос? — Он говорил на удивление жестко, и я уже намеревался сделать ему выволочку за такое обращение со Стар, но она сама оборвала его. Сначала она запела, потом: «пошел!»

Мы тут же оказались в другой пещере.

— Где мы? — спросил я. Тяготение тут было посильнее.

— В Невии,— ответил Руфо.— По другую сторону Вечных гор, и у меня есть большое желание выйти тут и повидать Джоко.

— Скатертью дорога! — сердито откликнулась Стар.— Слишком много болтаешь!

— Только в том случае, если мой дружок Оскар пойдет со мной. Хочешь, старый товарищ? Я доведу тебя туда за недельку. И никаких драконов. Тебя встретят с радостью, особенно Мьюри.

— Оставь Мьюри в покое! — В голосе Стар появились визгливые нотки.

— Не нравится, а? — откликнулся едко Руфо.— Молодая женщина и все такое...

— Ты же знаешь, что дело не в этом!

— Еще как в этом! — возразил он.— И как долго ты думаешь так тянуть? Это бесчестно сейчас и всегда было бесчестным. Это...

— Молчание! Отсчет начинается! — Мы соединили руки и...

Ух! Оказались в новом месте. Это тоже была пещера, частично открытая наружу, воздух разреженный, жгуче-холодный, внутрь залетал снег.

— Где мы? — опять спросил я.

— На твоей планете,— ответила Стар.— Эта страна называется Тибет.

— Тут ты можешь пересесть на другой поезд,— вмешался Руфо,— если Она перестанет упрямиться. Или можешь просто уйти, хотя дорога длинная и тяжелая. Я ее однажды прошел.

Я не соблазнился. Последний раз, когда я слышал о Тибете, он находился в руках мрачных борцов за мир.

— И долго мы тут пробудем? Местечко нуждается в центральном отоплении.— Хотелось услышать что угодно, кроме этой перебранки. Стар была моей возлюбленной, и я просто не мог вынести грубого обращения с ней, но и Руфо стал моим кровным братом — по количеству пролитой крови — и я не раз был обязан ему жизнью.

— Недолго,— ответила Стар. Она выглядела усталой и похудевшей.

— Но достаточно, чтобы объясниться! — давил свое Руфо.— Тебе наконец следует принимать решения самому, а не позволять таскать себя, как кота в мешке. Ей следовало уже давно рассказать тебе все. Она...

— По местам! — резко выкрикнула Стар.— Начинается отсчет до нуля. Руфо, если ты не замолчишь, я брошу тебя тут, и тебе придется опять тащиться пешком — босиком и по горло в снегу.

— Валяй,— отозвался он.— Угрозы делают меня таким же упрямым, как ты. А это забавно. Оскар, Она...

— Молчать!

— Императрица Двадцати Вселенных...

Глава17

Мы очутились в большой восьмиугольной комнате с роскошными, очень красивыми серебристыми стенами.

— ...и моя бабка! — закончил Руфо.

— Не «Императрица»,— заговорила Стар.— Это глупое слово, оно не передает сути дела.

— Еще как передает.

— А что касается второго утверждения, то это скорее мое несчастье, чем недостаток.— Стар вскочила на ноги, оживленная, сбросившая груз усталости, и обняла меня за талию, продолжая держать Яйцо в другой руке.

— О, мой дорогой! Я так счастлива! Мы добились своего! Приветствую тебя дома, мой Герой!

— Где это? — У меня в голове была полная каша — слишком много часовых поясов, слишком много посещенных мест, слишком большие скорости.

— Дома. У меня дома. Теперь и у тебя дома, если ты захочешь. В нашем доме.

— Понимаю... Императрица...

Она топнула ногой:

— Не смей меня так называть!

— Правильная форма обращения,— вмешался Руфо,— будет «Ваша Мудрость». Не так ли, Ваша Мудрость?

— Ах, Руфо, заткнулся бы ты! Пойди и раздобудь нам одежду.

Он покачал головой.

— Война окончена, я только что демобилизовался. Ищи сама, бабуля.

— Руфо, ты просто невозможен!

— Сердишься, бабуля?

— Рассержусь, если ты и дальше будешь звать меня бабулей.— Тут она передала Яйцо мне, обняла Руфо и поцеловала его.— Нет, бабушка на тебя не сердится,— сказала она мягко.— Ты ведь всегда был несносным ребенком, и я никогда не забуду устриц, которых ты положил мне в кровать. Надеюсь, ты достал их честным путем.— Она поцеловала его еще раз и потрепала за седой венчик

волос.— Бабушка любит тебя. Бабушка будет всегда любить тебя, почти как Оскара. Я считаю тебя близким к совершенству, если только забыть, какой ты трудновыносимый, лживый, испорченный, непутевый и никого не уважающий свиненок.

— Вот так-то лучше! — ответил он.— Если подумать, то и я отношусь к тебе примерно так же. Что ты хочешь надеть?

— М-м-м... Нам нужно очень многое. Как же давно у меня не было приличного гардероба! — Она повернулась ко мне: — А что хотел бы ты, мой Герой?

— Не знаю. Я тут вообще ничего не знаю. Все, что сочтет подходящим... Ваша Мудрость.

— О, милый, пожалуйста, не зови меня так! Никогда не зови! — Казалось, она сейчас разрыдается.

— Хорошо. А как же мне называть тебя?

— Стар — вот имя, которое ты мне дал. Если хочешь иначе, зови меня «Принцесса». Я не «Принцесса». Но я и не «Императрица» — это просто плохой перевод. С радостью буду «твоей Принцессой», как ты называл меня раньше. А хочешь — «гадкой девчонкой» или любым другим из многих имен, которыми ты меня называл когда-то.— Она посмотрела на меня уже более спокойно.— Как раньше. И навсегда.

— Я постараюсь... моя Принцесса.

— Мой Герой!

— Но есть много вещей, о которых я не имею представления.

Стар перешла с английского на невианский.

— Милорд муж, я хотела рассказать тебе все. И милорду расскажут все, до последней мелочи. Но я страшно боялась, что, если милорду сообщат все слишком рано, он откажется следовать за мной. Нет, не в Большую Башню, а сюда. В наш дом.

— Возможно, ты поступила правильно,— сказал я на том же языке.— Но теперь я здесь, миледи жена, моя Принцесса. Поэтому говори. Я хочу знать все.

Она снова перешла на английский.

— Я скажу. Я все скажу. Только на это нужно время. Любимый, придержи немного своих коней. Ты был так терпелив со мной, так терпелив, любимый, и так долго...

— О'кей,— согласился я.— Согласен подождать. Но, послушай, я ведь не знаю, так сказать, даже улиц в этом микрорайоне. Мне

нужны советы. Помнишь ту ошибку, которая получилась у меня с Джоко только потому, что я не знал местных обычаев?

— Да, милорд, обязательно. Но не бойся, обычаи тут просты. Примитивные общества всегда сложнее цивилизованных, а это общество — не примитивное.

Появился Руфо и бросил груду одежды к ногам Стар. Она повернулась, все еще держа мою руку в своей, и приложила палец к губам, а взгляд ее был серьезен, почти тревожен.

— Ну-ка, давай подумаем, что же мне надеть?

«Сложность» — понятие относительное. Я обрисую лишь контуры. Центр — столичная планета Двадцати Вселенных. Но Стар — не Императрица, а Вселенные — не Империя.

Я буду называть ее Стар, поскольку у нее сотни имен, и буду говорить «Империя» и «Императрица», поскольку не знаю более точных терминов. Буду даже собственную жену называть Императрицей.

Никто не знает числа Вселенных. В теории оно бесконечно, как бесконечно число комбинаций законов природы, а каждый набор законов соответствует отдельной Вселенной. Все это лишь теория, и «Бритва Оккама» слишком тупа. Известны же лишь двадцать Вселенных, которые были открыты, которые имеют свои собственные законы природы, многие имеют свои собственные планеты, а иногда «места», где живут человеческие существа. Не знаю, кто живет в остальных Вселенных.

Двадцать Вселенных включают в себя множество реально существующих Империй. Наша Галактика в нашей Вселенной столь огромна, что наша человеческая раса могла бы никогда не встретиться с другой, если бы не Врата, соединяющие Вселенные. На некоторых планетах Врата неизвестны. На Земле их много, что придает ей особое значение. Иначе она бы считалась отсталым захолустьем.

Семь тысяч лет назад зародилось стремление разрешить важнейшие политические проблемы, которые сами по себе были невероятно сложны и велики. Все началось с малого: как можно управлять планетой без видимых форм управления? Народ этой планеты имел талантливых экспертов-кибернетиков, хотя в других отношениях он вряд ли опережал нас, ибо все еще был готов

сжигать амбары, чтобы избавиться от мышей, и нередко оставлял свои пальцы в машинах. Эти экспериментаторы избрали себе выдающегося Правителя и решили помочь ему.

Никто не знает, почему этот парень оказался столь удачливым, но он им был, и этого довольно. Эти ребята не очень-то молились на теорию, но решили оказать Правителю практическую помощь своей кибернетической наукой. Они изучили и записали ход всех кризисов в своей истории, все известные детали этих кризисов, все, что было сделано для их разрешения, и все, что из этого вышло, и организовали дело так, что Правитель мог получать нужные консультации так же легко, как если бы он консультировался с собственной памятью.

Все вышло так, как было задумано. Через какое-то время Правитель уже распространил свое влияние на всю планету Центр — прежде-то она называлась иначе. Он не правил ею в буквальном смысле этого слова, а только распутывал образующиеся узлы.

В Банк Памяти занесли все, что сделал первый «Император» — и хорошее и дурное,— для пользы его преемников.

Яйцо Феникса и есть кибернетический Банк Памяти, хранящий сведения о деятельности 203 «Императоров» и «Императриц», большинство которых «управляли» уже всеми известными Вселенными. Подобно складной шкатулке, Яйцо изнутри больше, чем снаружи. В «развернутом» виде оно, надо думать, куда как превосходит пирамиду Хеопса.

Легенды о Фениксе распространены во всех Вселенных — о существе, которое умирает и в то же время бессмертно, так как возникает в расцвете сил из собственного пепла. Яйцо представляет собой такое же чудо: оно не просто библиотека, а запись всего, в том числе и личных качеств всех Императоров, начиная от Его Мудрости IX до Ее Мудрости CCIV — миссис Оскар Гордон.

Трон тут не наследственный. Предки Стар включают Его Мудрость 1-го и множество других «Мудростей», но есть еще несколько миллионов людей, в чьих жилах течет та же «королевская» кровь. Ее внук — Руфо не был избран, например, хотя имеет тех же предков, что и Стар. А может, он отказался? Я не спрашивал, ему бы это могло напомнить о временах, когда кто-то из его дядюшек совершил какой-то непристойный и недоступный пониманию поступок. Да и вообще таких вопросов не задают.

Намеченный кандидат получает образование очень широкое — от умения приготовить похлебку из требухи до высочайшей математики, не говоря уже о знании всех видов личной защиты, поскольку еще тысячи лет назад было установлено, что, как бы хорошо ни охранялся Император, он проживет дольше, если сам умеет драться, как взбесившаяся циркулярная пила. Я обнаружил это, задав своей любимой какой-то неприятный для нее вопрос.

Я все еще пытался привыкнуть к тому факту, что женат на бабушке, чей внук выглядит старше меня и который на самом деле старше, чем он выглядит. Люди Центра живут гораздо дольше, чем мы, но к тому же Стар и Руфо прошли специальную процедуру, дарующую дополнительное долголетие. Ко всему этому надо привыкнуть. Я спросил Стар:

— Как долго живете вы — Мудрые?

— Не слишком долго,— ответила она почти зло.— Обычно нас убивают! (Мой рот раскрылся широко-широко.)

Обучение кандидата включает также путешествия во многие миры, хотя и не на все планеты и «места», населенные людьми. Так долго никто не живет. Но на многие. После того, как кандидат все это выполнит, начинается курс аспирантуры: вводится в действие Яйцо. На мозг наследника (наследницы) накладываются память и личные характеристики всех прежних Императоров. Он (она) становится как бы интегрированным воплощением их всех. Стар плюс. Супер-Нова. Ее Мудрость.

Оригинальная личность кандидата, конечно, доминирует, но оно тоже присутствует! Без Яйца Стар могла бы вспомнить все, что произошло с людьми, умершими много сотен лет назад, но с Яйцом, то есть став частью этой кибернетической системы, она хранит в себе самой семь тысяч лет свежих, можно сказать вчерашних, воспоминаний.

Стар призналась мне, что лет десять она колебалась, принять это предназначение или нет. Она не хотела превратиться во всех этих людей. Ей хотелось остаться самой собою, жить так, как того пожелает. Но методы, используемые при подборе кандидатов (я их не знаю, они заложены в самом Яйце), практически безошибочны. За всю историю отказались только трое.

Когда Стар стала Императрицей, она едва-едва начала вторую стадию своего образования, на нее были наложены личности всего

лишь семи предшественников. Импринтинг не требует очень большого времени, но «жертвы» нуждаются в довольно большом отдыхе между двумя операциями, ибо они включают в себя перенос самых незначительных мелочей, когда-либо случившихся с бывшими правителями,— плохих и хороших: жестокое обращение с собакой или кошкой в детстве, стыд за этот поступок, испытанный в более поздние годы, потеря девственности, трагические переживания, связанные с первым заболеванием, и так далее и тому подобное!

— Я должна пережить их ошибки,— говорила мне Стар.— Ибо ошибки — это единственный надежный путь познания.

Таким образом, вся эта утомительная процедура нацелена на одно — сделать данную личность носителем знаний о всех жалких ошибках, совершенных за семь тысяч лет.

К счастью, Яйцо используется не так уж часто. Большую часть времени Стар остается сама собой и «привитые» ей воспоминания мучают ее не больше, чем вас — память о выговоре, полученном в школе второй ступени. Почти все проблемы Стар решает, так сказать, стреляя с бедра, фактически не прибегая к своему Черному Кабинету и всей этой гигантской системе знаний.

Ибо главным принципом, который выявился в результате долгого эмпирического пути развития управления Империей, является то, что ответом на большинство проблем служит девиз: «Не делай ничего».

Царь Чурбан всегда лучше Царя Журавля: «Живи и давай жить другим», «Время — лучший врач», «Не буди спящую собаку!», «Оставь их в покое, и они сами прибегут, виляя хвостом» и т. д.

Даже позитивные эдикты в Империи обычно носят негативный характер: «Не взрывай планеты ближнего твоего» (свою — валяй, сколько хочешь),-«Руки прочь от хранителей Врат», «Не судите и не судимы будете».

А главное — никогда не ставить серьезную проблему на народный референдум. Нет, законов против местной демократии у них нет, в виду имеется имперская проблематика. Старина Руфо, ох, извините, доктор Руфо, один из крупнейших экспертов в области сравнительной культурологии, сказал мне, что каждая человеческая раса проходит через всевозможные формы политического устройства и что демократия существует во многих примитивных обществах, но что он не знает ни одной цивилизованной планеты, где бы принцип «Vox populi, vox Dei»[1] не переводился, как «Господи, да как же мы вляпались в такую кашу».

Впрочем, Руфо обожал демократию — каждый раз, когда у него портилось настроение, он вспоминал Вашингтон, а ужимки французского парламентаризма стояли у него на втором месте после ужимок французских красоток.

Я спросил его, как происходит управление в цивилизованных обществах. Брови у него сдвинулись.

— Практически никак! — А затем указал на нынешнюю Императрицу Двадцати Вселенных — большей частью она ничего не делала.

Впрочем, иногда делала. Она могла, например, сказать: «Дела пойдут лучше, если вы возьмете этого беспокойного типа... как ваше имя?.. Ваше, ваше, ну — того, что с бородкой... и расстреляете его. Так и поступите!» — Я присутствовал при этом. Они так и сделали. Он был главой делегации, представившей на суд Стар какую-то проблему — что-то касающееся столкновений интересов галактических торговых империй в Седьмой Вселенной. Заместитель главы делегации тут же сковал ему руки, остальные делегаты выволокли его во двор и прикончили. Стар продолжала пить кофе. (Кофе тут лучше, чем у нас дома, и я так разволновался, что тоже налил себе чашечку.)

Настоящей власти у Императора нет. И тем не менее, если бы Стар решила, что планета имярек должна быть уничтожена, люди немедленно бы принялись за дело и на небе появилась бы еще одна Нова. Стар такого бы никогда не допустила, но в прошлом такие случаи известны. Случаи редкие — Их Мудрости долго, очень долго будут обшаривать свои души (и Яйцо), прежде чем предложат нечто столь бесповоротное, даже в том случае, если гипертрофированный здравый смысл Императора будет твердить ему, что иного решения не существует.

Император — единственный источник имперского законодательства, единственный Судия, единственная исполнительная

[1] Глас народа — глас божий (*лат.*).

власть, но действует он редко и у него нет механизма для проведения своих решений в жизнь силой. Все, что он или она имеют, так это колоссальный престиж системы, которая функционирует уже семь тысяч лет. Эта квазисистема цементирует всех благодаря тому, что не настаивает ни на универсальной общности, ни на полном униформизме, не ищет единых идеалов, не опирается на утопии — она лишь дает ответы, достаточно хорошие, чтобы существовать дальше, и предоставляет большую степень свободы множеству подходов и оценок.

Все местные проблемы решаются на местах. Детоубийство — это ваше дело, дело вашей планеты. Проблемы взаимоотношений родителей и учителей, цензуры в кино, помощи в случае стихийных бедствий — все это проблемы, в которых Империя компетенции не имеет.

Кризис из-за Яйца разразился еще до моего рождения. Его Мудрость CCIII был убит, а Яйцо украдено — оба происшествия имели место одновременно. Какие-то дурные мальчики рвались к власти, а Яйцо, благодаря своим огромным возможностям, было отличным ключом к такой власти, о которой даже Чингисхан и мечтать не мог.

И кому она нужна — такая власть? Не понимаю. Но кое-кто понимает и действует.

В результате Стар вступила на престол только наполовину подготовленной, и перед ней возникла кризисная ситуация, равной которой Империя не знала, причем сама Стар была отрезана от Склада Мудрости.

Впрочем, бессильной она тоже не была. Импринтинг опыта семи гиперразумных личностей был уже закончен, а кроме того, к ее услугам были кибернетические системы всех Вселенных, за исключением самой совершенной из них — Яйца. Первым делом надо было узнать, что стало с Яйцом. Организовывать атаку на планету, где жили мерзавцы, было небезопасно — они могли уничтожить Яйцо.

Были способы, которыми можно было заставить заговорить любого человека, если вы решились бы их применить. Стар ничего против них не имела. Нет, я не имею в виду ничего грубого —

вроде клещей или дыбы. Эти способы можно сравнить со снимание слоев с головки лука, а им пришлось ободрать не одну луковицу.

Карт-Хокеш — место столь губительное, что его даже назвали по именам двух единственных исследователей, которым удалось там побывать и вернуться живыми. (Мы-то были, можно сказать, в его парковой зоне, остальная часть куда хуже.) Мерзавцы, о которых шла речь, даже не сделали попытки там обосноваться. Они лишь спрятали Яйцо, установили охрану, организовали ловушки на путях к нему и вокруг него.

— А какой толк был им от Яйца, если оно находилось там? — спросил я Руфо.

— Никакого,— согласился он.— Но они очень скоро выяснили, что от него толку нет нигде, если рядом не будет Ее. Значит, требовалось либо захватить весь штат кибернетиков, обслуживавших Яйцо, либо Ее Мудрость. Открыть Яйцо они не могли. Без посторонней помощи это могла сделать только Она. Поэтому-то они установили ловушку для Нее и положили в ловушку наживку. Поймать Ее Мудрость или убить Ее — лучше поймать, но в случае нужды можно и прикончить,— а затем попытаться захватить власть на Центре. На попытку захвата власти, пока Она жива, они рискнуть не могли.

Стар начала исследовать обстоятельства, обеспечивающие наибольшую вероятность возвращения Яйца. Атаковать Карт-Хокеш? Машины ответили: черта с два! Я бы тоже сказал — нет. Как можно высадить десант в то место, где люди не могут ни пить, ни есть ничего местного и им даже нельзя дышать тамошним воздухом более нескольких часов? Кроме того, массированная атака могла привести к разрушению Яйца. Да еще условия, когда плацдармами могли служить только двое Врат нерегулярного действия.

Компьютеры давали только один глупый ответ, в каких бы формах ни задавался им вопрос.

Они называли меня!

«Героя», то есть человека с выносливой спиной, слабым умом и высокой степенью бережливости в отношении собственной шкуры. Плюс ряд других качеств. Рейд такой личности, при условии участия в нем самой Стар, мог привести к успеху. Руфо

был добавлен по наитию самой Стар (интуиция Ее Мудрости приравнивается тут к озарениям гения), и машины дали «добро».

— Я был зачислен,— говорил Руфо,— и отказался. Но моего здравого смысла всегда не хватает, когда я имею дело с Ней, будь Она неладна! Стар испортила меня своим воспитанием, еще когда я был ребенком.

Затем последовали долгие годы поисков нужного человека (опять — я, а почему — не знаю). А другие смельчаки в это время вели разведку и особенно картирование Башни. Самой Стар тоже пришлось принимать участие в рекогносцировке и познакомиться с обычаями Невии.

(Невия — это часть Империи? И да и нет. Невия — единственная планета, у которой есть Врата на Карт-Хокеш, разумеется, кроме планеты негодяев, и отсюда проистекает ее важность для Империи, хотя для Невии Империя никакого значения не имеет.)

«Героя» скорее всего можно было найти на какой-нибудь варварской планете вроде Земли. Стар пришлось рассмотреть и отвергнуть бесчисленное множество кандидатов, набранных из числа примитивных и грубых народов, прежде чем ее обоняние сказало, что могу подойти я.

Я спросил у Руфо, какие шансы давали нам машины.

— А зачем тебе знать? — задал он контрвопрос.

— Ну, я кое-что знаю о кибернетике.

— Это тебе так кажется. И все же... Да, машины дали прогноз. Примерно 13 процентов — за успех, 17 процентов — против и 70 процентов — за то, что нас всех ждет гибель.

Я присвистнул.

— А чего ты свистишь? — рассердился Руфо.— Ты-то знал не больше, чем знает кавалерийская лошадь, и потому не боялся!

— Боялся.

— Да у тебя не было времени бояться. Так и было запланировано. Наш единственный шанс на успех заключался в невероятной быстроте и полной неожиданности действий. Но я-то знал! Сынок, когда ты предложил нам ждать там, в Башне, а сам ушел и не вернулся, я был так напуган, что уже ни о чем не мог даже сожалеть.

Намеченный рейд прошел так, как я это изложил выше. Или почти так, поскольку я видел лишь то, что был способен воспринять мой ум, а вовсе не то, что было на самом деле. Я имею в виду «магию». Сколько раз бывало, что дикари называли магией то, что для цивилизованного человека было делом обычным, но чего дикари понять не могли. И как часто какая-нибудь этикетка вроде слова «телевидение» вполне устраивала «культурного» дикаря, хотя для этого явления «магия» — самое подходящее определение.

Впрочем, Стар на этом слове никогда не настаивала. Она применяла его в тех случаях, когда я сам настаивал на нем.

А я был бы страшно разочарован, если бы все, что я видел, оказалось чем-то, что «Вестерн Электрик» будет выпускать после того, как Лаборатория Белла раскусит эти штуки. Должна же где-то существовать магия, хотя бы для поддержания интереса к жизни!

О, конечно, погружение меня в сон во время первого перемещения между мирами должно было просто предохранить беднягу дикаря от психического потрясения. Да и «черные ложа» вовсе не переносились с нами — это было постгипнозное внушение, сделанное экспертом, моей собственной женой.

А говорил ли я, что случилось с мерзавцами? Их просто изолировали до тех пор, пока они не начнут строить межзвездные корабли. Это вполне в духе свободных нравов Империи. Ее Мудрость никогда не таит зла.

Глава 18

Центр — дивная планета, земного типа, но у нее нет тех недостатков, которые свойственны Земле. За многие тысячелетия она была перекроена и превращена в страну чудес. Пустыни, снега, джунгли, все это сохраняется для развлечений, а наводнения и прочие стихийные бедствия при помощи техники и науки изъяты из обращения.

Она не перенаселена, но для своих размеров — а она с Марс, хотя имеет океаны — обладает весьма многочисленным населением. Сила тяжести почти земная (что, видимо, является константой для планет такого типа). Около половины населения — приезжие, поскольку красоты планеты и ее уникальные культурные возможности делают ее фокусом для всех Двадцати Вселенных и

раем для туристов. Для комфорта приезжающих делается все возможное, все глубоко продумано, как в Швейцарии, но с применением техники, Земле неизвестной.

У нас со Стар было около дюжины резиденций в разных местах планеты (и бесконечное множество в других Вселенных), которые варьировались от дворца до крохотной рыбачьей избушки, где Стар сама готовила еду. Но главным образом мы жили в апартаментах, расположенных в искусственных горах, где было спрятано Яйцо и жил обслуживающий его персонал. К нашим апартаментам примыкали холлы, конференц-залы, секретариат и т. п. Если у Стар возникало желание поработать, то — пожалуйста. Но посланники и даже путешествующие императоры с сотен планет имели столько же шансов быть приглашенными в наше частное жилище, сколько бродяга, постучавшийся в заднюю дверь дворца на Беверли Хиллз, имеет шансов быть званым в гостиную.

Однако если Стар кто-нибудь нравился, она могла затащить его к нам на вечерок. Так, однажды она позвала крошечного симпатичного гномика с четырьмя руками и с привычкой сопровождать свою жестикуляцию отплясыванием чечетки. Стар никогда не устраивала официальных приемов и не считала для себя обязательным появляться на общественных мероприятиях. Она не давала пресс-конференций, не произносила речей, не принимала депутаций, не закладывала зданий, не открывала Дней чего-то там, не подписывала бумаг, не опровергала слухов и не делала многого другого, пожирающего время, из того, что делают у нас на Земле Важные Шишки и Суверены.

Она давала консультации отдельным людям, иногда вызывая их из других Вселенных, она имела в своем распоряжении информацию отовсюду, информацию, организованную в систему, сложившуюся за многие столетия. Благодаря этой системе она узнавала о проблемах, требующих ее внимания. Постоянно раздавались жалобы на то, что Империя игнорирует «жизненные интересы», что она и делала в действительности. Ее Мудрость давала советы лишь по тем вопросам, которые она сама выбирала, а фундамент, на котором держалась вся Империя, заключался в том, что большинство проблем решалось без вмешательства извне.

Мы часто бывали на приемах. Мы любили балы и вечеринки, и для Ее Мудрости и ее консорта[1] их выбор был весьма обширен. В Протоколе был один важный пункт: Стар не принимала и не отдавала визитов, а показывалась в гостях, только когда ей хотелось, причем не терпела, чтобы за ней ухаживали. Это была прямая противоположность тем порядкам, которые существовали в столичном обществе при ее предшественнике, в чьи времена Протокол был строже, чем в Ватикане.

Одна из наших хозяек пожаловалась мне, что общественная жизнь стала куда скучнее при новых порядках, и намекала на желательность моего вмешательства. Я сделал, что мог,— нашел Стар, передал ей эти замечания, и мы тут же ушли — прямиком на бал к пьяницам-художникам — это было то еще зрелище!

Центр — такое смешение культур, рас, обычаев и стилей, что тут обязательны лишь немногие правила. Одно из самых жестких гласит: «Не навязывайте мне ваши обычаи». Люди одеваются так, как они привыкли одеваться дома, или же экспериментируют с чужими моделями. Любое общественное сборище выглядит как костюмированный бал. Гость может появиться на званом обеде в чем мать родила, и это не вызовет никаких разговоров. Некоторые так и поступают — меньшинство, конечно. Я говорю не о негуманоидах или гуманоидах с шерстистым покровом — им одежды и так не нужны. Я говорю о людях, которые, будь они одеты в американский костюм, и в Нью-Йорке были бы не отличимы от прочих, а также о других людях, что привлекли бы внимание даже на Иль-дю-Леван, так как у них вообще нет волос — даже бровей. Для них это источник гордости, демонстрация превосходства над нами — волосатыми обезьянами, и они этим гордятся, как гордится мужлан из Джорджии отсутствием меланина[2]. Поэтому они ходят голыми чаще других представителей человеческих рас. Мне они казались удивительно странными, но ко всему ведь можно привыкнуть.

Стар вне дома носила платье постоянно, я тоже. Она никогда не упускала возможности приодеться — единственная и

[1] *Консорт* — муж царствующей королевы.

[2] *Меланин* — красящий пигмент в коже негроидных народов.

простительная слабость, которая иногда могла заставить Стар забыть о своем императорском статусе. Она никогда не одевалась дважды в одно и то же платье и постоянно рядилась во что-то новенькое, очень обижаясь, если я этого не замечал. Некоторые ее новинки могли вызвать инфаркт даже на Ривьере. Стар считала, что женская одежда никуда не годится, если у мужчин не возникает желания сорвать ее ко всем чертям.

Самым эффектным из костюмов Стар оказался простейший. Руфо случайно зашел к нам, и ей захотелось одеться так, как мы были одеты во время похода за Яйцом. И вот — раз-два — то ли костюмы уже ждали нас, то ли их заказали и исполнили мгновенно, что вернее, так как невианская одежда — редкость на Центре.

Луки, стрелы, колчаны появились с той же быстротой, и мы тут же превратились в Вольных Стрелков. Я был рад возможности пристегнуть к поясу Леди Вивамус, которая со времен Большой Черной Башни одиноко висела на стене моего кабинета.

Стар стояла, широко расставив ноги, уперев кулаки в бедра, с гордо откинутой головой, сверкающими глазами и пылающими щеками.

— Ах, как это замечательно! Мне так хорошо, я снова чувствую себя молодой! Любимый, обещай мне, обещай без обмана, что когда-нибудь мы снова отправимся на поиски приключений! Меня просто тошнит от того, что постоянно приходится сдерживать себя.

Она говорила по-английски, ибо язык Центра не подходит для выражения таких эмоций. Он вроде пиджин-инглиша — сложился за тысячи лет языковых заимствований, изменений, крайне унифицирован, невыразителен и функционален.

— Годится! — согласился я.— А как насчет Руфо? Хочешь выйти на Дорогу Доблести?

— Только если ты зальешь ее асфальтом.

— Чушь! Пойдешь, я тебя знаю. А когда и куда, Стар? Да черт с ним — куда! Просто — когда? Давай не пойдем на вечеринку и отправимся тотчас же!

Все ее оживление внезапно угасло.

— Любимый, ты же знаешь — не могу. Я еще и трети обучения не прошла.

— Надо было взорвать это Яйцо в ту минуту, как я его нашел.

— Не сердись, милый. Поедем на вечеринку и развлечемся.

Так мы и сделали. Поездки на Центре осуществляются с помощью искусственных Врат, не требующих «магии» (а может быть, наоборот, требующих ее в гораздо больших масштабах). Вы устанавливаете место прибытия, как устанавливается нажатием кнопки в кабине лифта этаж, так что транспортных проблем в столице не существует, равно как и тысячи других неприятных вещей. Нет, в их городах инфраструктурного костяка не увидишь!

В этот вечер Стар решила выйти, не доезжая до места назначения, и пройтись через парк, а уж потом заявиться на вечеринку. Она прекрасно знает, как ей идут облегающие брюки, отлично обрисовывающие ее стройные ноги и пышный задик. Она раскачивала бедрами не хуже индусской танцовщицы.

Братцы! Это была сенсация! На Центре не носят шпаг, разве что приезжие. А луки и стрелы тут такая же редкость, как зубы у курицы. Мы вызывали столько же интереса, сколько вызвал бы рыцарь в латах на Пятой авеню.

Стар была счастлива, как ребенок, играющий в прятки. Я тоже. Мне казалось, что в плечах у меня косая сажень и я хоть сейчас же могу отправиться за драконами.

Этот бал не походил на земные. Согласно Руфо, все наши расы во всех Вселенных имеют одинаковую основу развлечений: собираться вместе, толпой, для танцев, выпивки и сплетен. Он утверждает, что обычаи мальчишников и девичников — симптомы больной культуры. Я с ним не спорю. Мы спустились по грандиозной лестнице, музыка тут же прекратилась, гости разинули рты и пялили глаза, а Стар наслаждалась произведенным эффектом. Потом музыканты, сбиваясь, принялись опять за работу, а гости с большим усилием вернулись к той «незамечающей вежливости», которой обычно требовала Императрица. И все же мы оставались в центре внимания. Я думал, что история похода за Яйцом — государственный секрет, поскольку мне никогда не приходилось слышать даже намека на нее. А если эта история и известна, то уж никак не с теми деталями, которые знакомы только нам троим.

А оказалось, вовсе не так. Все понимали, что означает наш костюм, и даже более того. Я был в буфете, попивая коньяк и коктейли собственного изобретения, когда меня наколола какая-то

сестренка Шахразады, впрочем, весьма хорошенькая. Она принадлежала к человеческой расе, но отличалась от нас. Одета она была в рубины величиной с большой палец и в хорошо просвечивающую ткань. Ростом пять футов и пять дюймов, босоногая, весом около ста двадцати фунтов, с талией не больше пятнадцати дюймов в обхвате, что зрительно преувеличивало величину двух остальных объемов, хотя они в этом вовсе не нуждались. Брюнетка и обладательница самых раскосых глаз из всех, какие я видел в жизни. Она походила на очаровательную кошечку и смотрела на меня, как кошка на птичку.

— Лично,— объявила она.

— Говори.

— Сверлани. Мир (название и код — я о них не слыхивал). Изучаю дизайн пищи. Математико-сибарит.

— Оскар Гордон. Земля. Солдат.— Я не знал личного номера Земли, но ей и без того было известно, кто я такой.

— Вопросы?

— Спрашивай.

— Есть шпага?

— Есть.

Она посмотрела на шпагу, зрачки расширились.

— Есть-была шпага, разрушить искусственного стража Яйца? («Является ли находящаяся здесь шпага прямой преемницей в пространственно-временных изменениях, без учета возможных теоретических аномалий, связанных с межвселенскими переходами, той шпаги, которая использовалась при уничтожении Никогда-Не-Рожденного?» Такая конструкция фразы полностью исключает концепцию, что неизменность есть бессмысленная абстракция, и заменяет простой вопрос: «Не этой ли шпагой, в повседневном смысле, ты пользовался, и не дури мне голову, я не девочка».)

— Была-есть,— подтвердил я («Я был там и гарантирую, что следовал за ней всю дорогу, так что это она и есть»).

Она тихо ахнула, и ее соски напряглись. Вокруг каждого из них был нарисован или вытатуирован широко известный во многих Вселенных символ — троянская стена. Ее волнение было столь велико, что эти укрепления рухнули вновь.

— Тронуть? — попросила она с мольбой в голосе.

— Тронуть.

— Тронуть вдвойне? («Пожалуйста, нельзя ли мне подержать ее подольше, чтобы почувствовать как следует? Пожалуйста, ну, пожалуйста, умоляю вас. Я знаю, что прошу слишком много, вы вправе мне отказать, но я гарантирую, что никакого вреда не нанесу». Они тут укорачивают фразы, и эмоциональная нагрузка передается манерой произношения.)

Мне очень не хотелось... Ну, ладно бы, это была не Леди Вивамус... Но для хорошеньких девчонок я — легкая добыча.

— Тронуть... вдвойне,— пробурчал я. Обнажил шпагу и вручил ее — рукоятью вперед, готовый тут же отнять, если она станет угрозой для чьего-нибудь глаза или если девушка захочет уронить ее себе на ноги.

Она приняла шпагу осторожно, глаза и рот широко распахнулись, она взяла ее за гарду, а не за рукоять. Пришлось показать ей. Кисть ее была слишком мала (у нее и кисти рук, и стопы ног были под стать талии — ультратонкие).

Она увидела девиз:

— Значение?

«Dum vivimus, vivamus» плохо переводится и не потому, что они не могут схватить смысл, а потому, что это для них все равно, что для рыбы вода: ну а как же можно жить иначе? Но я попытался:

— Тронуть вдвойне жизнь. Есть. Пить. Радоваться.

Она задумчиво кивнула, затем ткнула клинком в воздух. Кисть согнута, локоть торчит. Этого вынести я не мог, отобрал у нее шпагу, встал в позицию секунда, сделал глубокий выпад в верхнюю часть тела, отступил, подняв клинок — движение столь изящное, что даже большие волосатые мужчины смотрятся в нем хорошо. Вот почему балерин учат фехтованию.

Отсалютовал и отдал ей шпагу обратно, потом показал, в каком положении должны находиться кисть и локоть правой руки, а где левая рука. Она сделала выпад, чуть не проткнув правый окорок какого-то гостя.

Я снова отобрал шпагу, вытер клинок и бросил его в ножны. Вокруг нас собралась порядочная толпа. Я взял свой коктейль, но она со мной еще не покончила: «Сама прыгать шпагу?»

Я подавился. Если она понимает смысл сказанного, то, значит, мне только что сделали предложение, самое вежливое по форме из всех полученных мною на Центре. Обычно это делается гораздо проще. Но ведь не могла же Стар распространяться о деталях нашей брачной церемонии? Тогда — Руфо? Я ему не говорил, но Стар могла.

Я ничего не ответил, и она высказалась еще яснее, нисколько не понижая голоса: «Лично не девственница, не рожавшая, не беременная и фертильная[1]».

Я ответил так вежливо, как позволяет этот язык, а он сильно хромает в этом отношении, что я уже ангажирован. Она тут же сменила тему и обратила внимание на коктейль: «Кусочек пробовать вкус?»

Это другое дело — я отдал ей стакан. Она сделала приличный глоток, пожевала губами в раздумье и осталась очень довольна: «Гостеприимно. Примитив. Крепко. Сильно диссонирует. Произведение искусства». И уплыла прочь, оставив меня в полном недоумении.

Через минут десять тот же самый вопрос снова встал передо мной. Я получил больше предложений, чем на любом другом вечере на Центре, и уверен, что главной причиной этой рыночной толкотни была шпага. Честно говоря, предложения мне делались на каждой вечеринке и на каждом балу — ведь я был консорт Ее Мудрости. Даже если бы я был орангутангом, предложения поступали бы все равно.

Некоторые «шерстистые» мало чем отличались от орангутангов, однако принимались в обществе. Я мог бы и пахнуть, как обезьяна, и вести себя хуже. Истина была в том, что многих дам волновал вопрос о том, что же такое заполучила Императрица в свою постель, а также тот факт, что я был дикарь, в лучшем случае варвар. Все это дразнило их любопытство. Никаких табу на выяснение этого вопроса, естественно, не существовало, так что многие пытались.

Но у нас все еще продолжался медовый месяц. Кроме того, если бы я принял все эти предложения, у меня не осталось бы ни

[1] Способная к произведению на свет потомства.

минуты для жизни с поднятыми занавесками на окнах. Выслушивать предложения было, в общем, приятно, особенно когда я примирился с тем, что они звучали почти как «Вам с содовой? Или имбирного пива?». Моральный уровень мужчины повышается, когда ему предлагают.

Ночью, раздеваясь, я спросил:

— Ну как, хорошо повеселилась, лапочка?

Стар зевнула и засмеялась:

— Безусловно. Но и ты тоже, мой доблестный старый скаут. Почему ты не отвел эту кошечку домой?

— Какую кошечку?

— Отлично знаешь какую! Ту самую, которую ты обучал фехтованию!

— Мяу-у!

— Нет, нет, милый. Ты просто должен послать за ней. Я слышала, как она делала тебе предложение, и знаю, что существует строгая корреляция между хорошей кухней и хорошей...

— Женщина, а не слишком ли много ты болтаешь?

Она перешла с английского на невианский:

— Больше с моих истомившихся по любви губ не сорвется ни единого звука, который был бы не желанен тебе.

— Моя возлюбленная женушка... Стихийный дух Поющих Вод...

Невианский язык куда больше годится для определенных ситуаций, чем тот жаргон, который они употребляют на Центре.

Центр — приятнейшее местечко, и консорт Ее Мудрости тут может кататься словно сыр в масле. Как-то после нашего первого визита в рыбачью хижину Стар я намекнул, что было бы очень славно как-нибудь снова съездить половить форель в том чудесном ручье у Врат, через которые мы прибыли в Невию. Как жаль, что он не на Центре!

— Хочешь, он будет здесь?

— Стар, ты что — можешь его перенести? Я знаю, что некоторые Врата открыты для коммерческих нужд и через них идут грузы, но если это даже так...

— Нет, нет. Речь идет о другом, но тоже интересном. Дай-ка подумать. Нужен день, чтобы снять стереокопии, произвести замеры,

взять пробы воздуха, состава воды и т. д. А пока... За этой стеной ничего ценного нет — так, электростанция и все такое... Скажем, тут будет дверь, а там — то место, где мы жарили рыбу — в сотне ярдов отсюда. Все будет готово за неделю, иначе придется сменить архитектора. Годится?

— Стар, это же невозможно!

— Почему, родной?

— Разрушить целый дом для того, чтобы дать мне ручей с форелью? Фантастика!

— Да нет же, уверяю тебя.

— Нет, фантастика! И тем не менее, солнышко, я предлагал тебе не ручей сюда перенести, а самим отправиться туда. На каникулы.

— Ах, как я хотела бы уехать на каникулы! — вздохнула она.

— У тебя сегодня был сеанс импринтинга? Голос звучит иначе.

— Я так устала от этого, Оскар!

— Стар, ты проводишь сеансы слишком часто. Ты истощаешь себя.

— Возможно. Но в этом деле только я могу быть судьей, как ты знаешь.

— Как я не знаю! Ты, возможно, и можешь судить о ходе этого проклятого процесса, и ты действительно тут судья, я это понимаю, но я твой муж и должен быть судьей состояния твоего здоровья, и я обязан прекратить такую растрату сил.

— Любимый мой!

И таких инцидентов было немало.

Я не ревновал ее. Этот призрак моего дикарского прошлого был похоронен еще на Невии и меня больше не посещал.

Да и Центр — не то место, где этот призрак может разгулять-ся. Здесь столько же брачных обычаев, сколько культур,— тысячи. Они нейтрализуют друг друга. Некоторые гуманоиды моногамны по инстинкту, ну как лебеди, что ли. И это трудно считать «добродетелью». Как смелость есть преодоление страха, так добродетель есть правильное поведение перед лицом искушения. Если нет соблазна, нет и добродетели.

Но с этими несгибаемыми моногамщиками никаких неприятностей не бывает. Если кто-нибудь, по неграмотности, сделал бы

гнусное предложение одной из этих достойных дам, он не рисковал ни получить пощечину, ни тем более удар кинжалом. Она просто отвергла бы его и продолжала болтать о погоде. И если бы ее муж подслушал разговор между ними, беды бы тоже не случилось. Ревность не может существовать у расы автоматически моногамной. Я, впрочем, сам этого не проверял. Мне — по виду и запаху — они казались похожими на черствую корку хлеба. Где нет соблазна — нет и добродетели.

А вот у меня были случаи, когда я проявлял добродетель. Эта кошечка с осиной талией очень соблазняла меня. Я узнал, что она из той цивилизации, где женщины не выходят замуж, пока не докажут, что способны к деторождению, как это принято у нас на островах Южных морей и в некоторых странах Европы. Этим она никак не нарушает табу своего племени. Еще больше меня привлекала другая девушка — очаровашка с дивной фигуркой, с отличным чувством юмора и одна из лучших танцовщиц Вселенной. Свое предложение она отнюдь не писала на всех стенах, а просто дала мне знать, что не очень занята и вполне заинтересована, использовав местный жаргон с талантливой недосказанностью.

Это освежало. Это было почти по-американски. Я справился (стороной) об обычаях ее племени и узнал, что, хотя они очень строги в делах брака, в прочих отношениях нравы весьма свободны. В качестве зятя я бы там не подошел, но окно было бы открыто, даже если двери запирались крепко-накрепко.

В общем, я струсил. Я покопался как следует в своей душе и нашел там подтверждение наличия в себе такого же сокрушительного любопытства, как у тех женщин, которые делали мне предложения только потому, что я был консортом Ее Мудрости. Миленькая маленькая Зай-и-ван принадлежала к числу тех, кто не носил одежды. Последнюю она выращивала сама — от кончика носа до крошечных пальчиков на ногах ее покрывала мягкая блестящая серая шерсть, удивительно похожая на мех шиншиллы. Потрясающе!

Я не должен был причинять ей зла — такому славному маленькому существу.

В соблазне этом я признался Стар, и она мягко намекнула, что я, видно, отношусь к роду животных, усиленно шевелящих длинными ушами, поскольку Зай-и-ван славится как выдающаяся

артистка даже среди собственного народа, который заслужил славу наиболее талантливых поклонников Эроса.

Я так и остался трусишкой. Роман с такой чудесной девочкой обязан основываться на любви, хотя бы частично, а тут была не любовь, а просто интерес к дивному меху плюс страх, что связь с Зай-и-ван может перерасти в любовь, а моей женой она не может быть, даже если бы Стар меня и отпустила.

А если бы не отпустила? На Центре нет законов против полигамии. В некоторых религиях такие законы есть, в других она поощряется, но смешивание культур приводит к такому же смешению религий, которые «погашают» друг друга наподобие того, как погашают друг друга разные обычаи. Культурологи утверждают, что закон о религиозной свободе инвариантен: религиозная свобода обратно пропорциональна силе самой распространенной религии. Это, видимо, есть частный случай более широкой инвариантности, заключающейся в том, что все виды свобод вырастают из конфликтов между культурами, поскольку обычай, которому не противостоит противоположный ему, становится обязательным и рассматривается как «закон природы».

Руфо с этим взглядом не согласен. Он считает, что его коллеги (у них в голове дырки) включают в уравнения вещи, которые не могут быть измерены количественно и даже недоступны для точного определения. Свобода — это счастливое исключение, так как тупая толпа во всех расах ненавидит и боится любых свобод, не только для соседа, но и для себя, и уничтожает их всюду, где это только возможно.

Но вернемся к нашей теме: на Центре пользуются любыми видами брачных контрактов. А чаще не пользуются никакими. Они практикуют и домашнее партнерство, и свободное сожительство, и проживание для целей деторождения, и любовь, и дружбу, но все это вовсе не обязательно с одним партнером. Контракты могут быть очень сложными, например такими же, что заключаются у нас при слиянии фирм. Они могут включать в себя продолжительность, цели, обязанности, ответственность, число и пол детей, методы генетической селекции, проблемы подборки матерей, условия прекращения или продления отношений — все, кроме пункта о «супружеской верности». Здесь считается аксиомой, что

это обязательство не может внедряться насильно, а значит, не подлежит и внесению в контракт.

И тем не менее супружеская верность тут встречается чаще, чем на Земле, просто она не подзаконна. У них есть древняя поговорка: «Женщины и кошки». Это значит «Женщины и кошки делают что хотят, а мужчины и собаки к этому приноравливаются». Есть и другая — «Мужчины и погода», которая грубее, но столь же стара, поскольку погода на Центре уже давно под контролем.

Самый распространенный вид контракта — вовсе и не контракт. Он перевозит в ее дом свои вещи и остается там, пока она не выбросит их за порог. Большая популярность этой формы объясняется высокой стабильностью таких браков — женщине, которая «выбросила его туфли», очень трудно найти нового мужа, достаточно смелого, чтобы выносить ее скверный нрав.

Мой контракт со Стар был бы именно такого типа, в том случае, разумеется, если бы контракты, законы и обычаи были обязательны для Императрицы, чего нет и быть не может. Но вовсе не это стало причиной моей растущей тревоги.

Поверьте мне — я не ревнив. Но тем более меня раздражали все эти мертвяки, толпившиеся в мозгу Стар.

Однажды вечером, когда мы одевались, чтобы пойти куда-то, Стар рявкнула на меня. Я беззаботно болтал о том, как прошел мой день, в частности занятия по математике, и, без сомнения, был так же интересен, как ребенок, рассказывающий о событиях в его детском саду. Но я пылал энтузиазмом — передо мной открывался новый мир, а Стар была всегда так терпелива со мной.

Но теперь она рявкнула на меня, да еще баритоном!

Я так и замер.

— У тебя сегодня опять был сеанс импринтинга?!

Казалось, я слышу, как она переключает рычаги скоростей.

— Ох, прости меня, мой любимый! Нет, я сегодня не в себе. Я — Его Мудрость CLXXXII.

Я быстро подсчитал.

— Это же четырнадцатый с тех пор, как мы вернулись из похода за Яйцом! А ты приняла только семь за все годы до этого. Какого черта ты воображаешь! Ты хочешь выгореть дотла? Стать идиоткой?

Она начала было повышать голос, но потом ответила мягко:

— Такого риска нет.

— А я слышал совсем другое!

— То, что ты слышал, Оскар, не имеет значения, так как никто не может судить ни о моих возможностях, ни о том, что такое импринтинг. Разве что ты говорил с моим наследником?

— Нет.— Я знал, что он у нее есть, и подозревал, что он прошел сеанса два-три в качестве предосторожности на случай убийства Стар. Но я с ним не встречался, встречи не искал и даже не знал, кто он такой.

— Тогда забудь, что тебе говорили. Это бессмыслица.— Она вздохнула.— Любимый, если ты не возражаешь, я сегодня не буду выходить. Лучше лягу в постель и посплю. Старый вонючка CLXXXII — самая мерзкая личность из всех, кем я побывала. Блистательные успехи в критической ситуации, ты обязательно о нем почитай. Но внутренне он был злобной скотиной, ненавидевшей даже тех людей, кому помогал. Он совсем еще свеж во мне, так что его следует крепко держать на цепи.

— Ладно, пойдем ляжем.

Она покачала головой.

— Спать,— строго сказал я.

— Нет, я воспользуюсь самовнушением, так что к утру ты даже не вспомнишь, что он был тут. А ты пойди на вечеринку. Может, наткнешься на какое-нибудь приключение и забудешь про свою трудную жену.

Я пошел, но был слишком зол, чтобы думать о приключениях.

«Старая вонючка» не был самым худшим. Я могу постоять за себя, и Стар хоть и амазонка, а все же недостаточно сильна, чтобы командовать мною. Если она начинала грубить, то получала хорошую выволочку. Вмешательства охраны я не опасался, поскольку с самого начала было установлено: когда мы дома одни — мы ведем частную жизнь. Присутствие третьего меняло дело, и если Стар была одна, то частная жизнь тоже исключалась, даже если она принимала ванну. Была ли ее охрана женской или мужской — я не знаю, да и Стар это было безразлично. Охранников я даже не видел. Так что наши ссоры никому не были известны и, пожалуй, приносили нам даже пользу, давая разрядку.

«Святой» был еще хуже, чем «Мерзавец». Это был Его Мудрость CXLI, и его отличали такое благородство и духовность и он по этой причине так задирал нос, что я уехал на трехдневную рыбалку. Стар в жизни была полнокровной, живой и веселой, а этот тип не пил, не курил, жвачку не жевал, грубых слов не произносил. Так что над головой Стар все эти дни, которые она находилась под его влиянием, можно было видеть нечто вроде сияния.

А что было еще хуже, он проклял секс с тех пор, как занялся Вселенскими делами, и это оказало на Стар глубокое и неожиданное воздействие: плаксивая покорность никогда не была в ее стиле. Вот я и поехал на рыбалку.

Стар сказала мне, что это был один из самых неэффективных императоров в их длинном ряду, обладавший гениальной способностью совершать грубые ошибки, исходя из наилучших побуждений, поэтому от него она узнала больше, чем от всех остальных. Он совершил все мыслимые ошибки. Его убили разъяренные граждане после всего лишь пятнадцатилетнего правления — срок явно недостаточный для того, чтобы разрушить столь массивное образование, как Империя из многих Вселенных.

Ее Мудрость CXXXVII была женщиной, и Стар отсутствовала двое суток. Придя домой, она объяснила:

— Пришлось, дорогой мой! Я всегда считала себя выдающейся стервой, но она шокировала даже меня.

— Каким образом?

— *Лучше я промолчу, хозяин. Мне пришлось проделать солидную работенку по ее захоронению так глубоко, чтобы ты с ней никогда не встретился.*

— Но мне же интересно!

— Я понимаю, но именно потому я и вбила ей в сердце осиновый кол — неприятная работа, ведь она мой прямой предок. Но я побоялась, что она может тебе понравиться больше меня. Ох, какая подлая проститутка!

Мне любопытно до сих пор.

Большинство предшественников были неплохие ребята. Однако наш брак был бы куда благополучнее, если бы они в нашем доме не болтались вовсе. Легче иметь жену чуть тронувшуюся, нежели такую, что состоит из нескольких взводов — и преимущественно

из мужчин. Сознание их призрачного присутствия даже тогда, когда личность Стар доминировала, отрицательно действовало на мое либидо[1].

Должен, однако, согласиться с тем, что Стар понимала мужскую точку зрения куда лучше других женщин в истории какой угодно страны. Ей не приходилось гадать, что для мужчины приятно. Она знала об этом больше меня из «опыта» и ни в коем случае не желала делиться с кем-нибудь этим уникальным знанием.

В общем, у меня отсутствовали видимые причины для жалоб.

А я жаловался, я винил ее в том, что она носит в себе всех этих людей. Стар выносила эти несправедливые жалобы лучше, чем я — свои собственные ощущения несправедливости всей ситуации, когда я должен постоянно быть vis-a-vis всей этой толпы дурацких призраков.

Однако призраки были отнюдь не самым плохим, что плавало в нашей похлебке.

У меня не было работы. Я говорю не о службе от девяти до семнадцати, стрижке газона по субботам и пьянстве в загородном клубе по субботним вечерам. Я говорю об отсутствии цели в жизни. Вы когда-нибудь видели льва-самца в зоопарке? Свежее мясо в положенное время, сколько угодно женского полу, никаких охотников — вроде как добился чего хотел, не правда ли?

Тогда почему же у него такой угнетенный вид?

Сначала я не понимал всей глубины своей проблемы. У меня была очаровательная и любящая жена; я был так богат, что мое богатство нельзя было счесть; я жил в самом великолепном доме, находящемся в городе, куда более прекрасном, нежели любой город Земли; все, с кем я встречался, были ко мне расположены; на втором месте после моей удивительной жены я бы поставил возможность повышать, не считаясь с затратами времени, свое образование, получая его таким, какое недоступно никому на Земле, и при этом ни в какой мере не связанным с футболом. Не существовало никаких ограничений в тематике, и гарантировалась любая помощь. Представьте, друзья, что сам Альберт Эйнштейн бросает все свои дела, чтобы помочь вам разобраться с алгеброй,

[1] *Либидо* — в сексологии — половое влечение.

а «Рэнд Корпорейшн» и «Дженерал Электрик» объединяются в усилиях разработать методику, облегчающую вам решение какой-нибудь простенькой задачки.

Это роскошь большая, чем богатство.

Вскоре я обнаружил, что не могу выпить океан, даже если его поднесут к самым моим губам. Научные знания и на Земле так разрослись, что один человек не в состоянии охватить их в полной мере, так вообразите себе, как велик их объем в Двадцати Вселенных, каждая из которых имеет свои законы, свою историю и только одна Стар знает — сколько цивилизаций.

Говорят, на конфетных фабриках рабочим разрешается есть сколько угодно сладостей. А они вскоре на сладкое и смотреть не хотят.

Учиться я, конечно, не бросил. Но моим занятиям не хватало цели. Тайное имя бога так же невозможно узнать в Двадцати Вселенных, как и в одной, и точно так же дело обстоит и с другими крупными вопросами, если, конечно, у вас нет интереса к какой-нибудь очень узкой проблеме.

У меня такого интереса не было, я — дилетант, и это я понял сразу, как только увидел, насколько моим учителям со мной скучно. Тогда я их почти всех отпустил, оставил себе математику да еще историю Империи, но и здесь сознательно скользил по поверхности.

Подумывал я и о том, чтобы заняться бизнесом. Но чтобы заниматься бизнесом, получая от этого удовольствие, надо либо быть бизнесменом в душе (чем я не был), либо нуждаться в деньгах. А у меня деньги были. Все, что я мог,— это потерять их, а в том случае, если бы я выиграл, обязательно возник бы вопрос, не было ли тут специального правительственного указания: «Не обижайте консорта Императрицы, все убытки мы вам компенсируем».

Так же вышло и с покером. Я ввел эту игру в обиход, и она начала быстро распространяться. К сожалению, вскоре обнаружилось, что играть в нее я не могу. Покер требует серьезного отношения, иначе он становится неинтересен. Однако если денег у тебя — океан, то возможность добавить или потерять несколько капель превращают игру в ничто.

Должен объясниться. Цивильный лист Ее Мудрости, возможно, и не столь велик, как траты многочисленных богачей Центра: планета ведь невероятно богата. Но он таков, каким его хочет видеть Стар, то бишь бездонный кладезь богатства. Не знаю, из скольких миров состоит Империя, но предположим, из двадцати тысяч, со средним числом жителей три миллиарда человек в каждом. На самом деле цифры эти гораздо больше.

Один пенни от каждого из 60 000 000 000 000 человек — составит шестьсот миллиардов долларов. Эти цифры ничего не значат, кроме одного — они показывают, что изъятие у населения ничтожнейшей доли их средств, такой ничтожной, что ее и заметить нельзя, создает капитал, которому я при всем желании не мог нанести заметного урона. Разумеется, квазиуправление Стар стоило этой квазиимперии очень больших денег, но ее персональные траты (и мои), как бы безумны они ни были, оставались на этом фоне просто неразличимыми.

Царь Мидас, как известно, потерял всякий интерес к своему дурацкому банку. И я тоже. Ох, конечно, я тратил деньги, хотя делал это только в случае необходимости. Наша «квартира» (не буду называть ее дворцом) имела гимнастический зал, которому и в подметки не годились гимнастические залы всех университетов на Земле. Я распорядился пристроить к нему манеж и очень много занимался фехтованием. Я приказал изготовлять рапиры, способные поспорить с Леди Вивамус, и лучшие фехтовальщики нескольких миров занимались со мной. Я добавил еще и стрельбище, велел доставить мне из Врат Карт-Хокеша мой большой лук и тренировался в стрельбе из него и других видов оружия.

О, я тратил деньги как хотел.

И вот однажды я сидел в своем кабинете, ни черта не делая, а просто о чем-то размышляя и поигрывая сосудом, наполненным драгоценными камнями.

Когда-то я немного интересовался дизайном ювелирных изделий. Этим я увлекся еще в средней школе. Я даже проработал одно лето у ювелира. Я немного рисовал и очень любил красивые камни. Ювелир дал мне кое-какие книги, а другую литературу я брал в городской библиотеке. Однажды он даже сделал по моему рисунку одну вещицу.

У меня было Призвание.

Но ювелиры не имеют отсрочки от призыва, так что пришлось это дело бросить... во всяком случае до приезда на Центр.

Понимаете, здесь у меня не было другой возможности делать Стар подарки, кроме как изготовлять их собственными руками. Так я и поступил. Я стал делать бижутерию из настоящих камней, изучая основы мастерства (разумеется, с помощью экспертов), заказывая богатейшие наборы камней, набрасывая собственные рисунки и отсылая камни и рисунки настоящим ювелирам для окончательной обработки.

Я знал, что Стар обожает бижутерию, знал, что в этой любви есть нечто пикантное — не в том смысле, чтоб получать удовольствие от нарушения каких-то табу (ими тут и не пахло),— а просто она любила пускать пыль в глаза, подчеркнуть то, что в этом и не нуждалось.

Вещички, которые я придумывал, были бы вполне на месте во французском ревю, с той разницей, что мои делались из настоящих драгоценных камней. Сапфиры и золото очень подходили к белокурой красоте Стар, и я ими пользовался широко. Но ей шли и другие цвета, поэтому я не отказывался и от прочих камней.

Она была в восторге от моей первой попытки и надела украшения в тот же вечер. Я очень гордился этим. Идею я извлек из воспоминания о костюме, который носила участница стриптиза во франкфуртском ночном клубе, куда я попал в день демобилизации из армии. Набедренная повязка, прозрачная длинная юбка с разрезом на одном из бедер и покрытая блестками (вместо них я взял сапфиры), а также штука, которую трудно назвать бюстгальтером — скорее нечто, лишь подчеркивавшее естественные формы,— состоявшая из одних драгоценных камней, соответствовавших диадеме в волосах.

Стар очень радовалась и этой, и другим вещицам, которые за ней последовали.

Но вскоре я заметил кое-что. Я же не настоящий дизайнер ювелирных изделий и конкурировать с профессионалами, которые обслуживают богатеев Центра, естественно, не мог. Я понял, что Стар надевает мои поделки лишь потому, что это мои подарки, точно как мама пришпиливает на стену рисунок своего малыша, принесенный им домой из детского садика.

На этом мое увлечение и кончилось.

Сосуд с драгоценными камнями пылился в моем кабинете уже несколько недель. Яркие опалы, сардониксы, сердолики, бриллианты, бирюза, рубины, лунные камни, гранаты, изумруды, сапфиры, хризолиты и многие другие, для которых нет названий на английском языке. Я пропускал их сквозь пальцы, любуясь игрой разноцветных огней и чувствуя себя все более несчастным. Интересно, сколько стоят эти прелестные камешки на Земле? Вероятно, миллионы долларов.

Я их даже не запирал на ночь. А ведь я — тот самый парнишка, который когда-то бросил колледж из-за отсутствия денег на оплату учебы и гамбургеров на обед.

Я отодвинул камни прочь и подошел к окну. У меня было окно, так как я сказал Стар, что кабинет без окон мне не нравится. Это случилось сразу же после нашего приезда, и только спустя несколько месяцев я узнал, сколько зданий пришлось снести, чтобы доставить мне удовольствие. Я-то думал, что они просто пробьют в стене окно.

Вид был чудесный — скорее парк, чем город, прекрасные здания не громоздились друг на друга, а были разбросаны в беспорядке. Трудно было поверить, что город этот по размерам не уступает Токио. Его инфраструктурный костяк не был виден, а население работало чуть ли не в другом полушарии планеты.

Слышался шум — слабый, как гудение пчел, отдаленно напоминавший приглушенный гул Нью-Йорка, говоривший о том, что вокруг меня живут люди, у каждого из которых есть работа, есть цель, есть своя функция.

А моя функция? Консорт!

Жиголо![1]

Стар, сама не подозревая того, ввела проституцию в мир, который до того ее не знал. В невинный мир, где мужчины и женщины ложились в постель вместе только потому, что им этого хотелось.

Принц-консорт — не проститутка. У него есть работа, часто очень утомительная — он представляет свою супругу, он присутствует при закладке зданий, он произносит речи. Кроме того, у него есть обязанность быть королевским производителем — следить, чтобы королевская порода не вымерла.

[1] *Жиголо* — наемный танцор, мужчина на содержании у женщин.

У меня ничего подобного не было. Даже обязанности развлекать Стар — черт побери, да в радиусе десяти миль от меня найдется не менее миллиона мужчин, которые с радостью ухватятся за такой шанс.

Предыдущая ночь была плохая. Она плохо началась и перешла в одну из тех утомительных постельных конференций, которые бывают у всех супружеских пар и которые гораздо хуже приличного скандала. У нас как-то был такой — очень домашний, какой бывает у тружеников, замученных начальством и счетами.

Кроме того, Стар сделала то, чего никогда не делала,— внесла в дом свою работу. В виде пяти человек, имеющих отношение к какой-то межгалактической склоке, я так и не узнал, к какой, так как спор продолжался несколько часов, и иногда они говорили на незнакомом мне языке.

Меня они начисто игнорировали, будто я мебель. На Центре людей редко представляют, и если вы хотите с кем-то заговорить, вы говорите ему «лично» и ждете. Если вам не ответят — отходите. Если вам ответят — обменяетесь биографическими данными.

Никто из них ничего подобного не сделал, а уж я и подавно. Раз уж они пришли в мой дом, то это их обязанность. Они же вели себя так, будто это не мой дом.

Я сидел как Человек-Невидимка и все больше распалялся.

Они доказывали что-то свое, Стар слушала. Вдруг она позвала своих служанок, и они стали ее раздевать и причесывать. Центр — не Америка. У меня не было причины считать себя шокированным. То, что Стар делала, было грубостью по отношению к ним, она показывала, что относится к ним как к мебели (она, значит, оценила их поведение со мной).

Один из них сказал обиженно:

— Ваша Мудрость, я хотел бы, чтобы вы выслушали нас, как обещали (я расширительно передаю их жаргон).

Она холодно ответила:

— Только я одна могу судить о своем поведении. Больше никто.

Верно. Она могла судить о своем поведении, они — нет. И, подумал я с горечью, я — тоже нет. Я злился на нее (хотя и понимал,

что это мелочь) за то, что она вызвала служанок, за то, что готовится ко сну в присутствии этих болванов, и я намеревался ей сказать, чтобы такое никогда не повторялось. Потом раздумал.

Вскоре Стар оборвала их:

— Он прав. Вы — не правы. Так и делайте. Уходите.

И все же я решился затронуть этот вопрос под соусом возражения против приглашения в наш дом «деловых» людей.

Однако Стар нокаутировала меня с ходу. В ту же минуту, когда мы остались одни, она сказала:

— Любимый, прости меня. Я согласилась выслушать этих глупых путаников, а дискуссии длились бесконечно, и тогда я подумала, что дело кончится быстрее, если я вытяну их из кресел, заставлю постоять и дам понять, что мне все это надоело. Я и не предполагала, что они снова сцепятся здесь и что пройдет столько времени, прежде чем я ухвачу смысл разногласий. А я знала, что если перенести дело на завтра, оно опять затянется на долгие часы. Сама проблема очень важна, и оставлять ее без решения нельзя.— Она вздохнула.— Но этот ужасный человек... И вот такие пролезают на самый верх! Я даже подумала, не устранить ли его физически, а вместо этого пришлось ему же поручить исправление собственных ошибок, иначе та же ситуация могла возникнуть заново.

Я не смог даже намекнуть ей, что ее решение родилось просто под влиянием раздражения. Человек, которого она только что осуждала, был тем самым, в пользу которого она вынесла решение. Поэтому я сказал:

— Пошли спать, ты устала.— И сам же не удержался, чтобы в душе не осудить ее.

Глава 19

И мы отправились спать.

Тут она сказала мне:

— Оскар, ты сердишься.

— Я этого не говорил.

— Но я чувствую. И не только сегодня, и не только из-за этих тупиц. Ты ушел в себя, ты несчастлив.

— Пустяки.

— Оскар, все, что беспокоит тебя, не может быть пустяками для меня. И я ничего не смогу с этим поделать, пока не узнаю, в чем причина.

— Что ж... Я чувствую себя чертовски бесполезным.

Она положила свою мягкую сильную руку мне на грудь.

— Для меня ты очень полезен. А почему ты чувствуешь себя бесполезным для себя? Лично?

— А ты посмотри на эту кровать! — Эта кровать была такой, о которой американцы не могут даже и мечтать. Она делала все, кроме разве поцелуя на сон грядущий. И была, подобно этому городу, очень красива и, подобно ему, скрывала свой «костяк».— Такое ложе стоило бы на Земле больше, если бы его сумели там соорудить, чем самый лучший дом из тех, в которых жила моя мать.

Стар подумала.

— Ты хотел бы послать матери денег? — Она потянулась к стоявшему у изголовья коммуникатору.— Достаточно ли дать адрес «Военно-воздушная база Элмендорф, Америка»?

(Не помню, чтобы когда-нибудь называл ей адрес матери.)

— Нет, нет! — Я сделал знак передающему устройству заткнуться.— Ничего я ей не хочу посылать. Ее муж получает достаточно, и от меня он денег не возьмет. Не в этом дело.

— Тогда я не вижу, в чем оно. Кровать ничего не значит, значение имеют лишь те, кто в ней лежит. Если тебе не нравится эта кровать, мы достанем другую. Или будем спать на полу. Кровать ничего не значит.

— Эта кровать о'кей. Единственно, чем она плоха, так это тем, что не я за нее платил. Платила ты. И за этот дом. И за мою одежду. И за мою еду. Все это мои... мои игрушки. Все, что у меня есть, дала мне ты. Ты знаешь, кто я такой, Стар? Жиголо! А ты знаешь, кто такой жиголо? Что-то вроде мужчины-проститутки.

Одна из наиболее раздражающих привычек моей жены заключается в том, что она отказывается прикрикнуть на меня, если я явно напрашиваюсь на ссору. Она внимательно посмотрела мне в глаза.

— В Америке ведь все работают, верно? Люди работают все время, особенно мужчины?

— Вроде того.

— Но этот обычай существует не везде, даже на Земле он неповсеместен. Француз, например, счастлив, если у него много свободного времени. Он заказывает еще чашечку café au lait[1], и стойка блюдечек на его столике быстро растет. Да и я не очень люблю работать. Оскар, я испортила вечер из-за своей лени — не хотелось завтра с утра заниматься этой тягомотиной. Этой ошибки я больше не повторю.

— Не в этом дело, Стар. С тем вопросом мы покончили.

— Знаю. Но первый вопрос редко оказывается ключевым. Да и второй — тоже. А иногда и двадцать второй. Оскар, но ты же не жиголо.

— А как прикажешь меня называть? Если что-то выглядит как утка, крякает как утка и ведет себя как утка, то я называю это уткой. А если ты назовешь ее букетом роз, то она от этого крякать не перестанет.

— Нет. Все, что нас окружает,— она повела рукой,— кровать. Эта чудесная спальня. Пища, которую мы едим. Мое платье и твое. Наш милый бассейн. Ночной дворецкий, на случай, если нам захочется получить певчую птицу или спелый арбуз. Наши дивные сады. Все, что мы видим, ощущаем, что используем или хотим иметь — и еще тысячи вещей, находящихся вдали от нас,— все это заработано твоей собственной могучей рукой. Все это твое по праву.

Я засопел.

— Именно так,— настаивала она.— Таков был наш контракт. Я обещала тебе много приключений, большие сокровища и еще большие опасности. Ты сказал: «Принцесса, вы получили своего мальчика на побегушках».— Она улыбнулась.— Такого большого мальчика! Мой любимый, думаю, что опасностей было больше, чем ты ожидал... И поэтому мне до сего дня доставляло огромное наслаждение делать так, чтобы и сокровищ было больше, чем ты мог себе когда-нибудь представить. Пожалуйста, прими их без ложной скромности. Ты заработал и их, и гораздо больше — столько, сколько ты захочешь иметь.

— Хм... Если даже ты права, то этого слишком много. Я тону в них, как в болоте.

[1] Кофе с молоком (*фр.*).

— Но, Оскар, ты же не обязан брать ни крошки сверх того, что тебе нужно. Мы можем жить скромнее. В одной комнате, с кроватью, которая убирается в стену, если тебе так будет лучше.

— Это не решение.

— А может быть, тебе нужно холостяцкое убежище где-то за городом?

— Хочешь выбросить мои туфли, а?

Она сказала ровным голосом:

— Если ты хочешь, чтобы твои туфли были выброшены, тебе придется это сделать самому. Я прыгнула через твою шпагу. И не буду прыгать обратно.

— Полегче! Ведь это ты предложила. Если я не так понял тебя, то прошу прощения. Я знаю, что своего слова ты обратно не берешь. Но, может быть, ты о нем сожалеешь?

— Я не сожалею. А ты?

— Нет, Стар, нет... Но...

— Слишком большая пауза для такого короткого слова,— ответила она очень серьезно.— Ну, скажи же мне.

— Хм... Ну, просто так... А почему ты мне не сказала?

— Не сказала что именно, Оскар? Существует множество вещей, о которых можно говорить.

— Господи, да о многом! О том, что нам предстояло. О том, что ты Императрица... особенно перед тем, как ты позволила мне прыгнуть через шпагу...

Ее лицо не изменилось, хотя по щекам потекли слезы.

— Я могла бы ответить, что ты меня об этом не спрашивал...

— Я же не знал, о чем спрашивать!

— Это правда. Но я должна заметить, что если бы ты спросил, то я бы тебе на все ответила. Я могла бы сказать тебе, что не я «позволила» тебе прыгать через шпагу, а ты отверг все мои заверения, что нет нужды предлагать мне честь стать твоей женой по законам твоего народа... и что я девчонка, которую ты можешь тискать сколько пожелаешь.

— Я могла бы указать тебе на то, что я не Императрица и не Королева, а просто трудящаяся женщина, чья работа не дает ей даже такой роскоши, как право на благородство. Все это правда. Но я не буду прятаться за этой правдой. Я отвечу на твой вопрос.— Стар

перешла на невианский язык: — Милорд Герой, я боялась только одного — если я не отдамся на твою волю, ты меня бросишь.

— Миледи жена, неужели ты думала, что твой рыцарь бросит тебя в твоих горестях? — Тут уж я перешел на английский: — Что ж, вот все и выяснилось! Ты вышла за меня замуж только потому, что тебе было необходимо освободить это проклятущее Яйцо, а твоя мудрость подсказывала, что я — непременное условие для удачи этого предприятия и что я могу задать стрекача, если ты не сделаешь того-то. Что ж, могу сказать, твоя мудрость в данном случае оказалась слабаком — я бы не сбежал. Хоть это и глупо, но я очень упрям.— И я стал вылезать из кровати.

— Милорд, мой любимый! — Теперь она рыдала уже в открытую.

— Извини, мне нужна пара туфель. Посмотришь, как далеко я их зашвырну! — Я был зол, как только может быть зол мужчина, гордость которого глубоко уязвлена.

— Ну пожалуйста, пожалуйста, Оскар! Сначала выслушай меня.

Я тяжело вздохнул.

— Давай выкладывай.

Она так крепко ухватилась за мою руку, что я лишился бы пальцев, если бы попробовал вырваться.

— Выслушай меня! Мой возлюбленный, все совсем не так! Я знала, что нашего дела ты не бросишь, пока мы его не завершим *или пока все не погибнем. Это я знала*! И не только потому, что у меня были сведения о твоем характере задолго до того, как я тебя увидела впервые, но и потому, что мы уже делили и радость, и опасности, и трудности. Я знала, что ты храбр. Но если бы это было необходимо, я опутала бы тебя паутиной слов, уговорила бы пока ограничиться только помолвкой — пока наше дело не будет завершено. Ты же романтик, ты бы согласился. Но, мой любимый! Я так хотела выйти за тебя замуж! Связать тебя с собой твоим обрядом, что...— Она остановилась, чтобы смахнуть слезы и высморкаться,— чтобы, когда ты увидишь вот это, и это, и это, и все вещи, которые ты назвал только что «своими игрушками», ты бы все равно остался со мной. Эта была не политика, это была любовь — любовь романтическая, любовь безумная, любовь к тебе самому.

Она уткнулась лицом в ладони, и я еле слышал, что она говорит:

— А я так мало знала о любви. Любовь — бабочка, которая сверкает, пока живет, и улетает, когда захочет. Ее нельзя удержать цепями. Я согрешила. Я пыталась связать тебя. Это было несправедливо и жестоко по отношению к тебе, я это вижу теперь.— Стар криво улыбнулась.— Даже у Ее Мудрости может не хватить ума, когда она становится просто женщиной. Но хоть я и глупая баба, я все же не так упряма, чтобы не признать, что причинила своему возлюбленному зло, особенно если эта правда смотрит мне прямо в глаза. Иди, неси свою шпагу. Я прыгну назад, и мой рыцарь получит свободу и выйдет из этой шелковой клетки. Иди, милорд Герой, иди, пока мое сердце сохраняет твердость.

— Иди, отыскивай свою шпагу, девчонка! Порка давно плачет по тебе.

Тут она широко улыбнулась — чистый сорванец!

— Но, мой милый, моя-то шпага осталась в Карт-Хокеше. Разве ты не помнишь?

— На этот раз так просто ты не отделаешься! — Я схватил ее в охапку. Стар крепка, ловка и на удивление мускулиста. Только я-то покрупнее, да она и не отбивалась по-настоящему. И все же я потерял лоскуток кожи и приобрел несколько синяков, прежде чем мне удалось придавить ей ноги и одну из рук. Я дал ей пару горячих, очень горячих, таких, что оставили четкие отпечатки каждого пальца. Но тут же потерял всякий интерес к этому делу.

Ну а теперь вы скажите мне — шли ли ее слова от сердца или была разыграна сценка с участием самой ловкой женщины во всех Двадцати Вселенных?

Спустя некоторое время Стар сказала мне:

— Как я рада, что грудь у тебя не такая колючая, как у других мужчин, мой прекрасный.

— Я с детства был хорошеньким ребенком. А сколько грудей ты проверила?

— Достаточно репрезентативную выборку. Дорогой, значит, ты решил еще немного подержать меня?

— Пока. Все будет зависеть от твоего хорошего поведения, как ты понимаешь.

— Лучше бы от плохого. Но... раз ты так расчувствовался... И если ты... лучше уж мне полностью облегчить душу и, если надо, выдержать еще одну порку.

— Ишь разохотилась! Раз в неделю — это максимум, слышишь!

— Как вам будет угодно, сэр. Слушаюсь, мой хозяин. Я прикажу утром доставить сюда мою шпагу, и ты можешь выпороть меня ею в свободное время. Если, конечно, поймаешь. И все же мне надо сказать тебе кое-что и снять тяжесть с груди.

— Нет там у тебя никакой тяжести, если не считать...

— Перестань! Ты лучше скажи, как часто ты ходишь к терапевтам?

— Раз в неделю.— Первое, что сделала Стар, она заставила меня пройти такую проверку здоровья, что медосмотр перед вступлением в армию кажется сущей безделкой.— Главный костоправ говорит, что мои раны не вполне зажили, но я ему не верю — никогда так хорошо себя не чувствовал.

— Он тянет, Оскар... Тянет по моему приказу. Ты уже полностью здоров, но я достаточно опытный врач, а я была очень внимательна. Но, мой дорогой, я сделала это из чисто эгоистических соображений, и теперь ты снова можешь сказать, что я жестоко и несправедливо отнеслась к тебе. Признаюсь — я иногда хитрю. Но мои намерения вполне достойны. Однако из личного и профессионального опыта мне известно, что благие пожелания чаще становятся источниками бедствий, чем все другие обстоятельства, вместе взятые.

— Стар, я никак не возьму в толк, о чем ты? Известно, что источник всех бед — женщины.

— Да, милорд. Поскольку у них всегда благие намерения — я это могу доказать. Мужчины иногда действуют, исходя из разумных побуждений или из эгоистичных. Но не всегда.

— Это потому, что половина их предков — женщины. Но зачем же я хожу на прием к докторам, если они мне не нужны?

— Я не говорила, что они тебе не нужны. И ты не должен так думать. Оскар, ты уже весьма далеко продвинулся в процедуре Продления Жизни.

Она взглянула на меня, готовая и к обороне, и к наступлению.

— Вот так штука, будь я проклят!

— Ты возражаешь? На этой стадии еще можно повернуть назад.

— Я об этом никогда не думал.— Я знал, что на Центре можно получить Долголетие, как знал и то, что разрешение на него связано с жесткими ограничениями. Его мог получить всякий, кто намеревался эмигрировать на слабозаселенные планеты. Местные же жители должны были стареть и умирать. Это был тот случай, когда один из предшественников Стар счел возможным вмешаться в местные дела. Центр, где все болезни были побеждены, обладал очень высоким жизненным уровнем и стал основой существования мириад людей, а теперь начал приобретать черты перенаселенности, особенно с тех пор, как Долгожительство сильно отодвинуло средний срок наступления смерти.

Тогда-то и были установлены достаточно жесткие правила, которые должны были решить проблему. Некоторые люди проходили процедуру в молодом возрасте и через Врата отправлялись на дикие планеты. Другие выжидали, пока появятся первые признаки приближения смерти, и тогда решали, что они еще вполне годятся для продления жизни. Третьи сидели, ждали и умирали, когда приходило их время.

Мне понятна была их мука — это знание подарил мне удар боло в джунглях.

— Думаю, у меня не будет возражений.

Она вздохнула с облегчением.

— Не знаю, вероятно, я не должна была делать это тайком от тебя. Заслужила я трепку?

— Мы добавим этот пункт к списку других прегрешений, и ты получишь за все сразу. Есть шанс стать инвалидом. Стар, а как это долго — Долголетие?

— Трудно сказать. Мало кто из получивших его умер своей смертью. Если будешь жить той активной жизнью, которую я представляю себе на основании знания твоего характера, то маловероятно, что ты умрешь от старости. Или от болезни.

— И никогда не состарюсь? — К этому надо было привыкнуть.

— Нет, ты можешь состариться. Даже больше того, маразм может развиваться сообразно с возрастом. Если ты себя до этого доведешь. Если это допустят те, кто окружает тебя. Однако... Любимый, скажи, сколько мне лет, на твой взгляд? Нет, не отвечай мне

сердцем, ответь на основании внешнего вида. По земным стандартам. Будь откровенен, мне-то истина известна.

Я всегда с радостью любовался Стар, но сейчас я смотрел на нее по-новому, отыскивая признаки наступающей осени — в уголках глаз, на руках, в малейших изменениях кожи, но... Черт! Никаких признаков, а я-то знал, что у нее есть внук!

— Стар, когда я увидел тебя впервые, я решил, что тебе восемнадцать, потом посмотрел поближе и немного поднял планку. Теперь, разглядывая в упор, не давая никаких скидок — не более двадцати пяти. И это еще потому, что выражение лица у тебя сейчас серьезное. А когда смеешься — ну просто тинейджер. Если же ты дурачишься, или испугана, или восхищаешься котенком или щенком, то тебе трудно дать больше двенадцати. Это если от подбородка и выше. А если от подбородка и ниже — никогда не больше восемнадцати.

— Весьма пышные восемнадцать! — добавила она.— Двадцать пять земных лет, что ж, это именно та цель, которую я ставила перед собой. Это время, когда женщина перестает расти и начинает входить в зрелость. Оскар, твой видимый возраст в условиях Долголетия — дело собственного выбора. Возьми, например, моего дядюшку Джорджа, того самого, что иногда зовет себя графом Калиостро. Он выбрал тридцать пять лет, поскольку считает, что все, кто моложе,— мальчишки. Руфо предпочитает выглядеть старше. Он говорит, что это придает ему респектабельность, удерживает его от участия в пьянках и драках молодежи и все же позволяет ему вызвать шок у какого-нибудь молодого человека, если драка состоится.

— Или же шок у молодой женщины,— предположил я.

— Когда имеешь дело с Руфо, все возможно. Любимый, я еще не закончила. Часть задачи — научить собственное тело самолечению. Вспомни свои уроки языка на Центре — ни один из них не проходил без присутствия гипнотерапевта, который ждал, чтобы дать урок твоему телу, используя твое подсознание после урока языка. Частично видимый возраст есть результат косметической терапии — Руфо вовсе не обязан быть лысым,— но главное — мозговой контроль. Когда ты решишь, какой возраст ты хочешь принять, тебе начнут делать импринтинг.

— Подумаю. Не хочу выглядеть намного старше тебя.

Стар была в восторге:

— Спасибо, дорогой. Видишь, какая я эгоистка?

— Не понимаю, в чем?

Она положила руку на мою.

— Не хочу, чтобы ты старился и умирал, а я бы оставалась юной.

Я похлопал глазами:

— Боже, леди, это действительно эгоистично, не правда ли? Но ведь ты могла бы законсервировать меня и поставить в своей спальне. Как твоя тетушка.

Она состроила гримасу:

— Противный. Она их вовсе не консервировала.

— Стар, а я еще ни разу не видел этих почитаемых мертвецов у кого-нибудь в доме.

— Так то же на планете, где я родилась! В этой Вселенной, только звезда другая. Очень славное место. Разве я тебе не говорила? — удивилась она.

— Стар, милая, ты вообще ничего не говоришь.

— Извини, Оскар! Я вовсе не собиралась преподносить тебе сюрпризы. Спрашивай. Сейчас же. И все, что хочешь.

Я обдумал это предложение. Меня удивляло одно обстоятельство — вернее, его отсутствие. Впрочем, возможно, у женщин ее расы другой ритм? Но меня останавливал тот факт, что я женился на бабушке, и еще вопрос — каких лет?

— Стар, ты беременна?

— Конечно, нет, милый! О! Ты хочешь, чтобы я забеременела? Хочешь, чтобы у нас были дети?

Я запинался, пытаясь объяснить, что не был уверен в такой возможности и не знал, как она на это смотрит. Она, казалось, была в затруднении:

— Наверняка я опять тебя огорчу. И все-таки лучше сказать правду. Оскар, я так же, как и ты, родилась не в роскоши. Хорошее детство, мои родители были владельцами ранчо. Я вышла замуж совсем молодой, он был просто учителем математики в школе, а в качестве хобби занимался вероятностной и метафизической геометрией. Ну, иначе — магией. У нас было трое ребят. И мы с

мужем жили очень дружно до тех пор, пока... пока меня не выдвинули. Не выбрали, а только наметили кандидатом для экзаменов и возможной тренировки в будущем. Муж знал, что генетически я кандидат, знал, еще когда женился на мне, но таких миллионы. Это казалось неважным. Он хотел, чтобы я отказалась. Я почти подчинилась. Но когда я все же приняла предложение, он... ну, он выбросил мои туфли. Там мы делаем это официально. Опубликовал заявление, что больше я ему не жена.

— Вон оно как! Хочешь, я найду его и сверну ему шею?

— Милый! Милый! Это было так давно и так далеко отсюда. Он давно уже умер. И значения это не имеет никакого.

— Ну, если он помер... А твои ребятишки — один из них был отцом Руфо... или его матерью?

— О нет, это случилось позже.

— Как так?

Стар перевела дух:

— Оскар, у меня было около пятидесяти детей.

Меня это добило. Слишком много ударов, что, надо думать, было заметно по моей физиономии. На лице Стар выразилось неподдельное сочувствие.

Она торопливо разъяснила: когда ее выбрали наследницей, в ее организме были произведены изменения — хирургические, биохимические и эндокринные. Нет, нет, ничего существеннее стерилизации, только преследовавшей совсем иные цели и осуществленной гораздо более тонкими методами, нежели те, которые существуют у нас на Земле. В результате образовалось около двух с половиной сотен зародышей будущих Стар — живые яйцеклетки и латентные, которые должны были храниться при температуре, близкой к абсолютному нулю.

Около пятидесяти были оплодотворены с помощью императоров уже давно умерших, но чья живая сперма также находилась на хранении — генетическая рулетка с расчетом получить одного или двух будущих императоров. Стар их не рожала — время наследницы было слишком драгоценно. Большую часть своих детей она даже не видела. Исключением был отец Руфо. Она не говорила, но думаю, что Стар захотелось иметь около себя ребенка, с которым можно было играть, которого можно было любить, что и продолжалось, пока не наступили первые напряженные годы ее правления, а потом и поисков Яйца, не оставившие ей времени на подобные забавы.

Произведенные в организме Стар изменения преследовали две цели: во-первых, получить несколько сот «элитных» детей от одной матери и, во-вторых, освободить ее от любых материнских обязанностей. Путем специально разработанного эндокринного контроля Стар освободили от унаследованного от праматери Евы физиологического ритма, хотя во всех других отношениях она продолжала оставаться совершенно молодой женщиной — только не нуждавшейся ни в гормональных вливаниях, ни в «пилюлях». Все эти изменения носили позитивный характер. Разумеется, они были осуществлены не для ее удовольствия, а чтобы ее суждения в качестве Верховного Судьи не испытывали воздействия со стороны желез внутренней секреции.

— Это очень разумно,— сказала Стар серьезно.—Я до сих пор вспоминаю дни, когда я была готова уничтожить своего ближайшего друга или тут же закатить истерику. Как же можно сохранить способность мыслить трезво в обстановке подобных эмоциональных бурь?

— А... а все это как-нибудь еще отразилось на твоем организме? Я имею в виду твои желания...

Стар весело усмехнулась.

— А как с твоей точки зрения? — И добавила серьезно: — Единственное, что действует на мое либидо, точнее, что изменяет его к худшему, это те, не знаю, как правильно выразиться по-английски, те надоеды, чьи характеры наложены на мой. Иногда они воздействуют в одну сторону, иногда — в другую. Ты же помнишь ту женщину, имя которой мы даже не будем произносить вслух, что так жестоко повлияла на меня, и я не смела даже подойти к тебе, пока не изгнала из себя ее черную душу. Недавний импринтинг действует сильнее, так что я никогда не приступаю к рассмотрению важных дел, если во мне еще не улеглись ощущения, вызванные предыдущим сеансом. Как же мне хочется, чтобы все это уже было позади!

— Еще бы! Мне тоже.

— Ну, мне все же сильнее. Но если отбросить в сторону проблемы, связанные с импринтингом, то я как женщина мало меняюсь.

Я всегда все та же — не очень приличная девица, закусывающая перед завтраком молодыми людьми и соблазняющая их прыгать через шпаги.

— И много их было, этих шпаг?

Стар бросила на меня острый взгляд.

— С тех пор, как мой первый муж выгнал меня из дому, я ни разу не была замужем, пока не вышла за вас, мистер Гордон. Но если вы имели в виду не совсем то, о чем спросили, то не думаю, что у вас есть право упрекать меня за вещи, случившиеся еще до вашего рождения. Если же вам нужны определенные сведения, начиная с этого события, я готова удовлетворить ваше любопытство. Ваше нездоровое любопытство, смею сказать.

— Хочешь похвастаться? Девочка, я не собираюсь баловать тебя.

— Не желаю я хвастаться! Да и хвастать, собственно, нечем. Кризис из-за Яйца почти не оставлял мне времени на то, чтобы быть женщиной, будь он неладен. И так было до тех пор, пока не появился петух Оскар. За что и приношу ему благодарность.

— А заодно не забудь и о вежливости.

— Слушаюсь, сэр. Милый петушок! Но давай вернемся к нашим баранам, милый. Если ты хочешь иметь детей, то я согласна, любимый. В фонде есть около двухсот тридцати яйцеклеток, и ими распоряжаюсь только я. Не потомки. Не милые славные народы, бог да благословит их маленькие жадные сердца. Не эти разыгрывающие господа бога манипуляторы — генетики. Только я! Другой собственности у меня, по правде говоря, и нет. Все, что нас окружает,— это ex officio[1]. А яйцеклетки — мои. И если они тебе нужны, то они и твои тоже, мой единственный.

Мне следовало сказать «да» и поцеловать ее. А я сказал: «Гм-м, не будем торопиться».

Ее лицо омрачилось.

— Как будет угодно милорду Герою-мужу.

— Послушай, оставь в покое невианские обычаи и официальность — тоже. Я же понимал под этим только то, что ко всему новому надо привыкнуть. К этим шприцам и прочим штукам. К вмешательству, как я полагаю, всякого технического персонала. И к тому

[1] По положению (*лат.*).

же у тебя, думаю, нет времени на то, чтобы самой вынашивать ребенка.

Я пытался объяснить ей, что с тех самых пор, как мне разъяснили насчет того, что не аисты приносят ребятишек, я был полностью удовлетворен старым добрым способом и искусственное осеменение представляется мне дурацкой шуткой, даже в том случае, если оно проделывается с коровой, а предлагаемая мне работа чем-то сходна с работой субподрядчиков и заставляет меня вспомнить о прорезях для опускания монет в автоматах и писем — в почтовых ящиках. Мне бы еще немного времени, и я, пожалуй, приспособлюсь к этому. Так же, как Стар приспособилась к проклятому импринтингу.

Она схватила меня за руку.

— Милый, но тебе же не надо!

— Не надо чего?

— Чтобы техники возились с тобой. И время, чтобы выносить твоего ребенка, я найду. Если, конечно, ты не станешь возражать, чтобы мое тело стало большим и уродливым. А это с ним произойдет неизбежно — я же помню, но я с радостью пойду на это. У нас все будет так, как бывает у простых людей, во всяком случае во всем, что касается тебя. Никаких шприцев, никаких техников. Ничего такого, что могло бы ранить твою гордость. О, я все, все продумаю. А я... я привыкла, чтобы со мной поступали как с коровой-медалисткой. Это же почти так же просто, как вымыть голову шампунем.

— Стар, неужели ты готова пройти через девять месяцев болезненного состояния, даже через угрозу смерти, ради того, чтобы избавить меня от нескольких минут раздражения?

— Я не умру. Вспомни — у меня было трое детей. Нормальные роды, никаких неприятностей.

— Но, как ты сказала сама, это было «много лет назад».

— Неважно!

— Гм-м... но как много? («Сколько же тебе лет, моя любимая?» — вопрос, который я не мог заставить себя задать.)

— Разве это так важно, Оскар? — У нее был расстроенный вид.

— Гм-м... Полагаю, нет. Ты же знаешь о медицине гораздо больше меня.

— Ты спрашиваешь, сколько мне лет, не правда ли? — произнесла медленно Стар. Я не ответил. Она помолчала, потом, не дождавшись ответа, продолжила: — Старая поговорка твоего мира гласит — «Женщине столько лет, на сколько она себя чувствует». А я чувствую себя юной, и, значит, я действительно юна, у меня не растрачен интерес к жизни, я могу носить в своем чреве ребенка или даже многих детей. Но я знаю... О, я знаю! Знаю, что твои тревоги связаны не с тем, что я слишком богата или занимаю положение, иногда ставящее мужа в затруднительное положение. Да, это все я отлично понимаю — мой первый муж из-за этого развелся со мной. Но он был моим ровесником. Самая же большая жестокость и несправедливость, которую я совершила, заключается в том, что я знала, что мой возраст — вопрос для тебя серьезный. Знала и промолчала.

Вот почему был так взбешен Руфо. После того, как мы провели ту ночь в пещере в Лесу Драконов, он высказал мне это в словах, полных яда. Он сказал, что знал о моей способности кружить головы молодым людям, но он никогда не думал, будто я паду так низко, что завлеку одного из них в брачную ловушку и ни слова ему не скажу. Руфо никогда не был высокого мнения о своей бабке, он мне это прямо сказал, но на этот раз...

— Замолчи, Стар!

— Да, милорд.

— Все это ровно ничего не значит,— сказал я так же уверенно, как чувствовал это в глубине души.— Руфо не знает моих чувств. Ты моложе завтрашнего рассвета и всегда будешь такой. И я больше не желаю слышать об этом.

— Да, милорд.

— И это ты тоже брось. Просто скажи «О'кей, Оскар».

— Да, Оскар, о'кей.

— Вот так-то лучше. Если, конечно, ты не нарываешься на новую порку. А я для этого слишком притомился.— Я сменил тему: — Теперь о том, о чем мы говорили. Нет никаких причин растягивать этот прелестный животик, раз существует другая возможность. Я деревенский вахлак, вот и все. Я не привык к городским обычаям. Когда ты сказала, что сделаешь все сама, ты имела в виду, что они тебя вернут в то состояние, в котором ты была до операции?

— Нет, я просто стану приемной матерью в дополнение к тому, что являюсь матерью генетически.— Она улыбнулась, и я понял, что иду по правильному пути.— Это сэкономит приличную денежку из тех средств, которые ты не хочешь тратить. Эти здоровые крепкие женщины, что вынашивают чужих детей, берут очень дорого. Четыре ребенка — и уже можно больше не работать, а десяток делает их богатыми людьми.

— Ну а как же им не брать дорого! Стар, я не возражаю против траты денег. Я согласен, раз ты уверена, что я заработал их больше, чем транжирю, своим трудом Героя. Впрочем, работа эта изрядная!

— Да, ты их заработал.

— Этот городской способ делать детей... Ты можешь выбирать? Мальчик, девочка?

— Конечно. Мальчиковые сперматозоиды гораздо более шустрые, их легко отсортировать. Вот почему Их Мудрости одни мужчины. Я — кандидат незапланированный. У тебя будет сын, Оскар.

— Можно и девочку. У меня к ним слабость.

— Хочешь девочку, хочешь мальчика, хочешь обоих сразу... Только прикажи.

— Стар, дай мне время проработать этот вопрос. Тут столько проблем, а я мыслю медленно, куда медленнее тебя.

— Ну уж!

— Ну, если ты не умнее меня, то нас когда-нибудь здорово околпачат. Мммм... Мужское семя так же легко хранить, как женские яйцеклетки?

— Легче.

— Ну вот и ответ, который нам нужен. Я ведь не так уж и боюсь всяких шприцев — провел достаточно времени в очередях на обследования в армии. Я отправлюсь в клинику, или как она там у вас называется, а затем мы не станем спешить. Когда мы решим (тут меня передернуло), мы отправляем открытку, там устроят соединение, и мы станет родителями. С этой минуты техники и те здоровенные бабы могут приниматься за дело.

— Да, ми... Оскар, любимый!

Так, еще лучше. Снова почти спокойное девичье лицо. Да, конечно, снова лицо шестнадцатилетней девчонки, завороженной

своим первым бальным нарядом и мальчиками — этой вызывающей дрожь восхитительной опасностью.

— Стар, ты говорила, что часто истинное значение имеет не вторая проблема, а какая-нибудь двадцать вторая?

— Да.

— Я знаю, что со мной плохо. Я расскажу тебе это, и, может быть, Ее Мудрость найдет правильное решение.

— Если ты сумеешь рассказать мне, любимый, то Ее Мудрость, конечно, сумеет разрешить этот вопрос, даже если для этого придется снести этот дворец и построить новый размером отсюда и до ближайшей Галактики. Или я брошу заниматься этим бизнесом — Мудростью.

— Ну, вот это уже больше похоже на мою Счастливую Звезду. Ладно, это не потому, что я — жиголо. Я заработал по меньшей мере на кофе с пирожками. Пожиратель Душ почти что сжевал мою, он вызнал ее размер и форму... он узнал вещи, о которых даже я давно позабыл. Это было страшно, и плата должна быть высока. Но это и не твой возраст, любимая. Кому какое дело до того, сколько лет Елене Троянской! У тебя всегда будет нужный возраст. И разве можно не быть счастливым, когда находишься рядом с тобой? И я не ревную к твоему положению — мне оно не нужно, даже если его сахаром осыпят. И я не ревную тебя к тем мужчинам, что были в твоей жизни,— к этим счастливым трупикам. И даже сейчас не буду ревновать, если только не наткнусь на одного из них, направляясь в туалет.

— В моей жизни сейчас нет никаких других мужчин, милорд муж.

— У меня нет причин сомневаться в этом. Но ведь всегда есть еще следующая неделя, и ты не можешь ничего знать об этом наперед, любимая. Ты учила меня, что брак — не есть форма смерти, а ты явно не мертва, ты — самая игривая из всех девчонок.

— Ну, знать тут, конечно, ничего нельзя, но ведь есть еще чувства...

— Я бы на это ставку не делал. Я ведь читал доклад Кинси.

— Какой такой доклад?

— Он разрушил теорию русалок. О замужних женщинах. Ладно, забудь. Вот гипотетический вопрос: если бы Джоко посетил

Центр, тебя бы удержали эти чувства? Ведь нам пришлось бы оставить его ночевать.

— Дораль никогда не покинет Невии.

— Не могу его осуждать за это. Невия чудесное местечко. Но я сказал «если бы». Если бы он приехал — ты бы предложила ему кров, стол и постель?

— Это,— сказала Стар твердо,— будешь решать ты.

— Тогда скажем иначе: думаешь ли ты, что я смогу унизить Джоко, не отдав ему долг гостеприимства? Храброго галантного Джоко, который отпустил нас живыми, хотя имел право убить? Чей дар — стрелы и многое другое, включая медицинскую сумочку, позволили нам отвоевать Яйцо?

— По невианским обычаям вопрос о кровле, столе и постели решает муж, милорд муж.

— Мы не на Невии, здесь женщины сами располагают умом и своими правами. Ты увиливаешь от ответа, девочка.

— А это твое «если» включает и Мьюри? — Она озорно улыбнулась.— Или Летву? Обе они его любимицы, Дораль без них не поехал бы путешествовать. А как насчет той малышки... как ее там... нимфетки?

— Сдаюсь. Я просто пытался доказать, что прыжок через шпагу механически не превращает живую девушку в монашку.

— Мне это хорошо известно, мой Герой,— ровным голосом произнесла Стар.— Все, что я могу сказать по этому поводу, сводится вот к чему: эта девчонка никогда не доставит своему Герою даже минутного огорчения, а я обычно выполняю свои решения. Недаром же я ношу титул Ее Мудрости.

— Хорошо. Я никогда и не предполагал, что ты принесешь мне горе таким способом. Я пытался только показать тебе, что задача эта не слишком затруднительна. Черт возьми, мы опять ушли в сторону. Вот в чем моя настоящая беда: я ни на что не годен. Я никому не нужен.

— Как, родной?! Ты нужен мне.

— Но не себе. Стар, жиголо я или нет, но я не могу быть комнатной собачкой. Даже твоей. Смотри, у тебя есть работа. Она поглощает тебя, и она важна. А я? Мне нечего делать, совсем нечего, я ни на что не способен, разве что на изготовление плохой

бижутерии. Знаешь, кто я такой? Я Герой по призванию. Так мне сказала ты. Ты меня завербовала. Теперь я в отставке. Знаешь ли ты во всех Двадцати Вселенных вещь более бесполезную, чем отставной герой?

Она тут же выдала мне парочку примеров.

— Ты опять увиливаешь. Они-то хоть нарушают монотонность мужской грудной клетки. Я говорю серьезно, Стар. Вот та проблема, которая не дает мне вписаться в нынешнюю жизнь. Любимая, я прошу тебя, напряги ради меня всю силу своего ума и ума всех этих твоих призрачных помощников. Отнесись к этой проблеме так, как ты относишься к великим имперским проблемам. Забудь, что я твой муж. Рассмотри мою ситуацию во всей ее широте, используя все, что ты знаешь обо мне, и скажи, что мне делать с этими руками, с этой головой, с этим временем, скажи, как мне применить себя. Себя — такого, каков я есть.

Молчание длилось несколько бесконечных минут, лицо Стар дышало тем профессиональным спокойствием, которое отличало ее в тех случаях, когда я видел ее занятой работой.

— Ты прав,— сказала она наконец.— На этой планете нет ничего достойного приложения твоих сил.

— Тогда что же мне делать?

— Ты должен уехать.

— Как?

— Ты думаешь, мне нравится этот ответ, мой муж? Ты думаешь, мне нравится большинство ответов, которые я даю? Но ты попросил подойти к твоей проблеме профессионально. Я повиновалась. И вот ответ. Ты должен покинуть эту планету и... меня.

— Значит, мои туфли все же будут выкинуты?

— Не надо горьких слов, милорд. Таков ответ. Я могу уклоняться от правды и по-женски хитрить в частной жизни. Я не могу отказаться думать, раз я согласилась на положение Ее Мудрости. Ты должен покинуть меня. Нет, нет, нет, твои туфли никто не собирается выкидывать. Ты уйдешь потому, что должен уйти, а не потому, что я этого хочу.

Ее лицо осталось спокойным, но по нему текли слезы.

— Нельзя оседлать кошку... торопить улитку... научить летать змею. Или превращать героя в пуделя. Я знала это, но предпочитала смотреть сквозь пальцы. Ты должен делать то, что должен. Но твои туфли навек останутся под моей кроватью. Не я отсылаю тебя прочь.— Она смахнула слезу.— Не могу лгать тебе. Лгать хотя бы умолчанием. Не скажу, что там не появятся другие туфли... если ты уйдешь надолго. Я была одинока. Нет слов, чтобы передать, как одинока я на этой работе. Когда ты уйдешь... я буду более одинока, чем когда-либо. Но ты найдешь свои туфли тут, когда вернешься.

— А когда я вернусь? Что говорит твое знание?

— Нет, милорд, знание молчит. Только предчувствие... что, если ты будешь жив, ты вернешься... и, возможно, будешь возвращаться много раз. Но герои не умирают в свои постелях. Даже в таких, как эта.— Она снова смахнула слезы, которые продолжали течь, но голос ее окреп.— А теперь, милорд муж, если ты не возражаешь, мы притушим свет и попробуем отдохнуть.

Так мы и сделали, и она положила голову на мое плечо и больше не плакала. Но мы не могли уснуть. После долгого молчания я спросил:

— Стар, слышишь ли ты то же, что слышу я?

Она подняла голову.

— Я ничего не слышу.

— Город. Ты не слышишь его? Машины. Люди. Даже мысли, которые улавливаешь всей своей плотью и не слышишь ушами.

— Да, я знаю эти звуки.

— Стар, тебе нравится тут?

— Нет, но от меня и не требуется любить все это.

— Слушай, черт побери, ты сказала, что я уеду. Едем вместе!

— О, Оскар!

— Разве ты им что-нибудь должна? Разве мало того, что мы вернули им Яйцо? Пусть ищут себе другую жертву. Выйдем со мной опять на Дорогу Доблести! Есть же где-нибудь работа по моей специальности?!

— Работа для Героев всегда найдется.

— О'кей! Давай наладим совместное предприятие — ты и я. Быть Героем — совсем неплохая работа. Ордена дают нерегулярно, жалованье — задерживают, но зато от скуки не помрешь. Давай дадим объявление: «Гордон и Гордон, Любые Героические

Дела. Решают любые проблемы — большие и маленькие. Истребление драконов по договорам, полное удовлетворение гарантируется, в противном случае плата не взимается. На прочие виды работ, как-то Освобождения, Спасение Дев, поиски Золотого Руна круглые сутки цены договорные».

Я пытался развеселить ее, но Стар не поддавалась. Она ответила совершенно серьезно:

— Оскар, если я уйду в отставку, я должна сначала подготовить преемника. Правда, никто мне приказывать не может, но подготовить замену — мой долг.

— И сколько времени это займет?

— Недолго. Лет тридцать.

— Тридцать лет?!

— Думаю, что можно уложиться и в двадцать пять.

— Стар, ты знаешь, сколько мне лет? — вздохнул я.

— Да, еще нет и двадцати пяти. Но ты же не состаришься!

— Но сейчас мне двадцать пять. Это то время, которое мне дано. Еще двадцать пять лет жизни комнатной собачки, и я перестану быть Героем и вообще перестану быть чем-либо. Я сойду со своего жалкого умишка.

Она подумала.

— Да, это правда.— Стар отвернулась и сделала вид, что спит.

Позже я почувствовал, что плечи ее содрогаются, и понял, что она плачет.

— Стар?

Она не повернула головы. Был слышен лишь ее задыхающийся голос:

— О, мой любимый, мой любимый! Если бы я была помоложе хоть на сотню лет!

Глава 20

Я все еще пропускал сквозь пальцы мои драгоценные и бесполезные камешки, потом тихонько отодвинул их... Если бы я был хоть на сотню лет старше!

И все же Стар права. Она не может покинуть свой пост, не дождавшись смены. Смены достойной в ее понимании, а не в моем

или чьем-либо еще. А я больше не могу оставаться в этой обитой шелками тюрьме, разве что разобью себе голову о ее решетки.

И оба мы жаждем быть вместе.

А самое страшное заключалось в том, что я знал — точно так же, как и она,— что каждый из нас забудет. Во всяком случае — многое. Настолько многое, что будут и другие туфли, и другие мужчины, и она снова будет смеяться.

И то же самое произойдет и со мной, и Стар предвидит это и серьезно, мягко, с точно выверенным учетом моих чувств дает мне понять, что я не должен страдать от комплекса вины, если начну волочиться за какой-нибудь другой девчонкой в некой чужой стране, где-то там — далеко-далеко.

Но тогда почему же я ощущаю себя таким подонком?

Как я вляпался в эту ловушку, где нельзя повернуться без того, чтобы не оказаться перед выбором — ранить свою возлюбленную или начисто спятить с ума самому?

Где-то я читал о человеке, который был принужден постоянно жить высоко в горах из-за астмы — убийственной, удушающей астмы, а его жена была прикована к побережью, так как плохое сердце не позволяло ей жить на больших высотах. Иногда они видели друг друга в подзорную трубу.

Утром разговор об отставке Стар не возобновился. Несформулированное quid-pro-quo[1] было таково: если она планирует уйти, то я буду болтаться поблизости (тридцать лет!) в ожидании этой минуты. Но, видимо, Ее Мудрость понимала, что для меня это не годится, и молчала. Мы чудесно позавтракали, но каждый думал о своем, тая мысли от другого.

И о детях тоже не говорили. О, я, конечно, мог отыскать ту клинику и сделать что положено. Чтобы Стар, если захочет смешать свою элитную линию с моей плебейской кровью, могла бы сделать это хоть завтра, хоть через сотню лет. А не захотела бы — так просто улыбнулась бы и выкинула все вместе с прочим мусором.

Из моей семьи никто не поднимался даже до звания мэра нашего городишка, а рабочую лошадь не тренируют для участия в Ирландском тотализаторе. Если бы Стар решилась иметь ребенка

[1] Одно вместо другого, недоразумение (*лат.*)

и соединила бы наши гены, это была бы чистейшая сентиментальность, вроде ожившей открытки в Валентинов день, она просто завела бы себе карликового пуделя, чтобы играть с ним, пока не придет время выпустить его на свободу. Это была бы сентиментальность, столь же слюнявая, хоть и не такая мрачная, как у ее тетушки с ее мужьями-покойниками, ибо Империи не было ни малейшей надобности в моих генах.

Я посмотрел на свою шпагу, висевшую на стене. Я не притрагивался к ней с тех пор, как вернулся с той вечеринки, с той давно ушедшей в прошлое вечеринки, когда Стар захотела одеться в костюм для Дороги Доблести. Я снял шпагу со стены, пристегнул ее к поясу, обнажил клинок и вдруг ощутил приток жизненной силы, а перед глазами возникло видение уходящей вдаль дороги и замка на холме.

Есть ли долг у рыцаря перед дамой, если все обеты исполнены?

Прекрати вилять, Гордон! Есть ли долг у мужа перед его женой?

Это ведь та самая шпага... *«Скачи же, Принцесса, прыгай же, вор. Моя жена ты навек с этих пор»*... в богатстве и в бедности, в беде и в благополучии, чтобы любить и лелеять, пока не разлучит нас смерть. Именно это имел я в виду, когда произносил тот стишок, и Стар это знала, и я это знал, точно так же, как знал в эту самую минуту.

Когда мы обручились, было похоже, что смерть разлучит нас в тот же день, но это обстоятельство никак не повлияло на крепость наших обетов и на ту веру, которую я вкладывал в них. Я прыгал через шпагу не для того, чтобы поваляться с девчонкой на траве, прежде чем погибнуть. Это я мог получить и даром. Нет, я хотел любить и лелеять ее до тех пор, пока нас не разлучит смерть.

Стар выполнила свой обет до последнего слова. Так почему же у меня так и чешутся пятки?

Поскреби героя и получишь бродягу.

А отставной герой — ничуть не лучше тех лишенных престола королей, которыми кишит вся Европа.

Изо всех сил хлопнув дверью нашей «квартиры», со шпагой на поясе, не обращая внимания на удивленные взгляды, я телепортировался к врачам, узнал от них, куда мне нужно обратиться, перелетел туда, сделал все, что нужно, сказал Главному Биохимику, что именно ему следует передать Ее Мудрости, и чуть не оторвал ему башку, когда он стал задавать лишние вопросы.

Отсюда опять к ближайшей телепортационной кабинке... И тут я заколебался: мне нужна была компания, подобно тому, как алкоголику, вступающему в общество трезвости, нужна чья-нибудь дружеская рука. Но друзей у меня не было — так, сотни знакомых. Консорту Императрицы друзьями обзаводиться трудновато.

Значит — Руфо! Однако за все месяцы, что я прожил на Центре, я никогда не был у Руфо дома. Центр не практикует варварского обычая «забегать на огонек», и я встречался с Руфо только в Резиденции или на вечерах. Домой он меня никогда не приглашал. Нет, нет, никакого охлаждения в наших отношениях не было, мы виделись часто, но всегда он приходил к нам.

Я поискал его в списке абонентов телепортации — неудача. Со списком абонентов телекоммуникационного канала — такая же история. Я вызвал Резиденцию и потребовал офицера коммуникационной службы. Он ответил, что «Руфо» это не фамилия, и хотел отключиться.

— Только попробуй, разжиревший чинуша! Только попробуй отключиться, и я гарантирую, что через час ты станешь смотрителем дымовых сигналов где-нибудь в Тимбукту! Теперь слушай, мне нужен парень — пожилой, лысый, по имени, полагаю, Руфо, известный специалист в области сравнительной культурологии. И к тому же — внук Ее Мудрости. Думаю, ты прекрасно знаешь, кто это такой, и валяешь дурака только из-за обычного чиновного гонора. У тебя есть пять минут, после чего я обращусь к Ее Мудрости и спрошу ее, а ты будешь складывать свои вещички!

Меньше чем за пять минут изображение Руфо заполнило весь экран.

— Ну,— сказал он,— а я-то думал, у какого это важняка хватило влияния нарушить мой запрет на включение?

— Руфо, можно зайти к тебе?

Его лоб собрался в морщины:

— Мышка попала в суп, сынок? Твое лицо напомнило мне о времени, когда мой дядюшка...

— Руфо, пожалуйста...

— Ладно, сынок,— отозвался он ласково.— Сейчас отправлю танцовщиц по домам. Или не отправлять?

— Мне все равно. Как тебя найти?

Он сказал как, я нажал кодовые кнопки, добавил свой код для оплаты и сразу же оказался в нескольких тысячах миль от точки отправления. Жилищем Руфо служил особняк, такой же пышный, как у Джоко, но в тысячу раз хитроумнее оборудованный. У меня сложилось впечатление, что у Руфо был самый обширный на Центре штат прислуги — и исключительно женской. Возможно, я ошибался, но вся женская обслуга, все гостьи, все кузины, дочери и т. п. выстроились в качестве комиссии по встрече — поглазеть на соложника Императрицы. Руфо прикрикнул на них, они разбежались, и он провел меня в свой кабинет. Какая-то танцовщица, загримированная под секретаршу, возилась с бумагами и пленками. Руфо выпроводил ее, шлепнув по заднице, показал мне на удобное кресло, предложил сигареты, уселся сам и замолчал.

Курение на Центре не поощрялось: табак тут заменяется разумом. Я взял сигарету.

— «Честерфилд»! Господи боже мой!

— Контрабанда,— отозвался он.— Только теперь он уже не тот, что был. Мусор с мостовой и рубленое сено.

Я не курил многие месяцы. Хотя Стар сказала, что о раке и тому подобном я могу забыть навсегда. Я зажег сигарету и... закашлялся, как невианский дракон. Даже в пороках необходимо постоянное упражнение.

— Так какие новости на Риальто?[1] — задал вопрос Руфо и бросил внимательный взгляд на мою шпагу.

— Так, пустяки.— Помешав работе Руфо, мне было как-то неловко говорить о собственных домашних неприятностях.

Руфо сидел, курил и помалкивал. Надо было с чего-то начинать, и американская сигарета напомнила мне об одном инциденте, который тоже внес лепту в мое нынешнее состояние. Примерно неделю назад на одном званом вечере я встретил человека, лет тридцати пяти по виду, спокойного, вежливого, но с тем видом

[1] Фраза, которую произносит Шейлок в «Венецианском купце» В. Шекспира (акт I, сцена 3).

превосходства, который говорит: «Ваша ширинка расстегнута, старина, но я слишком хорошо воспитан, чтобы указать вам на это».

И все же я был в восторге от встречи с ним — он говорил по-английски!

Я полагал, что Стар, Руфо и я — единственные люди на Центре, которые знали английский. Мы часто говорили на нем, Стар — ради меня, Руфо — для практики. Он владел диалектом кокни[1] как уличный торговец фруктами, бостонским — как уроженец Бикон-Хилла, австралийским — как кенгуру. Руфо знал все английские диалекты.

Этот парень говорил на отличном американском.

— Небби — мое имя,— сказал он, пожимая мне руку (в стране, где никто рук не подает).— А ваше — Гордон, я знаю. Рад познакомиться.

— Я тоже,— ответил я.— Это ведь и сюрприз и удовольствие — услышать свой родной язык.

— Это моя профессия, старина. Специалист в области сравнительной культурологии — лингво-историко-политик. Вы — американец, насколько мне известно. Дайте подумать минутку... Глубокий Юг, но родились не там... Скорее в Новой Англии. Явно ощущается влияние Среднего Запада, а возможно, и Калифорнии. Лексикон упрощенный. Выходец из нижнего слоя среднего класса.

Этот лощеный нахал был специалистом высокой марки. Мама и я жили в Бостоне, пока отец был на войне в 1942 — 1945 годах. Тамошние зимы я не скоро забуду. Приходилось носить гетры с ноября по апрель. Жил я и на Глубоком Юге — в Джорджии и Флориде, в Калифорнии — тоже, во времена Корейской войны, и еще потом — когда учился в колледже. «Нижний слой среднего класса»? Мама бы с этим не согласилась.

— Близко к истине,— согласился я.— У меня есть знакомый среди ваших коллег.

— Знаю, кого вы имеете в виду — «Безумного ученого». В высшей степени эксцентричные теории. Но, скажите, как обстояли дела, когда вы уезжали? Особенно как там насчет славного эксперимента, проводимого в США?

[1] Пренебрежительное прозвище лондонского обывателя.

— Славного Эксперимента? — Мне надо было подумать. Антиалкогольная кампания кончилась еще до моего рождения.— О, его пришлось пересмотреть.

— Вот как! Пора снова отправляться в экспедицию. И кто же у вас теперь? Король? Я так и думал, что ваша страна пойдет по этому пути, но не предполагал, что так скоро.

— О, нет, нет! — воскликнул я.— Я говорил об антиалкогольном законе.

— Ах, об этом... Симптоматичен, но не очень важен. Я же имел в виду этот забавный принцип правления болтунов. «Демократию». Умилительная бредятина — будто суммирование нулей может дать какое-то иное число. Но на земле вашего племени этот эксперимент поставлен в гигантском масштабе. Он начался еще до вашего рождения, без сомнения. Я-то подумал, что вы сказали, будто даже труп сего явления уже унесен в небытие.— Он улыбнулся.— Значит, еще до сих пор есть и выборы, и все такое прочее?

— В последний раз, когда я там был,— да, существовали.

— Поразительно! Фантастично, просто фантастично. Нам надо обязательно встретиться, у меня множество вопросов к вам. Я изучаю вашу страну давно — удивительная патология в уже известных структурах! Пока! Пусть у вас никогда не будет деревянных денег, как говорят ваши соплеменники!

Я рассказал об этом Руфо.

— Руфо, я знаю, что происхожу с варварской планеты, но разве это может служить извинением для его грубости? Но, может быть, это не грубость? Я ведь не знаю, каков здесь идеал хороших манер!

Руфо нахмурился.

— Повсюду проявлением плохих манер считается, когда хулят место рождения кого-то, или его племя, или его обычаи. Если кто-то так поступает, он сильно рискует. Если бы ты его убил, наказание тебе бы не грозило. Разве что Ее Мудрость была бы несколько шокирована. Конечно, ежели допустить, что ее можно чем-то шокировать.

— Я не убью его. Не такое уж важное дело.

— Тогда забудь. Небби — просто сноб. Знания его малы, понимания сущности дела — никакого, но он уверен, что Вселенная

была бы куда совершеннее, если бы ее делали по его проекту. Проигнорируй.

— Ладно. Это просто... Послушай, Руфо, конечно, моя страна далека от совершенства, но от чужака мне это слышать неприятно.

— Еще бы. Я люблю твою страну, в ней есть «изюминка». Но... Я не чужак и не смотрю на вас сверху вниз. Небби прав.

— Это еще как?

— За исключением того, что он судит слишком поверхностно. Демократия работать не может. Математики, крестьяне, скоты и тому подобные демократией считаются автоматически равными. Но ведь мудрость не суммируется, ее максимум — умнейший человек в каждой из групп.

Однако демократическая форма правления хотя и не работает, но все же хороша. Любая социальная организация хороша в том случае, пока она не застыла. Форма, каркас не имеют особого значения до тех пор, пока они обеспечивают определенную степень свободы, позволяющую человеку проявить свои таланты во многих областях. Большинство так называемых ученых-социологов думают, что организация — это все. А она — почти ничто, кроме тех случаев, когда превращается в смирительную рубашку. Важна частота встречаемости героев, а не разброс нулей.— Потом он добавил: — Твоя страна имеет систему, гарантирующую достаточную степень свободы, чтобы герои могли заниматься своим делом. И она будет существовать еще долгое время, до тех пор, пока эта свобода не будет разрушена изнутри.

— Надеюсь, ты прав.

— Я прав. Этот вопрос я изучил, и я не так глуп, как думает Небби. Он прав насчет безнадежности «суммирования нулей», но не понимает того, что сам является нулем.

— Нет смысла позволять нулю выводить меня из равновесия,— усмехнулся я.

— Никакого! Особенно раз ты сам — нуль. А ты, куда бы ни пошел, всюду будешь заметен и никогда не станешь частицей стада. Я уважаю тебя, а я уважаю немногих. И никогда не уважаю людей в массе, так что демократом в душе мне не быть. Для того чтобы требовать «уважать» или даже «любить» огромную людскую массу с хамством на одном ее полюсе и грязными ногами —

на другом, нужна бессмысленная, слепая, слюнявая тупость, которая часто наблюдается у попечителей детских садиков, у спаниелей и у миссионеров. Это не политическая система, а заболевание. Но могу тебя порадовать — твои американские политиканы этой болезнью не заражены. А обычаи в твоей стране позволяют существовать и таким организациям, где дураков нет.

Руфо взглянул на мою шпагу.

— Дружище, но ты же пришел сюда не только для того, чтобы обсуждать поведение Небби?

— Нет.— Я тоже взглянул на свой верный клинок.— Я принес ее сюда, чтобы побрить тебя, Руфо.

— Э?

— Я обещал побрить твой труп. Я ведь твой должник за ту ловкую работенку, которую ты проделал надо мной. И вот я тут, чтобы побрить брадобрея.

Он медленно проговорил:

— Но ведь я еще не труп.— Он не сделал ни единого движения. Двигались лишь глаза, оценивая расстояние между нами. Руфо не очень-то доверял моим «рыцарским чувствам» — для этого он был слишком опытен.

— О, это можно организовать,— ответил я живо,— если я не получу от тебя правдивых ответов.

Руфо чуть-чуть расслабился.

— Я постараюсь, Оскар.

— И, пожалуйста, старайся как следует. Ты мой последний шанс. Руфо, все это должно остаться между нами. Даже для Стар.

— Полная тайна. Даю слово.

— Со скрещенными пальцами, без сомнения... Но смотри, не шути со мной, дело серьезное. И, пожалуйста, ответы — только честные и прямые, мне других не надо. Мне нужны советы по проблемам моего брака.

Руфо, казалось, очень расстроился.

— А я ведь собирался сегодня уйти по делам! И вместо этого решил поработать! Оскар, я скорее предпочту отозваться при даме нелестно о ее первенце или о ее вкусе в выборе шляпок или даже соглашусь учить акулу кусаться — это безопаснее. Что будет, если я откажусь?

— Тогда я тебя побрею.

— Ты уж побреешь своими ручищами, чертов палач! — Он снова нахмурился.— Прямые ответы... Да они тебе и не нужны... Тебе жилетка нужна, чтобы в нее поплакаться.

— Возможно, она тоже. Но мне необходимы честные ответы, а не вранье, которое ты можешь сочинить даже спросонок.

— Значит, в обоих случаях я проигрываю. Рассказать мужчине правду о его браке — самоубийство. Думаю, правильнее будет сидеть, молчать и надеяться, что у тебя не хватит духу хладнокровно зарубить меня.

— О, Руфо! Я готов сунуть шпагу в какой-нибудь ящик и доверить тебе ключ от него, если хочешь. Ты же знаешь, я никогда не обнажу ее против тебя!

— Ничего такого я не знаю,— буркнул он сварливо.— Ведь все случается когда-нибудь впервые. Если поведение мерзавца всегда можно вычислить, то ты-то — человек чести, и это меня пугает. А может, мы провернем это дело через коммуникатор?

— Брось, Руфо. У меня нет больше никого, к кому я мог бы обратиться. И я хочу, чтобы ты говорил откровенно. Знаю, что адвокаты по брачным делам действуют по своим правилам и, разумеется, должны быть гарантированы от ударов по морде. В память о той крови, что мы пролили вместе, я прошу дать мне совет. И от чистого сердца, разумеется.

— Даже так — разумеется! А в последний раз, когда я рискнул дать его тебе, ты был готов отрезать мне язык.— Он посмотрел на меня без удовольствия.— Но в делах дружбы я всегда был ослом. Слушай, я предлагаю тебе честный вариант: ты будешь рассказывать, я буду слушать... и если получится так, что твой рассказ окажется слишком долог, а мои старые больные почки не выдержат и мне придется покинуть твою приятную компанию на некоторое время... Что ж, тогда ты поймешь меня неправильно и в гневе удалишься, после чего мы никогда больше не вернемся к этому предмету. Идет?

— О'кей.

— Тогда председательствующий предоставляет вам слово. Начинайте.

И я начал. Изложил свою дилемму и свой крах, не жалея ни себя, ни Стар (я же делал это и ради ее самой, а говорить о интимных

делах нужды не было — тут все было в порядке). Я подробно рассказал о наших ссорах и о многом другом, чему, вообще-то говоря, лучше оставаться в узком семейном кругу. Но — пришлось.

Руфо слушал. Потом встал и начал прохаживаться, вид у него был встревоженный. Раз он с сожалением поцокал языком — это когда речь зашла о просителях, которых Стар привела в дом.

— Ей не надо было звать своих горничных. Но забудем об этом, парень. Она никогда не понимала, что мужчины могут смутиться, видя женщин, действующих согласно своей натуре. Давай-ка забудем об этом.— Потом он сказал: — Не надо ревновать к Джоко, сынок. Он же простак — сапожные гвозди загоняет кузнечным молотом.

— Я не ревную.

— Так и Менелай говорил то же самое. Надо уметь и брать и давать, каждый брак нуждается в этом.

Наконец я иссяк и закончил речь предположением Стар, что я должен буду уехать.

— Я ни в чем ее не виню, а наш с тобою разговор обо всех этих делах мне многое прояснил. Теперь я считаю возможным начать трудиться не покладая рук, тщательно следить за своим поведением и стараться быть хорошим мужем. Она приносит огромные жертвы ради своего дела, и самое меньшее, что я могу для нее сделать — это облегчить ей выполнение ее задач. Она так мила, так нежна и так добра...

Руфо остановился на некотором расстоянии от меня, спиной к своему столу.

— Ты и вправду так думаешь?

— Я уверен в этом.

— Она — шлюховатая старая баба!

В мгновение ока я выпрыгнул из кресла и кинулся на него. Шпагу я не обнажил. Даже не подумал об этом, времени не было. Мне надо было схватить его за горло и проучить, как следует говорить о моей возлюбленной.

Руфо перепрыгнул через стол, как мячик, и когда я покрыл разделявшее нас расстояние, он уже стоял по ту сторону стола, запустив руку в ящик.

— Нехорошо, нехорошо,— говорил он.— Оскар, мне не хочется тебя брить.

— Иди сюда и дерись как мужчина!

— Ни в коем случае, мой старый добрый друг! Еще один шаг, и из тебя получится отличный корм для собак. А все твои обещания и мольбы! «Не получать по морде» — говорил ты! «Говори откровенно» — говорил ты! «Действуй по своим правилам» — говорил ты. А ну, садись вон в то кресло!

— Говорить откровенно не значит бросаться оскорблениями!

— А кто будет судьей? И должен ли я давать свои выражения на твою апробацию, прежде чем их произносить? Не отягощай нарушения обещаний еще и детской нелогичностью. Ты что, хочешь заставить меня покупать новый ковер? Я всегда выбрасываю те, на которых мне приходится убивать друзей,— пятна навевают на меня грусть. Сядь! Сядь вон в то кресло!

Я сел.

— Теперь,— продолжал Руфо, оставаясь на своем месте,— ты будешь слушать то, что скажу я. А можешь встать и уйти. В этом случае я могу или так восхититься перспективой больше никогда не увидеть твою образину, что разрешу тебе уйти, или, наоборот, так разозлюсь на то, что ты меня прервал, что тут же уложу тебя, прямо в дверях, ибо я слишком долго сдерживался и теперь мне надо разрядиться. Так что — выбирай.

— Я сказал,— продолжал он,— что моя бабка — шлюховатая старая баба. Сказал это грубо, чтобы снять твою напряженность, и теперь, похоже, ты не будешь так резко реагировать на многие малоприятные вещи, которые я выскажу. Она стара, ты это знаешь, хотя, без сомнения, ты нашел способ вспоминать об этом как можно реже. Я и сам об этом обычно забываю, хотя она была старой, уже когда я был малышом, писал на пол и радостно лепетал при виде ее милого лица. А что она шлюховатая баба — так тебе это известно лучше, чем кому-нибудь другому. Я мог бы сказать «многоопытная женщина», но мне хотелось больной зуб вырвать у тебя сразу. Ты и сам это знал о ней, недаром все время уходил в сторону, болтая о том, как хорошо тебе все известно и как тебе до этого нет никакого дела. Да, бабушка — шлюховатая старая баба, и это наша главная отправная точка. А почему бы ей и не быть таковой? Ответ можешь дать сам. Ты же не глуп, а только молод. У нее же есть только две радости в жизни, но второй она воспользоваться не может.

— И какова она — эта вторая?

— Подавать дурные советы и получать от этого садистское удовлетворение — вот то, чего она не осмеливается делать. Поэтому возблагодарим небо, что в тело Стар встроен этот безобидный вентиль, иначе бы всем нам пришлось бы куда как скверно, пока какому-нибудь ловкому убийце не удалось бы к ней подобраться. Сынок, дорогой сынок, ты только представь себе, как смертельно устала она от всего сущего на свете! Твой собственный жар начал угасать уже через несколько месяцев. Подумай же, каково ей год за годом выслушивать разговоры все об одних и тех же унылых ошибках и не надеяться ни на что, кроме появления хитроумного убийцы. И будь доволен, что эта старая шлюховатая баба все еще находит наслаждение в единственном доступном ей невинном наслаждении.

Итак, она — шлюховатая старая баба, в чем нет ничего унижающего ее. И я отдаю дань тому благодетельному равновесию, которое существует между этими двумя ипостасями и дает Стар возможность продолжать свою работу.

И Стар не перестала быть тем, что она есть, повторив вслед за тобой тот глупый стишок на склоне холма в некий прекрасный день. Ты думаешь, что с тех пор она взяла отпуск и прилепилась к одному тебе? Может, это и так, если ты процитировал ее слова точно, а я понял их правильно. Она всегда говорит правду.

Но никогда — полной правды. А кто ее говорит? И, говоря правду, она превратилась в самого талантливого лжеца, талантливее и не встретишь. Я уверен, твоя память упустила кое-какие невинно звучащие слова, которые дали Стар возможность уклониться от истинной правды и в то же время не нанести удар по твоим чувствам.

И если это так, если она не хотела их ранить, то можно ли требовать большего? Ты ей нравишься, это очевидно, но из этого вовсе не вытекает, что она должна стать фанатичкой. Все ее воспитание, весь ее внутренний настрой направлены на то, чтобы избегать фанатизма и вечно искать практический компромисс. И хотя, возможно, она до сих пор не смешивает разные туфли под своей кроватью, но если ты останешься еще на неделю, на год или на двадцать лет, придет время, когда она захочет сделать это и найдет

пути исполнить желание, не только не солгав тебе на словах, но и ничем не омрачив свою совесть, ибо таковой у нее не имеется. Только разум, абсолютно прагматичный.

Руфо прочистил горло.

— Теперь последует опровержение, контрапункт и задом-наперед. Мне моя бабушка нравится, я ее даже люблю, насколько это позволяет моя черствая натура, и я почитаю ее целиком, включая ее хитроумную душу... и я убью тебя и кого угодно другого, которые встанут на ее пути или сделают ее несчастной. Все это лишь частично потому, что она отбросила на меня тень собственного «я» и позволила понимать себя. И если она избежит кинжала убийцы, взрыва бомбы или яда, она войдет в историю как «Великая». Но ты говорил о ее «огромных жертвах»? Чушь! Ей нравится быть Ее Мудростью, то есть той осью, вокруг которой вращаются все миры. И в то, что она готова отказаться от этого ради тебя или даже пятидесяти еще лучших, я тоже не поверю. Опять же она тут не солгала, раз, как ты передавал, она сказала «если», зная, что за тридцать лет или за двадцать пять многое может произойти и среди этих грядущих событий наиболее вероятно то, что ты так долго не выдержишь. Уловка, конечно.

Но это лишь последний из фокусов, которые она с тобой проделала. Она обманывала тебя с той минуты, когда ты впервые увидел ее, и даже задолго до этого. Она обманывала тебя всеми возможными способами, заставляла тебя клевать горох вместе с шелухой, то расточая тебе хвалы, какие ты заглатывал с наслаждением, то выпуская из тебя пар, когда ты что-то начинал подозревать, и загоняла тебя обратно в намеченную линию поведения, возвращая к запланированной для тебя судьбе,— и все это так, чтобы ты постоянно был доволен. Стар никогда не стесняла себя в выборе методов, она одновременно обманула бы и пресвятую деву и вступила бы в союз с самим сатаной, если бы это было нужно для осуществления ее целей.

О, тебе, конечно, заплатили — и заплатили очень щедро,— она никогда не мелочится. Но теперь пришло время узнать, что ты был обманут. Заметь, я ее не критикую, я ей аплодирую, и я ей помогал... за исключением одного деликатного момента, когда я вдруг сжалился над невинной жертвой. Но ты был уже так околдован,

что не пожелал услышать, даже если бы к тебе взывал святой. Я на какое-то время сильно расстроился, представляя, как ты идешь к омерзительной гибели с широко раскрытыми невинными глазами. Однако она оказалась хитрее меня, да и всегда была хитрее.

И еще! Мне она нравится. Я чту ее. Я восхищаюсь ею. Я даже немного люблю ее. Люблю всю целиком, не только ее светлые стороны, а даже ее нравственную нечистоплотность, которая делает ее такой несгибаемой, какой может быть только закаленная сталь. Ну а как вы, сэр? Каковы твои чувства к ней, когда ты знаешь, что она обманывала тебя, знаешь, какова она есть?

Я все еще сидел в кресле. Возле меня стоял стакан с выпивкой, до которого я не дотронулся за весь этот долгий монолог. Я взял стакан и встал: «За величайшую шлюховатую бабу всех Двадцати Вселенных!»

Руфо перескочил через стол и схватил свой стакан.

— Вот так и говори — громко да почаще! И даже ей — она такое любит. Да благословит ее бог, если он существует, и да хранит он ее. Мы уже никогда не встретим равной ей, вот ведь какая жалость! А ведь такие требуются дюжинами!

Мы опрокинули стаканы и разбили их об пол. Руфо достал новые, наполнил их, уселся в своем кресле поудобнее и сказал:

— Ну а теперь выпьем как следует и посидим. Рассказывал ли я тебе о времени моего...

— Рассказывал. Руфо, я хочу больше знать об этом жульничестве.

— О каком?

— Понимаешь, я многое теперь вижу иначе. Взять хотя бы наш первый полет.

Руфо всего передернуло.

— А вот этого не надо!

— Тогда я не задумывался. Но ведь, если Стар могла лететь, то, значит, мы могли прекраснейшим образом миновать Игли, Рогатых Призраков, болото и не тратить зря время у Джоко...

— Разве зря?

— Я имею в виду — для ее цели. А также не иметь дела с крысами, свиньями и даже с драконами. Просто полететь от первых Врат до вторых. Верно?

Он покачал головой:

— Неверно!

— Не понимаю.

— Если сделать допущение, что Стар могла осуществить столь дальний перелет, что, надеюсь, мне никогда не придется проверять, она, конечно, имела возможность доставить нас к нужным Вратам. Но что в таком случае было бы с тобой? С перенесенным сразу из Ниццы в Карт-Хокеш? Кинулся бы ты вперед и стал бы драться как росомаха, как было на самом деле? Или сказал бы: «Мисс, вы сделали ошибочку. Где тут выход из этого паноптикума?..» Нет, нет, я серьезно.

— Не думаю, что я запросил бы пардону.

— Да, но победил бы ты без этого? Оказался ли бы ты в том состоянии боевой готовности, которое требовалось для победы?

— Понятно. Эти первые раунды были вроде тренировки в условиях, максимально приближенных к боевым. Было ли это первой частью обмана? Может быть, был применен еще и гипноз, чтобы получить нужный настрой? Она ведь в этом деле эксперт, видит бог! Может быть, вообще не было никаких опасностей, пока мы не достигли Черной Башни?

Руфо снова передернуло.

— Нет, нет! Оскар, в любом из этих эпизодов мы могли быть убиты. Никогда еще за всю свою жизнь я не сражался так отчаянно и никогда еще так не боялся. И ни одного эпизода миновать было нельзя. Я не знаю всех ее резонов, я же не Ее Мудрость. Но она никогда не рискнула бы своей жизнью, если бы в этом не было необходимости. Она скорее пожертвует десятью миллионами храбрецов, сочтя это более подходящей ценой. Свою цену она знает хорошо. Но она дралась с нами, дралась изо всех сил... Да ты же сам видел! Значит, это было необходимо.

— И все же мне не ясно...

— И не будет. И мне — тоже. Если бы можно было, она послала бы тебя одного. В тот последний момент наивысшей опасности, если бы эта штуковина — Пожиратель Душ, прозванный так потому, что погубил уже многих смельчаков, если бы он погубил и тебя, то Стар и я попытались бы пробиться назад, я был к этому уже готов. Я не вполне уверен в том, что скажу, но если бы нам

удалось бежать — что навряд ли,— Стар не пролила бы по тебе ни слезинки. Или совсем чуть-чуть. А потом она опять трудилась бы еще двадцать, тридцать или еще сто лет, чтобы найти, опутать и натренировать другого рыцаря и драться так же свирепо, но уже на его стороне. У нее много храбрости, у этой старушки. Она знала, сколь малы наши шансы. Ты — не знал. Но разве она струсила?

— Нет.

— А ключом ко всему был ты. Сначала тебя надо было вычислить, а потом огранить, чтоб годился в дело. Ты действовал сам, ты никогда не был марионеткой, иначе бы победы не одержал. И только она могла подтолкнуть такого человека, как ты, обольстить его, поставить его в условия, где он должен был действовать, фигура меньшего масштаба не справилась бы с таким героем, какой нужен был ей. И поэтому она и шарила по свету до тех пор, пока не нашла тебя... а уж тогда сумела подмаслить тебя просто великолепно. Скажи, почему ты выбрал шпагу? Ведь в Америке это редкость?

— Почему? — Пришлось подумать. Чтение. «Король Артур», «Три мушкетера», удивительные марсианские романы Берроуза. Но ведь это чтиво — для всех ребятишек.— Когда мы переехали во Флориду, я записался в скауты. Мастером скаутов у нас был француз, учитель из школы. Он начал учить фехтованию и нас, мальчишек. Мне нравилось фехтовать, это было то, что у меня хорошо получалось. Потом в колледже...

— А ты поразмысли-ка, как это иммигрант мог получить такое место в вашем городишке? И еще напроситься на занятия со скаутами? Или подумай о том, почему это в твоем колледже была фехтовальная команда, когда в других таких команд не было вовсе. Куда бы ты ни приезжал, там было и фехтование — и у Молодых Христиан, и всюду. А разве на твою долю не выпало больше рукопашных схваток, чем это бывает обычно?

— Еще бы!

— Могли бы и укокошить в какой-нибудь. Тогда Стар пришлось бы обратиться к следующему кандидату, которого уже начали тренировать. Сынок, я не знаю, как тебя отбирали или каким образом из юного панка получился герой, которым ты был в потенции. Это не моя работа. Моя была проще — хоть и опаснее — стать твоим слугой и «хранителем тыла». Оглянись-ка! Неплохое жилье для слуги, а?

— Прекрасное. А я почти и забыл, что ты считался моим слугой.

— Считался, черта с два! Я трижды ездил в Невию в качестве ее слуги! Джоко и по сей день ничего не знает. Если я туда снова попаду, то, думаю, меня встретят там хорошо, но только на кухне.

— Но зачем? Мне эта затея кажется глуповатой.

— Вот как! Когда мы заманивали тебя в ловушку, твое «эго» было в зачаточном виде. Его надо было укрепить, выпестовать. Отсюда и обращение «босс» и прислуживание за столом, где я стоял, а ты с ней сидел,— все это часть одной задачи.— Он похрустел суставами пальцев с очень раздраженным видом.— Я до сих пор думаю, что она смухлевала с теми двумя стрелами. С удовольствием сражусь с тобой еще раз, только чтоб ее не было рядом.

— Можешь обмануться в ожиданиях. Я с тех пор много тренировался.

— Ладно, забудем. Мы добыли Яйцо, а это главное. А вот и бутылочка есть, это тоже важно.— Он снова наполнил стаканы.— Ну, так получил все, что хотел, босс?

— Черт тебя побери, Руфо! Да, я получил все, старый добрый негодяй! Ты меня возродил. Или снова обманул, кто знает, что вернее.

— Без обмана, Оскар, клянусь совместно пролитой нами кровью. Я сказал тебе всю правду, которую знаю сам, хотя говорить мне ее было больно. Мне не хотелось — ты ведь мой друг. Наш поход пешедралом по каменистой Дороге Доблести будет всегда вспоминаться как самые драгоценные дни моей жизни.

— Гм... Да... Мне — тоже... И вообще все, что было.

— Тогда почему ты хмуришься?

— Руфо, теперь я ее хорошо понимаю и... уважаю беспредельно, даже люблю больше, чем раньше. Но я не могу быть ничьей игрушкой — даже ее.

— Я рад, что это сказал ты сам, а не я. Да, она права. Она всегда права, будь она неладна. Ты должен уйти. Ради вас обоих. О, ее это ранит не так сильно, а вот ты, если задержишься, станешь конченым человеком. А если будешь упорствовать, тебя уничтожат.

— Что ж, будет лучше, если я вернусь... и выкину свои туфли. Я чувствую себя уже почти хорошо, будто сказал хирургу: «Валяй, ампутируй!»

— Ни в коем случае!

— Это почему?

— А зачем? Не надо делать бесповоротных шагов. Если брак имеет шанс быть долгим — а твой имеет, то и каникулы должны быть долгими. И никаких поводков, сынок, никакой даты возвращения, никаких обещаний. Она знает, что странствующие рыцари ночи проводят в грешных делах. Она это знает и этого ожидает. Так было испокон веков — un droit de la vacation[1] — и это неизбежно. Просто об этом не пишут в детских книжках там, откуда ты явился. Поэтому поезжай, погляди, что новенького в твоей профессии появилось в мире, и ни о чем не заботься. Возвращайся года через четыре, или через сорок, или через сколько захочешь, и тебе будут рады. Герои всегда сидят за верхним столом, это их право. И они приходят и уходят, когда захотят, и это тоже их право. Ведь в несколько меньшем масштабе ты такой же, как она.

— Ничего себе комплимент!

— Я же сказал «в меньшем масштабе». Оскар, часть твоих неприятностей происходит из желания побывать дома. В твоей родной стране. Чтобы обрести перспективу и понять — кто ты такой. Это чувство свойственно всем путешественникам, мне самому время от времени приходится его переживать. Когда оно приходит, я поступаю так, как оно того требует.

— Я не испытывал ностальгии. А она, надо думать, есть.

— Возможно, Стар это уловила. Возможно, она и подтолкнула тебя. Лично я взял бы за правило отправлять на каникулы всех своих жен, как только их лица становятся мне слишком знакомыми, тем более что им, вероятно, мое — учитывая, как я выгляжу,— надоедает еще больше. А почему бы и нет, парень? Отправляйся на Землю, это совсем не так уж и плохо. Я тоже вскоре собираюсь туда, потому и расчищаю эти бумажные завалы. Возможно, мы окажемся там одновременно... выпьем стаканчик... или десяток стаканчиков... посмеемся... обменяемся анекдотами... ущипнем официантку и посмотрим, что она нам скажет! Почему бы и нет?

[1] Право на отдых, на отпуск (*фр.*).

Глава 21

О'кей, вот я и здесь!

Уехал я не на той же неделе, но очень скоро. Мы со Стар провели потрясающую, полную слез ночь накануне моего отъезда, и она снова заплакала, целуя меня на прощание (Au'voir, а не прощай). Но я знал, слезы ее высохнут, как только я скроюсь из виду, и ей было известно, что я это знаю, и я был уверен, что она тоже считает, что так лучше, потому и уехал. Хотя тоже со слезами.

«Пан Американ» работает хуже коммерческих Врат. Меня мгновенно перекинули через три промежуточных станции без всяких там фокусов-покусов. Какая-то девица скомандовала: «Занимайте места, пожалуйста» — готово!

Я вышел на Земле, одетый в лондонский костюм, с паспортом и другими бумагами в кармане, с Леди Вивамус в коробке, которая была совсем не похожа на ящик для шпаги. В других карманах лежали чеки на золото, поскольку я вдруг обнаружил, что не имею ничего против оплаты геройства. Высадился я около Цюриха, но точного адреса не знаю — об этом заботятся Врата. Вместо этого меня обеспечили средствами для передачи сообщений.

Вскоре мои аккредитивы превратились в номерные счета в трех швейцарских банках, что было сделано с помощью юриста, к которому мне было велено обратиться. Я приобрел дорожные чеки в нескольких туристических бюро, часть из них отправил письмами в США, часть взял с собой, так как ни в коем случае не хотел отдавать Дяде Сэму девяносто один процент.

Когда начинаешь жить по новому календарю, как-то теряешь способность следить за ходом времени. У меня осталась неделя-другая до срока прибытия, указанного в моих бумагах. Я решил придерживаться этой даты — не следовало вызывать подозрений. Так я и сделал, отправившись на старой четырехмоторной машине по маршруту Прествик — Нью-Йорк.

Улицы показались мне грязнее, дома ниже, а заголовки газет — хуже прежнего. Я перестал читать газеты и решил тут не задерживаться — думал о Калифорнии, как о своем «доме». Я позвонил маме, она сердилась за мое долгое молчание, и я пообещал

приехать на Аляску, как только смогу. Как они поживают? (Я подумал, что моим сводным братьям и сестренкам, возможно, потребуется денежная помощь для получения образования.) В общем, все было в порядке. Отчим еще летал и даже получил повышение по службе. Я попросил всю корреспонденцию пересылать на адрес тетки.

Калифорния выглядела лучше, чем Нью-Йорк. И все же это была не Невия. И даже не Центр. Народу было куда больше, чем мне помнилось. Все, что можно сказать о калифорнийских городах, это то, что они лучше многих других. Я побывал у тетки с дядей, они были всегда добры ко мне, и я намеревался истратить часть швейцарского золота на выкуп дяди у его первой жены. Оказалось, что она уже умерла, и теперь они поговаривали о строительстве собственного бассейна.

Поэтому я сидел тихо. Один раз меня уже чуть не погубило богатство, в результате чего я заметно повзрослел. Решил следовать правилу Их Мудростей: лучшее — враг хорошего.

Студенческий кампус казался меньше, а студенты — совсем юными. Я им, вероятно, представлялся стариком. Я как раз выходил из пивнушки, что напротив административного корпуса, когда туда вошли двое в своих лозунговых свитерах, отпихнув меня в сторону. Второй из них сказал:

— Куда прешь, папаша!

Я оставил его в живых.

Футбол был восстановлен в правах, тренер новый, новые раздевалки, стойки выкрашены, поговаривали о собственном стадионе. Тренер слыхал обо мне.

Он знал мои рекорды и намеревался сделать себе имя.

— Ты ведь вернешься в команду?

Я ответил, что не думаю.

— Ерунда! — сказал он.— Ты же должен получить этот дурацкий диплом. Будет глупо, если ты позволишь армейской службе погубить твою карьеру. Послушай...— И он понизил голос.— Говорить о месте уборщика в спортзале не приходится — руководство на это не пойдет. Но ведь может же парень жить на стороне, что устроить вовсе не трудно. А если жалованье он будет получать из рук в руки, то кому какое дело? Помалкивай в тряпочку, и порядок... А ветеранские денежки пойдут на карманные расходы.

— Так у меня их нет, ветеранских-то.

— Ты что, старик, газет не читаешь? — У него была вырезка. Пока я отсутствовал, на участников моей «невойны» распространили права ветеранов.

Я обещал обдумать его предложение.

Впрочем, такого намерения у меня не было. А вот завершить инженерное образование я решил, так как вообще люблю завершать все свои дела. Только не в этом колледже.

Этим же вечером я получил весточку от Джоан, от той девчонки, что так здорово проводила меня в армию, а потом выскочила замуж. Я и сам намеревался отыскать ее и завернуть к ним с мужем домой, но до сих пор не узнал ее новой фамилии. Но она сама повстречала мою тетку и позвонила.

— Изи! — воскликнула она и, казалось, с радостью.

— Кто это? Минутку... Джоан!

Прийти к ним сегодня же ужинать? Отлично! Что ж, я с нетерпением буду ждать встречи с тем счастливчиком, который стал ее мужем.

Джоан была все такой же хорошенькой, наградила меня смачным поцелуем, ознаменовавшим радость встречи, чисто сестринским, но сочным. Потом я познакомился с ребятишками — один еще в колыбельке, другой уже учился ходить.

Муж был в Лос-Анджелесе.

Мне следовало бы тут же взяться за шляпу. Но...— все хорошо, ничего такого не произошло — муж позвонил уже после разговора со мной, чтобы сказать, что задерживается в Лос-Анджелесе на ночь, он ведь видел, как я играю в футбол, и, уж конечно, я был бы просто обязан повести ее в ресторан поужинать и, может, мы договоримся на завтра, ей не удалось договориться на сегодня с приходящей няней, а кроме того, сейчас должны забежать «на стаканчик» ее сестра с мужем, они на ужин не смогут остаться, так как уже с кем-то договорились, да ты же знаешь и мою сестру, вон они уже на крыльце, а я еще и детей не уложила...

Сестра и ее муж пришли только на один стаканчик. Джоан с сестрой пошли укладывать ребятишек, а муж остался со мной и спросил, как дела в Европе, поскольку он знал, что я только что вернулся оттуда, после чего он рассказал мне, как идут дела в Европе и что там надо изменить.

— Вы знаете, мистер Джордан,— говорил он, похлопывая меня по колену,— человек, занимающийся торговлей недвижимостью, подобно мне, становится тонким знатоком человеческой натуры, он обязан стать таким и, хотя я в Европе не был, в отличие от вас, так как не имел на это времени, и вообще — должен же кто-то оставаться дома, платить налоги и приглядывать за делами, пока вы, молодые счастливчики, гоняете по всему миру, но человеческая натура повсюду одинакова, и если бы мы сбросили одну-единственную бомбочку на Минск, или Пинск, или еще куда-нибудь, они тут же прозрели бы, а мы прекратили бы дергаться из стороны в сторону, что так вредит делам. Вы со мной согласны?

Я ответил, что в чем-то он, возможно, и прав. Они ушли, но перед уходом он пообещал позвонить мне завтра и показать несколько превосходных участков, которые отдаются почти задаром, но цены на которые должны взлететь вверх, благодаря строительству здесь в недалеком будущем ракетного завода. «Было очень приятно выслушать историю ваших странствий, мистер Джордан, чрезвычайно приятно. Когда-нибудь расскажу вам кое о чем, что случилось со мной в Тихуане, но это уж, когда моей женушки рядом не будет, х-ха!»

— Не понимаю, почему она вышла за него? — пожала плечами Джоан.— Налей-ка мне двойной, милый, мне это просто необходимо. Пойду выключу плиту, ужин подождет.

Мы выпили по двойному, потом еще по двойному, ужинать сели только в одиннадцать, и Джоан принялась хныкать, когда около трех я стал настаивать на уходе. Она обозвала меня трусом, и я согласился. Она сказала, что все могло бы быть иначе, если бы я не решил уйти в армию, и я опять согласился. Она велела мне убираться через заднюю дверь и не зажигать свет и заявила, что не желает меня больше видеть во веки веков, после чего сообщила, что Джим семнадцатого собирался ехать в Сусалито. На следующий день я вылетел в Лос-Анджелес. Нет, слушайте, я не виню Джоан. Мне она симпатична. Я ее уважаю и всегда буду вспоминать о ней с благодарностью. Она прекрасный человек. Поставьте ее в соответствующие условия — скажем, перенесите в Невию, и она была бы ого-го! Да и так она девчонка что надо. Дом у нее вылизан, ребятишки чистенькие, здоровенькие и ухоженные. Она щедра, умна, и характер у нее отличный.

Себя я тоже виновным не считаю. Если мужчина хоть немного уважает чувства женщины, то уж в одном-то он ей не может отказать — во встрече, если она ее домогается. И притворяться, что я этой встречи не хотел, тоже не стану.

И все-таки, во время полета в Лос-Анджелес, я чувствовал себя скверно. Нет, нет, не из-за мужа, ему-то что. И не из-за Джоан — мир под ее ногами не перевернулся, угрызений совести она, надо думать, не испытывала. Джоан — хорошая девочка и очень здорово умеет приспосабливать свой характер к внешним обстоятельствам. И все же мне было скверно. Мужчина не должен критиковать самые тайные качества женщины. Должен сказать, что теперешняя Джоан была так же мила и так же щедра, как и та юная Джоан, что провожала меня в армию и дала мне возможность ощутить собственную мужественность. Вина была моя — я изменился.

Мои претензии относятся ко всей нашей культуре, отдельные люди несут на себе лишь частички этой общей вины. Разрешите мне процитировать многоопытного культуролога и распутника доктора Руфо.

— Оскар, когда ты попадешь домой, не ожидай слишком многого от своих соплеменниц. Ты наверняка будешь разочарован, но бедняжки ни в чем не виноваты. Американские женщины, из которых воспитанием вытравили все инстинкты пола, компенсируют это всепроникающим интересом к ритуалам, совершаемым над мертвой шелухой секса... причем каждая уверена, что интуитивно знает тот главный ритуал, который способен оживить этот труп. Она знает, и никто ее не переубедит... особенно же тот мужчина, который имел несчастье попасть к ней в постель. Так что и не старайся. Ты или доведешь ее до бешенства, или убьешь в ней уверенность в себе. Ведь ты покусишься на самую священную из коров — на миф, что женщина знает о сексе все, уже только потому, что она женщина.— Здесь Руфо наморщил лоб.— Типичная американская женская особь уверена в том, что она гениальная портниха, гениальная повариха, гениальный дизайнер домашнего интерьера и превыше всего — гениальная куртизанка. Чаще всего она ошибается во всех четырех пунктах. Но не пытайся им это доказывать.

Потом он добавил:

— Разве что отобрать девчонку не старше двенадцати лет и изолировать ее полностью, особенно от матери... Но и это, думаю, поздновато. Ты пойми меня правильно — все это вы заслужили. Ведь американский мужчина тоже убежден, что он великий воин, великий политик и великий любовник. Проверка показывает, что он ошибается так же, как и она. Или еще больше. С историко-культурной точки зрения существуют неопровержимые доказательства, что американский мужчина в большей степени, чем женщина, виновен в убийстве секса в вашей стране.

— И что же мне делать?

— Время от времени сматывайся во Францию. Француженки столь же неграмотны, как и американки, но не столь тщеславны, а иногда даже способны к обучению.

Когда мой самолет приземлился, я выбросил эти мысли из головы, ибо на время решил стать анахоретом. Я еще в армии понял, что проблема секса легко решается денежным обеспечением, размер которого достаточен лишь для поддержания жизни. А планы у меня были большие.

Я решил стать добропорядочным обывателем, каким являюсь по своей природе, усиленно трудиться в поте лица и иметь ясную цель. Конечно, я мог бы воспользоваться своими швейцарскими вкладами и вести жизнь плейбоя, но я уже побывал в плейбоях — это не по мне.

Я участвовал в самой что ни на есть увлекательной заварушке в Истории, и если бы не привезенная с собой добыча, наверняка сам не поверил бы в случившееся. Теперь пришло время остепениться и войти в ассоциацию Неизвестных Героев. Быть героем — порядок. Но отставной герой — во-первых, зануда, во-вторых, бродяга.

Первым делом я отправился в Калифорнийский политехнический. Теперь я мог себе позволить выбирать лучшее, а единственный соперник Калтеха находился там, где секс вообще объявлен вне закона. На это мрачное кладбище я достаточно нагляделся в 1942–1945 годах.

Декан по приему не особенно обнадеживал:

— Мистер Гордон, вы должны знать, что мы отсеиваем гораздо больше народу, чем принимаем. И мы не можем полностью доверять представленной вами выписке. Не хочу сказать ничего плохо-

го о вашем прежнем колледже, и мы с радостью делаем некоторые поблажки бывшим солдатам, но требования у нас гораздо более высокие. И еще одно — в Пасадине вы не найдете дешевого жилья.

Я ответил, что с радостью займу любое место, которого, по их мнению, заслуживаю, и показал ему мою чековую книжку (одну из них), предложив тут же выписать чек за первый год обучения. Он отказался, но слегка оттаял. Я ушел, унося впечатление, что место для И. С. Оскара Гордона может найтись.

После этого я отправился в центр города и начал процедуру, которая должна была юридически превратить меня из Ивлина Сирила в Оскара. Потом пошел искать работу.

Ее я нашел в Долине — место младшего чертежника в отделе филиала корпорации, занятой изготовлением шин, оборудования для пищевой промышленности и кой-чего еще — в данном случае ракет. Это была часть Гордоновского Плана Оздоровления. Несколько месяцев, проведенных за кульманом, должны были привести меня в форму. Заниматься я планировал по вечерам, а кроме того, решил стать пай-мальчиком. В Сутелле я нашел меблированную комнату и приобрел подержанный «Форд» для поездок на работу.

Теперь я чувствовал себя спокойнее. «Милорд Герой» был погребен, и глубоко. Все, что осталось от него,— Леди Вивамус, висевшая над телевизором. Сначала я частенько снимал ее оттуда и держал в руке, получая от этого истинное наслаждение. Я решил найти sale d'arms[1] и вступить в клуб. В Долине я видел стрельбище для лучников, а, вероятно, где-нибудь было и стрельбище для членов Американской ассоциации любителей ружейной стрельбы. Надо же поддерживать форму.

На время решил забыть о швейцарских вкладах. Их должны были выплачивать в золоте, а это не пустяки, и я предпочитал к ним не прикасаться — ценность их будет все время расти, от инфляции больше, чем от инвестирования, так что когда-нибудь они превратятся в большой капитал, которого хватит для основания собственной фирмы.

Вот о чем я думал — как стать боссом. Раб на зарплате, даже если он принадлежит к той категории, у которой Дядя Сэм отбирает

[1] Фехтовальный зал (*фр.*).

больше половины доходов, все равно раб. А я знал от Ее Мудрости, что для того, чтобы стать боссом, нужна тренировка. Титул «босс» за деньги не продается.

Поэтому-то я и остепенился. Имя я сменил; Технологический сообщил, что я могу начинать подыскивать себе квартиру в Пасадине. Тут-то подоспела и почта — мама переслала ее тетке, та — на адрес отеля, который я ей дал сначала, и вот теперь она добралась до меня. Тут были письма, прибывшие в США еще год назад, пересланные в Юго-Восточную Азию, потом в Германию, затем на Аляску и еще на разные адреса, пока наконец я не получил их в Сутелле.

Одно письмо предлагало мне ту же сделку насчет инвестиций, только теперь я должен был отстегнуть им еще десять процентов. Другое было от тренера из колледжа — на простой почтовой бумаге, подписанное каракулями. Он писал, что «некие лица» хотят, чтобы сезон начался победой. Устраивают ли меня двести пятьдесят в месяц? Позвонить ему по домашнему телефону, разговор оплачен. Я разорвал это письмо.

Следующее было от Администрации по делам ветеранов, датированное днем моей демобилизации, в коем сообщалось, что, согласно прецеденту «Бартон против правительства США», я являюсь «военным сиротой» и должен получать сто десять долларов в месяц для завершения образования вплоть до достижения двадцатитрехлетнего возраста. Я хохотал до колик в животе. Потом шла всякая ерунда, а за ней — письмо от моего конгрессмена. Он имел честь уведомить меня, что он совместно с Ассоциацией ветеранов заморских войн разработал пакет законопроектов с целью исправления ошибок, допущенных при определении статуса «сирот войны», что эти законопроекты были одобрены и он счастлив сообщить, что один из них касается и меня и дает мне право получать пенсию для завершения образования вплоть до исполнения мне двадцати семи лет, поскольку мое двадцатитрехлетие прошло до принятия поправки.

Искренне ваш и все такое.

Смеяться я уже не мог. Я подумал о том, насколько меньше дерьма или чего-то еще я бы нахлебался со дня своего вступления в армию, если бы знал об этих ста одиннадцати долларах в

месяц. Я написал конгрессмену благодарственное письмо, постаравшись, чтобы оно звучало получше.

Следующее письмо по виду было совершеннейшей чепухой. Оно было от Госпитального фонда Лимитейд и, надо думать, содержало просьбу о денежной помощи или информацию о больничной страховке, но я никак не мог взять в толк — почему кто-то в Дублине решил внести меня в свой список?

Госпитальный фонд запрашивал меня, не являюсь ли я владельцем билета Ирландского госпитального тотализатора, номер такой-то и такой-то и соответствующего талона к нему? Этот билет был продан Дж. Л. Уезерби, эсквайру. Указанный номер выиграл во втором туре розыгрыша, и эта лошадь пришла к финишу первой. Дж. Л. Уезерби был об этом информирован и известил фонд, что передал этот билет некому И.С. Гордону, которому отослал и талон к нему. Не тот ли я Гордон, есть ли у меня билет тотализатора и талон? Фонд желал быть уведомленным как можно скорее.

Последнее письмо имело обратный адрес Командования группы американских войск в Европе. В нем был талон к билету Ирландского тотализатора и приписка: «Так мне и надо, дураку, чтоб не играл в покер. Желаю выиграть. Дж. Л. Уезерби». Штемпель на конверте был годичной давности.

Я долго рассматривал его, потом достал бумаги, пронесенные мною через несколько Вселенных. Нашел нужный билет. Он был весь измазан кровью, но номер был виден хорошо.

Еще раз перечитал письмо фонда. Второй раунд розыгрыша...

Потом пересмотрел все билеты под ярким светом. Все были подделкой, но гравировка этого билета и талона к нему была четкой, как на деньгах. Не знаю, где его купил Уезерби, но ясно, что не у того воришки, у которого я приобрел свой.

Второй тур... А я и не знал, что их больше одного! Оказывается, число туров зависит от числа проданных билетов — на каждый «пакет» стоимостью 120 тысяч фунтов стерлингов — тур розыгрыша. А я видел только результат первого...

Уезерби отослал талон и расписку моей матери в Висбаден, он, вероятно, уже был в Элмендорфе, когда я находился в Ницце, потом был отправлен в Ниццу, потом обратно в Элмендорф, так

как Руфо оставил этот адрес в «Американ Экспресс». Руфо, разумеется, знал обо мне все и предпринял нужные шаги, чтобы прикрыть мое исчезновение.

В то утро, ровно год назад, я сидел в кафе в Ницце, держа в руках выигравший билет, а талон к нему уже лежал в конверте. Если бы я, читая «Геральд Трибюн», пошел бы дальше отдела личных объявлений, то обнаружил бы там результаты второго тура розыгрыша и не ответил бы на объявление.

Я забрал бы 140 тысяч долларов и никогда больше не увидел бы Стар.

Неужели Ее Мудрость потерпела бы поражение?

Неужели я отказался бы следовать за ней только потому, что мои карманы лопались от денег?

Сомневаюсь: я все равно вышел бы на Дорогу Доблести.

Во всяком случае, надеюсь на это.

На следующий день я позвонил на завод, а потом отправился в банк, где повторилась та же рутина, через которую я дважды проходил в Ницце.

Да, этот билет действителен. Может ли банк быть мне полезен при получении денег? Я поблагодарил их и ушел.

Маленький человек из Налогового управления уже стоял у меня на крыльце... Почти что так: он позвонил снизу, когда я писал ответ Госпитальному фонду.

Я ответил ему, что скорее пойду к чертовой матери, чем соглашусь. Я оставлю деньги в Европе, а он пусть свистит в кулак! Он вежливо посоветовал мне изменить позицию, считая ее за простое «выпускание паров», тем более что Налоговое управление терпеть не может платить деньги информаторам, но принуждено будет так поступить, если мои действия покажут, что я хочу избежать уплаты налогов.

В общем, они меня доконали. Я получил 140 тысяч долларов и заплатил Дяде Сэму 103 тысячи. Маленький тихенький человечек сказал, что так будет лучше — многие люди откладывают уплату налогов и попадают в неприятную историю.

Будь я в Европе, получил бы 140 тысяч золотом, а тут выдали 37 тысяч бумажками — свободные и суверенные американцы не имеют права держать на руках золото. С ним они то ли войну начнут, то ли в коммунизм перейдут, то ли еще что сотворят. И вообще, это противозаконно. Люди из Управления были в высшей степени вежливы.

Десять процентов — 3700 долларов — я отослал сержанту Уезерби и написал про все. Остальные 33 тысячи долларов положил в банк, учредив фонд для оплаты образования моих сводных братишек и сестренок, причем одним из условий управления фондом было то, чтобы родственники узнали о деньгах только тогда, когда они понадобятся.

Я помолился, чтобы новость о моем выигрыше не долетела до Аляски. В лос-анджелесских газетах об этом ничего не было, но сведения, видимо, как-то просочились — я почувствовал себя занесенным в списки многочисленных попрошаек — получал письма, предлагающие необычайные возможности, просьбы о займах или требования подарков.

Через месяц я узнал, что позабыл о существовании еще и калифорнийского штатного налога.

Глава 22

И вот я снова вернулся к своему старому кульману, снова гнул вечерами спину над учебниками, иногда смотрел телевизор, а по субботам занимался фехтованием.

А ночами мне снился сон...

Впервые я увидел его, когда поступил работать, а теперь он являлся каждую ночь...

Я ехал по длинной, длинной дороге, потом она круто изгибалась и вдали вырисовывался замок, стоящий на возвышенности. Он был великолепен, флаги развевались на его башнях, извилистая тропа вела к подъемному мосту. Но я знал — непонятно откуда,— что в подземелье замка томится прекраснейшая из принцесс.

Эта часть сна была всегда одинакова, варьировались лишь детали. А потом на дороге появлялся маленький спокойный человек из Налогового управления и заявлял, что надо оплатить дорожный сбор, который всегда на десять процентов превышал сумму, которой я располагал.

В другой раз это был полицейский, который, прислонясь к моей лошади (иногда у нее было четыре ноги, иногда — восемь), выписывал мне штраф за нарушение правил движения, за появление с просроченной лицензией на право езды, за проезд на красный свет и дерзкое неповиновение власти. Он хотел знать, есть ли у меня разрешение на ношение копья, и сообщал, что я должен нацепить бирку на каждого убитого мной дракона, согласно закону об охоте.

Иногда, и это было самое неприятное, я за поворотом попадал в мощный транспортный поток, несшийся прямо на меня по пяти полосам дороги.

Писать то, что я пишу сейчас, я начал после появления этих снов. Я понимал, что пойти к специалисту по мозгам и сказать ему: «Послушайте, док, я Герой по профессии, а жена моя — Императрица другой Вселенной» нельзя, а еще меньше мне улыбалась перспектива лечь на его кушетку и рассказывать, как мои родители плохо обращались со мной в детстве (чего не было) и как я узнал все про маленьких девочек (а это уж никого не касается).

И я решил рассказать все своей пишущей машинке.

Самочувствие от этого улучшилось, но сны остались. Зато я узнал новое слово — «окультуривание». Это то, что происходит, когда представитель одной культуры попадает в другую и переживает крайне печальное время, ощущая себя чужим. Например, индейцы в городах Аризоны, которые бездельничают и проводят все время, глазея на витрины магазинов. Окультуривание. Не вписываются.

Я садился в автобус, чтобы повидать врача по уху, горлу и носу — Стар обещала мне, что ее лечение плюс процедуры, полученные на Центре, навсегда освободят меня от насморка, что и произошло, но даже терапевты, обеспечивающие Долголетие, не могут защитить человеческие ткани от ядовитых газов. Лос-анджелесский смог меня достал. Глаза жгло, нос заложен — дважды в неделю мне приходилось проходить чудовищные процедуры из-за этого носа. Обычно я парковал свою машину и ехал автобусом до Уилтшира, так как там места для парковки не найти.

В автобусе я подслушал разговор двух дам: «... и несмотря на то, что я их совершенно не переношу, я не могла устраивать вечеринку, не пригласив Силвестеров...»

Это было похоже на какой-то экзотический язык. Я прокрутил фразу в мозгу несколько раз и наконец уловил ее смысл.

Но тогда зачем приглашать этих Силвестеров? Если она их не переносит, то почему бы просто не перестать их замечать или даже не уронить им на башку кирпич? Почему, во имя господа бога, надо устраивать вечеринки с коктейлями? Люди, которые не очень любят друг друга, стоят (стульев обычно не хватает), говорят о вещах для них неинтересных, пьют напитки, ими не любимые (зачем вообще выделять специальное время для выпивки), и напиваются так, что даже не замечают, как им смертельно скучно. Зачем?

И тут я понял, что идет процесс окультуривания. И что я в него не вписываюсь.

Тогда я стал избегать автобусов, в результате чего заплатил пять штрафов и поломал бампер. Учиться я тоже бросил. В книгах я никак не мог докопаться до смысла. Нет, не таким способом обучался я на старом добром Центре.

А за работу чертежника я держался. Я всегда хорошо чертил, и вскоре мне стали поручать важные заказы.

Однажды меня вызвал начальник отдела и сказал:

— Послушайте, Гордон, вот этот узел, который вы делали...

Я гордился этой работой. Я вспомнил кое-что виденное мной на Центре и начертил это, уменьшив число трущихся деталей и улучшив первоначальный проект, придав ему компактность. Я был доволен. Работа сложная, пришлось добавить еще одну проекцию.

— А, что такое?

Он отдал мне чертеж:

— Переделать! Сделать как надо!

Я объяснил ему те изменения, которые внес, сказал, что улучшил проект, чтобы...

Он оборвал меня:

— Мне не надо, чтобы вы улучшали, мне надо, чтобы вы работали, как того требую я!

— Ваше право,— согласился я и проголосовал за свою отставку, громко хлопнув дверью.

В этот час рабочего дня моя квартира показалась мне какой-то странной. Я начал читать «Сопротивление материалов», но

отбросил учебник в сторону. Потом встал и взглянул на Леди Вивамус.

«Dum vivimus, vivamus!» Посвистывая, я пристегнул ее к поясу, обнажил клинок и почувствовал, как вверх по руке пробежал ток.

Потом вложил клинок в ножны, собрал кое-какие вещички, в основном дорожные чеки и наличные деньги, и вышел. Я шел не в определенное место, а просто куда глаза глядят.

Не прошел я и двадцати минут, как патрульная машина подрулила к тротуару и меня отвезли в полицейский участок.

Почему я ношу эту штуковину? Я объяснил, что джентльмены обычно носят шпаги.

Если я скажу им, в какой киностудии работаю, то телефонный звонок все уладит. Или я работаю на телевидении? Департамент полиции охотно пойдет навстречу, но хорошо бы его информировать заранее...

Есть ли у меня лицензия на ношение скрытого оружия? Я ответил, что нисколько его не скрывал. Они заявили, что скрывал — шпага в ножнах. Тут я сослался на Конституцию, но мне возразили, что в Конституции, это уж точно, ничего не говорится про хождение по городу с шашлычными шампурами. Коп шепнул сержанту:

— Вот на чем мы его возьмем, сержант,— на клинке, что длиннее... думаю, длиннее трех дюймов.

Трудности начались, когда они захотели отобрать у меня Леди Вивамус. Наконец они меня заперли со шпагой и прочим.

Двумя часами позже мой адвокат добился изменения формулировки на «мелкое хулиганство», и я был отпущен, выслушав целую проповедь о том, как себя надо вести.

Я заплатил адвокату, поблагодарил его, взял такси до аэропорта и вылетел в Сан-Франциско. В аэропорту купил большой чемодан, в который по диагонали уложилась Леди Вивамус.

Вечером в Сан-Франциско я попал на вечеринку. Встретил я этого парня в баре, поставил ему выпивку, он мне — другую, я ему — обед, а потом мы, захватив галлон вина, поехали к его друзьям. Я все пытался объяснить новому знакомому, что нет смысла учиться в школе по одному методу, когда давно известен другой, лучший. Это так же глупо, как обучать индейцев охоте на

бизонов. Бизоны ведь бывают только в зоопарках! Окультуривание, вот что это такое!

Чарли полностью соглашался и говорил, что его друзьям будет очень интересно меня послушать. И мы поехали туда, я заплатил таксисту за ожидание, но чемодан забрал с собой.

Друзья Чарли вовсе не собирались выслушивать мои теории, но вину обрадовались, так что я сел на пол и стал слушать народные песни.

У мужчин были бороды, что облегчало дело, так как позволяло отличать мужчин от женщин. Один бородач встал и начал читать поэму. Старый Джоко, даже будучи смертельно пьяным, и то сочинил бы лучше.

Все это совсем не походило на пирушку в Невии, а еще меньше — на нее же на Центре, за исключением одного — я получил предложение. Возможно, я и рассмотрел бы его, если бы девушка не носила сандалии. Пальцы ног у нее были грязные. Я припомнил Зай-и-ван, ее изящный и чистенький мех, поблагодарил девушку и сказал, что дал обет.

Борода, что читал стихи, подошел и уставился на меня:

— Парень, а в какой драке ты подцепил такой шрам?

Я ответил, что дело было в Юго-Восточной Азии. Он посмотрел на меня с отвращением:

— Наемник?

— Ну, не всегда,— ответил я.— Иногда дерусь для удовольствия. Сейчас, например.

Шмякнул его об стену, забрал чемодан и отправился в аэропорт, оттуда в Сиэтл, потом в Анкоридж на Аляске и наконец оказался в Элмендорфе — чистый, трезвый и с Леди Вивамус, загримированной под удочку в чехле.

Мама мне обрадовалась, детишки вроде тоже — я успел купить им подарки между двумя рейсами в Сиэтле, а отчим и я обменялись байками.

На Аляске я сделал одно хорошее дело: слетал на мыс Барроу. Там я нашел, что искал: тишина, отсутствие запаха пота и мало людей. Смотришь на ледяное пространство и знаешь, что там нет ни черта, кроме Северного полюса, нескольких эскимосов и еще меньше белых.

Эскимосы тут такие же милые, как на картинках. Их детишки никогда не плачут, а взрослые никогда не сердятся, дурным нравом отличаются только собаки, шляющиеся среди хижин.

Но эскимосы теперь тоже окультуриваются — старые времена проходят. В Барроу можно купить пиво в банках, в небе летают самолеты, а завтра на них могут оказаться и ракеты.

И все же они продолжают охотиться на тюленей среди своих ледяных торосов; деревня пирует, когда забивают кита, и голодает, когда китов нет. Времени они не считают, и, по всей видимости, их ничто не тревожит; спроси эскимоса, сколько ему лет, он ответит: «О, я уже взрослый». Совсем как Руфо. Вместо «до свидания» они говорят «когда-нибудь опять», что значит «когда-нибудь мы снова увидимся».

Они позволили мне участвовать в их танцах. В этом случае полагается надевать перчатки (в вопросах этикета они так же строги, как Джоко), и ты пляшешь и поешь под грохот бубна — я даже заплакал. Сам не знаю отчего. Танец рассказывал про старичка, у которого нет жены и который вдруг видит тюленя...

Я сказал им «когда-нибудь опять» и вернулся в Анкоридж, оттуда вылетел в Копенгаген. С высоты 30 тысяч футов полюс выглядел как покрытая снегом прерия, странные черные линии были водой. Никогда не думал, что увижу Северный полюс.

Из Копенгагена я отправился в Стокгольм. Марьятта жила отдельно от родителей, но в том же квартале. Она накормила меня шведским обедом, а ее муж оказался славным парнем. Из Стокгольма я перед выездом позвонил в отдел личных объявлений парижского издания «Геральд Трибюн».

Это объявление печаталось ежедневно, а я сидел в кафе напротив «Двух радостей», пил коньяк, накапливая стопки коньячных блюдечек и пытаясь сохранить спокойствие. Рассматривал гуляющих француженок и думал, что же мне делать.

Если мужчина хочет где-нибудь осесть лет, скажем, на сорок или около того, то почему бы ему не выбрать Невию? О'кей, в ней водятся драконы. Зато нет ни мух, ни комаров, ни смога. Нет проблем парковки, нет транспортных развязок, выглядящих как рисунок в учебнике полостной хирургии. И нигде нет фонарей на дорогах.

Мьюри будет рада меня видеть. Могу даже жениться на ней. А возможно, и на ее маленькой сестренке, не помню ее имени. Почему бы и нет? Брачные отношения не всюду такие, как в какой-нибудь Падьюке[1]. И Стар будет довольна, она с радостью породнится с Джоко таким образом.

Но сначала я хотел бы повидать Стар, во всяком случае — в ближайшее время, чтобы вымести из-под кровати накопившуюся там груду чужих туфель. Однако там я не останусь, формула «когда-нибудь опять» лучше всего устроит Стар. Эта формула — одна из немногих, точно переводимых на жаргон Центра и полностью соответствующих духу языка.

«Когда-нибудь опять», поскольку другие девы или, во всяком случае, их приятные эрзацы есть повсюду, и все они жаждут освобождения. Где-то. А мужчинам только и остается, что делать свою работу — обстоятельство, которое мудрые жены хорошо понимают.

Кто-то хорошо сказал: «От путешествий не устают. Надо пить чашу жизни до капли». Дальняя дорога, тропа, королевский путь, на котором нет уверенности в том, где и когда перекусишь, получишь ли ночлег и с кем его разделишь. Но где-то ждут тебя Елена Троянская и множество ее сестричек, и есть славная работа, которая только и дожидается того, кто ее выполнит.

За месяц можно составить множество стопок из коньячных блюдечек, и я уже начал злиться, вместо того чтобы подремывать. Куда к черту провалился Руфо? Свои записки я довел до этой минуты, держась на одних нервах. Может, Руфо вернулся обратно? Или умер?

А может, его и не было никогда? Может быть, я просто психопат, но что же тогда таскаю я с собой каждый раз, как выхожу из дому? Шпагу? Я боюсь посмотреть, да, боюсь, а теперь мне страшно даже задавать себе этот вопрос. Однажды я встретил старого сержанта, тридцатилетнего мужчину, который был уверен, что владеет алмазным прииском в Африке. Целые дни он проводил, копаясь в бухгалтерских отчетах прииска. Может, и я пребываю в таком же упоительном заблуждении? Может, эти франки — все, что осталось у меня от месячного пособия по инвалидности?

[1] Город в США, символ американской «глубинки».

Дано ли человеку дважды воспользоваться предоставленным ему шансом? Всегда ли «дверь в стене» исчезает при втором взгляде на нее? Где садятся на корабль, отплывающий в волшебные страны? Боже мой, как это похоже на объявление в почтовом отделении Бруклина: «Вход отсюда туда запрещен».

Я даю Руфо еще две недели...

От Руфо пришло известие! Газетную вырезку с моим объявлением ему переслали, но у него возникли какие-то осложнения. По телефону он не стал о них распространяться, но я усек, что он связался с какой-то хищной Fraulein[1] и перешел границу почти что sans culottes[2]. Но сегодня он приезжает! Он выразил полное согласие с моей идеей сменить планеты и даже Вселенные и сказал, что придумал кое-что любопытное. Возможно, сопряженное с риском, но зато не скучное. Уверен, что он прав и в том и в другом смысле.

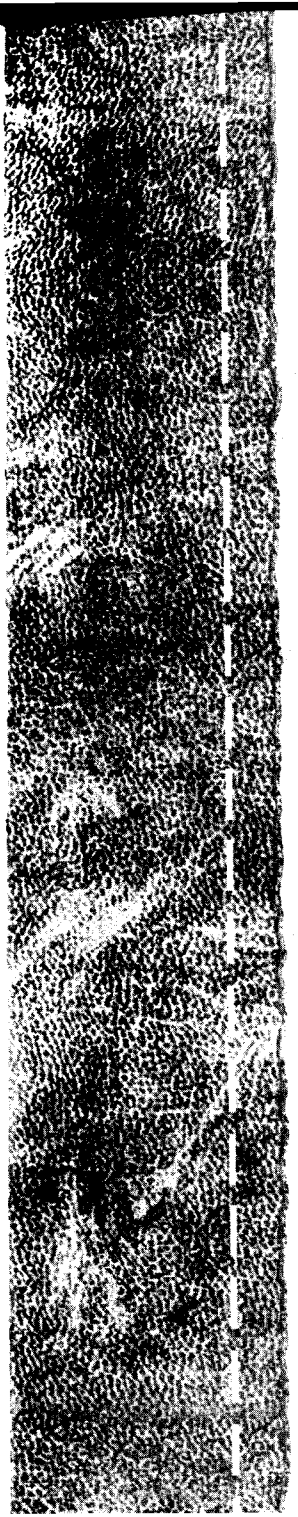
Руфо способен украсть у ближнего сигарету, а уж девчонку и подавно, но с ним не скучно, и он умрет, защищая твою спину.

Завтра мы выйдем на каменистую Дорогу Доблести.

Как там у вас с драконами? Не желаете ли их истребить?

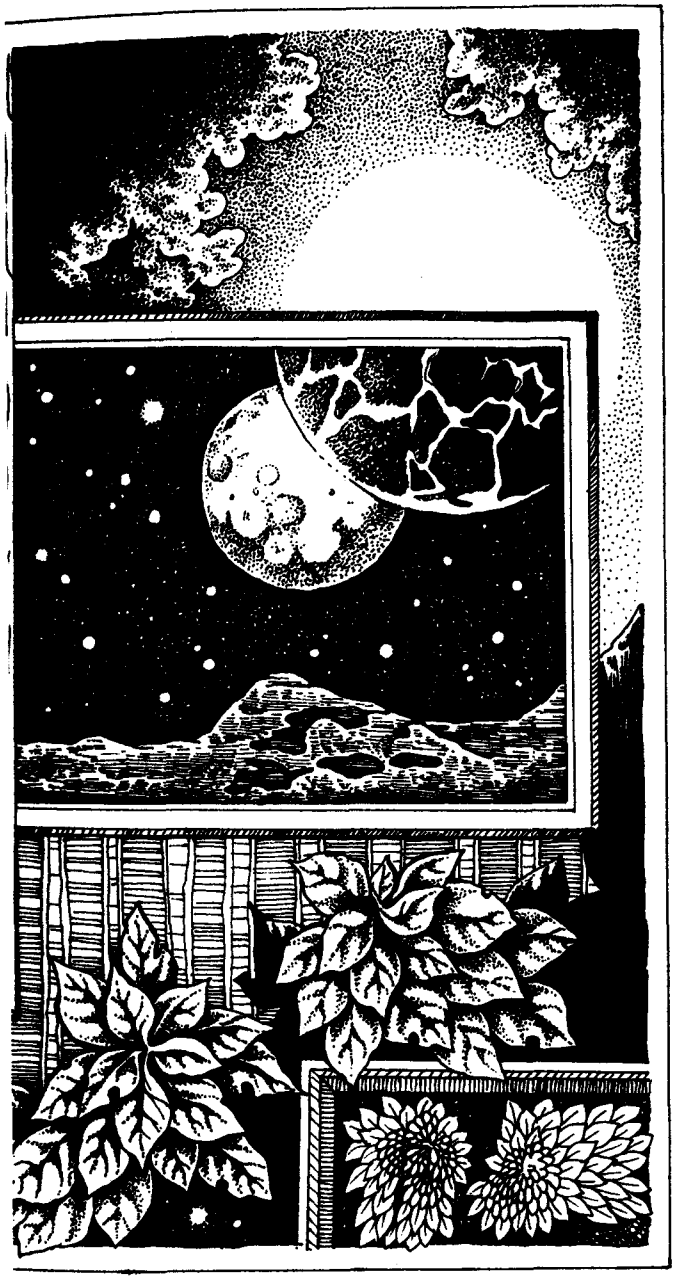
[1] Девушка *(нем.)*.

[2] Без штанов *(фр.)*.



ИОВ, или ОСМЕЯНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ





© В. Ковалевский,Н. Штуцер, перевод

Клиффорду Саймаку

Блажен человек,
которого вразумляет Бог,
и потому наказания Вседержителева
не отвергай.

Книга Иова 5, 17

1

...Пойдешь... через огонь, не обожжешься,
и пламя не опалит тебя.

Книга пророка Исайи 43,2

Яма, доверху наполненная раскаленными углями, имела двадцать пять футов в длину, десять в ширину и, вероятно, около двух в глубину. Огонь в ней поддерживался уже много часов. От пылающих углей шел такой обжигающий жар, который казался совершенно непереносимым даже там, где сидел я, то есть в пятнадцати футах от края ямы, во втором ряду расположившихся на стульях туристов.

Я уступил свое место в первом ряду одной из наших дам, обрадовавшись возможности укрыться от жара за ее весьма пышной фигурой. Я испытывал немалое искушение отодвинуться еще дальше... но мне ужасно хотелось получше рассмотреть тех, кто пойдет по углям. Разве часто на долю человека выпадает случай увидеть чудо собственными глазами?

— Все это грубый обман,— сказал Многоопытный Путешественник,— сами увидите.

— Нет, это не грубый обман, Джеральд,— не согласился с ним Непререкаемый Авторитет По Всему На Свете,— а просто меньшее, чем... было обещано. Конечно, и речи не может быть о всех жителях деревни; вероятно, не примут участия исполнители хулы,

и уж, разумеется, не будет никаких ребятишек. Выпустят одного-двух парней, у которых кожа на подошвах задубела почище выделанной коровьей шкуры и которых вдобавок накачают опиумом или каким-нибудь другим местным наркотиком; вот они-то, выйдя на арену, и пронесутся по углям в бешеном темпе. Селяне же станут оглушительно вопить, а наш друг-канак, что выполняет роль переводчика, настоятельно потребует от нас дать на чай каждому из ходящих по углям сверх того, что мы уже уплатили за луалу, танцы и это представление... Конечно, его нельзя назвать грубым обманом,— продолжал он,— ведь в буклете о пешеходных экскурсиях числится «хождение по углям». И мы его получим. На болтовню же насчет целой деревни таких искусников не стоит обращать внимание. Об этом в проспекте ничего не говорится.— Авторитет был чрезвычайно доволен собой.

— Массовый гипноз,— заявил Профессиональный Зануда.

Я хотел было попросить разъяснений насчет массового гипноза, но здесь моим мнением никто не интересовался. Я тут считался мальчишкой — если не по годам, то по стажу пребывания на круизном корабле «Конунг Кнут». Так уж ведется во всех морских круизах — каждый, кто оказался на борту в момент отплытия из порта отправления, считается важнее и старше любого пассажира, присоединившегося к круизу по пути. Такие правила возникли еще во времена древних мидян и персов, и ничто не в состоянии их изменить. Я же прилетел на «Графе фон Цеппелине», а из Папеэте улечу домой на «Адмирале Моффете», так что навсегда обречен быть «мальчишкой» и не смею подавать голос, пока вещают те, кто стоит выше меня.

На круизных кораблях отличная кормежка, но зато уровень общения частенько один из наихудших в мире. Несмотря на это, острова приводили меня в телячий восторг — даже Мистик, Астролог-Любитель, Будуарный Фрейдист и Адепт Нумерологии не могли испортить мое настроение — я просто не вслушивался в их болтовню.

— Они делают это с помощью четвертого измерения,— объявил Мистик,— разве не так, Гвендолин?

— Именно так, милый,— согласилась Нумерологистка.— А вот и они. Ты увидишь, их обязательно будет нечетное число.

— Я так завидую твоим знаниям, милочка!

— Гм... гм...— хмыкнул Скептик.

Туземец, который помогал нашему корабельному руководителю экскурсии, поднял руки и обратил к нам ладони, прося тишины.

— Пожалуйста, выслушайте меня. Mauruuri roa! Большое спасибо. Сейчас великий жрец и жрица начнут возносить молитвы богам, чтобы пламя не нанесло вреда жителям деревни. Прошу вас помнить, что это религиозная церемония, и притом очень древняя,— пожалуйста, ведите себя так, как будто вы присутствуете при богослужении в собственной церкви. Иначе...

Какой-то ужасно древний канак перебил его; старик и переводчик обменялись несколькими фразами на неизвестном мне языке, как я решил, полинезийском — такой он был мелодичный и певучий. Канак помоложе снова повернулся к нам.

— Великий жрец говорит мне, что некоторые дети сегодня пойдут по углям впервые, в том числе и тот малыш, что сидит на руках у матери. Жрец просит вас сохранять полное молчание во время вознесения молитв, иначе безопасность детей не может быть гарантирована. Разрешите мне отметить, что лично я — католик. И в такие минуты всегда обращаюсь к нашей Пресвятой Деве Марии, чтоб она позаботилась о детях; прошу и вас всех помолиться о том же, согласно канонам вашей веры. А кто молиться не хочет, пусть соблюдает тишину и просто в сердце своем желает добра детям. Если великий жрец не будет удовлетворен благоговейным отношением аудитории, он не позволит детям войти в огонь; бывали случаи, когда он вообще отменял церемонию.

— А, что я вам говорил, Джеральд? — театральным шепотом произнес Непререкаемый Авторитет.— Вот она, подготовочка-то. Теперь он повернет дело по-своему и во всем обвинит нас же.— Авторитет сердито засопел.

Авторитет (его фамилия была Чиверс) начал действовать мне на нервы с той самой минуты, когда я появился на корабле. Я наклонился вперед и шепнул ему прямо в ухо:

— А если ребятишки пройдут сквозь огонь, у вас хватит духу последовать их примеру?

Да послужит вам это уроком! Учитесь бесплатно на моем дурном примере. Никогда не позволяйте болванам доводить вас до

потери здравого смысла. Уже через несколько секунд я обнаружил, что мой вызов обратился против меня и что (непонятно как) все трое — Авторитет, Скептик и Многоопытный Путешественник — заключили со мной пари на сотню долларов каждый, что это я не осмелюсь прогуляться через огненную яму, если дети пройдут сквозь огонь.

Переводчик еще раз попросил нас соблюдать тишину, а жрец и жрица вышли на угли — вот тогда-то все смолкли и, как я думаю, некоторые стали молиться. Во всяком случае, я молился. Внезапно оказалось, что я раз за разом повторяю неожиданно всплывшие в памяти строки:

...Пусть уснет моя грешная плоть.
Укрепи мою душу, Господь!..

Почему-то они казались мне очень подходящими к данному случаю.

Ни жрец, ни жрица через огонь не пошли: то, что они сделали, было куда удивительнее и (как мне кажется) гораздо опаснее. Они просто стояли босыми ногами в огненной яме и молились на протяжении нескольких минут. Я явственно видел, как шевелятся их губы. Время от времени старый жрец что-то сыпал на угли. Едва соприкоснувшись с углями, это что-то взлетало снопом искр.

Я старался рассмотреть, на чем же, собственно, они стоят — на углях или на камнях, но так и не смог ответить на этот вопрос, точно так же, как не могу сказать, что хуже, а что лучше. А старуха, высохшая, как давным-давно обглоданная кость, тихо и спокойно стояла среди пламени, сохраняя безмятежное выражение лица и не предпринимая никаких мер предосторожности, если не считать, что она подоткнула свою лава-лава, превратив ее в нечто вроде подгузника. Было очевидно — старуха больше боится за одежду, чем за свои ноги.

Три человека с шестами в руках растаскивали горящие поленья, стараясь выровнять поверхность угольного слоя и сделать ее плоской, упругой и удобной для тех, кто пойдет через яму. Все это безумно занимало меня, ибо я сам собирался через несколько секунд вступить в пламя — если, конечно, не струшу и не проиг-

раю пари. Мне казалось, что парни с шестами как бы прокладывают дорогу, которая позволит пересечь яму в длину по разбросанным там камням, а не по пышущим жаром углям. Во всяком случае, я на это надеялся.

Впрочем, затем я подумал — а какая, собственно, разница? — так как припомнил раскаленные солнцем тротуары, которые до пузырей обжигали мои босые ноги там, в Канзасе, в дни моего далекого детства. Что касается огня, то его температура составляет минимум семьсот градусов, камни же «варились» в нем в течение нескольких часов. При таких обстоятельствах нельзя сказать, что предпочтительнее,— сковорода или сам огонь.

А между тем голос разума нашептывал мне на ухо, что проигрыш трех сотен не такая уж высокая плата за то, чтоб выбраться из этой ловушки... Неужели же я предпочту весь остаток жизни ползать на двух хорошо прожаренных обрубках?

А не принять ли мне заранее таблетку аспирина?

Три парня кончили возиться с горящими поленьями и отошли к краю ямы слева от нас. Остальные жители деревни собрались за их спинами, включая и ребятишек, чтоб им было пусто! И о чем только думают родители, позволяя детям так рисковать? И почему те не пошли в школу, где им явно надлежит быть в такие часы?

Трое угольщиков гуськом пошли вперед; они двигались к центру ямы не торопясь, но и не замедляя шагов. За ними так же медленно и непоколебимо потянулась процессия туземцев-мужчин. Дальше шли женщины, среди которых была и юная мать с ребенком на бедре.

Когда порыв раскаленного воздуха коснулся младенца, тот заплакал. Не сбиваясь с размеренного шага, мать взяла его на руки и дала ему соску. Младенец умолк.

Последними шли дети — от девушек и юношей до ребятишек-дошколят. Позади всех шагала малышка (лет восьми? или девяти?), которая вела за руку совсем маленького братца с круглыми от удивления глазенками. Было ему не больше четырех, а одеждой служила лишь собственная кожа.

Я смотрел на мальчугана и проникался печальной уверенностью, что в самом ближайшем будущем меня поджарят в наилучшем виде; деваться мне явно было некуда. Один раз мальчуган

споткнулся, но сестра удержала его. И он пошел дальше своими маленькими отважными шажками. У дальнего конца ямы кто-то нагнулся и поднял его на край.

Вот и пришла моя очередь.

Переводчик обратился ко мне:

— Вы понимаете, что Полинезийское туристическое бюро не берет на себя ответственности за вашу безопасность? Огонь может опалить вас, может даже убить. Эти люди способны ходить сквозь огонь без вреда для себя, ибо они *веруют*.

Я сообщил ему, что тоже верую, втайне удивляясь, как можно так бесстыдно врать. Пришлось подписать бумагу, которую он мне протянул.

Время бежало стремительно, и чуть ли не в одно мгновение я оказался стоящим у края ямы с закатанными до колен брюками. Ботинки, носки, шляпа и бумажник остались у ее дальнего конца на скамейке, куда я их положил. Они стали моей целью, моим будущим призом... Интересно, если я не доберусь, их разыграют в лотерею или отправят моим ближайшим родственникам?

А переводчик продолжал:

— Идите прямо по центру. Не торопясь, но и не останавливаясь.— Тут его прервал великий жрец, и, выслушав его, мой наставник сказал: — Он говорит: не надо бежать, даже если вам начнет поджаривать пятки, потому что тогда вы споткнетесь и упадете. А в этом случае вам уже не встать. Он хочет сказать, что тогда вы умрете. Я же со своей стороны считаю долгом добавить, что вы вряд ли погибнете, ну разве что вдохнете пламя. Зато уж наверняка страшно обгорите. Поэтому не торопитесь и не падайте. Видите тот плоский камень, что лежит прямо перед вами? Это и есть ваша первая ступенька. Que le bon Dieu vous garde[1]. Удачи вам.

— Спасибо.

Я глянул на Непререкаемого Авторитета, который усмехался по-вурдалачьи, если предположить, что вурдалаки способны улыбаться. Я сделал ему ручкой этакий лихой жест и шагнул вниз.

Пожалуй, я сделал не меньше трех шагов, прежде чем осознал, что решительно ничего не ощущаю. И тут же понял, что одно чувство во мне все же сохранилось — страх. Мне было дико страш-

[1] Да хранит вас Бог *(фр.)*.

но. И хотелось оказаться где-нибудь в Пеории или даже в Филадельфии. Чтоб не торчать тут одному в этой гигантской дымящейся пустыне. Дальний конец ямы, казалось, отдалился от меня на расстояние целого городского квартала. Может, и больше. И я все еще тащился туда, молясь, чтоб паралич, лишивший меня всякой чувствительности, не заставил рухнуть, прежде чем я доберусь до своей далекой цели.

Я чувствовал, что задыхаюсь, и вдруг понял, что просто перестал дышать. И тогда я жадно вдохнул ртом, тут же пожалев о содеянном. Над гигантской огненной чашей воздух был насыщен раскаленным газом, дымом, двуокисью углерода и еще чем-то, что вполне могло быть зловонным дыханием самого Сатаны; кислорода же, в том количестве, о котором стоило говорить, тут, конечно, не было. Я выплюнул то, что вдохнул, и со слезящимися глазами и обожженной глоткой стал прикидывать, смогу ли добраться до дальнего конца, не сделав больше ни единого вдоха.

Боже, помоги мне! Ибо теперь я не видел противоположного края ямы. Дым поднимался клубами, и мои глаза не могли ни открыться, ни сфокусироваться на чем бы то ни было. Я вслепую рванулся вперед, старательно восстанавливая в памяти формулу покаяния на смертном одре, чтобы попасть на небеса, проделав все необходимые формальности.

А может, такой формулы вовсе и нет? Какое-то странное ощущение в пятках, колени подгибаются...

— Вам лучше, мистер Грэхем?

Я лежал на траве и смотрел на склонившееся надо мной доброе лицо цвета темной бронзы.

— Полагаю, что да,— ответил я.— А что произошло? Я все-таки дошел?

— Разумеется, дошли. И просто распрекрасно дошли. Однако в самом конце потеряли сознание. Но мы уже ждали вас, подхватили и вытащили. А теперь скажите, что случилось? Вы наглотались дыма?

— Возможно. Я получил ожоги?

— Нет. Впрочем, на правой ноге, может быть, и вскочит небольшой волдырь. Держались вы все время очень браво. Буквально

вплоть до обморока, который, вернее всего, был вызван отравлением дымом.

— Я тоже так думаю.— С его помощью я приподнялся и сел.— Не подадите ли мне носки и ботинки? Кстати, а где же все остальные?

— Автобус уже ушел. Великий жрец измерил вам пульс и проверил дыхание, но никому не позволил вас тревожить. Если человека, чей дух временно покинул его тело, стараться привести в чувство, дух может вовсе не вернуться в свое обиталище. Жрец твердо верит в это, и никто не осмелился ему возразить.

— И я не стал бы с ним спорить; чувствую себя прекрасно. Каким-то по-особенному отдохнувшим. Однако как же мне добраться до корабля?

Пятимильное путешествие через тропический рай наверняка покажется утомительным уже после первой мили. Особенно если пешедралом. И особенно если мои ступни действительно опухли. Ведь у них для этого есть основательные причины.

— Автобус вернется: нужно доставить туземцев на борт парохода, который отвезет их на остров, где они живут постоянно. После этого он может отвезти вас к вашему кораблю. Впрочем, можно сделать еще лучше. У моего двоюродного брата есть автомобиль. Он с удовольствием отвезет вас.

— Отлично. Сколько он за это возьмет? — В Полинезии такси повсюду невероятно дороги, особенно если вы сдаетесь на милость водителя, а у них, как правило, ничего похожего на это чувство отродясь не бывало. Однако мне показалось, что я могу позволить себе роскошь быть ограбленным, раз уж выхожу из этой истории с некоторым профитом. Три сотни долларов минус плата за такси... Я взял со скамьи свою шляпу.— А где мой бумажник?

— Ваш что?

— Мое портмоне! Я положил его в шляпу. Где оно? Это уже не шутка! Там были мои деньги. И визитные карточки.

— Ваши деньги? О! Votre portefeulle[1]. Прошу прощения. Мой английский оставляет желать лучшего. Офицер корабля, руководивший вашей экскурсией, взял его на хранение.

[1] Ваше портмоне *(фр.)*.

— Очень мило с его стороны. Но как я заплачу вашему брату? У меня нет ни франка!

В общем, мы договорились. Сопровождавший экскурсию офицер, понимая, что, забрав бумажник, оставляет меня без гроша, оплатил мою доставку на корабль вперед. Мой приятель-канак проводил меня до машины своего брата и представил последнему, что оказалось весьма затруднительно, так как у брата знание английского ограничивалось словами «О'кей, шеф», а я так и не разобрал, как звали кузена переводчика.

Его автомобиль был триумфом веры и упаковочной проволоки. Мы грохотали до пристани на полном газу, распугивая кур и легко обгоняя новорожденных козлят. Я почти потерял способность глядеть по сторонам, ибо был ошеломлен тем, что случилось перед самым нашим отъездом. Туземцы ожидали автобус, который должен был приехать за ними, и нам пришлось продираться через толпу. Вернее сказать, мы лишь попытались продраться. Меня зацеловали. Меня целовали все до единого. Мне уже приходилось наблюдать поцелуйный обряд полинезийцев, заменяющий здесь привычные нам рукопожатия, но впервые пришлось испытать его на себе.

Мой друг-переводчик пояснил:

— Вы вместе с ними прошли сквозь огонь и теперь стали почетным членом общества. Они жаждут заколоть для вас свинью. И задать в вашу честь пир.

Я постарался ответить сообразно обстоятельствам и одновременно объяснить им, что сначала должен вернуться домой, а дом лежит за «большой водой», а уж потом, в один прекрасный день, если позволит Господь, я вернусь сюда. На этом мы расстались.

Но ошеломило меня не столько это. Любой непредвзятый судья должен будет признать, что я достаточно широко смотрю на вещи и прекрасно понимаю, что в мире есть места, где моральные стандарты ниже американских и где люди не почитают за бесстыдство обнажать свое тело. Знаю я и то, что полинезийские женщины ходили голыми до пояса, покуда до них не добралась цивилизация. Да что там говорить! Я же почитываю иногда «National Geographic Magazine».

Однако я никак не ожидал *увидеть* это собственными глазами.

Перед тем как я прогулялся по раскаленным углям, жители деревни были одеты именно так, как вы думаете — преимущественно в юбочках из травы,— однако груди у женщин были прикрыты.

Но когда они целовали меня на прощание — все оказалось уже не так. Я хочу сказать, что свидетельства стыдливости были отброшены. Ну в точности, как в «National Geographic Magazine».

Признаться, я очень ценю женскую красоту. Эти восхитительные признаки женственности — если их рассматривать в соответствующей обстановке, когда шторы добродетельно задернуты — могут выглядеть весьма заманчиво. Но если вам сорок с лишком (нет, ровно сорок!) — это уж явно перебор. Я увидел женских бюстов больше, чем когда-либо видел за один раз, а может быть, и за всю жизнь. Во всяком случае, вполне достаточно, чтобы довести Евангелическое епископальное общество содействия поддержанию целомудрия и морали в его полном составе до коллективного умопомрачения.

Вот если бы меня предупредили хоть немного загодя, я наверняка воспринял бы сей новый для меня опыт с удовольствием. А в том виде, как получилось, опыт оказался слишком нов, слишком обилен для переваривания и слишком скоротечен; извлечь из него удовольствие можно было лишь ретроспективно.

Наш «роллс-ройс», наконец, со скрипом остановился, благодаря совместным усилиям ножных и ручных тормозов, а также компрессора. Я с трудом очнулся. Мой водитель объявил:

— О'кей, шеф!

— Это не мой корабль! — воскликнул я.

— О'кей, шеф?

— Ты привез меня не к тому причалу. Хм... причал-то вроде прежний, но корабль совсем другой! — В этом я был абсолютно уверен. Теплоход «Конунг Кнут» имел белые борта и надстройки, а также щеголеватые фальшивые трубы. Эта же посудина была выкрашена преимущественно в красный цвет, и на ней торчали четыре черные трубы. Наверное, это не теплоход, а пароход. И стало быть, он устарел уже много-много лет назад.— Нет! Нет!!!

— О'кей, шеф. Votre vapeur... voila![1]

— Non![2]

[1] Ваш пароход... вот он! *(фр.)*

[2] Нет *(фр.)*.

— О'кей, шеф.

Он вылез наружу, обошел машину, открыл дверь с той стороны, где сидят пассажиры, схватил меня за руку и сильно потянул. Хотя я был в приличной форме, но его рука оказалась отлично натренированной, благодаря постоянным упражнениям в плавании, лазании за кокосовыми орехами, вытаскивании рыболовных сетей и туристов, которые не желают выходить из такси. Так что мне пришлось выйти.

Он прыгнул в машину, крикнул: «О'кей, шеф! Merci bien! Au'voir»[1] — и был таков.

Хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться вверх по сходням незнакомого корабля, дабы разузнать, если удастся, о том, что случилось с «Конунгом Кнутом». Когда я поднялся на борт, младший офицер, который нес вахту у трапа, отдал честь и произнес:

— Добрый день, мистер Грэхем. Мистер Нильсен оставил для вас пакет. Минуточку...— он поднял крышку бюро и вытащил большой коричневый пакет из плотной бумаги.— Вот, пожалуйста, сэр.

На конверте было написано «А.Л. Грэхему, каюта С-109». Я вскрыл конверт и обнаружил в нем потрепанный бумажник.

— Все в порядке, мистер Грэхем?

— Да, благодарю вас. Передайте мистеру Нильсену, что я все получил, ладно? И заодно мою глубокую благодарность...

— Разумеется, сэр.

Я заметил, что это палуба «D», поднялся на один пролет, чтобы найти каюту С-109.

Однако в порядке было далеко не все. Мое имя не Грэхем.

2

Что было, то и будет,
и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.

Книга Екклесиаста 1,9

Благодарение Господу, на всех кораблях типовая система нумерации кают. Поэтому каюта С-109 находилась именно там, где

[1] Большое спасибо! До свидания! *(фр.)*

и должна была находиться,— на палубе С, в начале правого ряда кают, между С-107 и С-111. Я добрался до нее, не встретив никого из посторонних. Подергал дверную ручку — закрыто. Видно, мистер Грэхем прислушивался к советам корабельного эконома закрывать дверь на ключ, особенно во время стоянки в портах.

Ключ,— подумал я мрачно,— наверняка лежит в кармане штанов мистера Грэхема. А где же сам мистер Грэхем? Приготовился схватить меня при попытке залезть в его каюту? Или пытается открыть мою каюту в ту самую минуту, когда я пробую войти в его?

Имеется ничтожный, но все же не совсем нулевой шанс, что к чужому замку может подойти любой ключ. В моем кармане лежал ключ от каюты на теплоходе «Конунг Кнут». Я решил его попробовать.

Что ж — попытка не пытка. Пока я стоял, размышляя, что же делать дальше — плюнуть на все или помереть на этом самом месте,— за моей спиной раздался нежный голосок:

— О мистер Грэхем!

Это была очаровательная юная особа в костюме прислуги. Она скользнула ко мне, взяла висевший у нее на поясе универсальный ключ и открыла дверь каюты 109, продолжая щебетать:

— Маргрета просила меня присмотреть за вами. Она сказала, что вы забыли ключ от каюты на столике. Она там его и оставила, но велела мне дождаться вас и открыть вам дверь.

— Вы очень любезны, мисс... э-э-э...

— Меня зовут Астрид. Я обслуживаю такие же каюты по левому борту, Марга и я помогаем друг другу. Сегодня ей захотелось прогуляться на берег.— Она распахнула дверь.— Вам больше ничего не нужно, сэр?

Я поблагодарил ее, и она ушла. Потом закрыл дверь на ключ и на задвижку и, рухнув в кресло, буквально затрясся от перенесенного ужаса.

Минут через десять я встал, прошел в туалет и умылся ледяной водой. Я все еще ничего не понимал и, как и прежде, был испуган, но нервы уже не трепетали, подобно флагу на сильном ветру. Уже с того момента, как я стал подозревать, что происходит нечто исключительно странное, мне удалось держать себя в руках. Когда же это началось? Тогда, когда мне показалось, что все

происходящее в огненной яме выглядит нереальным? Или позже? С полной уверенностью можно было утверждать, что это уже случилось, когда я увидел, что один корабль водоизмещением в двадцать тысяч тонн подменен другим.

Мой родитель, бывало, говаривал мне: «Алекс, нет ничего плохого в том, что ты трусишь... Разумеется, если ты не позволишь страху подчинить себя и ничем не выдашь боязни до тех пор, пока опасность не окажется позади. Даже истерике можно дать волю... но только потом, когда рядом уже никого не будет. Слезы вовсе не свидетельствуют об отсутствии мужества, если ты прольешь их в ванной за запертой дверью. Разница между трусом и храбрецом заключается главным образом в умении правильно распределить свои эмоции во времени».

Я не такой, каким был мой отец, но все же стараюсь следовать его советам. Если вы научились не подскакивать в воздух, когда взрываются ракеты фейерверка или что-то в этом роде, то у вас появляется неплохой шанс продержаться на плаву, пока опасность не минует.

Опасность еще не прошла, но я явно выиграл от катарсиса, вызванного хорошей порцией мандража. Теперь я мог рассуждать спокойно.

Гипотезы:

а) что-то невероятное случилось с окружающим меня миром;

б) что-то невероятное произошло с Алексом Хергенсхаймером; его следует запереть на ключ и дать ему успокоительное.

Третью гипотезу придумать не удалось, поскольку эти две неплохо соответствовали всем основным фактам. Тратить время на второе предположение тоже не стоило. Ежели я начну разводить змей в собственной шляпе, то окружающие сразу заметят это, заявятся сюда со смирительной рубашкой и посадят меня в симпатичную комнату с обитыми войлоком стенами.

Поэтому давайте-ка предположим, что я нахожусь в здравом уме (или близко к тому — сейчас небольшая доза безумия была бы даже полезна). Если со мной все о'кей, то, значит, крыша поехала не у меня, а у всего мира. Будем разбираться по порядку.

Бумажник. Он не мой. Большинство бумажников похожи друг на друга, и этот весьма схож с тем, который был у меня раньше.

Но когда носишь бумажник несколько лет, то к нему привыкаешь и он становится действительно *твоим*. Я сразу же понял, что этот не мой. Только мне не хотелось противоречить младшему офицеру, который явно признал во мне мистера Грэхема.

Я вынул бумажник Грэхема и раскрыл его.

Несколько сот франков — сколько точно, посчитаем потом.

Восемьдесят пять бумажных долларов — законное платежное средство в Соединенных Штатах Северной Америки.

Водительское удостоверение, выданное А.Л. Грэхему.

Были там еще какие-то бумажки, но я наткнулся на вложенную в специальное окошечко машинописную карточку, один вид которой бросил меня в ледяной пот.

«Нашедший этот бумажник может оставить себе деньги в качестве вознаграждения, если он окажется столь любезен, что вернет бумажник А.Л. Грэхему, каюта С-109, пароход "Конунг Кнут" датско-американской линии, или корабельному эконому, или любому другому агенту этой линии. Заранее благодарен. А.Л.Г.».

Теперь я точно знал, что случилось с моим «Конунгом Кнутом»: он попросту превратился в совершенно другой корабль.

А может быть, изменения произошли со мной? В самом деле, действительно ли изменился мир, а вместе с ним и корабль? Или же существовали два мира, и я сквозь пламя каким-то образом проник из одного в другой? А может быть, на самом деле были два человека, которые почему-то обменялись судьбами? Или же Алекс Хергенсхаймер трансформировался в Алека Грэхема, а теплоход «Конунг Кнут» в пароход «Конунг Кнут»? Причем одновременно Северо-Американский Союз стал Соединенными Штатами Северной Америки!

Отличные вопросы! Как я рад, что вы их задали. Ну а теперь, дети, если у вас нет других вопросов...

Когда я учился в средней школе, тогда издательства выпускали уйму тонких журнальчиков, печатавших фантастические рассказы, и не только про привидения, а просто про самые загадочные случаи. Сказочные корабли, прокладывающие путь сквозь эфир к другим планетам; удивительные изобретения; путешествия к центру земли; другие «измерения»; летательные машины; энергия распада атомов; чудовища, выведенные в секретных лабораториях.

Я частенько покупал эти журнальчики и прятал их в обложках «Спутника юности» и «Молодого крестоносца», инстинктивно понимая, что мои родители не одобрят подобных увлечений и конфискуют мои покупки. А я такие истории просто обожал. Равно как и мой непутевый дружок Берт.

Конечно, долго так продолжаться не могло. Сначала появилась передовица в «Спутнике юности» — «Вырвать с корнем отравляющий души яд!» Потом наш пастор — брат Дрейпер — прочел проповедь, направленную против разлагающего разум «хлама», сравнивая его со зловредным влиянием сигарет и самогонки. Затем уж и наш штат объявил такие публикации вне закона, воспользовавшись Доктриной «Поддержания высоких стандартов общинной морали» и даже не дожидаясь принятия федерального закона и соответствующих административных распоряжений.

А ящик с журналами, который я, казалось, так надежно упрятал на чердаке, куда-то исчез. Хуже того, труды мистера Г.Дж. Уэллса и мистера Жюля Верна, равно как и некоторых других, были изъяты из нашей публичной библиотеки.

Следует восхищаться мотивами, подвигшими наших духовных лидеров и выборных лиц на поиск путей, способных защитить умы молодежи. Как указывал доктор Дрейпер, в Божьей книге[1] вполне хватает увлекательнейших и захватывающих дух историй, чтобы удовлетворить интересы любого мальчишки или девчонки в нашей стране. А потому во всей этой глупейшей макулатуре просто нет нужды. Он вовсе не призывал установить цензуру на книги для взрослых — он имел в виду лишь впечатлительную молодежь. Если человек зрелых лет желает читать какую-то фантастическую дребедень, то пусть сам и страдает от грозящих ему последствий, хотя лично он — Дрейпер — не может поверить, что какого-нибудь взрослого человека подобное чтиво сможет чем-то привлечь.

Думаю, я был одним из этих несчастных впечатлительных юношей, ибо мне и по сей день очень недостает таких историй.

Особенно хорошо мне запомнилось произведение мистера Уэллса под названием «Люди как боги». Там какие-то люди едут на автомобиле в тот самый момент, когда происходит взрыв, и вдруг обнаруживают, что попали в другой мир, довольно схожий

[1] То есть в Библии.

с их собственным, но лучше. Они встречаются с местными жителями, которые разъясняют им что-то насчет параллельных вселенных, четвертого измерения и прочего в том же роде. Все это содержалось в первой части романа. Сразу же после того, как она вышла из печати, в штате приняли закон о защите нашего юношества, так что продолжения я не видел.

Один из моих преподавателей английской литературы, не делавший тайны из своего неприятия цензуры, как-то сказал, что мистер Уэллс был родоначальником всех главных направлений научной фантастики. И назвал это произведение источником концепции множественных вселенных. Я хотел спросить профа, не знает ли он, где можно найти экземпляр этого романа, но отложил разговор до конца семестра, когда я уже официально буду считаться «зрелым человеком»... Ну и опоздал: академический сенатский комитет по вопросам веры и морали провалил продление контракта с этим профессором, и он покинул нас, даже не дождавшись конца семестра.

Не случилось ли со мной чего-то похожего на то, что описано мистером Уэллсом в книге «Люди как боги»? Может быть, мистер Уэллс обладал даром святого предвидения? И может быть, люди и в самом деле когда-нибудь доберутся до Луны? Невероятно!

Но разве это более невероятно, чем то, что произошло со мной?

Как там ни верти, а я находился на борту «Конунга Кнута» (хотя это и был *не мой* «Конунг Кнут»), и объявление возле сходней гласило, что корабль отплывает в шесть часов вечера. А время шло, и мне надлежало как можно скорее решить, что делать дальше.

Что же делать? Итак, мой корабль — теплоход «Конунг Кнут» — куда-то исчез. Но команда (во всяком случае часть ее) парохода «Конунг Кнут», видимо, готова признать во мне мистера Грэхема — своего пассажира. А если Грэхем появится на пароходе? (Ведь это может произойти в любую минуту.) И потребует отчета, что я делаю в его каюте?

Или же сойти на берег (это очень легко) и отправиться к местным властям со своей проблемой?

Алекс, французская колониальная администрация будет в восторге от тебя! Ни багажа, кроме той одежды, что на тебе, ни денег (ни единого су!), даже паспорта и того нет. О! Они придут в такой

восторг, что обеспечат тебе и помещение, и содержание до конца твоей жизни... в подземной темнице с решеткой вместо крыши!

Но в бумажнике же есть деньги!

Вот как? А не приходилось ли тебе слышать о восьмой заповеди? Это же *его* деньги!

Но ведь вполне можно предположить, что он прошел сквозь огонь в то же мгновение, что и ты — с этой стороны, из этого мира, или как там его назвать, иначе его бумажник вряд ли дожидался бы тебя тут. Значит, он теперь завладел *твоим* бумажником. Кажется, логично?

Послушай, мой туповатый друг, ты думаешь, логика приложима к тому дурацкому положению, в которое мы вляпались?

Ну-у-у...

Отвечай же!

Нет, пожалуй, нет. Ну а если так... затаись в этой каюте. Если Грэхем появится до отплытия, тебя наверняка выкинут с корабля, это уж точно. Но ведь и тогда тебе будет нисколько не хуже, чем если бы ты сошел с него сам, сейчас. А если *он не появится*, ты займешь его место и доберешься, по крайней мере, до Папеэте. Город большой. Твои шансы овладеть ситуацией там будут куда лучше, чем здесь. Там и консул есть, и все такое прочее.

Ладно. Уговорил.

На пассажирских судах обычно издаются для пассажиров ежедневные газеты — просто одна-две странички, заполненные такой интригующей информацией, как «Сегодня в десять утра состоится учебная шлюпочная тревога. Всех пассажиров просим...» или «Вчерашний выигрыш в соревнованиях по отгадыванию пройденного за день расстояния достался миссис Эфраим Глютц из Бетани, Айова»; иногда печатаются и кое-какие новости, почерпнутые из перехваченных радистами сообщений. Я стал искать судовую газету и буклет «Приветствуем вас на борту». Последний (возможно, здесь он называется иначе) должен дать пассажиру, только что оказавшемуся на корабле, представление об этом сложном маленьком мирке: фамилии офицеров, расписание трапез, местонахождение парикмахерской, прачечной, столовой, сувенирной лавки (сюрпризы для розыгрышей, журналы,

зубная паста), как вызывать горничную, планы корабельных палуб, место, где находится предназначенная для вас спасательная лодка, как узнать свое место в столовой...

Место в столовой! Ох! Пассажиру, пробывшему на борту хоть один день, ни к чему расспрашивать, за каким столом он сидит. Именно на таких вот мелочах и можно погореть. Ничего. Придется идти напролом.

Буклет для прибывающих оказался в ящике письменного стола Грэхема. Я перелистал его, намереваясь запомнить все основные данные, прежде чем покинуть каюту,— если, конечно, останусь на борту, когда корабль отойдет от причала,— а затем отложил его в сторону, ибо нашлась и судовая газета.

Именовалась она «Королевский скальд», и Грэхем, благослови его Бог, сберег все номера, начиная с того дня, когда он поднялся по сходням корабля в Портленде, штат Орегон. Это я вычислил, исходя из данных о месте и времени выпуска самого раннего номера. Следовательно, Грэхем взял билет на весь круиз — обстоятельство, которое могло сыграть весьма важную роль для меня. Я-то намеревался вернуться домой тем же путем, каким и прибыл, то есть на воздушном корабле. Но если дирижабль-лайнер «Адмирал Моффет» и существовал в этом мире, или измерении, или как его там, то у меня все равно не было на него билета, равно как и денег, чтобы купить таковой. Что могут сделать французские колониальные власти с пассажиром, у которого в кармане ни гроша? Поджарить на костре? Или вздернуть, а потом четвертовать? Выяснять это я отнюдь не стремился. А грэхемовский билет на весь круиз (если допустить, что он существует) мог оградить меня от необходимости заняться подобным выяснением.

(Если, конечно, Грэхем не появится в ближайшие минуты и пинком не вышвырнет меня с корабля.)

Я не стал рассматривать возможность остаться в Полинезии. Перспектива стать бичкомбером в Бора-Бора или Муреа могла быть привлекательной лет сто тому назад, но сегодня единственная бесплатная вещь на этих островах — заразные болезни.

Конечно, в Америке я бы тоже мог попасть в положение, в котором чувствовал бы себя таким же нищим и чужим, как здесь, но мне все же казалось, что на родине было бы лучше. Точнее, на родине мистера Грэхема.

Я перечитал кое-какие радиосообщения, но ничего не понял, а потому отложил их для дальнейшего изучения. То немногое, что из них все же удалось извлечь, как-то не утешало. Где-то глубоко во мне, видимо, таилась совершенно лишенная логики надежда, что все случившееся со мной — просто чудовищная путаница и постепенно все как-нибудь наладится (только не спрашивайте меня — как). Однако прочитанное свело мою надежду к нулю.

Ну скажите на милость, что это за мир, где президент Германии наносит визит в Лондон? В моем мире Германией правит кайзер Вильгельм IV. А президент для Германии звучит так же нелепо, как король для Америки.

Может, это и неплохой мир... но это не тот мир, в котором я родился. Во всяком случае, если судить по этим загадочным сообщениям.

Отложив в сторону пачку «Королевского скальда», я заметил на листке с меню сегодняшнего обеда пометку: «Вечерний костюм обязателен».

Я не удивился: «Конунг Кнут» в своем предыдущем воплощении был в высшей степени чопорным. Если корабль находился в море, от вас ожидали появления в черном галстуке. Если же вы его не надевали, вам давали понять, что таким людям лучше обедать в своей каюте.

Смокинга у меня не было — наша церковь не поощряет суетности,— поэтому я пошел на компромисс, надевая в рейсе к обеду синий саржевый костюм с белой сорочкой и черной бабочкой на резинке. Никто не возражал. Просто на меня не обращали внимания, ибо я и без того сидел «ниже солонки», поскольку прибыл на судно только в Папеэте.

Мне захотелось посмотреть, нет ли у мистера Грэхема темного костюма. И черного галстука.

У мистера Грэхема оказалась уйма одежды, куда больше, чем у меня когда-либо. Я примерил спортивный пиджак, он пришелся мне почти впору. Брюки? Длина вроде о'кей, а вот насчет пояса я не был уверен. Примерять же пару и рисковать быть пойманным Грэхемом с ногой, сунутой в его же собственные брюки, мне не хотелось. Да и что полагается говорить в подобных случаях? «Привет! Я тут вас дожидался и решил скоротать время, примеряя ваши штаны»? Не слишком-то убедительно.

У него был не один смокинг, а целых два: один — обычный черный, другой — темно-бордовый. Я никогда и не слыхивал об этакой экстравагантности.

А вот бабочки на резинке я так и не нашел. Черных галстуков насчитывалось несколько штук. Да только я не имел ни малейшего представления, как завязывают бабочку.

Я глубоко вздохнул и горестно задумался над этой сложной проблемой.

Раздался стук в дверь. Если я не выскочил из собственной шкуры, то только лишь по чистой случайности.

— Кто там? (Честное слово, мистер Грэхем; я тут вашего прихода дожидался!)

— Горничная, сэр.

— О, входите, входите!

Я услышал, как она звенит ключом, и тут же вскочил, чтобы отодвинуть задвижку.

— Извините, совсем забыл, что закрыл и на задвижку. Пожалуйста, заходите.

Маргрета оказалась примерно того же возраста, что и Астрид, но выглядела моложе и привлекательнее со светлыми как лен волосами и веснушками на носу. Она говорила на выученном по учебнику английском с каким-то милым акцентом. В руках Маргрета держала платяную вешалку с белым пиджаком.

— Ваш обеденный костюм, сэр. Карл сказал, что второй пиджак будет готов завтра.

— О, большое спасибо, Маргрета! Я о нем начисто позабыл.

— Я была уверена, что позабудете. Поэтому вернулась на борт чуть пораньше — пока прачечная не закрылась. И очень рада, что так поступила. Для темного костюма сегодня слишком жарко.

— Вам не следовало торопиться из-за меня — эдак вы меня совсем избалуете.

— А я люблю заботиться о наших гостях. И вам это хорошо известно.— Она повесила пиджак в шкаф и пошла к двери.— Я зайду попозже, чтобы завязать вам галстук. В шесть тридцать, как обычно, сэр?

— В шесть тридцать годится, а теперь который час? (Будь оно неладно, мои часы пропали одновременно с теплоходом «Конунг Кнут»; на берег я их не брал).

— Уже почти шесть...— Маргрета замешкалась.— Пожалуй, будет лучше, если до ухода я приготовлю вашу одежду. У вас и так мало времени.

— Моя милая девочка! Но это же не входит в ваши обязанности!

— Нет. Но я сделаю это с удовольствием,— она выдвинула ящик комода, вынула оттуда фрачную сорочку и положила ее на мою (Грэхема) кровать.— И вы знаете почему!

С энергической компетентностью человека, точно знающего, где и что лежит, она выдвинула маленький ящик стола, до которого у меня еще руки не дошли, достала оттуда кожаный футляр, вынула из него и положила рядом с рубашкой часы, кольцо и запонки, продела запонки в манжеты, выложила на подушку чистое нижнее белье и черные шелковые носки, поставила возле стула вечерние туфли, вложив в одну из них рожок, взяла из шкафа смокинг, повесила его вместе с черными отглаженными брюками (подтяжки уже пристегнуты) и темно-красным жилетом на дверцу гардероба. Окинув взглядом это великолепие, добавила к стопочке вещей на подушке воротничок с отогнутыми уголками, черный галстук и свежий носовой платок; снова посмотрела, положила возле часов и кольца ключ от каюты и бумажник, опять оценила все острым взглядом и удовлетворенно кивнула:

— Пора бежать, иначе я пропущу обед. Вернусь, когда надо будет завязывать галстук,— и исчезла. Но не убежала, а словно ускользнула.

Маргрета была абсолютно права. Если бы она не приготовила все, что нужно, мне пришлось бы куда как туго. Одна сорочка чего стоила — она была из тех, что застегиваются неизвестно как на спине. Я таких в жизни не нашивал.

Спасибо еще, что Грэхем пользовался обыкновенной безопасной бритвой. К шести пятнадцати я соскоблил выросшую с утра щетину, принял душ (что было совершенно необходимо) и смыл копоть с волос.

Его туфли оказались мне в самый раз, как будто я сам разнашивал их. А вот брюки были в поясе узковаты. Датский корабль — не то место, где можно сбросить вес, а я пробыл на теплоходе «Конунг Кнут» целых две недели. Я все еще сражался с проклятой рубашкой, что надевается задом наперед, когда Маргрета вошла в каюту, воспользовавшись собственным универсальным ключом.

Она подошла ко мне и сказала:

— Стойте смирно,— и быстро застегнула все пуговицы, до которых я не мог дотянуться, затем укрепила, с помощью предназначенных для этого запонок, дьявольский воротничок и повесила мне на шею галстук.— Теперь, пожалуйста, повернитесь.

Завязывание бабочки — операция, напрямую связанная с магией, но, видно, Маргрета знала все необходимые заклинания.

Она помогла мне надеть жилет, подала пиджак, осмотрела с ног до головы и объявила:

— Что ж, пожалуй, сойдет. И я горжусь вами; за обедом девчонки только и говорили, что о вас. Жаль, не пришлось видеть самой. Вы очень смелый.

— Какое там смелый! Просто глупый. Начал болтать, когда следовало держать язык за зубами.

— Нет, смелый. Мне пора — Кристина сторожит мою порцию вишневого торта, и, если я задержусь, кто-нибудь его обязательно слопает.

— Бегите. И огромное спасибо. Торопитесь и не упустите свой торт.

— А вы не думаете мне заплатить?

— О! А какую плату вы хотели бы получить?

— Не дразните меня!

Она придвинулась ближе еще на несколько дюймов и подняла ко мне лицо. Не так-то уж много я знаю о девушках (а кто знает много?), но тут все было яснее ясного. Я бережно взял ее за плечи, поцеловал в обе щеки, поколебался ровно столько, чтобы убедиться, что она не сердится и даже не удивлена, а затем влепил поцелуй прямехонько посередине. Губы были теплые и мягкие.

— Вы эту плату имели в виду?

— Да, конечно. Но вы умеете целоваться и получше. Знаете ведь, что умеете.

Она выпятила нижнюю губку и скромно опустила глаза.

— Ну, держитесь!

Да, я умею целоваться и получше. Или, вернее, умел в те времена, когда нам частенько приходилось прибегать к поцелуям такого рода. Позволив Маргрете играть роль ведущего и радостно кооперируясь с нею во всем, что, как ей казалось, повышает качество поцелуя, я за несколько минут узнал о поцелуях больше, чем за всю жизнь.

В ушах у меня звенело.

После того как мы оторвались друг от друга, она на миг замерла в моих объятиях, затем невозмутимо посмотрела на меня.

— Алек,— сказала она тихонько,— никогда еще ты не целовал меня так здорово. Божественно! Ну а теперь я побегу, а то ты из-за меня опоздаешь к обеду.

Она выскользнула из моих объятий, выскочила за дверь как всегда в мгновение ока.

Я внимательно рассмотрел свое отражение в зеркале. Никаких следов. А вообще-то столь страстные поцелуи вполне могли оставить кое-какие следы!

Что же за личность этот Грэхем? Носить его одежду я могу, но осмелюсь ли я позаимствовать и его женщину? А она действительно его женщина? Кто знает! Во всяком случае, не я. Был ли он развратником и бабником? Или я вломился в совершенно невинный, хотя и несколько опрометчивый роман?

Нельзя ли мне вернуться назад тем же путем — через огненную яму?

Вопрос лишь в том — хочу ли я этого?

Идешь на корму, пока не достигнешь главного трапа, потом спускаешься на две палубы вниз и снова идешь в сторону кормы — так было указано на пароходных планах буклета.

Нет проблем! Человек у двери столовой, одетый примерно так же, как и я, но с меню под мышкой, был, вероятно, старшим официантом или главным стюардом столового салона. Он подтвердил мою догадку, улыбнувшись широко и профессионально.

— Добрый вечер, мистер Грэхем.

Я остановился:

— Добрый вечер. Что это за изменения в размещении пассажиров за столиками? Где я должен сидеть? (Хватайте быка за рога, и в худшем случае вы хотя бы удивите его).

— Это не навсегда, сэр. Завтра вы опять будете есть за четырнадцатым столиком. А сегодня капитан просит вас пожаловать за его стол.

Он подвел меня к огромному столу, занимавшему середину салона, и начал было усаживать по правую руку капитана, но капитан встал и принялся аплодировать. Все, кто сидел за этим столом, последовали его примеру, к ним присоединились остальные, собравшиеся в большом зале, которые, как мне показалось, стоя приветствовали меня. Кое-где даже звучали восторженные выкрики.

За обедом я сделал два важных открытия. Первое — совершенно очевидно, Грэхем выкинул тот же глупый номер, что и я (тем не менее, неясность, было ли нас двое или я был в единственном числе, все же́ оставалась; этот вопрос я решил отложить в самый долгий ящик).

Второе, но самое важное — не пейте ледяной ольборгский аквавит на пустой желудок, особенно если вы, подобно мне, воспитаны в духе трезвости.

3

Вино глумливо, сикера — буйна...
Книга притчей Соломоновых 20,1

Я не хочу возводить напраслину на капитана Хансена. Мне приходилось слышать, что скандинавы, насыщая свою кровь этанолом, делают ее похожей на антифриз, чтобы легче переносить долгие суровые зимы, а потому они плохо понимают людей, которым от крепких напитков делается нехорошо. Кроме того, никто за руки меня не держал, никто не зажимал мне ноздри, никто насильно не лил мне спирт в глотку. Последнее проделал я сам.

Наша церковь не придерживается взгляда, что плоть слаба, а грех по-человечески понятен и извинителен. Грех может быть прощен, но отнюдь не с легкостью. Прощение еще надо заслужить. А потому грешнику надлежит выстрадать свое искушение.

Кое-что об этих страданиях мне еще предстояло узнать. Мне говорили, что они называются похмельем.

Во всяком случае, так их называл мой дядюшка-выпивоха. Дядя Эд утверждал, что человеку никогда не бывать трезвенником, если он не пройдет полного курса пьянства, ибо иначе, ежели соблазн встанет на его пути, он не будет знать, как с этим самым соблазном управиться.

Возможно, я смог бы служить доказательством истинности данного положения дяди Эда. В нашем доме на него всегда смотрели как на источник неприятностей, и, если бы он не был маминым братом, отец не пустил бы его даже на порог. Да его и так никогда не уговаривали погостить подольше и не упрашивали вернуться поскорее.

Не успел я сесть за стол, как капитан предложил мне стакан аквавита. Стаканы, из которых пьют этот напиток, невелики; их, скорее, можно назвать маленькими, в этом-то и скрыта главная опасность.

Именно такой стаканчик капитан держал в руке. Он поглядел мне прямо в глаза и сказал:

— За нашего героя! Skal![1] — запрокинул голову и выплеснул содержимое стакана в рот.

По всему столу эхом разнеслось: «Skal!» — и каждый из сидевших опрокинул свой стакан так же лихо, как капитан.

Ну и я тоже. Должен сказать, что положение почетного гостя налагает определенные обязанности — «если живешь в Риме...» и так далее. Но истина в том, что у меня просто не хватило настоящей силы воли, чтобы отказаться. Я сказал себе: «Такой маленький стаканчик не может повредить» — и осушил его одним глотком.

И в самом деле, ничего не произошло. Аквавит прошел отлично. Приятный, холодный как лед глоток, оставивший после себя острый привкус пряностей, среди которых выделялась лакрица. Я не знал, что именно пью, и не был даже уверен, что это алкоголь. Во всяком случае, мне он таковым не показался.

Мы сели, кто-то поставил передо мной тарелку с едой, и личный стюард капитана налил мне еще стаканчик шнапса. Я уже собрался приняться за еду — восхитительные датские закуски из

[1] Ваше здоровье *(дат.)*.

тех, что обычно входят в ассортимент smorgasbord[1],— когда кто-то дотронулся до моего плеча.

Я поднял глаза — это был Многоопытный Путешественник.

Рядом с ним стояли Авторитет и Скептик.

Имена у них теперь были другие. Некто (или нечто), превративший мою жизнь в запутанную головоломку, особо далеко в данном случае не пошел. Джеральд Фортескью, например, теперь стал Джереми Форсайтом. Несмотря на мелкие изменения, я без труда узнал каждого из них, а новые имена были достаточно сходны со старыми — показатель того, что кто-то или что-то продолжает свой розыгрыш.

(Но тогда почему моя новая фамилия так сильно отличается от фамилии Хергенсхаймер? В звучании имени Хергенсхаймер есть особое достоинство, я бы сказал, в нем слышны отголоски известного величия. А Грэхем — имечко так себе).

— Алек,— сказал мистер Форсайт,— мы недооценили вас. Дункан, и я, и Пит с радостью признаем это. Вот три тысячи, которые мы вам должны, и...— он протянул руку, которую до сих пор держал за спиной; в ней оказалась здоровенная бутылка,— вот самое лучшее шампанское, какое только есть на пароходе, как знак нашего уважения.

— Стюард! — крикнул капитан.

И тот же стюард, ведавший напитками, двинулся вокруг нашего стола, наполняя стаканы всех сидевших. Но еще до этого обнаружилось, что я снова стою и трижды под возгласы «Skal!» опустошаю стаканчики аквавита — по одному за здоровье каждого проигравшего,— а в другом кулаке сжимаю три тысячи долларов (долларов Соединенных Штатов Северной Америки). У меня не было времени разбираться, почему три сотни вдруг превратились в три тысячи, что, впрочем, было не более странно, чем то, что случилось с «Конунгом Кнутом».

Капитан Хансен приказал официантке приставить к столу стулья для Форсайта и его компании, но все трое отказались на том основании, что жены и соседи по столам ждут их возвращения. Да и у нас места маловато. Для капитана Хансена все это не имело ни

[1] Особая сервировка холодных закусок (так называемый шведский стол).

малейшего значения. Он был настоящий викинг, величиной чуть меньше дома: дай ему молот, и он вполне сойдет за Тора — мышцы у него были даже там, где у обычных мужчин их отродясь не бывает. Так что с ним особенно не поспоришь.

Впрочем, он добродушно согласился на компромисс — они вернутся к своим столам и кончат обед, но сначала присоединятся к капитану и ко мне и вознесут благодарность Седраху, Мисаху и Авденаго — ангелам-хранителям нашего доброго друга Алека. И весь наш стол, как один человек, будет участвовать в этом...

— Стюард!

И все мы трижды прокричали «Skal!», выделяя из всех миндалин антифриз в невероятном количестве.

Вы все еще считаете? Думаю, уже стаканчиков семь. Можете перестать считать. Именно в этом месте я потерял счет выпитому. Ко мне стало возвращаться то отупение, которое я ощутил на половине пути через огненную яму.

Заведующий напитками стюард кончил разливать шампанское и, повинуясь знаку капитана, добавил к первой бутылке новые. Снова пришла моя очередь произносить тосты,— я рассыпался в комплиментах трем проигравшим, после чего все выпили за капитана Хансена и за добрую посудину «Конунг Кнут».

Капитан поднял бокал за Соединенные Штаты, и все обедающие встали и выпили вместе с ним; тогда я счел необходимым предложить тост за датскую королеву, что вызвало новые тосты в мою честь, и капитан потребовал, чтобы я произнес речь.

— Расскажите, как вы чувствовали себя в печи огненной.

Я попытался отговориться, но кругом оглушительно гремели крики всех присутствующих: «Речь! Речь!»

Я с трудом поднялся, стараясь припомнить, о чем говорил на последнем ужине, организованном с целью сбора средств для поддержания заморских миссий. Речь ускользала от меня. Наконец, я сказал:

— А!!! Вздор! Тут и говорить не о чем. Только приклоните ухо ваше к земле, налягте плечом на штурвал, поднимите глаза к звездам, и вы с легкостью сделаете то же самое. Спасибо вам, спасибо всем, а в следующий раз мы все до единого соберемся у меня дома.

Кругом кричали, снова орали «Skal!» — уж и не помню сейчас, по какому поводу,— и тут леди, которая сидела слева от капитана,

подошла ко мне и расцеловала, после чего все прочие леди, сидевшие за капитанским столом, сгрудились вокруг меня и принялись обцеловывать. Это, видимо, воодушевило остальных дам в салоне, так как из них сформировалась целая процессия, направившаяся ко мне за поцелуями, но по пути целовавшая капитана; а может быть, порядок был обратный.

Во время этого парада кто-то унес мою тарелку с бифштексом, относительно которого я строил некоторые планы. Правда, я не слишком горевал о потере, так как бесконечная оргия лобзаний ошеломила меня и погрузила в изумление, ничуть не меньшее, чем история с туземками, которые прошли по углям.

Потрясение я испытал сразу же, как только вошел в обеденный салон. Давайте скажем так; мои спутницы-пассажирки были вполне достойны того, чтобы появиться на иллюстрациях в «National Geographic...».

Да! Вот именно! Ну, может не совсем так, но то, во что они были одеты, делало их куда более голыми, чем те дружелюбные туземки. Я не стану описывать их «вечерние туалеты», ибо не уверен, что смогу это сделать. Более того, я *убежден*, что делать этого не следует. Ни у одной из них не было прикрыто более двадцати процентов того, что леди прикрывают на костюмированных балах в том мире, где я родился. Я имею в виду — выше талии. Их юбки, длинные и часто волочащиеся по полу, скроены или разрезаны самым соблазнительным манером.

У некоторых леди верхняя часть платья вроде бы и прикрывала все, но материал был прозрачен как стекло. Ну почти как стекло.

А самые юные леди, можно сказать, почти девочки, уж точно имели все основания печататься в «National Geographic...» — больше, чем мои деревенские подружки. Однако почему-то казалось, что девицы куда менее бесстыдны, чем их почтенные родительницы.

Этот расклад я заметил сразу же, как только вошел в столовую. Я старался не пялиться на них, а к тому же капитан и все прочие заняли мое внимание с самого начала так плотно, что у меня не осталось никакой возможности хоть краем глаза полюбоваться этой трудновообразимой обнаженностью. Но, послушайте, если леди подходит к вам, обвивает вас руками и настаивает

на том, чтобы расцеловать вас, то очень трудно не заметить, что на ней надето много меньше, чем нужно для предотвращения заболевания пневмонией. Или другими легочными заболеваниями.

И все же я держал себя в узде, несмотря на растущее отупение и туман в глазах.

Однако даже откровенность костюмов не поразила меня так, как откровенность выражений — таких слов я не слыхивал в общественных местах и очень редко слышал даже там, где собирались одни мужчины. Я сказал «мужчины», поскольку джентльмены не выражаются таким образом даже в отсутствие леди... Во всяком случае, в том мире, который мне знаком.

Самое шокирующее воспоминание моего детства относится к тому дню, когда я, проходя через городскую площадь, увидел толпу, собравшуюся у места Покаяния, что возле здания суда. Присоединившись к ней, чтобы узнать, кого схватили и за что именно, я вдруг увидел в колодках моего скаутского наставника. Я чуть в обморок не упал.

Его грех заключался в употреблении неприличных слов, во всяком случае, именно так было написано на дощечке, висевшей у него на шее. Обвинителем оказалась собственная жена учителя; тот не отпирался и, признав себя виновным, отдался на милость суда. Судьей же был дьякон Брамби, отродясь не слыхавший слова такого — милость.

Мистер Кирк — мой скаутский наставник — через две недели покинул город, и больше его там никто не видел — такое сильное потрясение испытал человек, будучи выставленным в колодках на всеобщее обозрение. Не знаю, какие именно дурные слова употребил мистер Кирк, но вряд ли они были так ужасны, раз предписанное дьяконом Брамби наказание продолжалось только один день — с восхода до заката.

В тот вечер за капитанским столиком на «Конунге Кнуте» я слышал, как милейшая пожилая дама того сорта, из которого получаются самые расчудесные бабушки, адресовалась к мужу в выражениях, исполненных богохульства и намеков на кое-какие совершенно запретные сексуальные действия. Если бы она так заговорила в моем родном городе, ее бы выставили в колодках на максимально разрешенный срок, а потом изгнали бы из

города (у нас перьями и дегтем не пользуются: это почитается за излишнюю жестокость).

Но сию милую даму на корабле даже никто не укорил. Ее муж просто ухмыльнулся и попросил не волноваться по пустякам.

Под совместным воздействием шокирующих слух речей, чудовищно неприличной обнаженности и двух обильно принятых неизвестных мне, но оказавшихся предательскими напитков я совершенно обалдел. Чужой в чужой стране, я рухнул под бременем незнакомых и повергающих в смятение обычаев. Но, невзирая на все это, я продолжал цепляться за решение казаться человеком опытным, ничему не удивляющимся, чувствующим себя здесь как дома. Никто не должен заподозрить, что я не Алек Грэхем — их сотоварищ по круизу,— а какой-то Александр Хергенсхаймер — личность им совершенно неизвестная... у меня было предчувствие, что в этом случае произойдут совершенно ужасные события.

Конечно, я был не прав, ибо нечто ужасное уже имело место. И я действительно оказался абсолютно чужим в этом неимоверно странном, сбивающем с толку мире... хотя даже теперь, ретроспективно рассматривая случившееся, я не думаю, что мое положение стало бы много хуже, если бы я просто выложил им, в какую ситуацию я попал.

Мне все равно не поверили бы.

А как же иначе? Я и сам-то себе не верил!

Капитан Хансен, насмешливый и не верящий ни в сон ни в чох, зашелся бы от хохота, услышав мою «шуточку», и тут же произнес бы новый тост в мою честь. А если бы я продолжал стоять на своем, он наверняка напустил бы на меня судового врача.

Так что мне легче было продержаться весь этот удивительный вечер, хватаясь за убеждение, что нужно сконцентрировать все силы на безошибочном исполнении роли Алека Грэхема и не позволить никому даже заподозрить, что я — жертва подмены, так сказать, кукушонок в чужом гнезде.

Передо мной еще лежал кусок «королевского торта» — дивное многослойное пирожное, которое я помнил еще со времен того — другого — «Конунга Кнута», и стояла чашечка кофе, когда капитан вдруг встал.

— Пошли, Алек! Мы должны перейти в гостиную: концерт вот-вот начнется — ждут только меня. Идем! Не собираешься же ты съесть всю эту сладкую липучку? Ты ж от нее обязательно заболеешь! А кофе тебе подадут и в гостиной. Но до кофе надо тяпнуть чего-нибудь достойного именоваться мужским напитком, а? Не эту жижицу! Как ты насчет русской водки?

Он подхватил меня под руку. И я уразумел, что направляюсь в гостиную. Однако отнюдь не по собственной воле.

Концерт в салоне оказался как две капли воды похож на ту окрошку, которую я в свое время наблюдал на теплоходе «Конунг Кнут»: фокусник, производивший потрясающие манипуляции, хотя куда менее удивительные, чем те, которые совершал (или совершил) я сам; тупой остряк, которому следовало бы сидеть в своем кресле и не вставать; хорошенькая девушка-певичка и танцоры. Главные отличия этого концерта от прежних были те же, к которым я уже присмотрелся,— много голого тела и еще больше непристойных слов, но я уже так отупел от перенесенного шока и аквавита, что дополнительные свидетельства пребывания в чужом мире произвели на меня минимальное впечатление.

На девице, которая пела, из одежды почти ничего не было, а суть ее песенки принесла бы ей одни неприятности даже среди подонков Ньюарка (штат Нью-Джерси). Конечно, это только мое предположение, ибо прямого контакта со знаменитой помойкой всяческого отребья мне лично иметь не приходилось. Внешность девушки я постарался рассмотреть получше: тут можно было не отводить глаз, поскольку таращиться на артистов считалось *в порядке вещей*.

Если согласиться с тем, что покрой платьев имеет право бесконечно варьироваться и это обстоятельство не обязательно губительно воздействует на общественные основы (я лично с подобным утверждением не согласен, но готов его допустить), то лучше, если человек, демонстрирующий подобное разнообразие, молод, здоров и красив.

Певица была молода, здорова и красива. Я даже почувствовал укол сожаления, когда она вышла из-под луча прожектора.

Гвоздем вечера была группа таитянских танцоров, и меня нисколько не удивило, что они оказались обнажены до пояса, если

не считать цветов и ожерелий из раковин — к тому времени я бы, скорее, поразился, если бы дело обстояло иначе. Но что пока еще вызывало у меня недоумение (хоть, полагаю, удивляться не следовало), так это поведение моих товарищей по круизу.

Сначала труппа — восемь девушек и двое мужчин — исполняла для нас почти те же танцы, которые предшествовали сегодняшнему хождению сквозь огонь, и почти те же, которые я видел, когда танцоры впервые поднялись на палубу теплохода «Конунг Кнут» в Папеэте. Полагаю, вам известно, что таитянская хула отличается от медленной и изящной хулы Гавайского королевства гораздо более быстрым темпом музыкального сопровождения и куда большей энергией исполнения. Я не эксперт в области танцевального искусства, но мне приходилось видеть оба вида хулы в тех самых странах, где они родились.

Я-то лично предпочитаю гавайскую хулу, которую видел, когда «Граф Цеппелин» останавливался на день в Хило по пути в Папеэте. Таитянская хула кажется мне скорее набором атлетических упражнений, нежели видом танцевального искусства. Но энергия и быстрота делают этот танец особенно впечатляющим благодаря тому, как одеты (или вернее сказать, раздеты) туземные девушки.

И это еще не все. После ряда танцевальных номеров, включающих парные танцы девушек с каждым из танцоров-мужчин, когда артисты вытворяли такие вещи, которые посрамили бы даже обитателей курятника (я все ждал, что капитан Хансен положит этому конец), вперед выступил судовой церемониймейстер и директор круиза.

— Леди и джентльмены,— возгласил он,— а также те, кто, возможно, появился на свет в результате пьянящей, но не слишком законной любви (я принужден воспользоваться правом цензуры, воспроизводя его речь)... вы все, кого можно сравнить с сеттерами, и даже те немногие, кои скорее напоминают пойнтеров, неплохо воспользовались четырьмя днями, которые наши танцоры провели на судне, и смогли добавить к своему репертуару таитянскую хулу. Сейчас вы получите шанс продемонстрировать результаты своего обучения и получить дипломы, такие же настоящие, как лалайи в Папеэте. Но вот чего вы не знаете, так это того, что на добром старом «Кнуте» есть и другие, кто занимался этим делом. Маэстро, ну-ка вдарьте!

Из комнаты, что помещалась за сценой, вышла еще дюжина танцовщиц хулы, только уже не полинезийки, а девушки кавказской внешности. Одеты они были в туземные наряды — юбочки из травы и ожерелья да цветы в волосах, и больше ничего. Их кожа имела не теплый золотистый цвет, а белый; у большинства волосы были совсем светлые, а у других огненно-рыжие.

А это, знаете ли, совсем другое дело. К тому времени я уже готов был согласиться, что полинезийки в своих туземных костюмах выглядят прилично и даже скромно — в каждой стране свои обычаи. Разве праматерь Ева не выглядела целомудренно накануне грехопадения, одетая лишь в свою невинность?

Но белые девушки в одежде женщин южных морей смотрелись просто непристойно.

Впрочем, это обстоятельство не заставило меня оторвать взгляд от танцовщиц. Меня поразило то, что быстрый и сложный танец девушек ничуть не отличался (на мой непросвещенный взгляд) от танца островитянок. Я даже спросил капитана:

— Они и в самом деле научились так танцевать за четыре дня?

Он хмыкнул:

— Они практиковались во время каждого круиза — во всяком случае, те, кто работал у нас и раньше, да и остальные занимались от самого Сан-Диего.

Тут я узнал одну из танцовщиц — это была Астрид, та милая девочка, которая впустила меня в «мою» каюту,— и тогда я понял, почему у них было время и возможность практиковаться — все эти девчонки входили в состав судовой команды. Я посмотрел на нее — точнее, уставился — с интересом. Астрид поймала мой взгляд и улыбнулась. Будучи олухом и обормотом, я, вместо того чтобы улыбнуться в ответ, отвернулся и отчаянно покраснел, стараясь скрыть замешательство с помощью героического глотка из стакана, каким-то образом оказавшегося в руке.

Один из танцоров-канаков вихрем подлетел к строю белокожих девушек и вызвал кого-то из них для парного танца. Господи, спаси мою душу, это была Маргрета!

Я поперхнулся и долго не мог откашляться. Она представляла собой самое ослепительно прекрасное зрелище, когда-либо возникавшее перед моим взором.

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской...

Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями;

Два сосца твои, как два козленка, двойни серны...

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе».

4

Так, не из праха выходит горе,
и не из земли вырастает беда;
Но человек рождается на страдание,
как искры, чтоб устремляться вверх.

Книга Иова 5, 6-7

Я медленно приходил в себя, но если бы вы знали, как мне этого не хотелось: ужасный кошмар гнался за мной по пятам. Я крепко смежил веки, чтобы не видеть света, и попробовал вернуться обратно в сон.

В голове безудержно рокотали туземные барабаны. Я попробовал изгнать их оттуда и зажал уши руками.

Барабаны забили еще громче.

Я отказался от попытки избавиться от них, открыл глаза и поднял голову. Какая ошибка! Мой желудок так бешено заурчал, что даже уши, казалось, зашевелились. Глаза отказывались на чем-то сфокусироваться, а адские барабаны раскалывали голову на части.

Наконец мне удалось заставить глаза смотреть, хотя все вокруг выглядело как в тумане. Я огляделся и обнаружил, что нахожусь в незнакомой комнате, лежу на нераскрытой кровати и раздет лишь наполовину.

Память постепенно возвращалась. Вечеринка на борту корабля. Выпивка! Обильная! Шум. Какие-то голые. Капитан в травяной юбочке лихо отплясывает, а оркестр пытается не отстать от заданного им темпа. Какие-то дамы-пассажирки тоже в травяных

юбочках, а какие-то даже без них... дребезжание бамбуковых трещоток, буханье барабанов...

Барабаны...

Барабаны грохотали вовсе не внутри моей головы. Это просто была самая страшная из всех когда-либо испытанных мною головных болей. Какого черта я позволил им...

Не сваливай на них! Ты сам виноват, олух!

Да, но...

«Да, но...» Всегда это самое «да, но...»! Всю жизнь от тебя только и слышишь, что «да, но...». Когда же ты, наконец, распрямишься и возьмешь на себя всю ответственность за собственную жизнь и за все, что с тобой происходит?

Да, но ведь в данном случае ошибка-то *не моя*. Я же не А.Л. Грэхем. Это не мое имя. И корабль не мой.

Не твой? И не ты?

Разумеется, нет...

Я сел и попытался стряхнуть с себя этот дурной сон. То, что я сел, оказалось ошибкой: голова, конечно, не отвалилась, но колющая боль в основании черепа добавилась к той, что уже терзала мой мозг. На мне были черные брюки и, по-видимому, больше ничего, а сидел я в чужой комнате, которая к тому же медленно вращалась.

Штаны Грэхема. Каюта Грэхема. А это непрерывное медленное вращение — результат того, что у корабля отсутствуют стабилизаторы.

Нет, это не сон. А если и сон, то я все равно не способен вытряхнуться из него. Десны чесались, ноги казались чужими. Высохший пот пленкой покрывал всю кожу, кроме тех мест, где он еще был влажен и липок. Подмышки... Господи, не хочу думать о подмышках!

Рот следовало бы хорошенько прополоскать... щелоком.

Теперь я вспомнил все. Или почти все. Пылающие угли ямы. Туземцы. Разбегающиеся с дороги куры. Корабль, который не был моим кораблем... и все-таки им оказался. Маргрета...

Маргрета!

«Два сосца твоих, как два козленка... ты прекрасна, возлюбленная моя...»

Маргрета среди танцоров, с обнаженной грудью, обнаженными ногами... Маргрета, танцующая с этим мерзким канаком и трясущая своей...

Разве удивительно, что я нализался?

А ну-ка, заткнись, приятель! Ты надрался еще до этого. А злишься на мальчишку-туземца только потому, что с ней был он, а не ты. Ты же жаждал танцевать с ней. Да только был не в состоянии.

Пляски — оскал Сатаны!

И разве не хотелось тебе уметь так танцевать?

«Как... двойни серны...» Да. Очень хотелось!

Послышался легкий стук в дверь, затем звяканье ключей. Дверь приоткрылась, и показалось лицо Маргреты.

— Уже проснулись? Отлично.

Она вошла, неся поднос, закрыла дверь и подошла к постели.

— Вот, выпейте-ка это.

— А это что?

— Преимущественно томатный сок. Перестаньте спорить и пейте.

— Мне кажется, я не смогу...

— Сможете. Так нужно. Пейте!

Я с опаской принюхался и отпил крохотный глоточек. К моему величайшему удивлению, меня не стошнило. Тогда я отпил побольше. После слабого позыва питье прошло и тихо улеглось в желудке. Маргрета протянула две таблетки.

— Примите. И запейте остатком томатного сока.

— Но я никогда не принимаю лекарств!

Она вздохнула и произнесла нечто, чего я не понял. Это не был английский язык. Во всяком случае, он не походил на английский.

— Что вы сказали?

— Кое-что, что говаривала моя бабушка, когда дедушка начинал с ней спорить. Мистер Грэхем, примите таблетки! Это всего лишь аспирин, и он вам необходим. Если не будете слушаться, я перестану с вами возиться. Я... я... передам вас Астрид, вот что я сделаю!

— Пожалуйста, не надо.

— Нет! Именно так я и поступлю, если вы не будете слушаться. Астрид сменит меня. Вы ей нравитесь... она рассказывала, как вы любовались ее танцем вчера вечером.

Я схватил таблетки, запил их остатком томатного сока — холодного как лед и успокаивающего.

— Да, любовался, пока не увидел вас. После этого я уже глаз с вас не сводил.

Она впервые за все время улыбнулась:

— Да? Вам понравилось?

— Вы были прекрасны! (А вот твой танец просто похабен, твоя непристойная одежда и твое поведение шокировали меня так, что, вероятно, я потерял год жизни. Все мне было ненавистно... И я ужасно жалею, что не могу увидеть все снова, буквально сейчас же, не теряя ни секунды.) Вы были необычайно грациозны.

На ее щеках возникли ямочки.

— Я так надеялась, что понравлюсь вам, сэр!

— Так оно и было. А теперь перестаньте угрожать мне своей Астрид.

— Ладно. Не буду до тех пор, пока вы проявляете благоразумие. А сейчас вставайте — и под душ. Сначала очень горячий, потом ледяной. Как в сауне.

Она чего-то ждала.

— Вставайте, я сказала. Не уйду, пока душ не будет включен и пар не пойдет клубами.

— Я приму душ... когда вы уйдете.

— И пустите еле тепленькую водичку. Знаю я вас! Вставайте, снимите брюки и под душ! Пока будете его принимать, я принесу завтрак. Скоро камбуз закроется, чтобы готовить второй завтрак, а потому перестаньте тянуть резину... Ну пожалуйста...

— Ой, не могу я завтракать. Во всяком случае, не сегодня! Ни за что!

Даже мысль о еде была мне отвратительна.

— Вам *обязательно* надо поесть. Прошлым вечером, как вам прекрасно известно, вы слишком много выпили. Если вы не поедите, будете весь день чувствовать себя разбитым. Мистер Грэхем, я уже кончила обслуживать всех остальных гостей и, можно сказать, от дежурства освободилась. Сейчас принесу вам поднос

с завтраком, а потом сяду и прослежу, чтобы вы съели все, что на нем будет,— она поглядела на меня.— Надо было все-таки стащить с вас брюки, когда я укладывала вас в постель, но вы весите слишком много.

— Вы укладывали меня в постель?!

— Мне помогал Ори. Тот парень, с которым я танцевала.

Вероятно, мое лицо выдало меня, так как она торопливо добавила:

— О, я не разрешила ему входить в вашу каюту, сэр. Я сама раздела вас. А вот, чтобы втащить вас вверх по лестнице, мне нужна была помощь.

— Я нисколько на вас не сержусь. (А потом ты вернулась на вечеринку? И он с тобой? И ты снова с ним танцевала? «...Ибо ревность моя жесточе могилы и жжет сильнее угля пламенеющего». Нет... Нет у меня права на ревность!) Я чрезвычайно благодарен вам обоим. Наверняка это было весьма неприятное занятие.

— Ну... смельчаки часто напиваются — после того как минует опасность. Но вообще вам от выпивки стало плохо.

— Это верно.

Я встал с постели и направился в ванную. Я пущу кипяток, клянусь!

Затем я прикрыл дверь и защелкнул задвижку, после чего разделся.

Значит, я был так омерзителен и бесчувственно пьян, что мальчишка-туземец помогал тащить меня до кровати. Алекс, какая же ты позорная дрянь! И нет у тебя никаких прав ревновать эту очаровательную девушку. Она не принадлежит тебе, и в ее поведении нет ничего дурного по стандартам ее мира — какими бы эти стандарты ни были,— и все, что она делала, было сделано ради твоей же пользы и твоего комфорта. А это не дает тебе никаких прав на нее.

Я пустил горячую воду, такую горячую, что бедный старый Алекс в ней чуть не сварился. И выстоял под струями кипятка так долго, что мои нервные окончания почти совсем потеряли чувствительность, а затем резко сменил горячий душ на ледяной... и чуть не заорал от боли.

Я стоял под ледяной водой, пока не перестал ощущать ее как холодную, затем закрыл краны и вытерся, открыв дверь, чтобы выпустить влажный воздух. Вышел в каюту... и тут внезапно об-

наружил, что чувствую себя великолепно. Никакой головной боли. Никакого ощущения, что конец света должен наступить с минуты на минуту. Никаких пертурбаций в желудке. Только голод. Алекс, ты больше никогда не должен напиваться, а уж если напьешься, поступай так, как приказывает Маргрета. Тебе повезло — у нее на плечах отличная голова, и ты это обязан ценить.

Весело насвистывая, я открыл платяной шкаф Грэхема.

Услышав, как ключ поворачивается в замке, я мгновенно схватил купальный халат Грэхема и успел его накинуть как раз в ту секунду, когда Маргрета стала открывать дверь. Когда я это увидел, тут же бросился на помощь и придержал дверь. Она поставила поднос и принялась выгружать посуду с едой на мой письменный стол.

— Вы были совершенно правы насчет душа как в сауне,— сказал я.— Это именно то, что прописал доктор. Или вернее сказать, медицинская сестра.

— Знаю. Такую штуку бабушка нередко устраивала моему деду.

— Гениальная женщина! Ох, как вкусно пахнет!

Омлет, бекон, щедрая порция датской выпечки, молоко, кофе, тарелка с несколькими сортами сыра, fladbrod[1], тонко нарезанные кусочки ветчины и неизвестные мне тропические фрукты.

— А что говорила ваша бабушка, если дедушка начинал с ней спорить?

— Знаете, она иногда излишне горячилась...

— Зато вы никогда не горячитесь. Ну, скажите же мне.

— Ладно... Она в таких случаях говорила, что мужчины созданы Богом только для того, чтобы испытывать женское долготерпение.

— Что-то в этом есть. А вы с ней согласны?

И снова улыбка вызвала появление ямочек.

— Я полагаю, что у них есть и кое-какие полезные функции.

Маргрета убрала мою каюту и помыла ванну (о'кей, о'кей, пусть будет каюта *Грэхема* и ванна *Грэхема*. Удовлетворены?), пока я ел. Она достала пару легких спортивных брюк, спортивную рубашку островной раскраски и сандалии, убрала поднос и

[1] Лепешка *(дат.)*.

тарелки, оставив на столе кофе и часть фруктов. Я поблагодарил ее, когда она уходила, и подумал, не должен ли я предложить дополнительную «плату» и не оказывает ли она те же услуги и другим пассажирам. Это показалось мне не очень вероятным. Но мужества спросить, так ли это, я в себе не нашел.

Я закрыл за ней дверь и принялся тщательно обыскивать каюту Грэхема.

Я носил его одежду, спал в его постели, откликался на его имя, а теперь мне предстояло решить, пущусь ли я во все тяжкие и стану подлинным А. Л. Грэхемом, или же отправлюсь к властям (к американскому консулу, а если нет, то к кому?) и признаюсь, что выдавал себя за другого, а теперь прошу помощи.

Время торопило меня. Сегодняшний выпуск «Королевского скальда» сообщал, что пароход «Конунг Кнут» должен прибыть в порт Папеэте в три часа дня и отплыть в Масатлан (Мексика) в шесть часов вечера. Корабельный эконом известил пассажиров, желающих обменять франки на доллары, что представитель банка Папеэте будет работать на судне прямо напротив офиса эконома с момента прибытия корабля в порт и закончит операции за пятнадцать минут до отплытия. Кроме того, эконом напомнил пассажирам, что их задолженность по счетам бара и судовой лавки должна быть оплачена только в долларах, датских кронах или с помощью кредитных карточек.

Вроде, все разумно. И в то же время вызывает беспокойство. Я ожидал, что судно пробудет в Папеэте минимум часа двадцать четыре. Заход в порт на три часа казался просто дикостью — ведь получалось, что не успеет судно причалить, как надо будет отплывать. И разве не придется платить за сутки, даже если они пришвартуются всего на три часа?

Однако, напомнил я себе, командование судном меня в общем-то не касается. Возможно, капитан просто решил воспользоваться временем между отбытием одного корабля и прибытием другого? Да и вообще, мало ли у него может найтись причин? Единственно, о чем мне следовало беспокоиться, так это о том, что предприму между тремя и шестью часами дня я сам и что мне непременно надо сделать до трех.

Сорок минут самых тщательных поисков выявили следующее:

одежду — самую разнообразную и без всяких проблем, кроме тех, что связаны с лишней жировой складкой на моей талии;

деньги — франки в бумажнике (не забыть обменять!) и восемьдесят пять долларов там же; три тысячи долларов в ящике стола, там же лежал и футляр с часами Грэхема, с его кольцом, запонками и тому подобным. Поскольку часы и другие драгоценности вернулись в свой футляр, я логично рассудил, что Маргрета сохранила мой доход от пари, которое я (или Грэхем) выиграл у Форсайта, Дживса и Хэншо. Говорят же, что Бог заботится о дураках и пьяницах; если так, то в моем случае он действовал через Маргрету;

всевозможные мелочи, не имевшие отношения к моим сегодняшним проблемам — книги, сувениры, зубная паста и тому подобное.

Паспорта нет.

Иногда пассажирам не хочется держать при себе паспорт, даже временно покидая корабль. Я сам предпочитаю не таскать свой, если возможно, так как потеря паспорта влечет за собой кучу неприятностей. Вот и вчера у меня не было его с собой... так что теперь он отправился туда, где жимолость вьется, где лежат «поля Фидлера» и куда канул теплоход «Конунг Кнут». А где же все это находится? Пока у меня не было времени искать ответ на этот вопрос: уж слишком я был занят проблемами общения с чужим новым миром.

Если Грэхем брал вчера свой паспорт с собой, стало быть, он провалился сквозь трещину четвертого измерения прямехонько в «поля Фидлера» вместе с ним. Похоже, так оно и произошло.

Пока я злился, кто-то подсунул под дверь моей каюты конверт.

Я поднял его и открыл. Внутри лежал мой (Грэхема) корабельный счет. Значило ли это, что Грэхем собирался покинуть судно в Папеэте? Только не это! Если так случится, я останусь на этих островах до конца моей жизни.

Нет, не то. Скорее похоже на обычное подбивание бабок в конце месяца.

Счет Грэхема за выпивку в баре меня прямо потряс... пока я не обратил внимания на его отдельные пункты. Впрочем, они шокировали меня еще больше, но по другой причине. Если кока-кола

стоит два доллара, это не означает, что бутылка стала больше; это значит, что доллар стал меньше.

Теперь я понял, почему триста долларов, на которые я заключил пари... гм... гм... по ту сторону, превратились в три тысячи *здесь*.

Если я собираюсь остаться в этом мире, мне придется приноровиться к новому масштабу цен. Придется относиться к доллару как к иностранной валюте и мысленно переводить цены, пока к ним не привыкнешь. Например, если считать репрезентативными цены на борту, то первоклассный обед с бифштексом или шашлыком на ребрышках в ресторане первого разряда, ну скажем, в главном ресторанном зале отеля вроде «Дворца Брауна» или «Марка Хопкинса», может обойтись почти в десять (!) долларов. Ничего себе!

С коктейлями же до обеда и вином к столу счет легко может перевалить и за пятнадцать долларов! А это ведь недельный заработок! Слава Богу, я не пью!

Ты... не... чего?

Послушай, но вчерашний случай — особый.

Вот как! Впрочем, так оно и было. Ведь и невинность теряют только раз. А уж раз она потеряна, то навсегда. А что такое ты пил незадолго до того, как окончательно вырубился? «Датский зомби»? А нет ли у тебя в данную минуту желания принять стаканчик? Чтоб восстановить внутреннее равновесие?

Да я до него в жизни больше не дотронусь!

Поглядим, поглядим, приятель!

А вот и еще один шанс и, как я надеялся, неплохой. В маленьком футляре, где Грэхем хранил драгоценности, лежал ключ, ничем не примечательный, если не считать, что на нем был выбит номер «восемьдесят два». Если судьба мне улыбнется, то он может подойти к стальной шкатулке в офисе эконома.

А если судьба сегодня намерена на меня скалиться, то ключ будет от сейфа, находящегося где-то в одном из сорока шести штатов, в банке, которого я никогда не увижу. Но не будем каркать, хватит мне и тех неприятностей, которые уже есть.

Я спустился на следующую палубу и отправился на корму.

— Доброе утро, эконом.

— А, мистер Грэхем, ничего себе была вечериночка вчера, не правда ли?

— Ну, еще бы! Еще одна такая, и из меня дух вон!

— А, бросьте, бросьте! И это говорит мужчина, шагнувший в огонь! Я уверен, вам вчера понравилось. Готов биться об заклад, что так. Чем мы можем быть вам полезны?

Я вынул найденный ключ:

— Я захватил тот ключ? Или он от сейфа в моем банке? Не могу вспомнить.

Эконом взял ключ.

— Да, это один из наших. Пол! Возьми его и принеси шкатулку мистера Грэхема. Мистер Грэхем, не угодно ли вам пройти сюда и присесть к столу?

— Хорошо, спасибо. Хм... а нет ли у вас какого-нибудь мешка или чего-нибудь в этом роде, чтобы положить содержимое шкатулки? Я хотел бы отнести все в свою каюту — надо кое-что проверить.

— Мешок?.. М-м-м... Можно взять сумку в судовой лавке... но... Сколько времени вам потребуется для писанины? К полудню кончите?

— О, разумеется.

— Тогда забирайте шкатулку в каюту. Вообще-то, это не разрешается правилами, но их писал я сам, так что можно рискнуть и попробовать нарушить. Однако постарайтесь вернуть до полудня. Мы закрываемся с двенадцати до тринадцати — таковы уж требования профсоюза — и если я буду сидеть здесь, когда клерки уйдут на обед, вам придется поставить мне выпивку.

— Да я вам ее и без того поставлю.

— Буду ждать с нетерпением. А вот и шкатулка. Только не вздумайте таскать ее сквозь пламя.

На самом верху лежал паспорт Грэхема. Тяжесть у меня на душе сразу рассосалась Не знаю более неприятного чувства потери, нежели то, которое возникает, если вы оказываетесь за границами Союза без паспорта... даже если это и не тот Союз. Открыл паспорт, посмотрел на фотографию. Неужто я так выгляжу? Отправился в туалет, сравнил лицо в зеркале с лицом на фотографии.

Кажется, похож. Впрочем, чего ждать от паспортной фотографии? Попробовал поднести фотографию к зеркалу. Сходство неожиданно резко усилилось. Дружище, да у тебя физиономия кривая!

И у вас тоже, мистер Грэхем.

Приятель, если я собираюсь стать тобой навсегда — а чем дальше, тем больше идет к этому,— то, поскольку выбора у меня нет, приятно узнать, что мы с тобой так похожи. Отпечатки пальцев? Подумаем об этом, когда настанет время. Похоже, Соединенные Штаты Северной Америки в паспорта отпечатки пальцев не вклеивают — это уже облегчение. Занятие: управляющий. Управляющий чем? Похоронной конторой? Или транснациональной сетью отелей? Ладно. Надеюсь, как-нибудь разберемся, а пока неважно. Адрес: писать на контору «О'Хара, Ригсби, Крумпакер и Ригсби», атторни по правовым вопросам, помещение 7000, Смит-Билдинг, Даллас. Ну, просто очаровательно! Только адрес для писем — ни домашнего, ни адреса работы нет. Ах ты, фальшивка! С удовольствием врезал бы тебе по морде!

(Нет. Отвращения, должно быть, он не вызывал: Маргрета думает о нем хорошо. Да... но ему следовало бы держать свои лапы подальше от нее — он же явно хотел злоупотребить ее доверчивостью. А это некрасиво! Это *кто же* собирается злоупотребить ее доверчивостью? Смотри, парень, заработаешь раздвоение личности!)

В конверте под паспортом лежал отрывной талон пассажирского билета Грэхема: он действительно совершал круиз по маршруту Портленд — Портленд. Слушай, близнец, если ты не появишься до шести вечера, я попаду домой. А ты, возможно, воспользуешься моим билетом на «Адмирал Моффет». Желаю удачи.

Были там еще какие-то мелочи, но большую часть стальной шкатулки занимали десять пухлых заклеенных конвертов вроде тех, которыми пользуются в конторах. Один из конвертов я вскрыл.

Он был набит тысячедолларовыми банкнотами — ровно сотня. Я быстренько проверил остальные конверты. Всюду то же самое. Один миллион чистоганом!

5

Нечестивый бежит,
когда никто не гонится за ним;
а праведник смел как лев.

Книга притчей Соломоновых 28,1

Еле переведя дух от волнения, я отыскал в письменном столе Грэхема клейкую ленту и опять заклеил конверты. Вложил в шкатулку все, что там было, кроме паспорта, который спрятал вместе с тремя тысячами долларов, каковые считал своими, в маленький ящик стола. После чего отнес шкатулку в офис эконома, стараясь обращаться с ней как можно бережнее.

Кто-то уже стоял у стола, но в глубине офиса я увидел эконома и окликнул его.

— Привет! — отозвался он.— Вы так быстро вернулись? — Эконом подошел ко мне.

— Да,— ответил я.— Это потому, что все быстро сошлось.— Я передал ему шкатулку.

— С удовольствием взял бы вас к себе на службу. У нас тут никогда ничего не сходится. Во всяком случае, пока не просидим до полуночи. Ну, пошли, поищем чего-нибудь выпить. Мне это позарез нужно.

— Мне тоже. Идем.

Эконом провел меня в бар на открытом воздухе, которого я не заметил на плане судна. Палуба над нами была короче, и наша палуба «Д» продолжалась уже как прогулочная, по ее блестящим тиковым доскам ходить было чрезвычайно приятно. Край палубы «С» частично нависал над ней, образуя как бы крышу, тут же был раскинут шатер бара, о котором я говорил. Под прямым углом к стойке стояли длинные столы с разнообразными закусками для ленча; здесь уже образовалась очередь из нескольких пассажиров. Еще ближе к корме находился плавательный бассейн, оттуда слышались всплески, визг и радостные возгласы.

Эконом привел меня на корму к маленькому столику, занятому двумя младшими офицерами. Мы остановились.

— Эй вы, парочка! А ну-ка, прыгайте за борт!

— Так точно, эконом!

Они встали, захватили стаканы с пивом и ушли дальше на корму. Один из них улыбнулся мне и кивнул, будто мы были хорошо знакомы. Я тоже кивнул ему:

— Привет!

Часть столика находилась в тени большого тента. Эконом уточнил:

— Желаете сидеть под солнцем и любоваться на девиц? Или отдыхать в тени?

— А мне все равно. Садитесь где хотите, а я займу свободное место.

— Х-м-м... Давайте-ка чуть-чуть подвинем столик, и тогда оба окажемся в тени. Вот так, достаточно.

Он сел лицом к носу корабля, а я получил прекрасный вид на плавательный бассейн. Мое первоначальное впечатление подтвердилось: здесь можно было обходиться без таких безнадежно устаревших вещей, как купальные костюмы.

Я вполне мог бы сделать такое заключение и чисто логическим путем, приложи я некоторые умственные усилия, чего, однако, не сделал. В последний раз, когда я наблюдал такое — я говорю о купании нагишом,— мне было лет двенадцать, а подобное времяпрепровождение считалось привилегией мужчин от двенадцати и моложе.

— Я спросил у вас: что вы хотите выпить, мистер Грэхем?

— Ох, извините, я не слушал.

— Так я и понял. Вы глядели. Так чего же мы с вами выпьем?

— Э-э-э... «Датский зомби».

Эконом прямо глаза вылупил:

— Вряд ли годится для такого раннего времени. От этого напитка могут разойтись швы на черепе. М-м-м...— он поманил пальцем кого-то стоявшего за моей спиной.— Эй, красотка! Подойди-ка к нам.

Я оторвал взгляд от бассейна как раз в ту минуту, когда официантка, которую он подозвал, подошла к столу. Я взглянул на нее, отвел глаза, потом взглянул снова. Я уже видел ее сквозь алкогольный туман вчера вечером — это была одна из двух рыженьких танцовщиц хулы.

— Скажи Гансу, что мне нужна пара серебристых шипучек. Кстати, а как тебя зовут, малютка?

— Мистер Хендерсон, попробуйте еще раз притвориться, что забыли мое имя, и я вылью выпивку прямо вам на лысину!

— Хорошо, мое сокровище. А теперь поторопись, дай своим толстым ножкам поработать.

Она хмыкнула и ускакала прочь на своих тоненьких изящных ножках. Эконом добавил:

— Чудесная девочка! Ее родители живут прямо напротив моего дома в Одессе. Я знаю ее чуть ли не с рождения. Она и умненькая к тому же. Бодель собирается стать хирургом-ветеринаром, до окончания курса ей остался еще год.

— Вот как! Но как же она совмещает учебу с работой?

— Большинство наших девушек учатся в университете. Кое-кто использует летний отпуск, другие берут отпуск на семестр и отправляются в море, отдыхают и заодно зарабатывают деньги для оплаты следующего семестра. Нанимая девушек на работу, я отдаю предпочтение тем, кто сам пробивает себе дорогу в университет; они более надежны и знают больше языков. Возьмите, например, горничную, которая обслуживает вашу каюту. Астрид?

— Нет, Маргрета.

— Ах да, ваша каюта сто девятая. У Астрид носовые каюты с левого борта. А у Маргреты с правого. Маргрета Свенсдаттер Гундерсон. Школьная учительница. Английский язык и история. Знает четыре языка, не считая скандинавских. Два из них — ее основная специальность. Она взяла годичный отпуск в средней школе имени Г. Х. Андерсена. Готов поспорить, туда она больше не вернется.

— Э-э... А почему?

— Выйдет замуж за богатого американца. А вы богаты?

— Я? Неужели я похож на богача?

А не может ли он знать, что находится в той стальной шкатулке? Господи Боже мой, да что же делать с миллионом долларов, который мне не принадлежит? Нельзя же выбросить их за борт? И почему Грэхем путешествовал с такой огромной суммой наличных? Я мог бы предложить несколько объяснений, но все одинаково плохие, то есть с примесью криминала. Любое из них ввергло бы меня в еще большие неприятности, чем те, которые я уже имел.

— А богатые американцы никогда не выглядят богачами. Они проходят специальные курсы, где учатся не быть похожими на толстосумов. Я, конечно, говорю о североамериканцах. Южноамериканцы — это, знаете ли, совсем другой сорт. Гертруда, спасибо. Ты славная девочка.

— А вы все-таки хотите, чтобы я облила вам лысину?

— А ты хочешь, чтоб я швырнул тебя в бассейн прямо в одежде? Веди себя повежливей, милочка, иначе я пожалуюсь твоей мамаше. Давай сюда выпивку и приготовь счет.

— Счета не будет: Гансу хочется угостить мистера Грэхема. А поэтому пришлось угостить и вас. За компанию.

— Скажи ему, что так он скоро разорит бар, и добавь, что я вычту деньги из его жалованья.

Так получилось, что я выпил две порции серебристой шипучки вместо одной и оказался бы на верном пути к катастрофе, подобной вчерашней, если бы мистер Хендерсон не решил, что нам следует закусить. А мне ужасно хотелось выпить третью шипучку. Первые две позволили мне позабыть тревоги, связанные с идиотской шкатулкой, полной денег, и одновременно повысили мою способность извлекать удовольствие из зрелища, которое преподнес нам палубный бассейн. Я обнаружил, что воспитанное в течение всей жизни может бесследно исчезнуть всего за двадцать четыре часа. Нет ничего греховного в том, чтобы любоваться женскими прелестями непредвзято. Это такое же невинное занятие, как любование цветами или маленькими котятами,— только оно доставляет куда больше удовольствия.

И вот тут-то мне захотелось выпить еще.

Мистер Хендерсон наложил на выпивку вето, подозвал Бодель и обменялся с ней быстрыми фразами на датском языке. Она ушла и вернулась через несколько минут, неся поднос, тесно уставленный блюдами — smorgasbord: горячие мясные тефтельки, раковины из сладкого теста с мороженым внутри, крепкий кофе, и все это в невероятно большом количестве.

Минут через двадцать пять я все еще с удовольствием наблюдал за молодежью в бассейне, но уже сошел с пути, ведущего к новой алкогольной катастрофе. Я настолько отрезвел, что ясно осознавал не только невозможность решения всех своих проблем

с помощью выпивки, но и необходимость отказаться от крепких напитков вообще до тех пор, пока не решу эти проблемы, ибо пить такие напитки я явно не умею. Дядюшка Эд был прав: порок нуждается в упражнении и постоянной практике, в противном случае, исходя из прагматических соображений, добродетель будет направлять нас даже в том случае, если узы морали откажутся играть роль сдерживающей силы.

Моя мораль перестала быть такой силой, иначе я не сидел бы здесь со стаканом дьявольского зелья в руке и не любовался обнаженной женской плотью.

И тут я обнаружил, что не испытываю ни малейших угрызений совести из-за своего поведения. Мое единственное сожаление было вызвано печальным открытием, что я не могу вынести ту дозу алкоголя, которую мне хотелось принять... «Легки дороги, ведущие в ад...»

Мистер Хендерсон встал:

— Мы причалим меньше чем через два часа, а мне предстоит подделать еще парочку цифр, пока агент компании не поднялся на борт. Спасибо за приятное общество.

— Это я *вас* должен благодарить, сэр. Tusind tak[1]. У вас на родине так, кажется, говорят?

Он улыбнулся и вышел. Я посидел еще немного и поразмышлял. Еще два часа до прибытия в порт, потом три часа на берегу. Что же делать мне с этим временем и возможностями, которые оно мне предоставляет?

Пойти к американскому консулу? И что сказать ему? Дорогой мистер консул, я не тот, за кого себя выдаю, и только что обнаружил в своем кармане целый миллион долларов...

Чудовищно!

Никому ничего не говорить? Хапнуть миллиончик? Сойти на берег и первым воздушным кораблем вылететь куда-нибудь в Патагонию?

Не выйдет. Моя мораль дала трещину, видимо она никогда не была особо прочной. Но предубеждение против воровства осталось. Воровать не просто плохо, это ниже человеческого достоинства.

[1] Тысяча благодарностей *(дат.)*.

Уж и то плохо, что я ношу чужую одежду.

Тогда возьми те три тысячи, которые по праву принадлежат тебе, подожди, пока корабль отплывет, а потом попробуй вернуться в Америку, если тебе это удастся.

Глупейшая мысль! Загремишь в тропическую тюрьму, и этот дурацкий поступок не принесет Грэхему ни малейшей пользы. Опять выбор без выбора, ты — глупая башка! Придется оставаться на борту и ждать возвращения Грэхема. Сам он может и не появиться, зато радиограмма или что-то в этом духе... Придется грызть ногти, пока пароход не отплывет. А когда отплывет, возблагодари Бога за возможность вернуться домой, в Божью страну. А Грэхем наверняка сделает то же со своим билетом на «Адмирал Моффет». Интересно, а нравится ему именоваться Хергенсхаймером? Больше, чем мне Грэхемом, готов поспорить. Хергенсхаймер — благородная фамилия.

Я встал, перешел на другой борт и поднялся двумя палубами выше — в библиотеку, которая оказалась пустой, если не считать женщины, решавшей кроссворды. У нас не было намерения мешать друг другу, так что покой не нарушился. Большая часть шкафов оказалась закрыта, библиотекарь отсутствовал, но многократно читанная энциклопедия стояла на месте, а это было все, что мне требовалось для начала.

Примерно через два часа меня испугал звук сирены, означавший, что мы получили разрешение войти в порт. Итак, мы прибыли. К тому времени я уже почерпнул изрядную долю сведений из области чуждой для меня истории и чуждых идей, и переварить их было страшно трудно. Начать с того, что в этом мире Уильям Дженнингс Брайан среди президентов страны не числился. В 1896 году вместо него был избран Мак-Кинли, пробывший на этом посту два срока, а за ним место президента занял какой-то Рузвельт.

Никого из президентов двадцатого века я вообще не обнаружил.

Вместо более чем столетнего периода мира, явившегося следствием нашей незыблемой политики нейтралитета, Соединенные Штаты многократно участвовали в войнах с иностранными государствами: в 1899 году, в 1912– 1917, в 1932 (с Японией!), в

1950–1952, в 1980–1984 и так далее, вплоть до нынешнего года или, точнее, года издания энциклопедии. О том, идет ли сейчас война, «Королевский скальд» не упоминал.

За стеклом одного из шкафов я заметил несколько книг по истории. Если через три часа я все еще буду на судне, мне стоит прочесть каждую историческую книгу, которая тут найдется, посвятив этому занятию все время длинного обратного пути в Америку.

Но знание имен президентов и дат войн не входило в число моих ближайших задач: они ведь к сегодняшнему дню прямого отношения не имели. Мне прежде всего необходимо было узнать (ибо невежество могло принести мне что угодно, начиная от мелких неудобств и кончая полным провалом) различия между моим миром и этим в том, как живут люди, как говорят, как ведут себя, едят, играют, молятся, любят. И пока я буду этому учиться, надо быть очень осторожным, не болтать лишнего и как можно больше прислушиваться к тому, что говорят другие.

У меня когда-то был сосед, чье знание истории ограничивалось двумя годами — 1492-м и 1776-м — но даже эти даты у него путались, ибо он не был уверен до конца, что именно обозначала каждая из них. Его невежество в остальных вопросах отличалось такой же глубиной, и тем не менее, он умудрялся зарабатывать очень прилично, мостя городские улицы.

Чтобы функционировать как животное социальное и экономическое, человеку не обязательно иметь широкое образование... если только вы знаете, в какое время следует втирать голубую глину в свой пупок. Однако единственная крошечная ошибочка в местных обычаях может подвести вас под суд Линча.

Интересно, а что сейчас поделывает Грэхем? И тут я понял, что ситуация, в которую он попал, куда серьезней и опасней моей... если допустить (а видимо, это неизбежно), что мы с ним просто поменялись местами. Ведь мое воспитание может выставить меня в этом мире всего лишь несколько эксцентричной личностью, зато его привычки вполне способны вовлечь Грэхема в весьма серьезные неприятности. Случайная фраза или совершенно невинный поступок могут привести его прямехонько в колодки и даже хуже того.

А с еще большими сложностями он столкнется, если попытается сыграть мою роль... если он попытается... Разрешите мне

проиллюстрировать эту мою мысль таким примером: в день рождения жены, после того как мы уже вместе прожили год, я преподнес Абигайль роскошное издание «Укрощения строптивой». Так она даже не заподозрила, что я на что-то намекаю: ее убежденность в собственной непогрешимости исключает всякую возможность предположения, что в глубине души я могу приравнять ее к Кейт. Если Грэхем займет мое место в качестве ее мужа, то супружеские отношения почти наверняка окажутся весьма интересными для обеих сторон.

Лично я, по здравом размышлении, не пожелал бы Абигайль даже врагу. Ну а поскольку со мной никто не консультировался, то слез крокодиловых о Грэхеме я лить не стану.

Интересно, а каково все-таки делить ложе с женщиной, которая не всегда будет отзываться о супружеских отношениях, как о «семейной повинности»?

Итак, передо мной двадцатитомная энциклопедия, миллионы слов, упакованных в статьи, содержащие все важнейшие реалии этого мира, реалии, которые столь критически важны для меня. Что я могу извлечь из них за такое короткое время? С чего начать? Мне ни к чему знать о греческом искусстве, об истории Древнего Египта, о геологии... но что же мне *надо*?

Ладно... что первым бросилось тебе в глаза в этом мире? Сам корабль. Его архаичность, если сравнивать его с изящным теплоходом «Конунг Кнут». Затем, когда ты оказался на борту, отсутствие телефона в твоей (Грэхема) каюте. Отсутствие пассажирских лифтов. Мелочи, которые придают судну атмосферу роскоши... прадедовских времен.

А потому прочтем-ка статью «Корабли» в восемнадцатом томе. Да, сэр! Три страницы рисунков и фотографий... и все имеют изящно-одряхлевший вид. Пароход «Британия» — самый большой североамериканский лайнер — берет две тысячи пассажиров, но делает всего только лишь шестнадцать узлов. Ну и выглядит соответственно.

А теперь общая статья «Транспорт».

Ну и ну! Впрочем, мы не так уж и удивлены, не правда ли? Воздушные корабли даже не упоминаются. Посмотрим-ка справочный том... воздушные корабли... ничего, дирижабли... ноль, аэронавтика... смотри воздушный шар.

Ага! Да, хорошая статья о неуправляемых полетах на воздушных шарах, с упоминанием о Монгольфье и других отважных пионерах, даже о смелой и трагической попытке Соломона Андре покорить на воздушном шаре Северный полюс. Граф же фон Цеппелин в этом мире или не родился вообще, или не удосужился заняться проблемами аэронавтики.

Возможно, после участия в американской гражданской войне он вернулся в Германию и не нашел там той благоприятной атмосферы для идеи воздушных полетов, которую встретил в штате Огайо в моем мире. В общем получилось так, что *этот* мир остался без воздушного сообщения вообще. Алекс, если тебе придется тут остаться, то, может быть, ты захочешь стать «изобретателем» воздушных кораблей? Сделаться пионером воздухоплавания и капиталистом — знаменитым и богатым?

А почему ты воображаешь, что у тебя получилось бы?

Ну хотя бы потому, что свой первый полет на воздушном лайнере я осуществил, когда мне исполнилось всего двенадцать лет! Я о них все знаю. Мог бы нарисовать план хоть сию минуту!..

Мог бы? Ну-ка, нарисуй мне производственный чертеж облегченного двигателя весом не более фунта на одну лошадиную силу. Укажи спецификацию используемых сплавов, изобрази график работы операционных циклов, дай характеристику топлива, смазочных масел...

Но все эти вещи могут быть изобретены!

Да, но сможешь ли *ты* это сделать? Даже зная, что такие открытия вполне реальны? Вспомни, почему ты сбежал из технического училища, решив, что тебя тянет к карьере священнослужителя? Сравнительный анализ религий, гомилетика, критическая философия, апологетика, древнееврейский, латынь, греческий — для всего этого нужна память, а хитроумная техника требует еще и ума.

Так-с, значит, я к тому же и глуп?

А разве ты полез бы сквозь пламя, если бы у тебя хватило соображения, что высовывать нос слишком далеко — вредно для здоровья?

А почему же ты меня не остановил?

Останавливать тебя? А когда это ты *ко мне* прислушивался? Нет уж, прекрати выкручиваться — какая у тебя была последняя оценка по термодинамике?

Ладно! Признаю, что сам вряд ли сумел бы...

Как благородно с твоей стороны признать это!

Отцепись, хорошо? Знание, что нечто подобное может быть сделано,— уже треть успеха. Я мог бы стать директором отдела научных исследований и руководить работой нескольких по-настоящему талантливых инженеров. Они вложили бы в дело свой интеллект, а я — уникальную память о том, как выглядят дирижабли и как они работают. О'кей?

Вот это правильное разделение труда — ты вкладываешь память, они — интеллект. Да, из этого может выйти толк. Но не скоро и не дешево. Как ты собираешься финансировать предприятие?

Гм... продавать акции?

А ты вспомни то лето, когда ты продавал пылесосы!

Ну... в конце концов, ведь есть же еще тот миллион долларов...

Стыдно, стыдно, дружище!

— Мистер Грэхем?

Я вынырнул из своих грандиозных замыслов и увидел девушку-клерка из офиса эконома, которая смотрела на меня.

— Да?

Она протянула мне конверт.

— От мистера Хендерсона, сэр. Он сказал, что, возможно, будет ответ.

— Благодарю вас.

Записка гласила: «Дорогой мистер Грэхем! Здесь, на судне, находятся три человека, которые хотят встретиться с вами. Мне не нравится ни их вид, ни манера разговаривать, да и вообще этот порт славится множеством темных личностей. Если вы их не ожидали или не хотите видеть, велите посланнице передать, что она не смогла вас найти. И тогда я скажу посетителям, что вы сошли на берег. А.П.Х.».

Несколько долгих и неприятных мгновений я колебался между любопытством и осторожностью. Они вовсе не собирались видеться со мной. Им нужен Грэхем... и что бы они ни надеялись получить от Грэхема, я все равно не смогу удовлетворить их желания.

Нет, *ты знаешь*, что им нужно!

Я подозреваю. Но даже если бы у них была расписка с подписью самого святого Петра, я не мог бы передать им — или кому-либо еще — этот дурацкий миллион. И тебе это прекрасно известно.

Разумеется, известно. Но мне хотелось узнать — известно ли это *тебе* самому? Ладно, раз обстоятельств, при которых ты мог бы передать трем неизвестным содержимое шкатулки Грэхема, не существует, зачем же видеться с ними?

Потому что я *должен знать*! А теперь заткнись! И я сказал девушке-клерку:

— Пожалуйста, передайте мистеру Хендерсону, что я сейчас спущусь. И благодарю вас за любезность.

— Для меня это было удовольствие, сэр. Э-э-э... мистер Грэхем, я видела, как вы шли через огонь. Вы были потрясающи!

— Просто нашло временное умопомрачение. Еще раз спасибо.

Я остановился на верхней площадке пассажирского трапа и попытался определить, что представляют собой эти трое мужчин, дожидавшихся меня. В общем, они выглядели так, будто их специально создали для того, чтобы причинять неприятности ближним. Один был здоровенный громила, ростом шесть футов восемь дюймов, с руками, ногами, челюстями и ушами, которые, казалось, свидетельствовали о застарелом гигантизме; другой — этакий огрызок, ростом в четверть первого, а третий — ничтожество с мертвыми глазами. Мускулы, мозг и «пушка» — или это мое излишне живое вообра жение?

Ловкий человек ушел бы тихонько и забился в свою нору.

Но я не ловкач.

6

...Будем есть и пить, ибо завтра умрем.

Книга пророка Исайи 22,13

Я спустился по лестнице, не глядя на эту троицу, и отправился прямо к каюте, где находился офис эконома. Мистер Хендерсон был там и тихонько сказал, когда я подошел к барьеру:

— Те трое дожидаются вас. Вам они знакомы?

— Нет, я их не знаю. Интересно, что им надо? Но вы, пожалуйста, приглядывайте за нами, ладно?

— Договорились.

Я повернулся и пошел, стараясь обойти сбоку эту прелестную тройку. Один из них, что выглядел поумнее, громко окликнул меня:

— Грэхем! Постойте! Куда это вы намылились?

Не замедляя шага, я рявкнул:

— Засохни, идиот! Ты что, хочешь все погубить?

Громила загородил мне дорогу и навис надо мной как небоскреб. «Пушка» занял позицию у меня за спиной. В наилучшем псевдотюремном стиле, цедя слова углом рта, я прохрипел:

— Перестань разыгрывать спектакль и убери с корабля своих горилл. Вот тогда мы с тобой поговорим.

— Разумеется, поговорим. Здесь. И сейчас же.

— Ты законченный болван,— ответил я спокойно, опасливо глядя по сторонам и на трап.— Ни в коем случае не здесь. «Жучки». Иди за мной. Но пусть эти Матт и Джефф дожидаются нас на берегу.

— Нет.

— Господи, дай мне терпение! Слушай внимательно! — я зашептал: — Сначала скажи этим скотам, чтобы духу их не было на судне; пусть ждут внизу у трапа. А мы отправимся на открытую прогулочную палубу, где можно разговаривать, не опасаясь, что нас подслушают. Иначе у нас с тобой ничего не выйдет, и я доложу номеру первому, что ты погубил сделку. Понятно? А теперь выбирай, и побыстрее — иначе ты тут же отправляешься обратно и докладываешь, что сделка не состоялась.

Он подумал, затем быстро произнес несколько фраз по-французски, из которых я ничего не понял, так как мой французский оставлял желать много лучшего. Громила, по-моему, колебался, но тот, что с пушкой, пожал плечами и пошел к трапу.

— Пошли,— сказал я тому, которого прозвал про себя «Бородавкой».— Не теряй времени. Судно вот-вот отойдет,— и направился к корме, даже не оглядываясь, следует он за мной или нет.

Я нарочно пошел быстро, чтоб он оказался перед выбором — или бежать вприпрыжку, или потерять меня из виду. Я был настолько же крупнее его, насколько Громила — больше меня; и, чтоб не отстать, ему пришлось припустить бегом.

Я вышел на прогулочную палубу и прошел мимо бара и столиков прямо к плавательному бассейну.

Последний, как я и надеялся, оказался пуст: судно стояло в порту. Обычное в таких случаях объявление гласило: «ЗАКРЫТ НА ВРЕМЯ СТОЯНКИ». Бассейн был окружен хлипким ограждением в виде однорядного каната, воду в нем не спустили. Я остановился у самого каната, спиной к бассейну. Бородавка шел за мной. Я поднял руку:

— Стой где стоишь!

Он остановился.

— Теперь поговорим,— начал я.— Объясни, да поподробнее, какого дьявола ты надумал привлечь к себе внимание и притащил своего громилу на судно? Да еще датское! Мистер Б. на тебя очень, очень рассердится. Как тебя кличут?

— Не твое дело. Где пакет?

— Какой еще пакет?

Он начал орать и брызгать слюной, но я тут же оборвал его:

— Прекрати валять дурака! Меня этим не возьмешь! Корабль готов к отплытию — у тебя осталось лишь несколько минут, чтоб объяснить, что конкретно тебе надо, и убедить меня, что ты именно тот, кто должен это получить. Если не перестанешь надувать щеки, то окажешься в положении человека, которому предстоит вернуться к боссу и рассказать, что провалил дело. А потому выкладывай: что тебе надо?

— Пакет!

Я вздохнул:

— Мой старый и глуповатый друг, ты, видно, крепко зациклился. Все это мы с тобой уже проходили. Какой такой пакет? Что в нем?

Он помолчал.

— Монета.

— Любопытно. И какая?

На сей раз молчание длилось вдвое дольше, и мне снова пришлось заговорить:

— Если не скажешь, сколько там денег, я дам тебе пару франков на пиво и отправлю домой. Ты этого хочешь? Два франка?

Такому тощенькому человечишке не следует иметь столь высокое кровяное давление. Наконец ему удалось выдавить из себя:

— Американские доллары. Миллион.

Я расхохотался ему прямо в лицо.

— Да откуда ты взял, что у меня столько денег? А если бы и было, то неужто ты полагаешь, что я бы такие деньги вот так запросто отдал *тебе*? Откуда мне знать, что именно ты должен их получить?

— Да ты спятил, парень! Ты же знаешь, кто я такой!

— Докажи это. У тебя глаза какие-то не такие и голос звучит иначе. Я думаю, что ты мошенник.

— Мошенник?

— Фальшак. Подделка. Выдаешь себя за другого.

Он что-то злобно прошипел, надо думать, по-французски. И, полагаю, в его речи начисто отсутствовали комплименты в мой адрес. Я покопался в памяти и, тщательно выговаривая, с большим чувством произнес фразу, которую бросила прошлым вечером дама; муж коей попенял ей, что она напрасно волнуется по пустякам. Фраза не полностью соответствовала данной ситуации, но в мои намерения входило лишь поиграть на его нервишках.

Видимо, это мне удалось. Он замахнулся, но я схватил его за кисть, намеренно поскользнулся и рухнул спиной в бассейн, увлекая его за собой. Падая, я завопил изо всех сил:

— Помогите!!!

Мы бултыхнулись в воду. Я в него крепко вцепился, вынырнул и снова потащил под воду.

— Помогите!!! Он меня хочет утопить!!!

Мы снова ушли на дно, борясь друг с другом. Я орал, требуя помощи, каждый раз, когда моя голова оказывалась над водой. А когда помощь пришла, то разом обмяк и отпустил противника.

Я не подавал признаков жизни до тех пор, пока мне не начали вдувать воздух прямо в рот. Тут я, конечно, чихнул и открыл глаза.

— Где я?

Кто-то воскликнул:

— Он пришел в себя! Теперь все в порядке.

Я огляделся и обнаружил, что лежу на спине, рядом с бассейном. Кто-то так профессионально пытался привести меня в чувство с помощью искусственного дыхания, что чуть было не оторвал мне левую руку напрочь. Если не считать руки, я был в полном порядке.

— Где он? Тот, который столкнул меня в воду?

— Убежал.

Я узнал голос и повернул голову. Мой друг, мистер Хендерсон, корабельный эконом.

— Убежал?

Вот и все. Мой визитер с крысиной рожей выбрался из воды как раз в тот момент, когда меня вытащили на палубу, и задал стрекача. А когда меня «привели в чувство», Бородавка вместе со своими телохранителями был уже далеко.

Мистер Хендерсон заставил меня лежать до прихода судового врача. Тот приставил к моей груди стетоскоп и объявил, что у меня все о'кей. Я соврал что-то, похожее на правду, и уклонился от дальнейших объяснений. Трап уже убрали, и громкий гудок возвестил, что мы покинули причал.

Разумеется, я не счел нужным сообщить, что в школе считался хорошим игроком в водное поло.

Следующие несколько дней были особенно приятны, что доказывало справедливость поговорки, будто самый сладкий виноград всегда растет на склонах действующих вулканов.

Мне удалось познакомиться (или, если угодно, возобновить знакомство) с моими компаньонами по столу, не возбудив, по-видимому, у них ни малейших подозрений на свой счет. Я узнавал их имена из общих разговоров, запоминал их — и потом пользовался этим. Все со мной были милы — теперь я не только не сидел «ниже солонки», ибо список пассажиров показывал, что я нахожусь на судне с начала круиза, но и стал знаменитостью, если не героем, потому что прошел сквозь пламя.

Плавательным бассейном я больше не пользовался. Я не знал, хорошо ли плавал Грэхем или нет и, будучи «спасенным», не хотел рисковать, показав умение плавать, что не вписывалось в историю о спасении. Кроме того, хотя я и попривык (и даже стал получать удовольствие) к определенной степени женской обнаженности, которая в прошлой жизни меня здорово шокировала бы, я все же не был уверен, что смогу держаться в компании нудистов с апломбом.

Поскольку ни до чего додуматься я не смог, то просто выкинул из головы таинственную историю с Крысиной Мордой и его телохранителями.

То же касалось и главной и всеобъемлющей тайны — кто я такой и как сюда попал; раз сделать ничего нельзя, то не стоит и волноваться. Подумав немного, я решил, что нахожусь примерно в таком же положении, как и все люди на свете: мы не знаем, кто мы такие, откуда взялись и зачем тут пребываем. Моя дилемма была просто поновее, но по сути ничем не отличалась от общей.

Одна вещь (может быть, даже единственная), которую я усвоил в семинарии, заключалась в том, чтобы хладнокровно смотреть в лицо древнейшей тайне жизни и не огорчаться своей неспособностью эту тайну разгадать. Честные священники и проповедники лишены утешения религии; вместо этого им приходится жить, довольствуясь суровой наградой, даваемой философией. Я никогда не был настоящим метафизиком, но все же научился не волноваться из-за вещей, изменить которые не в силах.

Много времени я проводил в библиотеке или в шезлонге на палубе, читая, и с каждым днем почерпывал что-то новое об этом мире и ощущал себя в нем все более уверенно. Золотые счастливые дни бежали быстро, точно сны моего далекого детства.

И каждый день была Маргрета.

Я чувствовал себя мальчуганом, впервые испытавшим приступ щенячьей влюбленности.

То был очень странный роман. Мы не могли разговаривать о любви. Возможно, это я не мог, а она просто молчала. Каждый день она была для меня прислугой (как и для других гостей-пассажиров)... и «мамочкой» (и для других тоже? Не думаю... не знаю точно). Отношения наши были теплые, но не интимные. Но ежедневно, в течение нескольких минут, когда я «платил» ей за услуги типа завязывания бабочки, она превращалась в удивительно нежную и невообразимо страстную возлюбленную.

Но только на эти мгновения.

В другое время я был для нее «мистер Грэхем», она называла меня «сэр» — дружелюбно, тепло, но не интимно. Она охотно болтала со мной, но только стоя у открытой двери; частенько делилась корабельными сплетнями. Ее манеры всегда были манерами отлично вышколенной горничной... Поправка: безукоризненными манерами члена команды, отвечающего за обслуживание пассажиров. Каждый день я узнавал о ней что-то новое. И не мог отыскать в ней ни единого изъяна.

Для меня день начинался с того момента, когда я встречал ее,— это бывало обычно, когда я шел завтракать и сталкивался с Маргретой либо в коридоре, либо видел ее в открытую дверь каюты, которую она прибирала... Всего лишь: «Доброе утро, Маргрета» и «Доброе утро, мистер Грэхем» — но солнце для меня вставало лишь после этого.

За день я виделся с ней несколько раз, но вершиной наших встреч становился ритуал завязывания галстука-бабочки.

Потом я обычно видел ее мельком после обеда. Сразу же после него я на несколько минут возвращался в каюту, чтобы освежиться перед вечерними развлечениями — танцами в гостиной, концертом, игрой или очередным походом в библиотеку. В это время Маргрета нередко находилась где-то в носовой части коридора правого ряда кают палубы «С»: стелила постели, споласкивала ванны и так далее — словом, подготавливала каюты своих «гостей» к ночному сну. И опять я говорил ей: «Привет» — а потом ждал в своей каюте, куда она приходила, чтобы постелить мне постель и спросить: «Вам что-нибудь понадобится еще вечером, сэр?» А я неизменно улыбался и отвечал: «Решительно ничего, Маргрета. Большое спасибо». Этим и заканчивался мой день — чем я занимался до той минуты, когда засыпал, значения уже не имело.

Конечно, мне так и хотелось — каждый день! — сказать ей: «Ты же знаешь, что мне нужно». Но я не мог. In primus[1]: я был женат. Правда, моя жена затерялась где-то в другом мире (или это я затерялся?), но нет освобождения от священных уз брака по сию сторону могилы. Item[2]: любовная связь Маргреты (если таковая имела место) была с Грэхемом, роль которого я лишь исполнял. Я был не в состоянии отказаться от вечернего поцелуя (не ангел же я, в конце концов), но, если я хотел остаться чистым перед моей любовью, я не имел права пойти дальше. Item: благородный человек не может предложить объекту своей любви нечто меньшее, чем брак, а я этого не мог сделать ни с правовой точки зрения, ни, тем более, с моральной.

Так что сладость золотых денечков отдавала горечью. Каждый из них приближал меня к неизбежной минуте, когда я расстанусь с Маргретой и почти наверняка не увижу ее более никогда.

[1] Во-первых *(лат.)*.

[2] Так же *(лат.)*.

И я не имел права намекнуть ей, как велика эта потеря для меня.

И в то же время моя любовь отнюдь не была столь альтруистической, чтоб я надеялся, будто расставание со мной не принесет Маргрете особого горя. В низости своей, будучи эгоистичен, как мальчишка, я тешил себя надеждой, что она будет страдать в разлуке не меньше, чем я сам. Такова уж эта «щенячья» влюбленность! В качестве извинения могу привести лишь тот факт, что мне лично была известна лишь «любовь» женщины, которая любила Иисуса столь сильно, что на привязанность к существу из плоти и крови у нее чувств уже не оставалось.

Прошло уже десять дней с тех пор, как мы покинули Папеэте, и Мексика должна была уже вот-вот показаться из-за горизонта, когда наша зыбкая идиллия вдруг рухнула. Вот уже несколько дней Маргрета стала как-то отдаляться от меня. Обвинить ее ни в чем я не мог, так как не располагал никакими конкретными фактами, и уж конечно не было ничего такого, что дало бы мне право жаловаться на нее. Кризис наступил вечером, в тот момент, когда она, как обычно, завязывала мне бабочку.

Как всегда, я улыбнулся, сказал «спасибо» и поцеловал ее.

Затем отстранился, все еще продолжая держать ее в объятиях, и спросил:

— Что случилось? Я же знаю, что ты можешь целоваться куда лучше. У меня дурно пахнет изо рта?

На что она холодно ответила:

— Мистер Грэхем, я думаю, нам лучше с этим покончить навсегда.

— Итак, я уже «мистер Грэхем». Маргрета, в чем я перед тобой провинился?

— Ни в чем.

— Но тогда... Моя дорогая, ты плачешь?!

— Извините. Я не смогла удержаться.

Я вынул носовой платок, вытер ей глаза и мягко произнес:

— Я и предполагать не мог, что когда-нибудь обижу тебя. Ты должна мне сказать, в чем дело, чтобы я постарался исправить причиненное тебе зло.

— Раз вы не понимаете этого сами, сэр, я не вижу возможности вам что-то объяснить.

— Все же попытайся. Ну пожалуйста! (Может быть, это один из тех цикличных эмоциональных кризисов, которыми страдают все женщины?)

— Мистер Грэхем... я знала, что это все равно может продолжаться только до конца круиза, и, поверьте, ни на что другое не рассчитывала. И все же, думаю, что для меня это нечто большее, чем для вас. Однако я никогда не предполагала, что вы оборвете все так просто, без всяких объяснений и гораздо раньше, чем это станет необходимо.

— Маргрета, я не понимаю...

— Но вы же *знаете*!

— Я? Не знаю я ничего!

— Вы *обязаны* знать! Ведь прошло уже одиннадцать дней! И каждый вечер я спрашивала вас, а вы отвечали мне отказом. Мистер Грэхем, неужели вы никогда не попросите меня зайти к вам попозже?

— Ох! Так вот ты о чем! Маргрета...

— Да, сэр?

— Я не мистер Грэхем!

— Сэр?

— Меня зовут Хергенсхаймер. И сегодня как раз одиннадцать дней с тех пор, как я впервые в жизни увидел тебя. Мне жаль. Мне ужасно жаль. Но такова правда.

7

Но прошу вас, взгляните на меня:
буду ли я говорить ложь пред лицом вашим?

Книга Иова 6, 28

Маргрета одновременно и утешение для глаз, и человек в высшей степени воспитанный. Она ни разу не раскрыла в изумлении рта, не принялась спорить, не воскликнула: «О, нет!» или «Не верю!» Выслушав все, что я ей сказал, она помолчала, выждала, не последует ли продолжение, а потом спокойно ответила:

— Я тебя не поняла.

— Я сам ничего не понимаю,— отозвался я,— что-то произошло в те минуты, когда я пересекал эту пышущую огнем яму. Мир внезапно изменился. Это судно,— я ударил кулаком по шпангоуту,— совсем не то судно, на котором я плыл раньше! И люди называют меня Грэхемом, тогда как я знаю, что мое имя — Александр Хергенсхаймер. Но дело не только во мне или в корабле — дело в самом мире. У него другая история. Другие страны. У вас, например, нет воздушных кораблей.

— Алек, а что такое воздушный корабль?

— Гм... Такая штука, которая летает в воздухе наподобие воздушного шара. И в некоторой степени это действительно воздушный шар. Но он перемещается очень быстро — более ста узлов.

Маргрета спокойно обдумала сказанное.

— Думаю, что это опасно.

— Вовсе нет. Это самый лучший способ путешествия. Я прилетел сюда на таком корабле — «Граф Цеппелин», Североамериканской авиалинии. В твоем мире воздушных кораблей не существует. Именно это и послужило для меня окончательным доказательством, что ваш мир — иной мир — и что это не хитроумный розыгрыш, который кто-то затеял ради меня. Воздушные сообщения — такая важная часть экономики известного мне мира, что без них меняется практически все. Возьми, например... Слушай, а ты мне веришь?

Она ответила медленно и задумчиво:

— Я верю, что ты говоришь мне правду — такую, какой она тебе представляется. Однако правда, которую вижу я, совсем иная.

— Я понимаю. В том-то и заключается вся трудность моего положения. Я... Послушай, если ты не поторопишься, то пропустишь ужин, не так ли?

— Это неважно.

— Нет, важно: ты не должна пропускать трапезы только потому, что я сделал дурацкую ошибку и обидел тебя. А если я не появлюсь за столом, Инга пришлет кого-нибудь выяснять, не заболел ли я, не заснул ли, не произошло ли еще чего-нибудь в том же духе — я видел, что она поступает именно так в подобных случаях. Маргрета, моя любимая! Я так хочу тебе все рассказать! Я так долго ждал этого! Мне просто необходимо поделиться с тобой!

Теперь я могу и даже обязан сделать это. Однако для такого разговора мало пяти минут, его нельзя вести, так сказать, на ходу. Когда ты вечером покончишь с постелями, у тебя найдется время выслушать меня?

— Алек, я всегда найду время, раз тебе это нужно.

— Отлично! Иди вниз и поешь. Я тоже спущусь, перехвачу чего-нибудь — отделаюсь от Инги,— а потом мы встретимся здесь же, когда ты освободишься. Ладно?

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Хорошо, Алек... Ты поцелуешь меня еще раз?

Вот так я узнал, что она поверила мне. Или хочет поверить. Тут-то я и перестал волноваться. Я даже поужинал с аппетитом, хоть и очень торопился.

Когда я вернулся, она уже ждала меня и при моем появлении встала. Я сжал ее в объятиях, поцеловал в нос, приподнял за локти и посадил на кровать, потом уселся на единственный стул.

— Дорогая, как ты думаешь, может быть, я спятил?

— Алек, я не знаю, что и думать.

Изредка, под влиянием эмоций, ее акцент становился более заметным, обычно же ее английское произношение лучше моего — жесткого, как визг заржавленной пилы, произношения уроженца Кукурузного пояса.

— Я знаю,— согласился я,— у меня та же проблема. Есть только две возможные точки зрения на нее. Или случилось нечто невероятное, когда я шел через огненную яму, нечто такое, что изменило мир,— или же я свихнулся, как енот в неволе. Целыми днями я перебирал в уме все известные мне факты и... пришел к выводу, что мир *действительно изменился*. Тут не одни воздушные корабли. Куда-то подевался кайзер Вильгельм Четвертый, а на его месте появился какой-то дурацкий президент Шмидт, ну и прочее в том же духе.

— Я бы не стала называть герра Шмидта дурацким. Он вполне приличный президент по сравнению со многими другими немецкими президентами.

— Вот об этом я и говорю. Мне любой немецкий президент представляется дурацким, ибо Германия — в моем мире — одна

из последних западных монархий, ничем не ограниченных и в то же время весьма эффективных с политической точки зрения. Даже царь и тот не обладает такими правами.

— И я говорю о том же, Алек. У нас нет ни кайзера, ни царя. Великий князь Московский является конституционным монархом и уже не претендует на то, чтобы считаться сюзереном других славянских стран.

— Маргрета, мы оба говорим об одном и том же. Мир, в котором я рос, исчез. Мне приходится заново познавать совершенно другой мир... нет, не совершенно другой. География, по-видимому, не изменилась, а история — не полностью. Оба мира, кажется, были идентичны до начала двадцатого века. Или, скажем, до 1890 года. Около сотни лет назад случилось нечто непонятное, и мир расщепился надвое... А двенадцать дней назад произошло нечто столь же странное, но уже со мной, и меня выкинуло в этот чужой мир.— Я улыбнулся ей.— Но я не жалею. И знаешь почему? Потому что в этом мире есть ты.

— Спасибо. А для меня бесконечно важно, что в нем есть ты.

— Тогда, значит, ты мне веришь. Вот и я вынужден поверить. Поверить так, что перестал волноваться по поводу случившегося. Беспокоит меня только одно — что стало с Алеком Грэхемом? Занял ли он мое место в моем бывшем мире? Или что?

Она не ответила мне, а когда наконец заговорила, то ее слова ошеломили меня своей бессмысленностью.

— Алек, *будь добр, сними, пожалуйста, штаны.*

— Что ты сказала, Маргрета?

— Будь так добр. Я вовсе не шучу и в еще меньшей степени собираюсь соблазнять тебя. Но я должна кое-что проверить. Пожалуйста, спусти брюки.

— Не понимаю... ну, хорошо...

Я умолк и сделал так, как она просила, хоть это и очень нелегко, когда на тебе вечерний костюм. Мне пришлось сначала стащить с себя смокинг, потом жилет, и только сняв эти оболочки, я оказался в состоянии сбросить с плеч подтяжки.

Затем, весьма неохотно, начал расстегивать ширинку. (Еще один недостаток этого мира — в нем отсутствуют «молнии». Я мало ценил их до того, как обнаружил полное отсутствие таковых).

Наконец, тяжело вздохнув, я спустил брюки на несколько дюймов.

— Хватит?

— Еще немножко, если можно... и не откажи в любезности, повернись ко мне спиной.

Я снова повиновался. Потом почувствовал, как ее руки, мягкие и доброжелательные, нежно прикоснулись к моей правой ягодице. Маргрета приподняла нижний край моей сорочки и спустила кальсоны с правой стороны.

Несколько секунд спустя она восстановила *порядок* в моей одежде.

— Вот и все. Спасибо.

Я запихал рубашку в брюки, застегнул их, надел на плечи подтяжки и уже потянулся было за жилетом, когда Маргрета сказала:

— Еще минуточку, Алек.

— Э? А я полагал, что уже все.

— Да, все. Но нет смысла снова влезать в вечерний костюм. Можно я достану твои домашние брюки? И рубашку. Ты же не собираешься идти в салон?

— Нет, конечно. Во всяком случае, если ты останешься.

— Я останусь, нам надо поговорить,— она быстро отыскала домашние брюки и положила их на кровать.— Извини, пожалуйста,— и вышла в ванную.

Не знаю — надо ей было воспользоваться туалетом или нет, но она понимала, что мне удобнее переодеться в каюте, чем в крошечном туалетике.

Я переоделся и сразу почувствовал себя лучше. Жилет и крахмальная сорочка лучше смирительной рубашки, но ненамного. Маргрета вышла из ванной и первым делом повесила на вешалку сброшенную мной одежду — все, кроме сорочки и воротничка. Вынула запонки и спрятала, а сорочку и воротничок бросила в мешок для грязного белья. Интересно, что сказала бы Абигайль, увидев все эти действия, столь характерные для заботливых любящих жен? Абигайль никогда этим не занималась — она считала, что мужчин не следует портить чрезмерной опекой.

— К чему все это, Маргрета?

— Мне надо было кое-что проверить. Алек, ты стараешься разгадать, что произошло с Алеком Грэхемом? Теперь я знаю ответ.

— И что же?

— Он здесь. Ты и есть он.

Дар речи вернулся ко мне только через какое-то время.

— И основой для такого утверждения послужило лицезрение нескольких квадратных дюймов моей задницы? И что же ты там обнаружила, Маргрета? Красное родимое пятно, по которому обычно находят пропавших без вести наследников престола?

— Нет, Алек. Твой Южный Крест.

— Мой... что?

— Алек, ну пожалуйста! Я так надеюсь, что это поможет восстановить твою память! Я увидела его в ту первую ночь, когда мы...— *она заколебалась, но потом посмотрела мне прямо в глаза,*— когда мы занимались любовью. Ты зажег свет, а потом перевернулся на живот, чтобы посмотреть, который час. Вот тогда-то я и увидела эти родинки на правой ягодице. Я что-то сказала насчет рисунка, который они образуют, и мы немного пошутили на эту тему. Ты еще сказал, что это твой Южный Крест и он показывает, где у тебя верх, а где низ — Маргрета слегка покраснела, но не отвела твердого взгляда от моих глаз.— И я показала тебе несколько своих родинок. Алек, мне ужасно жаль, что ты этого не помнишь, но, пожалуйста, верь мне. К тому времени мы уже так привыкли друг к другу, что вполне могли шутить на такие темы, и я нисколько не боялась показаться грубой или нескромной.

— Маргрета, я вообще не могу представить тебя нескромной или грубой, но ты придаешь слишком большое значение дурацкому рисунку, в который случайно сложились родинки. У меня их уйма, и я нисколько не удивляюсь тому, что некоторые из них, в том месте, где я их и вижу-то плохо, образуют что-то вроде креста... И даже тому, что и у Грэхема был похожий рисунок.

— Не похожий, а точно такой же!

— Ну... есть же лучшая возможность проверить. В столе лежит мой бумажник. Вернее, бумажник Грэхема. Там его водительское удостоверение. С отпечатком большого пальца. Я не сверял его, поскольку полностью уверен, что он — Грэхем, а я — Хергенсхаймер и что мы вовсе не один человек. Но мы это можем проверить. Достань бумажник, дорогая. Сверь сама. *Я поставлю свой отпечаток на зеркале в ванной. Сравни их. И тогда ты увидишь сама.*

— Алек, но я *знаю точно*. Это ты не веришь — вот и проверяй.

— Что ж...

Контрпредложение Маргреты показалось мне разумным, я согласился.

Я достал водительское удостоверение Грэхема, затем прижал большой палец к зеркалу в ванной, сначала потерев им нос, ибо на поверхности носа естественного жира, конечно, больше, чем на подушечке пальца. Оказалось, что отпечаток на зеркале плохо различим, поэтому я насыпал немного талька и сдунул его на стекло.

Стало еще хуже. Порошок, которым пользуются детективы, должно быть, куда более мелок, чем тальк для бритья. А может быть, я просто не умел с ним обращаться. Я сделал еще один отпечаток, на сей раз без талька, поглядел на оба, потом на свой правый большой палец, потом на отпечаток на удостоверении, затем попытался проверить, действительно ли на удостоверении помещен именно правый отпечаток. Мне показалось, что так оно и есть.

— Маргрета, будь добра, пойди сюда.

Она вошла в ванную.

— Погляди на это,— сказал я.— Посмотри на все четыре вещи — на мой большой палец и на эти три отпечатка. Главным элементом всех четырех являются дуги, но это, вообще-то говоря, характерно для половины отпечатков больших пальцев во всем мире. Готов поспорить на любую сумму, что и на твоих пальцах преобладает дуговой рисунок. Положа руку на сердце, можешь ли ты утверждать, что отпечаток на удостоверении сделан *этим* моим правым или даже левым пальцем? Те, кто брал отпечатки у Грэхема, могли ведь и ошибиться.

— Ничего не могу сказать, Алек. В таких делах я не знаток.

— Что ж... Я думаю, даже знаток ничего не разберет при таком плохом освещении. Отложим-ка все до утра: нам нужен яркий солнечный день. А еще нам понадобится хорошая белая бумага с блестящей поверхностью, чернильная подушечка и большая лупа. Готов поспорить, что первое, второе и третье найдется у мистера Хендерсона. Ты можешь посвятить мне завтрашний день?

— Разумеется. Но мне эта проверка ни к чему. Алек, я чувствую правду сердцем. А еще я видела твой Южный Крест. У тебя что-то произошло с памятью, но все равно ты — это ты... и когда-нибудь память вернется к тебе целиком.

— Все не так просто, дорогая. Я *знаю*, что я не Грэхем. Маргрета, нет ли у тебя хоть каких-то предположений о том, чем занимался Грэхем? Или почему он оказался на этом судне?

— А я должна обязательно говорить «он»? Я не спрашивала тебя о твоих делах, Алек, а ты никогда не выражал желания говорить о них со мной.

— Да, я думаю, что тебе лучше говорить «он», во всяком случае, до тех пор, пока мы не проверим отпечатки пальцев. Он был женат?

— Я не спрашивала, а он ничего не говорил.

— Но ты намекнула... нет, даже прямо сказала, что занималась любовью с человеком, которого ты считаешь мной, и что ты спала с ним.

— Алек, ты меня осуждаешь?

— О нет, нет, нет! (Но я осуждал, и она это понимала.) С кем ты спишь — твое дело. Но я должен предупредить — я *женат*.

Она придвинулась ко мне вплотную.

— Алек, я не пыталась поймать тебя в брачные сети.

— Ты хочешь сказать — Грэхема? Меня тут не было.

— Хорошо, пусть Грэхема. Я не ловила Алека Грэхема. Мы занимались любовью только потому, что это дарило радость нам обоим, мы были счастливы. О браке никто из нас не упоминал.

— Извини. Я очень сожалею, что заговорил об этом. Мне показалось, что это может иметь какое-то отношение к нашей тайне, вот и все. Маргрета, поверь, я скорее дам отрубить себе руку или вырвать глаз и зашвырнуть его подальше, чем причиню тебе боль, хотя бы и самую малую.

— Спасибо, Алек. Я тебе верю.

— Иисус как-то сказал: «Ступай и больше не греши». Надеюсь, ты не думаешь, что я способен занестись так высоко, чтобы судить кого-либо строже, чем Иисус? Я вообще не сужу тебя, я просто разыскиваю информацию, относящуюся к Грэхему. В особенности о его делах. Гм... у тебя случайно не было оснований заподозрить его в каких-либо незаконных делишках?

На ее губах мелькнула чуть заметная улыбка.

— Если бы я даже заподозрила что-то в этом роде, мое доверие к нему таково, что я никогда не позволила бы себе высказать подозрение вслух. Поскольку ты настаиваешь, что ты — не он, я могу повторить то же самое и в отношении тебя.

— Touche![1] — я глуповато усмехнулся. Сказать ей о стальной шкатулке? Я должен это сделать. Я должен быть с ней предельно откровенен и убедить ее в том, что такая откровенность со мной не будет предательством по отношению к Грэхему (или ко мне).— Маргрета, я спрашивал не из праздного любопытства и не просто сую нос в дела, которые меня не касаются. Мои неприятности куда больше, чем я говорил, и мне необходим твой совет.

Пришла ее очередь удивиться.

— Алек... Я редко даю советы. Мне такое дело не по душе.

— Но я-то могу рассказать тебе о своих неприятностях? Совет ты мне давать не обязана, но, возможно, окажешь помощь в анализе создавшейся ситуации.— Я быстренько изложил ей все, что касалось этого проклятого миллиона долларов.— Маргрета, ты можешь придумать хоть какую-нибудь законную причину, по которой честный человек стал бы таскать с собой миллион долларов наличными? Дорожные чеки, кредитные карточки, аккредитивы, даже боны на предъявителя — да! Но *наличные*! Да еще в таком количестве! Я бы сказал, что психологически это не более вероятно, чем физическая возможность того, что произошло со мной в пылающей яме. Можешь ли ты предложить другую точку зрения? Ради какой *законной* цели человек потащит этакую уймищу наличных в такой круиз, как этот?

— Мне не хотелось бы судить об этом.

— Я же не прошу тебя судить. Я прошу, чтобы ты напрягла воображение и сказала, зачем человек взял с собой миллион долларов чистоганом? Ты можешь придумать хоть какую-нибудь причину? Ну хоть самую маловероятную. При условии, что она будет честной.

— Причин может быть множество.

— Назови хоть одну.

Я ждал, она молчала. Я вздохнул и сказал:

[1] Задет! *(фр.)* — восклицание при фехтовании.

— Вот и я не могу. Криминальных, разумеется, сколько угодно, ибо так называемые грязные деньги всегда перевозят наличными. Это настолько распространено, что большинство правительств — пожалуй, даже все правительства, я думаю,— считают, что любая крупная сумма наличными, перевозимая не банками и не государственными агентствами, должна рассматриваться как уголовщина до тех пор, пока не будет доказано противное. Если же банкноты фальшивые, то эта история выглядит еще хуже. А совет, который мне нужен, таков: Маргрета, что мне делать с деньгами? Они не мои, я не могу забрать их с корабля. По той же причине не могу и оставить здесь. Даже выбросить за борт и то не вправе. Что же мне с ними *делать*?

Мой вопрос отнюдь не был риторическим: следовало найти ответ, который не привел бы меня за тюремную решетку в наказание за преступление, совершенное Грэхемом. Пока единственное, до чего я додумался,— отправиться к высшей власти на корабле, то есть к капитану, рассказать ему о моих затруднениях и попросить взять на хранение этот несчастный миллион.

Чудовищно! Такой шаг породил бы новый поток пренеприятнейших вопросов, характер которых зависел бы от того, поверил мне капитан или нет, честен ли он сам или нечестен, а возможно, и от множества других обстоятельств. Кроме того, я не видел никаких вероятных последствий от беседы с капитаном, кроме того, что меня запрут — либо в тюремную камеру, либо в сумасшедший дом.

Простейшее решение такой запутанной проблемы заключалось в том, чтобы выбросить эту дрянь за борт!

Но против этого восставали мои моральные устои. Я уже нарушил одни заповеди и обошел другие, но быть честным в денежном отношении мне никогда не было трудно. Должен согласиться, что в последнее время мои моральные устои уже не были так прочны, как раньше, но тем не менее кража чужих денег, даже с целью уничтожения, меня не соблазняла.

Существовало и еще одно, более важное обстоятельство: знаете ли вы кого-нибудь, кто, имея в руках миллион долларов, может заставить себя его уничтожить? Вы, может, и знаете, а я — нет. Без всяких усилий над собой я мог передать его капитану, а вот выбросить — был не в состоянии.

Тайком вынести на берег? Алекс, как только ты заберешь его из шкатулки, это уже будет кража. Неужели ты пожертвуешь самоуважением ради миллиона долларов? А ради десяти миллионов? А ради пяти долларов?

— Ну, Маргрета?

— Алек, мне кажется, что решение очевидно.

— Э?

— Просто ты пытаешься решать свои проблемы не с того конца. Сначала ты должен вернуть память. Тогда ты узнаешь, зачем таскал с собой деньги. И окажется, что по какой-то совершенно невинной и вполне логичной причине,— она улыбнулась.— Я знаю тебя лучше, чем ты сам. Ты хороший человек, Алек, ты не преступник.

Мои ощущения были весьма сумбурны: с одной стороны, я чувствовал раздражение, а с другой — гордость от столь лестной оценки моей персоны — раздражения было больше, чем гордости.

— К черту! Дорогая, но я *не терял* память! Я не Алек Грэхем, я — Александр Хергенсхаймер. Это имя я носил всю жизнь, и память у меня в полном порядке, Хочешь знать, как звали мою учительницу во втором классе? Мисс Эдрюс. Или как я совершил свой первый полет на воздушном корабле, когда мне было двенадцать лет? Потому что я действительно явился из мира, где воздушные корабли пересекают океаны и летают даже над Северным полюсом, где Германия — монархия, где Северо-Американский Союз уже сто лет пожинает плоды мира и процветания, а судно, на котором мы сейчас плывем, считалось бы устаревшим и настолько скверно оборудованным и тихоходным, что никто на него не стал бы покупать билет. Я просил помощи, но я нуждаюсь не в помощи психиатра. Если ты думаешь, что я спятил,— так и скажи, и мы прекратим наш никчемный разговор.

— Я не хотела рассердить тебя.

— Моя дорогая! Ты не рассердила меня, просто я свалил на твою голову часть своих бед и невзгод, а этого делать не следовало. Очень сожалею. Но, видишь ли, мои проблемы вполне реальны, и их нельзя разрешить, твердя мне, что у меня плохи дела с памятью. Даже если бы все дело было в ней, то и тогда не стоило убеждать меня в этом, так как проблемы все равно останутся. Но и мне не следовало рычать на тебя, Маргрета, ты — единственное, что есть у меня в этом чужом и страшном мире. Извини меня.

Она поднялась с постели.

— Тебе не надо ни о чем сожалеть, Алек. Но и смысла продолжать разговор сегодня тоже нет. Завтра... Завтра мы сверим отпечатки пальцев, сверим тщательно, при ярком солнечном свете. И тогда ты увидишь... Может быть, это мгновенно вернет тебе память.

— Или столь же мгновенно сокрушит твое упрямство, моя драгоценная девочка.

Она улыбнулась.

— Увидим. Завтра. А теперь пойду-ка я спать. Мы достигли той точки, когда стали повторять одни и те же аргументы... и обижать друг друга. Я так не хочу, Алек. Добром это не кончится.

Она повернулась и пошла к двери, даже не попросив поцеловать ее на ночь.

— Маргрета!

— Да, Алек?

— Вернись и поцелуй меня.

— А зачем, Алек? Ты же женатый человек.

— Гм... Ну, ради Бога... ведь поцелуй — еще не адюльтер.

Она грустно покачала головой.

— Знаешь ли, Алек, есть разные поцелуи. Я бы не стала целоваться так, как целовалась с тобой раньше, если бы не была готова в ту же минуту с радостью перейти к тому, чтобы заняться любовью. Для меня это радостное и вполне невинное дело... а для тебя адюльтер. Ты даже напомнил мне, что сказал Христос женщине, уличенной в прелюбодеянии. А я не грешила... и не собираюсь вовлекать тебя во грех.

Она снова повернулась к выходу.

— Маргрета!

— Да, Алек?

— Ты спрашивала, не собираюсь ли я снова попросить тебя вернуться попозже. Теперь умоляю. Сегодня. Ты придешь ко мне сегодня попозже?

— Это грешно, Алек. Для тебя это грех, а стало быть, он превратит все в грех и для меня — ведь я буду знать, как ты смотришь на это.

— Грех! Я не знаю, что такое грех. Знаю только, что ты мне нужна... и думаю, что нужен тебе.

— Спокойной ночи, Алек.

И она быстро вышла из каюты.

Потом я долго чистил зубы и умывался, затем решил, что еще один душ, пожалуй, сможет помочь. Я пустил еле теплую воду, что, по-видимому, слегка успокоило меня. Но когда я забрался в постель, то долго не мог заснуть, продолжая заниматься тем, что назвал бы размышлениями, хотя на самом деле это занятие таковым не являлось.

Я перебирал в памяти многочисленные крупные ошибки, допущенные мною за всю жизнь, перебирал их одну за другой, сметая с них пыль и подвергая тщательному изучению, чтоб понять, как я превратился в тупого, неуклюжего, безмозглого, самодовольного как осел идиота, которым выставил себя сегодня, и как, добившись успеха в таком благородном деле, унизил и ранил самую лучшую и самую милую женщину, которую когда-либо встречал.

Обычно я могу заниматься таким никчемным самобичеванием чуть ли не всю ночь, особенно если допущенная мной глупость ощутимо велика. Сегодняшняя же была вполне достойна того, чтоб я таращился в пустой потолок многие и многие сутки.

Прошло немало времени, и полночь уже давно миновала, когда я очнулся от звука ключа, который кто-то поворачивал в замке. Я принялся шарить в поисках кнопки от ночника и нашел ее как раз в то мгновение, когда Маргрета сбросила халат и легла рядом со мной. Я тут же выключил свет.

Она была теплая и нежная. Она дрожала и плакала. Я тихо обнял ее и попытался успокоить. Ни она, ни я не произнесли ни единого слова. Слишком уж много слов было сказано раньше, и большая часть их, к сожалению, принадлежала мне. Пришло время, когда нужно было только прижаться, крепко обнять друг друга и уж если говорить, так без слов.

Наконец бившая ее дрожь стала стихать, а потом прошла совсем. Дыхание стало ровным. Она вздохнула и почти неслышно сказала:

— Я не могла оставаться одна.

— Маргрета, я люблю тебя.

— О, и я люблю тебя, да так, что сердце болит.

* * *

Кажется, мы оба спали, когда это произошло. Я-то вовсе не был расположен ко сну, но впервые после хождения по углям почувствовал себя спокойным и расслабился, ну и задремал, конечно.

Первым был тот невероятной силы толчок, который нас чуть не выбросил из кровати, затем послышался рвущий барабанные перепонки звук ломающегося металла. Я зажег ночник и увидел, как корабельная обшивка у изножья кровати медленно прогибается внутрь.

Раздался сигнал общей тревоги, что усилило и без того оглушительный шум. Стальная обшивка вздулась и лопнула, нечто грязно-белого цвета и очень холодное просунулось в дыру. Свет погас.

Уже не помню, как я выбрался из кровати, таща за собой Маргрету. Корабль тяжело накренился на левый борт, мы покатились к внутренней переборке. Я ударился о дверную ручку, уцепился и повис на ней, держась правой рукой, а левой изо всех сил прижимал к себе Маргрету. Теперь корабль повалился на правый борт. В каюту через пробоину ворвался холодный ветер и хлынула вода — мы слышали, чувствовали все это, но видеть ничего не могли. Судно выпрямилось, потом снова упало на правый борт, и меня оторвало от дверной ручки.

То, что произошло потом — моя реконструкция событий; кругом, заметьте, тьма кромешная и сумасшедшая какофония звуков. Мы упали — я так и не отпустил Маргрету — и вдруг оказались в воде.

Видимо, когда судно опять завалилось на правый борт, нас выкинуло через пробоину. Но это лишь догадки. Все, что я действительно знаю — мы вместе упали в воду и погрузились довольно глубоко.

Потом вынырнули. Я прижимал к себе Маргрету левой рукой, как полагается делать, спасая утопающих. Мне удалось оглядеться и вздохнуть, как вдруг мы опять ушли под воду.

Судно было совсем рядом и продолжало двигаться. Дул холодный ветер, раздавался непонятный скрежет, что-то огромное и темное виднелось чуть в стороне от корабля. Но именно корабль

пугал меня больше всего, вернее, его винт. Каюта С-109 была далеко впереди — и если мне не удастся отплыть подальше от судна, корабельный винт смолотит нас с Маргретой, как гамбургер. Я еще крепче прижал ее к себе и, изо всех сил колотя ногами, устремился прочь от корабля. Я уже торжествовал победу, ощущая, что грозящая нам опасность со стороны судна почти миновала... и тут с силой ударился головой в темноте обо что-то твердое.

8

И взяли Иону и бросили его в море;
и утихло море от ярости своей.

Книга пророка Ионы 1,15

Мне было удобно и не хотелось просыпаться. Но слабая пульсация в голове раздражала, и, хочешь не хочешь, проснуться пришлось. Потряс головой, чтоб отделаться от этого биения, и тут же набрал полный рот воды. Я откашлялся.

— Алек? — голос Маргреты раздался совсем рядом.

Я лежал на спине в теплой, как кровь, воде, соленой на вкус; беспросветная тьма окружала меня. Пожалуй, никогда еще по сию сторону смерти я столь явственно не ощущал себя пребывающим в чреве матери. А может быть, это уже смерть?

— Маргрета?

— О! О Алек! Как я счастлива. Ты спал так долго! Как ты себя чувствуешь?

Я пошарил вокруг, проверил одно, другое, подвигал третьим и четвертым и понял наконец, что плаваю на спине рядом с Маргретой, которая тоже лежит на спине, поддерживая мою голову руками — классическая поза спасателей из Красного Креста. Она делала слабые лягушачьи движения ногами не столько для того, чтобы двигаться, а чтобы держаться на воде.

— Мне кажется, со мной все в порядке. А как ты?

— Я тоже в порядке, дорогой, особенно теперь, когда ты проснулся.

— Что случилось?

— Ты врезался головой в гору.

— В гору?

— Ледяную гору. Айсберг.

(Айсберг? Я старался вспомнить все, что произошло).

— Какой еще айсберг?

— Да тот, который налетел на наш корабль.

Кое-что припоминалось, но ясной картины пока не складывалось. Ужасный толчок, будто судно с ходу наткнулось на риф, а затем мы оказались в воде... Попытка отплыть подальше и удар обо что-то головой...

— Маргрета! Мы же в тропиках, почти на широте Гавайских островов. Откуда тут взяться айсбергу?

— Не знаю, Алек.

— Но это...— я хотел сказать «невозможно», а потом подумал, что в моих устах это слово прозвучит довольно глупо.— Вода здесь слишком тепла для айсбергов. Послушай, перестань так усиленно работать ногами, в соленой воде я плаваю так же легко, как кусок мыла «Айвори».

— Ладно. Но разреши мне держаться за тебя. Один раз я уже почти потерялась в темноте, ужасно боюсь, как бы это не повторилось. Когда мы выпали сквозь дыру, вода была холодна. Теперь она теплая, значит, айсберг уже далеко.

— Конечно, держись за меня, мне бы не хотелось потерять тебя. Да, вода была холодна. Или она казалась такой по сравнению с чудесной теплой постелью? И ветер был ледяной. А что случилось с айсбергом?

— Не знаю, Алек. Мы же вместе свалились в воду. Ты схватил меня и отплыл подальше от корабля. Я уверена, что именно это нас спасло. Однако было так темно, как бывает только в декабрьские ночи, дул страшный ветер, и во тьме ты врезался головой в лед. Именно тогда я чуть не потеряла тебя. От удара ты лишился сознания, твои руки разжались и ты меня отпустил. Я ушла под воду, нахлебалась, всплыла, отплевалась, а тебя найти не смогла. Алек, никогда в жизни я еще так не пугалась! Тебя не было нигде. Я ничего не видела, я шарила руками кругом, но не могла до тебя дотянуться, я звала тебя, но ты не отвечал.

— Прости меня.

— Я знала, мне нельзя впадать в панику. Но я решила, что ты утонул. Или тонешь, а я ничем не могу помочь. Но, хлопая руками по воде, я наткнулась на тебя, ухватилась за тебя, и все стало хорошо... хоть ты и не подавал признаков жизни. Но я проверила — твое сердце билось сильно и ровно, значит, в конце концов все должно было обойтись — и мне даже удалось перевернуть тебя на спину и поддерживать твое лицо над водой. Прошло много времени, прежде чем ты очнулся, и теперь все действительно просто чудесно.

— Ты не потеряла голову. Если бы ты ударилась в панику, я бы уже давно был мертв. Немногие сделали бы то, что удалось тебе.

— Ничего особенного: два летних сезона подряд я работала спасателем на пляже к северу от Копенгагена, а по пятницам даже проводила инструктаж. Обучила множество девчонок и мальчишек.

— Не терять головы в абсолютной тьме — этому не научишься. Так что не скромничай. А что с кораблем? И с айсбергом?

— Алек, я же говорю — не знаю. Только после того, как я нашла тебя, убедилась, что ты жив, и потащила тебя за собой, как на буксире, мне удалось оглядеться. Все уже было так, как сейчас. Пустота. Сплошная тьма.

— Может быть, судно затонуло? Ведь удар был хоть и один, но очень сильный. А не было ли взрыва? Ты ничего не слыхала?

— Никакого взрыва я не слышала. Только свист ветра и звук удара — ты их, наверно, тоже слышал,— а затем какие-то крики уже после того, как мы оказались в воде. Если судно и потонуло, то я этого не видела. Алек, последние полчаса я плыву, упираясь головой то ли в подушку, то ли в связку матрасов. Значит, корабль пошел ко дну и это обломок кораблекрушения?

— Не обязательно. Но чувства особой радости не вызывает. А зачем ты толкаешь ее головой?

— Потому что она может пригодиться. Если это подушка от палубного шезлонга или матрас для солнечных ванн из бассейна, то они набиты капоком и служат своего рода спасательным средством.

— Вот и я о том же. Если это спасательная подушка, то зачем толкать ее головой? Почему бы не влезть на нее?

— Потому что я не могу сделать это, не отпустив тебя.

— О Маргрета! Когда мы выберемся из этой истории, не будешь ли ты добра дать мне хорошего пинка? Ладно, я очухался теперь; давай посмотрим, что ты нашла. Методом Брайля.

— Олл райт! Но я не хочу отпускать тебя в такой темноте.

— Любимая, я не меньше тебя заинтересован в том, чтобы не потеряться. О'кей! Сделаем так: держись за меня одной рукой, а другую закинь назад и покрепче ухватись за подушку, или как ее там... Я же повернусь и, не отпуская тебя, попробую по твоей руке дотянуться до подушки. А потом посмотрим — то есть пощупаем то, что нам досталось, и решим, как с ним поступить.

Это оказалось не подушкой и даже не сиденьем от скамейки; это была (как удалось выяснить на ощупь) большая подстилка для солнечных ванн, примерно футов шесть в ширину и немного больше в длину. Достаточно большая для двух человек — и даже для трех, если они хорошо знакомы. Да, это было почти так же великолепно, как если бы мы натолкнулись на спасательную шлюпку. Лучше! Плавучая подушка в придачу к Маргрете! Я вспомнил довольно неприличную поэму, которая тайно ходила среди семинаристов: «Кувшин вина и хлеба ломоть, и ты...»

Взобраться на матрас, шевелящийся, как червяк на крючке, да еще в ночь, что чернее угольной кучи, не просто трудно — невозможно. Мы совершили это невозможное таким образом: я обеими руками вцепился в матрас, а Маргрета медленно переползала с меня на него. Потом она протянула мне руку и я, преодолевая дюйм за дюймом, взобрался на прогибающуюся поверхность подстилки.

Когда я попробовал опереться на локоть, то тут же свалился в воду. И потерялся. Пришлось ориентироваться на голос Маргреты, чтобы добраться до матраса, и снова медленно и осторожно вползать на него.

Опытным путем мы обнаружили, что лучше всего использовать пространство и удобства, предоставляемые матрасом, так: лежать на спине рядышком друг с другом, широко раскинув руки и ноги, подобно морским звездам с рисунка Леонардо да Винчи, и занимая как можно большую площадь нашей подстилки.

— Ты в порядке, родная? — спросил я.

— В полном.

— Чего-нибудь хочешь?

— Ничего. Кроме того, что у нас уже есть. Мне удобно, я отдыхаю, и ты со мной.

— Присоединяюсь. Но чего бы ты хотела, если бы можно было получить все, что угодно.

— Что ж... Тогда горячий фадж-санде.

Я обдумал эту идею.

— Нет. Шоколадный санде с лакричным сиропом и вишенкой наверху и чашку кофе.

— Чашку шоколада. Но мне все же подать горячий фадж-санде. Я полюбила его, когда была в Америке. Мы, датчане, готовим множество всяких вкусностей с мороженым, но заливать горячим сиропом ледяное блюдо нам в голову еще не приходило. Горячий фадж-санде. И лучше сразу двойную порцию.

— Олл райт! Плачу за двойную порцию, раз тебе так хочется. Пойду на риск, я ведь обожаю держать пари... тем более что ты все же спасла мне жизнь.

Она ласково погладила меня по руке:

— Алек, ты смеешься... и я счастлива. Как думаешь, мы выберемся отсюда живыми?

— Не знаю, родная. Главная ирония жизни заключается в том, что мало кто выбирается из нее живым. Но я могу твердо обещать тебе одно: я сделаю все что от меня зависит, чтобы угостить тебя порцией горячего фадж-санде.

Проснулись мы с рассветом. Да, я заснул и, насколько знаю, Маргрет тоже, потому что, когда я проснулся, она еще спала. Было слышно ее спокойное посапывание, и я лежал тихо, пока не увидел, что глаза у нее широко раскрыты. Я не думал, что смогу заснуть, но не удивляюсь (теперь), что нам это удалось,— отличная постель, полная тишина, чудесная температура воздуха, усталость... и абсолютное отсутствие причин для беспокойства, о которых стоило говорить, ибо мы не могли ничего предпринять для решения наших проблем — во всяком случае до тех пор, пока не рассветет. По-моему, я заснул с мыслью: да, Маргрета права — горячий фадж-санде лучше шоколадного санде с лакричным сиропом. Помню, что мне приснился такой санде — квазикошмар, в котором я чуть ли не по уши зарывался в пломбир, отхватывал огромный кусок, подносил ложку ко рту и обнаруживал, что она пуста. Думаю, от этого я и проснулся.

Маргрета повернулась ко мне и улыбнулась; она выглядела лет на шестнадцать, и вид у нее был самый ангельский (...как двойни молодой серны. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе...).

— Доброе утро, красавица.

Она хихикнула.

— Доброе утро, Очарованный Принц! Хорошо ли почивали?

— Если по правде, Маргрета, то я уже месяц не спал так хорошо. Странно. И все, что мне нужно сейчас, так это завтрак в постель.

— Сию минуту, сэр. Бегу!

— Вас понял. Не следовало мне упоминать еду. Пожалуй, удовольствуюсь поцелуем. Как думаешь, мы сумеем поцеловаться и при этом не свалиться в воду?

— Сумеем. Но будем осторожны. Поверни голову ко мне, но не вздумай поворачиваться всем телом.

Поцелуй оказался скорее символическим, нежели одним из тех сногсшибательных специальных блюд, которые так прекрасно готовила Маргрета. Мы оба приняли все меры, чтобы не нарушить драгоценное равновесие нашего плота. Нас беспокоило нечто большее, чем просто падение в океан; во всяком случае, меня.

Я решил обсудить сей предмет и вытащить его наружу, дабы мы могли побеспокоиться о нем вместе.

— Маргрета, судя по карте, что висела на стене около столовой, мексиканский берег с Масатланом должен находиться где-то к востоку от нас. В котором часу затонуло наше судно? Если, конечно, оно затонуло. Я хочу сказать, в котором часу произошло столкновение?

— Понятия не имею.

— И я тоже. Но во всяком случае — после полуночи. В этом-то я уверен. «Конунг Кнут» должен был прибыть в порт в восемь утра. Так что берег должен находиться от нас примерно в ста милях к востоку. А может, и ближе. Горы должны быть вон там. И возможно, мы увидим их, когда туманная дымка рассеется. Так было вчера, значит, есть вероятность, что они покажутся нам и сегодня. Любимая, как у тебя с плаванием на дальние дистанции? Если мы увидим горы, то не рискнуть ли нам?

— Алек, если ты настаиваешь, мы можем попытать счастья.

— Это не совсем то, о чем я спрашиваю.

— Верно. В теплой воде, полагаю, я смогу плыть столько, сколько понадобится. Однажды я переплыла Большой Бельт; а вода там похолоднее. Но, Алек, в Бельте нет акул. А здесь они есть. Сама видела.

Я тяжело вздохнул:

— Рад что ты заговорила об акулах сама: мне не хотелось начинать разговор первым. Родная, нам придется остаться тут и не дышать, чтоб не привлекать к себе внимания. Утренний завтрак я готов пропустить, особенно если это завтрак для акул.

— От голода быстро не умирают.

— Мы не умрем от голода. А если бы ты могла выбирать, на чем бы ты остановилась? Смерть от солнечных ожогов? Голодная смерть? В акульей пасти? От жажды? Во всех романах о потерпевших кораблекрушение или о Робинзонах Крузо мне всегда попадались герои, которым всегда было чем заняться — у меня же нет даже простой зубочистки. Поправка: у меня есть ты, а это меняет все. Маргрета, как ты думаешь, что с нами будет?

— Думаю, нас подберут.

Я думал точно так же, но по ряду соображений не хотел говорить Маргрете об этом.

— Рад слышать, что ты так считаешь. А почему ты в этом уверена?

— Алек, ты бывал в Масатлане?

— Нет.

— Это крупный порт как промыслового, так и спортивного рыболовства. С рассветом сотни судов выходят в океан. Самые большие и быстроходные уплывают на сотни километров от берега. Если дождемся, они нас найдут.

— Могут найти, ты хочешь сказать? Океан, знаешь ли, довольно большая штука. Но ты права. Отправиться вплавь по нему — самоубийство. Лучше уж остаться тут и держаться покрепче.

— Алек, они будут искать нас.

— Будут? Почему?

— Если «Конунг Кнут» не затонул, то капитан знает, где и когда мы упали за борт. И, придя в порт — а это должно произойти вот-вот,— он потребует, чтобы начались поиски уже днем. А если корабль затонул, начнут обыскивать весь район в поисках спасшихся.

— Звучит логично. (Правда, у меня была другая идея и совсем не такая логичная).

— Наша задача — остаться в живых до того времени, как нас найдут, по возможности избежав акул, жажды и солнечных ожогов. А значит, мы должны двигаться как можно меньше. Лежать неподвижно, и только лежать. Время от времени, когда взойдет солнце, нужно поворачиваться с боку на бок, чтобы кожа нагревалась равномерно.

— И молиться о ниспослании облачной погоды. Да, ты говоришь верно. И может быть, нам лучше даже не разговаривать. Меньше шансов, что начнем страдать от жажды. А?

Она молчала долго, и я уже подумал, что она последовала моему совету. Однако наконец она произнесла:

— Любимый, может быть, мы не выживем.

— Я знаю.

— А если нам предстоит умереть, то я предпочту умереть, слыша твой голос. И не хочу, чтоб у меня отняли право говорить, как я люблю тебя, говорить, когда хочется, а не молчать ради тщетной надежды прожить несколько лишних минут.

— Да, моя возлюбленная, да!

Несмотря на наше решение, мы говорили очень мало. Мне было достаточно касаться ее руки, ей, как оказалось, тоже.

Спустя долгое время — часа три, по моим расчетам — я почувствовал, что Маргрета вздрогнула.

— Что случилось?

— Алек! Посмотри туда!

Она показала пальцем. Я взглянул.

Я чуть не разинул рот, но сдержался: высоко над нами летело нечто в форме креста, чем-то похожее на планирующую птицу, только гораздо крупнее и явно искусственного происхождения. Летательная машина...

Я-то знал, что летательных машин быть не может. В техническом училище я проходил знаменитое математическое доказательство профессора Саймона Ньюкома, что все попытки профессора Лэнгли и других построить аэроплан, который сможет нести человека, обречены на неудачу и беспочвенны. Ведь согласно теории масштабов, машина столь крупная, чтобы поднять человека, должна еще нести и мотор, достаточно мощный, чтобы оторвать ее от Земли, а уж о пассажире и говорить нечего.

Это было последнее слово науки, разоблачившее явную глупость и полностью прекратившее попытки тратить общественные средства на подобные эфемерные идеи. Деньги, ассигнованные на научные и опытные разработки, пошли на воздухоплавание, то есть куда следовало, что дало великолепный результат.

Однако за последние несколько дней я приобрел иную точку зрения на «невозможное». И когда невероятная летающая машина появилась в небе, я как-то не слишком удивился.

По-моему, Маргрета смогла перевести дух, только когда машина пролетела над нами и устремилась к горизонту. Я тоже не отрывал от нее глаз, но все же заставил себя дышать более спокойно. Она была прекрасна — серебристая, стремительная и изящная. Я не мог определить ее величину, но, если черные точки на ней — окна, она должна быть огромной.

Я не понимал, как она движется.

— Алек, это воздушный корабль?

— Нет. Во всяком случае, это не то, что я имел в виду, говоря о воздушных кораблях. Я назвал бы это летательной машиной. Могу сказать только одно: таких я никогда не видел. Но знаешь, я должен сообщить тебе одну вещь, очень, очень важную.

— Да?

— Мы не умрем... И теперь я знаю, почему был потоплен корабль.

— Почему, Алек?

— Чтобы помешать мне сверить отпечатки пальцев.

9

Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть;
жаждал, и вы напоили Меня;
был странником, и вы приняли Меня.

Евангелие от Матфея 25, 35

— Или, говоря точнее, айсберг оказался на том месте и столкнулся с кораблем для того, чтобы не дать мне сверить свой отпечаток пальца с отпечатком на водительском удостоверении Грэхема. Судно, скорее всего, не затонуло: видимо, не было запланировано.

Маргрета ничего не ответила.

Поэтому я мягко сказал:

— Давай, дорогая, говори что хочешь. Облегчи душу, я не возражаю. Ну, я — псих! Параноик.

— Алек, я этого не говорила. И не думала, и не собираюсь говорить.

— Да, не говорила. Но на сей раз то, что со мной произошло, не может быть объяснено «потерей памяти». Разумеется, если мы с тобой видели одно и то же. Что видела ты?

— Что-то непонятное в небе. И не только видела, но и слышала. Ты сказал мне, что это летательный аппарат.

— Ну-у, я только предполагаю, что он так называется, но ты, если хочешь, можешь называть его хоть э-э-э... драндулетом, мне все едино. Нечто новое и незнакомое. Так каков же этот драндулет? Опиши его.

— Что-то летевшее по небу. Оно прилетело вон оттуда, потом пролетело почти над нами и исчезло вон там. (Она показала, как я считал, в северном направлении.) По форме оно напоминало крест, распятие. Поперечина креста имела выступы, по-моему, их было четыре. Спереди что-то вроде глаз, как у кита, а на заднем конце нечто напоминающее китовый хвост. Кит с крыльями — вот на что это было похоже больше всего, Алек,— кит, летящий по небу.

— Ты подумала, что он живой?

— Хм... не знаю. Нет, не думаю. Впрочем, не знаю, что и думать.

— Я не считаю, что он живой — мне кажется, что это машина. Летательная машина. Лодка с крыльями. Но что бы там ни было, машина или летающий кит, видела ли ты когда-нибудь хоть что-то похожее?

— Алек, эта штука такая странная, что мне даже не верится, будто она существует в действительности.

— Понимаю. Но ты увидела ее первой и указала мне на нее, значит, не я хитростью заставил тебя думать, что ты ее видишь.

— Но ты же никогда бы этого не сделал!

— Нет, не сделал бы. Но я, любимая, все же рад, что ты первой увидела ее. Значит, она реально существует, а не является порождением кошмара, зародившегося в моем горячечном уме. Однако этот аппарат явился не из того мира, к которому ты привыкла. И могу тебя заверить, что он не имеет отношения и к воздушным

кораблям, о которых я рассказывал. Этот аппарат не из того мира, где вырос я. Значит, мы находимся в каком-то третьем мире,— я тяжело вздохнул.— В первый раз, чтобы доказать мне, что я очутился в чужом мире, потребовался лайнер водоизмещением в двадцать тысяч тонн. На сей же раз — зрелища чего-то, что просто не может существовать в моем мире, оказалось достаточно, чтобы я понял — они снова принялись за свое. Они поменяли миры в тот момент, когда заставили меня потерять сознание. Во всяком случае, я полагаю, что именно тогда. Мне кажется, это было сделано, чтобы помешать сверить отпечатки пальцев. Паранойя! Навязчивая идея, будто Вселенная вступила в заговор против меня. Только это не галлюцинация.— Я внимательно следил за выражением глаз Маргреты.— Что ты скажешь?

— Алек... А не могло случиться, что нам обоим просто привиделась эта штука? Может, у нас лихорадка? Нам обоим крепко досталось: ты ударился головой, возможно, и меня обо что-то стукнуло, когда корабль налетел на айсберг.

— Маргрета... но и в таком случае нас не могли посетить одни и те же галлюцинации. Если бы ты проснулась и обнаружила, что меня нет, ответ для тебя был бы найден. Но я не исчез — вот он я. Кроме того, тебе все равно потребовалось бы найти объяснение появления айсберга в южных широтах. Нет уж! Паранойя — куда более подходящее объяснение! Причем заговор направлен именно против меня — ты просто имела несчастье случайно вляпаться в эту историю. О чем я очень сожалею. (На самом деле я нисколько не сожалел. Плот посреди океана — не место для одного, а вместе с Маргретой — это почти что рай).

— И все же я думаю, что нам приснился один и тот же сон... АЛЕК, ОНА СНОВА ПОЯВИЛАСЬ!!! — И Маргрета вытянула руку вперед.

Сначала я ничего не увидел. Но вот она появилась — крохотная точка, постепенно обретающая форму креста, то есть та самая штука, которую я назвал летательной машиной. Я наблюдал, как она растет.

— Маргрета, должно быть, она вернулась. Может быть, она увидела нас? Или, вернее, *они* заметили нас. Или он. Выбирай, что больше нравится.

— Возможно, ты прав.

Когда машина приблизилась, я заметил, что она должна пролететь не прямо над нами, а правее. Внезапно Маргрета воскликнула:

— Она другая! Не похожа на первую!

— Да, это не летающий кит. Если, конечно, не предположить, что здешние киты имеют на боках широкие красные полосы.

— Это не кит. Я хочу сказать, не живое существо. Ты был прав, Алек, это машина. Дорогой, ты в самом деле думаешь, что внутри нее сидят люди? Одна мысль об этом приводит меня в ужас.

— Полагаю, я бы больше испугался, если бы внутри нее не оказалось никого. (Я припомнил фантастический рассказ, переведенный с немецкого, о мире, населенном одними автоматами,— довольно скверная история.) Но это превосходная новость! Теперь мы оба знаем, что первая машина — не сон и не галлюцинация. Что в свою очередь свидетельствует — мы попали в другой мир. Стало быть, нас обязательно спасут.

Маргрета с сомнением произнесла:

— Не вижу логической связи.

— Потому что ты никак не хочешь согласиться с тем, что я — параноик, и я тебе за это очень благодарен, дорогая. Но моя паранойя — простейшая из гипотез. Если тот шутник, что дергает за веревочки, намеревался бы меня убрать, это было бы проще всего сделать во время столкновения с айсбергом. Или еще раньше — в пылающей яме.

Но, видимо, он не желает моей смерти, во всяком случае, сейчас. Он играет со мной, как кошка с мышью. Значит, я буду спасен. И ты — тоже, ибо мы вместе. Ты была со мной в тот момент, когда айсберг ударился о судно — тут тебе не повезло. Но ты все еще со мной и, значит, будешь спасена — это уже можно расценивать как везение. И не сопротивляйся, родная. У меня было время привыкнуть к таким превращениям, и я считаю, что все будет в порядке, если внутренне расслабиться. Паранойя — единственный рациональный подход к миру, который плетет против нас интриги.

— Но, Алек, мир не имеет права вести себя так.

— Тут не существует понятия «иметь право», моя любовь. Суть философии состоит в том, чтобы принимать Вселенную такой, какая она есть, а не в том, чтобы насильно пытаться подогнать ее к какой-то выдуманной форме.— Тут я завопил: — Ой, не перека-

тывайся на бок! Неужели ты хочешь превратиться в акулью закуску в тот момент, когда мы убедились, что нас обязательно спасут?

В течение ближайшего часа или около того ничего не произошло, если не считать двух великолепных акульих плавников. Дымка над океаном растаяла, и я начал волноваться — не опоздает ли избавление? Я считал, что уж это они обязаны обеспечить мне. Во всяком случае, не дать получить ожоги третьей степени. Маргрета могла пробыть на солнце немного дольше меня: она хоть и блондинка, но загорела до цвета поджаристой корочки — дивное зрелище! Что касается меня, то я был белее лягушачьего брюха, за исключением рук и лица, так что пребывание днем на тропическом солнце могло надолго уложить меня в больницу, а могло быть и того хуже.

В восточной части горизонта появились какие-то сероватые очертания, которые могли оказаться горами. Так во всяком случае я говорил себе — однако, если ваша точка обзора приподнята всего лишь дюймов на семь выше поверхности океана, вряд ли можно что-либо рассмотреть. Если это действительно были горы или холмы, значит, до земли оставалось не так уж много миль. Суда из Масатлана могли появиться ежеминутно... если, конечно, Масатлан в этом мире существует. Если...

Появилась еще одна летательная машина.

Она лишь отдаленно напоминала первые две. Те летели почти параллельно берегу — первая с юга, вторая с севера. Эта же шла прямо от берега в западном направлении, к тому же выделывала какие-то зигзаги.

Она пролетела севернее нас, потом повернула обратно и принялась кружить у нас над головой. Она спустилась достаточно низко, и я разобрал, что в ней действительно сидят люди, похоже, двое.

Внешний вид машины описать нелегко. Прежде всего вообразите огромный коробчатый воздушный змей, примерно сорока футов в длину, четырех — в ширину и с расстоянием между плоскостями около трех футов.

Теперь представьте себе, что эта коробка укреплена под прямым углом на лодке, несколько напоминающей эскимосский каяк, только больше, гораздо больше — примерно такой величины, как сама коробка воздушного змея.

Еще ниже находились два меньших каяка, параллельных главному телу лодки.

В одном конце каяка находился мотор (это я узнал потом) и там же был укреплен пропеллер, похожий на пароходный винт (и это я тоже увидел позже). Когда я впервые столкнулся с этим невероятным сооружением, воздушный винт крутился с такой скоростью, что его нельзя было рассмотреть. Зато слышать — сколько угодно! Это приспособление непрерывно издавало оглушительный шум.

Машина развернулась в нашу сторону и наклонила нос так, будто хотела в нас врезаться — точно пеликан, несущийся вниз, чтобы схватить рыбу.

А рыба — это мы. Стало страшно. Во всяком случае, мне, Маргрета даже не пискнула. Только изо всех сил сжала мои пальцы. Тот факт, что мы все же не рыба и машина не может нас проглотить, да вряд ли и стремится, нисколько не делал ее пикирование менее устрашающим.

Несмотря на испуг (а может быть, именно из-за него), я разобрал, что летательный аппарат по крайней мере вдвое больше, чем представлялось мне, когда он появился в небе. Там сидели два водителя, расположившиеся рядом у окна в передней части машины. Моторов оказалось два, и находились они между крыльями коробчатого змея — один справа от водителей, другой — слева.

В самый последний момент машина вздыбилась как лошадь, берущая барьер, и лишь чудом не задела нас. Поднятый ею порыв ветра чуть не сбросил нас с плота, а от грохота винта зазвенело в ушах.

Машина поднялась повыше, описала дугу в нашем направлении и снова ринулась вниз, но уже не прямо на нас. Два нижних каяка коснулись воды, подняв фонтаны брызг, похожие на сверкающий хвост кометы. Машина замедлила ход и замерла на месте, покачиваясь на воде и не думая при этом тонуть.

Теперь воздушные винты крутились очень медленно, и я впервые их увидел... поразившись инженерной выдумке, которая их сотворила. Возможно, они менее эффективны, чем капиллярные воздушные винты, используемые на наших дирижаблях, но все равно это очень элегантное решение проблемы в условиях, когда принцип капиллярности применить затруднительно, а может быть, и просто невозможно.

Но эти воющие как грешники в аду моторы! И как мало-мальски опытный инженер мог с ними смириться — просто ума не приложу. Как говаривал один из моих профессоров (это было еще до того, как термодинамика убедила меня, что я обладаю священническим призванием), шум есть побочный результат низкой эффективности изобретения. Правильно сконструированная машина безмолвна как могила.

Машина развернулась и направилась к нам, только теперь очень медленно. Ее водители провели ее всего лишь в нескольких футах от нас и тут же остановили. Один из тех, кто сидел внутри, вылез и левой рукой ухватился за одно из креплений, соединявших плоскости похожих на ящик крыльев. В другой руке он держал бухту каната.

В тот момент, когда летательная машина скользнула мимо нас, он бросил нам конец. Я поймал его, крепко схватил обеими руками и не упал в воду только потому, что Маргрета вцепилась в меня изо всех сил.

Я передал конец Маргрете.

— Пусть они втянут тебя к себе. А я спущусь в воду и последую за тобой.

— Нет!

— Как это так — нет? Сейчас не время упрямиться. Делай как сказано!

— Алек, помолчи. Он что-то пытается нам объяснить.

Я заткнулся, обиженный до глубины души. Маргрета внимательно вслушивалась. (Мне-то слушать смысла не было: мой испанский ограничивался «gracias» и «por favor»[1]. Зато я прочел надпись на борту машины: «El Guardacostas Real de Mexico»[2].

— Алек, он предупреждает, чтоб мы были предельно осторожны. Тут акулы.

— Ой!

— Да. Нам надо оставаться на месте. А он будет потихоньку подтягивать к себе канат. Я думаю, он намерен втащить нас в машину так, чтобы мы не оказались в воде.

— Вот человек, который мне воистину по душе!

---

[1] Спасибо; прошу вас *(исп.)*.

[2] «Береговая охрана Мексиканского королевства».

Мы испытали предложенный способ — но ничего не вышло. Ветер посвежел, и данное обстоятельство больше сказывалось на летательной машине, чем на нас: пропитавшийся водой матрас для солнечных ванн как бы приклеился к воде — у него же не было паруса. Вместо того чтобы подтянуть нас к машине, человек, державший другой конец каната, вынужден был все время отпускать его, иначе нас бы просто стащило с матраса в воду.

Он что-то крикнул, Маргрета ответила. Так они перекликались довольно долго. Наконец она повернулась ко мне:

— Он говорит, чтобы мы отпустили конец, они отплывут, а потом вернутся, но на этот раз машина пойдет прямо на наш плот, только очень медленно. Когда они подплывут совсем близко, нам придется попытаться влезть в aeroplano. Так называется машина.

— Хорошо.

Машина отплыла. Побежала по воде и, описав дугу, снова направилась к нам. Пока мы ожидали ее, скучать не пришлось: для развлечения совсем рядом появился огромный акулий спинной плавник. Акула не атаковала, видно, еще не обмозговала (да и был ли у нее мозг?), годимся ли мы ей на закуску. Думаю, она наблюдала только нижнюю сторону капоковой подстилки.

Летательная машина между тем шла прямо на нас, словно какая-то чудовищная стрекоза, летящая над самой поверхностью океана. Я сказал:

— Дорогая, как только она приблизится, хватайся за ближайшее крепление, а я подтолкну тебя. А сам заберусь следом.

— Нет, Алек.

— Что значит «нет»?

Я даже разозлился. Маргрета — великолепный товарищ, и вдруг такое упрямство. Да еще в такую минуту!

— Ты не сможешь подтолкнуть меня, тебе не на что опереться. И встать не сможешь, тут сесть и то нельзя. Я скачусь с матраса налево, ты — направо. Если кто-то из нас промахнется — тут же обратно на матрас. Aeroplano сделает еще один заход.

— Но...

— Так он велел.

Времени терять было нельзя; машина уже почти наехала на нас. Ее «ноги» — вернее, крепления, соединяющие нижние каяки

с основным телом машины, касались матраса, одна чуть не задела меня, другая — Маргрету.

— Давай! — крикнула она.

Я покатился вбок и ухватился за крепление. У меня чуть не вырвало руку из плечевого сустава, но я как обезьяна вскарабкался наверх и обеими руками ухватился за что-то на «животе» машины, поставил ногу на нижний каяк и обернулся.

Я увидел, как чья-то рука протянулась к Маргрете, как с помощью этой руки она вскарабкалась на коробчатое крыло — и вдруг исчезла. Я повернулся, намереваясь вскарабкаться повыше, и внезапно взлетел на крыло. В обычных-то условиях я левитировать не умею, но тут была важная побудительная причина: грязно-белый плавник — слишком большой для добропорядочной рыбы — резал воду, направляясь прямо к моей ноге.

Я обнаружил, что нахожусь рядом с маленьким домиком, откуда водители управляют своей странной машиной. Второй из них (не тот, который вылезал, чтобы помочь нам) выглянул из окна, улыбнулся мне, протянул руку и открыл маленькую дверцу. Я нырнул внутрь головой вперед; Маргрета уже сидела там.

Внутри было четыре сиденья — два впереди, где сидели водители, два сзади — для нас.

Водитель, сидевший впереди меня, обернулся и, сказав что-то, продолжал — я заметил это! — пялиться на Маргрету. Конечно, она была голая, но ведь не по своей вине, и настоящий джентльмен на его месте так не поступил бы.

— Он говорит,— объяснила Маргрета,— что мы должны застегнуть пояса. Наверно, он имеет в виду это,— и она показала на пряжку ремня, другой конец которого был прикреплен к корпусу машины.

Оказалось, что я сижу на такой же пряжке, которая уже успела просверлить дыру в моей сожженной солнцем заднице. До того я ее не замечал — слишком много других вещей требовали моего внимания.

(И почему бы ему не перестать пялить глазища? Я чувствовал, что еще минута — и я заору на него. То, что он совсем недавно, рискуя, спас жизнь Маргрете и мне, в эту минуту в мою голову даже не приходило: я был просто в бешенстве от того, как нагло он пользуется беспомощностью леди).

Пришлось вернуться к изучению дурацкого пояса и постараться игнорировать поведение водителя. Он что-то сказал своему напарнику, и тот с энтузиазмом вступил с ним в спор. Потом в их разговор вмешалась Маргрета.

— О чем они болтают? — спросил я.

— Бедняга хочет отдать мне свою рубашку. А я отказываюсь... но не очень решительно... а так, чтоб оставить ему возможность настоять на своем. Это очень мило с его стороны, дорогой. И хоть я не придаю подобным вещам большого значения, все же чувствую себя среди посторонних лучше, когда на мне что-то надето.— Она прислушалась и добавила: — Они спорят между собой, кому достанется эта честь.

Я промолчал. И в душе принес ему извинения. Спорю, даже папе римскому случалось раза два-три украдкой поглядеть на женщин.

В споре победил тот, кто сидел справа. Он повозился на кресле, так как встать не мог, стащил через голову рубашку и передал ее Маргрете.

— Senorita, por favor.

Он добавил что-то еще, но это оказалось за пределами моих познаний в испанском.

Маргрета ответила с достоинством и изяществом и продолжала болтать с ними, пока натягивала рубашку, которая более или менее скрыла ее наготу,

— Дорогой, командир — teniente Анибал Санс Гарсиа — и его помощник — sargento[1]. Роберто Домингес Джонс — оба из королевских мексиканских сил береговой охраны, хотели отдать мне свои рубашки, но сержант победил в игре «чет-нечет», и я получила его рубашку.

— В высшей степени благородный поступок. Спроси его, нет ли в этой машине чего-нибудь, что можно было бы надеть на меня.

— Попробую.— Она произнесла несколько фраз, я разобрал свое имя. Потом снова перешла на английский: — Джентльмены, я имею честь представить моего мужа Александро Грэхема Хергенсхаймера.

Ответ прозвучал тут же.

— Лейтенант очень сожалеет, но он вынужден сказать, что у них нет ничего, что можно было бы предложить тебе. Однако он клянется честью матери, что, как только мы доберемся до Масатлана и тамошнего офиса береговой охраны, тебе что-нибудь обязательно подберут. А теперь лейтенант просит нас обоих затянуть пояса как можно крепче, так как нам предстоит взлет. Алек, я ужасно боюсь.

[1] Лейтенант *(исп.)*.

— Не надо. Я буду держать тебя за руку.

Сержант Домингес обернулся и протянул фляжку.

— Aqua?[1]

— Боже мой, конечно! — вскричала Маргрета.— Si! Si! Si!

Никогда еще вода не казалась мне такой вкусной.

Лейтенант оглянулся, взял у нас фляжку, улыбнулся и показал большой палец — жест, восходящий еще к временам Колизея,— потом сделал что-то, заставившее моторы его машины заработать в более быстром темпе. Только что они работали медленно-медленно. И вдруг раздался грохот. Машина развернулась, и лейтенант направил ее прямо по ветру. Ветер свежел с самого утра и теперь уже поднимал небольшие завитки пены на океанской ряби. Моторы заработали еще напряженней, будто в припадке ярости, и мы начали подпрыгивать на волнах, стенки кабины вибрировали.

Затем мы стали с невероятной силой ударяться о каждую десятую волну. Не знаю почему, но машина все-таки не развалилась.

И вдруг мы оказались в двадцати футах над поверхностью океана, удары прекратились. Вибрация и рев не утихали. Мы взлетели под острым углом, потом повернули. Машина опять пошла вниз, и я чуть было не выдал обратно те несколько блаженных глотков воды, которыми только что насладился.

Океан был прямо перед нами. Он вздыбился, как отвесная стена. Лейтенант повернулся к нам и что-то прокричал. Мне очень хотелось сказать ему, что лучше бы он смотрел вперед, но я промолчал.

— О чем это он?

— Просит посмотреть туда, куда он покажет. Прямо туда, куда летит машина. El tiburon blanco grande — большая белая акула, которая чуть не слопала нас.

(Я прекрасно обошелся бы и без этого). И в самом деле — как раз в середине стены океана виднелась серая тень, режущая воду плавником. Как раз в ту минуту, когда я понял, что сейчас мы

[1] Воды? *(исп.)*

неминуемо врежемся в стену рядом с плавником, стена рухнула куда-то в сторону, мой зад с силой вдавился в сиденье, в ушах заревело, и меня не вытошнило прямо на нашего хозяина лишь благодаря моей железной выдержке.

Машина выровнялась, и неожиданно стало почти удобно, если, конечно, позабыть о вибрации и реве.

Нет. Воздушные корабли все же куда приятнее.

Суровые холмы за линией берега, которые так трудно было рассмотреть с нашего плота, стали прекрасно видны, как только мы поднялись в воздух; на берегу — цепочка очаровательных пляжей и город, к которому мы направлялись. Сержант повернулся, показал на город и что-то сказал.

— Чего ему?

— *Сержант Роберто говорит, что мы будем дома как раз к ленчу.* Almuerzo, сказал он, но заметил, что для нас это будет завтрак — Desayuno.

Мой желудок вдруг стал проявлять признаки жизни.

— Мне дела нет, как он у них именуется. Скажи ему, пусть не беспокоится — лошадь можно не жарить. Съем ее сырой.

Маргрета перевела. Наши хозяева расхохотались, и лейтенант повел машину на снижение. Он посадил ее на воду, одновременно глядя через плечо на Маргрету и болтая с ней, а та улыбалась ему, глубоко вонзая ногти в мою правую ладонь.

Итак, мы прилетели. Никто не пострадал. И все же воздушные корабли лучше.

Ленч! Наше будущее утопало в розах.

10

В поте лица твоего будешь есть хлеб,
доколе не возвратишься в землю...

Бытие 3,19

Через полчаса после того как летательная машина, поднимая брызги, опустилась в гавани Масатлана, Маргрета и я сидели с

сержантом Домингесом в столовой для рядового состава службы береговой охраны. Мы опоздали к дневной трапезе, но нас все же обслужили. Я был одет. Во всяком случае, на мне была пара рабочих штанов из мешковины. Но разница между тем, в чем мать родила, и парой штанов куда больше, чем между дешевыми рабочими штанами и горностаевой мантией. Попробуйте — и убедитесь.

К летательной машине, ставшей на якорь, подошла небольшая лодка; потом пришлось пройти весь причал, к которому нас привезли, дойти до здания штаб-квартиры, а там дожидаться, пока мне не отыщут брюки, и все это время множество незнакомцев, среди которых было немало женщин, глазели на меня. Ужас! Никогда еще в жизни не испытывал я такого срама, разве что во время того печального инцидента в воскресной школе, когда мне было пять лет.

Но теперь все было позади, перед нами стояли яства и питье, и *какое-то время я чувствовал себя безмерно счастливым.* Конечно, это была не та еда, к которой я привык. Кто сказал, что голод — лучший повар? Кем бы он ни был, он глубоко прав: ленч оказался великолепным! Блинчики из кукурузной муки, которые мы макали в сироп, вареные бобы, горячая как огонь похлебка, миска маленьких желтых помидоров и кофе — крепкий, черный и горький — что еще нужно человеку? Ни один гурман не смаковал изысканные блюда так, как я этот завтрак.

Поначалу я немного смущался, что мы едим в столовой для рядового состава, а не с лейтенантом Сансом, там, где питаются офицеры. Потом мне разъяснили, что я страдал очень распространенным синдромом — штатские, не имеющие военного прошлого, подсознательно приравнивают себя к офицерам, и никогда — к рядовым. При более тщательном рассмотрении такая точка зрения кажется идиотской, но она тем не менее широко распространена. Ну, может быть, и не повсюду, но для Америки она в высшей степени характерна, ибо здесь каждый человек «по меньшей мере, равен другим, а зачастую лучше всех прочих».

Сержант Домингес уже получил свою рубашку назад. Пока мне искали штаны, какую-то женщину (думаю, это была уборщица — мексиканская береговая охрана не имела женского контингента), словом, женщину из штаб-квартиры отправили на поиски чего-нибудь для Маргреты, и это что-то оказалось блузкой

и длинной юбкой — все хлопчатобумажное и ярких тонов. Простой и явно дешевый костюм, но Маргрета выглядела в нем красавицей.

Ах да, ни у кого из нас не было обуви. Неважно — погода стояла сухая и теплая, можно было обойтись и без туфель. Мы были сыты, мы были в безопасности, и нам помогали с таким горячим гостеприимством, которое убеждало, что мексиканцы — лучшие люди на свете.

После второй чашки кофе я сказал:

— Любимая, как бы нам извиниться и уйти, никого не обижая? Я думаю, нам следует как можно скорее найти американского консула.

— Сначала нам предстоит вернуться в здание штаб-квартиры.

— Опять допрос?

— Полагаю, что можно сказать и так. Вероятно, они хотят получить от нас более подробные сведения о том, каким образом мы оказались там, где были найдены. Согласись, наша история звучит несколько странно.

— Согласен.

Наше первое собеседование с команданте трудно назвать удовлетворительным. Если бы я был один, он назвал бы меня лжецом прямо в глаза... но мужчине, который даже издали представляется образцом мужественного эго, разговаривать в таком тоне с Маргретой совершенно невозможно.

Главной причиной недоразумений стала старая посудина «Конунг Кнут». Она не затонула, но и в порт не пришла. По той простой причине, что такого корабля вообще никогда не существовало в природе.

Меня-то это мало удивило. Даже если бы наше судно вдруг превратилось в парусное или в галеру с пятью гребцами, я бы тоже не слишком поразился. И все же я ожидал, что какой-нибудь корабль с тем же названием будет иметь место в новом для меня мире. Я думал, что того требуют правила игры. Теперь стало ясно, что этих правил я не знал. Если, конечно, допустить, что они все же существуют.

Маргрета указала мне еще на одно обстоятельство, подтверждающее мою мысль: здешний Масатлан оказался совсем не похож

на тот город, в котором ей приходилось бывать прежде. Этот был куда меньше и вовсе не походил на туристский порт — даже длинный док, в котором должен был отстаиваться «Конунг Кнут», здесь не существовал. Полагаю, что это не меньше, чем летательная машина, убедило ее в том, что моя «паранойя» фактически является наименее безумной из всех возможных гипотез. Маргрета бывала тут раньше — док, большой и прочный, исчез. Это ее потрясло.

На команданте впечатление произвести было труднее. Он предпочитал тратить больше времени на допрос лейтенанта Санса, чем на нас. Сансом он явно остался недоволен.

Был еще один фактор, которого я в то время не понимал, да и потом до конца уяснить не смог. Непосредственный начальник Санса носил звание капитана. Команданте тоже капитан, но эти ранги оказались далеко не эквивалентны.

Дело в том, что береговая охрана пользуется званиями морского флота. Однако небольшой отряд охраны, который ведает летательными машинами, носит армейские звания. Я думаю, что сие незначительное различие имело корни, уходящие в далекую историю. Но как бы там ни было, возникла явная накладка — капитан с четырьмя нашивками, то есть морской капитан, вовсе не собирался принимать на веру то, что ему докладывал какой-то там офицеришка с летательной машины.

Лейтенант Санс приволок двух совершенно голых потерпевших кораблекрушение, рассказывавших совершенно невероятную историю; капитан с четырьмя нашивками, видимо, страстно желал возложить вину за наиболее странные эпизоды нашего рассказа на самого Санса.

Санс, со своей стороны, не поддавался запугиванию. Думаю, он просто не испытывал почтения к офицеру, который никогда не поднимался над поверхностью океана выше «вороньего гнезда» на мачте. (Полетав на его смертельно хрупком аппарате, я понял, почему он не намерен становиться на колени перед каким-то там морячком. Даже среди пилотов дирижаблей я обнаружил тенденцию делить мир на две неравные части — на тех, кто летает, и на тех, кто не летает).

Через какое-то время, выяснив, что поколебать Санса не удастся, что опровергнуть показания Маргреты нельзя, а со мной

контакт вообще невозможен, иначе как через посредство Маргреты, команданте пожал плечами и отдал распоряжение, согласно которому мы и пошли кормиться. Однако теперь нам надлежало вернуться обратно и получить еще порцию каких-то неизбежных неприятностей.

Против ожидания, вторая встреча с команданте оказалась весьма короткой. Он буркнул, что ровно в четыре часа нам надлежит явиться к иммиграционному судье и что суд обладает соответствующей юрисдикцией. А пока — вот перечень ваших долгов, порядок выплаты которых следует утрясти с судьей.

Маргрета невероятно удивилась, получив от команданте этот листок бумаги; я потребовал, чтобы она перевела мне слова офицера. Она перевела, и я взглянул на общую сумму долга.

Больше восьми тысяч песо!

Не нужно было обладать глубоким знанием испанского языка, чтобы прочесть счет — почти все слова были родственны английским. «Tres horas» — «три часа», следовательно, нам надлежало оплатить три часа пользования «aeroplano» — слово, которое я уже слышал от Маргреты; оно означало летательную машину. Нам предстояло оплатить также время, затраченное на нас лейтенантом Сансом и сержантом Домингесом. Плюс мультипликаторный фактор, означавший, как я решил, накладные расходы или что-то вроде того.

Кроме того, топливо для aeroplano и эксплуатация последнего.

«Pantalones» — это штаны; прилагался чек за ту пару, что была на мне.

«Falda» — юбка, а «camisa» — блузка; костюм для Маргреты оказался весьма дорогим.

Один пункт меня особенно поразил — не суммой, а тем, что его вообще включили: я-то думал, что мы гости, но в счете фигурировали два ленча по двенадцать песо каждый.

Здесь была даже плата за время самого команданте.

Я хотел спросить, сколько долларов в восьми тысячах песо, но промолчал, сообразив, что не имею ни малейшего представления о покупательной силе доллара в мире, куда нас зашвырнуло.

Маргрета обсудила счет с лейтенантом Сансом, который явно чувствовал себя не в своей тарелке. Последовал взрыв восклицаний, а также размахивание руками. Она выслушала и сказала мне:

— Алек, это вовсе не выдумка Анибала и даже не жадность команданте. Тариф на этот вид услуг — спасение на море, использование aeroplano и так далее — установлен Distrito Real, то есть Королевским округом, иначе говоря, самим Мехико-Сити. Лейтенант Санс говорит, что высшими государственными кругами движут экономические соображения и на все последующие уровни оказывается давление с целью сделать общественные услуги платными, дабы снизить государственные расходы. Он говорит, что если команданте не потребует с нас плату за спасение, то королевский инспектор, обнаружив это, вычтет деньги из жалованья самого команданте. Плюс наказание, которое королевская комиссия найдет подходящим для данного случая. Анибал хочет, чтобы ты понял, как ему неловко. Если бы aeroplano принадлежал лично ему, мы стали бы просто его гостями. Он всегда будет смотреть на тебя как на друга, а на меня как на сестру.

— Скажи ему, что мои чувства к нему столь же горячи, и сделай это, по меньшей мере, так же цветисто, как он.

— С радостью. И Роберто говорит, что испытывает то же самое.

— Значит, все сказанное относится и к сержанту. Но выясни, пожалуйста, где и как мы можем найти американского консула. Мы с тобой попали в хорошую переделку.

Лейтенант Санс получил приказ обеспечить нашу явку в суд в четыре часа, после чего нас отпустили. Санс велел сержанту Роберто проводить нас к консулу, а потом обратно в суд, выразив сожаление, что его служебное положение не позволяет ему сопровождать нас лично, щелкнул каблуками, склонился над рукой Маргреты и поцеловал ее. Из простого знака вежливости он устроил целое представление. Впрочем, я видел, что Маргрете это доставило массу удовольствия. Увы, у нас в Канзасе такому не обучают. Я много потерял.

Масатлан лежит на полуострове. Казарма береговой охраны находится на его южном берегу, неподалеку от маяка (он самый высокий в мире, что весьма впечатляет). Американское консульство расположено примерно в миле оттуда — на северном берегу. Чтобы дойти до него, надо пересечь весь город по avenida Мигеля Алемана — приятная прогулка, примерно на полпути улицу украшает очаровательный фонтан.

Беда в том, что идти нам с Маргретой пришлось босиком.

Сержант Домингес не предложил нам взять такси, а мне напрашиваться было, разумеется, неудобно.

Сначала ходьба босиком не казалась мне делом первостепенной важности — на улице было немало босых ног, и далеко не все они принадлежали детишкам (и без рубашки был отнюдь не я один). В детстве я расценивал возможность побегать босиком как сказочную роскошь, как редкостную привилегию. Я бегал босиком все лето и с огромным сожалением надевал ботинки, когда приходило время снова идти в школу.

Но уже после первого квартала я стал удивляться, почему в детстве я с таким нетерпением ждал момента, когда можно будет побегать без ботинок. Вскоре я попросил Маргрету сказать сержанту Роберто, чтобы он, если можно, не спешил так, ибо я хочу выбирать затененные участки пути — этот чертов тротуар прямо-таки поджаривает мне пятки!

(Маргрета не жаловалась ни на что, но мою просьбу переводить не стала — и я немного на нее рассердился. Я постоянно находил прочную опору в ангельском спокойствии Маргреты... но следовать ее примеру мне было как-то не с руки).

В общем, я уделял состоянию моих бедных, нежных, розовых, незаслуженно оскорбленных ступней все больше внимания, страшно жалел себя и все время удивлялся, как мне пришло в голову расстаться с Божьей страной.

«Я плакал, что бос, пока не встретил безногого». Не помню, кто первый сказал это, но данная сентенция, безусловно, является частью нашего культурного наследия и должна остаться в веках.

Именно это произошло со мной.

Примерно на полпути, там, где avenida Мигеля Алемана пересекается с calle Акила Сердана, находился фонтан, у которого мы повстречали нищего. Он поглядел на нас снизу вверх и с улыбкой протянул пригоршню карандашей. А смотрел он снизу вверх потому, что сидел в низенькой инвалидной коляске и ног у него не было.

Сержант Роберто окликнул нищего по имени и бросил ему монетку. Тот ловко поймал ее ртом, а потом опустил в карман. «Gracias»,— сказал он Роберто и переключил внимание на меня.

— Маргрета,— сказал я торопливо,— пожалуйста, скажи ему, что у меня нет буквально ни одной монетки.

— Хорошо, Алек.— Она присела на корточки, чтобы видеть глаза нищего. Потом встала: — Пепе просит перевести тебе, что все в порядке. Когда ты разбогатеешь, он тебя обязательно поймает.

— Будь добра, передай ему, что я непременно вернусь на это место. Обещаю.

Она так и сделала. Пепе широко улыбнулся, послал Маргрете воздушный поцелуй и отдал честь нам с сержантом. Мы пошли дальше.

А я перестал столь демонстративно оберегать ступни. Пепе заставил меня переоценить ситуацию. С тех пор как я узнал, что мексиканское правительство не рассматривает наше спасение как свою почетную привилегию, а считает, что я обязан его оплатить, мне все время было ужасно жаль себя, я чувствовал себя обиженным, лишним. Я бормотал под нос, что мои соотечественники, называвшие мексиканцев пиявками, живущими за счет туристов-гринго, абсолютно правы! Не Роберто, не лейтенант, а другие. Ленивые паразиты, все норовят стащить доллар у янки!

Как Пепе.

Я перебрал в памяти всех встречавшихся сегодня днем мексиканцев, каждого, кого мог припомнить, и у каждого мысленно попросил прощения за мои низкие мысли. Мексиканцы — просто наши попутчики на долгом пути от сумрака к вечной тьме. Некоторые из них несут свое бремя достойно, другие — хуже. А некоторые тащат особо тяжкую ношу и делают это мужественно и с гордостью.

Как Пепе.

Еще вчера я купался в роскоши — сегодня я нищ и весь в долгах. Но у меня есть здоровье, ум, есть две руки... и есть Маргрета. Моя ноша легка, и я понесу ее с радостью. Спасибо тебе, Пепе.

Над дверью консульства висел небольшой американский флаг, а на двери — большой государственный герб. Бронзовый. Я дернул висячий звонок.

После довольно долгого ожидания дверь чуточку приоткрылась и женский голос потребовал, чтоб мы убирались вон. (Перевод не

требовался, тон говорил сам за себя.) Дверь стала закрываться. Сержант Роберто громко свистнул и что-то крикнул. Дверь снова приоткрылась, начался диалог.

— Он требует передать дону Амброзио, что тут находятся два американских гражданина, которым нужно с ним немедленно повидаться, так как в четыре часа их будут судить,— сказала Маргрета.

Нам опять пришлось ждать. Примерно минут через двадцать горничная впустила нас и провела в затененный офис. Вошел консул, свирепо поглядел мне в глаза и потребовал объяснить ему, по какому праву я нарушаю его сиесту.

Но, увидев Маргрету, он заметно смягчился. И обратился к ней со словами:

— Чем могу служить? Не окажете ли честь моему скромному дому, выпив стаканчик вина или чашечку кофе?

Даже босая, даже в своем крикливом наряде, Маргрета оставалась леди... А я был бродягой. И не спрашивайте меня почему — это факт, и все тут. Эффект такого рода обычно присущ мужчинам, но встречается и у женщин. Попробуйте определить его словами и тут же обнаружите, что пользуетесь такими понятиями, как «королевский», «благородный», «аристократичный», «врожденные манеры» — то есть словами, которые есть анафема с точки зрения американского демократического идеала. Говорит ли это в пользу Маргреты или в пользу американского идеала — пусть разбираются школьники, пишущие сочинения на заданную тему.

Дон Амброзио оказался надутым нулем, но тем не менее с ним было легче — он говорил на американском языке — настоящем американском, а не на английском — поскольку родился в Браунсвилле, штат Техас. Я уверен, что его родители были «мокрыми спинами». Он явно обменял свой талант к политической болтовне и влияние среди чиканос на лакомую синекуру, несложные обязанности которой заключались в разъяснении туристам-гринго, почему они не могут получить в стране Монтесумы то, что им позарез хочется иметь.

Последнее он нам и разъяснил весьма популярно.

Я дал возможность Маргрете вести большую часть переговоров, ибо у нее это получалось намного лучше, чем у меня. Она называла нас «мистером и миссис Грэхем» — так мы договорились еще по пути сюда. Когда нас спасли, она воспользовалась именем «Грэхем Хергенсхаймер», а потом объяснила мне, что это оставляет нам выбор. Я могу остаться Хергенсхаймером, просто сказав, что у тех, кто слышал мое имя, память дала небольшой сбой,— на самом деле я назвался Хергенсхаймером Грэхемом. Нет? Значит, виноват я — ошибся, о чем и сожалею.

Я решил все же остаться Грэхемом Хергенсхаймером, а потом пользоваться преимущественно именем «Грэхем», так как это упрощало дело. Для Маргреты я всегда был Грэхемом, да и сам эксплуатировал это имя больше двух недель. Прежде чем уйти из консульства, я успел изложить еще по меньшей мере дюжину ложных версий, чтобы сделать нашу историю более заслуживающей доверия. Я не хотел никаких новых осложнений — «мистер и миссис Грэхем» были самым простым выходом.

(*Небольшое теологическое замечание: некоторые люди, по-видимому, склонны верить, что десять заповедей запрещают ложь. Ничего подобного! Запрещается лжесвидетельствовать в отношении соседа — это особый, редко встречающийся и легкоразличимый вид лжи. Но ведь в Библии ничего не говорится о простой неправде. Многие теологи мечтают, что всякая социальная человеческая организация обязательно рухнет под тяжестью абсолютной правдивости. Если вы думаете, что их опасения неоправданны, попробуйте говорить своим друзьям чистую правду о том, что вы думаете об их отпрысках — если вы, конечно, решитесь на такой опыт!*)

После бесконечных рассуждений, пошедших по кругу (в которых «Конунг Кнут» стал яхтой и затонул), дон Амброзио сказал:

— Бесполезно, мистер Грэхем. Я не могу дать вам даже временного документа взамен утерянного паспорта, поскольку вы не представили мне ни малейшего доказательства, что вы действительно американский гражданин.

— Дон Амброзио,— ответил я,— *я знаю, что миссис Грэхем говорит с небольшим акцентом* — мы сказали вам, что она родилась в Дании. Но неужели вы можете предположить, что кто-либо, родившийся вне пределов Кукурузного пояса, имеет такой выговор, каким обладаю я?

Он пожал плечами в самой изысканной манере латинян:

— Я не эксперт по произношению в штатах Среднего Запада. Мой слух говорит, что вы могли появиться на свет на родине одного из наиболее грубых британских говоров, а потом поступили в театральную школу, ибо каждый знает, что опытный актер способен освоить любой говор, если в том нуждается та или иная роль. Народная республика Англия в настоящее время не жалеет никаких усилий, чтобы внедрить своих шпионов в Штаты. Вы можете происходить скорее из Линкольна в Англии, нежели из окрестностей Линкольна в штате Небраска.

— И вы действительно верите в то, что говорите?

— Дело не в том, во что я верю. Важен факт, что я не подпишу даже клочка бумажки, подтверждающего, что вы — американские граждане, пока мне не станет известно, кто вы такие. Могу ли я быть вам еще чем-то полезен?

(И как можно говорить «еще», если ты ничего не сделал?)

— Может быть, вы дадите нам совет?

— Может быть, но я не адвокат.

Я дал ему копию счета, которую нам выдали, и объяснил ее происхождение.

— Все ли тут в порядке и являются ли эти требования законными?

Он внимательно прочел бумагу.

— Безусловно, эти требования законны с точки зрения как местного законодательства, так и законодательства всей страны. Справедливы ли они? Разве вы не сказали, что вам спасли жизнь?

— Тут нет сомнения. Конечно, был шанс, что нас подберут какие-нибудь рыбаки, а не береговая охрана, но она обнаружила нас первой. Береговая охрана нас действительно нашла и действительно спасла.

— А разве ваша жизнь, разве ваши две жизни не стоят восьми тысяч песо? Моя, например, определенно стоит больше, уверяю вас.

— Не в этом дело, сэр. У нас нет денег. Ни единого цента. Все утонуло вместе с яхтой.

— Тогда пошлите за деньгами. Вы можете отправить телеграмму за счет консульства. Я готов помочь.

— Благодарю вас. Для этого нужно время. А пока не скажете ли вы, как я могу освободиться от такого долга? Мне говорили,

что судья потребует от нас немедленной уплаты, и при этом наличными.

— Ну, все не так уж плохо. Верно то, что мексиканцы не признают банкротства в том виде, в котором это практикуется у нас. Они скорее придерживаются стародавних законов о долговой тюрьме. Правда, на практике они к такому наказанию прибегают редко, обычно просто грозят. Вместо этого суд обеспечит вас работой, которая позволит вам выплатить долг. Дон Клементе очень гуманный судья, он о вас позаботится.

Если оставить в стороне речь, исполненную цветистой чепухи и обращенную персонально к Маргрете, то на этом все и закончилось. Мы захватили с собой сержанта Роберто, который наслаждался гостеприимством горничной и блаженствовал на кухне, и отправились в суд.

Дон Клементе (судья Ибаньес) был очень мил, как и обещал нам дон Амброзио. Поскольку мы сразу же уведомили секретаря суда, что признаем долг, но не имеем средств для его оплаты, процесс над нами не состоялся. Нас просто посадили в полупустом зале и велели ждать, пока судья не покончит с делами, вынесенными на сегодняшнее слушание. Эти дела были рассмотрены очень быстро. Некоторые из них касались мелких нарушений порядка, наказуемых штрафами, другие — долгов, кое-что было перенесено на следующий день. Я понимал не все из того, что происходило, а на перешептывание судья смотрел не очень одобрительно, так что Маргрета не смогла объяснить мне всех подробностей процедуры. Но судья явно не принадлежал к числу «вешателей».

Наконец, с делами покончили, по приказу секретаря суда мы присоединились к другим «нарушителям», которых судили за долги или оштрафовали. Все мы оказались стоящими на низком помосте лицом к лицу с группой мужчин. Маргрета поинтересовалась, что происходит, ей ответили: «La subasta»[1].

— Что это? — спросил я.

— Алек, я не знаю. Это слово мне незнакомо.

Дела остальных были улажены быстро. Я догадался, что все они тут уже не первый раз. После этого от группы людей, стоявших

[1] Аукцион *(исп.)*.

перед платформой, остался только один человек. Он расплылся в улыбке и заговорил со мной. Маргрета ему что-то ответила.

— Что он говорит? — спросил я.

— Он спрашивает, умеешь ли ты мыть посуду. Я ответила, что ты не знаешь испанского.

— Скажи ему, что я, разумеется, могу мыть посуду. Но мне бы хотелось работы потяжелее.

Через несколько минут наш долг был уплачен наличными секретарю суда, а мы поступили в распоряжение патрона, сеньора Хайме Гусмана. Он обязался платить Маргрете шестьдесят песо в день, а мне — тридцать плюс возможные чаевые. Судебные издержки составили еще две с половиной тысячи песо плюс плата за удостоверения, дающие право на работу, плюс марки плюс налог военного времени. Секретарь подсчитал нашу суммарную задолженность, а затем разделил ее на заработок. Она оказалась эквивалентной ста двадцати одному дню, или четырем месяцам, после чего наши обязательства по отношению к патрону прекращались. Если, конечно, мы ничего не будем тратить...

Секретарь объяснил нам, как пройти к заведению нашего патрона — Restaurante «Pancho Villa». Что касается самого патрона, то он уже отбыл в своей машине. Патроны ездят на машинах, пеоны — ходят пешком.

11

> И служил Иаков за Рахиль семь лет;
> и они показались ему за несколько дней,
> потому что он любил ее.
>
> *Бытие 29, 20*

Иногда за мытьем грязных тарелок я забавлялся, высчитывая, какой высоты стопку тарелок я вымыл с тех пор, как начал работать на нашего патрона дона Хайме. Стопка из двадцати обычных для «Панчо Вилья» тарелок составляла около фута. Чашку с блюдцем или два стакана я решил считать за одну тарелку, ибо их в стопку никак не уложишь. И так далее...

Высота большого маяка в Масатлане пятьсот пятнадцать футов, то есть он всего лишь на сорок футов ниже памятника Вашингтону. Я прекрасно помню тот день, когда закончил мыть первую стопку тарелок высотой с маяк. Я загодя сказал Маргрете, что скоро достигну своей цели и что это произойдет, вероятно, либо вечером в четверг, либо утром в пятницу.

Это случилось вечером в четверг. Я выскочил из подсобки, встал в дверях из кухни в обеденный зал, поймал взгляд Маргреты, поднял обе руки вверх и пожал их сам себе, как боксер.

Маргрета бросила принимать заказ у какой-то семьи и зааплодировала. Ей пришлось объяснить своим клиентам, что произошло, в результате через несколько минут она появилась на пороге подсобки и передала мне бумажку в десять песо — подарок от главы семейства. Я попросил поблагодарить его от моего имени и сказать, что только что заложил фундамент нового «маяка», который посвящаю ему и его семье.

В свою очередь сеньора Валера прислала мужа — дона Хайме — выяснить, почему Маргрета теряет время и разыгрывает спектакли вместо того, чтобы все свое внимание уделять работе... В результате чего дон Хайме захотел узнать, сколько я получил на чай,— и подарил мне еще столько же.

У сеньоры не было причин жаловаться — Маргрета считалась не только ее лучшей официанткой, но и единственной, говорившей на нескольких языках. В тот день, когда мы начали работать на сеньора и сеньору Валера, в кафе пригласили маляра, пишущего вывески, который получил задание написать броское объявление: «Английский говорить тут» — после чего Маргрета стала не только обслуживать англоязычных гостей, но и подготавливала меню на этом языке (цены в котором были на сорок процентов выше, чем в меню на испанском языке).

Дон Хайме оказался неплохим хозяином. Он отличался добродушием и в целом справедливо относился к слугам. После того как мы проработали около месяца, он рассказал мне, что не взял бы на себя мой долг, если бы не судья, который не разрешил продавать мой контракт отдельно от контракта Маргреты, так как мы супружеская пара. (Иначе я оказался бы батраком на плантациях и виделся бы с женой чрезвычайно редко — так сказал мне дон Амброзио. Да, дон Клементе был добрым судьей).

Я ответил, что счастлив, что тоже попал в договор, однако, решив нанять Маргрету, дон Хайме просто продемонстрировал свою дальновидность.

Дон Хайме согласился со мной. Оказывается, он уже несколько недель посещал по средам аукцион пеонов в поисках женщины или девушки, говорящей на двух языках, которую можно было бы быстро обучить профессии официантки, и выкупил меня ради Маргреты. Но теперь он хотел сказать, что нисколько не жалеет об этом, так как еще никогда не видел столь чистой подсобки, столь безукоризненно вымытых тарелок и такого блестящего серебра.

Я заверил его, что считаю своей личной привилегией помогать поддерживать престиж и доброе имя ресторана «Панчо Вилья» и его знаменитого патрона дона Хайме.

Если говорить по правде, то я просто не мог удержаться, чтобы не отдраить подсобку. Когда я впервые ее увидел, то подумал, что пол в ней земляной. Так оно и было — в него можно было сажать картошку. Однако под слоем грязи дюйма полтора толщиной оказался весьма приличный цементный пол. Я его отчистил, а затем поддерживал чистоту — мои ноги все еще были босы. А потом я потребовал порошок против тараканов.

Каждое утро я истреблял тараканов и подметал пол. Каждый вечер, прежде чем уйти домой, я посыпал все вокруг отравой. Победить тараканов невозможно, думал я, но их можно разгромить, заставить в беспорядке отступить и поддерживать постоянную боевую готовность к отпору.

Что же до качества мытья тарелок, то иначе и быть не могло. Моя мать страдала грязебоязнью в острой форме, и в силу своего возрастного положения в большой семье я мыл и вытирал тарелки под ее неусыпным контролем с семи лет до тринадцати (когда я закончил курс мытья и перешел на торговлю газетами, что уже не оставляло времени для мытья тарелок).

Однако не думайте, что мытье посуды — мое любимое занятие. Я терпеть не мог этого в детстве — не могу терпеть и теперь.

Тогда почему я делал это? Почему не сбежал?

Разве трудно понять? Мытье тарелок позволяло мне быть рядом с Маргретой. Бегство, может быть, и заманчиво для некоторых должников — не думаю, что тех, кто бежал под покровом ночной темноты, так уж рьяно тут преследовали и ловили. Однако для супругов, один из которых — яркая блондинка (да еще в стране, где блондинки особенно привлекают внимание), а другой ни слова не говорит по-испански, бегство вряд ли возможно.

Мы оба работали как проклятые — с одиннадцати до одиннадцати, за исключением вторника, с номинальными перерывами на сиесту (два часа) и на ленч и обед (по полчаса), но зато другие двенадцать часов в сутки были нашими плюс целые сутки по вторникам!

Даже на Ниагарском водопаде мы не провели бы такого медового месяца! У нас была крошечная комнатка на чердаке в задней части здания, которое занимал ресторан. Там было жарко, но мы редко появлялись дома днем, а к одиннадцати вечера там уже становилось вполне комфортабельно независимо от того, насколько жарким выдался день. В Масатлане большинство жителей того класса, к которому мы принадлежали (то есть нулевого), обходятся без внутренней канализации. Но мы жили в здании ресторана, где был туалет с проточной водой, которым мы пользовались вместе с остальными служащими днем и который принадлежал только нам остальные двенадцать часов в сутки. (Во дворе был еще дощатый сортирчик, к услугам которого я прибегал в рабочие часы, но Маргрета им, по-моему, не пользовалась).

Душ находился на нижнем этаже рядом с туалетом для служащих, а потребность подсобки в горячей воде была такова, что здание имело большую водогрейную установку. Сеньора Валера регулярно ругала нас за перерасход горячей воды («Газ тоже стоит денег!»). Мы молча выслушивали ее и продолжали брать столько кипятка, сколько нам было нужно.

Договор нашего патрона с государством обязывал его обеспечивать нас кровом и едой (по закону, еще и одеждой, но об этом я узнал, когда было уже поздно), вот почему мы спали и ели в ресторане — разумеется, не фирменные блюда, но вполне приличную еду.

«Лучше ужинать травами и любовью, чем говяжьей дохлятиной, приправленной ненавистью!» Мы были вместе, и этого нам хватало.

Маргрета иногда получала на чай, особенно от гринго, и постепенно откладывала. Мы старались тратить чаевые как можно

меньше — купили только обувь для нее и для меня. Маргрета копила деньги, думая о том дне, когда мы перестанем быть рабами и сможем уехать на север. У меня не было иллюзий насчет того, что страна к северу от нас — та страна, где я родился... но все же это был ее аналог. Там говорили по-английски, и я был уверен, что тамошняя культура ближе к той, к которой мы оба привыкли.

Чаевые Маргреты привели к ссоре с сеньорой Валера в первую же неделю. Хотя нашим патроном по закону был дон Хайме, ресторан принадлежал ей — во всяком случае, так нам сказала повариха Аманда. Когда-то Хайме служил в этом ресторане старшим официантом, а потом женился на дочке хозяина, что позволило ему занять пост метрдотеля. Когда тесть умер, Хайме стал собственником ресторана в глазах публики, но его супруга крепко держала в руках кошелек и занимала почетное место кассирши.

(Может быть, следует добавить, что доном Хайме был для нас — ибо являлся нашим патроном — а не для публики. Почтительное обращение «дон» не переводится на английский. То, что человек владеет рестораном, еще не делает его доном, тогда как, например, судья — несомненно, дон.)

В первый же раз, заметив, что Маргрета получила на чай, сеньора велела отдать деньги ей — в конце каждой недели, мол, Маргрета будет получать свой определенный процент.

Маргрета прямиком отправилась в подсобку.

— Алек, что делать? Чаевые были моим главным доходом на «Конунге Кнуте», и никто никогда не требовал, чтобы я ими делилась. Имеет ли она на это право?

Я велел ей не отдавать чаевые сеньоре, а сказать, что мы обсудим с ней все в конце дня.

В положении пеона есть одно преимущество: вас нельзя уволить из-за разногласий с хозяином. Конечно, выгнать вас могли... но тогда Валера просто потеряла бы десять тысяч песо, уплаченные за нас.

К концу дня я точно знал, что сказать и как, вернее, как это должна говорить Маргрета, ибо требовался еще месяц, чтоб я достаточно пропитался испанским и мог поддерживать самый примитивный разговор.

— Сэр и мадам, мы не понимаем вашего распоряжения насчет моих чаевых. Нам хотелось бы поговорить с судьей и узнать у него, требует ли этого наш контракт.

Как я и подозревал, им вовсе не хотелось разговаривать с судьей на эту тему. По закону им принадлежал труд Маргреты, но они не имели никакого права на деньги, данные ей третьими лицами.

На этом, однако, дело не кончилось. Сеньора Валера разозлилась, что ее отшила простая официантка, и вывесила объявление: «NO PROPINAS — ЧАЕВЫХ НЕ БЕРЕМ». Такое же уведомление появилось и в меню.

Пеоны не бастуют. Но в ресторане работали еще пять официанток, две из них — дочки Аманды. В день, когда сеньора Валера запретила брать чаевые, она обнаружила, что располагает лишь одной официанткой (Маргретой), а кухня вообще пуста. Так что ей пришлось капитулировать. И я уверен, что она не простила нам этого.

Дон Хайме относился к нам как к своим работникам, его жена обращалась с нами как с рабами. Несмотря на избитое выражение «наемные рабы», здесь был мир противоречий. Мы старались быть добросовестными работниками, пока не выплатим весь свой долг, но решительно отказывались от положения рабов. Таким образом, нам пришлось вступить с сеньорой в конфликт.

Вскоре после разногласий по поводу чаевых Маргрета убедилась, что сеньора Валера роется в нашей каморке. По правде говоря, препятствовать ей в этом мы не могли, так как на дверях не было замка и она могла без опаски входить в нашу комнату в любое время, пока мы работали.

Мне пришла в голову идея соорудить ловушку, но Маргрета отвергла ее. Отныне она просто стала носить деньги с собой. Можете себе представить, что мы думали о наших хозяевах, раз Маргрете пришлось прибегнуть к такой форме защиты от вороватой хозяйки.

Мы не позволили сеньоре Валера погубить наше счастье. И не дали нашему весьма сомнительному семейному статусу испортить наш до некоторой степени незаконный медовый месяц. О, скорее уж я сам мог его испортить, ибо меня вечно подмывало анализировать вопросы, в которых я ничего не понимал и даже не знал, как следует приступить к их анализу. Но Маргрета была куда практичнее меня и не поощряла подобных умствований. Я, например, пытался хоть как-то обосновать наши отношения, сообщив, что полигамия вовсе не запрещается Священным Писанием и ее

отвергают лишь современные законы и обычаи, но Маргрета резко оборвала меня, заметив, что не интересуется, сколько жен и наложниц было у царя Соломона, и отказывается считать его, да и других деятелей Ветхого Завета, образцами поведения для себя. Если я не хочу жить с ней, то мне следует только намекнуть! Давай, говори же!

Я заткнулся. Некоторых проблем лучше не касаться, пусть себе лежат без обсуждения. Новейшая тенденция по всякому поводу выяснять отношения приводит к новым недоразумениям ничуть не реже, чем к разрешению обсуждаемой проблемы.

Однако отрицание Маргретой авторитета Библии в части права мужчины иметь больше одной жены было столь резким, что я попозже снова спросил ее об этом (но уже не касался полигамии, разумеется,— этот щекотливый вопрос я вообще старался больше не поднимать). Я спросил Маргрету, в какой степени она признает авторитет Священного Писания вообще. Объяснил, что церковь, в лоне которой я воспитан, исповедует буквальное толкование Библии: «Библия должна приниматься целиком, никакие изъятия из нее не допускаются» — что Священное Писание есть истинное Слово Божие, но мне известны другие церкви, считающие, что дух важнее буквы, и некоторые из них столь либеральны, что вообще отказываются руководствоваться Библией. И тем не менее называют себя христианскими.

— Маргрета, любовь моя, как заместитель директора церквей, объединенных благочестием, я ежедневно общался с членами всех протестантских сект и поддерживал связи с римско-католическими священниками по вопросам, в которых мы могли бы выступать единым фронтом. Благодаря этому я узнал, что наша церковь отнюдь не обладает монополией на истину. Человек может путаться в основах веры и одновременно быть прекрасным гражданином и истинным христианином.— Я усмехнулся, припомнив кое-что, и продолжал: — А с другой стороны, один из моих друзей-католиков отец Махаффи как-то сказал мне, что, пожалуй, даже я смогу пролезть в рай, ибо Господь в своей бесконечной милости сделал определенную скидку невежественным и тупым протестантам.

Наш разговор с Маргретой происходил во вторник, то есть в наш выходной день, в единственный день недели, когда ресторан

был закрыт, а посему мы сидели сейчас на вершине el Cerro de la Neveria — Снежного холма, что по-испански звучит куда красивее — и приканчивали принесенный с собой завтрак. Холм находился в городе, почти рядом с «Панчо Вилья», но представлял собой своеобразный буколический оазис: горожане следовали прекрасному мексиканскому обычаю превращать холмы в парки, а не застраивать их домами. Чудесное местечко...

— Родная, я никогда не стал бы уговаривать тебя принять взгляды моей церкви. Но мне хочется знать о тебе как можно больше. Я обнаружил, например, что мне очень мало известно о религии в Дании. Думаю, что в основном датчане — лютеране, но не знаю, есть ли у вас собственная государственная церковь, как в других европейских странах. Иначе говоря, какова твоя церковь, сурова она или либеральна, но какова бы она ни была — как ты к ней относишься? И помни, что сказал отец Махаффи — я с ним полностью согласен. Я не верю, что только церковь владеет дверью, ведущей в рай.

Я вытянулся на земле. Маргрета сидела, обняв колени, и пристально смотрела на запад, в океан. Ее лицо было скрыто от меня. Она не ответила на мой вопрос. Наконец я тихонько ее окликнул:

— Дорогая, ты меня слышала?

— Я тебя слышала.

Я снова подождал, а потом добавил:

— Если я сую нос не в свое дело, то прошу прощения и беру свой вопрос обратно.

— Нет. Я знала, что когда-нибудь мне придется дать на него ответ. Алек, я не христианка.— Она опустила колени, обернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза.— Ты можешь развестись со мной так же просто, как и женился. Только скажи и все. Я не стану бороться. Уйду тихонько, и делу конец. Но, Алек, когда ты говорил, что любишь меня, и потом, когда сказал, что мы муж и жена перед Богом, ты не спрашивал меня о моей вере.

— Маргрета...

— Да, Алек.

— Прежде всего пополощи рот. А потом попроси у меня прощения.

— В бутылке еще, должно быть, осталось вино, чтобы прополоскать рот. Однако я не могу просить прощения за то, что не

сказала тебе об этом раньше. Я ответила бы правдиво в любое время, но ты меня не спрашивал.

— Ты должна прополоскать рот потому, что заговорила со мной о разводе. И просить прощения за то, что смела подумать, будто я могу бросить тебя по какой бы то ни было причине вообще. Если ты посмеешь еще раз поступить так скверно, я, пожалуй, отшлепаю тебя. И помни, я тебя никогда не оставлю. В богатстве или в бедности, в болезни и во здравии, сейчас и навсегда... Женщина, я люблю тебя. И попробуй вбить это в свою тупую голову.

Внезапно она оказалась в моих объятиях, плача во второй раз за время нашей совместной жизни. А я делал единственно возможное в такой ситуации — утешал ее поцелуями.

Услышав за спиной одобрительные возгласы, я обернулся. Вершина холма принадлежала нам одним, поскольку для большинства людей этот день был рабочим. Но сейчас я обнаружил, что мы даем представление для двух праздношатающихся шалопаев, таких юных, что их пол было невозможно определить. Поймав мой взгляд, один из них одобрительно заорал, а потом громко изобразил звук поцелуя.

— Валите отсюда! — закричал я.— Прочь! Vaya con Dios![1] Я правильно говорю, Марга?

Она перебросилась с ними несколькими словами, и, смеясь, они удалились. Я обрадовался этой передышке и сказал Маргрете все, что должен был сказать, так как она нуждалась в ободрении после своей глупой и храброй речи. Но я был потрясен до глубины души.

Я хотел заговорить, но подумал, что для одного дня наговорил вполне достаточно. Однако Маргрета тоже молчала, тишина стала невыносимой. Я чувствовал, что нельзя оставлять затронутый вопрос в этаком подвешенном состоянии.

— Так во что же ты веришь, дорогая? Теперь я вспомнил, что в Дании живут и евреи. Не все же датчане — лютеране.

— Есть и евреи, но немного. Вряд ли больше одного на тысячу. Нет, Алек... Существуют и более древние боги.

— Древнее Иеговы? Быть того не может!

Маргрета ничего не ответила, что было для нее характерно. Если она с чем-либо не соглашалась, то обычно молчала. Казалось, ей совершенно не интересны решающие аргументы, чем она отличалась от девяноста девяти процентов представителей человеческой расы, многие из которых готовы на любую пытку, лишь бы одержать верх в споре.

[1] Шли бы вы с Богом! *(исп.)*

И я оказался в позиции человека, которому приходится говорить за обе стороны, чтобы спор не погиб от анемии.

— Беру свои слова обратно. Мне не следовало говорить: «Быть того не может». Я ведь исходил из общепринятой хронологии епископа Асшера. Согласно его датировке, мир был сотворен пять тысяч девятьсот девяносто восемь лет назад — если вести отсчет от наступающего октября. Конечно, в Библии вообще нет никаких дат, поэтому Хейлс пришел к другим результатам... Гм... семь тысяч четыреста пять лет, если не ошибаюсь — надо будет потом написать эти цифры, тогда я вспомню точнее. А другие ученые приводят собственные расчеты, большинство которых несколько расходятся в деталях. Однако все они согласны в том, что за четыре или пять тысяч лет до Рождества Христова имело место уникальное событие — сотворение мира, когда Иегова сотворил мир и в процессе творения создал время. Время одно существовать не может. Как следствие, ничто, и никто, и никакой бог не может быть древнее Иеговы, поскольку Иегова создал время. Понимаешь?

— Лучше бы я промолчала!

— Моя дорогая, я же всего-навсего веду интеллектуальную беседу; и вовсе не хочу — никогда не хотел и не захочу — обидеть тебя. Я только показал тебе ту ортодоксальную манеру, с которой ученые подходят к датировке. Ясно, что ты пользуешься какой-то иной системой. Может быть, объяснишь? И не кидайся так свирепо на бедного старого Алекса каждый раз, как он раскрывает рот. Я был подготовлен к священничеству в церкви, которая очень ценит проповедничество. Участие в дискуссиях для меня так же необходимо, как тебе — вода. Ну а теперь начинай проповедовать, а я буду слушать. Расскажи мне об этих древних богах.

— Тебе они известны. Самого великого из них мы будем чествовать завтра. Средний день недели принадлежит ему.

— Сегодня вторник, завтра среда. ВОТАН! И это твой бог?!

— Один. Вотан — неправильный перевод с древненорвежского. Отец Один и два его брата сотворили мир. В начале была пустота,

ничто — все остальное очень сходно с Книгой Бытия, даже включая Адама и Еву, только у нас они называются Аскр и Эмбла.

— Но может быть, это и в самом деле Книга Бытия?

— Что ты имеешь в виду, Алек?

— Библия — Слово Божие, особенно ее английский перевод, известный как «версия короля Якова», ибо каждое слово этого перевода отбиралось с молитвой и на него были затрачены усилия самых блестящих ученых. Каждое расхождение во мнениях тут же в молитвах передавалось самому Господу. Так что «Библия короля Якова» — *действительно* Слово Божие.

Однако нигде не сказано, что Слово должно быть одно. Священные Писания других народов, сделанные в другое время и на других языках, могут точно так же отражать историю... если они не противоречат Библии. А ведь именно так обстоит дело по твоим словам, не так ли?

— Ах, но это касается только сотворения мира и Адама с Евой, Алек. Хронология совершенно не совпадает. Ты сказал, что мир сотворен около шести тысяч лет назад?

— Около того. У Хейлса побольше. Библия не содержит дат: даты — новейшее изобретение.

— Даже такой большой срок... у этого... как его... Хейлса?..— слишком мал. Сто тысяч лет — куда более вероятно.

Я начал протестовать — в конце концов, есть же вещи, которые невозможно слушать без возражений,— но затем я вспомнил, что решил не говорить ничего, что может заставить Маргрету спрятаться в свою раковину.

— Продолжай, родная. А рассказывают ли твои религиозные писания, что случилось в эти тысячелетия?

— Большая часть всего происшедшего относится к временам, когда письменность еще не была изобретена. Кое-что сохранилось в эпических поэмах, которые распевались скальдами, но даже это началось лишь тогда, когда люди стали жить племенами и Один научил их петь. Очень долго в мире царили «снежные гиганты», а люди были всего лишь дикими животными, на которых охотились ради развлечения. Но главное различие в хронологии таково, Алек: Библия охватывает период от сотворения мира до Страшного суда, затем следует тысячелетнее царство Божие на земле, потом Битва

в небесах и конец нашего мира. После этого — Святой град и вечность — время остановится. Верно?

— Ну да. Профессиональный знаток эсхатологии счел бы это упрощением, но главные события ты назвала правильно. Детали даны в Откровениях, следовало бы сказать — в Откровении святого Иоанна Богослова. Многие пророки имели видения, связанные с концом света, но только святой Иоанн изложил эту историю связно, так как Откровение было дано Иоанну самим Христом, дабы спасти избранных от обмана ложных пророков. Сотворение мира, грехопадение, долгие столетия борьбы и испытаний, затем Последняя битва, за которой последует Судный день и царствие Божие. Твоя вера о том же, любимая?

— Последнюю битву мы зовем Рагнарёк, а не Армагеддон.

— Я думаю, терминология не имеет значения.

— Ну пожалуйста, не перебивай меня, милый. Названия ничего не значат, а вот что произойдет — важно. В твой Судный день козлища будут отделены от агнцев. Спасенные вкусят вечное блаженство; проклятые — вечные муки ада. Так?

— Верно. Но для научной точности следует заметить, что некоторые авторитеты считают, будто, поскольку блаженство вечно, Бог так любит мир, что даже проклятые могут в конечном счете спастись: нет душ, которые не могли бы получить спасения. Другие же теологи называют такой взгляд ересью. Но мне он по душе. Мне никогда не нравилась идея вечного проклятия. Я ведь сентиментален, дружок.

— Я знаю, какой ты. И люблю тебя за это. Ты наверняка нашел бы мою древнюю религию привлекательной... поскольку в ней отсутствует вечное проклятие.

— Отсутствует?

— Отсутствует. При Рагнарёке мир, который мы знаем, будет уничтожен, но это не конец. Спустя долгое время, время оздоровления, будет создана новая Вселенная, лучше, чище и свободней от зла, чем этот мир. Она просуществует бесчисленные тысячелетия, пока опять силы зла и холода не поднимутся против добра и света. И опять наступит время покоя, за которыми последует новое сотворение, и появится новый шанс для человечества. Ничто не кончается. Ничто не может быть совершенным, и вновь

и вновь род человеческий получает шанс стать лучше, чем был в прошлом... И снова, и снова, и так без конца.

— И ты в это веришь, Маргрета?

— Я нахожу, что в это поверить легче, чем самодовольным праведникам и отчаянным воплям проклятых христианской веры. Говорят, Иегова всемогущ. Если так, то несчастные проклятые души в аду существуют лишь потому, что Иегова запланировал все это до мельчайших деталей. Разве не так?

Я помолчал. Логическое слияние всемогущества, всеведения и всеблагости — самая колючая проблема теологии, на которой даже иезуиты сломали немало зубов.

— Маргрета, некоторые тайны всемогущества очень трудно разъяснить. Мы, смертные, должны принимать благие намерения нашего Отца по отношению к нам на веру, независимо от того, понимаем мы их или нет.

— А должен ли ребенок понимать благие намерения Бога, когда его мозги разбрызгиваются по камням? И отправится ли он в ад, вознося благодарение Богу за его бесконечную мудрость и доброту?

— Маргрета, ради Бога, о чем ты говоришь?!

— Я говорю о тех местах Ветхого Завета, в которых Иегова отдает прямые приказы убивать детей, иногда указывая, что им следует разбить головы о камни. Прочти-ка псалом, который начинается словами: «При реках Вавилона...» — или слова Господа Бога, обращенные к Осии: «...Младенцы их будут разбиты, и беременные их будут рассечены». А есть там еще история об Елисее и медведицах. Алек, веришь ли ты сердцем своим, что твой Бог велел медведицам разорвать маленьких детей только за то, что они посмеялись над плешивой головой старика?

Она замолкла.

И я молчал. Наконец Маргрета сказала:

— Этот рассказ о медведицах и сорока двух ребятишках есть в твоем истинном Слове Господа?

— Разумеется, это Слово Господне. Но я не стану притворяться, что понимаю его полностью. Маргрета, если тебе нужно полное объяснение того, что сделал Господь, молись о том, чтобы он просветил тебя, но не надо шпынять меня.

— Я не собираюсь шпынять тебя, Алек. Извини.

— Можешь не извиняться. Насчет медведиц я никогда не понимал, но я не позволю сомнению поколебать свою веру. Может, это своего рода иносказание. Но послушай, дорогая, ведь, как мне кажется, история твоего Отца Одина тоже довольно кровавая?

— Не тот масштаб. Иегова разоряет город за городом, уничтожая в них поголовно всех мужчин, всех женщин и всех детей, вплоть до грудных младенцев. Один же убивает только в сражениях и только врагов, так сказать, равных ему по рангу. Однако главная разница состоит в том, что Один отнюдь не всемогущ и не претендует на всеведение.

(Теология обходит стороной сложнейшую проблему!.. Как же называть его Богом, если он не всемогущ?)

— Алек, моя единственная любовь,— продолжала Маргрета,— я не собираюсь нападать на твою веру. Мне она не нравится, я никогда ее не приму и надеюсь, что разговор, подобный сегодняшнему, больше не повторится. Но ты спросил меня напрямик, принимаю ли я авторитет Священного Писания, под которым ты понимаешь Библию. Я должна ответить тебе так же прямо — нет, не принимаю. Иегова, или Яхве Ветхого Завета, кажется мне садистом, кровожадным негодяем, склонным к геноциду. Не могу понять, как он совмещается с добрым Христом Нового Завета. Даже с помощью мистической Троицы — не понимаю.

Я хотел ответить, но она перебила меня:

— Милый, прежде чем мы оставим эту тему, я должна сказать тебе кое-что, о чем думала последнее время. Дает ли твоя религия объяснение тем загадочным событиям, которые происходят с нами? Один раз со мной, дважды с тобой — все эти меняющиеся миры?

(Не я ли без конца думал об этом?)

— Нет. Должен признаться, нет. Я очень хотел бы достать экземпляр Библии, чтобы поискать там объяснение, но в памяти своей я рылся неустанно. И не нашел ничего, что бы подготовило меня к этому.— Я вздохнул.— Очень неприятное ощущение. Но...— я улыбнулся,— провидение соединило меня с тобой. И нет для меня чужой земли, если там есть Маргрета.

— Милый Алек! Я спрашиваю потому, что моя древняя религия такое объяснение предлагает.

— ЧТО?!

— Но оно совсем не веселое. В начале нынешнего цикла Локи был повержен. Ты знаешь, кто такой Локи?

— Немного. Склочник.

— Склочник — слишком слабо для него сказано. Он рождает зло. Многие тысячи лет он находился в плену, прикованный к огромной скале. Алек, конец каждого цикла в истории человечества начинается одинаково: Локи удается освободиться — и наступает хаос.— Она посмотрела на меня с глубокой печалью.— Алек, мне ужасно жаль... но я верю, что Локи вырвался на свободу. Знаки свидетельствуют об этом, теперь может случиться *все, что угодно*. Мы вошли в «сумерки богов». Приближается Рагнарёк. Наш мир идет к концу.

12

> И в тот же час произошло великое землетрясение,
> и десятая часть города пала, и погибло при
> землетрясении семь тысяч имен человеческих;
> и прочие объяты были страхом,
> и воздали славу Богу Небесному.
>
> *Откровение Иоанна 11,13*

Я вымыл еще одну стопку тарелок высотой с маяк и все время размышлял о том, что сказала Маргрета мне в тот прекрасный день на Снежном холме, но больше вопросов ей не задавал. И она об этом со иной не заговаривала: ведь Маргрета никогда не спорила, если у нее была возможность уклониться от спора.

Поверил ли я в ее теорию насчет Локи и Рагнарёка? Конечно, нет. О! Я нисколько не возражал против того, чтобы называть Армагеддон Рагнарокем и Иисуса — Джошуа или Джезу, Марию — Мэри, Мириам или Марьям, Иегову — Яхве — любой словесный символ годится, если говорящий и слушающий согласны со значением слов. Но Локи? Просить меня поверить, что мифологический полубог темного варварского народа сумел вызвать изменения во всей Вселенной? Ну, знаете!

Я — человек современный, мой ум свободен от предрассудков, но в то же время моя голова не настолько пуста, чтобы в ней гуляли сквозняки. Где-то в Священном Писании наверняка можно найти объяснение тех печальных событий, которые произошли с нами. И мне нет нужды искать объяснения в забытых повествованиях давно исчезнувших языческих племен.

Жаль, что у меня нет под рукой Библии. О, конечно, в соборе всего лишь в нескольких кварталах отсюда можно получить католическую Библию... на латыни или на испанском. Но мне нужна версия короля Якова, которая наверняка была в этом городе. Но я не имел представления — где. Впервые в жизни я позавидовал идеальной памяти проповедника Пола (достопочтенный Пол Балониус), который в середине прошлого столетия исходил вдоль и поперек центральные штаты, причем никогда не брал с собой Библию. Брат Пол славился как человек, который цитировал по памяти любой стих, если ему называли книгу, главу и номер стиха или, наоборот, мог с ходу назвать книгу, главу и номер стиха, который ему читали.

Я родился слишком поздно, чтобы быть знакомым с проповедником Полом, а потому не видел, как он это делал. Но абсолютная память — особый дар, которым Господь наделяет не так уж часто. У меня нет причин сомневаться, что брат Пол обладал им. Пол умер внезапно, можно сказать, таинственно, а может статься, и во грехе. Профессор, руководивший моими занятиями, говорил, что следует соблюдать величайшую осторожность, молясь наедине с замужней женщиной.

У меня нет дара Пола. Я могу с грехом пополам процитировать несколько глав Книги Бытия и несколько псалмов, а также рассказ о Рождестве из Евангелия от Луки и несколько отрывков. Но для решения теперешней проблемы мне необходимо тщательно изучить тексты всех пророков и особенно пророчества, известные как Откровение Иоанна Богослова.

Действительно ли приближается Армагеддон? Неужели вот-вот наступит Страшный суд? И буду ли я еще жив во плоти, когда раздастся глас трубный?

Волнующая мысль. Одна из тех, от которых легко не отделаешься. Множество миллионов людей будут живы в тот великий

день; в это гигантское число может войти и Александр Хергенсхаймер. Услышу ли я Его голос, увижу ли мертвых, поднимающихся из могил, и буду ли вознесен вместе с ними, чтобы встретиться с Господом своим и остаться с ним навечно, как обещано? Это один из самых удивительных пассажей во всей Библии.

Конечно, у меня не было никакой уверенности, что я окажусь среди праведников в этот великий день, даже если доживу до него во плоти. Быть рукоположенным священником евангелической церкви еще не означает автоматического повышения шансов на спасение. Служители церкви сознают эту горькую истину (если, конечно, они честны), но миряне нередко считают, что у людей в рясах имеется в этом деле блат.

Ничего подобного! Никаких привилегий у церковников не существует. Тем более что священник не может сказать: «Я же не знал, что это запрещено» — или сослаться на молодость или неопытность, как на обстоятельства, заслуживающие снисхождения, он не может заявить о незнании закона или привести какие-нибудь другие причины, которыми может оправдаться мирянин и все-таки спастись.

Зная это, я должен сознаться, что мой собственный список деяний, особенно за последнее время, отнюдь не дает оснований надеяться, что я окажусь среди спасенных. Конечно, в свое время я был заново крещен. Некоторые люди, видимо, склонны считать, что это постоянное состояние, нечто вроде ученой степени, полученной в колледже. Брат мой, не рассчитывай на это! Я-то прекрасно понимал, что за последние дни совершил целую кучу грехов. Греховная гордыня. Злоупотребление спиртным. Жадность. Распутство. Адюльтер. Сомнение в вере. И прочее в том же духе.

И что еще хуже — я не чувствовал ни малейшего раскаяния за самые худшие из них.

Если Книга Грехов не обнаружит, что Маргрета спасена и допущена на небеса, то и у меня нет ни малейшего желания оказаться там. Господи, помоги мне, ибо это чистая правда!

Бессмертие души Маргреты меня очень беспокоило.

Она не могла претендовать на второй шанс, который получат все души, родившиеся до христианской эры. Она родилась в лоне лютеранской церкви, не моей, а той, что была предшественницей

моей, предшественницей всех протестантских церквей, первым плодом, ставшим пищей для червей. (Когда я мальчишкой посещал воскресную школу, то слова «пища для червей» вызывали у меня в уме картинки, весьма далекие от теологии.)

Единственная возможность спасения Маргреты заключалась в том, чтобы заставить ее отказаться от ереси и возродиться во Господе заново. Однако сделать это могла только она сама — я тут был бессилен.

Самое большое, что я мог для нее сделать,— это внушить ей мысль о необходимости искать спасения. Но делать это следовало с большой осторожностью. Нельзя же заставить взлететь к свету бабочку, сидящую на вашей руке, замахнувшись на нее мечом. Маргрета была не язычницей, не ведавшей Христа, которой требуется лишь разжевать истину. Нет, она родилась христианкой и отринула эту религию с открытыми глазами. Она могла цитировать Писание с той же легкостью, что и я, то есть в свое время она внимательно изучала его, причем куда тщательнее, чем множество других мирян. Когда и почему она это делала, я не спрашивал, но думаю, тогда, когда стала подумывать о том, чтобы покинуть христианскую веру. Маргрета была столь серьезна и столь честна, что я ощущал глубочайшую уверенность в том, что такой страшный шаг она не предприняла бы без долгого и мучительного раздумья.

Насколько неотложна проблема Маргреты? Имел ли я тридцать или около того лет в запасе, чтоб досконально изучить ее душу и отыскать к ней наилучший подход? Или Армагеддон уже так близок, что каждый потерянный день мог обречь ее на мучения во веки веков?

Языческий Рагнарёк и христианский Армагеддон имели нечто общее: Последней битве должны были предшествовать знамения и чудеса. Может быть, мы сейчас и были свидетелями таковых? Маргрета думала именно так. Я и сам пришел к мысли, что идея о том, будто смена миров предвещает Армагеддон, куда привлекательнее альтернативной идеи, то есть моей паранойи. Может ли судно потерпеть крушение, а мир измениться только для того, чтобы я не смог сверить отпечатки пальцев? Одно время я считал, что так оно и было... но... брось, Алекс, вряд ли ты такая уж важная шишка!

(А может быть, именно такая?)

* * *

Я никогда не был «тысячелетником»... Знаю, как часто число «тысяча» появляется в Библии, особенно в пророчествах, но не могу согласиться с тем, что Всевышний ограничен необходимостью трудиться равные промежутки времени по тысяче лет каждый или в каких-то других численных пределах только для того, чтобы доставить удовольствие нумерологам.

С другой стороны, я знал, что множество разумных и верующих людей придают колоссальное значение приближающемуся концу второго тысячелетия, связывая его с Судным днем и Армагеддоном, а также со всем, что должно последовать потом. Эти люди находят доказательства своей правоты в Библии и заявляют, что они подтверждаются линиями на Большой пирамиде и свидетельствами различных апокрифов.

Насчет конца тысячелетия у них существует немало разногласий. Двухтысячный год после Рождества Христова или две тысячи первый? Или истинное время — три часа пополудни (по иерусалимскому времени) седьмого апреля две тысячи тридцатого года после Рождества Христова? Если ученым и в самом деле удалось установить дату и время распятия и землетрясения в момент смерти Христа, то они предлагают точный расчет вместо приблизительных прикидок. А может быть, выбор должен пасть на Великую пятницу две тысячи тридцатого года после Рождества Христова, вычисленную по данным лунного календаря? Все это отнюдь не пустяки, если учитывать, сколь важный факт мы пытаемся установить.

Если же мы возьмем в качестве точки отсчета тысячелетия дату рождения Христа, а не распятия, то станет очевидным, что ни взятый наобум двухтысячный год, ни несколько более обоснованный две тысячи первый не могут считаться надежными датами, так как *Иисус родился в Вифлееме в пятом году до Рождества Христова*.

Каждому образованному человеку это известно, но почти никто не задумывается об этом.

Как могли величайшее событие в истории — рождение богочеловека — определить с ошибкой в пять лет? Это же непостижимо!

Очень даже просто! Какой-то монах в шестом веке нашей эры сделал описку. Современная система летосчисления (до Рождества Христова) стала применяться только спустя несколько столетий после рождения Христа. Любой, кто когда-либо пытался расшифровать даты на могильных плитах, написанные римскими цифрами, вполне может понять ошибку брата Дионисия Эксигуса. В шестом столетии было так мало лиц, хотя бы умевших читать, что ошибку заметили лишь много лет спустя, а к тому времени оказалось уже поздно переписывать летописи. Таким образом, нелепость ситуации состоит в том, что Христос рожден пятью годами раньше, чем он родился на самом деле,— такой ирландизм, который может быть исправлен лишь признанием того, что одна дата есть факт, а другая — просто ошибка в календаре.

В течение двух тысяч лет ошибка доброго монаха не имела особого значения. Однако теперь она становится невероятно важной. Если «тысячелетники» правы, то конец мира может наступить *в день Рождества нынешнего года*!

Прошу вас заметить, что я не говорю «двадцать пятого декабря». День и месяц Рождества Христова точно не известны. Матфей пишет, что в те времена царем был Ирод. Лука утверждает, что кесарем был Август, а правителем Сирии — Квириний, а мы все знаем еще, что Иосиф и Мария выехали из Назарета в Вифлеем, чтобы принять участие в переписи и уплатить налоги.

Других дат ни в Священном Писании, ни в летописях Рима нет.

Вот такая получается картина. Согласно взглядам «тысячелетников» Страшного суда можно с равным успехом ожидать и через тридцать пять лет, и *сегодня вечером*.

Если бы не Маргрета, я бы не мучился бессонницей от неопределенности. Разве можно спать, когда моей возлюбленной угрожает опасность быть низвергнутой в бездонную пропасть на *вечные* мучения?

А как бы вы поступили на моем месте?

Вообразите же меня стоящим босиком на грязном и жирном полу и моющим сальные тарелки, чтобы выплатить свои долги, и одновременно погруженным в глубочайшие раздумья о вещах, относящихся к началу и концу мира. Зрелище, достойное осмеяния!

Но ведь мытье тарелок не занимает голову — я, пожалуй, чувствовал себя даже лучше, получив для мозгов эту твердую как камень пищу.

Иногда я сравнивал свое жалкое положение с тем, в котором я находился еще недавно, и гадал — удастся ли мне отыскать через этот лабиринт путь назад — в те места, которые еще совсем недавно были моим домом?

А хочу ли я обратно? Там была Абигайль, и хотя полигамия, согласно Ветхому Завету, вполне приемлема, во всех наших сорока шести штатах она запрещена. Это решено раз и навсегда в дни, когда артиллерия армии Соединенных Штатов уничтожила храм Антихриста в Солт-Лейк-Сити и под присмотром той же армии шло разделение и распыление аморальных семей.

Сменить Маргрету на Абигайль — слишком высокая цена за то, чтобы вернуть себе положение уважаемого и достойного человека, которое у меня было еще недавно. И все-таки я любил свою прежнюю работу и получал большое удовлетворение от благих результатов моих трудов. Этот год был самым удачным со времени создания фонда — я говорю о бездоходной корпорации церквей, объединенных благочестием. «Бездоходная» вовсе не значит, что такая организация не может выплачивать приличную заработную плату и даже премиальные, благодаря чему я и смог насладиться заслуженным отпуском после самого успешного в нашей истории года по сбору пожертвований — это было главным образом мое личное достижение: как заместитель директора я прежде всего отвечал за то, чтобы наша казна была полна.

Однако еще большее удовлетворение я испытал от своих трудов на общей ниве, ибо сбор пожертвований — пустое дело, если программы морального оздоровления общества не достигают поставленных целей.

В прошлом году нами были получены следующие положительные результаты:

а) принят федеральный закон, который признал аборты величайшим преступлением;

б) другой федеральный закон признал изготовление, продажу, хранение, импорт, перевозку и (или) использование любых противозачаточных средств или приспособлений преступлением, влекущим за собой непременное тюремное заключение на срок не менее одного года и одного дня, но не больше двадцати лет за каждый из этих проступков в отдельности; он же исключил ханжескую хитроумную статью, разрешавшую все перечисленные выше ради «предохранения от заболеваний»;

в) принят федеральный закон, который хотя и не запретил азартные игры, но передал контроль над ними и выдачу лицензий в руки федеральной юрисдикции. Шаг за шагом мы строили основу, которая позволила бы нам справиться с двумя обиталищами греха — Невадой и Нью-Джерси — понемножку, помаленьку. Разделяй и властвуй!

г) принято решение Верховного суда, где мы фигурировали как amicus curiae[1], согласно которому общинные моральные стандарты, типичные для поселков с населением средней численности, могли быть применены ко всем городам вне зависимости от их величины («Томкинс против Объединенных распространителей новостей»);

д) достигнут реальный прогресс в наших усилиях отнести табак к лекарствам, выдаваемым по рецептам, путем тактического хода, отделившего жевательный и нюхательный табак от того, что было определено как «субстанции, предназначенные для горения и вдыхания»;

е) достигнут прогресс на нашем ежегодном молитвенном собрании в отношении некоторых вопросов, в которых я лично был очень заинтересован. Один из них — как лишить права на освобождение от налогов частные школы, не связанные ни с какими христианскими сектами. Политика тут еще плохо разработана из-за весьма деликатной ситуации с римско-католическими школами. Должны ли мы защищать их с помощью нашего авторитета? Или уже пришло время нанести им решительный удар? Вопрос о том, союзники нам католики или враги, всегда являлся важной проблемой, особенно для тех, кто находится, так сказать, на линии огня.

Не менее острой была и еврейская проблема. Возможно ли вообще ее гуманное решение? Если нет — то как быть? Не пора ли нам взять в руки бич? Это было темой обсуждения только in camera[2].

[1] Здесь: в качестве организации, поддерживающей иск.

[2] При закрытых дверях *(лат.)*.

Другим важным делом являлся мой собственный любимый проект: разгром астрономов. Мало кто из простых людей понимает, какой огромный вред способны принести астрономы. Я впервые понял это, еще когда учился в техническом колледже и слушал курс описательной астрономии, введенный в связи с необходимостью расширить программу обучения студентов. Дайте астроному телескоп побольше, дайте ему свободу действий, не контролируйте его работу, и первое, что он сделает,— выступит перед вами с тлетворными и совершенно незрелыми идеями, отвергающими древние истины Книги Бытия.

Есть только один способ борьбы с этим видом заразы — ударить по карману! Пересмотреть понятие «необходимого для образования» с тем, чтобы прихлопнуть этих гигантских белых слонов — астрономические обсерватории. Придать лишь одной Военно-морской обсерватории статус свободной от налогообложения, уменьшить ее штат, ограничить деятельность исключительно навигацией (самые богохульные и подрывные теории появляются благодаря должностным гражданским лицам, обязанности которых определены слишком общо, а потому у них остается слишком много свободного времени).

Мнимые «ученые» всегда вызывают осложнения, но астрономы — больше всех.

Еще один вопрос, который поднимается регулярно на каждом ежегодном молитвенном собрании и на который мне не хочется терять ни времени, ни денег,— вопрос о «правах женщин». Эти истерички, именующие себе суфражистками, в действительности не опасны, так как победу они никогда одержать не смогут, но именно данное обстоятельство дает им основание чувствовать себя важными шишками и требовать к себе особого внимания. Сажать их в тюрьмы не надо. Не надо и выставлять в колодках. Ни в коем случае нельзя позволять им обрести личину мучениц. Их следует просто игнорировать.

Были и другие в высшей степени привлекательные проблемы, которые я сам в повестку не вставлял, но с удовольствием поддержал бы их выдвижение с мест на сессиях, которыми я руководил. Пока же мне приходилось держать их в рубрике «возможно, в будущем году». Вот они.

Раздельное школьное образование для мальчиков и девочек.

Восстановление смертной казни за колдовство и сатанизм.

Аляскинский пример решения негритянской проблемы.

Федеральный контроль проституции.

Как решить проблему гомосексуализма? Наказаниями? Операциями? Или как?

Есть бесконечное число добрых дел, дожидающихся внимания хранителей общественной морали,— вопрос лишь в том, в какой очередности их брать и как решать к вящей славе Господней.

Жаль лишь, что всеми этими проблемами, как бы заманчивы они ни были, я, скорее всего, уж никогда не займусь. Подсобный рабочий, который только начинает овладевать местным языком (уверен, что в форме, крайне далекой от грамматического изящества), никак не может рассматриваться как большая политическая сила. Поэтому я перестал беспокоиться об этой стороне жизни и сконцентрировался на более реальных проблемах: на ереси Маргреты и на еще более актуальном, хотя и менее важном вопросе — как нам покончить с положением пеонов и отправиться на север.

Мы прослужили уже более ста дней, когда я попросил дона Хайме помочь мне рассчитать точную дату, когда мы будем освобождены от обязанностей, вытекающих из нашего контракта... что было лишь вежливой формой вопроса: дорогой босс, пришел наш день, и мы собираемся драпать отсюда со скоростью вспугнутого зайца. Исходите из этого в своих дальнейших планах.

Я определил, что время нашей рабской работы составляет сто двадцать один день... и дон Хайме буквально потряс меня, да так, что я позабыл все вызубренные испанские слова, насчитав сто пятьдесят восемь дней!

Еще больше шести недель, тогда как по моим расчетам мы должны были стать свободными уже на следующей неделе!

Я запротестовал, заметив, что наши совместные обязательства, определенные судом с учетом аукционной цены на наши услуги (шестьдесят песо в день Маргрете и половина этой суммы мне), в пересчете на время дают сто двадцать один день... из которых мы уже отработали сто пятнадцать.

— Нет, не сто пятнадцать, а девяносто девять.— Он протянул мне календарь, предложив посчитать самому. Именно в эту секунду до меня дошло, что наши божественные вторники никак не содействовали сокращению сроков рабства. Во всяком случае так сказал патрон.— А кроме того, Александро,— добавил он,— ты не учитываешь процентов на еще невыплаченный долг, ты не принял в расчет инфляционный фактор, ты не учел уплаты мной налога и даже ваших взносов в приют Богоматери всех печалей. Если бы ты заболел, мне же пришлось бы содержать тебя, а?

(Что ж, все так. Я обо всем этом не думал, я полагал, что патрон должен заботиться о своих пеонах).

— Дон Хайме, в тот день, когда вы торговались за наши долговые обязательства, секретарь суда прочел нам наши контракты. Он сказал, что длительность контракта составляет сто двадцать один день. Он сам так сказал мне!

— Тогда иди к секретарю и разбирайся с ним.— Дон Хайме повернулся ко мне спиной.

Это охладило меня. Дон Хайме показался мне настолько же готовым взять в рефери секретаря суда, насколько он боялся это сделать, когда речь зашла о походе Маргреты в суд по поводу ее чаевых.

Мне стало ясно, что он имел достаточный опыт в обращении с контрактами, знал, как они действуют, и поэтому не боялся, что судья или секретарь уличат его в каких-то махинациях.

Мне не удалось поговорить об этом с Маргретой вплоть до самой ночи.

— Марга, как я мог так ошибиться? Я думал, что секретарь суда все точно подсчитал, прежде чем дать нам на подпись долговое обязательство. Сто двадцать один день. Верно?

Она ответила не сразу. Я продолжал настаивать.

— Разве ты перевела мне его слова не так?

— Алек, несмотря на то что я теперь обычно думаю на английском языке (а в самое последнее время на испанском), когда мне приходится считать, я обычно перехожу на датский. Датское слово для обозначения шестидесяти «tres» на испанском обозначает «три». Понимаешь, как легко мне было ошибиться. Я не помню, как именно я тебе сказала: «ciento y veintiuno» или «ciento y

sesentiuno»[1] — так как помню цифры по-датски, а не по-английски или по-испански. Но я думала, что ты сам все проверил.

— Я так и сделал. Но в то время я испанского не знал совсем. Сеньор Муньес все объяснил тебе, ты перевела мне, а позже я сделал подсчет, и он подтвердил то, что сказал секретарь... или то, что ты сказала... О черт! Совершенно запутался!

— Тогда почему бы нам не отложить все это до разговора с сеньором Муньесом?

— Марга! Неужели тебя не огорчает перспектива рабски вкалывать на этой свалке лишних пять недель?

— Конечно, огорчает, но не так сильно, как тебя. Алек, я ведь работала всю жизнь. Работать на пароходе было тяжелее, чем учительствовать, но зато я путешествовала и видела чужие страны. Работать здесь официанткой немного тяжелее, чем убирать каюты на «Конунге Кнуте», но зато мы с тобой вместе, и это с лихвой компенсирует все остальное. Я хочу уехать отсюда в твою родную страну, но ведь там не моя родина, и поэтому я не так жажду покинуть этот город, как ты. Сейчас для меня родина там, где ты.

— Дорогая, ты так логична, так умна и сдержанна, что иногда буквально загоняешь меня в угол.

— Алек, я вовсе не собираюсь этого делать. Я просто хочу, чтоб мы прекратили волноваться до встречи с сеньором Муньесом. А сейчас я собираюсь массировать твою спину до тех пор, пока ты не расслабишься как следует.

— Мадам, вы меня убедили. Но только если прежде вы разрешите мне растереть ваши бедные усталые ножки.

Мы сделали и то и другое. «И дебри стали райским сном».

Нищие не выбирают. Утром следующего дня я встал пораньше, повидал курьера секретаря суда и узнал, что не смогу сегодня увидеть его босса, пока не кончатся судебные слушания. Пришлось предварительно договориться насчет встречи во вторник, когда суд не работает. «Предварительно» — это означало, что мы обязаны явиться в здание суда, а секретарь на себя подобного обязательства не берет (возможно, все же он там будет, Deus volent[2]).

[1] Сто двадцать один; сто шестьдесят один *(исп.)*.

[2] Если захочет Бог *(исп.)*.

Так что во вторник мы, как всегда, отправились на пикник, ибо увидеться с сеньором Муньесом можно было не раньше четырех. Однако мы оделись, как для воскресного богослужения, а не для пикника, то есть оба были в обуви, приняли утром душ, я побрился и надел самый лучший костюм, подаренный доном Хайме, чистый и выглаженный и выглядевший гораздо лучше, чем поношенные рабочие брюки береговой охраны, которые я носил в подсобке. Маргрета же надела свой яркий наряд, полученный в первый день пребывания в Масатлане.

Мы договорились, что не будем делать ничего такого, что заставит нас вспотеть или запылиться. Почему мы считали это столь важным, сказать не берусь. Видимо, каждый из нас полагал, что приличия требуют выглядеть при посещении суда как можно лучше.

Как обычно, мы прошли мимо фонтана, чтоб повидаться с нашим другом Пепе, а уж потом вернуться немного назад к подножию холма. Пепе приветствовал нас, как приветствуют близких друзей, и мы обменялись несколькими изящными фразами, которые звучат так чудесно на испанском языке и практически не переводимы на английский. Еженедельный визит к Пепе стал важным элементом нашей общественной жизни. Мы многое о нем узнали — от Аманды, не от него,— и я проникся к нему еще большим уважением.

Пепе не родился безногим, как я думал прежде. Когда-то он был водителем, перегонял грузовики через горы в Дуранго и дальше. Затем произошел несчастный случай, и Пепе пролежал больше двух суток, придавленный машиной, пока его наконец не спасли. Его отвезли в приют Богоматери всех печалей без признаков жизни.

Однако Пепе оказался крепким малым. Через четыре месяца его выписали из больницы. Кто-то пустил для него шапку по кругу, чтоб собрать денег на инвалидную колясочку. Пепе получил официальное разрешение на нищенство и выбрал место у фонтана, где быстро стал другом всех гуляющих, всех «донов» и обладателем самой веселой улыбки, с которой был готов встретить все худшее, что еще ждало его впереди.

Потолковав и обменявшись вопросами о здоровье и настроении, как водится у добрых знакомых, мы с Маргретой собрались уходить, и я протянул своему другу бумажку в одно песо.

Он, однако, тут же вернул ее.

— Двадцать пять сентаво, мой друг. У вас нет мелочи? Или вы хотите, чтобы я дал вам сдачу?

— Пепе, друг мой, мы хотели бы просить вас оставить себе этот скромный подарок.

— Нет, нет, нет! У туристов я с удовольствием выманю даже золотые зубы, а потом выпрошу еще что-нибудь. С вас, мой друг, только двадцать пять сентаво.

Я не посмел настаивать. В Мексике мужчина всегда хранит свое достоинство, а если не хранит — значит, он помер.

Высота el Cerro de la Neveria — около ста футов. Мы поднимались очень медленно, я шел позади, чтобы Маргрета не устала. По некоторым признакам я почти убедился, что Маргрета ждет ребенка. Но она, по-видимому, пока еще не считала возможным обсуждать этот вопрос со мной, а я, конечно, не собирался поднимать его, раз она молчит.

Мы отыскали наше излюбленное местечко, где можно было расположиться в тени небольшого деревца и откуда открывался вид во все стороны, на все триста шестьдесят градусов: к северо-западу — на Калифорнийский залив, к западу — на Тихий океан и на то, что могло быть (а возможно, и было) облаками, венчавшими вершину пика, который возвышался на оконечности мыса Баха-Калифорния в двухстах милях отсюда. На юго-западе нашего полуострова лежал дивный Playa de las Olas Atlas — пляж, тянувшийся до самого Cerro Vigia (Сторожевого холма) и дальше — к Cerro Creston — туда, где поднимался гигантский маяк «Фаро» — конечная точка полуострова. За южной окраиной города виднелась посадочная площадка береговой охраны.

На востоке и северо-востоке высились горы, за которыми в ста пятидесяти милях прятался Дуранго. Воздух сегодня был чист, казалось, достаточно протянуть руку, чтобы дотронуться до склонов гор.

Масатлан лежал внизу наподобие игрушечного городка. Собор отсюда выглядел как архитектурный макет, а не величественная и прекрасная церковь... И в который раз я подумал; как католикам с их нищей, как правило, паствой удается сооружать столь

дивные церкви, тогда как их соперники протестанты еле-еле набирают закладные, чтобы построить куда более скромные здания.

— Смотри, Алек! — воскликнула Маргрета.— Анибал и Роберто получили новый aeroplano! — Она показала рукой вдаль.

Действительно, у причала береговой охраны стояли два aeroplanos. Один из них — та самая гигантская гротескная стрекоза, которая спасла нам жизнь; новый же — совсем другой. Сначала мне показалось, что он тонет у причала: поплавки, на которых садилась на воду первая машина, у второй начисто отсутствовали.

Потом я понял, что новый аппарат — в полном смысле слова летающая лодка. Корпус aeroplano сам по себе был поплавком или лодкой водонепроницаемой конструкции. Моторы с пропеллерами помещались выше крыльев.

Не скажу, что я отнесся с доверием к столь радикальным изменениям. Скромная надежность аппарата, в котором мы уже летали, пришлась мне больше по вкусу.

— Алек, давай навестим их в следующий вторник.

— Хорошо.

— Как ты думаешь, Анибал позволит нам полетать на новом aeroplano?

— Только если об этом будет знать команданте.— Я не стал говорить, что новый аппарат показался мне не слишком надежным. Маргрета отличалась редким бесстрашием.— Но мы зайдем к Анибалу и попросим показать его нам. Лейтенанту это понравится. Роберто тоже. Давай позавтракаем.

— Ах ты, свиненок,— ответила она, разостлала serviletta и начала выгружать на нее еду из корзинки, которую я тащил.

Вторники давали Маргрете возможность разнообразить великолепную мексиканскую кухню Аманды своими датскими или интернациональными блюдами. Сегодня она приготовила датские «открытые» сандвичи, которые датчане — как и все, кому выпало счастье попробовать,— просто обожают. Аманда разрешила Маргрете хозяйничать на кухне, и сеньора Валера не вмешивалась — она вообще не заходила на кухню, согласно условиям вооруженного нейтралитета, достигнутого еще до того, как

мы поступили в штат ресторана. Аманда была женщиной с характером.

Сегодня бутерброды были покрыты толстым слоем вкуснейших креветок, которыми славится Масатлан, но креветки оказались лишь началом... Я помню еще ветчину, индейку, бекон с поджаристой корочкой, три сорта сыра, несколько видов солений, крохотные перчики, какую-то неизвестную мне рыбу, тончайшие ломтики говядины, свежие помидоры, три сорта салата и еще что-то похожее на жареный баклажан. Уф! Благодарение Господу, для того чтобы наслаждаться едой, вовсе незачем знать, что ты ешь. Маргрета поставила ее передо мной, и я поглощал с восторгом все, независимо от того, знал я, что ем, или нет.

Часом позже у меня началась сытая отрыжка, которую я старательно пытался скрыть.

— Маргрета, я сегодня уже говорил, что люблю тебя?

— Говорил, но уже давно.

— Обожаю. Ты не только прекрасна и отличаешься божественными пропорциями, ты еще и дивно готовишь.

— Благодарю вас, сэр.

— Не угодно ли вам, чтобы я восхитился еще и вашим интеллектуальным совершенством?

— Не обязательно. Нет.

— Как угодно. Если передумаешь, скажи. Перестань возиться с остатками — я все подчищу попозже. Ляг рядышком и объясни, почему ты продолжаешь жить со мной? Вряд ли тебе нравится, как я готовлю. А может быть, потому, что я лучший мойщик посуды на всем западном побережье Мексики?

— Именно.

Она убирала остатки ленча до тех пор, пока место нашего пикника не было приведено в девственное состояние, а все, что осталось — оказалось в корзинке, готовой вернуться к Аманде.

Потом она легла рядом со мной, положила мне под шею руку и вдруг с тревогой подняла голову.

— Что это?

— О чем ты?..

Я прислушался. Отдаленный гул нарастал, будто тяжелый грузовой состав делал где-то совсем рядом крутой поворот. Но ближайшие железные дороги проходили севернее — на Чиуауа и

южнее — на Гвадалахару, то есть очень, очень далеко от полуострова Масатлан.

Гул нарастал. Вздрогнула земля. Маргрета села.

— Алек, я боюсь.

— Не бойся, родная. Я с тобой.

Я притянул ее к себе и прижал крепко-крепко. Казавшаяся раньше незыблемой земля ходила под нами ходуном, а ревущий гул вырос до невообразимых масштабов.

Если вам приходилось попадать в землетрясение, хотя бы слабенькое, то вы поймете наши чувства лучше, чем если бы я попробовал передать их словами. Если же не попадали, то все равно мне не поверите, и чем точнее я попытаюсь вам их описать, тем больше вероятности, что вы не поверите мне ни на грош.

Самое худшее в землетрясении то, что, оказывается, не существует ничего прочного, за что можно ухватиться... а самое поразительное — шум, чудовищная какофония множества самых разнообразных звуков: треск переламывающихся под вами камней, грохот рушащихся зданий, испуганные вопли, плач раненых и потерявшихся, вой и лай животных, которые не могут осмыслить происходящее.

И так без конца.

Это длилось целую вечность — наконец главный удар настиг нас, и город рухнул.

Я слышал все это. Грохот, который, казалось, уже не мог стать громче, внезапно вырос во много раз. Мне удалось приподняться на локте и взглянуть на город. Купол собора лопнул как мыльный пузырь.

— О Марга! Взгляни! Нет, не смотри — это слишком страшно!

Она привстала, не проронив ни слова; ее лицо было лишено всякого выражения. Продолжая обнимать Маргрету, я бросил взгляд на полуостров — туда, за Cerro Vigia — на маяк.

Он медленно наклонился.

Я видел, как маяк сломался почти пополам, а затем не спеша, с каким-то странным достоинством, рухнул.

За городом я видел стоящие на якорях aeroplanos береговой охраны. Они отплясывали неистовый танец. Новый черпнул воду

крылом, его захлестнуло — и я потерял его из виду, так как над городом встало густое облако от тысяч и тысяч тонн размолотых в пыль кирпичей и цемента.

Я глазами поискал наш ресторан и нашел его: el Restautante «Pancho Villa». И в этот самый момент стена, на которой красовалась вывеска, выгнулась и рухнула на улицу. Облако пыли застлало все вокруг.

— Маргрета! Его нет! Ресторана «Панчо Вилья»! — показал я.

— Ничего не вижу.

— Его больше не существует, говорю тебе! Разрушен! Благодарю тебя, Боже, ни Аманды, ни девочек там сегодня не было.

— Да, Алек, это когда-нибудь кончится?

Внезапно все кончилось — даже более внезапно, чем началось. Чудом исчезла пыль; не было слышно ни шума, ни криков раненых и умирающих, ни воя животных.

Маяк возвышался там, где и должен был возвышаться. Я взглянул налево, надеясь увидеть стоящие на якорях aeroplanos,— и ничего не увидел. Не было даже вбитых в дно свай, к которым они крепились. Я взглянул на город — все спокойно. Собор цел и невредим и по-прежнему прекрасен.

Я поискал глазами вывеску «Панчо Вилья».

И не нашел ее. Здание на углу, которое показалось мне знакомым, было, но выглядело иначе, окна тоже казались другими.

— Марга, где же ресторан?

— Не знаю. Алек, что происходит?

— Снова они,— сказал я с горечью.— Мир вновь изменился. Землетрясение кончилось, но это не тот город, где мы жили. Он похож на него, но другой.

Я был прав лишь отчасти. Мы еще не решили, спуститься ли нам, когда снова послышался гул. Потом последовал толчок. Затем гул многократно возрос, земля затряслась — и этот город тоже рухнул. Опять я увидел, как сломался и упал высокий маяк. Опять собор как бы осел сам в себя. Опять поднялись клубы пыли, опять послышались крики и вой.

Я поднял сжатые кулаки и погрозил небу.

— Проклятие Господне! Хватит! Дважды — это уже перебор!

И гром не убил меня.

13

Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!

Книга Екклесиаста 1,14

Я хочу лишь кратко коснуться трех последующих дней — уж очень мало хорошего было в них. «И была кровь на улицах и пыль». Те из нас, кто остался в живых, не был ранен, не потерял рассудок от горя, не впал в апатию или в истерику, не обессилел, короче говоря, горсточка — там и сям копались в развалинах, стараясь отыскать живых под грудами кирпичей, камней и извести. Но можно ли разгрести голыми руками тонны камня?

И что можно сделать, когда, добравшись до них, вдруг обнаруживаешь, что опоздал, что поздно было уже в тот самый миг, когда ты принялся за дело? Услыхав жалобный писк, напоминавший мяуканье котенка, мы стали с величайшей осторожностью копать, стараясь не надавливать на то, что лежало внизу, аккуратно растаскивать камни, чтобы не причинять лишних страданий засыпанному существу. В конце концов мы добрались до источника звука. Им оказалось только что испустившее дух дитя. Таз проломлен, полголовы раздавлено. «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень». Я отвернулся, и меня вырвало. Никогда больше не стану читать псалом сто тридцать седьмой.

Ночь мы провели на нижнем склоне Снежного холма. Когда солнце зашло, мы волей-неволей прекратили работу. Темнота делала ее бесполезной. К тому же настало время мародеров. Я глубоко убежден, что каждый мародер — потенциальный насильник и убийца. Я был готов умереть за Маргрету, если нужно,— однако не имел ни малейшего желания умирать храбро, но без толку, в схватке, которой можно избежать.

На следующее утро прибыла мексиканская армия. Мы мало чего достигли до ее прихода, просто опять, как вчера, немного разгребли руины. Не стоит говорить о том, что мы там находили. Солдаты положили этому конец. Всех штатских согнали на полуостров, подальше от разрушенного города, к железнодорожной

станции за рекой. Там мы и ждали — новоиспеченные вдовы, мужья, только что лишившиеся жен, осиротевшие дети, изувеченные на самодельных носилках, раненые, но не потерявшие способности двигаться, люди без видимых ранений, но с пустым взором и безмолвные. Маргрете и мне повезло; мы были лишь голодны, хотели пить и перепачкались, нас с ног до головы покрывали синяки, которые мы набили, валяясь на земле во время землетрясения. Поправка: во время двух землетрясений.

Приходилось ли кому-нибудь испытать два землетрясения подряд?

Я не рисковал расспрашивать об этом. По-моему, я был уникальнейшим свидетелем смены миров, причем Маргрета дважды переносилась со мной, так как каждый раз я крепко прижимал ее к себе. Были ли еще жертвы переноса? Не было ли на «Конунге Кнуте» таких, кто держал язык за зубами так же старательно, как я? Как спросить? «Извините, амиго, но это тот самый город, который был тут вчера?»

После того как мы прождали на железнодорожной станции часа два, подъехала армейская цистерна с водой и каждому беженцу выдали по жестяной кружке воды. Солдат с примкнутым штыком наводил в очереди порядок. Перед самым заходом солнца машина опять вернулась с водой и буханками хлеба. Маргрета и я получили четверть буханки на двоих. Примерно тогда же на станцию задним ходом подали поезд и вооруженные люди стали загружать его нами, по мере того как из вагонов выгружали грузы. Марге и мне опять повезло: нас втиснули в пассажирский вагон — большинство остальных попали в товарные.

Поезд пошел на север. Нас не спрашивали, хотим мы туда ехать или нет; у нас не требовали денег за проезд; Масатлан эвакуировали целиком.

До тех пор пока не восстановят систему водоснабжения, Масатлан будет принадлежать только крысам и мертвецам.

Нет смысла описывать наше путешествие. Поезд шел, мы страдали. Железнодорожная линия в Гуаймасе круто поворачивала от моря в глубь материка, а потом тянулась через Сонору до Аризоны — дивно красивая местность, если бы мы были в состоянии любоваться ею. Мы спали, сколько могли, и притворялись спящими

все остальное время. Каждый раз, когда поезд останавливался, кто-то выходил, хотя полиция старалась загонять всех обратно. Когда мы добрались до Ногалеса (Сонора), поезд наполовину опустел. Остальные, видно, собирались ехать до того Ногалеса, что в Аризоне. Среди них были и мы.

Мы достигли государственной границы после полудня, спустя трое суток после землетрясения.

Нас согнали в здание контрольно-пропускного пункта, и человек в форме произнес речь по-испански:

— Привет вам, амигос! Соединенные Штаты рады помочь своему соседу в дни испытаний, и иммиграционная служба США упростила процедуру, с тем чтобы мы могли позаботиться о вас поскорее. Сначала мы должны просить вас всех пройти обработку против вшивости, затем вам выдадут «зеленые карты» сверх квоты, чтобы вы могли наниматься на любую работу по всей территории Соединенных Штатов. Агентов по найму, которые помогут вам, вы найдете сразу же, как выйдете из здания. Там же развернуты походные кухни. Если вы голодны, подходите и получайте первую трапезу как гости Дяди Сэма! Добро пожаловать в Los Estados Unidos![1]

Некоторые стали задавать вопросы, а мы с Маргретой сразу же поспешили к дверям, ведущим в «вошебойку». Мне было отвратительно само название этой санитарной процедуры. Требование пройти обработку против вшивости подразумевало, что мы завшивели. Мы были грязны и оборванны — это так, да у меня еще отросла трехдневная щетина... Но вшивость?!

А может, вши и были? После суток ползания по развалинам и двух суток, проведенных среди множества других немытых людей в вагоне, тоже отнюдь не отличавшихся чистотой, мог ли я поручиться, что на мне нет паразитов?

Да и «вошебойка» оказалась не такой уж ужасной. Процедура представляла собой мытье в душе под наблюдением санитаров, которые по-испански требовали, чтобы волосяной покров на теле тщательно обрабатывали специальным жидким мылом. А в это время моя одежда проходила нечто вроде стерилизации, или окуривания, как я думаю, в автоклаве, и мне пришлось голым до-

[1] Соединенные штаты! *(исп.)*.

жидаться минут двадцать, пока она будет готова, и с каждой минутой я злился все больше и больше.

Однако, одевшись, я перестал сердиться, так как понял, что никто не собирался меня оскорбить, просто каждая импровизированная процедура, в которую вовлечены толпы народа, почти наверняка оскорбляет человеческое достоинство. (Мексиканские беженцы тоже, видимо, находили ее постыдной: я слышал ропот.)

Затем мне опять пришлось ждать — на сей раз Маргрету.

Она вышла из дальней двери женского отделения, увидела меня, улыбнулась, и все вокруг изменилось как по волшебству. И как ей удалось, выйдя из «вошебойки», выглядеть одетой с иголочки?

Она подошла ко мне и сказала:

— Я заставила ждать тебя, дорогой? Извини, пожалуйста. Там нашлись утюг и гладильная доска, и я воспользовалась ими, чтобы привести в порядок одежду. Она неважно выглядела, когда ее выдали.

— Я не заждался,— соврал я.— Ты очаровательна! (А вот это уже правда!) Пойдем обедать? Правда, боюсь, что это еда, приготовленная в полевой кухне.

— А разве мы не должны сначала пройти какую-то процедуру с документами?

— Ох! Я думаю, что сначала надо воздать должное благотворительному обеду. «Зеленые карты» нам не нужны — их выдают исключительно мексиканцам. Мне же придется лишь объяснить отсутствие у нас паспортов.

Я все продумал раньше и еще в поезде согласовал с Маргретой. Вот что я предложил сообщить властям о нашей судьбе: мы туристы, остановившиеся в Hotel de las Olas Atras, на берегу океана. Когда началось землетрясение, мы были на пляже. Таким образом мы потеряли одежду, деньги, паспорта, короче говоря, все, так как наш отель рухнул. Нам повезло, мы остались живы. Та одежда, что на нас, выдана мексиканским Красным Крестом.

Эта история обладала двумя крупными преимуществами: Hotel de las Olas Atras действительно был разрушен, а остальную часть рассказа проверить было затруднительно.

Вскоре однако обнаружилось, что для получения обеда необходимо выстоять в очереди за «зелеными картами». В конце концов

мы добрались до стола. Человек, сидевший за столом, сунул мне под нос анкету и сказал по-испански:

— Сначала напишите печатными буквами фамилию, потом адрес. Если дом во время землетрясения разрушен, укажите это и дайте адрес брата, отца, священника, кого угодно, чей дом сохранился.

Тут я завел свою песню. Человек поднял на меня глаза и сказал:

— Амиго, вы задерживаете очередь.

— Но мне не нужна «зеленая карта»,— ответил я.— Я не хочу ее получать. Я американский гражданин, возвращаюсь из-за границы и стараюсь объяснить, почему у меня нет паспорта. То же самое относится и к моей жене.

Он побарабанил пальцем по столу.

— Послушайте,— сказал он.— По вашей манере говорить видно, что вы настоящий американец. Вернуть вам пропавший паспорт я не могу. У меня на очереди еще триста пятьдесят беженцев, вот-вот прибудет еще один состав. Почему бы вам не оказать мне услугу и не получить «зеленую карту»? Она вас не укусит и позволит въехать в страну. Завтра вы сможете поругаться с государственным департаментом относительно паспорта, а со мной не надо. О'кей?

Я глуп, но не упрям.

— О'кей.

В качестве своего мексиканского поручителя я назвал дона Хайме. Мне кажется, он нам много задолжал. Его адрес имел еще то преимущество, что находился совсем в другой Вселенной.

Обед оказался именно таким, каким должен быть благотворительный обед. Но это была еда гринго — первая за несколько месяцев,— а мы проголодались. Старковское печеное яблоко на десерт показалось мне необычайно вкусным. Незадолго до заката мы очутились на улицах Ногалеса — свободные, чистые, сытые и в Соединенных Штатах на законных — или почти законных — основаниях. Нам было на тысячу процентов лучше, чем той голой парочке, которую подобрали в океане семнадцать недель назад.

И все же мы были изгои — без денег, без пристанища, без одежды, кроме той, что на нас, а трехсуточная щетина на щеках и вид моей одежды, прошедшей обработку в автоклаве — или как его там? — придавали мне облик типичного обитателя трущоб.

Особенно обидным казалось безденежье, тогда как у нас были деньги, те самые чаевые, что припрятала Маргрета. Но на бумажных деньгах там, где должно было быть написано «Republika»[1], стояло слово «Reino»[2], а на монетах — вовсе не те лица, которым полагалось быть. Возможно, некоторые наши монеты содержали достаточно серебра, но получить за них местные наличные сейчас было бы трудно. Любая же попытка пустить их в ход обязательно вовлекла бы нас в большие неприятности.

Сколько мы потеряли? Ведь обменного курса между вселенными не существовало. Конечно, можно было сравнить покупательную способность денег — столько-то дюжин яиц или столько-то кило сахара. Но какой в этом смысл? Сколько бы там ни было, мы все равно лишились своих денег.

Такие расчеты были бы ничуть не лучше той чепухи, которой я развлекался в Масатлане. Там, будучи хозяином подсобки, я писал письма: а) боссу Алекса Хергенсхаймера, преподобному Данди Данни Доверу, доктору богослову, директору церквей, объединенных благочестием; б) адвокатам Алека Грэхема в Далласе. Ни на одно письмо ответа не последовало, ни одно из них ко мне не вернулось. Именно этого я и ожидал, так как ни Алек, ни Александр не происходили из мира, где существуют летательные машины — aeroplanos.

Попробую сделать то же самое, но надежды мало: я уже знал, что новый мир чужд нам обоим — и Хергенсхаймеру, и Грэхему. Как узнал? До прибытия в Ногалес я не замечал ничего такого, но здесь, в пропускном пункте (а ну-ка, покрепче держитесь за свои стулья!), был телевизор! Очень красивый большой ящик с окошком вместо одной стенки, и в этом окошке живые изображения людей... и звуки, исходящие оттуда же, когда они разговаривали.

Вы либо имеете такое изобретение и привыкли к нему, как к чему-то обыденному, либо живете в мире, который ничего подобного не знает, и тогда вы мне не поверите. Так вот, узнайте же из моих уст — ведь меня тоже заставили поверить в нечто такое, во что вообще-то поверить невозможно,— такое изобретение существует. Есть мир,

[1] Республика *(исп.)*.

[2] Королевство *(исп.)*.

в котором оно столь же обычно, как велосипед, и называется «телевидение», а иногда «телик», или «видео», или даже «ящик для идиотов». И если бы вы знали, для каких целей подчас используется это великое чудо, вы бы тут же поняли, какой глубокий смысл имеет последнее название.

Если вы окажетесь совершенно без денег в чужом городе, где у вас нет ни одной знакомой души, и вы не хотите обращаться в полицию, равно как и не желаете быть побитым, есть только одно заведение, где можно получить столь необходимую вам помощь. Обычно вы найдете его где-то вблизи самых злачных мест на окраине городских трущоб.

Армия спасения.

Заполучив телефонную книгу, я моментально нашел телефон Армии спасения. (Однако пришлось пошевелить мозгами, чтобы понять, как обращаться со здешними телефонами. Предупреждение путешественникам между мирами: мелкие изменения могут ввести в заблуждение так же, как большие.)

Через двадцать минут, разок повернув не в ту сторону, мы с Маргретой добрались до миссии. Прямо на тротуаре стояли четверо: один с французским рожком, другой с большим барабаном и двое с тамбуринами — а вокруг собралась толпа. Музыканты исполняли «Рок столетий», и получалось совсем неплохо, но чувствовалось, что им нужен еще баритон, и у меня возник соблазн к ним присоединиться.

Однако когда до миссии осталось буквально несколько шагов, Маргрета вдруг остановилась и потянула меня за рукав.

— Алек... нам обязательно надо идти туда?

— А? Что тебя беспокоит, родная? Я думал, мы обо всем договорились?

— Нет, сэр. Вы сами изволили все решить.

— М-м-м... Да, возможно. Тебе не хочется идти в Армию спасения?

Она тяжело вздохнула:

— Алек... я не бывала в церкви с тех пор... с тех пор как покинула лютеранскую веру. Идти туда сейчас, мне кажется, грешно.

(Господи, да что же мне делать с этим ребенком? Она отступница не потому, что язычница... но потому, что ее жизненные

принципы даже выше твоих. Вразуми, Господи, и, пожалуйста, поспеши!)

— Любимая, если тебе кажется, что это грешно, мы не пойдем. Но скажи, что нам делать? Других предложений у меня нет.

— А... Алек, нет ли тут каких-нибудь других учреждений, куда бы мог обратиться человек, попавший в беду?

— О, конечно, есть. В таком большом городе хотя бы несколько приютов должна иметь католическая церковь. Должны быть и протестантские. Возможно, найдется и иудейский. И...

— Нет, я имею в виду те, что никак не связаны с религией.

— Ах так? Маргрета, мы оба понимаем, что на самом деле это не моя родина, и ты, вероятно, не хуже меня знаешь, как обстоят дела. Возможно, тут и существуют ночлежки для бездомных, которые не имеют отношения к церкви. Правда, я не уверен, так как церкви стремятся монополизировать это поле деятельности, тем более что никто другой им особо не интересуется. Если б сейчас было утро, а не вечер, я постарался бы найти какой-нибудь благотворительный фонд или организацию коммунальной помощи, или что-то в этом роде — и что-нибудь из этого мы непременно обнаружили бы. Но сейчас... Найти полицейского и попросить о помощи — вот единственное, что я могу придумать в такое время суток... Но заранее могу сказать тебе, как поступит коп в такой вот части города, когда ты скажешь, что тебе негде переночевать. Он укажет тебе дорогу в эту же самую миссию. В добрую старую Армию.

— В Копенгагене, или Стокгольме, или в Осло я бы пошла прямо в главное полицейское управление. Там можно попроситься переночевать, и тебя обязательно приютят.

— Придется напомнить тебе, что это не Дания, не Швеция и не Норвегия. Здесь полицейские тоже могут приютить нас — меня засунут в камеру для алкашей, а те бя — в такую же, но для проституток, хотя, разумеется, могут и отпустить. Не знаю.

— Неужели твоя Америка такая жестокая?

— Не могу сказать, родная, это не моя Америка. Но я не хотел бы выяснять различия столь рискованным путем. Любимая... ну а если бы я отработал все, что нам тут дадут,— может, мы проведем ночь в Армии спасения и ты не станешь раздумывать о смертных грехах?

Маргрета добросовестно обдумала сказанное: главный ее недостаток — полное отсутствие чувства юмора. Дивный характер —

есть. Детская способность с восторгом включаться в любую игру — сколько угодно. Чувство юмора? «Жизнь не игра, жизнь суровая штука».

— Алек, если удастся так устроить, то у меня не возникнет ощущения, будто я совершаю нечестный поступок, войдя туда. И я тоже буду работать.

— Это не обязательно, милая: ведь я выступлю в своем профессиональном качестве. После кормежки бездомных останется уймища грязной посуды — а ты имеешь честь лицезреть чемпионатяжеловеса всей Мексики и los Estados Unidos по мытью тарелок.

Итак, я мыл тарелки. Кроме того, помог разложить сборники гимнов и подготовить все для вечерней службы. А еще я выпросил у брата Эдди Маккау — адъютанта Армии спасения — безопасную бритву и лезвие. Я рассказал ему, каким образом мы тут очутились: отдых на мексиканской Ривьере, солнечные ванны на берегу океана, и вдруг — гул мощного толчка... короче, вывалил на него всю ту кучу вранья, которую приготовил для иммиграционной службы и не успел использовать.

— Все потеряно. Деньги, дорожные чеки, одежда, билеты домой, работа. И в то же время мы счастливчики — остались живы.

— Господь укрыл вас в своих объятиях. Ты говорил, что заново крещен?

— Много лет назад.

— Нашим заблудшим овцам было бы неплохо пообщаться с тобой. Когда придет твое время свидетельствовать, не согласишься ли ты рассказать о том, что с вами произошло? Ведь ты у нас первый очевидец из тех мест. О, мы тоже ощутили землетрясение, но у нас только тарелки зазвякали.

— Буду очень рад.

— Заметано. Сейчас я дам тебе бритву.

И я выступил со свидетельством, и нарисовал правдивую и страшную картину землетрясения, но все же не такую жуткую, какой она была на самом деле. Мне даже вспоминать не хотелось про крыс и детские трупы, и я вслух возблагодарил Господа за то, что ни я, ни Маргрета не пострадали, и понял, что это самая искренняя из моих молитв за последние годы.

Преподобный Эдди обратился к переполненному залу и попросил вонючее отребье присоединиться к его благодарственной молитве о спасении брата и сестры Грэхемов. Он произнес хорошую и трогательную речь, в которой перебрал всех — от Ионы до последней паршивой овцы в зале, чем вызвал восклицания «аминь» из разных концов помещения. Потом какой-то старый пропойца вылез вперед и сообщил, что он наконец узрел славу Господню и Господне милосердие и теперь готов вручить свою жизнь Христу.

Брат Эдди помолился за него и спросил, нет ли еще желающих покаяться — и двое вышли вперед. Эдди оказался прирожденным евангелистом, он увидел в нашей истории отличную тему для вечерней проповеди, чем и воспользовался, присовокупив к ней главу пятнадцатую, стих десятый Евангелия от Луки и главу шестую, стих девятнадцатый Евангелия от Матфея. Не знаю, были ли у него домашние заготовки по этим двум стихам — возможно, и нет, так как любой проповедник, который смеет претендовать на сие звание, должен уметь часами говорить на тему каждого из них. Так или иначе, брат Эдди явно умел ориентироваться по ходу дела и удачно воспользовался нашим незапланированным появлением.

Он был очень доволен нами, и я уверен, что именно поэтому сказал мне, когда мы закончили уборку после ужина, последовавшего за вечерней службой, что хоть у них нет комнат для супружеских пар — им не часто приходится принимать супружеские пары,— но поскольку сегодня сестра Грэхем, видимо, будет единственной обитательницей женской спальни, то почему бы и мне не расположиться там же вместо того, чтобы спать в мужской? Конечно, к сожалению, двухспальных постелей у них нет, только раскладушки, но мы, по крайней мере, хоть сможем побыть вместе.

Я горячо поблагодарил его, и мы, счастливые, отправились спать. Двое могут уместиться на узком ложе, если они действительно хотят спать вместе.

На следующее утро Маргрета готовила завтрак для бездомных. Она пошла на кухню, предложив свои услуги, и тотчас принялась за дело, поскольку повариха никогда не готовит завтраки —

обычно это делает кто-нибудь из постояльцев. Здесь не требуется особое поварское искусство — овсянка, хлеб, маргарин, маленькие валенсийские апельсины (выбраковка?), кофе. Я оставил ее мыть посуду и ждать моего возвращения.

А сам пошел искать работу.

Моя вчера вечером посуду, я узнал (тут это называется «радио»), что в Соединенных Штатах безработица такова, что превратилась в политическую и социальную проблему.

На Юго-Западе работу в сельском хозяйстве можно получить без труда, но я еще вчера исключил для себя такую возможность. И дело тут вовсе не в том, что я считал подобную работу ниже своего достоинства: ведь я несколько лет убирал урожай — с того самого времени, когда подрос настолько, что мог держать в руках вилы. Но брать в поле Маргрету я права не имел.

Надеяться на должность священника не приходилось: я даже не сказал брату Эдди, что рукоположен. Среди проповедников безработица — вечная проблема. Конечно, пустующая кафедра всегда найдется, но скорее всего такая, что церковная мышь и та сдохнет там с голоду.

Однако у меня была и вторая профессия.

Мойщика посуды.

Сколько бы людей ни ходили без работы, спрос на мойщиков посуды всегда остается. Вчера, когда мы шли от контрольно-пропускного пункта на границе к Армии спасения, я видел три ресторана с объявлениями: «Нужен мойщик посуды», наклеенными на окна. Я заметил их потому, что за долгую поездку из Масатлана у меня было вдоволь времени, чтобы признаться самому себе — я не обладаю другими талантами, которые пользовались бы широким спросом.

Никакими талантами, на которые был бы спрос. В этом мире я не был рукоположен, да и не мог бы добиться тут рукоположения, ибо откуда было мне взять диплом об окончании семинарии или факультета богословия. Я даже не мог получить поддержку какой-нибудь захудалой секты, которая не обращает внимания на образование и доверяет только озарению, полученному от Духа святого.

И уж конечно, я не был инженером.

Я не мог найти работу преподавателя даже по тем предметам, которые изучил, так как не имел документов о своей подготовке, чтоб предъявить в случае необходимости... даже свидетельства об окончании средней школы и того не было!

Вряд ли я годился в продавцы. Правда, я обнаружил неожиданные способности, необходимые сборщику пожертвований... но даже в этом деле я не обладал ни репутацией, ни опытом. Возможно, когда-нибудь я снова мог бы... но деньги-то нужны сегодня...

Что же оставалось? Я проглядел страничку объявлений о найме в ногалесском «Таймсе», экземпляр которого кто-то оставил в миссии. Я не специалист по налогообложению. Я не механик, это уж точно. Не знаю, кто такие программисты, но я явно не из их числа, как и не из числа тех, кто занимается какими-то компьютерами. Я не медбрат и вообще ничего не смыслю в делах здравоохранения.

Я мог бы без конца перечислять занятия, которые мне незнакомы и которым нельзя обучиться за один вечер. Но это лишено всякого смысла. Единственное, что я умел и что могло прокормить Маргрету и меня, пока мы не оглядимся в этом новом мире и не поймем, что к чему,— это то же самое, чем я занимался в бытность свою пеоном.

Опытный и надежный мойщик посуды никогда не помрет с голодухи. (Зато у него сколько угодно возможностей помереть с тоски.)

В первом ресторане, куда я зашел, воняло, а кухня показалась мне отвратительно грязной. Я и обращаться туда не стал. Второй находился в крупном отеле, и в подсобке работало несколько мойщиков. Босс поглядел на меня и сказал:

— Это работа специально для чиканос, тут тебе не понравится.

Я попробовал спорить. Но мне приказали убираться.

Третий мне явно подходил — ресторанчик чуть больше «Панчо Вилья», с чистенькой кухней и директором, который показался мне не слишком желчным. Он предупредил:

— За такую работу мы платим минимальную зарплату, никаких прибавок не будет. Кормежка бесплатная, раз в день. Если поймаю на воровстве хоть зубочистки, выгоню в ту же минуту и

не возьму обратно. Работать столько, сколько скажу, и в удобное для меня время. Сейчас ты мне нужен с полудня до четырех и с шести до десяти пять дней в неделю. Или, если хочешь, работай шесть дней, но без доплаты за сверхурочные. Сверхурочные — это если я заставлю тебя работать больше восьми часов в день или сорока часов в неделю.

— О'кей.

— Олл райт, покажи мне карточку социального страхования.

Я вручил ему свою «зеленую карту».

— И ты вообразил, что я буду платить тебе двенадцать с половиной долларов в час на основании этой карточки?! Ты не чикано. Хочешь, чтоб у меня были неприятности с властями? Где ты взял эту карточку?

Ну, я тут же изобразил ему в лицах историю, заготовленную для иммиграционной службы.

— Потеряно все. Не могу даже позвонить по телефону и попросить кого-нибудь переслать мне деньги. Мне необходимо сначала добраться до дому, а уж потом я смогу воспользоваться своим счетом в банке.

— Ты можешь получить государственное вспомоществование.

— Мистер, этого не допустит моя проклятущая гордость! (Я просто не представляю, как доказать, что я — это я. А потому прекрати приставать ко мне и позволь вымыть у тебя посуду!)

— Рад слышать. Я говорю о «проклятущей гордости». Этой стране такие люди ой как нужны! Отправляйтесь в офис социального страхования и потребуйте новую карточку. Это они сделают, даже если вы не помните номер прежней. Потом возвращайтесь и приступайте к работе. М-м-м... я зачислю вас на работу с этой самой минуты, но вы должны отработать за эти деньги полный рабочий день.

— Это более чем справедливо. Где находится офис социального страхования?

Итак, я отправился в федеральную службу, где снова врал, приукрашивая свое вранье соответственно обстоятельствам. Серьезная юная леди, которая выдала мне карточку, заставила меня прослушать целую лекцию по вопросам социального страхования и о том, как оно действует,— каковую, видимо, недавно заучила наизусть. Готов спорить на что угодно, у нее никогда не было клиентов (это она сама сказала), которые столь внимательно слушали бы ее. Все было ново для меня.

Я назвался именем Алека Грэхема. Это не было осознанным решением. Просто я пользовался этим именем уже несколько недель, рефлекторно отзывался на него, а потому уже не мог спохватиться и сказать: «Извините, мисс, но я ошибся, меня-то на самом деле зовут Александр Хергенсхаймер».

Я начал работать. В перерыв (с четырех до шести) я сбегал в миссию и узнал, что Маргрета тоже поступила на работу.

Работа у нее была временная, на три недели, что нас вполне устраивало. Повариха миссии уже год не была в отпуске, а потому решила съездить во Флагстаф, чтобы навестить дочку, которая только что родила. Поэтому Маргрете предложили временно ее место... и ее спальню (тоже на время).

Так брат и сестра Грэхемы оказались на коне... временно, конечно.

14

> И обратился я, и видел под солнцем,
> что не проворным достается успешный бег,
> не храбрым — победа,
> не мудрым — хлеб,
> и не у разумных — богатство,
> и не искусным — благорасположение,
> но время и случай для всех их.
>
> *Книга Екклесиаста 9,11*

Будьте добры, скажите, почему на свете не существует философской школы мойщиков посуды? Условия для извлечения невинных радостей, связанных с попытками раскрыть нераскрываемое, самые что ни на есть благоприятные. Работа механическая, тело в непрерывном движении, зато от мозга почти ничего не требуется. Я каждый день имел по восемь часов для того, чтобы подыскивать ответы на множество вопросов.

Какие вопросы? Да любые! Пять месяцев назад я был процветающим и уважаемым специалистом, подвизавшимся в одной из самых респектабельных профессий в мире, в которой я разбирался досконально или во всяком случае считал, что досконально. Сегодня же я вообще ни в чем не уверен и ничего не имею.

Поправка: у меня есть Маргрета. Богатство, которое удовлетворило бы любого мужчину, и я не променял бы ее на все сокровища Китая. Но, думая о Маргрете, я прежде всего размышлял о том заключенном мною священном контракте, выполнить который в полном объеме мне было неимоверно трудно. Перед ликом Господа моего я взял ее в жены... но достойно содержать не мог.

Да, я работал, но, по правде говоря, Маргрета содержала себя сама. Когда я нанимался к мистеру Каугерлу, меня не смутили его условия: «минимальная почасовая ставка и никаких надбавок». Двенадцать с половиной долларов в час показались мне в высшей степени заманчивой цифрой; а почему бы и нет: женатый человек в Уичито (в моем Уичито, в другой Вселенной) на эти двенадцать с половиной долларов мог содержать семью в течение целой недели.

Чего я не знал, так это что за двенадцать с половиной долларов нельзя купить даже сандвич с тунцом в нашем же ресторане — заметьте, совсем не фешенебельном, больше того — очень дешевом. Мне было бы куда легче приспособиться к экономике этого странного, но чем-то отдаленно знакомого мира, если бы здешние деньги назывались как-нибудь иначе — шиллингами, шекелями или солями — как угодно, только не долларами. Я ведь был воспитан на том, что доллар — весьма крупная единица измерения богатства. Мысль, что сто долларов в день — минимальная ставка, способная лишь удержать вас на грани нищеты, мне было усвоить нелегко.

Двенадцать с половиной долларов в час, сто долларов в день, пятьсот в неделю, двадцать шесть тысяч в год — и это прожиточный минимум?! Ну так слушайте внимательно. В мире, где я жил раньше, эта цифра представляла собой целое состояние, превышавшее самые смелые мечты алчных.

Привыкнуть к ценам и оплате труда в долларах, которые вовсе и не доллары,— вот чего в первую очередь требовала от нас эта дичайшая экономика. Главной задачей было справиться, удер-

жаться на плаву, обеспечить нормальное существование себе и своей жене (и нашим детям, первый из которых, по моим подсчетам, родится довольно скоро) в мире, где я не имел ни дипломов, ни опыта, ни рекомендаций, ни справок о прежней работе. Алекс, скажи, ради Бога, на что ты годишься?.. Кроме мытья грязной посуды, разумеется!

Я мог легко перемыть стопку посуды высотой с маяк, бесконечно проворачивая в мозгу только один вопрос. Ведь решить его было необходимо! Сегодня я мою тарелки... и даже смотрю на мир с улыбкой... но завтра мне придется ради своей любимой найти нечто куда более высокооплачиваемое. Минимальной почасовой ставки нам никак не хватит!

Вот, наконец, мы и добрались до главного вопроса: Господи Боже мой Иегова, что означают все эти таинственные знаки и явления, которые ты ниспослал рабу твоему?

Приходит время, когда каждый истинно верующий должен встать с колен своих и поговорить с Господом предельно откровенно и определенно. Боже, скажи, чему мне верить? Неужели это и есть те фальшивые великие знаки и чудеса, о которых ты предупреждал, что посланы они Антихристом, дабы соблазнить даже избранных?

Или же то правдивые приметы наступления последних дней? И услышим ли мы глас твой?

Или безумен я, как Навуходоносор, и все это лишь порождение моего расстроенного воображения?

Если одно из этих предположений верно, значит, остальные два — ложны. Так что же мне делать? Господь всемогущий, в чем я провинился перед тобой?..

Как-то вечером, возвращаясь в миссию, я увидел плакат, который можно было истолковать как прямой ответ на мои моления: «МИЛЛИОНЫ НЫНЕ ЖИВУЩИХ НЕ УМРУТ НИКОГДА». Плакат нес мужчина, а рядом с ним шел ребенок и раздавал прохожим листовки.

Я постарался незаметно проскользнуть мимо них. Много раз в жизни я видел этот плакат и всегда старательно избегал общения

со свидетелями Иеговы. Они так непреклонны и упрямы, что поладить с ними невозможно, в то время как церкви, объединенные благочестием, являются, по определению, организацией экуменической. В деле сбора пожертвований, как и в чисто политических акциях, необходимо (конечно, опасаясь ереси как огня) всячески избегать споров по наиболее щекотливым вопросам нашей доктрины. Теологи, готовые спорить до посинения из-за единого слова,— смерть для любой эффективно работающей организации. Как можно привлечь сектантов к полезному труду на винограднике Господнем, если они убеждены, что только их секте ведома истина, вся истина и ничего, кроме истины, и все, кто с ними не согласен,— еретики, идущие прямой дорогой в ад?

Невозможно! Поэтому мы и не стали их приглашать в ЦОБ.

И все же... вдруг они на сей раз правы?..

А это подводит меня к важнейшему из всех вопросов: как вернуть Маргрету к Богу, прежде чем трубы вострубят и раздастся глас Божий?

Но вопрос «как» связан с вопросом «когда». Теологи — сторонники тысячелетних периодов — сильно расходятся во мнении, когда именно должна вострубить архангельская труба.

Я полагаюсь на научный метод. На каждый спорный вопрос всегда можно дать точный ответ: поглядите в Книгу. Так я и поступил, поскольку, живя в миссии Армии спасения, всегда мог получить экземпляр Святой Библии. Я рылся в ней, рылся, рылся... и наконец понял, почему теологи так разнятся в датировках.

Библия — Слово Господне. В этом у нас не должно быть ни малейшего сомнения. Но Господь не обещал, что читать ее будет легко.

Снова и снова наш Господь и его воплощение, Иисус из Назарета и Мессия, обещал апостолам, что их поколение (то есть люди, живущие в первом столетии новой эры) будет свидетелем пришествия. Кроме того, он многажды обещал, что вернется через тысячу лет... или две тысячи лет, или... еще через какое-то время, когда Евангелие овладеет сердцами всего человечества в каждой стране.

Так что же истинно?

А истинно все, если читать правильно. Иисус действительно вернулся при жизни поколения двенадцати апостолов; это свер-

шилось в первую Пасху, в день его Воскресения. Это было первое пришествие, совершенно необходимое, ибо доказало всем, что он действительно Сын Божий и сам Бог. Он вернулся и через тысячу лет и в своем бесконечном милосердии пожаловал детям своим еще один дар — отодвинул час испытаний, вместо того чтобы тут же низвергнуть грешников в огненные глубины ада. Божественное милосердие бесконечно.

Эти даты трудно уяснить, что вполне понятно, поскольку, отложив день расплаты, он не намеревался поощрять грешников грешить и дальше. Потому-то многократно и повторяются четкие, ясные и внятные слова, что он хочет, чтобы каждый из его детей воспринимал каждый день, каждый час, каждое биение сердца как последние. Так когда же наступит конец света? Когда же раздастся глас трубный? Когда придет день Страшного суда? СЕЙЧАС! И не будет никакого предупреждения. Не будет вам дано времени на предсмертное покаяние. Вы должны жить в состоянии благодати постоянно... Иначе, когда наступит час, будете вы повержены в море огня, чтобы гореть там вечно.

Так читается Слово Господне.

И для меня оно звучит как голос судьбы. Не дано мне привести Маргрету обратно к Богу, ибо глас его может раздаться в любой день.

Что же делать? Что же делать?

Для смертного, встретившегося с неразрешимой проблемой, есть только один путь — с молитвой обратиться к Господу.

Так я и сделал; так и поступал день за днем. Молитвы никогда не остаются без ответа. Надо лишь суметь его понять... да и оказаться он может совсем не таким, какого вы ожидаете.

А между тем следовало отдавать кесарю кесарево. Конечно, я стал работать шесть дней в неделю, а не пять (тридцать одна тысяча двести долларов в год!), поскольку каждый шекель был на счету. Ведь Маргрете буквально нечего надеть! И мне тоже. Особенно нужна обувь. Та обувь, которую мы носили, когда грянуло землетрясение в Масатлане, была хороша... для масатланских крестьян. Но она стоптала за те два дня, пока мы раскапывали развалины. Да и с тех пор мы таскали ее, можно сказать, не снимая, и теперь

наша обувь годилась разве что для мусорного ящика. Итак, нам необходимы туфли — по меньшей мере две пары каждому: одна для работы, другая для воскресных собраний.

Да мало ли еще что! Я не знаю точно, что нужно женщине, но, определенно, гораздо больше, чем мужчине. Мне приходилось чуть ли не силой заставлять Маргрету брать деньги и всячески поощрять ее траты на предметы первой необходимости. Я-то мог обойтись одними ботинками да парой холщовых штанов (свой единственный выходной костюм я берег). Однако мне пришлось купить бритву и даже подстричься в парикмахерском училище около миссии, где стрижка стоила всего два доллара, если вы готовы подставить голову совершенно неопытному мальчишке. Я рискнул. Маргрета взглянула на результат и мягко сказала, что наверняка могла бы сделать не хуже, что сэкономило бы нам два доллара. Она взяла ножницы и подравняла те места, где бездарный подмастерье обкорнал меня особенно жутко... с тех пор я никогда не тратил денег на парикмахерскую.

Однако сэкономленные два доллара отнюдь не компенсировали нам куда более крупные потери. Когда мистер Каугерл нанимал меня, я, честно говоря, полагал, что буду получать сто долларов в конце каждого рабочего дня. Столько он мне не заплатил, но это не значит, что меня обжулили. Сейчас я вам все объясню.

Закончив работу в первый день, я чувствовал себя очень усталым, но счастливым. Я хочу сказать, более счастливым, чем все это время после землетрясения: счастье — понятие относительное. Уходя, я остановился у столика кассира, где мистер Каугерл проверял счета, так как «Гриль Рона» уже закрывался. Он поднял на меня глаза.

— Ну, как дела, Алек?

— Отлично, сэр.

— Люк сказал, что ты работаешь хорошо.

Люк — огромный негр, был главным поваром и моим номинальным начальником. По правде говоря, он за мной не присматривал, а лишь показал, где что лежит, и убедился, что я знаю свои обязанности.

— Приятно слышать. Люк отличный повар.

Одноразовая кормежка, что являлось единственным дополнением к моей минимальной зарплате, к тому времени была уже давно позабыта моим желудком.

Люк объяснил, что поденщики могут заказывать из меню что угодно, кроме бифштексов и отбивных, и что сегодня я могу получить на второе рагу или кусок жареного мяса.

Я выбрал мясо, так как на кухне пахло хорошо и выглядела она чистой. О поваре по жареному мясу можно судить даже лучше, чем по его бифштексам. Мне потребовалось всего несколько секунд, чтобы расправиться со своей порцией, даже без кетчупа.

Люк отрезал мне щедрый кусок вишневого пирога, а потом добавил еще черпачок ванильного мороженого, которого я не просил, поскольку то и другое — не полагалось.

— Люк редко хвалит белых,— продолжал мой хозяин,— и никогда — чиканос. Так что ты наверняка работал хорошо.

— Надеюсь.

Я начал понемногу закипать. Все мы дети Господа, но впервые в жизни о моей работе судил какой-то негр. Я просто хотел, чтобы мне заплатили за работу, потому что спешил домой, к Маргрете... то есть в миссию Армии спасения.

Мистер Каугерл сложил ручки на животе и покрутил большими пальцами.

— Хочешь, чтоб я тебе заплатил, да?

Я с трудом сдержал раздражение.

— Да, сэр.

— Алек, с мойщиками посуды я предпочитаю расплачиваться каждую неделю.

Я был глубоко разочарован, и, вероятно, это отразилось на моем лице.

— Прошу понять меня правильно,— продолжал он.— Ты на почасовой оплате, и я буду платить тебе в конце каждого дня, если желаешь...

— Да, желаю. Мне очень нужны деньги.

— Дай мне кончить. Причина, по которой я предпочитаю платить моим мойщикам посуды каждую неделю, а не каждый день, состоит в том, что очень часто, получив в конце дня деньги, поденщик бежит прямиком в кабак и покупает кувшин муската,

после чего не показывается у меня по меньшей мере дня два. А когда он появляется, то требует свое место обратно. И еще злится на меня. И готов жаловаться в комиссию по труду. Самое забавное, что я могу взять его обратно еще на один день, так как второй бродяга, которого я нанял на место вернувшегося, ушел и сейчас наливается так же, как два дня назад первый.

С чиканос такое случается реже: они откладывают деньги, чтобы отсылать в Мексику. Но хотел бы я видеть чикано, который мог бы содержать подсобку так, чтобы это понравилось Люку... а Люк для меня важнее какого-то мойщика посуды. Негры... Люк мне обычно говорит, как будет работать тот или иной черномазый, хорошо или плохо... Так вот, работящие негры хотят расти по службе... и если я не возведу их в ранг помощника буфетчика или поваренка, они тут же уходят туда, где им это пообещают. Так что проблема с мойщиками не решается. Если мойщик работает целую неделю — я уже в выигрыше. Если две — я ликую. Как-то раз мойщик продержался целый месяц. Но такое счастье может выпасть лишь раз в жизни.

— Я вам гарантирую его на целых три недели,— сказал я.— А теперь — могу я получить свои деньги?

— Не торопи меня. Если ты согласишься получать зарплату только раз в неделю, я готов на доллар увеличить твой почасовой заработок. А это на целых сорок долларов в неделю больше. Что скажешь?

(Нет, это больше на сорок восемь долларов, подумал я. Почти тридцать четыре тысячи в год за мытье тарелок! Ну и ну!)

— Это на сорок восемь долларов больше,— ответил я,— а не на сорок. Ведь я собираюсь работать шесть дней в неделю. Мне очень нужны деньги.

— О'кей. Значит, я буду платить тебе раз в неделю.

— Минутку. Не можем ли мы начать работать по этой системе с завтрашнего дня? Сегодня мне деньги просто необходимы. У меня и у жены нет ничего. Абсолютно ничего. У меня только та одежда, в которой я стою перед вами, и ничего больше. То же самое у жены. Я-то могу потерпеть еще несколько дней, но есть вещи, без которых женщина обойтись не может.

Он пожал плечами:

— Как хочешь. Но тогда сегодня ты не получишь премиального доллара за час. А если завтра опоздаешь хоть на минуту, я буду считать, что ты проспал, и снова вывешу на окно объявление.

— Я не алкаш, мистер Каугерл.

— Увидим.

Он повернулся к кассовому аппарату и что-то сыграл на его клавиатуре. Не знаю, что именно, так как в таких аппаратах ничегошеньки не смыслю. Это счетная машина, но она не похожа на нумератор Бэббиджа. У нее клавиши, как у пишущей машинки. А наверху есть окошечко, где, как по волшебству, появляются буквы и цифры.

Машина застрекотала, зазвенела, потом мистер Каугерл вынул из нее карточку и подал мне.

— Вот, пожалуйста.

Это была картонка около трех дюймов в ширину и семи в длину, с множеством маленьких дырочек и надписью, гласившей, что это чек в Ногалесский коммерческий и сберегательный банк, которым «Гриль Рона» поручает выплатить Алеку Л. Грэхему... Думаете, сто долларов? Как бы не так!

Пятьдесят один доллар и двадцать семь центов.

— Что-то не так? — спросил Каугерл.

— Хм... Я ожидал получить по двенадцать пятьдесят за час.

— Именно столько я и заплатил тебе. Восемь часов по минимальной ставке. Вычеты можешь проверить сам. Это, знаешь ли, не я рассчитывал, это машина «Ай-Би-Эм» образца тысяча девятьсот девяностого года, и считает она по программе той же «Ай-Би-Эм» «Кассир плюс». Фирма «Ай-Би-Эм» готова выплатить любому лицу, работающему по найму, десять тысяч долларов, если он докажет, что эта модель и эта программа сделали хоть малейшую ошибку при расчете заработной платы. Вот посмотри-ка. Общий заработок сто долларов. Далее перечислены все вычеты. Сложи их. Вычти из общей суммы. Сверь с распечаткой. Но никаких претензий ко мне. Эти законы не я сочинил — мне они противны еще больше, чем тебе. Ты пойми — каждый посудомойщик, который сюда нанимается,— будь он «мокроспинник» или гражданин этой страны — требует, чтоб я платил ему без вычетов. А ты знаешь, на сколько меня оштрафуют, если поймают?

А что будет, если они вторично застукают меня? И нечего смотреть на меня с такой злобой... иди и разговаривай с властями.

— Но я просто ничего не понимаю. Все это для меня так ново. Не можете ли вы мне объяснить, что означают эти вычеты? Например, вот этот — «адм.»?

— Это означает «административный сбор», но не спрашивай меня, почему ты должен его платить, поскольку я вынужден вести всю бухгалтерию и, конечно, никаких гонораров за это не получаю.

Я попробовал сверить другие вычеты с пояснениями, напечатанными мельчайшим шрифтом на карточке. Выяснилось, что «соц. стр.» означает «социальное страхование». Сегодня утром мне это объяснила одна юная леди, но я ответил, что хоть и уверен в великолепии самой идеи, но предпочел бы подождать, прежде чем подписываться под ней — просто у меня слишком мало денег. «Мед.», «госп.» и «дант.» было нетрудно разгадать, но сейчас я не мог разрешить себе и эту роскошь. А вот что такое «ПЛ-217»? Мелкий шрифт содержал лишь ссылку на дату и страницу в «Об. рег.». А что это еще за «деп. обр.» и «ЮНЕСКО»?

И что, черт побери, такое «подоходный налог»?

— Все равно ничего не понимаю. Слишком ново для меня.

— Алек, ты не один такой непонятливый. Но почему ты говоришь, что это ново для тебя? Так было заведено еще до твоего рождения... Во всяком случае, уже при жизни твоего папаши и даже деда.

— Извините. А что такое подоходный налог?

Он так и выпучил глаза.

— А ты уверен, что тебе не надо обратиться в дурдом?

— А что такое дурдом?

Он вздохнул.

— Похоже, мне нужно туда обратиться. Слушай, Алек, забирай все это и ругайся насчет вычетов с властями, а не со мной. Ты говоришь так искренне — наверное, тебя и впрямь вдарило по башке во время масатланского землетрясения. А мне пора домой, да и лекарство принять невредно. Так что, пожалуйста, забирай.

— Ладно. Подумаю. Только не знаю никого, кто бы заплатил мне по чеку.

— Нет проблем. Распишись на обороте, и я выплачу тебе наличные. Но корешок оставь себе, потому что федеральная налоговая служба потребует все корешки чеков и проверит все вычеты, прежде чем позволит оплатить тебе сверхурочные.

Этого я тоже не понял, но корешок спрятал.

Невзирая на шок, который я получил, узнав, что почти половина моего заработка испарилась еще до того, как мне его выдали, наше положение с каждым днем улучшалось. Вдвоем с Маргретой мы имели более четырехсот долларов в неделю, которых хватало не только на хлеб насущный, но и на покупку одежды и других столь же необходимых вещей. Теоретически, Маргрета получала столько же, сколько повариха, которую она заменила, то есть двадцать два доллара в час при двадцатичетырехчасовой рабочей неделе, или пятьсот двадцать восемь долларов в неделю.

Фактически же, с нее удерживали столько же, сколько с меня, благодаря чему чистыми она получала лишь двести девяносто долларов в неделю. Но это тоже в теории, так как пятьдесят четыре доллара вычитали за жилье. «По-божески»,— подумал я, когда узнал, каковы тут цены на квартиры. Нет, это было более чем приемлемо. Затем, с нас брали сто пять долларов в неделю за еду. Брат Маккау сначала назначил сто сорок долларов и даже предлагал показать бухгалтерские книги в доказательство того, что миссис Оуэнс (постоянная кухарка) платила именно столько, то есть десять долларов в день, а потому нам вдвоем следует вносить сто сорок долларов.

Я согласился, что это справедливо (поскольку видел цены в меню «Гриль Рона»), но лишь в теории. На практике же, я собирался обедать там, где работал. В общем, мы сошлись на десяти долларах в день для Маргреты и половине этой суммы для меня.

Итак, из пятисот двадцати восьми долларов в неделю Маргрете оставался сто тридцать один.

Хорошо еще, что она получала деньги регулярно, ведь подобно многим другим церквам Армия спасения не только перебивалась с хлеба на воду, но иногда и хлеба-то не хватало.

И все-таки нам было неплохо и с каждой неделей становилось все лучше. Уже в конце первой недели мы купили Маргрете новые

туфли — высшего сорта и очень красивые — всего за двести семьдесят девять долларов девяносто центов на распродаже у Дж.К. Пенни, раньше стоившие триста пятьдесят долларов.

Конечно, она подняла шум из-за того, что новую обувь покупают первой ей, а не мне. Но я сказал, что на мои ботинки уже скоплено более ста долларов, и спросил, не согласится ли она припрятать их до следующей недели так, чтоб у меня не возник соблазн пустить деньги на ветер. Она серьезно обдумала мое предложение и согласилась.

Итак, в следующий понедельник мы купили башмаки мне, но еще дешевле, так как то были башмаки из армейских запасов, хорошие, крепкие, удобные, которые наверняка переживут любую обувь, купленную в обычном обувном магазине. (О выходных ботинках буду думать после того, как мы решим остальные проблемы. Чтобы выработать правильную шкалу ценностей, нет ничего лучше, чем побыть некоторое время нищим и босым.) Потом мы отправились в магазин Гудвилла, где приобрели платье и летний костюм для Маргреты и хлопчатобумажные штаны для меня.

Маргрета хотела купить мне еще что-нибудь из одежды — у нас оставалось еще долларов шестьдесят,— но я запретил.

— Ну почему нет, Алек? Тебе нужна одежда ничуть не меньше, чем мне, а мы взяли да истратили почти все заработанные тобой деньги на меня. Это несправедливо.

— Мы истратили их на то, что было нужно в первую очередь,— ответил я.— На следующей неделе, если миссис Оуэнс вовремя вернется на свое место, ты окажешься без работы, и нам придется переезжать. Да и вообще, скоро мы уедем отсюда навсегда. Так что давай отложим то, что осталось, на автобус.

— А куда мы поедем, дорогой?

— В Канзас. Этот мир одинаково чужд нам обоим. Правда, в каком-то смысле он все же знаком — тот же язык, та же география и отчасти та же история. Здесь я всего лишь мойщик посуды, который получает слишком мало, а потому не в состоянии обеспечить всем необходимым свою жену. У меня предчувствие, что Канзас — этот Канзас — все же похож на Канзас, в котором я родился, и что там мне будет легче устроиться.

— За тобой — хоть на край света, любимый.

* * *

Миссия находилась в миле от «Гриля Рона». Вместо того чтобы в обеденный перерыв, с четырех до шести, уходить домой, я обычно проводил свободное время в местном отделении общественной библиотеки, стремясь поскорее адаптироваться к новым условиям. Библиотека и газеты, которые посетители иногда оставляли на столиках ресторана, были главными источниками моего переобучения.

В этом мире мистер Уильям Дженнингс Брайан действительно занимал пост президента, и его благотворное влияние удержало нас от участия в Великой европейской войне. Затем он предложил свои услуги для проведения мирных переговоров. Договор, подписанный в Филадельфии, более или менее возвратил Европу к тому положению, в котором она находилась до тысяча девятьсот тринадцатого года.

Ни одного из президентов после Брайана, известных мне по истории моего мира, а Маргрете — по ее истории, я не встретил. Зато у меня буквально закружилась голова, когда я наткнулся на имя и титул нынешнего президента: Его Высокохристианское Величество Джон Эдвард Второй, Наследный Президент Соединенных Штатов и Канады, Герцог Хианниспортский, Граф Квебекский, Защитник Веры, Надежда Бедных, Главный Маршал Сил Мира.

Я внимательно изучил фотографию, на которой он закладывает какое-то здание в Альберте. Он был высок, широкоплеч, грубовато красив, одет в пышный мундир с таким количеством орденов, которое наверняка могло бы защитить его от воспаления легких. Я внимательно рассмотрел его лицо и спросил себя: я купил бы подержанный автомобиль у такого прохвоста?

Но чем больше я думал об этом, тем более логичной представлялась мне вся ситуация. Американцы, существуя уже более двух с половиной столетий в качестве самостоятельной нации, все это время тосковали по монархии, иго которой когда-то сбросили. Они пресмыкались перед европейскими монархами при каждой представившейся возможности. Богатейшие граждане нашей страны выдавали своих дочерей за любых аристократов, даже за

грузинских князей, а князем в Грузии считается крестьянин, владеющий самой большой кучей навоза во всей округе.

Я не знаю, где они нашли этого царственного пижона. Возможно, посылали за ним в Ишторил или даже привезли с Балкан. Как говорил один из моих преподавателей истории, всегда найдется какой-нибудь безработный отпрыск королевской семьи, который крутится как волчок, выискивая себе мало-мальски выгодное дельце. Когда человек без работы, он не имеет права привередничать — это-то я хорошо знаю по себе. Закладывать здания, возможно, ничуть не скучнее, чем мыть тарелки. Только рабочий день подлиннее. Так я, во всяком случае, считаю. Правда, королем я не бывал. И не уверен, что взялся бы за этот бизнес, если б мне предложили: кроме ненормированного рабочего дня в нем небось есть и другие неприятные моменты.

Однако, с другой стороны...

Отказываться от короны, которую, как ты знаешь, тебе никто не собирается предлагать... не есть ли это тот самый зеленый виноград? Я пораскинул мозгами и решил, что, возможно, мне без особого труда удалось бы убедить себя, что это именно та жертва, которую я просто обязан принести ради блага своих сограждан. Наверняка я молился бы до тех пор, пока не уговорил себя, что сам Господь хочет, чтобы я взвалил на себя эту ношу.

Честно, я вовсе не циник. Я знаю, как слаб человек и как легко он уговаривает себя, будто Бог хочет, чтоб он (человек) сделал нечто такое, о чем мечтает уже давным-давно; а я в этом отношении ничуть не лучше своих собратьев.

Но больше всего меня поразило то, что Канада объединилась с нами. Большинство американцев не знают (и я тоже), почему канадцы нас не любят, но они действительно нас недолюбливают. Мысль о том, что канадцы проголосуют за объединение с нами, просто не умещается в голове.

У библиотечной стойки я попросил дать мне что-нибудь по новейшей истории Соединенных Штатов. И только начал перелистывать страницы, как заметил на стене часы, которые показывали почти шесть. Мне пришлось в темпе сдать книгу и мчаться во весь опор, чтобы вовремя успеть в свою подсобку. Я не имел права брать книги домой, поскольку пока еще не мог внести залог, требующийся от временных жителей города.

Однако культурные и технические изменения были даже важнее политических. Я очень быстро узнал, что этот мир в физических науках и технологии продвинулся дальше, чем мой. Фактически, я понял это сразу же, как только увидел изобретение, называемое тут телевизионным экраном.

Как действует телевидение, я так и не уяснил. Попытался узнать об этом в общественной библиотеке и тут же наткнулся на предмет, именуемый электроникой (не электричество, а электроника). Я попробовал заняться этой самой электроникой, но наткнулся на удивительнейшую математическую абракадабру. Никогда еще с тех самых времен, когда термодинамика заставила меня решить, что мое призвание — быть священником, не видывал я столь непонятных и бессмысленных уравнений. Не думаю, чтобы весь Ролла-Тех справился с таким чудовищным набором нелепостей — во всяком случае, не Ролла тех времен, когда я был там студентом.

Превосходство технологии этого мира проявлялось и во многом другом, помимо телевидения. Возьмите, например, «цветоуправление транспортными потоками». Без сомнения, вам приходилось видеть улицы городов, настолько забитые транспортом, что перейти главные городские магистрали без помощи полиции практически невозможно. И вы, конечно, возмущались, когда полицейский-регулировщик вдруг перекрывал движение прямо перед вашим носом ради какой-то важной шишки, вышедшей из городской управы или еще откуда-нибудь.

Можете ли вы вообразить ситуацию, когда транспортные потоки контролируются вообще без содействия полиции? Неодушевленными разноцветными сигналами.

Поверьте мне, именно так обстояло дело в Ногалесе.

Вот как действует эта система: на каждом оживленном уличном перекрестке вы размещаете четыре группы сигналов по три в каждой. Каждая группа «смотрит» в одном из главных направлений перекрестка, причем расположены они так, что видны только с одной стороны. В каждой группе есть красный цвет, зеленый и желтый. Они подключены к электрической сети, и каждый так ярок, что его можно увидеть с расстояния в милю или около того даже в самый солнечный день. Это не дуговые фонари, а, скорее всего, очень сильные лампы Эдисона, что весьма важно, так как

их можно зажигать и гасить очень быстро, а функционировать они могут по многу часов и даже дней, работая круглосуточно.

Фонари помещаются на значительной высоте на телеграфных столбах или подвешены над перекрестками, так что водители и велосипедисты могут видеть их издалека. Когда зеленый свет указывает, скажем, на юг и север, а красный — на запад и восток, машины могут мчаться в южном и северном направлениях, тогда как транспорт, идущий на запад и восток, останавливается и ждет точно так же, как если бы полицейский засвистел в свисток и поднял руку, разрешая движение на север и юг и запрещая ехать на запад и восток!

Понятно ли вам? Зеленые и красные огоньки заменяют жесты полицейского; желтые же — работают как полицейский свисток — предупреждают, что направление движения скоро изменится. В чем же преимущество? — спросите вы. Ведь кто-то, надо думать, сам полицейский, по мере надобности переключает цветные огни. А вот в чем: переключение производится автоматически, с большого расстояния (во много миль) на центральном пульте.

В этой системе много других чудес, в том числе электрические приспособления, определяющие продолжительность работы каждого сигнала при данной напряженности движения, специальные указатели для левых поворотов или для пропуска пешеходов, желающих перейти улицу... Но главное чудо вот в чем: люди повинуются этим сигналам.

Вы только подумайте! Нигде ни одного полицейского, а люди послушны слепым и немым механизмам, как будто они и есть полисмены!

Может, люди тут похожи на стадо овец и так миролюбивы, что ими можно с легкостью управлять? Нет. Я поинтересовался и нашел в библиотеке нужную статистику. В этом мире уровень преступности и насилия куда выше, чем в том, где родился я. Может быть, это как-то связано с цветными огнями? Полагаю, что здешний народ, хотя и предрасположен к насилию по отношению друг к другу, но транспортным сигналам подчиняется как вещи, логически обусловленной. На свете нет ничего невозможного.

В любом случае это явление неординарное.

Другие заметные различия в технологии связаны с воздушным транспортом. Нет здесь уютных, чистых, безопасных и бесшумных дирижаблей моего мира. Нет их! Нет! Здешние большие воздушные корабли похожи на виденные нами aeroplanos в том мексиканском мире, где мы с Маргретой трудились в поте лица, чтобы заплатить долги, пока великое землетрясение не разрушило Масатлан. Только тут они куда больше, быстроходнее, громче шумят и летают гораздо выше, чем те, что мы видели раньше; так что можно сказать, что здешние aeroplanos относятся к совершенно иному классу, поскольку называют их «реактивными самолетами». Можете ли вы представить себе гигантский автомобиль, летящий со сверхзвуковой скоростью? Можете ли вообразить экипаж, который летит в восьми милях над землей? Удастся ли вам представить рев мотора столь громкий, что от него начинают ныть зубы?

Они называют это прогрессом. А я тоскую по комфорту и изяществу «Графа фон Цеппелина». Потому что скрыться от здешних левиафанов просто невозможно. Несколько раз в день одна из таких реактивных штуковин с визгом проносится над миссией, летя очень низко, поскольку направляется на посадку к летному полю севернее города. Этот вой беспокоит меня, а Маргрета нервничает.

И все-таки многие достижения в технологии действительно можно рассматривать как прогресс — более совершенная канализация, лучшее освещение в домах и на улицах, лучшие дороги, лучшие дома, различные механизмы, делающие труд более приятным и более производительным. Я не отношусь к тем дурням, что орут: «Назад к природе!» — и с омерзением смотрят на технику; возможно, я просто немного больше знаю о технике, чем другие, а потому с почтением отношусь к ней. Большинство из тех, кто презирает технологию, давно померли бы с голоду, если бы современная инженерная инфраструктура перестала существовать.

Мы прожили в Ногалесе почти три недели, прежде чем я наконец смог воплотить в жизнь план, о чем мечтал более пяти месяцев... и активно готовился исполнить задуманное с тех пор, как мы приехали в Ногалес (впрочем, выполнение плана пришлось отложить до тех пор, пока у нас не появятся необходимые средства). Для осуществления плана я выбрал понедельник, мой выходной

день. Я попросил Маргрету надеть новое платье, потому что собирался повести свою ненаглядную на прогулку, и сам надел свой единственный костюм, новые ботинки и чистую рубашку... Побрился, принял ванну и тщательно вычистил и подстриг ногти.

День выдался чудесный: солнечный и не слишком жаркий. Мы чувствовали себя прекрасно, ибо, во-первых, миссис Оуэнс написала брату Маккау письмо, в котором извещала, что хотела бы, если возможно, остаться у дочки еще на недельку. А во-вторых, мы уже накопили на билет до Уичито в Канзасе. Денег было в обрез, но сегодняшнее письмо миссис Оуэнс означало, что мы сможем отложить еще четыреста долларов на еду и, возможно, доберемся до Канзаса не совсем разоренными.

Я привел Маргрету в кафе, которое высмотрел еще в тот день, когда искал место мойщика посуды. Это было маленькое уютное заведение, расположенное довольно далеко от злачных мест — типичное старомодное кафе-мороженое.

Мы остановились перед входом.

— Самая лучшая женушка в мире, посмотри-ка на это заведение. Ты помнишь разговор, который мы вели, бороздя простор Тихого океана на подстилке для солнечных ванн и здорово сомневаясь в том, удастся ли нам остаться в живых? Во всяком случае, я сомневался.

— Любимый, как же я могу позабыть про это?

— Я тогда спросил тебя, что бы ты хотела, если б у тебя была возможность получить все, что душе угодно. Помнишь, что ты мне ответила?

— Еще бы! Горячий фадж-санде!

— Верно. Сегодня твой не-день рождения, дорогая, но ты получишь горячий фадж-санде.

— О Алек!

— Не хлюпай! Терпеть не могу зареванных женщин. А хочешь, закажи шоколадный жмых или санде из древесных опилок — словом, все, что угодно. Прежде чем привести тебя сюда, я специально узнавал — здесь всегда бывает горячий фадж-санде.

— Но мы же не можем себе этого позволить! Нам нужны деньги на дорогу!

— Мы можем себе это позволить! Горячий фадж-санде стоит пять долларов. А на двоих — десять. И я собираюсь стать транжирой и дать официантке на чай целый доллар. Не хлебом единым жив человек, в том числе и женщина. Женщина, следуй за мной.

К столику нас проводила хорошенькая девушка (но не такая хорошенькая, как моя женушка). Я посадил Маргрету спиной к улице и уселся напротив.

— Меня зовут Тамми,— сказала официантка, протягивая меню.— Что желаете, друзья, в такой прекрасный день?

— Нам не надо меню,— ответил я,— пожалуйста, две порции горячего фадж-санде.

Тамми задумалась.

— Олл райт, если вы подождете несколько минут. Нам нужно приготовить горячий сироп.

— Несколько минут — пожалуйста. Мы ждали гораздо дольше.

Она улыбнулась и отошла. Я поглядел на Маргу:

— Мы ждали гораздо дольше. Не правда ли?

— Алек, ты сентиментален. И вероятно, отчасти за это я тебя и люблю.

— Я сентиментальный дурень, а сейчас еще и раб идеи горячего фадж-санде. А привести тебя сюда я мечтал еще и по другой причине. Марга, тебе не хотелось бы стать хозяйкой такого местечка? Вернее, чтоб мы стали хозяевами вместе? Ты была бы боссом, а я посудомойкой, швейцаром, человеком на все руки, рассыльным и всем, что потребуется.

Она задумалась.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Конечно, начать такой бизнес сегодня же мы не сможем: сначала надо поднакопить деньжонок. Но не так уж много, если все пойдет, как я планирую. Маленькое-маленькое помещение, но светлое и веселое — я его сам покрашу. Сатуратор для газировки плюс небольшой выбор закусок. Горячие сосиски, гамбургеры. Датские открытые сандвичи. И больше ничего. Ну может, суп. Ведь консервированные супы не проблема. И особого оборудования не потребуется.

Маргрета возмутилась:

— Никаких консервированных супов! Я могу готовить настоящие супы дешевле и лучше тех, что в жестянках.

— Полагаюсь на ваше профессиональное чутье, мэм. В Канзасе наберется не меньше полудюжины маленьких университетских городков, любой из них будет счастлив заполучить такое заведение. Возможно, мы найдем действующее кафе, где хозяева — пожилые супруги, поработаем на них с годик, а потом выкупим его. Изменим название на «Горячий фадж-санде» или «Сандвичи Марги».

— «Горячий фадж-санде». Алек, ты думаешь, мы это осилим?

Я наклонился к ней и взял за руку.

— Уверен, моя дорогая. И даже не придется чересчур напрягаться.— Я повернул голову.— Этот уличный сигнал прямо слепит меня.

— Я знаю. Каждый раз, как он переключает свет, я вижу его отражение в твоих глазах. Хочешь поменяться местами? Мне он не будет мешать.

— Мне тоже. Но у него какой-то гипнотический эффект.— Я посмотрел на стол, потом снова на светофор.— Слушай, он погас.

Маргрета нагнула голову.

— Я его не вижу. Где же он?

— Хм... эта дрянь куда-то исчезла. Похоже на то.

Рядом с собой я услышал мужской голос:

— Что вам угодно, милая парочка? Пиво или вино? Крепкими алкогольными напитками мы тут не торгуем.

Я оглянулся и увидел официанта.

— А где Тамми?

— Какая Тамми?

Я набрал побольше воздуха, пытаясь унять сердцебиение, а потом сказал:

— Прощения просим, браток. Не надо было нам заходить. Оказывается, бумажник-то остался дома.— Я встал.— Пойдем, дорогая.

Маргрета молча последовала за мной, широко распахнув глаза. Когда мы вышли, я огляделся, отыскивая видимые изменения. Думаю, что для пивной это заведение было вполне приличным. Но оно не имело ничего общего с нашим кафе-мороженым.

И с нашим миром тоже.

15

Не хвались завтрашним днем;
потому что не знаешь,
что родит тот день.

Книга Притчей 27,1

Выйдя на улицу, я машинально двинулся в сторону миссии Армии спасения, Маргрета, тихая как мышка, крепко держалась за мою руку. Наверняка мне полагалось испугаться, но вместо страха во мне клубился гнев. Наконец я пробормотал:

— Будь они прокляты! Будь они прокляты!

— Кого ты проклинаешь, Алек?

— Не знаю. И это самое скверное. Того, кто творит с нами такое. Может быть, твоего дружка Локи.

— Он мне не друг. Во всяком случае, не больше, чем тебе Сатана. Я его боюсь и ужасаюсь тому, что Локи делает с нашим миром.

— А я не боюсь. Я зол. Кто бы он ни был, Локи, или Сатана, или кто еще, но последняя проделка — уже чересчур. Смысла в ней не вижу. Как будто нельзя было подождать каких-нибудь тридцать минут. Горячий фадж-санде, можно сказать, был у нас на столе, а они его слямзили прямо оттуда! Марга, это неправильно, это несправедливо! Это какая-то отвратительная ребячья жестокость. Причем бессмысленная. Как отрывать крылья у мух. Мне они просто омерзительны. Кто бы они ни были.

Не желая продолжать бессмысленный разговор о том, что было вне нашей власти, Маргрета спросила:

— Дорогой, а куда мы идем?

— А? — я остановился как вкопанный.— В миссию, конечно.

— А ты не заблудился?

— Нет, конечно...— я огляделся.— Впрочем, не знаю.— Я шел автоматически, все мое внимание поглощал праведный гнев. Теперь я увидел, что этот район мне совершенно незнаком.— Боюсь, я действительно заблудился.

— А я так уверена.

* * *

Нам понадобилось еще полчаса, чтобы выяснить, где мы находимся. Все вокруг казалось как будто знакомым и в то же время каким-то не таким. Я нашел квартал, где должен был находиться «Гриль Рона», но самого ресторанчика там не оказалось. Какой-то полисмен показал нам дорогу к миссии... которая теперь помещалась совсем в другом доме. К моему удивлению, брат Маккау оказался там, но нас не узнал, и звали его теперь Макнаб. Мы ушли, стараясь не обнаружить свою растерянность. Вряд ли это нам удалось.

Мы пошли обратно тем же путем, каким пришли, очень медленно; нам некуда было торопиться.

— Марга, мы снова оказались в том же положении, что и три недели назад. Только обувь получше, вот и все. Денег полны карманы, но их тратить нельзя, так как, могу поспорить, здесь их сочтут фальшивыми... иначе говоря, такими, что обеспечат нам хороший отдых за решеткой, если я попробую пустить их в ход.

— Наверное, ты прав, милый.

— Видишь, на том углу, прямо перед нами, банк? Вместо того чтобы пытаться их истратить, я зайду и спрошу, стоят ли наши деньги чего-нибудь или нет.

— Что ж, пожалуй, хуже не будет. Верно?

— Не должно быть. Но наш друг Локи, возможно, припас в рукаве еще одного козырного туза. Хм... все равно придется выяснять. Слушай... возьми все деньги, кроме одной бумажки. Если меня арестуют, сделай вид, что мы незнакомы.

— Нет!

— Что ты хочешь сказать этим «нет»? Разве будет лучше, если мы оба попадем за решетку?

Храня на лице выражение непоколебимого упорства, она молчала. А разве можно спорить с женщиной, если она молчит? Я вздохнул.

— Послушай, родная, единственное, что я могу еще придумать,— это поискать работу мойщика посуды. Может быть, брат Макнаб пустит нас в миссию переночевать?

— Я тоже буду искать работу. И тоже могу мыть тарелки. Или стряпать. Или еще что-нибудь.

— Посмотрим. А сейчас ты пойдешь со мной, Марга; придется рискнуть. Кажется, я нашел способ выяснить то, что нам надо, не опасаясь попасть за решетку.

Я взял один банкнот, смял его и оторвал уголок. Затем мы вместе вошли в банк: я держал банкнот так, будто только что подобрал его с земли. К окошечку кассира я подходить не стал, а направился к огороженному барьером отделению, где сидели за столами старшие служащие.

Я облокотился о барьер и обратился к служащему, сидевшему поближе. Из таблички, стоявшей на его столе, явствовало, что он помощник управляющего.

— Извините, сэр. Не поможете ли вы ответить мне на один вопрос?

Он показался мне слегка раздраженным, но старался не подавать виду.

— Попробую. Что вам угодно?

— Скажите, это настоящие деньги? Или фальшивые?

Он взглянул, потом присмотрелся повнимательнее.

— Любопытно. Где вы их взяли?

— Жена нашла на тротуаре. Это деньги?

— Разумеется, нет. Я думаю, это банкноты для какой-нибудь театральной постановки. Или для рекламных целей.

— Значит, они ничего не стоят?

— Они не дороже бумаги, на которой напечатаны, вот и все. Я сомневаюсь даже, что их можно назвать фальшивыми, поскольку их даже не пытались сделать похожими на настоящие банкноты. И все же инспекторы казначейства наверняка захотят познакомиться с этим банкнотом поближе.

— Прекрасно. Оставить его вам?

— Конечно. Однако уверен, что инспектор пожелает поговорить и с вами. Разрешите, я запишу ваше имя и адрес. И вашей жены, разумеется, раз именно она нашла деньги.

— О'кей, а вы мне дайте расписку.

Я назвал нас мистером и миссис Александр Хергенсхаймер и дал адрес ресторанчика «Гриль Рона». Затем тщательно спрятал расписку.

Когда мы снова очутились на улице, я сказал:

— Что ж, мы не стали беднее, чем были. Пожалуй, время поискать, где у них тут грязные тарелки...

— Алек...

— Да, ненаглядная?

— Мы собирались в Канзас.

— Да, собирались. Но наши деньги, что мы собрали на билеты, стоят меньше бумаги, на которой отпечатаны. Придется подзаработать на поездку. Я это уже делал. Я делал это раньше, значит, сделаю еще раз.

— Алек, давай отправимся в Канзас немедленно.

Спустя полчаса мы уже шагали по шоссе в сторону Таксона. Когда кто-нибудь проезжал мимо, я голосовал, надеясь, что нас подвезут.

До Таксона мы добирались тремя попутными машинами. От Таксона можно было двигаться на восток, в направлении Эль-Пасо, Техас, или держаться того же шоссе номер восемьдесят девять, которое тут сворачивало на запад, а уж потом шло на север к Фениксу. Вопрос, куда ехать, решил случай: первой машиной, которую нам удалось подцепить в Таксоне, оказался грузовик, шедший с грузом на север.

В эту машину мы напросились на стоянке для грузовиков у пересечения восемьдесят девятого и восьмидесятого шоссе. Надо сознаться, что водитель согласился выполнить нашу просьбу только потому, что Маргрета такая красотка — будь я один, то наверняка загорал бы до сих пор. Если по правде, то все наше путешествие в той же степени заслуга Маргреты, ее прелести и женского обаяния, как и моей готовности выполнять любую работу, какой бы непрестижной, грязной и тяжелой она ни была.

С этим фактом мне было трудно смириться. На ум невольно приходили дурацкие мысли о жене Потифара и Сусанне и старцах. Вскоре я обнаружил, что злюсь на Маргрету, хотя ее единственная вина заключалась в том, что она была естественна, мила и дружелюбна как всегда. Я даже был близок к тому, чтоб сделать ей выговор и потребовать, чтоб она не улыбалась посторонним, а глаза опускала долу.

Соблазн поступить именно так стал почти невыносим, когда на закате солнца наш благодетель-водитель остановил машину в

крохотном придорожном оазисе, центром которого были ресторан и заправочная станция.

— Хочу пропустить парочку пивка и филейный бифштекс,— объявил он.— А как ты, Мэгги, девочка? Осилишь бифштекс с кровью? Здесь, знаешь ли, их на кухне чуть ли не от живых коров отрезают.

Она улыбнулась:

— Спасибо, Стив. Но я не голодна.

Моя любимая солгала. Она знала это, и я знал... и был уверен, что Стив тоже знает. Последний раз мы завтракали в миссии, часов этак одиннадцать и целую Вселенную тому назад. Я пытался наняться мыть тарелки на стоянке грузовиков в Таксоне, но мне довольно грубо отказали. Поэтому за весь день мы только напились воды из общественного фонтанчика.

— Не пытайся обмануть бабулю, Мэгги. Мы в пути уже четыре часа. Ты наверняка умираешь с голоду.

Я быстро вмешался, чтобы не заставлять Маргрету снова лгать, как я был уверен, из-за меня.

— Она хочет сказать, Стив, что не принимает приглашений от посторонних мужчин. Она считает, что муж должен обеспечить ей обед.— И добавил: — Но я благодарю тебя от ее имени, и спасибо тебе от нас обоих, что подвез нас. Отличная была поездка.

Мы сидели в кабине его грузовика, Маргрета посередине. Он наклонился вперед и посмотрел мне прямо в глаза:

— Алек, ты считаешь, что я хочу залезть Мэгги под юбку? Да?

Я довольно сухо ответил, что ничего подобного не считаю, хотя про себя подумал, что считаю именно так и что он всю дорогу старался добиться этого... и что мне отвратительны не только его неджентльменские поползновения, но и грубость, с которой он только что высказался. Однако мне уже пришлось убедиться на горьком опыте, что правила хорошего тона, соблюдаемые в том мире, где я родился, могут и не действовать в других вселенных.

— О да, ты так считаешь. Я же не вчера родился, и большая часть моей жизни прошла на дорогах, так что никаких иллюзий у меня нет — вышибли. Ты думаешь, что я попытаюсь уговорить твою жену переспать со мной, потому что каждый встречный кобель обязательно попробует это сделать. Но разреши сказать тебе кое-что, сынок. Я не стучусь в двери домов, где никто не живет.

И кое в чем разбираюсь. Мэгги не такая. Я это понял уже несколько часов назад. Хочу поздравить тебя. Верная жена — это удача. Разве не так?

— Да, конечно,— согласился я сдержанно.

— Тогда перестань ерепениться. Ты собирался кормить жену обедом? И ты уже поблагодарил меня за поездку. А почему бы тебе еще и не пригласить меня на обед? Тогда мне не придется есть в одиночестве.

Надеюсь, что я не выглядел обескураженным и мое мгновенное замешательство осталось незамеченным.

— Разумеется, Стив. Мы у тебя в долгу. Хм... Извини, мне придется отлучиться, чтобы договориться кое о чем.— И я начал вылезать из кабины.

— Алек, ты врешь нисколько не лучше Мэгги.

— Извини, не понял.

— Ты думаешь, я не вижу? Ты же гол как сокол. А если и не как сокол, то очень близко к тому... и купить мне бифштекс из вырезки не сможешь. И даже, скажем, кусок настоящего ростбифа — тоже.

— Это правда,— сказал я (надеюсь, с достоинством).— Я хотел договориться с директором ресторана и предложить помыть посуду в обмен на три обеда.

— Я так и думал. Если бы ты просто разорился, вы бы ехали на «Грейхаунде» и у вас был бы багаж. Если бы вы были бедны, но еще не голодны, вы бы голосовали на шоссе, экономили деньги на еду, но какой-то багаж у вас все-таки имелся бы... Но у вас багажа нет, кроме того, вы оба носите костюмы — и это в жаркой пустыне, помилуй Бог. Это все признаки недавней катастрофы.

Я молчал.

— Ну, слушай же,— продолжал он,— возможно, владелец этого заведения и позволит тебе заняться посудой, но, скорее всего, у него уже есть парочка «мокроспинников», которые в эту самую минуту полощутся в грязных лоханях, а еще минимум трем он сегодня уже дал от ворот поворот: это же главная дорога для «туристов», путешествующих с юга на север через дырку в пограничном заборе. В любом случае я не могу ждать, пока ты помоешь посуду, мне, знаешь ли, сегодня еще предстоит гнать эту развалюху многие-многие мили. А потому предлагаю тебе сделку. Ты приглашаешь меня на обед, а я одалживаю тебе деньги.

— Знаешь, Стив, для тебя это верный убыток.

— А может, прибыль. Это то, что банкиры называют оправданным риском, то есть почти верный выигрыш. Когда-нибудь — в этом году или лет через двадцать, безразлично — ты набредешь на такую же голодную и обнищавшую юную парочку. И ты угостишь их обедом на тех же условиях. И так вернешь мне долг. А когда они сделают то же самое в свою очередь — получишь обратно деньги уже ты. Понял?

— Я отплачу тебе сто раз.

— Хватит и одного. Потом можешь делать это ради собственного удовольствия. Ну, пошли пожуем.

Ресторан «Отдохни в Римроке» отличался грубоватой, но вкусной едой, а не изысканностью блюд, в чем весьма походил на «Гриль Рона» в том, другом мире. Здесь были и стойка, и столики. Стив подвел нас к столику, и вскоре возле нас возникла сравнительно молодая и довольно хорошенькая официантка.

— Приветик, Стив. Давненько не видались.

— Как жизнь, беби? Что слышно насчет анализа на беременность?

— Кролик сдох. А каковы у тебя перспективы относительно гонореи? — она улыбнулась мне и Маргрете.— Привет, друзья. Что будете есть?

У меня было время пробежать глазами меню, особенно его правую сторону: цены меня здорово удивили. Я хочу сказать, что нашел их очень близкими к тем, что были в том мире, который я знал лучше всего. Гамбургер — десять центов, кофе — пять центов, весь обед — от семидесяти пяти до девяноста центов. Вот это человеческие цены!

Я оторвался от меню и сказал:

— Если можно, то мне гамбургер с сыром, побольше, хорошо прожаренный.

— Слушаюсь, хозяин. А что вам, дорогая?

Маргрета заказала то же самое, но не слишком прожаренное.

— Стив? — спросила официантка.

— Значит так: три пива «Корс» и три бифштекса из вырезки — один с кровью, другой средний, третий хорошо прожаренный. С гарниром из помойки. Печеный картофель, сильно подгоревший,

безнадежно увядший салат. Горячие булочки, все как обычно. Десерт потом. Кофе.

— Поняла.

— Познакомься с моими друзьями. Мэгги — это Хейзел. А это Алек — муж Мэгги.

— Экий счастливчик. Привет, Мэгги, рада познакомиться. Хотя и сожалею, что вижу тебя в такой дурной компании. Стив уже пытался всучить тебе что-нибудь?

— Пока нет.

— И хорошо. Ничего не покупай, никаких бумаг не подписывай, никаких пари не заключай. Знай: у него жены в трех штатах.

— В четырех.

— Уже в четырех? Поздравляю. В дамскую комнату ход через кухню, Мэгги; в мужскую — через двор.

Она убежала так быстро, что только юбка взметнулась.

— Хороша девка,— сказал Стив.— Знаете, сколько болтают насчет подавальщиц, особенно в заведениях для шоферов... ну так Хейзел, похоже, единственная из подавальщиц в дорожных забегаловках, которая дает не за плату. Пошли, Алек.

Он встал и провел меня к мужскому туалету. Я послушно последовал за ним. Тут до меня дошло, что он имел в виду, но возмущаться его высказываниями в присутствии дамы было уже поздно. Кроме того, я сообразил, что Маргрету его высказывания ничуть не возмутили — она приняла их как информацию к размышлению. Даже скорее как похвалу Хейзел. Я полагаю, что наибольшие трудности возникают не из-за различий в экономике, социальном устройстве или технологии, а из-за языка и тех табу и mores[1], которые существуют в разных мирах.

Когда мы вернулись, пиво уже дожидалось нас на столе, а Маргрета — за столом, причем выглядела она на удивление свежей и отдохнувшей.

Стив поднял бокал:

— Ваше здоровье!

— Skal! — отозвались мы.

Я отпил глоток, потом еще и еще — вот чего мне так не хватало весь этот длинный день, проведенный на шоссе среди пустыни. Мое

[1] Нравы *(лат.)*.

моральное падение на пароходе «Конунг Кнут» произошло в том числе и по причине возобновления близкого знакомства с пивом, которого мне не случалось пробовать с тех далеких дней, когда я был студентом инженерного колледжа, но и тогда пил его редко — денег на сей порок было маловато. Пиво было отличное, не хуже датского «Туборга», которое подавалось на пароходе. А вам известно, что в Библии нет ни единого выпада против пива? Больше того, слово «пиво» в Библии означает «источник» или «колодец».

Бифштексы были восхитительны.

Под размягчающим воздействием пива и хорошей еды я вдруг обнаружил, что пытаюсь объяснить Стиву, как именно мы пошли на дно и почему теперь вынуждены принимать милостыню от посторонних людей... однако при этом я старательно избегал всякой конкретизации. Наконец Маргрета сказала:

— Алек, расскажи ему.

— Думаешь, надо?

— Я полагаю, что Стив заслужил это. И я ему верю.

— Хорошо. Стив, мы пришельцы из другого мира.

Он не стал смеяться и даже не улыбнулся, просто выслушал с интересом, а потом спросил:

— С летающей тарелки, что ли?

— Нет. Я хочу сказать, что мы из другой Вселенной, но не просто с другой планеты. И еще я скажу, что только сегодня утром мы с Маргретой были в штате, который именуется Аризоной, в городе под названием Ногалес. А потом все вокруг нас вдруг изменилось. Ногалес сделался маленьким и совсем непохожим на прежний. Аризона вроде та же. Во всяком случае кажется такой же, хотя я этот штат знаю довольно плохо.

— Территорию.

— Извини, не понял.

— Аризона не штат, а территория. Законопроект о присвоении ей статуса штата был забаллотирован.

— О! И в моем бывшем мире произошло то же самое! Это как-то связано с вопросом о налогах. Но мы явились не из моего мира. И не из мира Марги. Мы пришли...— тут я замолк.— Я говорю сбивчиво,— и поглядел на Маргрету.— Может, ты лучше объяснишь?

— Я не могу объяснить,— ответила она,— так как сама не понимаю. Но, Стив, это правда. Я происхожу из одного мира, Алек — из

другого, жили мы в третьем, а в четвертом были еще сегодня утром. Теперь мы здесь. Вот почему у нас нет денег. То есть они у нас есть, но для этого мира не годятся.

— Может быть, мы ради разнообразия поговорим о каком-нибудь одном мире, а то у меня голова пошла кругом,— буркнул Стив.

— Она пропустила целых два мира,— вмешался я.

— Нет, милый, три. Ты забыл о мире айсберга.

— Нет, этот я считал. Я... извини, Стив. Постараюсь рассказывать обо всех по очереди. Но это ужасно трудно. Этим утром мы отправились в кафе-мороженое в Ногалесе, так как я хотел угостить Маргрету горячим фадж-санде. Мы сели за столик друг против друга так же, как сидим сейчас, и я оказался как раз напротив транспортных световых сигналов.

— Транспорт... чего?

— Это набор таких цветовых сигналов, с помощью которых управляют транспортными потоками. Красный, желтый, зеленый. Благодаря им я и узнал, что мир снова здорово переменился. В твоем мире таких световых сигналов нет, или я их просто не видел. Всюду регулировщики-полицейские. Но в том мире, где мы сегодня утром проснулись, вместо регулировщиков — разноцветные огни.

— Прямо какой-то фокус, знаешь, из тех, что в цирках показывают с помощью зеркал. А какое отношение это имеет к горячему фадж-санде для Мэгги?

— А такое, что, когда мы потерпели кораблекрушение и плавали по океану, Маргрете захотелось горячего фадж-санде. А сегодня утром у меня впервые появилась возможность угостить ее этим лакомством. Когда транспортные сигналы исчезли, я понял, что мир снова изменился, а это означало, что мои деньги больше ни на что не годятся. Стало быть, я уже не смог купить ей обещанный горячий фадж-санде. Не мог и вечером угостить обедом. Наши деньги нельзя истратить, вот в чем дело! Понял теперь?

— По-моему, я отстал от вас на несколько поворотов. А что же случилось с деньгами?

— Ох! — Я полез в карман, вынул стопку тщательно сложенных бумажек, предназначенных для покупки билетов, и протянул один двадцатидолларовый банкнот Стиву.— Ничего с ними не случилось. Вот, посмотри.

Он принялся внимательно изучать банкнот.

— «Законное средство оплаты государственных и частных долгов». Звучит что надо. Но что за шут намалеван на бумажке? И с каких это пор у нас печатаются двадцатидолларовые банкноты?

— В твоем мире, видимо, с никаких, точно так же, как и в моем. А намалеван — Уильям Дженнингс Брайан, президент Соединенных Штатов с тысяча девятьсот тринадцатого года по тысяча девятьсот двадцать первый.

— У нас в школе Оранса Манна в Акроне такого не проходили. В жизни о нем не слыхал.

— А если вспомнить, чему учили меня, то он был избран в тысяча восемьсот девяносто восьмом, а не шестнадцатью годами позже, в мире же Маргреты вообще не было президента Брайана. Послушай, Маргрета! А случайно, не твой ли это мир?!

— Почему ты так думаешь, милый?

— Может, да, а может — нет. Когда мы из Ногалеса ехали на север, я не заметил ни аэродромов, ни каких-либо признаков, свидетельствующих об их близости. А сейчас вспомнил, что за весь день не видел и не слышал ни единого реактивного самолета. И других летательных машин — тоже. А ты?

— Нет. Нет, я тоже не слышала. Но я о них и не думала.— Помолчав, она добавила: — Однако я почти уверена, что они над нами не пролетали.

— Вот видишь! А может быть, это мой мир? Стив, как у вас тут с аэронавтикой?

— Аэро... чем?

— Ну с летательными машинами. Реактивными. Вообще с aeroplanos. И с дирижаблями. У вас есть дирижабли?

— Знаешь, у меня насчет таких словечек в памяти совсем глухо. Ты говоришь о полетах, о настоящих полетах в воздухе, как птицы в небе?

— Да! Да!

— Нет, конечно, ничего такого у нас нет. Или ты имеешь в виду воздушные шары? Воздушный шар я, конечно, видел.

— Нет, я не о них говорю. Хотя дирижабль — тоже в некотором роде воздушный шар. Только не круглый, а длинный, вроде сигары. И в движение приводится моторами, вроде твоего грузовика,

и делает сто миль в час и более; обычно они летают на высоте одной-двух тысяч футов. А над горами куда выше.

Впервые Стив по-настоящему удивился, раньше он казался лишь слегка заинтересованным.

— Боже милостивый! И ты действительно видел нечто подобное?

— Я даже летал на них. Первый раз мне было двенадцать. Ты ведь учился в Акроне? В моей Вселенной Акрон всем известен как город, где делают самые большие, самые быстроходные и самые лучшие в мире воздушные корабли.

Стив покачал головой.

— Надо же! Вечно я пропускаю из-за ерунды самое интересное. Видно, так уж устроена жизнь! Мэгги, а ты видела воздушные корабли? Летала на них?

— Нет, в моем мире их не было. Но в летательной машине побывать пришлось. Это был aeroplano. Всего один раз. Мне полет показался необыкновенно волнующим. И страшным. Но я с удовольствием полетала бы еще разок.

— Клянусь, я бы тоже полетал. Хотя, готов поспорить, у меня наверняка от страха вывернуло бы кишки. Но я полетел бы все равно, пусть бы эта штука даже угробила меня. Ребята, я начинаю вам верить. Больно уж здорово вы все изображаете. Это да еще ваши деньги. Если, конечно, это деньги.

— Это деньги,— настаивал я,— деньги другого мира. Посмотри на них внимательно, Стив. Совершенно очевидно, что это не деньги твоего мира. Но это не игрушечные деньги и не для театральных постановок. Неужели кому-то могла прийти мысль столь тщательно делать гравировку, чтобы получить «театральные» банкноты? Гравер клише, с которых печатались деньги, явно полагал, что они пойдут в обращение... и тем не менее в них все неправильно с точки зрения этой Вселенной, даже двадцатидолларовое достоинство — первое, что тебе самому бросилось в глаза. Погоди-ка.— Я порылся в другом кармане.— Ага! Тут она! — Я вытащил бумажку в десять песо королевства Мексика. Бóльшую часть денег, которые мы накопили перед землетрясением — чаевые Маргреты, заработанные в «Панчо Вилья»,— я сжег как бесполезные, но несколько бумажек оставил на память.— Погляди-ка на эту. Испанский знаешь?

— По-настоящему — нет. Кое-какой технический жаргон. Ну и кухонный испанский.— Он поглядел на бумажку.— Вроде порядок.

— Посмотри внимательнее,— попросила Маргрета.— Видишь, напечатано «Reino»? А разве тут не должно стоять «Republika»? Или Мексика в вашем мире — тоже королевство?

— Нет, республика... Она осталась такой отчасти с моей помощью. Когда я служил в морской пехоте, меня сделали наблюдателем на выборах. Вы себе не представляете, как много может сделать горсточка вооруженных до зубов морских пехотинцев, если надо обеспечить честные выборы. О'кей, друзья, я покупаю вашу историю. Мексика не королевство — голосующие на дорогах, у которых нет денег даже на обед, не могут таскать с собой мексиканские деньги, подтверждающие обратное. Может, я и спятил, но я готов вам верить. Так какое же будет объяснение?

— Стив,— сказал я спокойно.— Я бы и сам не отказался его получить. Самое простое объяснение: у меня крыша поехала, и все это просто результат моего воображения: и я, и ты, и Маргрета, и этот ресторан, и этот мир — все это фантом, порожденный моим горячечным воображением.

— Ты, если хочешь, валяй думай, будто мы твое воображение, а нас с Мэгги уволь. Другие объяснения есть?

— Хм... это зависит от... Ты Библию читал?

— Ну... и да, и нет. Поскольку я много езжу, то мне частенько не спится в постели, а почитать кроме Гедеоновой Библии и нечего. Так что иногда читаю.

— Ты не помнишь Евангелие от Матфея, главу двадцать четвертую, стих двадцать четвертый?

— Нет, а что, должен помнить?

Я процитировал ему это место.

— Это одна возможность, Стив. Смены миров могут быть знаками, посланными самим Сатаной, чтобы обмануть нас. С другой стороны, они могут быть предвозвестниками конца света и пришествия Христа во царствие свое. Вот послушай Слово:

«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды падут с неба, и силы небесные поколеблются;

Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою;

И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их».

В общем, все сводится вот к чему, Стив. Может быть, это фальшивые знаки бед и несчастий, предвещающие конец, а может, это чудеса, знаменующие Parousia — Второе пришествие. Так или иначе мы подошли к концу этого мира. Возрожден ли ты?

— М-м-м... Не могу утверждать. Меня крестили давным-давно, когда я был еще слишком мал, чтобы сообразить, о чем идет речь. В церковь я почти не хожу, если не считать свадеб и похорон друзей. И даже если меня разок и окатили водой, то с тех пор я успел изрядно подзапылиться. Думаю, я вряд ли подхожу под требуемый стандарт.

— Да, я убежден, что не подходишь. Стив, конец света приближается, и Христос снова грядет к нам. Самое важное дело, которое у тебя есть — да и у всех остальных,— положить грехи свои перед Иисусом, чтобы он смыл их кровью своей и чтобы ты возродился в нем. Ибо не будет тебе иного предупреждения. Сперва раздастся глас трубный, и ты либо окажешься в объятиях Иисуса, счастливый и невредимый на веки вечные, или будешь сброшен в огонь и серу кипящую, чтоб мучился в них без конца.

— Вот те на! Алек, ты никогда не думал стать проповедником?

— Еще как думал.

— Знаешь, тебе не думать надо, а просто стать им. Ты говорил так, будто веришь каждому произнесенному слову.

— А я и верю.

— Я тоже так подумал. Ладно. В общем, из уважения к тебе обещаю, что основательно обмозгую это дельце. А пока будем надеяться, что сегодня Второе пришествие еще не состоится, а то у меня груз, который следует доставить по назначению. Хейзел! Дай-ка счет, милочка: мне уж давно пора смотреть дорожные картинки.

Три бифштекса стоили три девяносто, шесть кружек пива еще шестьдесят центов, то есть всего четыре пятьдесят. Стив расплатился «полуиглом» — монетой, которую я видел только в коллекциях. Мне очень хотелось рассмотреть ее получше, но я не мог найти предлога.

Хейзел взяла ее и осмотрела со всех сторон.

— Не так уж часто появляется у нас золото,— заметила она,— чаще всего бывают «колеса», а иногда и бумажки, хотя босс их не очень уважает. Уверен, что обойдешься без нее?

— А я нашел клад Старого Голландца.

— Я с тобой играю. Только пятой женой стать не собираюсь.

— Так и я согласен только всего лишь разочек переспать с тобой.

— А этого ты тоже не получишь. Во всяком случае, за какую-то жалкую золотую пятерку.— Хейзел покопалась в кармане фартука и вынула серебряную монету в полдоллара.— Твоя сдача, дорогой.

Стив вернул ей монету.

— А что можно получить за полдоллара?

Хейзел взяла монету и положила ее в карман.

— Плевок в левый глаз. Спасибо. Спокойной ночи, друзья. Рада, что вы нас навестили.

На протяжении тридцати пяти миль или около того до самого Флагстафа Стив успел задать уйму вопросов насчет виденных нами миров, но никаких комментариев не делал. Его особенно интересовали мои описания воздушных кораблей, реактивных самолетов, aeroplanos. Вообще все, что было связано с техникой, казалось ему занятным. В телевидение ему оказалось труднее поверить, чем в летательные аппараты, впрочем, как и мне. Но Маргрета подтвердила, что сама видела телевизоры, а Маргрете не поверить нельзя. Меня-то еще можно принять за жулика. Но Маргрету — нет. Ее голос и манеры вызывают безграничное доверие.

Во Флагстафе, чуть не доезжая до шоссе номер шестьдесят шесть, Стив съехал на обочину и притормозил, не выключая мотора.

— Приехали,— сказал он,— если, конечно, вы настаиваете, чтоб ехать на восток. Если согласны ехать на север — милости просим.

— Нам обязательно надо попасть в Канзас,— проговорил я.

— Да, я понимаю. Отсюда туда можно добраться несколькими путями, но шоссе номер шестьдесят шесть — лучше всего... Хоть в толк не возьму, чего вам понадобилось в этом Канзасе. Впереди, вон там, перекресток. Держитесь правой стороны и вперед! Пропустить его вы не сможете. Попытайтесь поймать грузовик на Санта-Фе. А где вы думаете ночевать?

— Мы еще не знаем. Будем идти, пока не поймаем попутку. Если до ночи с попуткой не повезет — поспим на обочине, сейчас тепло.

— Алек, послушай своего дядюшку Дадли. В пустыне вам ночевать нельзя. Это сейчас тепло, а к утру жутко похолодает. Может, ты не заметил, но мы все время ехали в гору от самого Феникса. И если вас не сожрет хила-монстр, то уж песчаные блохи — наверняка. Надо снять койку.

— Стив, у нас нет денег.

— Бог даст — будут. Ты же веришь в это, а?

— Да,— ответил я суховато,— я верю в это. (Только он ведь помогает тем, кто сам себе помогает!)

— Ну так доверься Богу. Мэгги, насчет этих делишек с концом света ты с Алеком согласна?

— Во всяком случае, я ему не противоречу.

— М-м-м... Алек, обещаю, что я эту мыслишку хорошенько обсосу... и начну прямо сегодня читать Гедеонову Библию. Не хочется и на этот раз пропустить самое интересное. А вы идите по шоссе номер шестьдесят шесть и поищите местечко, где написано «хижины». Не «мотель» и не «придорожная гостиница», не объявление о матрасах Симмонса или о личных ваннах, а просто «хижины». Если с вас потребуют больше двух долларов, идите дальше. Торгуйтесь по-настоящему и получите за доллар.

Я не очень прислушивался, так как уже начал злиться. При чем тут торговля? Он же знает, что у меня нет ни гроша. Или он *мне не поверил*?

— Итак, я говорю «прощайте»,— продолжал Стив.— Алек, можешь открыть дверь? Мне не хочется вылезать.

— Могу.— Я открыл дверь, спрыгнул на землю, но потом вспомнил о вежливости.— Стив, я хочу поблагодарить тебя за все. За обед. За пиво. За длинную дорогу. Да пребудет с тобой Господь! И да поддержит он тебя и охранит.

— Спасибо тебе. И хватит об этом. Вот,— он полез в карман и достал карточку,— это моя визитка. А точнее, адрес дочки. Когда доберетесь до Канзаса, дайте знать, как дела.

— Обязательно.— Я взял карточку и хотел помочь Маргрете вылезти.

Стив задержал ее.

— Мэгги! А ты не собираешься поцеловать старика Стива на прощание?

— А как же! Обязательно, Стив! — она обернулась и искоса глянула на него.

— Вот так-то лучше. Алек, ты бы отвернулся.

Я не стал отворачиваться, но попытался сделать вид, что не смотрю, хотя не мог удержаться, чтобы не понаблюдать за ними краем глаза.

Если бы это затянулось еще на полсекунды, я бы силой вытащил Маргрету из кабины. Хотя, должен сказать, Маргрета вовсе не сопротивлялась оказываемому вниманию. Она подчинилась охотно, целуя Стива так, как ни одна замужняя женщина не должна целовать постороннего мужчину.

Это мне удалось вытерпеть с большим трудом.

Наконец они закончили. Я подал ей руку и захлопнул дверцу. Стив крикнул: «Прощайте, ребята!» — и его грузовик рванулся вперед. Набирая скорость, он дважды просигналил нам.

Маргрета робко сказала:

— Алек, ты сердишься на меня?

— Нет. Удивлен, да. Даже шокирован. Разочарован. Огорчен.

— Не смей задирать нос!

— Э-э-э?

— Стив провез нас двести пятьдесят миль, накормил отличным обедом, не поднял на смех, когда мы ему рассказывали нашу невероятную историю. А теперь? Фу-ты ну-ты, ты становишься в третью позицию и смотришь на меня свысока только потому, что я поцеловала его так, чтобы он понял, как я благодарна за все, что он сделал для меня и моего мужа. Я не потерплю этого, слышишь?

— Я только хотел...

— Прекрати! Не желаю слушать объяснений. Потому что ты не прав. И теперь я рассердилась, и буду сердиться до тех пор, пока ты не поймешь, что не прав. Так что думай!

Она резко повернулась и быстро пошла в ту сторону, где пересекались шестьдесят шестое и восемьдесят девятое шоссе.

Я заторопился за ней.

— Маргрета!

Она не ответила и только ускорила шаг.

— Маргрета!

Смотрит вперед и молчит.

— Маргрета, родная! Я был не прав. Мне ужасно жаль. Извини меня.

Она внезапно остановилась и, обняв меня, заплакала.

— Ох, Алек! Я так тебя люблю, а ты такой жлоб.

— Я тебя тоже люблю, но что такое жлоб?

— Это ты.

— Ну... в таком случае, я твой жлоб, и ты от меня не отделаешься. И в другой раз не уходи от меня.

— Не буду. Никогда.

И мы занялись тем, чем занимались до этого,

Немного погодя я откинул голову, чтобы шепнуть:

— У нас нет постели, которую мы могли бы назвать своей, а я еще никогда в жизни так не нуждался в ней, как сейчас.

— Алек, пошарь в карманах.

— А?

— Когда Стив целовал меня, он шепнул, чтобы ты поискал в карманах, и сказал: «Бог даст».

Я нашел его в левом кармане своего пиджака, золотой «игл» — никогда еще не приходилось держать его в руках. Монета была очень тяжелая и теплая.

16

Человек праведнее ли Бога?
И муж чище ли Творца своего?

Книга Иова 4,17

Научите меня, и я замолчу;
укажите, в чем я погрешил.

Книга Иова 6,24

В аптеке в деловой части Флагстафа я обменял свой «игл» на девять «колес», девяносто пять центов мелочью и кусок мыла «Айвори». Купить мыло предложила Маргрета.

— Алек, аптекарь — не банкир; он может не захотеть менять нам деньги, если обмен не будет частью торговой сделки. А мыло нам пригодится. Я хочу постирать твое белье, да помыться нам обоим не мешает... Сильно подозреваю, что в дешевых ночлежках, о которых говорил Стив, мыло в стоимость ночлега не входит.

Оба ее предположения оказались верными. Аптекарь поднял брови, увидев золотую монету в десять долларов, но промолчал. Он взял ее и бросил на стекло прилавка, чтобы услышать звон, потом пошарил за кассой и, вытащив маленький пузырек, капнул на монету кислотой.

Я ничего не сказал. Продолжая молчать, он отсчитал девять серебряных долларов, полдоллара, четверть доллара и два дайма. Вместо того чтобы тут же положить деньги в карман, я не торопясь проверил каждую монету тем же способом, воспользовавшись стеклянным прилавком. Окончив, я пододвинул ему обратно одно из «колес».

Он опять промолчал — небось, не хуже меня слышал глухой звук, произведенный фальшивой монетой. Аптекарь нажал на клавишу «без продажи» и вручил мне другое «колесо» (его звук был чист, как звон колокольчика), спрятав подделку куда-то в самый дальний конец денежного ящика кассы. Затем повернулся ко мне спиной.

На окраине города, на полпути к Уиноне, мы набрели на ночлежку, достаточно неприглядную, чтобы соответствовать нашим требованиям. Маргрета торговалась на испанском. Наш хозяин запросил пять долларов. Маргрета призвала пресвятую Деву Марию и еще трех святых в свидетели того, как несправедливо с ней поступают. После чего предложила пять песо. Я не понял ее маневра. Ибо знал, что никаких песо у нас нет. Неужели она попытается всучить ему те никуда не годные «королевские» песо, которые я все еще таскаю с собой?

Однако выяснить это не удалось, так как в качестве ответа наш хозяин просто скинул цену до трех долларов и заявил синьоре, что сумма окончательная и Бог ему в том свидетель.

В общем, они сговорились за полтора. После чего Маргрета попросила дать ей чистые простыни и одеяла еще на пятьдесят центов, заплатила за все два доллара и потребовала включить в

эту цену подушки и чистые наволочки, сказав, что тогда они будут квиты. Она получила требуемое, но хозяин захотел, чтоб ему дали сколько-нибудь «на счастье». Марга дала ему дайм, он низко поклонился и заверил нас, что его дом — наш дом.

В семь утра мы были уже в пути, отдохнувшие, чистые, счастливые и голодные. Через полчаса, еще более голодными, мы оказались в Уиноне. С голодом мы сквитались чуть позже, зайдя в маленькую забегаловку, открытую в трейлере: стопка пшеничных блинчиков — десять центов, кофе — пять, вторая чашка бесплатно, масло и сироп — без ограничений.

Маргрета не справилась со своими блинчиками: порции были слишком велики, мы поменялись тарелками, и я слопал все, что у нее оставалось. На стене красовалась надпись:

«ЗАПЛАТИ, КОГДА ПОЕШЬ — ЧАЕВЫХ НЕ НАДО.
ПРИГОТОВИЛСЯ ЛИ ТЫ К СУДНОМУ ДНЮ?»

Рядом с поваром — он же официант (думаю, он же и хозяин) — в пределах досягаемости лежал экземпляр «Сторожевой башни».

Я спросил:

— Брат, что слышно о наступлении дня Страшного суда?

— Это не повод для шуток. Вечность — это очень долго, особенно если проводишь ее в бездне огненной.

— Я не шучу,— ответил я.— Если судить по знамениям и чудесам, наступил семилетний период, о котором говорится в одиннадцатой главе Откровения, стих второй или третий; только не знаю, давно ли это случилось.

— Мы уже шагнули во вторую половину, и два свидетеля уже пророчествуют, и антихрист бродит по Земле. А ты сподобился благодати? Если нет, самое время поторопиться.

Я ответил ему:

«И вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий».

— Ты бы лучше в это поверил.

— А я верю. Спасибо за вкусный завтрак.

— Не за что. Бог да хранит тебя.

— Спасибо. Да благословит он тебя и укрепит.

Мы с Маргретой вышли и снова двинулись на восток.

— Ну, как ты, любимая?

— Наелась и счастлива.

— Я тоже. Кое-что из того, что ты сделала прошлым вечером, особенно содействует моему счастливому расположению духа.

— Моему — тоже. Но с тобой всегда так, дорогой мой мужчина. Всякий раз.

— Хм... Да... Так вот. Мне тоже... Всегда. Но я имел в виду другое — то, что ты сказала до того. Когда Стив спросил, согласна ли ты со мной насчет Судного дня, ты ответила, что согласна. Марга! Не могу даже передать тебе, как меня огорчает то, что ты можешь не захотеть вернуться в объятия Христа. Теперь, когда Страшный суд приближается с такой быстротой и нет никакой возможности узнать точный час его наступления... в общем, я ужасно волновался. Я и теперь волнуюсь. Но кажется, ты начинаешь прозревать, хотя пока мы об этом и не говорили.

Мы прошли шагов двадцать, но Маргрета так ничего и не сказала. Наконец она очень тихо произнесла:

— Любимый, как бы я хотела успокоить тебя! Если бы только могла! Но я ничем не могу помочь.

— Вот как? Тогда я не понимаю. Объясни, пожалуйста.

— Я же не говорила Стиву, что согласна с тобой. Я сказала, что не отрицаю.

— Но это одно и то же!

— Нет, любимый. Я не сказала Стиву, но должна была сказать, если бы говорила совершенно откровенно, я *никогда, ни по какому поводу* не стану перечить мужу на людях. Наедине с тобой я готова обсудить любой спорный вопрос. Но не в присутствии Стива. Или кого-то другого.

Я проглотил это, оставив при себе множество возможных комментариев... и наконец промолвил:

— Спасибо, Маргрета.

— Любимый, я делаю это как из чувства собственного достоинства, так и ради сохранения твоего. Всю жизнь ненавидела зрелище ссорящихся супругов, спорящих и обвиняющих друг друга при всех. Если ты скажешь, что на Солнце полным-полно маленьких ярко-зеленых собачек, я не стану тебе возражать... при посторонних.

— Да, но ведь так оно и есть!

— Сэр? — она остановилась как вкопанная.

— Милая моя Марга, какая бы проблема ни возникла, ты всегда находишь мягкий ответ. Если я когда-нибудь увижу на солнце ярко-зеленых собачек, то обязательно вспомню и постараюсь обсудить этот вопрос наедине, чтоб не ставить тебя в трудное положение на людях. Я люблю тебя. Я, видимо, услышал в твоих словах Стиву больше, чем ты хотела сказать, но это потому, что я действительно страшно беспокоюсь.

Она взяла меня под руку, и мы довольно долго шли молча.

— Алек!

— Да, моя любовь?

— Я ведь не нарочно причиняю тебе беспокойство. Если я не права и ты попадешь на христианские небеса, я непременно хочу быть рядом с тобой. Если для этого потребуется вернуться к вере Христовой — а видимо, так оно и случится,— значит, и я этого хочу. Я буду стараться, но ничего не могу твердо обещать, потому что вера не есть акт волевого усилия. Однако я приложу все силы.

Я остановился, чтоб к полному восторгу проезжавших мимо расцеловать ее.

— Дорогая, это больше, чем я мог надеяться. Будем молиться вместе?

— Лучше не надо, Алек. Позволь мне молиться одной... Но я обещаю: когда придет время помолиться вместе, я тебе скажу.

Вскоре нас подобрала чета фермеров и подбросила до Уинслоу. Там они высадили нас, не задавая лишних вопросов; мы тоже не сочли нужным давать какую-то информацию, что, в общем, можно считать своего рода рекордом.

Уинслоу намного больше, чем Уинона; это вполне респектабельный городок, во всяком случае, для пустыни — по моей прикидке, тысяч семь жителей. Там нам удалось исполнить то, на что намекнул в свое время Стив и что мы обсудили с Маргретой прошлой ночью.

Стив оказался прав: мы были одеты не для пустыни. Выбора, правда, у нас не было, поскольку смена миров застала нас врасплох. Но я не видел ни одного мужчины, который носил бы в пустыне деловой костюм. Не видели мы и говорящих по-английски женщин, одетых в платья. Индианки и мексиканки носили юбки,

но белые женщины — либо шорты, либо брюки: слаксы, джинсы, бананы, брюки для верховой езды и так далее... юбки — редко, а платья — никогда.

Больше того, наши костюмы не годились даже как городская одежда. Они выглядели так же странно, как выглядели бы в наш век вещи, сшитые по моде эпохи декаданса. Не спрашивайте почему — я не специалист по моде, особенно женской. Костюм, который я носил, был хорошего покроя и дорогой — когда принадлежал моему патрону дону Хайме в Масатлане, совсем в другом мире... Но на мне, да еще в аризонской пустыне, в этом мире он скорее напоминал о трущобах.

В Уинслоу мы наконец нашли именно то, что нам было нужно.

«ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ» — МИЛЛИОН ШАНСОВ
ТОЛЬКО ЗА НАЛИЧНЫЕ — НИКАКИХ ГАРАНТИЙ
ТОВАР ОБРАТНО НЕ ПРИНИМАЕТСЯ
ВСЕ СТАРЫЕ ВЕЩИ ПРОХОДЯТ СТЕРИЛИЗАЦИЮ ПЕРЕД ПОСТУПЛЕНИЕМ В ПРОДАЖУ.

Ниже шла та же информация по-испански.

Часом позже, после того как мы перерыли весь магазин, а Маргрета вдоволь наторговалась с продавцом, мы оказались готовыми для жизни в пустыне. На мне были штаны цвета хаки, такая же рубашка и соломенная шляпа, чем-то напоминавшая о вестернах. Маргрета была одета еще легче: шорты — очень короткие и облегающие просто до неприличия, а сверху нечто, короче корсажа и лишь чуть больше, чем бюстгальтер. Эта штука называлась «недоуздок».

Увидев Маргрету в таком наряде, я шепнул ей:

— Я решительно запрещаю тебе появляться на людях в этом бесстыдном костюме.

— Дорогой, не стоит с раннего утра демонстрировать людям, какой ты жлоб. Для этого тут чересчур жарко.

— Я не шучу. Я запрещаю тебе покупать это!

— Алек, я не помню, чтобы спрашивала у тебя разрешения.

— Ты отказываешься мне повиноваться?

Она вздохнула:

— Может быть. Хоть и делаю это без всякой охоты. Ты купил бритву?

— Ты же видела, что купил.

— Твои подштанники и носки у меня. Тебе еще что-нибудь нужно?

— Ничего мне не нужно. Маргрета, перестань увиливать, отвечай!

— Дорогой, я же говорила, что не стану ссориться с тобой при посторонних. К этому костюмчику есть еще юбка с запахом. Я как раз собиралась ее надеть. Разреши мне сделать это и расплатиться. Потом мы выйдем и все с тобой обговорим, вдвоем.

Кипя от негодования я сделал все, что она велела. Должен добавить, что благодаря ее умению торговаться мы вышли из магазина с большими деньгами, чем вошли. Как? А очень просто. Костюм моего патрона дона Хайме, который так чудовищно выглядел на мне, прекрасно сидел на владельце магазина — тот и в самом деле был похож на дона Хайме. Он с удовольствием согласился обменять его на то, что мне было нужно,— рубашку и штаны хаки и соломенную шляпу.

Но Маргрета потребовала доплату — пять долларов,— но получила два.

Когда Маргрета расплатилась, я понял, что такую же магическую операцию она проделала со своим платьем, которое ей было больше не нужно. Мы вошли в магазин, имея семь долларов пятьдесят пять центов, а ушли с восемью долларами восемьюдесятью центами плюс «пустынная» одежда для каждого из нас, одна гребенка (на двоих), зубная щетка (тоже на двоих), рюкзак, безопасная бритва и небольшое количество нижнего белья и носков — все подержанное, но, если верить рекламе, стерилизованное.

Я не очень-то обучен тактическим приемам, особенно в общении с женщинами. Мы вышли на улицу и прошли по шоссе до пустыря, где можно было поговорить наедине,— и все это время Маргрета молчала, а я даже не догадывался, что уже проиграл сражение.

Не останавливаясь, она сказала:

— Так что, милый? Ты хотел о чем-то поговорить?

— Э-э-э... с этой юбкой твой костюм приемлем. С трудом. Но не вздумай появляться на публике в шортах. Понятно?

— А я собираюсь носить только шорты. Если будет жарко. Как, например, сейчас.

— Но, Маргрета, я велел тебе...— она расстегнула юбку и сняла ее.— Ты игнорируешь меня?!

Она аккуратно сложила юбку.

— Извини. Можно, я положу ее в рюкзак?

— Ты назло отказываешься мне подчиняться?

— Но, Алек, я не обязана подчиняться тебе, так же как ты не обязан подчиняться мне.

— Но... послушай, родная, будь благоразумной. Ты знаешь, что я не имею привычки командовать, но жена должна повиноваться мужу. Ты жена мне?

— Ты сам так сказал. И останусь ею, пока не скажешь, что это не так.

— Тогда твой долг повиноваться мне.

— Нет, Алек.

— Но это первейшая обязанность жены!

— Я не согласна.

— Но... это безумие! Ты что, бросаешь меня?

— Нет. Разве ты со мной разведешься.

— Я не признаю разводов. Развод — это гнусность. Он противоречит Писанию.

Она промолчала.

— Маргрета... пожалуйста, надень юбку.

— Ты почти убедил меня, дорогой,— мягко сказала она.— Не объяснишь ли, почему ты хочешь, чтобы я ее надела?

— Что?! Да потому что эти шорты непристойны.

— Я не понимаю, как часть одежды может быть непристойна, Алек. Человек — да. Уж не хочешь ли ты сказать, что я непристойна?

— Э-э-э... ты передергиваешь. Когда ты надеваешь эти шорты... без юбки... на людях... ты обнажаешь так много тела, что вид его становится неприличным. Вот сейчас, когда ты идешь по шоссе, тебя разглядывают все, кому не лень, все проезжающие. Я вижу, как они пялятся на тебя.

— На здоровье. Надеюсь, им это нравится.

— ЧТО?!!

— Ты говорил, что я красива, но у тебя может быть предвзятое мнение. Я надеюсь, на меня приятно смотреть и другим.

— Будь серьезнее, Маргрета. Мы говорим о твоих голых ногах. Голых!

— Ты говоришь, что мои ноги обнажены. Это так. Я предпочитаю, чтоб они были обнажены, раз стоит такая жара. Что ты хмуришься, милый? Разве мои ноги безобразны? («Ты прекрасна, моя возлюбленная, и нет пятна на тебе»).

— Твои ноги прелестны, моя любовь. Я говорил тебе это много раз. Но у меня нет намерения делить твою красоту еще с кем-то.

— От того, что красотой любуются, ее не убудет. Давай вернемся к главному. Ты начал объяснять, что мои ноги непристойны. Не знаю, удастся ли тебе это доказать. Думаю, что не удастся.

— Но, Маргрета! Нагота непристойна сама по себе. Она вызывает грязные мысли.

— Вот как! И что же? Вид моих голых ног вызывает у тебя эрекцию?

— Маргрета!!!

— Алек, не будь жлобом. Я задала естественный вопрос.

— Это непристойный вопрос.

Она вздохнула.

— Не понимаю. Как вообще какой-нибудь вопрос, заданный мужем или женой, можно посчитать неприличным. И я никогда не соглашусь, что мои ноги непристойны или непристойна обнаженность вообще. Мне приходилось показываться сотням людей абсолютно обнаженной...

— Маргрета!

Она, казалось, очень удивилась.

— Но тебе же известно это, не правда ли?

— Неизвестно! И мне просто стыдно слушать, как ты говоришь такое!

— Правда, дорогой? Но ты же знаешь, как я хорошо плаваю?

— При чем тут это! Я тоже плаваю неплохо, но не голым, а в купальном костюме. (И тут я с предельной ясностью представил себе бассейн на «Конунге Кнуте» — разумеется, моя любимая привыкла купаться обнаженной. Я почувствовал слабость в конечностях).

— О! Да, я видела такие костюмы в Масатлане. И в Испании. Но, дорогой, мы снова ушли от нашей темы. Проблема гораздо шире, чем вопрос — приличны или неприличны ноги, или должна ли я была поцеловать Стива на прощание, или даже то, обязана ли я повиноваться тебе. Ты требуешь, чтобы я стала такой, какой отродясь не была. Я хочу быть твоей женой многие годы, всю жизнь, и даже надеюсь попасть с тобой на небеса, если небеса — твоя цель. Но, мой дорогой, я не ребенок и я не рабыня. Я люблю тебя, поэтому мне приятно доставлять тебе радость. Но я отказываюсь подчиняться тебе только потому, что я твоя жена.

Я мог бы, конечно, рассказать вам, как победил ее отточенной логикой возражений. Да, мог бы. Только эта была бы неправда. Я все еще пытался придумать достойный ответ, когда какая-то машина, обгоняя нас, резко сбавила ход. И я услышал свист. Машина остановилась невдалеке, а потом дала задний ход.

— Поедете? — раздался голос.

— Да,— откликнулась Маргрета и побежала к машине.

Волей-неволей я последовал за ней. Это была машина-фургон, за рулем которой сидела женщина, а рядом — мужчина. Оба были моих лет, может быть, даже старше. Мужчина протянул руку и открыл заднюю дверь.

— Влезайте.

Я помог Маргрете, забрался сам и захлопнул дверцу.

— Места хватит? — спросил мужчина.— Если нет, сбросьте часть барахла на пол. Мы никогда не сидим сзади. Так что там накапливается черт знает что. Нас зовут Клайд и Бесси Балки.

— Это он Балки, а я просто упитанная,— поправила его женщина, сидевшая за рулем.

Здесь вам полагалось бы захохотать. Я-то эту остроту знаю наизусть. Он был действительно очень массивен. Знаете, тип такого ширококостного мускулистого парня, когда-то школьного атлета, а потом сильно набравшего вес. Его жена правильно охарактеризовала обоих; она была не очень жирна, но, так сказать, в теле.

— Как поживаете, миссис Балки? Как поживаете, мистер Балки? А мы — Алек и Маргрета Грэхем. Спасибо, что подобрали нас.

— Не будьте таким официальным Алек,— ответила женщина.

— Далеко ли едете?

— Бесси, пожалуйста, следи за дорогой.

— Клайд, если тебе не нравится, как я гоню эту развалюху, я приторможу и дам порулить тебе.

— О нет, нет, нет! У тебя это здорово получается.

— Тогда заткнись. Или мне придется поставить тебя в угол, как в детском садике. Ну так как, Алек?

— Нам нужно в Канзас.

— Вот как! Нет, мы так далеко не едем, в Чемберсе мы свернем на север. Тут недалеко — миль девяносто. Но на этом пути — вы наши гости. А что ты собираешься делать в Канзасе? (Что я собираюсь делать в Канзасе? Открыть кафе-мороженое... Вернуть мою возлюбленную в веру Христову, готовиться к Судному дню...)

— Буду мыть тарелки.

— Мой муж слишком скромен,— тихонько вмешалась Маргрета,— мы собираемся открыть небольшой ресторанчик с сатуратором для газировки в каком-нибудь университетском городке. Но прежде чем мы достигнем своей цели, нам, вероятно, придется перемыть немало тарелок. Или браться за любую другую работу.

Так что пришлось мне снова рассказывать нашу историю с вариациями, опуская то, во что они бы не поверили.

— Ресторан был разрушен, наши мексиканские партнеры погибли, а мы потеряли все, что имели. Я сказал о мытье посуды, потому что это работа, на которую всегда можно рассчитывать. Но я готов взяться за что угодно.

— Алек,— сказал Клайд,— с таким отношением к жизни ты окажешься на ногах куда быстрее, чем ожидаешь.

— Мы потеряли деньги, только и всего. Мы еще не так стары, чтобы не начать все сначала (Господи Боже! Успею ли я до Страшного суда? Да будет воля твоя. Аминь!)

Маргрета положила руку на мою. Клайд заметил это. Он повернулся так, чтобы видеть нас, одновременно не выпуская из виду жену.

— Ты добьешься своего. С такой женой ты просто обречен на победу.

— Я тоже так думаю, спасибо.

Я-то знал, почему он повернулся к нам. Чтобы поглазеть на Маргрету. Мне очень хотелось сказать ему, чтоб он перестал на нее таращиться, но в данной ситуации это было рискованно. Кроме того, было ясно, что ни мистер, ни миссис Балки не видели ничего дурного в том, как одета моя любимая. Миссис Балки была одета так же, только еще больше... Или меньше?.. Меньше одежды — больше голого

тела. Должен сказать к тому же, что хотя она и не обладала бессмертной красотой Маргреты, однако была очень даже ничего.

В пустыне Колорадо мы остановились, вышли и долго-долго смотрели на это невероятное чудо природы. Я уже бывал здесь как-то раз. Маргрета же никогда ее не видела и теперь смотрела почти не дыша, Клайд сказал, что они всегда тут останавливаются, хотя и видели все это сотни раз.

Поправка: я видел эту пустыню однажды до... словом, в другой Вселенной. Колорадо, казалось, подтверждала то, что я стал подозревать уже давно: всем этим диким изменениям подвергалась не сама мать-Земля; менялись только люди и дела их рук, и то лишь отчасти. Единственное казавшееся самым очевидным объяснение этому вело прямехонько к гипотезе моей паранойи. Но если так, я ни в коем случае не должен поддаваться ей — я обязан заботиться о Маргрете.

Клайд купил нам горячих сосисок и прохладительного питья, категорически отвергнув мое поползновение отдать ему деньги. Когда мы вернулись в машину, Клайд сел за руль и предложил Маргрете место рядом с собой. Я был недоволен, но виду не показал, а Бесси тут же заявила:

— Бедняга Алек! Придется тебе посидеть рядом с таким старым мешком, как я. Не хмурься, милый, осталось всего двадцать три мили, потом будет поворот на Чемберс... а Клайд ведет машину так, что на это уйдет никак не больше двадцати трех минут.

На сей раз Клайду потребовалось тридцать минут. Он даже подождал немного, чтобы убедиться, что нам сразу же удалось схватить попутку до Гэллопа.

Мы достигли Гэллопа задолго до темноты. Несмотря на восемь долларов тридцать центов, звеневших в наших карманах, мы решили, что сейчас самое время подыскать местечко, где накопилось немало грязной посуды. В Гэллопе мотелей и кемпингов не меньше, чем индейцев, и половина этих заведений имеет свои ресторанчики. Я побывал в чертовой дюжине, прежде чем нашел такой, где нужен был мойщик.

Спустя четырнадцать дней мы оказались в Оклахома-Сити. Если вы думаете, что мы затратили на этот отрезок пути слишком

много времени, то вы правы — в среднем мы делали меньше пятидесяти миль в день. Однако за это время много чего произошло, и я почувствовал себя стопроцентным параноиком — миры сменяли друг друга почти непрерывно, и каждый новый, казалось, был создан специально для того, чтобы доставить мне побольше неприятностей.

Вы когда-нибудь видели, как кошка играет с мышью? У мышки никаких шансов на спасение нет. И если у нее есть хоть какой-нибудь умишко, дарованный Господом Богом, то она прекрасно понимает это. И тем не менее все время пытается вырваться... и каждый раз ее снова ловят.

Вот и я был такой мышкой.

Или, вернее, мышью были мы, так как Маргрета продолжала оставаться со мной... только это и поддерживало меня. Она не жаловалась, не сдавалась. Так что и я не имел права поднимать лапки вверх.

Пример: я сообразил, что если бумажные деньги после каждого изменения мира оказываются негодными, то золотые и серебряные монеты в какой-то степени сохраняют ценность — если не как деньги, то как металл. Поэтому каждый раз, когда мне удавалось заполучить металлическую монету, я припрятывал ее и категорически отказывался брать бумажки как в качестве жалованья, так и в качестве сдачи при покупках.

Ловкач! Ну, Алек, у тебя ума палата!

На третий день нашего пребывания в Гэллопе Марга и я уснули в комнате, нанятой на деньги, заработанные мытьем посуды (это я) и уборкой комнат (Маргрета). Спать мы не собирались, просто хотели отдохнуть немного перед ужином — день выдался долгий и трудный. Мы не раздеваясь легли на одеяло. Видно, я слегка задремал. Но тут же очнулся от ощущения, что что-то твердое впивается мне в спину. Спросонок я все же сообразил, что припрятанные серебряные доллары выскользнули из моего бокового кармана, когда я поворачивался с боку на бок. Я вытащил руку из-под головы Маргреты, собрал монеты, сосчитал, добавил какую-то мелочь и положил все в прикроватную тумбочку в футе от постели. Потом снова принял горизонтальное положение, подложил руку под голову Марги и тут же уснул глубоко.

Когда я проснулся, нас окружала полная темнота.

Я пришел в себя. Маргрета тихонько посапывала на моей руке. Я слегка толкнул ее:

— Любимая, проснись!

— М-р-р-р?

— Уже поздно. Мы наверняка проспали ужин.

Тут она, конечно, сразу проснулась.

— Зажги, пожалуйста, настольную лампу.

Я потянулся к тумбочке и чуть не упал с кровати.

— Никак не могу найти проклятую. Темно как у негра в желудке. Подожди секунду, я сейчас зажгу верхний свет.

Осторожно слез с постели, пошел к двери, наскочил на стул, не смог найти дверь, пошарил по стене, опять ничего не нашел, пошарил еще и наконец наткнулся на выключатель. Зажглась лампочка на потолке.

В течение долгой и жуткой минуты никто из нас не мог вымолвить ни слова. Потом я тупо и безучастно проронил:

— Они снова принялись за нас.

Комната обладала тем отсутствием индивидуальности, которое свойственно всем комнатам дешевых мотелей. И тем не менее, в каких-то мелких деталях она не была похожа на ту комнату, в которой мы заснули.

И накопленные с таким трудом доллары исчезли...

Исчезло все, кроме того, что было на нас надето: рюкзак, чистые носки, запасное нижнее белье, гребенка, безопасная бритва, все... Я проверил и убедился в этом.

— Марга, что же дальше?

— Что прикажете, сэр?

— М-м-м... не думаю, чтобы на кухне меня узнали. Но может быть, они все же позволят мне помыть у них посуду?

— А может быть, им понадобится и официантка?

Дверь закрывалась на пружинный замок, а ключа у меня не было, так что пришлось оставить ее приоткрытой. Дверь выходила прямо на улицу. За стоянкой автомобилей въелся домик со светящейся вывеской «Контора». Все выглядело обычно, кроме одного — все было ничуть не похоже на тот мотель, в котором мы работали. В том мотеле контора директора находилась в фасадной части главного корпуса, а остальную часть здания занимало кафе.

— Да-а-а, обед мы пропустили.

И завтрак тоже. Ибо в этом мотеле кафе не было вообще.

— Ну, Марга?

Она вздохнула:

— А в какой стороне Канзас?

— Вон там... мне кажется. Но мы можем выбирать одно из двух. Можем вернуться в комнату, раздеться и как следует поспать хотя бы до рассвета. А можем прямо сейчас выйти на шоссе и попробовать поймать попутку. В темноте.

— Алек, я вижу лишь одну возможность. Если мы вернемся и ляжем в постель, утром мы встанем еще голоднее, но нисколько не богаче. А может, еще беднее, если нас застанут в комнате, за которую мы не заплатили.

— Но я же намыл им столько посуды!

— Нет. Здесь ты ничего не мыл. Здесь они могут вызвать полицию.

И мы пошли.

Таков типичный пример гонений. Да, я сказал «гонений». Если паранойя заключается в том, что ты веришь, будто весь мир находится в заговоре против тебя, то, значит, я стал полным параноиком. Но это либо была «разумная» паранойя (если вы позволите мне воспользоваться подобным ирландизмом), либо я страдал от галлюцинаций в такой степени, что меня следовало засадить в дурдом. И лечить.

В таком случае, Маргрета была частью моих галлюцинаций, но сие предположение я категорически отвергал. Это не могло быть и folie a deux[1]: Маргрета была нормальна в любой Вселенной.

Только в середине дня нам удалось перехватить что-то вроде завтрака, но к этому времени я уже начал видеть призраки там, где нормальный человек увидел бы только пыльные вихри. Моя шляпа исчезла, унесенная в те края, где жимолость вьется, и теперь лучи жаркого нью-мексиканского солнца жгли мне голову, что ничуть не содействовало улучшению настроения вашего покорного слуги.

Грузовичок с каменщиками подобрал нас и довез до Грантса. Строители накормили нас завтраком и отбыли восвояси, оставив нас на обочине. Возможно, я и заслуживаю, чтобы меня считали сумасшедшим, но я не абсолютный идиот. И тем, что нас взяли в машину, и тем, что накормили завтраком, мы были обязаны тому лишь, что Маргрета в ее неприлично обтягивающих шортах — зрелище, привлекательное для всех мужиков. Так что мне было о чем подумать, пока я наслаждался (по-настоящему!) ленчем, который оплатили строители. Но мысли свои я пережевывал, ни с кем не делясь.

[1] Безумие двоих *(фр.)*.

Когда они уехали, я спросил:

— На восток?

— Да, сэр. Но сначала мне хотелось бы забежать в общественную библиотеку. Если она тут есть.

— О да, конечно!

Несколько раньше, в мире нашего друга Стива, отсутствие летательных аппаратов заставило меня подозревать, что мир Стива — тот же, где родилась Маргрета (а потому может оказаться и миром Алека Грэхема). В Гэллопе мы проверили это в общественной библиотеке. Я прочитал в энциклопедии статью «История Америки», а Маргрета — историю Дании.

Нам хватило пяти минут, чтобы понять — мир Стива не тот, в котором родилась Маргрета. Я обнаружил, что Брайан был избран президентом в 1896 году, но помер, не дожив до выборов. И его место занял вице-президент Артур Сиуол. Этого для меня было вполне достаточно; потом я просто просмотрел список президентов и войн, о которых никогда и слыхом не слыхивал.

Маргрета прочитала свою статью, и ее носик прямо-таки трепетал от возмущения. Когда мы вышли на улицу, где шептаться уже было не надо, я спросил, что ее так взволновало.

— Это не твой мир, дорогая, я убежден.

— Разумеется, не мой.

— А какой? Из тех фактов, какими мы располагаем, это установить трудно. Наверняка есть много вселенных, в которых аэронавтика отсутствует полностью.

— Я счастлива, что он не мой! Алек, в этом мире Дания — часть Швеции!!! Ну разве это не ужасно?

Честно говоря, я не понял, почему она так разволновалась. Обе страны скандинавские, обе похожи друг на друга — так мне, во всяком случае, всегда казалось.

— Какой ужас, дорогая! Но я в этих вещах плохо разбираюсь. (Я как-то был в Стокгольме, и он мне очень понравился. Но, надо думать, сейчас сообщать Маргрете подобную информацию не следовало.)

— И эта идиотская книжонка утверждает, что столица у нас Стокгольм, а король — Карл Шестнадцатый! Алек, но он даже не из нашей королевской династии! И они еще имеют нахальство утверждать, что он мой король!

— Любимая, он не твой король. И весь этот мир не твой.

— Я знаю. Алек. Если нам придется тут поселиться... Если мир не изменится еще раз... Я смогу принять здешнее гражданство?

— Наверное. Сможешь, я думаю.

Она вздохнула:

— Не хочу быть шведкой.

Я промолчал. Есть вещи, в которых я бессилен помочь.

И вот теперь в Грантсе мы снова отправились в общественную библиотеку, чтобы узнать последние изменения, происходящие в мире. Поскольку мы не видели ни aeroplanos, ни дирижаблей, то, возможно, мы попали в мир Маргреты. На сей раз я сначала заглянул в статью «аэронавтика» и дирижаблей там не нашел. Зато узнал, что летательные машины были изобретены доктором Альберто Сантосом-Дюмоном из Бразилии где-то в начале века, и меня поразило имя изобретателя, так как в моем мире он был пионером дирижаблестроения, уступавшим лишь графу фон Цеппелину. По-видимому, машины доктора были очень примитивны в сравнении с реактивными самолетами или даже aeroplanos; скорее всего, они использовались для развлечений, а не в качестве машин коммерческого назначения. Я оставил эту статью и обратился к истории Америки, начав с поиска Уильяма Дженнингса Брайана.

Его я вообще не нашел. Ладно. Я понял, что этот мир не мой. Зато Маргрета лучилась радостью и с огромным трудом дождалась минуты, когда можно было заговорить громко.

— В этом мире Скандинавия — одна большая страна... и ее столица — Копенгаген.

— Вот это да!

— Сын королевы Маргреты, принц Фредерик, был коронован королем Эриком-Густавом, без сомнения, для того, чтобы польстить жителям двух остальных стран. Но он происходит из датской королевской семьи и датчанин до мозга костей. Это справедливо, это то, что надо!

Я старался всячески показать, что тоже счастлив. Без единого цента в кармане, не зная, где мы проведем ночь, Маргрета радовалась, как дитя у рождественской елки... по поводу, который я считал совершенно ничтожным.

Дважды нас подвозили на короткие расстояния, и наконец мы оказались в Альбукерке. Я решил, что было бы неплохо остаться здесь на некоторое время: город большой, в крайнем случае, можно было бы обратиться за помощью в Армию спасения. Однако мне быстро удалось устроиться мойщиком посуды в кафе местной «Холидей-Инн», а Маргрета поступила туда же официанткой.

Мы проработали меньше двух часов, как вдруг она пришла ко мне в подсобку и сунула что-то в мой задний карман, когда я стоял, нагнувшись над мойкой.

— Это тебе подарок, милый.

Я обернулся:

— Привет, красотка!

Я посмотрел, что в кармане. Это оказалась безопасная бритва для путешественников с отвинчивающейся ручкой. Бритва, ручка и лезвия помещались в непромокаемой коробке, куда меньшей, чем карманное Евангелие, и специально приспособленной для ношения в кармане.

— Украла?

— Не совсем. Чаевые. Купила в фойе у прилавка с мелочами. Дорогой, я хочу, чтобы ты побрился в первый же перерыв.

— Разреши мне просветить тебя, куколка. Это тебя берут на работу за то, что ты красива. Меня же нанимают потому, что у меня крепкая спина, слабый ум, а характер покладистый. Им совсем неважно, как я выгляжу.

— А мне важно.

— Твое малейшее желание — закон для меня. А теперь беги, ты задерживаешь мой производственный процесс.

Этой ночью Маргрета объяснила мне, почему она купила бритву прежде всего.

— Дорогой мой, не только потому, что я люблю, когда твое лицо гладкое, а волосы подстрижены, хотя мне это действительно

нравится. Дело в том, что шуточки Локи продолжаются и каждый раз нам приходится наниматься на работу только для того, чтобы не голодать. Ты говоришь, что никому нет дела до того, как выглядит мойщик посуды... А я убеждена, что, когда человек чист и аккуратен, это облегчает поиски любой работы, и уж во всяком случае, он от этого не умрет.

Однако есть и другая причина. В результате всех перемен тебе приходилось отпускать усы — и раз, и два... Я насчитала пять раз. Причем однажды ты их отращивал целых три дня подряд. Дорогой, когда ты свежевыбрит, то выглядишь в высшей степени привлекательным и веселым, и я счастлива, что вижу тебя таким.

Маргрета сшила мне нечто вроде пояса для денег — вернее, просто матерчатый кармашек с матерчатым же пояском. Она хотела, чтобы я не снимал его даже в постели.

— Милый, каждый раз, когда мир меняется, мы теряем все, кроме того, что на нас. Я хочу, чтобы ты клал сюда и бритву, и серебряные деньги, когда раздеваешься перед сном.

— Не думаю, что нам удастся перехитрить Сатану так просто.

— Может быть, и не удастся. Но попробуем. После каждой смены миров мы остаемся лишь в платье, которое было на нас в тот момент, и с тем, что лежало в карманах. Кажется, это одно из правил.

— У хаоса нет правил.

— А может быть, это не хаос. Алек, если ты не хочешь носить пояс, то, может, не станешь возражать, чтобы его носила я?

— Ох, конечно, я надену его. Сатану это не остановит, если уж он собрался отобрать у нас что-то. Впрочем, меня не это беспокоит. Он уже один раз выкинул нас в чем мать родила в Тихий океан. А мы умудрились вынырнуть. Помнишь? А вот что меня действительно тревожит... Марга, ты заметила, что каждый раз, когда происходило превращение, мы крепко держались друг за друга? Ну хотя бы за руки?

— Заметила.

— Превращение происходит в мгновение ока. А что случится, если мы не будем вместе? Если не будем держаться друг за друга? Или хотя бы касаться друг друга? Ну-ка, ответь!

Она молчала так долго, что я подумал, будто она не хочет отвечать.

— Угу,— сказал я,— вот и я так думаю. Но мы же не можем все время быть друг с другом, как сиамские близнецы. Нам нужно работать. Моя дорогая, жизнь моя! Сатана, или Локи, или какой-нибудь другой злой дух может разлучить нас навечно, просто воспользовавшись моментом, когда мы телесно не соприкасаемся.

— Алек...

— Да, моя любовь?

— Локи мог сделать это с нами уже давным-давно. Однако же не сделал.

— Но это может произойти в следующее мгновение.

— Конечно. А может и никогда не произойти.

Все же мы неуклонно двигались вперед, хотя в пути и претерпели еще несколько превращений. Предосторожность, предложенная Маргретой, оказалась действенной, а в одном случае сработала, можно сказать, даже слишком хорошо: я чуть-чуть не схлопотал тюремный срок за незаконное владение серебряными монетами. Однако новое неожиданное превращение (самое быстрое из всех) покончило и с обвинением, и с вещественными доказательствами, и со свидетелями обвинения. Мы вдруг оказались в незнакомом судебном зале и были немедленно выдворены оттуда по причине отсутствия билетов, которые позволяли бы нам там находиться.

Бритва все же осталась со мной: ни коп, ни шериф, ни судебный исполнитель не стали ее конфисковывать.

Передвигаясь обычным способом (мой большой палец и прелестные ножки Маргреты; я уже давно мысленно примирился с тем, что даже неотвратимым можно наслаждаться), мы оказались в прекрасной местности (надо думать, это был Техас): водитель грузовика высадил нас прежде чем свернуть с шестьдесят шестого шоссе на проселок.

Из пустыни мы попали в страну низких зеленых холмов. Стоял дивный день, а мы были усталые, голодные, потные и грязные, так как наши преследователи — Сатана или кто-то там еще — превзошли себя: три превращения за тридцать шесть часов.

В один и тот же день я дважды получал место мойщика посуды в одном и том же городе и по одному и тому же адресу... и не заработал ни гроша. Трудно получить деньги в «Харчевне одинокого

ковбоя», если она вдруг превращается в «Гриль Вивьен» прямо на твоих глазах. Сказанное вполне справедливо и в отношении этой самой «Вивьен», когда она три часа спустя превратилась в площадку для продажи подержанных автомобилей. Единственное, что было хорошо, так это то, что, по счастью (а может быть, заговорщики так и задумали), мы с Маргретой каждый раз оказывались вместе: в одном случае она зашла за мной, и мы оба дожидались, когда мой босс расплатится за работу, а в другом — мы с ней работали на одной кухне.

Третье превращение заставило нас бросить ночлег, который уже был оплачен (притом частично — трудами Маргреты).

Итак, когда водитель грузовика высадил нас, мы были грязными, голодными и усталыми, а моя паранойя достигла наивысшей отметки.

Пройдя несколько сот ярдов, мы вышли к крошечному очаровательному ручейку — зрелище, которое в Техасе ценится выше любого другого.

Мы остановились возле трубы, соединяющей берега.

— Маргрета, ты не хочешь пошлепать по воде?

— Милый, я собираюсь сделать куда больше: я не только пошлепаю, я искупаюсь.

— Хм... Ладно. Пролезь под проволокой, пройди вдоль ручья ярдов пятьдесят-семьдесят пять, и там, думаю, с дороги никто не увидит.

— Возлюбленный, они могут выстроиться там в очередь и орать от восхищения сколько хотят. Я все равно буду принимать ванну. И... эта вода, кажется, чистая. Ее можно пить? Как ты думаешь?

— Выше по течению? Конечно. Думаю, что со времени айсберга мы пили ничуть не лучшую. Ах, если бы у нас была хоть какая-нибудь еда... Например, горячий фадж-санде. Или ты предпочитаешь яичницу с беконом?

Я придержал нижнюю проволоку колючего ограждения, чтобы Маргрета пролезла снизу.

— А может, сойдемся на шоколадке «О'Генри»?

— Тогда уж лучше «Млечный путь»,— отвечал я,— если у меня есть право выбора.

— Боюсь, у тебя его нет. «О'Генри» или ничего.

Она придержала проволоку для меня.

— Может, перестанем болтать о еде, которой у нас нет? — сказал я, пролез под проволокой, выпрямился и добавил: — А я сейчас съел бы живого скунса.

— Еда у нас есть, мой дорогой. В моей сумочке лежит батончик «О'Генри».

Я встал как вкопанный:

— Женщина, если ты шутишь, я тебя выдеру.

— Я не шучу.

— В Техасе, согласно закону, жену можно «учить» с помощью палки не толще большого пальца руки,— я показал ей палец.— Ты тут что-нибудь подходящее видела?

— Сейчас поищу.

— А где ты взяла батончик?

— В придорожной лавчонке, где мистер Фаселли угостил нас кофе и пончиками.

Мистер Фаселли подвозил нас ночью, как раз перед грузовиком, который высадил нас здесь. Крохотные пончики, сахар и кофе со сливками были нашей единственной пищей за двадцать четыре часа.

— Наказание подождет. Женщина, если ты его украла, признаешься мне в этом потом. У тебя действительно есть настоящий, живой «О'Генри» или мне это чудится?

— Алек, неужели ты думаешь, что я способна украсть шоколадный батончик? Я купила его в автомате, пока вы с мистером Фаселли прохлаждались в туалете после еды.

— Но как? У тебя же не было ни одной монетки? Во всяком случае, монетки этого мира?

— Да, Алек. Но в моей сумочке был дайм, оставшийся после какого-то предыдущего превращения. Конечно, строго говоря, это фальшивый дайм. Но я не видела особой беды в том, что машина его съест. И она его съела. Я спрятала батончик, когда вы вышли из туалета, так как трех монет у меня не было, а следовательно, я не могла предложить батончик мистеру Фаселли.— Она добавила: — А как ты считаешь, это мошенничество? С даймом?

— Это техническая подробность, в которую я входить не стану... особенно если приму участие в дележе добычи. Впрочем, это

сделает меня соучастником. Гм... Сначала едим или сначала купаемся?

Сначала мы поели. Отличный завтрак на траве, который мы запили чудесной родниковой водой. Потом мы купались, поднимая фонтаны брызг и беззаботно смеясь. Я вспоминаю об этом, как об одном из счастливейших событий в моей жизни. В сумочке Марги оказалось мыло, в качестве полотенца я предложил свою рубашку. Сначала я вытер Маргу, потом вытерся сам. Сухой теплый воздух завершил эту работу.

Все, что случилось после этого, было неизбежно. Я еще никогда в жизни не занимался любовью на свежем воздухе, а тем более в разгар солнечного дня. Если бы меня кто-нибудь спросил, я бы сказал, что такое для меня просто психологически противопоказано, так как я буду ощущать себя очень скованным и не смогу забыть о том, какой неприличной выглядит эта картина со стороны.

Поражаюсь, но с радостью могу заверить, что, хотя я все время сознавал обстоятельства, в которых все это происходило... они меня тогда нисколько не беспокоили и я вполне справился... Вероятно, причиной был искренний и темпераментный энтузиазм Маргреты.

Точно так же мне никогда раньше не приходилось спать голым на траве. Думаю, мы проспали около часа.

Когда мы проснулись, Маргрета велела мне побриться. Я не мог бриться сам, так как у меня не было зеркала. Но Маргрета смогла и сделала это со свойственной ей добросовестностью. Мы стояли по колено в воде; я взбивал в ладонях мыльную пену и намыливал лицо, Маргрета брила, а я по мере необходимости намыливался снова.

— Вот,— сказала она наконец и поцеловала меня в знак окончания трудов праведных,— так сойдет. Ополоснись и не забудь помыть уши. А я поищу полотенце. Твою рубашку...— Она поднялась на берег, а я наклонился и принялся плескать водой в лицо.— Алек...

— Я плохо слышу тебя, вода журчит.

— Пожалуйста, дорогой!

Я выпрямился, протер глаза и оглянулся.

Все наше имущество исчезло... Все, кроме моей бритвы.

17

Но вот, иду я вперед, и нет Его,
назад — и не нахожу Его,
делает ли Он что на левой стороне, я не вижу,
скрывается ли на правой, не усматриваю.
Но он знает путь мой,
пусть испытает меня — выйду, как золото.

Книга Иова 23, 8–10

— Что ты сделал с мылом? — спросила Маргрета.

Я поглубже втянул воздух и медленно выдохнул.

— Я тебя правильно понял? Ты спросила, что я сделал с мылом?

— А что бы ты хотел, чтоб я сказала?

— Э-э-э... не знаю. Но только не это. Тут происходят настоящие чудеса, а ты меня спрашиваешь о каком-то куске мыла.

— Алек, чудо, которое происходит вновь, и вновь, и вновь — перестает быть чудом, оно превращается в докучливую неприятность. Слишком часто, слишком много. Мне хочется завыть или удариться в рев. Потому-то я и спросила насчет мыла.

Я и сам был на грани истерики. Но слова Маргреты подействовали на меня, как ушат холодной воды. Маргрета? Та, что спокойно перенесла айсберги и землетрясения, которая ни разу не захныкала в несчастье... она хочет завыть?!

— Мне очень жаль, дорогая. Мыло я держал в руке, когда ты меня брила. Когда я ополаскивал лицо, его у меня уже не было — предполагаю, что положил его на берег. Но точно не помню. Это важно?

— Да нет, думаю, не очень. Хотя этим кусочком «Камей» мы воспользовались только один раз и он составил бы ровно половину нашего имущества, если бы его удалось разыскать, поскольку другой половиной была бы бритва. Может, ты и положил его на берег, да я его не вижу.

— Значит, исчезло. Марга, у нас есть более неотложные дела, о которых надо позаботиться еще до того, как мы снова испачкаемся так, что нам снова понадобится мыло. Еда, одежда, место для ночлега! — Я выбрался на берег.— Обувь!!! У нас нет даже

обуви. Что будем делать? Я ничего не соображаю. Была бы у меня Стена плача, я бы хоть мог оросить ее слезами.

— Успокойся, родной, успокойся.

— А ничего, что я тихонько поскулю?

Она подошла ко мне, обняла и поцеловала.

— Поскули, если хочешь, дорогой. Поскули за нас обоих. А потом будем решать, что делать.

Ну, когда Маргрета обнимает меня, я недолго остаюсь в депрессии.

— А нет ли у тебя какой-нибудь идеи? Не могу придумать ничего лучше, чем вернуться обратно на шоссе и попытаться схватить попутку... но это мне не очень по душе. По причине моего внешнего вида. Даже фигового листа и того нет. Не видела ли ты где-нибудь поблизости фиговых деревьев?

— А разве в Техасе растет инжир?

— В Техасе все растет. Ну так что будем делать?

— Вернемся к шоссе и пойдем.

— Босыми? Может быть, постоим, выставив большие пальцы? Босиком нам все равно далеко не уйти. У меня нежные подошвы.

— Они закалятся. Алек, мы должны двигаться. Хотя бы для того, чтобы поддерживать свой боевой дух. Если сдадимся — мы погибли. Я уверена.

Через десять минут мы уже медленно шли по шоссе к востоку. Но это было совсем не то шоссе, с которого мы недавно сошли. У него было четыре полосы, а не две, и с обеих сторон тянулась широкая мощеная обочина. Изгородь, ограничивавшая полосу отчуждения, представляла собой не три ряда проволоки, а стальную решетку высотой с меня. Нам было бы очень трудно добраться до шоссе, если бы не ручей. Мы снова залезли в воду и, задержав дыхание, с трудом проползли под решеткой. Мы опять вымокли (рубашки-полотенца у нас уже не было), но теплый воздух поправил дело в одну минуту.

Движение на шоссе было куда оживленней, чем на том — прежнем; как грузовое, так и то, которое показалось нам пассажирским. И шли машины фантастически быстро. Как быстро, я определить не мог, но мне казалось, что их скорость вдвое больше, чем у любого другого дорожного транспорта, который мне при-

ходилось видеть. Может быть, они мчались так же быстро, как трансконтинентальные дирижабли.

Там были огромные машины — вероятно, грузовики,— которые выглядели скорее как товарные железнодорожные вагоны, а не как обычные грузовые машины. Они были даже длиннее вагонов. Но когда я присмотрелся, то понял, что каждый состоял практически из трех машин, соединенных вместе. К такому выводу я пришел, пытаясь сосчитать число колес. Шестнадцать на машину? И еще шесть на чем-то вроде локомотива, присобаченного спереди, итого пятьдесят четыре колеса. Разве так бывает? Эти левиафаны двигались бесшумно, если не считать свиста воздуха и шороха шин по покрытию шоссе. Мой профессор динамики был бы очень доволен.

По ближней к нам полосе шли машины меньших размеров, которые я предположительно счел легковыми, хотя внутри их никого не заметил. Там, где должны были быть окна, поверхность казалась сделанной из зеркал или полированной стали. Машины были длинные, низкие и обтекаемые, как дирижабли.

Теперь я увидел, что шоссе не одно, а два. Транспорт на той половине, что была ближе к нам, шел на восток, а на расстоянии, по меньшей мере, в сотню ярдов другой поток стремился на запад. Еще дальше, видимая только в промежутки между машинами, тянулась прочная стена, образуя северную границу самой широкой из всех виденных мной полос отчуждения.

Мы тащились по обочине шоссе. Я уже начал сомневаться, что нас подберет какая-нибудь попутная машина. Даже если они замечали нас (что нельзя было утверждать со всей определенностью), то как могли остановиться на такой скорости? Тем не менее каждой проезжавшей машине я показывал поднятый большой палец.

Свои сомнения я держал при себе. После того как мы прошли какое-то, казалось, бесконечное время, машина, которая только что обогнала нас, вышла из ряда, свернула на обочину, остановилась не менее чем в четверти мили от нас, а затем пошла задним ходом, причем с такой скоростью, которую я счел чрезмерной, поскольку мы тоже двигались к ней. Мы торопливо отошли подальше в сторонку.

Машина остановилась рядом с нами. Зеркальное покрытие шириной в ярд и, примерно, столько же в высоту отскочило наподобие подъемной двери подвала, и я сообразил, что вижу пассажирский салон. Водитель посмотрел на нас и ухмыльнулся:

— Глазам своим не верю!

Я попробовал улыбнуться в ответ.

— Я и сам не верю. Но, как видите, вот они — мы. Подвезете?

— Возможно.— Он оглядел Маргрету с головы до ног.— Погляди-ка, какая прелестная штучка! Что случилось?

— Сэр, мы потерялись,— ответила Маргрета.

— Похоже на то. Но как вам удалось потерять еще и одежду? Вас похитили? Или что? Ладно, с этим можно и подождать. Меня зовут Джерри Фарнсуорт.

— А мы — Алек и Маргрета Грэхем,— ответил я.

— Рад познакомиться. Что ж, кажется, оружия у вас нет — исключая ту штуковину, что у вас в руке, мисс Грэхем. Что это такое?

Она протянула ему коробочку.

— Безопасная бритва.

Он взял ее, повертел и вернул обратно.

— Будь я проклят, если не так. Не видел ничего подобного с тех самых пор, когда был еще слишком мал, чтобы бриться. Ну, не думаю, чтоб вам удалось взять меня в заложники с этой игрушкой. Влезайте. Алек, можете сесть позади; ваша сестра займет место рядом со мной.

Еще одна секция покрытия поднялась вверх.

— Спасибо,— ответил я, припомнив горькие слова о нищих, которые не выбирают.— Марга не сестра мне, а жена.

— Счастливчик! Не возражаете? Если она посидит рядом со мной?

— Ох, конечно, нет.

— Я думаю, что от вашего ответа измеритель напряженности зашкалил бы. Дорогая, вам, пожалуй, лучше сесть сзади, вместе с мужем.

— Сэр, вы пригласили меня сесть с вами, и мой муж вслух выразил свое согласие.

Маргрета скользнула на переднее сиденье. Я было открыл рот, но тут же закрыл, обнаружив, что сказать мне нечего. Потом я

уселся на заднее сиденье, и мне показалось, что внутри машина гораздо больше, чем снаружи; сиденье было широкое и удобное. Двери закрылись; «зеркала» оказались окнами.

— Я сейчас снова войду в поток машин,— сказал наш хозяин,— так что не противьтесь механизму обеспечения безопасности. Иногда этот «жучок» взбрыкивает не хуже буйвола Брамы — до шести «g» или больше. Нет, погодите минуточку. А куда вы направляетесь? — он поглядел на Маргрету.

— В Канзас, мистер Фарнсуорт.

— Зовите меня Джерри, дорогая. Вот так голышом и пойдете?

— У нас нет одежды, сэр — мы ее потеряли.

— Мистер Фарнсуорт... Джерри,— вмешался я,— мы в ужасном положении. Потеряли все, что у нас было. Да, мы пробираемся в Канзас, но сначала нам где-то надо раздобыть одежду... Может быть, в Красном Кресте? Не знаю. А мне надо найти работу, чтобы добыть немного денег. И тогда мы продолжим наш путь в Канзас.

— Понимаю. Во всяком случае думаю, что понимаю. Какую-то часть. И как же вы доберетесь до Канзаса?

— Я думал отправиться в Оклахома-Сити, а уж оттуда на север. Будем держаться главных шоссе. Мы ведь все время едем на попутках.

— Алек, а вы действительно заблудились. Видите ту ограду? Вы знаете, какое наказание ожидает пешеходов за пребывание в полосе отчуждения?

— Нет, не знаю.

— В невежестве — счастье. Будет гораздо лучше, если вы станете держаться небольших дорог, где поездки автостопом еще разрешены или, во всяком случае, к ним относятся снисходительно. Что ж, если вы направляетесь в Оки-Сити, я вам помогу. Держитесь!

Он сделал что-то с приборной панелью. К рулю он даже не прикасался, ибо никакого руля не было. Вместо него торчали две ручки.

Машина слегка завибрировала, затем прыгнула вбок. Мне показалось, что я провалился в какое-то мягкое месиво, а по коже словно пробежал заряд статического электричества. Машину стало раскачивать, как маленькую лодку в бурном море. Но «мягкое месиво» предохраняло меня от ударов. Внезапно все успокоилось,

и осталась лишь слабая вибрация. Мимо нас стремительно летел ландшафт.

— Ну а теперь расскажите мне все,— сказал мистер Фарнсуорт.

— Маргрета?

— Конечно, милый. Так надо.

— Джерри... Мы из другого мира.

— О нет! — он мучительно застонал.— Только не о летающих тарелках! Это, знаете ли, уже четвертый случай за неделю. Значит, вот какая у вас версия...

— Нет, нет. Я и летающих тарелок-то никогда не видел. Мы с Земли, но... с другой. Мы голосовали на шестьдесят шестом шоссе, стараясь добраться до Канзаса.

— Минутку! Вы сказали, на шестьдесят шестом?

— Да. Конечно.

— Так называлось это шоссе, пока его не перестроили. А сейчас никто его не зовет иначе как «межштатное сороковое»... Тому уж наверняка лет сорок, а может, и пятьдесят. Эге! Вы, значит, путешествуете во времени, так что ли?

— А какой сейчас год?

— 1994-й.

— И у нас тот же. Среда, восемнадцатое мая. Во всяком случае, с утра было так. До перемены.

— Так оно и есть пока. Но... слушайте, давайте перестанем перепрыгивать с темы на тему. Начинайте сначала, каким бы оно ни было, и расскажите, как вы оказались за этой стеной, да еще в чем мать родила.

Я ему все и выложил.

Выслушав, он сказал:

— Насчет этой ямы огненной... Вы обожглись?

— Только маленький волдырь вскочил.

— Только волдырь, значит. Полагаю, вам бы и в аду пришлось недурственно.

— Слушайте, Джерри, они действительно расхаживают по раскаленным углям.

— Я знаю. Видел. В Новой Гвинее. Но попробовать не соблазнился. Этот айсберг... что-то меня в нем настораживает. Как может айсберг врезаться в борт судна? Айсберг лежит в воде неподвижно. Всегда. Конечно, корабль может в него врезаться, но тогда вмятина будет в носовой части. Верно?

— Маргрета!

— Не знаю, Алек. То, что говорит Джерри, в общем-то, логично. Но случилось все именно так.

— Джерри, я тоже ничего не знаю. Мы были в одной из носовых кают, так что, может быть, смяло весь нос. Но если Маргрета ничего не знает, то я уж тем более, поскольку меня стукнуло по голове и я потерял сознание. Марга удерживала меня на воде, как я вам и рассказывал.

Фарнсуорт задумчиво разглядывал меня. Он развернул свое сиденье так, чтобы видеть нас обоих, пока я рассказывал, и показал Маргрете, как сделать, чтобы ее сиденье тоже могло повернуться. Теперь мы сидели дружным кружком и наши колени почти соприкасались, Джерри сидел спиной к движению.

— Алек, а что стало с Хергенсхаймером?

— Может, я плохо объяснил, но мне самому не все ясно. Пропал-то Грэхем. А я — Хергенсхаймер. Когда я прошел сквозь пламя и оказался в другой Вселенной, то, как уже говорил, обнаружил себя на месте Грэхема. Все звали меня Грэхемом и, кажется, в самом деле думали, что я — Грэхем... а Грэхема не было — пропал. Догадываюсь, что вы считаете, будто я воспользовался самым простым выходом из этой ситуации... но поймите, я оказался там, в тысячах милях от дома, без денег, без билета, и никто на корабле и не слыхивал о Хергенсхаймере! — я пожал плечами и беспомощно всплеснул руками.— Я согрешил. Я надел его одежду, я ел за его столом, я откликался на его имя.

— И все равно никак не могу ухватить суть. Возможно, вы так похожи на Грэхема, что обманулись почти все... но жена-то все же должна была почуять разницу. Марджи!

Маргрета печально и с любовью взглянула мне в глаза и ответила без колебаний:

— Джерри, мой муж ошибается. У него странная амнезия. Он и есть Алек Грэхем. Нет никакого Александра Хергенсхаймера. И никогда не было.

Я онемел. Правда, мы с Маргретой уже много недель не касались этой проблемы. Правда, она никогда решительно не заявляла, что

я — не Алек Грэхем. Я понял (уже в который раз), что Маргрету невозможно переспорить. Всякий раз, когда я думал, что победил, оказывалось, что она просто перестала разговаривать.

Фарнсуорт обратился ко мне:

— Может быть, все дело в ударе по голове, Алек?

— Слушайте, удар был пустяковый — несколько минут забытья и все. И в моей памяти нет никаких пробелов. Тем более, что все произошло спустя две недели после хождения по углям. Джерри, моя жена — удивительная женщина... но тут я должен с ней не согласиться. Ей хочется верить, что я Алек Грэхем, потому что она полюбила его задолго до того, как мы с ней встретились. Она верит в это, потому что это стало для нее необходимостью. Но я-то, конечно, знаю, кто я такой. Я — Хергенсхаймер. Я признаю, что амнезия может давать любопытнейшие отклонения, но есть один ключ, который я не могу подделать, который бесспорно доказывает, что я Александр Хергенсхаймер и никогда не был Алеком Грэхемом.— Я хлопнул себя по голому животу там, где когда-то у меня отвисали жировые складки.— Вот оно, это доказательство: я носил одежду Грэхема, о чем уже упоминал. Но его костюмы мне были не совсем впору. В тот день, когда я прошел через пламя, я был несколько толстоват, слишком тяжел, и вот тут у меня накопился излишек жира.— Я опять хлопнул себя по животу.— Костюмы Грэхема оказались мне узковаты в талии. Мне приходилось втягивать живот и задерживать дыхание, чтобы застегнуть пояс на любых его брюках. За те мгновения, что я шел через пламя, так растолстеть я не мог. И этого не случилось. За две недели сытной пищи на круизном корабле я отрастил это брюхо... Что и доказывает, что я вовсе не Алек Грэхем.

Маргрета сидела неподвижно, ее лицо было лишено всякого выражения. Однако Фарнсуорт спросил:

— Марджи?

— Алек, у тебя были точно такие же трудности с одеждой до прогулки сквозь пламя. И по той же причине. Слишком много вкусной еды.— Она улыбнулась.— Мне страшно неприятно противоречить тебе, мой любимый... и я вне себя от радости, что ты — это ты.

Джерри прервал ее:

— Алек, найдется немало мужчин, которые согласятся пройти через огонь только ради того, чтобы женщина посмотрела на них вот так хоть разок. Когда попадете в Канзас, вам надо будет повидаться с хорошим специалистом по мозгам — надо же распутать дело с амнезией. Никто и никогда не может обмануть женщину, когда дело касается ее мужа. Когда она живет с ним, спит с ним, ставит ему клизмы и выслушивает его шуточки, подмена невозможна, как бы ни был похож на мужа его двойник. Даже близнецу это не удалось бы. Есть множество мелочей, известных жене и скрытых от глаз посторонних.

— Марга,— сказал я,— теперь все зависит от тебя.

Она ответила:

— Джерри, мой муж считает, что я могу это опровергнуть, хотя бы частично. В то время я еще не знала Алека так хорошо, как жена знает мужа. Я не была тогда его женой; я была возлюбленной и то всего лишь в течение нескольких дней.— Она улыбнулась.— Но вы правы по существу. Я его узнала.

Фарнсуорт нахмурился:

— Мне кажется, все опять запуталось. Либо мы говорим об одном человеке, либо о двух. Этот Александр Хергенсхаймер... Алек, расскажи мне о нем.

— Я протестантский священник, Джерри, рукоположенный братьями Апокалипсической Христовой церкви единой истины — или иначе — братьями в Апокалипсисе, как это часто сокращенно называют. Я родился на ферме деда, неподалеку от Уичито 22 мая...

— Ах, у вас, значит, на этой неделе день рождения? — заметил Джерри. Марга насторожилась.

— Именно так. У меня голова была слишком забита заботами, чтобы вспомнить об этом... в тысяча девятьсот шестидесятом году. Мои родители и дед умерли. Старший брат все еще трудится на семейной ферме.

— Поэтому вы и едете в Канзас? Хотите найти брата?

— Нет. Та ферма в другой Вселенной. В той, где я вырос.

— А тогда зачем вам Канзас?

Я немного помолчал.

— Логичного ответа у меня нет. Возможно, меня влечет домой инстинкт. А может, что-то, что заставляет лошадей бросаться

обратно в горящую конюшню. Не знаю, Джерри. Но я должен вернуться и постараться отыскать свои корни.

— Вот эту причину я понимаю. Продолжайте.

Я рассказал ему о днях учебы, не скрыв, что ничего не добился на ниве техники, о переходе в семинарию, о рукоположении после окончания ее и о своих связях с ЦОБ. Я не стал упоминать об Абигайль, мне не хотелось говорить, что я не очень-то преуспел и в роли священника (это мое личное мнение) из-за того, что Абигайль не любила моих прихожан, а прихожане терпеть не могли Абигайль. Невозможно уложить все детали в короткий автобиографический очерк, но факт остается фактом — я выбросил Абигайль из рассказа совсем, для того чтобы не вызывать сомнений в легитимности положения Маргреты... последнего я никак не мог допустить.

— Вот, пожалуй, и все. Если бы мы оказались в моем родном мире, мы могли бы просто позвонить в штаб-квартиру ЦОБ в Канзас-Сити, штат Канзас, и получить обо мне все сведения. У нас был очень удачный год, и я взял отпуск. Купил билет на дирижабль «Граф фон Цеппелин» Североамериканской компании воздушных сообщений от Канзас-Сити через Сан-Франциско до Хило на Таити, где и пересел на круизный теплоход «Конунг Кнут», что, можно сказать, приводит нас к дате, с которой я начал свой рассказ.

— Все это звучит, как сказали бы у нас, весьма кошерно. А сам рассказ очень интересен. А вы возродились во Христе?

— Разумеется. Сомневаюсь, что сейчас я могу похвалиться особой благодатью, но... я работаю над собой. Мы ведь подошли к последним дням, брат, так что надо торопиться. А ты возрожден во Господе?

— Об этом поговорим потом. Как формулируется второй закон термодинамики?

Я скорчил кислую мину.

— Энтропия непрерывно возрастает. Вот на этом-то я и споткнулся.

— Ну а теперь расскажите мне об Алеке Грэхеме.

— О нем я почти ничего не знаю. Судя по паспорту, он родился в Техасе, но вместо места жительства там фигурирует адрес юридической конторы в Далласе. Насчет остального лучше спро-

сить Маргрету; она его знала, я — нет. (О весьма деликатной истории с миллионом долларов я умолчал, ибо ничего в ней объяснить не мог, а потому просто выкинул... да и Марга знала о ней только с моих слов; денег она никогда не видела.)

— Марджи! Вы можете просветить нас насчет Алека Грэхема?

Она помедлила.

— Боюсь, ничего не смогу добавить к тому, о чем вам уже сказал мой муж.

— Эй! Вы меня разочаровываете. Ваш муж дал нам детальное описание доктора Джекила — а вы не хотите нарисовать нам портрет мистера Хайда. Он для нас пока остается белым пятном. Только адрес для писем в Далласе и ничего больше.

— Мистер Фарнсуорт, я полагаю, вы никогда не работали судовой горничной?

— Не-а. Не работал. Зато был судовым стюардом на сухогрузе. Сделал два рейса, еще мальчишкой.

— Тогда вы поймете. Горничной много известно о своих пассажирах. Она знает, как часто они принимают ванну. Как часто меняют белье. Ей известно, как они пахнут. А ведь пахнут все — только одни хорошо, а другие дурно. Она знает, какого сорта книги они читают, и читают ли вообще. Но прежде всего она узнает, настоящие ли они люди — честные, щедрые, заботливые, сердечные. Она знает все необходимое, чтобы судить о том, каков человек. Но она может ничего не знать ни об их профессии, ни о том, откуда они родом или какое у них образование, и обо всех других деталях, которые хорошо известны их друзьям. До того дня, когда состоялось хождение сквозь пламя, я в течение четырех недель была просто горничной, отвечающей за каюту Алека Грэхема. Две недели из этих четырех я была его любовницей, совершенно потерявшей голову от любви. После прогулки по углям прошло много дней, прежде чем его амнезия позволила возобновить наши столь радостные для меня отношения, и, когда это произошло, я снова стала счастливой. И вот уже четыре месяца я его жена, и хотя это месяцы бед и невзгод, я еще никогда в жизни не была такой счастливой. Именно так я чувствую себя сегодня и надеюсь, что так будет вечно. Вот и все, что я знаю о моем муже Алеке Грэхеме.

Она улыбнулась мне, в ее глазах дрожали слезы, и я вдруг почувствовал, что и в моих — тоже.

Джерри вздохнул и покачал головой.

— Да, тут уж без царя Соломона не обойдешься. А я не он. Я верю обеим вашим версиям, хоть одна из них явно ошибочна. Ладно, не имеет значения. Моя жена и я — приверженцы мусульманского понимания гостеприимства — это то, чему я научился во время последней войны. Примете ли вы наше гостеприимство на день, на два? Советую вам сказать «да».

Марга взглянула на меня, и я сказал «да».

— Отлично. Ну а теперь посмотрим, дома ли мой босс.— Он развернул сиденье к приборной доске и дотронулся до чего-то. Мгновенно на доске вспыхнул свет и что-то пискнуло. Лицо Джерри просветлело, и он сказал: — Герцогиня, это ваш любимый муж.

— О! Рони! Как давно тебя не было!

— Нет, нет! Попробуй еще раз.

— Альберт? Тони? Энди? Джим?

— Ну-ка, еще разок, и будет порядок. Со мной гости.

— Да, Джерри?

— Гости к обеду, на ночь, а может, и дольше.

— Хорошо, моя любовь. Сколько, какого пола и когда вы приедете?

— Сейчас спрошу Губерта.— Он опять чем-то щелкнул.— Губерт говорит, что через двадцать семь минут. Гостей двое. Тот, что сидит рядом со мной,— двадцать три года плюс-минус сколько-то, блондин, длинные вьющиеся волосы, темно-синие глаза, рост пять футов семь дюймов, вес примерно сто двадцать фунтов, остальные параметры не проверял, но они близки к тем, что у нашей дочки. Пол женский. В том, что она — женщина, я уверен, поскольку на ней нет даже набедренной повязки.

— Хорошо, милый. Я выцарапаю ей глаза. Но сначала, конечно, покормлю.

— Отлично. Но она угрозы не представляет, так как с нами ее муж, который следит за ней как ястреб. Я говорил, что он тоже голый? А?

— Не говорил, но это любопытно.

— Тебе нужны его данные? Если да, то в лежачем или стоячем положении?

— Мой дорогой, ты просто старый развратник, что я и отмечаю с особым удовольствием. Перестань смущать наших гостей.

— В моем методе ощущается благородное безумие, герцогиня. А голые они потому, что у них совсем нет одежды. Я подозреваю, что смутить их очень легко. Поэтому, пожалуйста, встречай нас у ворот с ворохом одежды. Нужную статистику ты имеешь, кроме... Марджи, дайте мне вашу ногу.— Парочка твоих сандалий подойдет, кажется. А ему — пара запатос. Моих.

— А его прочие размеры? Только не теряй времени на шуточки.

— Примерно моего роста и ширины плеч, но я по меньшей мере фунтов на двадцать тяжелее. Так что возьми из того, что я носил, когда был похудее. А если Сибил опять набила дом своими юными варварами, пожалуйста, прими решительные меры, чтобы не подпускать их к воротам. Наши гости — люди скромные.

— Будет выполнено беспрекословно, сэр. Но, по-моему, самое время представить их мне.

— Mea culpa[1]. Моя любовь, это Маргрета Грэхем, миссис Алек Грэхем.

— Привет, Маргрета, приветствую вас в нашем доме.

— Благодарю вас, миссис Фарнсуорт.

— Кэтрин, моя дорогая, или Кейт.

— Кэтрин. Не могу выразить, как мы благодарны вам за то, что вы делаете... когда мы так несчастны...— и тут моя любимая расплакалась. Потом вытерла глаза и сказала: — А это мой муж. Алек Грэхем.

— Здравствуйте, миссис Фарнсуорт. И благодарю вас.

— Алек, везите девушку сюда немедленно. Я очень хочу ее видеть. И вас тоже.

— Губерт говорит — двадцать две минуты, герцогиня,— вмешался Джерри.

— Hasta la vista![2] Отключайся и дай мне заняться делами.

— Отбой.

Джерри снова развернул сиденье.

---

[1] Моя вина *(лат.)*.

[2] До свидания *(исп.)*.

— Кейт найдет вам какую-нибудь нарядную одежду, Марджи... хотя в вашем случае следовало бы принять специальный закон против ношения одежды. Послушайте, а вы случайно не замерзли? Я так развесил уши, что об этом и не подумал. Обычно я поддерживаю в машине такую температуру, чтобы чувствовать себя комфортно в одежде. Но Губерт может поправить все в одну минуту.

— Я из викингов, Джерри, не мерзну никогда. В большинстве помещений мне просто жарко.

— А как вы, Алек?

— Мне достаточно тепло,— ответил я, лишь чуточку уклоняясь от истины.

— Я думаю...— начал было Джерри... и тут небеса вдруг раскололись и с них хлынул ослепительный свет. А меня внезапно охватило горькое предчувствие беды, когда я понял, что мне так и не удалось привести свою любимую к состоянию благодати...

18

И отвечал сатана Господу, и сказал:
разве даром богобоязнен Иов?

Книга Иова 1, 9

Можешь ли ты исследованием найти Бога?
Можете ли совершенно постигнуть Вседержителя?

Книга Иова 11, 7

Я ждал, когда же раздастся глас.

Мои чувства смешались. Жаждал ли я вознестись живым на небо? Чувствовал ли себя готовым пасть в любящие объятия Иисуса? Да, Господь мой, да! Без Маргреты? Нет! Нет! Тогда ты избрал муки вечные в бездне? Да... Нет, но... Выбирай же!

Мистер Фарнсуорт посмотрел вверх.

— Видали, как пошла эта беби?

Я тоже глянул сквозь прозрачную крышу автомобиля. Прямо над моей головой горело второе солнце. Мне показалось, что, по мере того как я присматриваюсь к небу, оно делается меньше и тусклее.

Наш хозяин продолжал:

— И тютелька в тютельку по времени. Вчера вылет задержался, пропустили «окно». Пришлось рокироваться. А когда сидишь на пусковой платформе и атомный котел уже запущен, то даже небольшая заминка, связанная с выходом на орбиту, может вполне лишить тебя всякой надежды на прибыль. А вчера-то и аварии никакой не было. Так, никому не нужная проверка по приказу какого-то толстозадого из НАСА. Вот ведь как получается.

Вообще-то он вроде бы говорил по-английски.

— Мистер Фарнсуорт... Джерри... что это было? — еле переведя дух, спросила Маргрета.

— А? Вы что — никогда не видели запусков ракеты?

— Я не знаю, что такое запуск.

— М-да... Марджи, тот факт, что вы с Алеком явились из другого мира, или миров, еще как-то не просочился в мою толстостенную черепушку. В вашем мире нет космических путешествий?

— Я даже не понимаю, о чем вы говорите. Думаю, нет.

Я же был уверен, что знаю, о чем он говорит, а потому вмешался.

— Джерри, вы имеете в виду полеты на Луну, не так ли? Как у Жюля Верна?

— Да. Примерно так.

— Это был эфирный корабль? Летящий к Луне? Святой Моисей! — этот вульгаризм сорвался с моих уст непроизвольно.

— Не торопитесь. Это не эфирный корабль, это беспилотная грузовая ракета. Направляется она не на Луну, а летит только до «Лео», который крутится на низкой околоземной орбите. Потом она вернется, сядет на мелководье вблизи Галвестона, а оттуда ее перевезут в Северотехасский порт, откуда снова запустят на следующей неделе. Но часть ее груза действительно попадет в Луна-Сити или в Тихо-Андер, а кое-что, может быть, даже на астероиды. Ясно?

— Э-э-э... не вполне.

— Ну, во время второго срока президентства Кеннеди...

— Кого?

— Джон Ф. Кеннеди. Президент с 1961 по 1963 год.

— Извините. Мне опять придется переучивать историю. Джерри, что больше всего сбивает с толку при таких бросках из одной

Вселенной в другую, так это не новая техника вроде телевизоров; или реактивных самолетов, или даже космических кораблей, а различия в истории.

— Ладно... Когда доберемся до дому, я вам дам историю Америки и историю космических полетов. Дома у меня такого добра много. Я, знаете ли, в космосе, можно сказать, по горло — начал делать модели ракет еще мальчонкой, а теперь кроме «Грузовых перевозок Диана» у меня есть еще акции «Лестницы Иакова» и «Бобового стебля», обе в настоящее время, вообще-то, убыточны, но...— Думаю, он увидел выражение моего лица.— Извините. Вы сначала поройтесь в книгах, которые я вам дам, потом и поговорим.— Фарнсуорт посмотрел на приборную доску, нажал на что-то, опять посмотрел, снова нажал и сказал: — Губерт говорит, что звук будет слышен через три минуты и двадцать одну секунду.

Когда звук действительно дошел до нас, я почувствовал себя разочарованным. Я ожидал громового удара, который был бы под стать невероятно яркой вспышке. Вместо этого раздался гул, который длился довольно долго, а затем постепенно сошел на нет, так что его полного исчезновения я так и не заметил.

Через несколько минут автомобиль съехал с шоссе, свернув направо по огромной дуге, а затем, промчавшись по туннелю, проложенному под шоссе, выехал на другую, уже более узкую дорогу. По этой дороге (восемьдесят третья, как я заметил) мы ехали минут пять, а затем снова раздался жужжащий звук и мигнул световой сигнал.

— Я слышу,— произнес мистер Фарнсуорт,— не спеши.

Он развернул сиденье и стал глядеть вперед, крепко сжимая в руках ручки-держалки.

Следующие несколько минут были исключительно впечатляющими. Мне вспомнилось одно место из «Саги о Ганнибале»: «Если б не честь, я бы выбрал бегство». Мистер Фарнсуорт, видимо, рассматривал каждое столкновение, которое ему удалось предотвратить на расстоянии, легко поддающемся измерению, как нечто противоречащее спортивной этике. Вновь и вновь «мягкое месиво» спасало нас от синяков, а может быть, и от переломов. Снова прозвучал сигнал механического устройства — би-би-бип, но Фарнсуорт рявкнул: «Заткнись! Занимайся своими делами, а я — своими!» И снова подверг нас опасности почти неминуемого столкновения.

Затем мы свернули на узкую, частную, как я решил, дорогу, поскольку въезд на нее перекрывала арка с надписью «КАПРИЗ ФАРНСУОРТА». Мы поехали вверх по склону холма. На вершине холма, прячась среди деревьев, стояли высокие ворота, которые широко распахнулись, когда мы к ним приблизились.

Вот там-то мы и встретились с Кейт Фарнсуорт.

Если вы добрались до этого места в моих мемуарах, то знаете, что я влюблен в свою жену. Это величина постоянная, вроде скорости света, вроде любви Бога-отца. Так знайте же, что вдруг я понял, что могу любить другого человека, другую женщину, нисколько не теряя любви к Маргрете, вовсе не помышляя отнять эту женщину у ее законного мужа, любить без похоти, не стремясь к обладанию ею. Ну, во всяком случае, не очень стремясь.

Встретив ее, я понял, что пять футов и два дюйма — самый идеальный рост для женщины, что сорок лет — ее идеальный возраст, и сто десять фунтов — наилучший вес, и что контральто — прекраснейший регистр для женского голоса. То, что моя любимая не обладала этими качествами, значения не имело; Кейти Фарнсуорт делала вышеуказанные качества идеальными для себя лично, ибо вполне удовлетворялась тем, какова она есть в натуре.

Она наповал сразила меня своим исполненным изящества доказательством истинного гостеприимства, подобного которому я не видел никогда.

От мужа она знала, что мы совершенно голые, он же сказал ей, что мы страшно стыдимся своей наготы. Поэтому она принесла каждому из нас одежду.

Сама же была полностью обнажена.

Нет, не так; это я был голым, она же лишь не одета. Нет, и это не верно. Голая? Нагая? Обнаженная? Раздетая? Нет. Она была одета в свою красоту, подобно праматери Еве до грехопадения. В этом наряде она выглядела столь естественно, что я недоумевал, как у меня могло возникнуть идиотское представление, что отсутствие одежды почти синоним непристойности.

Похожие на створки раковины дверцы машины поднялись, я выбрался наружу и помог выйти Маргрете. Миссис Фарнсуорт уронила все, что держала, обняла Маргрету и поцеловала.

— Маргрета! Будьте как дома, дорогая!

Моя девочка ответила на объятие объятием, и опять на ее глаза навернулись слезы. Затем миссис Фарнсуорт протянула руку мне:

— Рада видеть и вас, мистер Грэхем... Алек.

Я взял ее руку, но не пожал. Я просто подержал ее, как держат драгоценный фарфор, и низко склонился над ней. Я чувствовал, что должен ее поцеловать, но меня не учили, как это делается.

Для Маргреты она приготовила летнее платье цвета глаз моей любимой. Его покрой напоминал о мифологической Аркадии; вполне можно допустить, что такие платья носили дриады. Оно держалось на левом плече, оставляя правое открытым, и охватывало всю фигуру, благодаря большому запаху. Оба края этой простой одежды заканчивались длинными лентами. Та, которая скрывалась под полой, пропускалась сквозь пряжку, что позволяло несколько раз обвить ленту вокруг талии и завязать ленты на правом боку.

Я решил, что такое платье принадлежит, должно быть, к числу безразмерных моделей. На любой фигуре его можно было сделать и облегающим, и свободным — в зависимости от того, как завязать.

Сандалии, которые Кейт принесла для Марги, были тоже голубые, под цвет одежды. Для меня же у нее нашлись мексиканские сандалии «запатос» с отрезанными носками и задниками. Они годятся на любую ногу и в этом отношении сходны с платьем Маргреты, так как все дело в том, как затянуть ремешки. Она дала мне также брюки и рубашку, которые на первый взгляд походили на те, что я купил в Уинслоу в магазине «Второе дыхание», только эти были сшиты на заказ из тончайшей «летней шерсти» и ничуть не напоминали массовую продукцию из дешевых сортов хлопка. Были тут и носки, сидевшие на ноге как влитые, и трикотажные шорты, вполне подходящие по размеру.

Когда мы оделись, то оказалось, что на траве осталась одежда самой Кейт. Только тогда я понял, что она дошла до ворот одетой, разделась уже здесь и ждала нас «одетая» так же, как мы.

Это была истинная вежливость!

Мы оделись, и все сели в машину. Мистер Фарнсуорт немного помедлил, прежде чем включить мотор.

— Кейт, наши гости христиане.

Миссис Фарнсуорт, казалось, пришла в полный восторг.

— Ой, как интересно!

— Вот и я так подумал. Алек! Verb. sap[1]. В этих краях не так уж много христиан. Вы можете свободно выражать свои мысли, разговаривая со мной или с Кейти... Но при чужих вам лучше не афишировать свои убеждения. Вы меня поняли?

— Э-э-э... боюсь, что нет.— Голова у меня шла кругом, а в ушах звенело.

— Ну... закон здесь не воспрещает верить в Христа. В Техасе существует свобода вероисповедания. Однако христианство здесь не слишком популярно, и отправление христианских религиозных церемоний происходит в большинстве случаев, так сказать, в подполье. Хм... если вы захотите войти в контакт со своими единоверцами, я думаю, мы сумели бы отыскать их катакомбы. Верно, Кейт?

— О, я уверена, что мы нашли бы кого-то, кому это известно. Пришлось бы немножко пошевелить своими антеннами.

— Только если Алек попросит, милая. Алек, никакой опасности, что вас побьют камнями, нет. Наш штат — это вам не какое-нибудь деревенское захолустье. Так что особых неприятностей не ждите. Но я не хочу, чтобы моих гостей презирали или оскорбили.

Кейти Фарнсуорт добавила:

— Сибил...

— Ох, ох! Да, Алек, наша дочь — хорошая девочка и вполне цивилизованна, насколько это слово применимо к тинэйджерам. Но она обучается колдовству и только недавно приобщилась к Древней религии. И поскольку она одновременно и прозелит, и тинэйджер, то относится к религии чертовски серьезно. Сибил не позволит себе грубить гостям — Кейти воспитала ее достойно. Кроме того, она знает, что в случае чего я с нее шкуру живьем спущу. Однако я был бы вам очень признателен, если бы вы не дали повода для ненужного нервного напряжения. Я уверен, вы знаете: каждый подросток — бомба с часовым механизмом, которая только и ждет, чтобы взорваться.

Маргрета ответила за меня:

— Мы будем очень осторожны. А Древняя религия это что — культ Одина?

[1] Предостережение мудрых *(лат.)*

У меня просто мороз по коже пробежал. А я ведь и без того чувствовал, что теряю почву под ногами и вряд ли выдержу дополнительный стресс. Однако наш хозяин сказал:

— Нет. Во всяком случае, не думаю. Можете сами спросить у Сибил. Если не побоитесь, что она вас насмерть заговорит; Сибил ведь обязательно попробует обратить вас в свою веру. Жутко настойчивая девица.

Кейти Фарнсуорт добавила:

— Никогда не слыхала, чтобы Сибил упоминала Одина. Обычно она говорит о «богине». Разве не друиды почитали Одина? Право, не знаю. Боюсь, что Сибил смотрит на нас как на парочку ископаемых, а потому не считает нужным обсуждать с нами теологические вопросы.

— Ну и мы не станем заниматься этим сейчас,— подержал ее Джерри, и машина двинулась по дороге.

Особняк Фарнсуортов был длинный, приземистый и не слишком изысканный в архитектурном смысле; зато было в нем нечто такое, что заставляло подумать о неге и изобилии. Джерри остановил машину у подъезда, и мы вышли. Он похлопал автомобиль по крыше, как похлопывают по шее доброго коня. Машина отъехала и завернула за угол дома как раз в ту минуту, когда мы входили в дверь.

Я не стану много говорить о доме, так как, хоть он и был прекрасен и гостеприимен, нет никакой необходимости и никаких особых причин, которые оправдали бы его длинное и подробное описание. Большую часть того, что мы видели, Джерри называл «голограммами». А как их опишешь? Застывшие сны? Трехмерные картины? С вашего разрешения, я скажу: стулья там были настоящие. То же самое относится и к столешницам. До всего остального в этом доме следовало дотрагиваться с осторожностью, убедившись сначала, что предмет, прекрасный как радуга, не является столь же маловещественным, как и она.

Не знаю, как создаются такие фантомы. Может быть, в этом мире законы физики не совсем таковы, как в Канзасе моих юных лет.

Кейт ввела нас в помещение, которое Джерри называл «семейной гостиной» и, увидев которую, он чуть не окаменел.

— Проклятущий индийский бардак!

Это была огромная комната, с потолками, уходящими в невероятную для одноэтажного дома ранчеро высь. Каждая стена, каждая арка, альков, каждая потолочная балка и сам потолок были украшены барельефами и статуями. Но какими! Я почувствовал, что краснею. Фигуры были, видимо, скопированы с известного пещерного храма в Южной Индии. Того самого, который демонстрирует все возможные разновидности извращенного сладострастия, причем в самых вульгарных и непристойных деталях.

Кейти воскликнула:

— Извини, родной. Здесь развлекалась молодежь! — она быстро отошла куда-то влево, растворившись в ближайшей скульптурной группе, и пропала.— Какую программу ты хочешь?

— Э-э-э... Ремингтон номер два.

— Будет сделано.

Внезапно непристойные фигуры исчезли, потолок мгновенно опустился и превратился в конструкцию из побеленных деревянных балок, одна стена комнаты стала «пейзажным окном» с видом на горы, скорее ютские, чем техасские; противоположная стена украсилась массивным каменным камином, в котором потрескивал веселый огонь; мебель обрела формы, свойственные так называемому «стилю испанских миссий», а пол оказался сложенным из мраморных плит, покрытых индейскими коврами.

— Теперь хорошо. Спасибо, Кэтрин. Присаживайтесь, друзья. Выбирайте местечко по вкусу и располагайтесь поудобнее.

Я сел, решив держаться подальше от того, что явно было «папиным креслом» — массивным и обитым настоящей кожей. Кейти и Марга выбрали кушетку. Джерри уселся в «папино» кресло.

— Любимая, что будешь пить?

— Кампари с содовой, пожалуйста.

— Слабачка! А вы, Марджи?

— Мне тоже кампари с содовой.

— Две слабачки. Алек?

— И мне того же.

— Сынок, слабому полу я еще могу дать поблажку. Но уж взрослому мужчине — никак. Давайте-ка снова.

— Э-э-э... шотландское виски с содовой.

— Если бы у меня был под рукой хлыст, я бы вас высек. Дружище, у вас остался только один шанс.

— Э-э-э... бурбон с водой.

— Ну наконец-то! «Джек Дэниэлс» с парой капель воды. Недавно один парень в Далласе попытался заказать себе ирландское виски, так его, знаете ли, вынесли из города на шесте — но потом, правда, извинились. Выяснилось, что он — янки, а потому откуда ж ему знать, что хорошо, а что плохо.

Говоря, наш хозяин все время постукивал пальцами по миниатюрному столику, что стоял возле его кресла. Когда он наконец прекратил барабанить, на столике возле моего кресла появился техасский мерный стакан с коричневой жидкостью и бокал с водой. Тут я увидел, что и остальные обслужены таким же способом. Джерри поднял свой стакан.

— Ну, выпьем за то, чтоб у нас всегда водились конфедератские деньжонки! Салют!

Мы выпили, а он продолжал:

— Кэтрин, ты не знаешь, где прячется наша разбойница?

— Думаю, они все купаются в бассейне, милый.

— Так.

Джерри снова нервно побарабанил по столику. Внезапно прямо в воздухе перед нашим хозяином появилась сидящая на трамплине, который возник ниоткуда, юная девушка. Она была залита ярким солнечным светом, хотя в комнате, где мы сидели, царил прохладный сумрак. На теле девушки сверкали капельки воды. Сидела она лицом к Джерри и, следовательно, спиной ко мне.

— Привет, пискушка!

— Привет, папуля,— она почмокала.

— С поросятами не целуюсь. А скажи-ка, когда я последний раз порол тебя?

— В день, когда мне исполнилось девять. Я еще подожгла тетю Милли. А в чем я сегодня провинилась?

— Заклинаю тебя позолоченными, полновесными как у слона, половыми придатками Бога: извинись за то, что оставила эту вульгарную грязнющую порнографическую программу в нашей комнате и не выключила ее.

— Папуля, куколка, не выступай. Я же видела кой-какие книжки в твоей библиотеке.

— Не твое дело, что я храню в своей частной библиотеке! Отвечай на вопрос.

— Забыла выключить, папочка. Извини, мне очень жаль.

— То же самое сказала корова миссис Мэрфи, но пожар от этого не погас. Послушай, дружок. Ты знаешь, что тебе разрешается пользоваться переключателями программ сколько хочешь. Однако после того как ты кончишь с ними возиться, ты обязана вернуть дисплей в прежнее состояние, в котором ты его нашла. А если не знаешь, как это сделать, поставь на ноль, чтобы на дисплее ничего не было.

— Да, папочка. Я просто забыла.

— Не раздражайся, я с тобой еще не покончил. Заклинаю тебя колоссальными медными яйцами Кощея, скажи мне, где ты выкопала эту программу?

— В университетском городке. Это учебная программа в моем классе по тантрической йоге.

— Тантрическая йога? Слушай ты, Вертлявая Попка. Тебе этот курс не нужен. Мама об этом знает?

Кэтрин сказала ровным голосом:

— Это я уговорила ее, мой дорогой. Сибил, как всем известно, талантлива. Но одного таланта мало. Ей нужно еще хорошее образование.

— Вот как! Я никогда не спорю с твоей мамой по таким вопросам, а потому отойду на заранее подготовленные позиции. Насчет твоей программы. Как ты ее получила? Известны ли тебе законы, регулирующие распространение материалов, на которые имеется копирайт? Мы оба помним шум, связанный с кассетой «Звездный корабль Джефриса»...

— Папочка, ты хуже слона. Ты когда-нибудь забывал хоть что-то?

— Никогда. И я действительно гораздо хуже слона. Предупреждаю, что все сказанное тобой будет записано и использовано против тебя в другом месте и в другое время. Что скажешь?

— Требую адвоката.

— Ах так! Значит, все-таки чистое пиратство с твоей стороны?

— А тебе очень хочется, чтоб так оно и было? Так вот — фиг тебе! Мне тебя очень жаль, папочка, но я заплатила по каталогу наличными. И мне ее скопировали в университетской библиотеке. Вот так. Съел?

— Думаешь выкрутилась? Швыряешь деньги на ветер.

— Не думаю. Мне она нравится.

— Мне — тоже. Но ты выбросила деньги на ветер. Надо было спросить меня.

— Как это?

— Попалась! Я-то сначала думал, что ты подобрала ключи к моему кабинету или открыла дверь заклятием. Рад слышать, что ты всего лишь экстравагантна. Сколько ты заплатила?

— Хм... сорок девять пятьдесят. Студентам скидка.

— Что ж, недорого. Я заплатил шестьдесят пять. Смотри, если это скажется на твоих семестровых оценках, я вычту эту сумму из твоих карманных денег. Еще одно, моя сладенькая: я тут привел к нам очень милых людей. Леди и джентльмена. Мы вошли в гостиную. В то, что было раньше гостиной. И два милых человека оказались перед твоей камасутрой, которая переливалась всеми цветами радуги. Как это тебе?

— Но я же не хотела...

— Ладно, забудем. Но запомни, что крайне невежливо шокировать людей, особенно если они гости, так что в следующий раз будь поосторожней. Обедать придешь?

— Да. При условии, что меня отпустят пораньше и я помчусь со всех ног. Свидание, папочка.

— А когда вернешься домой?

— Не вернусь. Это на всю ночь. Репетируем «Сон в летнюю ночь». Тринадцатый шабаш.

Он вздохнул:

— Полагаю, мне следует выразить благодарность трем ведьмам за то, что ты сидишь на пилюлях.

— Пилюли-люли. Не будь квадратным, папочка. Никто не беременеет на шабашах. Это всем известно.

— Всем, кроме меня. Ладно. Прими нашу благодарность за то, что согласилась пообедать с нами.

Она вдруг взвизгнула и упала с трамплина вниз головой. Все проследили, как она падала.

Сибил скрылась, подняв фонтан брызг, и всплыла, выплевывая воду.

— Папочка, ты меня спихнул!

— И как у тебя язык поворачивается говорить такое? — ответил тот, притворяясь обиженным.

Живая картина мгновенно исчезла.

Продолжая разговор, Кейти Фарнсуорт сказала:

— Джеральд все пытается командовать дочкой. И конечно, безуспешно. Лучше бы затащил ее в постель и удовлетворил свои кровосмесительские желания. Но и он, и она слишком благонравны для этого.

— Женщина, напомни мне, чтобы я тебя выпорол.

— Конечно, дорогой. Тебе не пришлось бы даже применять силу. Ты только скажи, чего хочешь, и она поскулит и сдастся. А потом у вас получится все в самом лучшем виде. Я права, Маргрета?

— Я сказала бы, да.

К этому времени я был уже так шокирован, что даже слова Маргреты ничего нового не смогли добавить к моему состоянию.

Обед был восторгом для гурманов и полным провалом с точки зрения человеческого общения. Стол торжественно накрыли в обеденном зале, то есть в той же семейной гостиной, но с совершенно другой голографической программой. Потолок стал выше, окна — огромные, расположенные через равные промежутки и обрамленные тяжелыми портьерами, доходящими до самого пола; окна выходили в великолепно распланированный сад. Один из предметов меблировки, сам въехавший в комнату, не был голограммой, а если и был, то, во всяком случае, не полностью. Этот банкетный столик, насколько я понимаю, служил одновременно буфетной, плитой, холодильником, короче, представлял собой прекрасно оборудованную кухню. Таково мое мнение, которое, правда, может быть оспорено. Я могу только утверждать, что никаких слуг не видел, а наша хозяйка ничего ровным счетом не делала. Тем не менее, муж похваливал ее за отличную стряпню и делал это с превеликой вежливостью; мы — тоже.

Джерри все-же кое-чем занимался: разрезал жаркое (говяжий бок, которого хватило бы на отряд голодных скаутов), разложил его по тарелкам, не сходя с места. Полная тарелка медленно проплывала к тому, кому предназначалась, подобно игрушечному поезду, идущему по рельсам, хотя ни поезда, ни рельсов тут не было. Возможно, соответствующие механизмы были скрыты голограммами. Впрочем, это лишь спрятало бы одно чудо за другим.

(Позже я узнал, что чванливые техасские семьи этого мира имели слуг и даже хвастались ими. Но у Джерри и Кейти вкусы простые).

За столом нас было шестеро: Джерри на одном конце, Кейти — на другом, Маргрета сидела справа от Джерри, его дочь Сибил — слева, я — справа от хозяйки, а слева от нее — молодой человек, с которым встречалась Сибил.

Звали молодого человека Родерик Даймен Калверсон Третий; мое имя он не уловил. Я уже давно подозревал, что самцов нашего вида, как правило, следует выращивать в бочонках и кормить сквозь дырку для затычки.

Юный Калверсон не дал мне оснований изменить это мнение. И я охотно проголосовал бы за то, чтобы упомянутую выше дырку заткнули наглухо.

В самом начале обеда Сибил дала понять, что они оба из одного университета. Тем не менее он казался таким же чуждым Фарнсуортам, каким был и для нас. Кейт спросила:

— Родерик, вы тоже учитесь колдовству?

Он поглядел так, будто понюхал какую-то дрянь, но Сибил спасла его от необходимости отвечать на столь грубый вопрос.

— Мамочка! Род получил свой атхейм уже несколько лет назад.

— Прошу извинить мой промах,— спокойно произнесла Кейти,— так называется диплом, который выдают по окончании обучения?

— Это священный нож, которым пользуются при различных ритуалах. Его можно применять...

— Сибил! Здесь присутствуют язычники! — Калверсон бросил хмурый взгляд на Сибил, а потом совсем уж злобно глянул на меня. Я подумал, что ему здорово пошел бы фонарь под глазом, но постарался убрать с лица даже следы этой мысли.

Джерри спросил:

— Значит, теперь вы закончивший обучение ведун, Род?

Сибил опять вмешалась:

— Папочка! Правильный термин...

— Помолчи-ка, конфетка, дай ему самому ответить. Род?

— Это слово употребляется лишь невеждами...

— Придержи-ка коней, Род! В некоторых вопросах я недостаточно информирован и в таких случаях стараюсь пополнить свои

знания; именно этим я и занят в настоящий момент. А ты не имеешь права, сидя за моим столом, обзывать меня невеждой. Ну а теперь ты можешь ответить мне? И не корчить из себя колючий репейник?

Ноздри Калверсона раздулись, но он взял себя в руки.

— «Колдуны и ведьмы» — вот обычная терминология, применяемая к мужчинам и женщинам — адептам мастерства. «Маг» — приемлемая формулировка, но технически не очень точная; она, скорее, означает «чародей» или «волшебник»... но не все волшебники — колдуны, и не все колдуны занимаются магией... Слово же «ведун» имеет несколько оскорбительный оттенок, так как ассоциируется с поклонением дьяволу. А мастерство — отнюдь не поклонение дьяволу; к тому же употребленный вами термин и его производные буквально означают: «нарушивший клятву» — а колдуны и ведьмы клятв не нарушают. Поправка: мастерство запрещает нарушать клятвы. Ведьма или колдун, нарушившие клятву, данную даже язычнику, подвергаются наказаниям и даже изгнанию, если клятва была важной. Поэтому я не «закончивший обучение ведун», а правильное определение моего статуса — «утвержденный мастером», или «колдун».

— Хорошо сказано! Благодарю вас за разъяснение. Приношу извинение, что воспользовался словом «ведун» применительно к вам...— Джерри спокойно ждал продолжения.

Помолчав немного, Калверсон поспешно добавил:

— О, конечно! Я нисколько не обижен, да и обижаться тут не на что.

— Благодарю. И хочу добавить к вашим комментариям в отношении производных, что слово witch (колдун, ведьма) происходит от слова wicca, что означает «мудрый», и от wicce, означающего «женщина»... Чем, видимо, объясняется тот факт, что большинство ведьм — женщины. Можно предположить, что наши предки знали нечто такое, чего мы не знаем. Во всяком случае, «мастерство» — это сокращенное обозначение понятия «искусство мыслить». Верно?

— О, конечно! Мудрость. Вот на этом-то и основана Древняя религия.

— Отлично. Сынок, а теперь слушай меня внимательно. Мудрость включает в себя способность не злиться без необходимости.

Закон игнорирует мелочи, и так же поступает мудрый человек. Мелочи вроде тех, когда юная девушка пытается определить, что такое атхейм в присутствии неверующих (знание, вовсе не являющееся эзотерическим), или когда старый дурень использует какой-то термин не вполне по назначению. Ты понял меня? — Джерри подождал ответа. Потом произнес очень тихо: — Я спросил, ты понял меня?

Калверсон перевел дух.

— Я вас понял. Мудрый человек не обращает внимания на мелочи.

— Хорошо. Могу я предложить тебе еще кусочек ростбифа?

После этого случая Калверсон довольно долго держался тише воды, ниже травы. Я — тоже. И Сибил. Кейти, Джерри и Маргрета поддерживали вежливую застольную болтовню, стараясь игнорировать тот факт, что одного из гостей только что крепко и публично отстегали. Потом Сибил сказала:

— Папочка, ты и мама хотите, чтоб я приняла участие в поклонении огню в пятницу?

— «Хотите» — вряд ли подходящее слово,— ответил Джерри,— раз ты выбрала себе другую религию. «Надеемся» — так будет точнее.

Кейти добавила:

— Сибил, сегодня тебе кажется, что твой шабаш — вся религия, в которой ты нуждаешься. Однако все может измениться... и как я понимаю, Древняя религия не запрещает своим приверженцам посещать другие религиозные службы?

Тут снова вмешался Калверсон:

— В этом отражается история столетий и тысячелетий преследований, миссис Фарнсуорт. Наши законы до сих пор таковы, что каждый участник шабаша должен официально принадлежать к какому-нибудь признанному обществом вероисповеданию. Правда, теперь мы уже не очень настаиваем на соблюдении этого правила.

— Понимаю,— согласилась Кейти.— Спасибо, Родерик. Сибил, раз твое вероисповедание даже поощряет принадлежность к другому, вероятно, будет неплохо, если ты станешь регулярно посещать церковь, чтобы прикрыть свои тесные общения с домовыми. Возможно, это тебе пригодится в дальнейшем.

— Совершенно точно,— согласился отец.— Проделки домовых. А тебе когда-нибудь приходило в голову, детка, что твой родитель, будучи столпом конгрегации и обладателем толстой чековой книжки, возможно, тоже имеет к ним отношение, ибо он продает «кадиллаков» больше, чем любой другой дилер в Техасе?

— Папочка, но это звучит как совершенно бесстыдное хвастовство.

— Так оно и есть! Но они помогают продавать «кадиллаки». Кстати, насчет поклонения огню: ты прекрасно знаешь, что дело не в самом огне. Мы поклоняемся не огню, а тому, что он олицетворяет.

Сибил скомкала салфетку и на несколько минут из зрелой женщины, о чем свидетельствовали ее формы, превратилась в тринадцатилетнюю девочку.

— Папа, вот в том-то и дело. Всю мою жизнь пламя означало для меня нечто врачующее, очищающее, нечто связанное с бессмертием; но так было до тех пор, пока я не стала изучать мастерство и его историю. Папочка, для колдуньи огонь — тот способ, которым их чаще всего казнят.

Я был так шокирован, что чуть не поперхнулся. Полагаю, что до меня, так сказать, эмоционально еще не дошло, что эти двое — один отвратительный, но такой распространенный тип юного панка, а другая — прелестная и внушающая глубокую симпатию девушка... дочь Кейти... дочь Джерри — наших двух добрых самаритян, равных которым нет,— они оба колдуны.

Да, да, я знаю, Книга Исхода, глава 22, стих 18: «Ворожей не оставляй в живых». Такое же твердое указание, как десять заповедей, данных Моисею Господом в присутствии всех детей Израиля...

Так кто же я такой? Я, преломляющий хлеб с ворожеями!

Ладно, считайте меня трусом... Я не встал во весь рост и не проклял их. Я даже не шевельнулся.

Кейти ласково произнесла:

— Милочка, милочка! Да это ж было в средние века. Не сегодня, не сейчас, не здесь.

Ей ответил Калверсон:

— Миссис Фарнсуорт, каждому колдуну хорошо известно, что террор может начаться в любую минуту. Даже обыкновенный неурожай способен вызвать взрыв. И события в Салеме не так уж далеки от нас по времени. Да и Салем не так уж далек от нас

территориально. Кругом много христиан. Они бы разожгли костры, если б могли. Так же как в Салеме.

У меня был недурной шанс придержать язык. Но я все-таки вылез:

— Ни одной ведьмы в Салеме не сожгли.

Родерик посмотрел на меня.

— А вы-то что знаете об этом?

— Сжигали в Европе, а не здесь. В Салеме ведьм вешали. Кроме одной, которую задавили. (В Америке огнем не пользовались никогда. Господь Бог не велел нам мучить их при жизни. Он нам не приказывал пытать их до смерти).

Родерик снова поглядел на меня:

— Вот как! Мне кажется, что вы оправдываете повешение?

— Я не говорил ничего подобного! (Господи, прости меня грешного!)

Наш разговор оборвал Джерри:

— Я требую, чтобы этот разговор был прекращен. Дальнейшего обсуждения данной темы за столом я не потерплю. Сибил, мы не хотим, чтобы ты приходила туда, если тебе это неприятно или напоминает о печальных событиях. Кстати, о повешении: что нам делать с полузащитниками «Ковбоев из Далласа»?

Два часа спустя Джерри Фарнсуорт и я опять сидели в той же комнате, но теперь работала программа «Ремингтон-3». Зимний снег за окнами, время от времени над полом проносился сквознячок, иногда слышался вой одинокого волка — но у камина с ревущим пламенем было прекрасно. Джерри налил нам по чашке кофе, а в огромные бокалы, в которых вполне могли бы плавать золотые рыбки,— бренди.

— Это запах благородного бренди,— сказал он,— то ли «Наполеон», то ли «Карлос Примеро». В любом случае — королевский бренди, настолько королевский, что, может быть, у него даже гемофилия.

Я с трудом сглотнул. Шутка мне не слишком понравилась. Меня все еще пробирала дрожь при мысли о ведьмах... Об умирающих ведьмах. Дергающиеся в предсмертных мучениях ноги... корчащиеся в пламени тела... и у всех — лицо Сибил.

Дает ли Библия определение понятия «ведьма»? И не может ли оказаться, что эти современные поклонники мастерства — вовсе не те, кого Иегова считал ворожеями?

Хватит вилять, Алекс! Признайся, что ворожеи в Книге Исхода означают то же самое, что сегодня ворожеи, или ведьмы, в Техасе. Ты судья, а она созналась. Сможешь ли ты приговорить дочь Кейти к повешению? Выбьешь ли у нее скамейку из-под ног? Не увиливай, парень! Ты и без того увиливал всю жизнь.

Понтий Пилат умыл руки.

Я не осужу ворожею на смерть. Боже, помоги мне, но я не могу иначе.

Джерри сказал:

— Выпьем за успех вашего предприятия. За ваш успех и успех Марджи. Отпивайте понемножку — тогда не опьянеете; коньяк успокоит ваши нервы и одновременно отточит ум. Алек, скажите, почему вы думаете, что конец света близок?

Битый час я перебирал доказательства, сказав, что речь идет не об одном пророчестве, которое перечисляет признаки, а о множестве: Откровение Иоанна, Книги пророков Даниила, Иезекииля, Исайи, Послания Павла к фессалоникийцам и коринфянам, слова самого Иисуса в четырех Евангелиях, причем по нескольку раз в каждом.

К моему удивлению, у Джерри оказалась Библия. Я выбрал из нее отрывки, понятные неискушенному читателю, выписал номера глав и стихов, чтобы он мог изучить их на досуге. Были, конечно, отмечены четвертая глава (стихи 15–17) Первого послания к фессалоникийцам, двадцать четвертая глава Евангелия от Матфея (51 стих) и те же самые пророчества в двадцать первой главе Евангелия от Луки (стих 32), где говорится: «...Не прейдет род сей, как все это будет». Фактически же, Христос сказал, что поколение, которое увидит эти знамения и чудеса, увидит и его приход, услышит глас и узрит Судный день. Это пророчество совершенно ясно, если читать его целиком, и вся путаница возникла лишь оттого, что из него выдирают кусочки и отдельные слова, забывая об остальном. Притча о смоковнице все это объясняет.

Я отобрал для Джерри также отрывки из Книг Исайи и Даниила и других Книг, то есть те места Ветхого Завета, которые подкрепляют пророчества Нового Завета.

Я передал ему все эти выписки и умолял тщательно их изучить, а если он натолкнется на какие-то трудности, привлечь дополнительные тексты. А главное — обратиться к Богу. «Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете».

Он ответил мне:

— Алек, я готов согласиться с вами в одном. События последних месяцев меня тоже наводят на мысль об Армагеддоне. Возьмем, например, завтрашний день. Он вполне может оказаться концом света и Судным днем, и мало что после него останется.— Тон Джерри был печален.— Я частенько задумывался над тем, в каком мире будет жить Сибил. Теперь же меня беспокоит другое: а хватит ли у нее времени, чтобы повзрослеть?

— Джерри, поработайте над этим! Найдите свой путь к милосердию Господа. Потом приведите к нему жену и дочь! Вы не нуждаетесь ни во мне, ни в других людях, а только в самом Иисусе. Сказал же он: «Вот, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною».

— Вы веруете.

— Верую.

— Алек, я хотел бы последовать вашему совету. Это могло бы послужить утешением в той жизни, которой мы живем в современном мире. Но сны давно умерших пророков для меня не могут служить доказательством: в них можно прочесть что угодно. Теология никому еще не помогала; это поиски в темном подвале в глухую ночь черного кота, которого там нет. Теологи способны убедить себя во всем, что им заблагорассудится. О, моя церковь такая же. Но зато она откровенно пантеистична. Тот же, кто поклоняется Троице и при этом настаивает, что его религия — монотеизм, способен поверить всему. Дай ему только время поболтать. Извините меня за откровенность.

— Джерри, откровенность в религии необходима. «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию». Это опять Книга Иова, глава 19. Он же и ваш спаситель, Джерри. Я умоляю вас — ищите его.

— Боюсь, шансов на это маловато,— сказал Джерри, вставая.

— Но вы еще не нашли его. Не сдавайтесь. Я буду молиться за вас.

— Благодарю вас за доброе отношение. А как обувь? Не жмет?

— Все прекрасно. Спасибо.

— Раз уж вы решили двинуться в путь завтра утром, вам нужна обувь, которая не натрет мозолей до самого Канзаса. Так вы уверены, что все в порядке?

— Уверен. И уверен, что нам надо идти. Если мы останемся еще на день, вы нас так избалуете, что мы никогда не рискнем выйти. (Правда же, которую я не мог ему высказать, состояла в том, что мне просто *необходимо* было покинуть этот дом. Но не мог же я признаться ему в своем малодушии).

— Давайте покажу вашу спальню. Только тихонь ко — Марджи, вероятно, уже спит. Разве что наши леди просидели за разговорами еще дольше, чем мы с вами.

У дверей спальни Джерри протянул мне руку.

— На случай, если вы правы, а я нет, напомню: вы сами сказали, что и вы можете не оказаться среди избранных.

— Верно, могу. Я далек от благодати, особенно сейчас. Мне над собой еще работать и работать.

— Ну, желаю вам счастья. А если вы и в самом деле не окажетесь среди избранных, то поищите меня в аду. Ладно?

Насколько я мог судить, он говорил совершенно серьезно.

— А я и не знал, что это разрешается.

— А вы потрудитесь. И я потружусь. Обещаю вам,— тут он ухмыльнулся,— адское гостеприимство. Очень горячее.

В ответ я тоже широко улыбнулся:

— Договорились!

Моя любимая опять заснула не раздеваясь. Я улыбнулся и, ничего не сказав, лег рядом, переложив ее голову на свое плечо. Надо было тихонько разбудить ее, раздеть бедную девочку и уложить в постель. А я вместо этого лежал и тысячи... ну ладно... десятки мыслей проносились у меня в голове.

Вдруг я заметил, что светает. И обнаружил, что матрас весь в каких-то комьях и колется. Светало быстро, и я увидел, что мы лежим на прессованных тюках сена в амбаре.

19

> И сказал Ахав Илии: нашел ты меня, враг мой!
> Он сказал: нашел, ибо ты предался тому,
> чтобы делать неугодное пред очами Господа.
>
> *Третья книга Царств 21, 20*

Последние девяносто миль по шестьдесят шестому шоссе от Клинтона до Оклахома-Сити мы ужасно торопились, не обращая внимания на то, что были снова совершенно нищими и не имели ни еды, ни крыши над головой.

Мы видели дирижабль!

Это, разумеется, меняло все. Уже несколько месяцев я был безродным «никем», нищим, только и умеющим мыть грязные тарелки, а по существу, нищим бродягой. Попав же наконец в свой мир, я обретал и хорошо оплачиваемую работу, и почетное место в обществе, и даже очень приличный счет в банке. И конец этому поистине инфернальному перебрасыванию из одного чужого мира в другой!

Мы въехали в Клинтон в середине утра. Подбросил нас фермер, который вез на продажу в город свою продукцию. Я услышал, как Маргрета удивленно вскрикнула, и проследил за ее взглядом — вот он, серебристый, обтекаемый, великолепный! Я не мог прочесть названия на борту, но эмблема свидетельствовала, что корабль принадлежит Восточным авиакомпаниям.

— Экспресс Даллас — Денвер,— заметил наш хозяин, вытаскивая очки из кармана комбинезона.— Опоздал на шесть минут. Очень странно.

Я постарался скрыть возбуждение.

— В Клинтоне есть аэропорт?

— О нет, нет. Самый близкий в Оклахома-Сити. Думаете бросить голосовать на дорогах и попробовать сделать то же самое в воздухе?

— Это было бы здорово.

— Еще бы... Все лучше, чем копаться в земле.

Я старательно поддерживал разговор о всяких пустяках до того момента, когда он высадил нас у городского рынка. Но как только мы с Маргретой остались одни, я уже не мог сдерживаться. И чуть было не кинулся целовать Маргрету, но взял себя в руки. По уровню нравственности Оклахома ничуть не уступает Канзасу, и в большинстве их общин правила поведения очень суровы; особенно это касается всяких там нежностей на глазах у публики.

Я подумал, как трудно будет мне снова адаптироваться к местным условиям после того, как провел столько недель в разных мирах, ни один из которых не придерживался таких высоких моральных стандартов, как мой родной мир. Трудно будет не вляпаться в какую-нибудь неприятную переделку, если (я должен это признать) я привык целовать свою жену на людях и совершать другие поступки, сами по себе совершенно невинные, но невиданные в высокоморальных общинах. Еще хуже: мне придется постоянно присматривать за своей любимой, чтобы она не влипла в какую-нибудь историю. Я-то тут родился, и мне вернуться на круги своя сравнительно легко... Марга же дружелюбна и приветлива, как щенок колли, и к тому же нисколько не стыдится проявлять свои чувства.

— Извини, родная, я чуть было не расцеловал тебя. А этого делать не надо,— сказал я.

— А почему не надо?

— Хм... Целоваться в общественных местах нельзя. Во всяком случае, здесь. Только наедине. Это... ну... как говорят: «Если живешь в Риме, веди себя как римлянин». Но сейчас у нас другие заботы. Дорогая, наконец-то мы дома! В моем доме, а теперь он стал и твоим! Ты же видела дирижабли.

— А это точно был дирижабль?

— Точнее и быть не может... И это самое восхитительное зрелище за все последние месяцы, исключая... Впрочем, нам не следует слишком предаваться мечтам. Ведь известно, что некоторые из этих сменяющих друг друга миров очень сходны между собой. Какая-то возможность, что этот мир с дирижаблями может оказаться не моим, надо думать, все же существует. Ох, не хочется думать, что это так, и все-таки на всякий случай лучше не поддаваться эйфории.

(Я даже не заметил, что Маргрета вовсе не была вне себя от счастья).

— А как ты определишь, твой он или нет?

— Мы могли бы проверить это тем же способом, которым пользовались раньше, то есть пойти в общественную библиотеку. Но в данном случае есть средство и лучше, и быстрее. Я думаю поискать офис телефонной корпорации Белла... О нем можно, пожалуй, спросить вон в том бакалейном магазине.

Я предпочел воспользоваться этим офисом, а не прибегать к общественному телефону, так как прежде чем звонить мне хотелось свериться с телефонным справочником и узнать, мой это мир или нет.

Да. Мир был мой. В офисе оказались все телефонные справочники Оклахомы, а также крупных городов прочих штатов, включая прекрасно знакомый мне справочник Канзас-Сити, штат Канзас.

— Смотри, Маргрета! — И я показал ей список телефонов Национального центра церквей, объединенных благочестием.

— Вижу.

— Разве это не волнительно? Разве не возникает у тебя желание петь и танцевать?

— Я очень рада за тебя, Алек.

(У нее это прозвучало почти как «здесь довольно мило и много красивых цветов».)

Телефонные справочники мы листали в каком-то закутке, поэтому я мог прошептать ей, не скрывая своей озабоченности:

— В чем дело, милая? Ведь нам выпал такой счастливый случай! Неужели ты не понимаешь? Как только я позвоню туда, у нас будут деньги. И больше никакого грязного физического труда! Никакой заботы о том, что мы будем есть и где будем спать! Мы немедленно отправимся домой в пульмановском вагоне. Нет! На дирижабле! Тебе это понравится, уверен, понравится. Это же такая роскошь! Это будет наше свадебное путешествие, дорогая, тот медовый месяц, которого раньше мы не могли себе позволить.

— Но ты же не возьмешь меня в Канзас-Сити?

— Да как у тебя язык повернулся сказать такое!

— Алек... ведь там твоя жена.

Клянусь, я говорю правду: за много-много недель я ни разу даже не вспомнил про Абигайль. Я искренне убедил себя, что никогда больше не увижу ее (ведь мой родной мир вернулся совершенно неожиданно). Теперь у меня была жена, такая жена, о которой любой мужчина мог только мечтать — Маргрета!

Интересно, не такой ли шок вызывает у трупа первая лопата сырой земли, брошенная на гроб?

Я пришел в себя. Однако с трудом.

— Марга, вот что мы сделаем. Да. У меня есть проблема, но мы вполне способны ее решить. Конечно, в Канзас-Сити мы поедем только вместе! Ты обязательно должна быть со мной. Но там из-за Абигайль мне придется подыскать какое-нибудь спокойное местечко, где ты остановишься, пока я буду распутывать свои дела. (А распутаю ли я их? Ведь Абигайль наверняка потребует моей крови). Прежде всего я должен получить свои деньги. Мне надо будет повидаться с адвокатом. (Развод? В штате, где есть только одно законное основание для развода, но на которое имеет право лишь потерпевшая сторона? Чтоб Маргрета выступила в роли «другой женщины»? Невозможно! Чтоб ее вынесли из города на шесте, если того потребует Абигайль? Не имеет значения, что будет со мной, неважно, что Абигайль обдерет меня как липку — Маргрета не должна стать жертвой законов «Алой Буквы» моего мира. Ни в коем случае!) А потом мы уедем в Данию. (Нет, развод невозможен!)

— Правда уедем?

— Обязательно. Дорогая, ты моя жена во веки веков! Я не могу бросить тебя тут, пока буду разбираться со своими делами в Кей-Си. Мир может снова измениться, и я тебя потеряю. Но и в Данию нам нельзя ехать, пока я не получу свои деньги. (А что, если Абигайль уже очистила мой счет в банке?)

— Хорошо, Алек. Мы поедем в Канзас-Сити.

(Это частично решало проблему, но отнюдь не с Абигайль. Ну, все равно. Этот мост я сожгу, когда придет время).

Тридцатью секундами позже проблем у меня заметно прибавилось. Конечно, сказала девушка-телефонистка, она запросто организует мне междугородный разговор с оплатой абонентом. Канзас-Сити? Канзас-Сити? Для звонка в Канзас-Сити — неважно, в канзасскую или в миссурийскую его часть — стоимость вызова для

получения согласия абонента оплатить разговор составляет двадцать пять центов. Опустите, пожалуйста, деньги в автомат, когда я скажу. Вторая кабина.

Я вошел в кабину и начал рыться в карманах в поисках мелочи. Вот что я выложил на столик:

серебряные двадцать пять центов,

два медяка по три пенса,

канадский четвертак с изображением королевы (какой королевы?), полдоллара, три пятицентовые монеты, которые не были настоящими «никелями», ибо обладали куда меньшим размером.

Ни на одной из этих монет не было привычной мне надписи «Бог наша сила» — девиз Северо-Американского Союза.

Я смотрел на эту коллекцию и старался вспомнить, когда же произошло последнее превращение? Видимо, уже после того, как я получил в последний раз плату за работу. Стало быть, где-то между второй половиной вчерашнего дня и тем моментом, когда сегодня утром, сразу же после завтрака, нас подобрала очередная попутка. Значит, ночью, когда мы еще спали? Но мы не теряли ни одежды, ни денег. Даже бритва и та была на месте, привычно оттопыривая нагрудный карман рубашки.

Неважно, любая попытка понять детали превращений вела только к одному — к безумию. Превращение явно произошло: я был в своем родном мире... и он оставил меня без средств. Во всяком случае, без здешних денег.

При отсутствии выбора этот канадский четвертак выглядел наиболее подходящим для моей цели. Я даже не стал уверять себя, что восьмая заповедь не должна применяться по отношению к крупным корпорациям. Я просто взял четвертак и снял с рычага трубку.

— Номер, пожалуйста.

— Будьте добры, разговор за счет абонента. Церкви, объединенные благочестием, Канзас-Сити, штат Канзас. Номер Стейт Лейн 12-24-джи. Буду говорить с любым, кто подойдет.

— Опустите двадцать пять центов, будьте любезны.

Я опустил канадский четвертак и затаил дыхание, пока не услышал, как он со стуком провалился. Затем «центральная» сказала:

— Спасибо. Не вешайте трубку. Пожалуйста, ждите.

Я ждал. Ждал. Ждал очень долго.

— В ответ на ваш вызов в Канзас-Сити церкви, объединенные благочестием, отвечают, что они не принимают неоплаченных звонков.

— Подождите! Скажите им, пожалуйста, что звонит его преподобие Александр Хергенсхаймер.

— Благодарим вас. Опустите, пожалуйста, двадцать пять центов.

— Послушайте! Я же ничего не получил за свой четвертак. Вы отключились слишком быстро.

— Мы не отключались. Это отключился ваш абонент в Канзас-Сити.

— Пусть так. Позвоните ему еще раз и скажите, чтоб на этот раз не отключался.

— Хорошо, сэр. Опустите, пожалуйста, двадцать пять центов.

— «Центральная», неужели вы думаете, что я звонил бы за счет абонента, если бы у меня был запас мелочи? Вызовите Канзас-Сити еще раз и скажите им, кто я такой. Его преподобие Александр Хергенсхаймер, заместитель исполнительного директора.

— Пожалуйста, подождите.

И снова я ждал. Ждал очень долго.

— Ваше преподобие! Абонент в Канзасе ответил, что они не приняли бы неоплаченного вызова даже от... я цитирую: «...от Иисуса Христа».

— Такой разговор — богохульство! Так нельзя разговаривать ни по телефону, ни...

— Совершенно с вами согласна. Там было и еще кое-что. Абонент велел передать вам, что в жизни о вас не слыхивал.

— Ну уж это...— я замолчал, ибо не мог найти слов, которые сообразовывались бы с моим саном священнослужителя.

— Именно так. Я постаралась выяснить его имя. Он бросил трубку.

— Молодой? Пожилой? Бас? Тенор? Баритон?

— Юноша. Сопрано. Мне показалось, что это посыльный, который сидит у телефона в обеденный перерыв.

— Понятно. Что ж, благодарю вас от всей души за любезность. Самое главное в жизни, на мой взгляд, честное выполнение своих обязанностей.

— Это я благодарю вас, ваше преподобие.

* * *

Я покинул кабинку, но, если бы мог, охотно дал бы себе пинка в зад. Маргрете я ничего объяснять не стал, пока мы не отошли подальше от здания телефонной станции.

— Подорвался на собственной мине, дорогая. Я же сам ввел правило: «никаких неоплаченных вызовов». Анализ счетов за телефонные разговоры показал мне, что телефонные вызовы без предварительной оплаты никогда не приносили нашей ассоциации никаких доходов... Девять из десяти звонков — просьбы о вспомоществовании. А церкви, объединенные благочестием, не филантропическая организация. Она сама нуждается в деньгах и не собирается раздавать их кому попало. Что касается десятого вызова, то он поступает либо от склочника, либо от психа. Поэтому я ввел такое жесткое правило и строго требовал его соблюдения. Результаты сказались очень быстро. Экономия в сотни долларов только на одних междугородных вызовах.— Мне все же удалось выжать из себя улыбку.— Никогда не думал, что попадусь в собственные сети.

— А какие у тебя теперь планы, Алек?

— Теперь? Выйти на шестьдесят шестое шоссе и выставить на всеобщее обозрение большой палец. Я хочу добраться до Оклахома-Сити до пяти часов вечера. Это нетрудно — город близко.

— Да, сэр. А почему до пяти, осмелюсь спросить?

— Ты всегда можешь спрашивать, и тебе это великолепно известно. Брось-ка ты изображать этакую «невозмутимую Гризельду», любимая; ты хандришь с тех самых пор, как мы углядели тот дирижабль. Так вот, потому что в Оклахома-Сити есть окружной офис ЦОБ, и я хочу туда попасть прежде, чем он закроется. Погоди немного, и ты увидишь, как они расстилают перед нами красную дорожку, моя родная. Доберемся до Оклахома-Сити, и все наши неприятности останутся позади.

Этот полдень почему-то напомнил мне прогулку по полю, засеянному сорго. Озимым сорго. Нам легко удавалось находить попутки, но все поездки были очень короткими. В среднем мы делали по двадцать миль в час на шоссе с установленной скоростью движения шестьдесят миль. Пятьдесят пять минут мы потеряли по делу — бесплатная трапеза. В который раз достойный представитель племени водителей грузовиков угощал нас едой, поскольку сам решил поесть. И все по той причине, что не родился еще мужчина, способный не оторваться от еды и не пригласить Маргрету, раз она тут. (А заодно кормили и меня. Просто потому, что я входил в перечень ее имущества. Что ж, не жалуюсь).

Мы ели минут двадцать, но затем шофер потратил тридцать минут и бесчисленное множество четвертаков на игральные автоматы... А я стоял рядом и внутренне кипел, видя, как Маргрета хлопает в ладоши и радостно взвизгивает при каждой удаче шофера. Однако ее общественный инстинкт был верен: шофер довез нас прямо до Оклахома-Сити. Там он проехал через весь город, хотя мог ехать в объезд, и в четыре двадцать высадил нас на пересечении Тридцать шестой улицы и авеню Линкольна, всего в двух кварталах от офиса ЦОБ.

Оба квартала я прошел, весело насвистывая. Раз даже пошутил:

— Улыбнись, любимая. Еще месяц, а может, и меньше, и мы будем ужинать в «Тиволи».

— Правда?

— Правда. Ты столько мне о нем рассказывала, что я дождаться не могу. А вот и дом, который нам нужен.

Офис находился на втором этаже. На сердце потеплело, когда я увидел буквы, написанные на стекле: «Церкви, объединенные благочестием. Входите».

— После тебя, моя любовь.

Я взялся за ручку, чтобы открыть перед ней дверь.

Но не открыл. Дверь оказалась запертой.

Постучал, потом увидел звонок и позвонил. Потом действовал попеременно — стучал и снова звонил. И опять. И опять.

Какой-то негр со шваброй и ведром появился в коридоре и прошел мимо нас. Я окликнул его:

— Эй, дядюшка! У тебя нет ключей от этой двери?

— Никак нет, капитан. А там никого и нет. Они обычно закрывают и уходят после четырех.

— Понятно. Спасибо.

— Рад служить, капитан.

Когда мы опять оказались на улице, я глуповато улыбнулся Маргрете.

— Ничего себе, красная дорожка. Бросили работу в четыре. Когда кошка спит, мыши веселятся. Обещаю тебе, что у кого-то головы после этого полетят. Не могу в данной ситуации подобрать более удачное клише. Ах нет — могу! Бедняки не выбирают. Мадам, а что, если мы сегодня переночуем просто в парке? Ночь тепла, дождя не предвидится. Конечно, москиты и чиггеры... Зато никакой платы за помещение.

Мы ночевали в парке Линкольна на площадке для гольфа, прямо на газоне, казавшемся живым бархатом — так он кишел чиггерами.

Но, несмотря на чиггеров спали мы хорошо. Мы уже встали, когда появились первые игроки в гольф, и удалились, сопровождаемые сердитыми взглядами. Воспользовавшись общественным туалетом в парке, мы повеселели, почувствовав себя чище, свежее. Я побрился, и мы оба позавтракали бесплатной питьевой водой из фонтанчика. В целом, настроение у меня было довольно приличное. Правда, еще рановато, и вряд ли можно ожидать, что эти нахальные плейбои из ЦОБ появятся на работе ни свет ни заря. Но тут мы наткнулись на полисмена. Я спросил у него адрес публичной библиотеки, а затем прибавил:

— Кстати, а где тут аэропорт?

— Чего-чего?

— Площадка, где садятся дирижабли.

Коп повернулся к Маргрете:

— Леди, он у вас что — чокнутый?

Я действительно почувствовал, что болен, когда спустя полчаса мы подошли к списку контор в том здании, где побывали вчера. Мне стало нехорошо, но я не удивился, обнаружив, что церкви, объединенные благочестием, среди арендаторов помещения отсутствуют. Чтоб полностью увериться, я поднялся на второй этаж. Нужный нам офис занимала какая-то страховая компания.

— Что ж, дорогая, пойдем в библиотеку. Выясним, что за мир, в котором мы оказались.

— Хорошо, Алек,— Маргрета выглядела почему-то очень оживленной.— Дорогой, мне очень жаль, что тебя постигло такое разочарование, но... я просто ожила. Я... я... я до смерти боялась даже подумать о встрече с твоей женой.

— Ты с ней не увидишься. Никогда. Обещаю. Гм... я и сам как будто испытываю облегчение. И голод.

Мы прошли еще немного.

— Алек, ты не рассердишься?

— Ты же знаешь, что в наказание можешь получить только сочный поцелуй. А в чем дело?

— У меня есть пять четвертаков. Настоящих.

— Надо полагать, ты ждешь, чтобы я спросил: «Дочь моя, а не согрешила ли ты там у себя в Филадельфии?» Выкладывай начистоту. Кого ты пришила? И много ли было крови?

— Вчера... Это те игровые автоматы. Каждый раз, когда Гарри выигрывал три раза подряд, он давал мне четвертак. «На счастье!» — говорил он.

Я решил не наказывать ее. Конечно, это были «неправильные» четвертаки, но они годились для наших целей, так как подходили к здешним торговым автоматам. Мы шли как раз мимо лавчонок, где торговали разной дешевой ерундой. Обычно в подобных местах стоят автоматы, продающие готовую еду, именно так было и на сей раз. Цены тут жутко высокие: пятьдесят центов за тощий высохший сандвич, двадцать пять за крошечный, на один укус, шоколадный батончик. И все же это было лучше многих завтраков, доставшихся нам в пути. А главное — мы ничего не украли: четвертаки моего мира были из настоящего серебра.

Затем мы пошли в библиотеку, чтобы выяснить, каков же этот мир, с которым нам предстояло иметь дело.

Выяснили мы быстро.

Это был мир Марги.

20

Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел, как лев.

Книга притчей Соломоновых 28, 1

Маргрета была возбуждена не меньше, чем я вчера. Она прямо била ключом. Она сияла улыбками, она выглядела на шестнадцать лет. Я поискал глазами какой-нибудь закуток между стеллажами

или еще что-нибудь в том же роде, где можно было бы поцеловать ее, не думая о библиотекаре. Потом вспомнил, что в мире Марги подобным поступком никого не шокируешь... тут же схватил ее в объятия и расцеловал от всей души.

И сейчас же меня отчитал библиотекарь.

Нет, совсем не за то, что целовался, а за то, что мои поцелуи были слишком громкими. Публичные поцелуи сами по себе нисколько не оскорбляли достоинства библиотеки. Еще бы! Поклявшись, что впредь буду тих как мышка, и принеся извинения за нарушение тишины, я заметил на дисплее возле библиотекаря надпись: «Новые поступления. Пособие по порнографии для детей шести — двенадцати лет».

А через пятнадцать минут я уже голосовал на семьдесят седьмом шоссе, ведущем в Даллас.

Почему в Даллас? А из-за фирмы «О'Хара, Ригсби, Крумпакер и Ригсби».

Как только мы оказались за дверями библиотеки, Марга начала возбужденно щебетать о том, как теперь будет легко покончить с нашими бедами с помощью ее банковского счета в Копенгагене.

— Подожди-ка, Маргрета, дорогая. А где твоя чековая книжка? Где документ, подтверждающий личность? — охладил я ее восторг.

В общем, выяснилось, что Маргрета сможет добраться до своих денег в Дании только через несколько дней по самому оптимистичному варианту и несколько недель — по более пессимистичной оценке... и что даже если мы выберем самый длинный вариант, то нам все равно потребуются значительные денежные вложения, хотя бы на посылку телеграмм. Телефонная линия через Атлантику? Маргрета была уверена, что такой штуки вообще не существует. (А если бы она и существовала, то, я думаю, телеграммы все равно дешевле и надежнее).

Даже после того как все предварительные трудности будут преодолены, вероятно, возникнет необходимость получить из Европы деньги почтой, а ведь в этом мире авиационного сообщения нет.

Итак, мы отправились в Даллас, поскольку я уверил Маргу, что в самом худшем случае адвокаты Алека Грэхема безусловно одолжат ему денег, чтобы он (мы) смог наконец обрести крышу над головой. При известной удаче, мы вполне могли бы рассчитывать и на весьма солидную сумму.

(Они, конечно, могут и не признать во мне Алека Грэхема, и доказать, что я — не он, с помощью отпечатков пальцев, графологического анализа подписи и так далее, и тем самым вызвать некоторое сомнение насчет Алека Грэхема в исполненных доброжелательности, но весьма сбивчивых представлениях Марги. Впрочем, я ей говорить об этом не стал).

От Оклахома-Сити до Далласа около двухсот миль. Мы приехали туда в четыре часа дня на попутке, которая подобрала нас на пересечении шестьдесят шестого и семьдесят седьмого шоссе и привезла чуть ли не в самый центр столицы Техаса. Мы вылезли из попутки там, где семьдесят седьмое шоссе пересекается с восьмидесятым, то есть на берегу Тринити, и направились пешком в Смит Билдинг. На что ушло полчаса.

Секретарша в конторе, размещенной в помещении номер 7000, выглядела так, будто только что сошла с театральной сцены, где ставилась пьеса того сорта, на борьбу за запрещение которых ЦОБ угробили уйму денег и времени. Она, конечно, была одета, но не так чтобы очень, а ее макияж относился к тем, которые Марга называла «первым классом». Она была пышна и красива, и с обретенной за последнее время терпимостью я просто наслаждался этим греховным зрелищем. Она улыбнулась и спросила:

— Чем могу быть полезна?

— Сегодня отличный день для гольфа. Кто из партнеров сейчас в офисе?

— Боюсь, только мистер Крумпакер.

— Именно он-то мне и нужен.

— Как мне о вас доложить?

(Первое препятствие — я его не предусмотрел. А может быть, она...)

— Разве вы меня не узнаете?

— Извините. А я должна была вас узнать?

— Скажите, а вы тут давно работаете?

— Немногим больше трех месяцев.

— Вот в чем дело! Скажите Крумпакеру, что здесь Алек Грэхем.

Я не мог слышать, что говорит ей Крумпакер, но следил за выражением ее глаз. Мне показалось что они раскрылись шире; больше того, я был в этом уверен. Однако она только сказала:

— Мистер Крумпакер вас примет.— Потом повернулась к Маргрете.— Могу ли я предложить вам журнал, пока вы будете ожидать? Не угодно ли сигарету с «травкой»?

Тут вмешался я:

— Она пойдет со мной.

— Но...

— Идем, Марга.

И я быстро пошел во внутренние комнаты конторы.

Обнаружить дверь Крумпакера оказалось нетрудно — за ней раздавалось какое-то визгливое кваканье. Оно оборвалось, когда я открыл дверь и придержал ее, чтоб пропустить Маргрету. Когда она вошла в комнату, он завизжал:

— Мисс, вам придется подождать за дверью!

— Нет,— решительно отверг я его предложение и закрыл за собой дверь,— миссис Грэхем останется с нами.

Он был поражен.

— Миссис Грэхем?

— Удивил вас, а? С тех пор как мы виделись последний раз, я женился. Дорогая, это Сэм Крумпакер, один из моих адвокатов. (Его имя я узнал из таблички на двери). Как поживаете, мистер Крумпакер?

— Э-э-э... Рад познакомиться, миссис Грэхем. Примите мои поздравления. Поздравляю и вас, Алек, вы всегда отличались прекрасным вкусом.

— Спасибо. Садись, Марга,— сказал я.

— Одну минутку, друзья. Миссис Грэхем тут не следует оставаться ни в коем случае. И вы, Алек, это знаете лучше, чем кто-либо другой.

— Ничего я такого не знаю. И на сей раз решил привести свидетеля.

Нет, я не знал, что он жулик, но я уже давно усвоил, что любой человек, который пытается избежать присутствия свидетелей, вряд ли может быть причислен к лику достойных. Поэтому ЦОБ всегда стараются иметь свидетелей и всегда держатся в рамках законности. Так, знаете ли, дешевле обходится.

Марга села. Я уселся рядом. Когда мы вошли, Крумпакер вскочил и сейчас стоял. Его губы нервно подергивались.

— Тогда мне придется известить федерального прокурора.

— Давай, давай,— согласился я.— Подними трубочку телефона и позвони ему. А еще лучше нам обоим посетить его *лично*. Давай расскажем ему *обо всем*. При свидетелях. Давай соберем представителей прессы. Но соберем *всю* местную прессу, а не только ту, которую вы подкармливаете.

(Что мне было известно? Да ничего. Но уж если блефовать, то по-крупному. Внутри меня пробирала дрожь. Этот подонок мог развернуться и броситься в драку, как загнанная в угол мышь. Взбесившаяся мышь).

— Могу!

— Валяй, валяй! Назовем все имена и расскажем, кто и чем занимался и кто получал денежки. Я готов сделать достоянием гласности *все*... до того как мне подсыпят в суп цианид.

— Не смей так говорить!

— А кто имеет на это большее право, чем я? Кто спихнул меня за борт? *Кто*?

— Не смей на меня таращиться!

— Нет, Сэмми, я не думаю, что это сделал ты: тебя там не было. Зато это вполне мог сделать какой-нибудь твой крестник. А? — я улыбнулся самой широкой и самой дружелюбной из всех своих улыбок.— Шутка, Сэм. Мой старый друг вряд ли пожелал бы мне смерти. Но ты можешь мне кое-что объяснить и помочь выкрутиться из этой истории. Сэм, знаешь, как хреново, когда тебя выкидывают из игры аж в другом полушарии... Так что ты мне кое-что задолжал. (Нет, я все еще ничего не знал... ничего, кроме того очевидного факта, что передо мной сидит тип с нечистой совестью и на него следует давить посильнее).

— Алек, давай не будем торопиться.

— А я и не тороплюсь. Но мне нужны объяснения. И деньги.

— Алек, даю тебе слово чести, все, что мне известно о случившемся с тобой — когда пароход с помятым носом пришел в Портленд, тебя на борту не было. И мне пришлось проделать весьма нелегкий путь в Орегон, и все это ради того, чтобы стать свидетелем вскрытия твоего переносного сейфа. А там лежала жалкая сотня тысяч, все остальное испарилось. Кто взял деньги, Алек? Кто до тебя добрался?

Он пристально вглядывался мне в лицо; надеюсь, что на нем ничего не отразилось. И все же ему удалось ошеломить меня. Правду ли он говорит? Этот пройдоха соврет — глазом не моргнет. Может, мой друг-эконом или эконом в сговоре с капитаном разграбили шкатулку?

В качестве рабочей гипотезы всегда следует выбирать простейшее объяснение. Этот тип казался мне более способным на ложь, чем эконом на воровство. И было похоже... нет, наверняка капитан должен был оказаться на сцене раньше, чем эконом успел бы залезть в сейф пассажира. Если эти два облеченных ответственностью офицера, рискуя карьерой и репутацией, решились на кражу, то зачем им оставлять в шкатулке сто тысяч долларов? Почему не забрать все? Почему не притвориться, что им совершенно ничего не известно о содержании шкатулки, как это и должно было быть на самом деле? Нет. Тут что-то не то.

— И сколько, ты хочешь сказать, пропало?

— А? — он взглянул на Маргрету.— Хм... Черт, ладно. Там должно было быть на девятьсот грандов больше. Те деньги, которые ты не передал на Таити.

— А кто утверждает, что я этого не сделал?

— Что? Алек, ты только ухудшаешь ситуацию. Это говорит мистер Зет. Ты пытался утопить его посыльного.

Я взглянул на него и расхохотался.

— Ах, ты имеешь в виду тех тропических гангстеров? Они пытались получить деньги, не представившись и без расписки. Я сказал им решительно «нет», и тогда этот умник велел своей горилле сбросить меня в бассейн. Хм... Сэм, теперь я все понял. Выясни, кто сел на «Конунг Кнут» в Папеэте.

— Зачем?

— Это тот, кто тебе нужен. Он не только унес деньги, но и столкнул меня за борт. Когда узнаешь, не пытайся добиваться его экстрадиции, а только скажи мне, как его кличут. Все остальное я возьму на себя. Займусь им лично.

— Черт побери, но нам необходим этот миллион долларов!

— Думаешь, получишь его? Спорю, он давно уже в руках мистера Зет... только без расписки. Лично я из-за нее имел кучу неприятностей. Не будь идиотом, Сэм,— девятьсот тысяч пропали.

Но я требую оплаты своих услуг. Поэтому гони сотню грандов. И побыстрее.

— Что!!! Их удержал прокурор в Портленде в качестве вещдока.

— Сэм, дорогой Сэм, не пытайся учить бабушку, как воровать овечек. Доказательство чего? Кого обвиняют? Против кого возбуждено дело? Какое преступление инкриминируется? Неужели меня обвиняют в воровстве из моего собственного сейфа? Какое преступление?

— Какое преступление? Кто-то спер девятьсот грандов, вот какое!

— В самом деле? А кто подал жалобу? Кто подтвердит, что в сейфе лежали еще девятьсот грандов? Я ведь, разумеется, никому об этом не докладывал, так *кто же* может это подтвердить? Бери трубку, Сэм, вызови федерального прокурора в Портленде. Спроси его, на каком основании он удерживает деньги... по чьей жалобе? Давай доберемся в этом деле до истины. Бери трубку, Сэм. Этот федеральный шут гороховый забрал *мои* денежки, и я намерен вытрясти их из него.

— Что-то, я смотрю, тебе прямо невтерпеж пообщаться с прокурором. Странно слышать такое *от тебя*.

— Вероятно, заболел острым воспалением честности. Сэм, твое нежелание разговаривать с Портлендом подсказывает мне то, что я так хочу знать. Тебя вызвали туда, чтоб ты действовал в моих интересах, как мой адвокат. Американский гражданин упал за борт. Корабль принадлежит иностранному регистру, и, готов спорить, они обязаны были вызвать адвоката этого пассажира, чтобы произвести официальную проверку имущества пропавшего. Затем все было передано его адвокату, и ты выдал расписку. Сэм, что ты сделал с моими вещами?

— Отдал Красному Кресту. А как же иначе?

— Вот как, а?

— Я хочу сказать, отдал их сразу же, как только прокурор снял с них арест.

— Любопытно. Федеральный прокурор удерживает деньги, хотя никто не подавал жалобы, что какие-то деньги исчезли... А одежду он отдает... хотя единственным возможным преступлением тут могло быть лишь убийство.

— Что?..

— Я говорю о моем убийстве. Кто меня спихнул за борт и кто его нанял? Сэм, мы оба знаем, где деньги,— я встал и показал пальцем.— Они в этом сейфе. Вот где они должны быть, по логике вещей. В банк ты их не положишь: это будет отражено в счетах. Дома не спрячешь: жена может найти. И уж конечно, с партнерами делиться ты не стал. Сэм, открой-ка сейф. Я хочу видеть, лежат там сто тысяч... или миллион?

— Ты с ума сошел!

— Вызывай федерального прокурора. Пусть он станет свидетелем!

Я так разозлил его, что он не мог говорить. Руки у него тряслись. Это небезопасно — так раздразнить маленького человека, хотя я и превосходил его дюймов на шесть по росту и соответственно по весу и другим параметрам. Сам он на меня не нападет — он же юрист, но теперь, проходя в дверь или сворачивая за угол, мне придется постоянно оглядываться с опаской.

Настало время его немного охладить.

— Сэм, Сэм, не принимай сказанное так близко к сердцу. Уж очень ты на меня навалился... вот я и дал тебе сдачи. Только одному Господу известны пути прокуроров... Мерзавец, должно быть, присвоил деньжонки в надежде, что я утонул и никогда не подам жалобу. Что ж! Поеду в Портленд и нажму на него как следует.

— Там выдан ордер на твой арест.

— Вот как? По каким же таким обвинениям?

— Совращение путем обещания вступить в брак. Женщина из команды корабля.— У него все-таки хватило совести бросить на Маргрету извиняющийся взгляд — Простите, миссис Грэхем. Но ваш муж первым задал вопрос.

— Все в порядке,— сказала она сухо.

— А я ходок, верно? Как она выглядит? Красива? Как ее имя?

— Я ее никогда не видал, ее там не было. Имя? Какое-то шведское, что ли. Гундерсон. Вот как! Маргрета С. Гундерсон.

Маргрета, Бог да благословит ее сердечко, даже не пискнула, хотя ее и обозвали шведкой. Я удивленно вскричал:

— Меня обвиняют в том, что я соблазнил женщину... на борту судна, плавающего под иностранным флагом где-то в южных

морях... И потому в Портленде, штат Орегон, выдан ордер на мой арест? Сэм, какой же ты юрист? Позволить выдвинуть против своего клиента подобные обвинения!

— Я ловкий юрист, вот какой. Как ты только что сказал сам, пути прокуроров неисповедимы. Свои мысли они прячут глубоко-глубоко, пока не приходится пускать их в ход. Просто обо всем этом не было смысла спорить, поскольку ты умер или, во всяком случае, мы так считали. Я и сейчас соблюдаю твои интересы, а потому сообщаю тебе то, что ты должен знать, дабы не вляпаться в грязную историю. Дай мне время, и я все улажу. Вот тогда и поезжай в Портленд.

— Что же, звучит довольно разумно. А здесь никаких более серьезных обвинений против меня не существует?

— Нет. Вернее, и да, и нет. Расклад тебе известен: мы заверили их, что ты не вернешься, поэтому они посмотрели сквозь пальцы на то, что ты уехал. Но теперь ты вернулся. Алек, нельзя допустить, чтобы тебя видели здесь. И вообще в Техасе. Да и в Штатах, если говорить прямо, тоже. Пойдут слухи, и против тебя выдвинут прежние обвинения.

— Я невиновен.

Он пожал плечами:

— Все мои клиенты невиновны. Я действую в твоих интересах, так сказать, по-отечески. Уезжай из Далласа. Если скроешься где-нибудь в Парагвае, то это будет совсем хорошо.

— Как это? Да у меня ни шиша нет. Сэм, мне нужны зелененькие.

— Разве я когда-нибудь тебе отказывал? — он вынул бумажник, отсчитал пять стодолларовых банкнотов и выложил передо мной.

Я поглядел на них.

— Это еще что? Чаевые? — я взял бумажки и положил их в карман.— Этого не хватит даже до Браунсвилла. Покажи-ка мне настоящую монету.

— Заходи завтра.

— Перестань валять дурака, Сэм. Открой сейф и дай мне настоящие деньги. Или завтра я пойду не сюда, а к парню из федерального управления и запою там звонко, как поют ма-а-аленькие птички. После того как мы с ним договоримся — а это

произойдет обязательно, ведь феды любят свидетелей обвинения, поскольку только таким путем им с грехом пополам удается выигрывать свои дела,— я поеду в Орегон и получу там свою сотню грандов.

— Алек, ты мне угрожаешь?

— Ты блефуешь, я блефую. Сэм, мне нужна машина. И я имею в виду вовсе не какой-нибудь помятый «фордик». «Кадиллак». Не обязательно новый, но чтоб смотрелся как картинка, чистенький и с хорошим мотором. «Кадиллак» и несколько тысяч, и тогда к полуночи мы будем уже в Ларедо, а утром — в Монтеррее. Я звякну тебе из Мехико-Сити и сообщу адрес. И если ты действительно хочешь, чтобы я убрался в Парагвай и там осел, переведи мне денежки на федеральную столицу, и я до нее доберусь.

В общем не все вышло по-моему, и мне пришлось согласиться на подержанный «понтиак» и покинуть офис с шестью тысячами долларов наличными и инструкцией явиться на такую-то площадку, где торгуют подержанными автомобилями и где мне будет подготовлен подходящий вариант; Сэм туда заранее позвонит и договорится обо всем. Он согласился также звякнуть в отель «Хайтс», заказать нам номер для новобрачных и распорядиться, чтобы его придержали некоторое время; вернуться же в офис Сэма я должен был завтра в десять утра. Но я наотрез отказался вставать так рано.

— Пусть будет одиннадцать. У нас все еще медовый месяц.

Сэм хмыкнул, хлопнул меня по спине и согласился.

Выйдя из коридора, мы направились прямо к лифтам, но я миновал их и, пройдя футов десять дальше, открыл дверь, ведущую на пожарную лестницу. Маргрета следовала за мной, храня полное молчание, но, когда мы оказались на лестничной площадке, где никто из офиса нас слышать не мог, она шепнула:

— Алек, этот человек тебе не друг.

— Да, ты права.

— Я боюсь за тебя.

— Я за себя тоже побаиваюсь.

— Я страшно боюсь. Я боюсь за твою жизнь.

— Любимая, я тоже боюсь за свою жизнь. И за твою тоже. Ты будешь в опасности все время, пока не покинешь меня.

— Но я *никогда* не покину тебя!

— Я знаю. Что бы ни случилось, мы будем вместе.

— Да. Какие у нас теперь планы?

— Мы немедленно отправимся в Канзас.

— О, прекрасно! Значит, мы не едем в Мексику?

— Дорогая, я же не умею водить машину.

Мы спустились в подземный гараж, а оттуда по пандусу вышли на боковую улочку. По ней мы прошли несколько кварталов от Смит Билдинг, сели в проезжавшее мимо такси, добрались до вокзала «Тексас энд Пасифик» и пересели на стоянке такси в другую машину. А оттуда поехали в Форт-Уэрт, что в двадцати пяти милях к западу от Далласа. За все время путешествия Маргрета не проронила ни словечка. Я не спрашивал, о чем она думает, ибо знал; трудно быть счастливой, узнав, что парень, в которого ты влюбилась, замешан в грязных делишках, от которых так и несло гангстерами и рэкетирами. Я поклялся, что никогда с ней об этом не заговорю.

В Форт-Уэрте я попросил таксиста высадить нас на самой шикарной торговой улице, предоставив ему самому выбрать место. Потом сказал Маргрете:

— Дорогая, я хочу купить тебе увесистую золотую цепочку.

— Боже мой, милый, да мне она вовсе не нужна.

— Она нужна нам. Марга, когда я впервые попал в этот мир и оказался вместе с тобой на «Конунге Кнуте», я узнал, что бумажные доллары здесь дешевы, так как не имеют золотого обеспечения — цены, которые я видел сегодня, это подтверждают. Если снова произойдет превращение (а мы от него не застрахованы), то даже здешние металлические деньги — четвертаки и даймы — в другом мире ничего не будут стоить, ибо в них нет ни грамма настоящего серебра. Что же касается бумажек, полученных от Крумпакера, то это просто туалетная бумага. Их нужно обратить в нечто другое. Мы начнем с золотой цепи, и отныне ты не снимешь ее даже в постели, даже в ванне, если не захочешь обмотать ее вокруг моей шеи.

— Понимаю. Ты прав.

— Мы купим еще кое-какие золотые украшения потяжелей для каждого из нас, а потом я попробую найти лавочку нумизмата и купить у него несколько серебряных «колес», а может быть, и

золотых монет. Главная цель — отделаться от всех этих дурацких бумажек в течение ближайшего часа. Почти от всех, кроме той суммы, которая нужна на покупку двух автобусных билетов до Уичито в Канзасе — это триста пятьдесят миль к северу отсюда. Как думаешь, ты выдержишь ночную поездку в автобусе? Я хочу, чтобы мы выбрались из Техаса как можно скорее.

— Конечно! Ох, милый, я так хочу выбраться из Техаса! По правде говоря, я жутко боюсь до сих пор.

— Если по правде, то не ты одна.

— Алек, я не принимала ванну уже *четыре дня*.

Мы нашли ювелирный магазин, мы отыскали нумизматическую лавчонку — и я истратил почти половину бумажек, оставив другую на оплату дороги и прочих нужд в этом мире: например, ужина, который мы съели, как только магазины начали закрываться. Тот гамбургер, которым мы закусили в Гейнсвилле, казалось, был съеден где-то совсем в другом времени и пространстве. Затем я узнал, что существует автобус на север: Оклахома-Сити — Уичито — Салайна, отправляющийся в десять часов тем же вечером. Я купил билеты и заплатил сверху по доллару за каждый, чтобы нам зарезервировали определенные места. После этого я принялся швырять деньги, как пьяный матрос: снял номер в отеле напротив автобусной стоянки, хотя и знал, что меньше чем через два часа нам придется его покинуть.

Сделать это стоило. Мы искупались в горячей воде. Каждый из нас по очереди оставался полностью одетым и держал в руках одежду другого, драгоценности и все деньги, в то время как этот другой голым отмокал в ванне. Моя бритва тоже охранялась, так как она стала для нас талисманом, с помощью которого мы перехитрили Локи с его злобными выдумками.

А еще у нас обоих было новое чистое белье, купленное попутно, пока мы занимались превращением бумажных денег в валюту.

Я надеялся, что у нас выдастся время и для любви, но нет — к тому часу, когда я помылся и обсох, уже нужно было быстренько одеваться и выписываться из отеля, чтобы успеть на автобус. Ну ничего, случай еще подвернется. Мы забрались в автобус, опустили спинки кресел, и Маргрета тут же положила голову мне на плечо. Когда автобус тронулся на север, мы уже спали.

Я проснулся довольно скоро, так как дорога стала уж очень ухабистой. Мы сидели сразу же за водителем. Я наклонился вперед и спросил:

— Это что — объезд?

Я не мог припомнить ни одного скверного участка на этой дороге, ведь мы ехали по ней на юг всего двенадцать часов назад.

— Нет,— сказал он,— мы пересекли границу Оклахомы, вот и все. В Оклахоме асфальта маловато. Он положен только возле самого Оки-Сити, да еще между тем местом, где мы сейчас находимся, и Гатри.

Наш разговор разбудил Маргрету; она потянулась.

— Что случилось, милый?

— Ничего. Просто Локи снова забавляется. Спи спокойно.

21

> И начав речь, один из старцев спросил меня:
> сии облеченные в белые одежды,
> кто и откуда пришли?
> Я сказал ему: ты знаешь, господин.
> И он сказал мне:
> это те, которые пришли от великой скорби;
> они омыли одежды свои
> и убелили одежды свои кровью Агнца.
> За это они пребывают ныне пред престолом Бога
> и служат Ему день и ночь в храме Его,
> и Сидящий на престоле будет обитать в них.
>
> *Откровение Иоанна Богослова 7, 13–15*

Сидя в легонькой коляске, я погонял лошадь, и, признаться, мне это не доставляло никакого удовольствия. День был жаркий, пыль из-под копыт липла к влажной коже, оводы кусались как проклятые, ветерка — никакого. Мы находились где-то вблизи стыка границ штатов Миссури, Канзас и Оклахома, но я не очень-то понимал, где именно. Карты я не видел уже несколько дней, а на дорогах теперь не было указателей, предназначенных для удобства автомобилистов, ибо автомобилей не существовало и в помине.

Последние две недели (может быть, больше, может быть, меньше — я потерял счет дням) были днями бесконечной сизифовой пытки — одно чудовищное разочарование следовало за другим. Продавать серебряные доллары местному дилеру за бумажки этого мира? Нет проблем; я делал это несколько раз. Однако каждый раз не очень удачно. Как-то я продал серебряный доллар за местную бумажку, как вдруг — бац! — новое превращение, и мы ушли голодными. В другой раз меня нагло обсчитали и, когда я возмутился, мне сказали: «Сосед, владеть этой монетой противозаконно, и ты это прекрасно знаешь. Я даю тебе за нее хоть что-то только потому, что ты мне больно нравишься. Берешь? Или мне придется поступить так, как подсказывает мне мой гражданский долг».

Пришлось-таки взять. Бумажки, которую нам дали за пять унций серебра, не хватило даже на обед в захолустном приюте гурманов под названием «Мамочкин ужин».

Это произошло в очаровательном селении, которое называлось (если судить по указателю на его окраине).

«ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ»

Чистая община.
Негров, жидов и папистов просят не задерживаться.

Мы задерживаться не стали. Целых две недели мы потратили, стараясь преодолеть двести миль, разделяющих Оклахома-Сити и Джаплин в Миссури. Мне пришлось отказаться от мысли как-то объехать Канзас-Сити стороной. У меня не было желания очутиться поблизости от него и особенно в нем, поскольку внезапная смена миров могла швырнуть нас прямо в объятия Абигайль. Но в Оклахома-Сити я узнал, что самый быстрый и единственно приемлемый путь в Уичито лежал через Канзас-Сити. Мы регрессировали в эру лошадей и повозок.

Если вы возьмете возраст нашей Земли, то есть период с 4004 года до Рождества Христова до 1994 года после него, иначе говоря, пять тысяч девятьсот девяносто восемь лет... ладно, будем считать? шесть тысяч лет, то в масштабе этих шести тысяч восемьдесят-девяносто лет — сущий пустяк. И в моем мире от лошадино-экипажной эры меня тоже отделял такой же крохотный промежуток вре-

мени. Мой отец родился в те времена (1909 год), а мой дед по отцовской линии не только никогда не имел автомобиля, но даже отказывался в нем ездить. Он объявил их порождением дьявола и частенько цитировал отрывки из Книги пророка Иезекииля в доказательство своей правоты. Возможно, тут он не ошибался.

Лошадино-экипажная эра тоже, разумеется, имеет недостатки. Есть совершенно очевидные — вроде отсутствия канализации в домах, кондиционеров или современной медицины. А для нас был еще один, хоть и не столь очевидный, но очень важный. В мире, где нет ни грузовиков, ни легковых машин, практически нельзя путешествовать автостопом. О, иногда, конечно, нам удавалось попроситься на какой-нибудь фермерский фургон, но разница между прогулочным шагом человека и лошадиной поступью, в общем-то, не так уж велика. Мы ехали, когда удавалось, но так или иначе, пятнадцать миль в сутки можно было считать уже приличным суточным переходом — даже более чем хорошим, а это не оставляло времени, чтоб заработать на хлеб насущный и на ночлег.

Есть такой старинный парадокс насчет Ахиллеса и черепахи, в котором остающееся расстояние до вашей движущейся цели сокращается с каждым шагом наполовину. Вопрос такой — сколько времени надо, чтобы добраться до цели? Ответ: вы ее никогда не достигнете.

Именно таким образом мы и передвигались от Оклахома-Сити до Чаплина.

И еще что-то усугубляло наши беды. Я все больше и больше укреплялся в мысли, что мы и в самом деле вступили в Последние времена и что пришествия Иисуса и Страшного суда можно ждать в любую минуту, а моя любимая, без которой не было мне жизни, все еще не находила возможным вернуться в объятия Христа. Я воздерживался от того, чтобы торопить ее на этот счет, хотя мне и приходилось собирать всю волю в кулак, чтобы не препятствовать ее желанию переносить свои внутренние борения в одиночестве. Я стал плохо спать из-за того, что мысли мои о ней неустанно грызли меня.

Наверное, я слегка помешался (в дополнение к параноидальной уверенности, что превращения миров нацелены персонально на меня), помешался в том смысле, что обрел ни на чем не

основанную непреодолимую уверенность, что завершение этого путешествия истинно важно для спасения бессмертной души моей ненаглядной. Только дай добраться нам до Канзаса, Господи мой Боже, и я стану молиться без передышки, пока не обращу ее и не приведу к стопам твоим. О Боже мой, Бог Израиля, пошли мне это благо!

Я продолжал искать работу посудомоя (или любую другую), хотя у меня еще были и серебро, и золото, которые можно было обменять на местные деньги. Но и отелей больше не существовало, гостиницы встречались очень редко, ресторанов стало куда меньше; были они маленькие, чтобы вписаться в здешнюю экономику, люди путешествовали нечасто, а большинство кормилось дома.

Проще всего было найти работу по очистке стойл в платных конюшнях на постоялых дворах. Я предпочитал мойку посуды, особенно потому что имел всего одну пару ботинок, но придерживался правила браться за любой честный труд, позволявший нам продвигаться вперед.

Вы, может, недоумеваете, почему мы не переключились на путешествия в товарных вагонах? Но, во-первых, я не знаю, как это делается, поскольку раньше таким делом мне не приходилось заниматься. А еще важнее то, что я не мог там гарантировать Марге безопасность. Ведь это очень опасно — прыгать в товарняк на ходу. Еще хуже неприятности, исходившие от людей: железнодорожные «быки» и всякая шпана — хобо, бродяги, попрошайки, бездельники. Нет смысла дальше обсуждать эти мрачные опасности, ибо я твердо решил держать Маргрету подальше от рельсовых джунглей хобо.

А мое беспокойство все росло. И хотя я строго выполнял просьбу Марги не нажимать на нее, я стал молиться вслух каждый вечер и в ее присутствии, стоя на коленях. И наконец к моей великой радости, моя любимая присоединилась ко мне и опустилась на колени рядом. Она не молилась вслух, и я тоже замолчал, позволив себе сказать лишь в конце: «Во имя Христа, аминь». Но мы все еще предпочитали не вести на эту тему никаких разговоров.

Эту лошадь и повозку (Боже, какой душный день! «Циклональная погода», сказала бы моя бабушка Хергенсхаймерша) я

получил в результате успешной деятельности по очистке стойл в одной платной конюшне. Как обычно, я уволился на другой же день, сказав моему временному хозяину, что нам с женой нужно поскорее попасть в Джаплин, так как ее мать заболела.

Он сказал, что у него есть двуколка, которую надо вернуть в ближайший город по той же дороге. Дело в том, что у него скопилось слишком много всяких тарантасов и кляч как своих, так и чужих, иначе он подождал бы, пока сможет отправить повозку обратно, отдав ее внаем какому-нибудь заезжему коммивояжеру. Я вызвался доставить лошадь и повозку с условием, что мне заплатят за один рабочий день по той же низкой ставке, по которой он платил мне за то, что я выгребал лопатой навоз и чистил лошадей щетками.

Хозяин заявил, что и так делает мне одолжение, поскольку нам с женой все равно надо в Джаплин.

На его стороне была и логика, и сила — и я согласился. Но его жена тайком сунула нам какую-то еду, да еще покормила завтраком после ночи, проведенной в сарае.

Поэтому, погоняя лошадь, я не чувствовал себя таким уж несчастным, невзирая на погоду и на наши беды. Мы ежедневно на несколько миль приближались к Джаплину... а моя родная девочка начала молиться. Стало казаться, что мы наконец уже вплотную приблизились к местам, где сможем чувствовать себя в безопасности.

Мы только что достигли предместья этого городишки (Лоуэлл? Расин? жаль, не могу вспомнить), как тут же наткнулись на молитвенное собрание, будто возникшее из воспоминаний моего детства: сборище под открытым небом, старинное евангелическое бдение. По левую сторону дороги находилось старое кладбище, довольно ухоженное, хотя трава на могилах уже начала желтеть; прямо против него, по правую сторону дороги, на лугу был раскинут ярмарочный шатер для бдений. Я подумал, случайно или намеренно такое расположение друг против друга кладбища и евангелического собрания? Если бы в этом деле участвовал преподобный Фанни, я бы знал, что это спланировано заранее: есть люди, которые не могут видеть могилу, чтобы тут же не подумать о вечности, которая их ожидает.

Возле шатра теснились коляски и фермерские фургоны, а за ними был устроен временный крааль для скотины. Столы для пикников из плохо обструганных досок стояли по другую сторону шатра; на них еще лежали остатки ленча. Это было серьезное многолюдное евангелическое собрание из числа тех, что начинаются поутру, с перерывом на ленч, продолжаются до полудня, затем, без сомнения, прерываются на обед и кончаются лишь тогда, когда проповедник решит, что больше душ, нуждавшихся сегодня в спасении, не осталось.

(Я презираю современных городских проповедников с их пятиминутными «божественными откровениями». Говорят, Билли Санди мог молиться по семь часов, выпив всего один стакан воды, а затем продолжать молиться весь вечер и даже следующее утро. Не удивительно, что варварские секты вырастали там, как грибы после дождя).

Поблизости от шатра стоял запряженный парой лошадей фургон вроде циркового. На его стенке было написано: «Брат "Библейский" Барнаби», а спереди красовался матерчатый плакат, укрепленный на растяжках и стойках:

Стародавняя религия!
Брат «Библейский» Барнаби
Исцеляет на каждом бдении
Утром — в десять, днем — в два, вечером — в семь.
Ежедневно с воскресения пятого июня до
!!!СУДНОГО ДНЯ!!!

Я прикрикнул на кобылу и натянул вожжи.

— Дорогая, взгляни-ка сюда.

Маргрета прочла плакат и ничего не ответила.

— Восторгаюсь его смелостью,— сказал я.— Брат Барнаби ставит на кон свою репутацию, обещая, что Страшный суд состоится еще до начала нынешней жатвы... которая, судя по жаре, в этом году начнется рано.

— Но ведь и ты думаешь, что Судный день скоро наступит?

— Да, но я не рискую своей профессиональной репутацией... а всего лишь бессмертной душой и надеждой на райское блаженство. Марга, каждый знаток Библии толкует пророчества по-своему. А иногда даже очень по-своему. Большинство нынешних

толкователей ожидают наступления дня не раньше двухтысячного года. Мне хотелось бы выслушать аргументацию брата Барнаби. Может быть, в ней что-то есть. Ты не будешь возражать, если мы задержимся на часок?

— Мы останемся так долго, как тебе хочется. Но... Алек, ты хочешь, чтобы я тоже зашла туда? А надо ли мне?..

— Хм... (Да, дорогая, я страстно хочу, чтобы ты зашла в шатер вместе со мной.) А ты предпочла бы подождать в коляске?

Ее молчание говорило само за себя.

— Понятно. Марга, я вовсе не собираюсь выкручивать тебе руки. Но меня тревожит одно... мы еще ни разу за несколько недель не разлучались, исключая случаи крайней необходимости. И ты знаешь, почему мы так поступали. Эти превращения, которые случаются чуть ли не каждый день... Я ужасно боюсь, что нечто подобное произойдет тогда, когда ты будешь сидеть здесь, а я — там, внутри, далеко от тебя... Э-э... мы могли бы постоять у входа в палатку, не заходя внутрь Я вижу, что ее парусиновые стенки снизу приподняты.

Она расправила плечи:

— Я просто дурочка. Нет, мы зайдем в шатер. Алек, только я обязательно должна держать тебя за руку. Ты прав — превращения происходят мгновенно. Однако я не могу требовать от тебя, чтобы ты не ходил на собрание своих единоверцев.

— Спасибо, Марга.

— Алек, я буду стараться.

— Спасибо. Большое спасибо тебе. Аминь.

— Не надо меня благодарить. Если тебя возьмут на небо, я хочу быть вместе с тобой.

— Ну так пойдем же в шатер, дорогая!

Я поставил двуколку в дальнем конце площадки для экипажей, а кобылу отвел в крааль; Марга не отставала от меня ни на шаг. Когда мы вернулись ко входу, я услышал пение:

...В углу не сиди, спесив!
Огонь разожги, поярче угол свой осветив!
Кто далеко от гавани —
пусть к свету
идет через риф.

И сразу же я успел подхватить:

...Огонь разожги, поярче угол свой осветив...

И почувствовал, что счастлив...

Все музыкальное сопровождение состояло из органа, приводимого в действие ножным приводом, и тромбона. Последний меня немного удивил, но все же понравился: нет другого инструмента, который мог бы так отлично справиться со «Святым градом», как тромбон; он почти незаменим в гимне «Сын Божий выходит на бой».

Молящихся поддерживал хор в белых ангельских одеяниях — набранный с бору по сосенке, как я понял: белые одеяния были сделаны из простынь. Но то, чего хору недоставало с точки зрения профессионализма, восполнялось его энтузиазмом. Церковной музыке вовсе не обязательно быть хорошей, важно, чтоб она была искренней... и оглушающей.

Посыпанный опилками проход футов шесть в ширину вел прямо к центру шатра, по обеим его сторонам были расставлены деревянные скамьи. Проход упирался в алтарь, обнесенный мелкой металлической решеткой. Служка провел нас по проходу и, как мне и хотелось, нашел нам место в первых рядах. Народу в шатре было много, но служка попросил подвинуться, и мы сели во втором ряду рядом с проходом, так что я очутился с краю. Да, сзади были еще пустые места, но каждый проповедник терпеть не может людей (а имя им легион), которые прячутся сзади, тогда как передние скамьи пустуют.

Когда музыка кончилась, брат Барнаби встал и, подойдя к кафедре, возложил руку на Библию.

— В этой книге сказано все! — сказал он тихо, почти шепотом. Присутствующие сидели как зачарованные.

Барнаби шагнул вперед и оглядел сидящих перед ним.

— Кто любит вас?

— Иисус любит меня.

— Да услышит он ваш голос!

— ИИСУС ЛЮБИТ МЕНЯ!

— Откуда вы знаете это?

— ЭТО СКАЗАНО В КНИГЕ!!!

Я почувствовал запах, которого не ощущал уже несколько лет. Мой профессор гомилетики однажды указал нам во время семинарских занятий, что паства, доведенная до религиозного экстаза, издает сильный и специфический запах («вонь» — такое слово он употребил) — так пахнут пот и мужские и женские гормоны. «Дети мои,— говорил он нам,— если от вашей паствы пахнет слишком нежно, значит, вы к ней не пробились. Если вы не заставите их потеть, если они не выкупаются в своем мусоре, как кошки во время течки, вам следует бросить это дело и уйти в соседний храм к папистам. Религиозный экстаз — сильнейшая из человеческих эмоций; когда она присутствует — вы ее сразу унюхаете!»

Брат Барнаби их явно достал!

(Должен признаться, что мне это никогда не удавалось. Вот почему я стал организатором и сборщиком денежных пожертвований).

— Да, все это есть в Книге! Библия — это слово Божие, и не кусочек там, кусочек здесь, а от первой буквы и до последней! Не аллегория, но истина в последней инстанции! Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными. Сейчас я вам кое-что из нее прочту: «Ибо сам Господь БОГ спустится с небес, сопровождаемый гласом и громом архангельской трубы, и первыми восстанут из могил умершие во Христе».

В последней строке содержатся важнейшие вести, братья и сестры: умершие во Христе восстанут первыми. Что это значит? Тут не говорится, что первыми восстанут мертвые, тут сказано, что первыми восстанут из могил *мертвые во Христе*. Те, что омылись в крови агнца и вновь возродились в Иисусе, а затем умерли в состоянии благодати до его Второго пришествия, и о них не будет забыто, они поднимутся из своих могил *первыми*. Их могилы откроются, им будет чудесным образом возвращены жизнь, и здоровье, и физическая красота, и поведут они шествие на небеса, чтобы там жить в счастии во веки веков у подножия великого белого Трона.

Кто-то взвизгнул: «Аллилуйя!!!»

— Будь же благословенна, сестра моя! Ах, какие это отличные новости! Все мертвые во Христе, все до единого! Сестра Эллен, отторгнутая от семьи жестокой рукой рака, но умершая с именем Христа на устах, возглавит процессию. Возлюбленная жена Эйсы,

умершая при родах, но в состоянии благодати, тоже будет там! И все ваши возлюбленные родственники, те, что умерли во Христе, соберутся, и вы узрите их на небесах. Брат Бен, проживший греховную жизнь, но нашедший Бога в одиночном окопе, перед тем как вражеская пуля сразила его... будет там... И эта новость радостная, свидетельствующая, что Бога можно обрести где угодно. Иисус присутствует не только в церквах, тем более что существуют такие церкви, где его имя почти не произносится.

— Расскажи нам еще об этом!

— Расскажу. Бог есть повсюду. Он слышит вас, когда вы говорите. Он слышит вас лучше, когда вы пашете свое поле или стоите на коленях у своей постели, чем когда вы молитесь в роскошном кафедральном соборе, окруженные накрашенными и надушенными. Он и сейчас тут, и он обещает вам: «Я никогда не оставлю вас, я никогда о вас не позабуду. Я стою у двери и стучусь, и, если кто-то услышит мой голос и откроет дверь, я войду к нему и повечеряю с ним, а он со мной». Это его обещание, данное вам в самых простых словах. Не невнятица, не высокоумные «интерпретации», не так называемый «аллегорический смысл». Сам Христос ждет вас, если вы только обратитесь к нему.

И если вы позовете его, если вы опять возродитесь в Иисусе, если он смоет с вас грязь и вы достигнете состояния благодати... что же тогда? Я прочел вам первую часть обещания Господа Бога своим верным. Вы услышите спас, вы услышите рев трубы, возвещающие его приход, как он и обещал, и умершие во Христе воскреснут. Их иссохшие кости восстанут из могил, покрывшись живой, здоровой плотью.

И *что потом*?

Слушайте же слова Господа, затем мы, которые живы, а это вы, я, братья и сестры мои; это Бог говорит о нас с вами... тогда мы, которые живы и останемся живы, будем вознесены вместе с восставшими из мертвых к облакам навстречу Господу Богу и с этих пор навеки останемся с Господом вместе.

Так вот с нами и произойдет! И мы там пребудем вечно! С Богом на небесах!

— Аллилуйя!

— Да святится имя твое!

— Аминь! Аминь!

(Я обнаружил, что вместе со всеми восклицаю: «Аминь!»)

— Но за все это надо платить. Бесплатных билетов на небеса не существует. Что случится, если вы не призовете Иисуса на помощь? Что будет, если вы отринете его приглашение омыться от грехов и возродиться в крови агнца? Что тогда? Ну? Отвечайте же!!!

Паства молчала, было слышно лишь тяжелое дыхание, а затем голос из задних рядов произнес не очень громко:

— Адское пламя.

— Адское пламя и проклятие! И не на миг, а на веки вечные! Не какое-то аллегорическое мистическое пламя, что обожжет вашу мысль, и будет больно, как от искры фейерверка в день Четвертого июля. Это реальное пламя, жаркое пламя, такое же реальное, как это! — Брат Барнаби так хватил по кафедре кулаком, что звук удара услышали даже в дальних углах шатра.— Это такое пламя, которое заставляет конфорку плиты раскаляться докрасна, а потом добела. И ты будешь в этом пламени, грешник, и дикая боль будет терзать и терзать тебя, и никогда она не прекратится. Никогда! Нет для тебя надежды. Незачем умолять о втором шансе. У тебя был этот второй шанс... был и миллионный. И даже больше того! Две тысячи лет милостивый Христос просил тебя, молил тебя принять от него то, за что он умер в мучениях на кресте, дабы передать тебе этот дар! Итак, когда ты будешь гореть в бездне огненной, стараясь выкашлять из легких серу — а это сера, обыкновенная сера, горячая и вонючая, и она будет жечь твои легкие и покрывать волдырями твою грешную шкуру,— когда ты будешь прожариваться в глубине этой бездны за свои грехи, не вздумай жаловаться, что тебе больно и что ты не ведал, что с тобой случится такое. Иисус все знает о боли: он умер на кресте. Он умер за тебя. Но ты не внял ему, и теперь ты в геенне огненной и скулишь.

Там ты и останешься, обреченный на немыслимые страдания в вечности! Но твои вопли не будут слышны из бездны, они утонут в воплях миллионов других грешников.

Брат Барнаби снизил голос до тона дружеской беседы:

— Вы хотите гореть в геенне огненной?

— Нет! Никогда!.. Иисус спасет нас!

— Иисус спасет вас, если вы попросите его об этом. Те, кто умер во Христе, спасены,— мы читали о них. Те, кто будут живы, когда он вернется, спасутся, если возродятся во Христе и останутся в благодати. Он обещал вам, что вернется и что Сатана будет скован тысячу лет, в течение которых Христос будет править в мире и справедливости здесь, на Земле. Это тысячелетие наступает, друзья, и до его начала рукой подать! После этой тысячи лет Сатана на какое-то время освободится, и тогда начнется Последняя битва. Эта война произойдет на небесах. Архангел Михаил будет генералом наших сил, он поведет ангелов господних против дракона — а это и будет Сатана — и сонма его падших ангелов. И Сатана падет — проиграет бой через тысячу лет от сегодняшнего дня. И его уже никто больше не увидит на небесах.

Но это случится только через тысячу лет со дня сего, дорогие друзья! И вы будете жить и увидите это... если примете Иисуса и возродитесь в нем до того, как труба протрубит о его возвращении. Когда это произойдет? Скоро, очень скоро! Что говорит Книга? В Библии Бог говорит нам, и не один раз,— в книгах пророков Исайи, Даниила и Иезекииля и во всех четырех Евангелиях, что вам не будет известно о точном часе его пришествия. Почему? А чтоб вы не успели замести грязь под ковер, вот почему! Если бы он объявил, что вернется в день нового года, в год двухтысячный, то найдутся такие, кто проведет следующие пять с половиной лет, бегая за падшими девками, поклоняясь ложным богам и нарушая каждую из десяти заповедей... а потом как-нибудь в рождественскую неделю вы увидите их в церкви, вопящими о раскаянии и пытающимися заключить выгодную для них сделку.

Нет, сэр Боб! Никаких выгодных сделок! Цена для всех одна. Глас и гром трубы от нас, возможно, отделяют месяцы... а может быть, вы их услышите еще до того, как я закончу эту фразу. И от вас зависит, будете ли вы готовы к этому мгновению.

Но нам точно известно — он придет скоро. Откуда? Опять из Книги. Знамения и чудеса. Первое, без которого ничего остального быть не может,— возвращение детей Израиля в землю обетованную — смотри Иезекииля, смотри Матфея, смотри сегодняшние газеты. Они восстановят храм... ну, и это уже произошло. Так написано в «Канзас стар». Будут и другие знаки и чудеса

всякого рода, но важнейшие из них — бедствия и страдания, ниспосланные, чтобы испытывать души людские, как испытывали Иова. А разве есть более точное слово, чем слово «страдание», чтобы выразить сущность двадцатого века?

Войны, и террористы, и политические убийства, и пожары, и эпидемии. И снова войны. Никогда в истории человечества не было таких жестоких испытаний. Но терпите, как терпел Иов, и все кончится в счастье и вечном мире — в мире Господа, который превышает возможности воображения. Он протягивает вам свою руку. Он любит вас. Он вас спасет.

Брат Барнаби остановился и отер лоб огромным носовым платком, давно уже промокшим от пота. Хор (возможно, этот жест послужил сигналом) тихонько запел: «Мы выйдем на реку, чудесную реку, что обтекает Трон»... А затем незаметно перешел к «Вот стою пред тобой без жалоб...»

Брат Барнаби опустился на одно колено и простер к нам руки.

— Молю вас! Неужели вы не ответите ему?! Придите, примите Иисуса, дайте ему привлечь вас на свою грудь...

А хор тихо-тихо пел свое:

Ты пролил за нас свою кровь,
Голос твой нам внушает любовь,
О агнец, иду за тобой...
И Святой дух снизошел.

Я почувствовал, как он овладевает мной, как радость Христова переполняет мое сердце. Я встал и пошел в проход. И только тогда вспомнил, что со мной Маргрета. Я повернулся к ней и увидел, как пристально смотрит она на меня, как освещает ее лицо серьезный и ласковый взгляд.

— Пойдем, дорогая,— шепнул я и повел ее по проходу.

Мы вместе шли по посыпанному опилками пути прямо к нашему Господу.

У ограды алтаря уже толпились те, что подошли раньше. Я отыскал местечко, отодвинув в сторону какие-то костыли и штыри, и опустился на колени. Я положил правую руку на ограду, склонил на нее голову, продолжая держать в левой руку Маргреты. Я молился Иисусу, чтоб смыть с нас грехи и принял нас в свои объятия.

Один из помощников брата Барнаби шепнул мне на ухо:

— Как ты себя чувствуешь, брат?

— Мне хорошо,— ответил я радостно,— и моей жене тоже. Помоги тем, кто нуждается в помощи.

— Благослови тебя Господь, брат,— и он ушел.

Какая-то сестра, стоявшая чуть дальше, начала корчиться и выкрикивать слова на неизвестном языке; он остановился около нее, пытаясь успокоить.

Я опять склонил голову, но вдруг услышал, что ржание и испуганные всхрапы коней становятся все громче, а брезентовая крыша над нами дрожит и хлопает. Я взглянул вверх и увидел, как лопнул брезент, как расширяется дыра, как все полотнище срывается со столбов и улетает прочь. Земля дрогнула. Небо казалось почти черным.

Рев трубы, казалось, пронизал меня до костей, а глас, громче которого я ничего не слыхивал, был радостен и победоносен. Я помог Маргрете встать на ноги.

— Время пришло, дорогая.

Нас смело.

Мы полетели кувырком, нас втягивала в себя воронка гигантского канзасского смерча. Меня оторвало от Маргреты, я попытался поймать ее, но не смог. В смерче не поплаваешь; ты летишь туда, куда тебя несет. Но я знал — Маргрета в безопасности.

Меня перевернуло вверх ногами и за считанные мгновения, показавшиеся мне, однако, бесконечно долгими, вознесло на высоту более двухсот футов... лошади вырвались из крааля, а какие-то люди, не унесенные штормом, копошились вокруг них. Непреодолимая сила смерча опять развернула меня, и я с высоты увидел кладбище.

Могилы разверзлись.

22

> При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?
>
> *Книга Иова 38, 7*

Вихрь хлестнул меня, закружил, и я больше не видел могил. Когда мое лицо снова обратилось к земле, ее уже не было видно —

только клубящееся облако, светящееся изнутри сильным янтарным, шафрановым, зелено-голубым и золотисто-зеленым цветами. Я продолжал искать взглядом Маргрету, но рядом с собой видел лишь несколько человек, ни один из которых не был ею. Не имеет значения, ведь Бог охраняет ее. Временное отсутствие Маргреты нисколько не смущало меня: самое главное препятствие мы только что преодолели вместе.

Я думал об этом препятствии. Еле-еле успели! А предположим, старая кобыла потеряла бы подкову и мы подъехали бы к тому месту у дороги часом позже? Ответ: мы бы туда вообще не добрались. Архангельская труба грянула бы, когда мы еще находились бы в пути — не вкусившие благодати! Вместо того чтобы вознестись к небесам, мы отправились бы на Страшный суд, не очистившись от грехов, а оттуда уж прямехонько в ад.

Верю ли я в предопределение?

Ничего себе вопросик! Давайте уж лучше держаться вопросов, на которые я могу ответить. Я плавал над облаками время, измерить которое мне не дано. Иногда я видел других людей, но ни один из них не приближался ко мне так, чтобы можно было поболтать. Я уже начал волноваться, когда же я увижу Господа Иисуса — ведь он особо подчеркивал свое обещание встретить нас «в облаках».

Пришлось напомнить себе, что не следует уподобляться ребенку, который требует, чтобы мама сделала то-то и то-то немедленно, и слышит в ответ: «Успокойся, сынок, я сделаю это чуть позже». Судный день — это, знаете ли, очень, очень хлопотливое дело, и я не имею представления, какие обязанности могут быть у Иисуса. Ах да, одна из них мне известна — разверзшиеся могилы напомнили мне о ней. Те, кто умер во Христе (миллионы? миллиарды? больше?), должны первыми встретиться с нашим Отцом на небесах, и, конечно, Господь Иисус обязан быть с ними при этом славном событии: он им обещал.

Установив причину задержки, я расслабился. Я готов был ждать своей очереди представиться Христу... и когда я его увижу, то попрошу соединить меня с Маргретой.

Уже ни о чем не беспокоясь, никуда не торопясь, ощущая полный душевный и физический комфорт, не чувствуя ни жары, ни холода, ни голода, ни жажды, я начал понимать, что это и есть обещанное блаженство. И заснул.

Не знаю, долго ли я спал. Наверно, долго: ведь я ужасно устал, последние три недели были особенно мучительны. Проведя рукой по лицу, я понял, что спал не менее двух суток, может быть, даже больше: щетина отросла так, что вид мой стал крайне неряшлив — значит, она росла без присмотра никак не меньше двух суток. Я пощупал нагрудный карман; да, мой верный «Жиллет» — дар Марги — был надежно спрятан в застегнутом на пуговицу кармане. Однако мыла и воды у меня не было, да и зеркала тоже.

Это меня расстроило, ибо звук, от которого я проснулся, был похож на пение ролска (не архангельской трубы — вероятно, дежурным ангелам их не выдают) и, как я понял, означал: «Проснись! Настал твой черед!»

Так оно и было — и поэтому, «когда раздался дальний зов», я вылез со своей двухдневной щетиной. Позорище!

Ангелы обращались с нами, как полицейские-регулировщики, сгоняя в круги по своему вкусу. Я узнал, что это ангелы, по их крыльям и белым одеяниям. Они были огромны — тот, который летал неподалеку от меня, был ростом футов девять-десять. Крыльями они не хлопали (позже мне стало известно, что крылья надевают только во время церемоний, как знак власти). Я обнаружил, что могу двигаться, согласно указаниям этих копов-регулировщиков. Раньше я совершенно не имел возможности контролировать свои движения, теперь же мог передвигаться в любом направлении одним лишь усилием воли.

Сначала нас построили в колонну по одному, растянувшуюся на многие мили (сотни миль? тысячи?). Затем колонны были собраны в ряды — по двенадцать человек, причем ряды располагались на нескольких уровнях — до двенадцати уровней в глубину. Если не ошибаюсь, то я был четвертым в ряду на третьем уровне. Что же касается места в колонне, то я там был, наверно, двухсотым от головы колонны — это я прикинул на глазок; установить же общую протяженность колонны я, конечно, не мог — конца ей не было видно.

И мы полетели к Трону Господню.

Но прежде какой-то ангел возник в воздухе примерно футах в пятидесяти от левого фланга. Голос его оказался звучным.

— А ну, слушать сюда! Вы будете участвовать в параде в составе этой формации. Ни под каким видом не вздумайте менять свое по-

ложение в ней. Равняйтесь на того парня, что находится слева от вас, на того, что летит ниже вас, и на того, что перед вами. Расстояние между рядами и уровнями — десять локтей, в рядах — пять. Никакой толкучки, выход из рядов запрещен; не вздумайте замедлить движение, проходя мимо Трона. Тот, кто нарушит дисциплину во время полета, будет немедленно отправлен в самый конец отряда... и я предупреждаю вас, что Сын может к тому времени уже уйти, и никто, кроме святого Петра и святого Павла или какого-нибудь другого святого, не останется, чтобы принимать парад. Вопросы?

— А сколько это — локоть?

— В ярде два локтя. Есть ли в этой когорте еще кто-нибудь, кто не знает, сколько это — ярд?

Все промолчали. Ангел бросил:

— Еще вопросы?

Женщина слева от меня и выше уровнем выкрикнула:

— Есть! У моей дочки нет с собой лекарства от кашля. Я захватила для нее пузырек. Вы можете передать ей?

— Творение, попытайтесь усвоить мои слова: кашель — если ваша дочь ухитрится протащить его на небеса — будет чисто психосоматическим.

— Но ее доктор сказал...

— А пока помолчите и дайте нам покончить с парадом. Прочие заявления могут быть сделаны после прибытия на небеса.

Были и еще вопросы, главным образом, дурацкие, подтверждающие мое мнение, которое я сформулировал и держал при себе очень давно: святость здравого смысла не прибавляет.

Опять прозвучал рожок; руководитель полета нашей когорты крикнул «Вперед!». Секундой позже раздался еще один трубный вскрик; он заорал: «Лети!». И мы полетели.

(Заметьте, я называл этого ангела «он», потому что он показался мне мужчиной. О тех, которые казались мне женщинами, я буду говорить «она». Но я никогда не чувствовал себя компетентным в деле определения половой принадлежности ангелов. Если допустить, что она у них есть. Думаю, они гермафродиты, но у меня не было шанса выяснить это наверняка. Да и смелости задать такой вопрос тоже не хватило. Еще одно меня тревожит. У Иисуса Христа были ведь братья и сестры — так девственна ли Дева Мария? Смелости задать такой вопрос я тоже не набрался).

Его Трон мы увидели за много миль. Это был не великий белый Трон Бога-отца на небесах, а временное полевое сооружение, предназначенное для Иисуса именно в данной ситуации. Тем не менее он был великолепен, вырубленный из единого алмаза с мириадами граней, отражавших внутреннее сияние самого Иисуса и отбрасывающих его снопами брызг огня и льда во всех направлениях. И это я видел лучше всего, ибо лицо Иисуса сверкает таким ослепительным светом, что без солнечных очков невозможно рассмотреть его истинные черты.

Впрочем, это неважно. Все знали, кто он такой. Не знать было невозможно. Чувство всепоглощающего благоговения охватило меня, когда мы были, по меньшей мере, в двадцати пяти милях от него. Несмотря на своих профессоров теологии, первый раз в жизни я понял (почувствовал?), что значит та единственная эмоция, для описания которой Библия использует два слова сразу любовь и страх. Я любил и страшился существа, сидящего на Троне, и теперь знал, почему Петр и Иаков бросили свои сети и последовали за ним.

И конечно, я не стал обращаться к нему с просьбой, когда мы приблизились к нему на сто ярдов. В былой жизни на Земле я обращался (взывал) к Иисусу по имени тысячи раз — когда я увидел его во плоти, то просто напомнил себе, что ангел, формировавший нашу когорту, обещал, что мы сможем подать личные просьбы, когда прилетим на небеса. А это будет скоро. Пока же мне было радостно думать о Маргрете, которая тоже участвует в параде и видит Бога Иисуса на его Троне... а если бы я не вмешался, она могла бы никогда не увидеть его. Мне стало хорошо и тепло, и это еще больше обогатило то чувство экстатического благоговения, с которым я взирал на его ослепительно сиявший свет.

Когда мы отлетели от Трона миль на двадцать, наша когорта повернула направо и вверх, и мы покинули сначала окрестности Земли, затем и Солнечной системы. Теперь мы летели прямо на небеса, непрерывно наращивая скорость.

Вы знаете, что Земля выглядит как полумесяц, если смотреть на нее с высоты. Я подумал о том, явились ли к Страшному суду сторонники взгляда, что Земля плоская. Мне это казалось мало-

вероятным, но, в общем, такое суеверие, происходящее от невежества, вовсе не обязательно противоречит вере в Христа. Некоторые суеверия абсолютно противоречат ей, а потому преданы анафеме — как, например, астрология или дарвинизм. Но чушь насчет того, что Земля плоская, насколько я знаю, никогда не предавалась анафеме. Если среди нас есть сторонники подобных представлений, то каково им смотреть вниз и видеть, что Земля кругла, как теннисный мяч?

(А может быть, Господь настолько велик в своем милосердии, что позволит им видеть Землю плоской? Может ли смертный понять точку зрения Бога?)

Кажется, нам понадобилось два часа на то, чтобы достигнуть окрестностей небес. Я сказал «кажется», так как на самом деле время могло иметь любую протяженность; человеческие мерки для его определения здесь отсутствовали. Точно так же мне кажется, что вся церемония Второго пришествия заняла около двух суток, хотя позже у меня появилась причина думать, что на это ушло около семи лет, во всяком случае, основания так считать были. Попытки измерить время или пространство дают весьма сомнительные результаты, если у вас нет ни часов, ни мерных рулеток.

Когда мы подлетели к Святому граду, наши проводники велели нам сбросить скорость, а затем совершить обзорный круговой облет перед тем, как войти внутрь через одни из врат.

Этот увеселительный тур был не таким уж кратким мероприятием. Новый Иерусалим (Небеса, Святой град, столица Иеговы) имеет форму квадрата, подобно федеральному округу Колумбия, но только он неизмеримо больше, так как имеет стороны по тысяча триста двадцать миль, то есть пять тысяч двести восемьдесят миль в периметре и площадью один миллион семьсот сорок две тысячи четыреста квадратных миль.

В сравнении с ним Лос-Анджелес или Нью-Йорк выглядят совсем крошечными. Трудно поверить, но по площади Святой град в шесть раз превосходит Техас! И все равно — перенаселен. Но, правда, после нас новых поступлений практически не ожидается.

Город, конечно, окружен стеной, которая имеет двести шестнадцать футов в высоту и столько же в толщину. По верхней плоскости стены проходят двенадцать транспортных полос, но никаких

ограждений по бокам нет. Стена испещрена рубцами. В ней двенадцать врат — по три с каждой стороны. Это знаменитые Жемчужные ворота (такие они и есть на самом деле). Обычно они широко открыты и не будут запираться вплоть до Последней битвы.

Сами стены сделаны из радужной яшмы; у их основания проходят двенадцать горизонтальных полос, сверкающих поярче самой стены и состоящих из сапфира, изумруда, сердолика, хризолита, берилла, топаза, аметиста — что-то я наверняка пропустил. Новый Иерусалим так сверкает со всех сторон, что человеку трудно составить о нем целостное впечатление. Просто все невозможно охватить взглядом.

Когда мы закончили облет Святого града, руководитель полета нашей когорты построил нас в несколько отдельных порядков, подобно тому как стоят дирижабли в порту О'Хара, и продержал так до тех пор, пока не получил сообщения, что одни из врат свободны. Я очень надеялся, что это будут врата, где я хоть одним глазком увижу святого Петра, но мне не повезло. Его офис находился у главных врат — врат Иуды, тогда как мы прошли сквозь врата Эшера, где и были зарегистрированы ангелами, действующими по поручению святого Петра.

Несмотря на то, что врата были открыты, и при наличии дюжины клерков — помощников святого Петра, сидящих у каждых врат — и при практическом отказе от опроса (поскольку все мы вознеслись во плоти, что автоматически гарантирует спасение), мне пришлось стоять в очереди довольно долго только ради того, чтобы зарегистрироваться, получить временные удостоверения и временные документы на пищевое довольствие...

(Пищевое?)

Да, я, конечно, тоже удивился. И спросил ангела, который меня оформлял. Он (она) глянул на меня сверху вниз.

— Это остаточный рефлекс. Ты можешь не пить и не есть, но некоторые творения и даже некоторые ангелы любят покушать, особенно в компании. Так что поступай как нравится.

— Спасибо. Теперь насчет ордера на постой. Он на одного? А я хочу на двоих — на себя и на жену. Я хочу...

— Ты хочешь сказать, «бывшую жену». На небесах нет ни женатых, ни замужних.

— Как?! Это значит, мы не можем жить вместе?

— Ничего подобного. Но вам надлежит обратиться в генеральное жилищное управление. Зайдешь в контору по обмену и улучшению. И не забудь, что оба обязательно должны иметь при себе талоны на постой.

— Но в том-то и проблема! Я разлучен с женой. Как мне найти ее?

— Это не входит в круг моих служебных обязанностей. Спросишь в справочном бюро. А пока пользуйся помещением на одного в казармах имени Гедеона.

— Но...

Он (она) вздохнул:

— Ты все-таки соображаешь, сколько тысяч часов я тут сижу? Попробуй представить себе, как сложно обслужить сразу столько миллионов творений; одни из которых никогда не умирали, а другие только что воскресли. Ведь нам впервые приходится устанавливать на небесах канализацию, предназначенную для тех, кто вознесся во плоти. А ты напрягись как следует и попробуй понять, какое это неудобство! Понимаешь, если мы устанавливаем канализацию, значит, надо обеспечить и присутствие тех, кто ею пользуется, а следовательно, необходимо организовать специальные территориальные общины. А ты думаешь, они прислушаются к нам? Ха! Словом, давай забирай свои бумажки, иди в ту дверь, получай белую робу и сияние... арфы не обязательны. А потом быстренько дуй прямо на зеленый свет — в Гедеоновы казармы.

— НЕТ!

Я видел, как его (ее) губы шевелятся — должно быть, он (она) безмолвно молился.

— Ты думаешь, это хорошо? Шляться по небесам в таком виде, как у тебя? Ты же выглядишь страшным неряхой. Мы тут не привыкли к творениям во плоти. Хм... Илия был последним, насколько я помню, и надо сказать, что ты выглядишь почти столь же малореспектабельно, как он. Не говоря уж о том, что следовало бы скинуть эти вонючие тряпки и надеть приличный белый хитон. На твоем месте я бы подумал и о том, как избавиться от перхоти.

— Слушайте,— сказал я сердито.— Никто не имеет понятия о тех лишениях, которые я перенес. Никто, кроме самого Иисуса. Пока вы тут просиживали зад в этом распрекрасном городе в чистой мантии и с сиянием над головой, я сражался с самим Сатаной. Я знаю, что выгляжу не слишком элегантно, но я не виноват, что меня призвали сюда в таком виде. Хм... где тут можно найти бритвенные лезвия?

— Брит... чего?

— Бритвенные лезвия. Обоюдоострые лезвия «Жиллетт» или что-то похожее на них. Вот для этой штуки.— Я вытащил бритву и показал ему (ей).— Предпочтительно, из нержавейки.

— У нас тут ничего не ржавеет. Но во имя неба, что это такое?

— Безопасная бритва. Чтоб снять эту безобразную щетину с лица.

— Неужели?! Если Господь в своей премудрости пожелал бы, чтоб его творения мужского полу не имели волос на лице, он сотворил бы их с гладкой кожей. Ну-ка, дай мне, я ее выкину подальше.— Он (она) потянулся за моей бритвой.

Я поспешно спрятал ее:

— Нет, нет. Ничего не получится! А где здесь справочное бюро?

— Как выйдешь, налево. В шестистах шестидесяти милях.— Он (она) брезгливо поморщился.

Я отвернулся, чуть не дымясь от возмущения. Бюрократы! Даже на небесах! Больше вопросов я не задавал, поняв невысказанную суть происходящего. Шестьсот шестьдесят миль — эту цифру я умудрился запомнить во время нашего туристического круиза — точное расстояние от Центральных врат (таких же, как врата Эшера, где я сейчас находился) до центра небес, то есть до великого белого Трона Господа Бога Иеговы — Бога-отца. Ангел сказал (сказала) мне, и в весьма хамской форме, что, если я не в восторге от того, как со мной обращаются, я могу жаловаться самому боссу; короче — «Пшел вон!».

Я собрал свои бумаги и попятился к выходу, ища глазами кого-нибудь чином повыше.

Тот, кто организовал это столпотворение — Гавриил, или Михаил, или еще кто,— должно быть, предусмотрел, что тут будет ошиваться множество людей, каждый со своими проблемами, которые, в общем, плохо вписываются в систему. Поэтому

среди толпы шныряли херувимы. Только не надо вспоминать Микеланджело или Луку делла Роббиа — эти херувимы вовсе не походили на бамбино с ямочками на толстеньких ляжках, эти были на фут-полтора выше нас, новоприбывших, и здорово напоминали ангелов, но только с маленькими крылышками, как у херувимов на картинках, и у каждого была бляха, на которой значилось: «Административная служба».

А может, это и были ангелы? Я никогда не мог понять, какая разница между ангелами, херувимами, серафимами и прочими. Книга, по-видимому, полагает, что такие вещи понятны всем без разъяснений. Паписты же насчитывают целых девять видов ангелов. И кто это им позволил? В Книге ничего подобного нет.

Я обнаружил на небесах только два четко различающихся вида: ангелы и люди. Ангелы считают себя важнее всех и не стесняются показывать это на каждом шагу. И они действительно выше людей и по положению, и по физической силе, и по привилегиям. Спасенные души — граждане второго сорта. Представление, которое пронизывает всю протестантскую христианскую религию (а может быть, и папистскую), что спасенные души будут сидеть чуть ли не на коленях у Господа, ну... не совсем соответствует истине, что ли. И если вы спасены и попадаете на небеса, то сразу же обнаруживаете, что вы новичок — самый младший из всех, кто тут живет.

Спасенная душа на небесах занимает положение, сходное с положением чернокожего в штате Арканзас. И ангелы вам это непрерывно тычут в нос. Ни разу не встречал ангела, который сумел бы мне понравиться.

В общем-то, их чувства к нам вполне понятны. Давайте посмотрим на себя с ангельской точки зрения. Согласно пророку Даниилу, на небесах насчитывалось около ста миллионов ангелов. До воскрешения из мертвых и вознесения небеса не были перенаселены. Это было очень миленькое местечко с хорошими видами на карьеру: выполнение отдельных поручений, участие в песнопениях и, время от времени, в ритуальных действах. Уверен, ангелам это дело нравилось.

И вдруг хлынул гигантский поток иммигрантов, многие миллионы (миллиарды?) иммигрантов, причем немало таких, которые еще и на горшок сами ходить не умеют. И все требуют, чтоб с

ними нянчились. После бесчисленных эонов буколической жизни, вкушаемой ангелами, они вдруг оказались перед лицом необходимости заниматься тяжким ненормированным трудом, руководя тем, что с полным правом можно назвать колоссальным сумасшедшим домом. Так чего же удивляться, что мы им противны?

И все же... не нравятся они мне. Снобы!!!

Я отыскал херувима (ангела) с бляхой «Административная служба» и спросил его, где находится ближайшее справочное бюро. Он ткнул большим пальцем через плечо:

— Прямо по бульвару — около шести тысяч фарлонгов. Это у Реки, что течет от Трона.

Я поглядел на уходящий вдаль бульвар. Бог-отец на своем Троне выглядел, как солнце на восходе.

— Шесть тысяч фарлонгов — это около шестисот миль? А поближе ничего нет?

— Творение, это сделано с умыслом. Если бы справочные киоски поставили на каждом углу, вы бы все толпились возле них, задавая кучу идиотских вопросов. А так многие творения не захотят затрудняться... Ну разве у них найдется действительно важный вопрос.

Логично. И все же приводит в бешенство. Я обнаружил, что меня снова обуревают отнюдь не божественные мысли. Я всегда представлял себе небеса как обитель гарантированного благорасположения, а вовсе не как место, исполненное тупой недоброжелательности, совсем как Земля. Я сосчитал до десяти сначала по-английски, а потом по-латыни.

— Э... а каково полетное время? Существуют ли тут ограничения скорости?

— *Уж не думаешь ли ты, что тебе разрешат летать? А?*

— А почему бы и нет? Только сегодня я прилетел, а потом еще облетел вокруг града.

— Это ты только думал, что летишь. А фактически за тебя все делал руководитель твоей когорты. Творение, разреши мне сказать кое-что, что поможет тебе избежать уймы неприятностей. Когда ты получишь крылья — если ты их когда-нибудь получишь — не пытайся летать над Святым градом. Посадка будет столь быстрой и жестокой, что у тебя все зубы расшатаются. А крылья отберут навсегда.

— Почему?

— *Потому что не положено, вот почему.* Вы — *парнишки-что-пришли-последними* — заявляетесь сюда и думаете, что вы тут хозяева. Вы бы и на Троне нацарапали свои инициалы, если б сумели подобраться к нему. А потому давай-ка я тебе вложу ума. На небесах действует одно правило: «КРИСП». Знаешь, что это значит?

— Нет,— ответил я, хотя и не совсем правдиво.

— Тогда слушай и учись. Ты забыл десять заповедей. Здесь из них действуют только две-три, и ты скоро обнаружишь, что нарушить их нельзя, даже если будешь очень стараться. Золотое правило же, действующее на небесах повсеместно, гласит: «Каждый ранг имеет свои привилегии — сокращенно КРИСП». В данной зоне ты всего лишь необученный рекрут в господней рати, то есть состоишь в самом низком ранге из всех возможных. И стало быть, имеешь самые маленькие привилегии. Практически, единственная привилегия, которая мне известна,— тебе разрешено здесь находиться... просто находиться. Господь в своей бесконечной мудрости постановил, что тебя можно сюда допустить. И точка. Веди себя как положено, и тебе разрешат тут остаться. Теперь о правилах движения автотранспорта, о которых ты спрашивал. Над Святым градом летают только ангелы и больше никто. И то лишь когда исполняют служебные обязанности или во время церемоний. Что к тебе совершенно не относится. Даже если тебе выдадут крылышки. Если. Я подчеркиваю это слово, потому что огромное количество подобных тебе творений прибыли сюда с бредовыми иллюзиями, будто допуск на небеса автоматически превращает творение в ангела. Ничего подобного. Не превращает. Творения никогда не станут ангелами. Святыми — это бывает. Хоть и редко. Ангелами — никогда.

Я сосчитал до десяти и обратно на иврите.

— С вашего разрешения, я все-таки попытаюсь добраться до этого справочного бюро. Поскольку мне не разрешается летать, то как я туда попаду?

— Так что ж ты сразу-то не сказал? Садись в автобус.

Спустя некоторое время я уже сидел в фаэтоне-автобусе транзитной линии Святого града, и мы громыхали в направлении далекого Трона. Фаэтон был открытый, имел форму парохода, вход

находился сзади, видимыми источниками энергии фаэтон не располагал, равно как не имел ни кондуктора, ни водителя. Он останавливался на определенных, отмеченных знаками стоянках, и именно таким образом я в него попал. Однако как заставить его остановиться там, где мне надо, я еще не знал.

По-видимому, все жители града пользовались такими автобусами (кроме важных шишек, имевших собственные фаэтоны). Даже ангелы. Большинство пассажиров были люди, одетые в обычные здесь одежды. И носившие обычные сияния над головой. Впрочем, я видел несколько человек в костюмах разных исторических эпох, над головами которых сияния были покрупнее и покрасивее. Я заметил, что ангелы были отменно вежливы с творениями, имевшими такие красивые сияния. Но рядом с ними в автобусе не сидели. Ангелы занимали переднюю часть автобуса, привилегированные люди — среднюю, а просто быдло (включая вашего покорного слугу) сидело в задней.

Я спросил у одной такой же, как я, души, сколько надо времени, чтобы добраться до Трона.

— Не знаю,— ответила она,— я так далеко не еду.

Душа оказалась женской, средних лет и дружелюбной, поэтому я прибег к обычному способу знакомства.

— У вас ведь канзасский выговор, не правда ли?

— Не думаю,— улыбнулась она,— ведь я родилась во Фландрии.

— Вот как! Однако вы отлично говорите по-английски.

Она слегка покачала головой:

— Я вообще не знаю английского.

— Но...

— Я понимаю. Вы только что прибыли. На небеса не распространяется проклятие вавилонского столпотворения. Здесь никогда не было смешения языков... и для меня это исключительно важно, так как у меня очень плохие способности к языкам, что создавало различные трудности... до моей смерти. А здесь все иначе.— Она поглядела на меня с интересом.— Можно спросить, где вы умерли? И когда?

— Я вообще не умирал,— сказал я.— Меня взяли на небо живым. Во время Страшного суда.

Ее глаза широко распахнулись.

— Ох, как интересно! Вы, наверно, очень святой человек!

— Не думаю. А почему вы так полагаете?

— Второе пришествие наступит... наступило?.. без предупреждения. Так, во всяком случае, меня учили в свое время.

— Это так.

— Значит, без предупреждения, без шансов на покаяние, без священника, который поможет... а вы были готовы! Так же свободны от грехов, как Дева Мария. И прямо попали на небо. Вы *должны* быть святым.— Подумав, она добавила: — Именно так я и решила, увидев ваш костюм, так как только святые, особенно мученики, одеты частенько так же, как одевались на Земле.— Она вдруг застеснялась.— Вы не дадите мне благословения? Или, может быть, с моей стороны бестактно к вам приставать?

— Сестра, я не святой.

— Неужели вы откажете мне в благословении?

(Господи Иисусе! Ну почему со мной всегда происходят такие истории!)

— Вы слышали, как я сказал, что, насколько мне известно, я вовсе не святой, и все равно хотите получить мое благословение?

— Если вы соблаговолите... святой отец.

— Хорошо. Чуть-чуть повернитесь ко мне, слегка наклоните голову...— Вместо этого она сделала полуоборот и упала передо мной на колени. Я положил ей руку на голову.— Властью, возложенной на меня как на рукоположенного священника единой истинной католической церкви Иисуса Христа-сына, Бога-отца и Святого духа, я благословляю нашу сестру во Христе. Да будет так.

Вдруг я услышал возгласы «Аминь!» — зрителей тут хватало. Я чувствовал себя ужасно нелепо. Я не был уверен, и до сих пор не уверен, что имею право раздавать благословения на небесах. Но милая женщина попросила его у меня, и я не мог ей отказать.

Она взглянула на меня со слезами на глазах:

— Я знала! Я так и знала!

— Что вы знали?

— Что вы святой. Теперь он у вас над головой!

Я хотел спросить: «Что у меня над головой?» — и тут случилось небольшое чудо. Внезапно я четко увидел себя со стороны: мятые, грязные штаны хаки, рубашка из армейских запасов с пятнами пота

под мышками, оттопыренный левый нагрудный карман, где лежала бритва, трехдневная щетина на щеках... волосы, которые не мешало бы постричь... и плавающее над головой... сияние размером с раковину для мытья посуды, сверкающее и лучистое.

— Встаньте с колен,— сказал я вместо заготовленных слов,— не будем привлекать к себе внимание.

— Хорошо, святой отец.— Тут она добавила: — Вам не следует сидеть в задней части автобуса.

— Предоставьте мне судить об этом самому, дочь моя. А теперь расскажите мне о себе.

Пока она усаживалась, я огляделся вокруг. И случайно поймал взгляд ангела, одиноко сидящего впереди. Он (она) сделал мне знак подойти.

Однако я достаточно долго терпел ангельское нахальство и сначала просто проигнорировал его жест. Но другие заметили, хотя тоже притворились, что не видели, а моя исполненная почтения спутница прошептала:

— О святой, вон тот ангел желает с вами поговорить.

Я сдался — отчасти потому, что так было проще, отчасти потому, что мне самому хотелось спросить его кое о чем. Я встал и пошел в переднюю часть автобуса.

— Я вам нужен?

— Да. Вам известны правила. Ангелы впереди, прочие творения сзади, святые — в середине. Садясь сзади с простыми творениями, вы прививаете им дурные манеры. Как можно рассчитывать на соблюдение привилегий, дарованных святым, если вы игнорируете протокол. Чтоб больше этого не было!

Я подумал о нескольких возможных ответах, но все они были весьма далеки от божественности. Вместо этого я спросил:

— Можно задать вам вопрос?

— Спрашивайте.

— Сколько времени автобус будет добираться до берега Реки, текущей от Трона?

— А почему вы спрашиваете об этом? Перед вами ведь вечность.

— Значит ли это, что ответ вам неизвестен? Или вам не угодно отвечать вообще?

— Идите и садитесь на надлежащее место. Немедленно!

Я пошел назад и попробовал найти место в задних рядах. Однако мои собратья-творения расселись так, что не оставили мне ни единого свободного местечка. Никто не сказал ни слова, но все старались не встречаться с моим взглядом, и было очевидно, что никто не поддержит моего желания бросить вызов ангелу. Я вздохнул и сел в средней части — в блистательном одиночестве, ибо был в автобусе единственным святым. Если, конечно, допустить, что я святой.

Не знаю, сколько времени потребовалось мне, чтоб достичь Трона. На небесах освещенность в течение суток не меняется, равно как не меняется и погода, а часов у меня не было. Просто время тянулось долго и уныло. Уныло? Да. Роскошный дворец из драгоценных камней представляет собой изумительное зрелище. Дюжина дворцов из тех же драгоценных камней могут стать дюжиной изумительных зрелищ, но только при условии, что все они отличаются друг от друга. Однако сто миль, застроенных однообразными дворцами, живо усыпят вас, а шестьсот шестьдесят миль наведут смертельную тоску. Я принялся вспоминать о площадках для торговли подержанными машинами, о свалках и (еще лучше) о клочке зелени и обширных загородных полях и перелесках.

Новый Иерусалим — город бесподобной красоты. Я готов клятвенно засвидетельствовать это. Но долгая поездка убедила меня, что безобразие тоже необходимо для ощущения красоты.

Мне так и не удалось узнать, кто спроектировал Святой град. Что утверждение проекта и строительства дело рук Божиих — аксиоматично. Но Библия не называет архитектора (или архитекторов) или строителя (подрядчиков). Франкмасоны говорят о Великом Архитекторе (имея в виду Иегову), но в Библии об этом — ни слова. Один раз я спросил какого-то ангела: «Кто разработал проект города?» Он не возмутился моим невежеством, не обругал меня, он просто показался мне не способным понять суть вопроса. А я так и остался недоумевающим — неужели Бог лично сотворил (разработал чертежи и построил) Святой град до последнего драгоценного камня? Или он поручил это своим подчиненным?

Но кто бы ни разработал проект, Святой град имеет, на мой взгляд, один огромный недостаток — и не вздумайте говорить мне, что мое желание высказать свое мнение о проекте Господа — богохульство. Там есть недостаток, и весьма серьезный.

В граде отсутствуют публичные библиотеки.

Одна сотрудница справочного отдела библиотеки, всю жизнь отвечавшая на любые вопросы посетителей, все равно какие — ерундовые или важные, была бы на небесах полезней целой когорты самодовольных ангелов. Таких женщин на небесах должно быть множество, ибо надо обладать добротой святого и терпением Иова, чтобы служить в информационном отделе библиотеки и заниматься этим делом, скажем, сорок лет подряд. Но чтобы выполнить свой долг, им нужны книги, банки памяти и тому подобное, то есть орудия производства. Если бы была возможность, они создали бы и файлы, и книжные каталоги... но откуда возьмутся книги? Небеса, по-видимому, начисто лишены типографских мощностей.

Вообще на небесах нет никакого производства. Не существует и экономики. Когда после изгнания из рая Иегова повелел, чтобы мы — потомки Адама — в поте лица своего добывали хлеб, он положил начало экономике, которая работала с тех пор на протяжении почти шести тысяч лет.

Но не на небесах.

На небесах он ежедневно снабжает нас хлебом, не заработанным в поте лица. По правде говоря, в хлебе мы не нуждаемся. Вы тут не можете помереть с голоду. Вы, собственно, не можете даже проголодаться — так, чтоб это почувствовать. Просто у вас появляется желание насладиться едой и позабавить себя, войдя в один из множества ресторанчиков, закусочных и прочих трапезных. Самый вкусный гамбургер, который мне посчастливилось съесть в своей жизни, я получил в крошечной закусочной неподалеку от Площади Трона, на берегу Реки. Но я опять забегаю вперед.

Другой недостаток, не столь серьезный, на мой взгляд, но все же значительный — сады. Тут, я хочу сказать, нет ни одного парка, кроме рощи Деревьев Жизни, которая находится неподалеку от Трона на самом берегу Реки, и многочисленных частных садиков, разбросанных там и сям. Думаю, что знаю, почему это так, и если я прав, то, возможно, это само скорректируется в ближай-

шем будущем. Пока мы не появились на небесах (люди дня Второго пришествия и восставшие из мертвых), почти все население Святого града состояло из ангелов. Миллион или что-то в этом роде исключений — мученики за веру, дети Израиля, столь святые, что попали сюда даже не будучи персонально знакомы с Христом (то есть умершие до тридцатого года нашей эры) и другие жители непросвещенных земель — души, оказавшиеся достойными небес даже без общения с Христом. Итак, девяносто девять процентов граждан Святого града были ангелы.

Ангелы же не интересуются зелеными насаждениями. Я полагаю, это понятно — не могу вообразить ангела, стоящего на коленях и рыхлящего почву. Они не принадлежат к тем, кто готов расхаживать с въевшейся под ногти грязью ради того, чтобы вырастить новый сорт роз.

Но теперь ангелов куда меньше, чем людей — соотношение один к десяти, и я полагаю, что тут скоро появятся парки и сады, клубы садоводов, лекции об уходе за почвой и так далее. И вообще все, что относится к садоводству. Теперь у убежденных садоводов будет достаточно времени для любимого хобби.

Большинство людей на небесах делают что пожелают, но при этом их к тому не побуждает гнет необходимости. Та милая леди (Сюзанна), которая жаждала моего благословения, во Фландрии была кружевницей. Здесь она обучает плетению кружев в школе всех желающих. У меня создалось устойчивое представление, что для большинства людей главная проблема вечного блаженства состоит в том, как убить время. (Вопрос: а нет ли смысла в той идее перевоплощения, которая так важна для некоторых религий и столь жестоко отрицается христианством? Может быть, спасенные души следует в отдельных случаях награждать тем, что снова ставить их в конфликтную ситуацию? Не на Земле, а где-нибудь еще? Хотелось бы мне раздобыть Библию и порыться в ней как следует. Но, к моему глубочайшему удивлению, здесь — на небесах — Библию достать практически невозможно).

Справочное бюро оказалось как раз там, где и должно было быть,— почти на берегу Реки Жизни, которая брала начало у Трона Господня и протекала через рощу Деревьев Жизни. Трон стоял

в самом центре рощи, но разобрать что-либо, находясь так близко, было невозможно. Это все равно что глядеть на высочайший из небоскребов Нью-Йорка, стоя на тротуаре у его подножия. Только тут это еще труднее. И, конечно, лица Бога не видно совсем; приходится смотреть на высоту примерно тысячи четырехсот сорока локтей. Все, что видишь,— одно сияние... А еще ты ощущаешь его присутствие.

Справочное бюро было битком набито, как и предупреждал херувим. Души не желали становиться в очередь и огромной массой толпились вокруг. Я поглядел на эту сутолоку и подумал: сколько же времени пройдет, прежде чем я доберусь до барьера? И можно ли пробраться вперед, не прибегая к жестким приемам, вроде тех, что применяются в дни распродаж: толканию локтями, наступанию на любимые мозоли и тому подобному — то есть ко всему тому, что делает универсальные магазины столь противными для каждого мужчины.

Я отошел в сторонку и, глядя на толпу, попытался изобрести какой-нибудь способ решения проблемы. А не существует ли возможности узнать, где находится Маргрета, не отдавливая чужие мозоли?

Я все еще стоял в раздумье, когда ко мне подошел херувим из Административной службы.

— Святой, вы хотите попасть в справочное бюро?

— Совершенно верно.

— Идите за мной. Не отставайте.— Он держал в руке нечто вроде здоровенной дубинки, используемой полицейскими при подавлении уличных беспорядков.— Дорогу! А ну, дорогу святому человеку! Давай по-быстрому!

В мгновение ока мы оказались у барьера. Не знаю, имелись ли пострадавшие, но уж обиженных было полно. Я не оправдываю таких действий и думаю, что в идеале обращение со всеми должно быть одинаковым. Однако там, где действует принцип КРИСП, гораздо лучше быть капралом, чем рядовым.

Я обернулся, чтобы поблагодарить херувима, но он уже исчез. Чей-то голос произнес:

— Святой? Что вам угодно? — ангел, сидевший за барьером, смотрел на меня сверху вниз.

Я объяснил, что хочу найти свою жену. Он побарабанил пальцами по барьеру.

— Подобных услуг мы, в принципе, не оказываем. Для дел такого рода существует кооператив, в котором заправляют сами творения, и называется он «Отыщи своих друзей и любимых».

— А где он?

— У врат Эшера.

— ЧТО?! Но я же только что оттуда! Именно там я регистрировался.

— Вам следовало спросить ангела, который вас принимал. Вы зарегистрировались недавно?

— Только что. Был вознесен в день Второго пришествия. Я спросил ангела, который мной занимался... а тот меня отшил... Он... она... хм... этот ангел велел мне обратиться сюда.

— Мр-р-р... давайте-ка мне ваши документы.

Я отдал ему все, что у меня было. Ангел листал их медленно и тщательно, затем окликнул другого ангела, который оторвался от работы и с живым интересом прислушивался к нашему разговору.

— Тирл! Взгляни-ка сюда!

Второй ангел пролистал мои бумаги, поглядел на меня, понимающе кивнул и грустно покачал головой.

— Что-нибудь не так? — спросил я.

— Нет. Святой человек, вам не повезло — вас обслуживал, если в данном случае можно употребить это слово, ангел, который и своему ближайшему другу не помог бы, если бы друг у него был, хотя чего нет, того — нет. Но я немного удивлен, что она так плохо обошлась со святым.

— Я тогда не носил сияния.

— Тогда понятно. Вы взяли его позже?

— Ничего я не брал. Оно появилось чудом, когда я ехал от врат Эшера сюда.

— Понятно. Послушайте, святой, вы имеете право подать жалобу на Хромитуайсайнель. С другой стороны, я мог бы воспользоваться дальногласием и сделать запрос от вашего имени.

— Я думаю, последнее было бы предпочтительнее.

— Я тоже. На перспективу. Для вас. Если вам понятно, что я хочу сказать.

— Вполне.

— Но прежде чем я вызову кооператив, давайте сверимся с офисом святого Петра и удостоверимся, что ваша жена прибыла. Когда она умерла?

— Она не умирала. Она взята сюда в день Второго пришествия так же, как и я.

— Вот как? Это делает поиск более легким и быстрым — не придется рыться в старых списках. Имя полностью, возраст, пол, если имелся, место рождения и дата!.. Нет, это пока не нужно. Сначала имя полностью.

— Маргрета Свенсдаттер Гундерсон.

— Лучше по буквам.

Я сказал по буквам.

— Что ж, пока этого хватит. Если, конечно, предположить, что клерки Петра умеют писать без ошибок. Только вот подождать у нас негде. Приемной нет. Но как раз напротив есть ресторанчик... вон видите — вывеска...

Я обернулся.

— «Священная корова»?

— Она самая. Готовят прилично — если вы едите. Подождите там. Я вас извещу.

— Благодарю вас.

— Рада служить.— Она опять глянула в мои бумаги, а затем вернула их мне.— Святой Александр Хергенсхаймер.

«Священная корова» являла собой самое приятное зрелище из всех, что мне пришлось видеть после Второго пришествия: маленькая, чистенькая закусочная, которая была бы вполне на месте где-нибудь в Сент-Луисе или Денвере. Я вошел. Высокий негр, чей поварской колпак торчал сквозь сияние, стоял у гриля спиной ко мне. Я сел у стойки и кашлянул.

— К чему торопиться? — негр закончил и повернулся ко мне.— Чем могу... Ну и ну! Святой, что мне вам подать? Вы только назовите, что бы вы... только назовите!

— Люк, как приятно снова встретиться.

Он уставился на меня:

— Мы знакомы?

— Неужели ты меня не помнишь? Я же работал под твоим началом. «Гриль Рона», Ногалес. Я — Алек. Посуду у вас мыл.

Он опять уставился на меня, потом тяжело перевел дух.

— Ну вы даете... святой Алек!

— Для друзей просто Алек. Знаешь, тут какая-то административная путаница, Люк. Когда они спохватятся, я сменю этот воскресный наряд на обыкновенное сияние.

— Не сомневайтесь... святой Алек. Они тут, на небесах, не ошибаются. Эй! Альберт! Встань-ка за стойку. Мой друг святой Алек и я посидим в зале. Альберт — это мой главный по выпивке.

Я поздоровался с маленьким толстеньким человечком, который выглядел как пародия на французского шеф-повара. Он носил поварской колпак так же лихо, как свое сияние. Мы с Люком прошли через боковую дверь в маленькую столовую и сели. К нам тут же подошла официантка, что оказалось для меня еще одним приятным сюрпризом.

Люк воскликнул:

— Хейзел, я хочу познакомить тебя с моим старым другом святым Алеком!.. У нас с ним когда-то были кой-какие общие делишки. Хейзел — старшая официантка «Священной коровы».

— Я был у Люка посудомоем,— сказал я ей.— Хейзел, как я рад снова увидеться с тобой! — Я встал, протянул руку, но, передумав, тепло обнял ее.

Она улыбнулась но, по-видимому, нисколько не удивилась:

— Привет, Алек. Теперь «святой Алек», как я вижу. Но я не удивлена.

— А я удивлен. Это ошибка.

— На небесах ошибок не бывает. А где Марджи? Все еще живет на Земле?

— Нет.— И я объяснил, как мы потеряли друг друга.— Так что я тут ожидаю известий.

— Ты найдешь ее.— Она поцеловала меня быстро и горячо, что напомнило мне о моей четырехдневной щетине. Я усадил ее и сел сам рядом со своими друзьями.— Ты наверняка найдешь ее, и очень быстро, так как это входит в данное нам обещание, и оно выполняется здесь безукоризненно. Встреча на небесах с друзьями и любимыми. «Мы все соберемся у Реки» — и верно, Река тут

прямо за порогом. Стив... Святой Алек, ты помнишь Стива? Он был с тобой и Марджи, когда мы познакомились.

— Как же я могу позабыть его? Он накормил нас обедом и дал нам золотой «игл», когда у нас не было ни шиша. Еще бы я не помнил Стива!

— Я рада слышать твои слова. Потому что Стив считает, что это ты обратил его — через второе рождение — и дал ему попасть на небеса. Видишь ли, Стив был убит на равнине Мегиддо, и я тоже была убита во время войны... Хм... Хм... Это произошло через пять лет после того, как мы встретились.

— *Пять лет?!*

— Да. Меня убили в начале войны, а Стив продержался до самого Армагеддона.

— Хейзел... но ведь прошло не больше месяца с тех пор, как Стив кормил нас обедом в Римроке!

— Это логично. Вас вознесли в день Второго пришествия, а после него сразу же началась война. Значит, ты провел годы войны в воздухе, вот и получилось, что мы со Стивом обогнали тебя, хотя ты и покинул Землю первым. Ты можешь обсудить это дело со Стивом; он скоро появится. Я теперь его наложница — или жена — тут нет ни браков, ни помолвок. Как бы там ни было, Стив вернулся в морскую пехоту, когда разразилась война, и стал капитаном незадолго до того, как его убили. Его полк высадился в Хайфе, и Стив погиб, сражаясь за Господа в самый разгар Армагеддона. Я очень горжусь им.

— Он это заслужил. Люк, ты тоже погиб на войне?

Люк прямо-таки расплылся в улыбке:

— Нет, сэр святой Алек. Меня повесили.

— Шутишь!

— Какие уж тут шутки! Они повесили меня по всем правилам. Ты помнишь, когда ты нас покинул?

— Я не покинул. Произошло чудо. Благодаря ему я встретился с Хейзел. И со Стивом.

— Ну... в чудесах ты разбираешься лучше меня. Во всяком случае, мы приняли другого мойщика почти сразу же, причем пришлось взять из чиканос. Ну, парень, это была еще та задница — этот чикано. Замахнулся на меня ножом. Грубая ошибка с его стороны! Замахиваться на повара ножом в его собственной кухне! Он порезал меня немного, зато я проткнул его насквозь. Все присяжные были из числа его родственничков — так мне кажется. Во всяком случае, окружной прокурор сказал, что давно пора показать пример. Впрочем, это неважно. Задолго до повешения я крестился; тюремный священник помог мне возродиться. Стоя с петлей на шее, я читал молитву. А потом сказал: «Валяйте! Пошлите меня к Иисусу. Аллилуйя!» Что они и сделали. Счастливейший день в моей жизни!

В дверь просунул голову Альберт:

— Святой Алек, тут вас разыскивает какой-то ангел.

— Бегу!

Ангел ждал снаружи, поскольку был выше двери и отнюдь не собирался нагибаться.

— Вы святой Александр Хергенсхаймер?

— Точно.

— Вы посылали запрос в отношении творения, именуемого Маргретой Свенсдаттер Гундерсон. Ответ таков: согласно нашим данным, она не была вознесена в день Второго пришествия и не отмечена ни в одном из последующих списков. Творение Маргрета Свенсдаттер Гундерсон не находится на небесах, и ее прибытие сюда не предвидится. Все.

23

Я взываю к Тебе,
и Ты не внимаешь мне,—
стою, а Ты только смотришь на меня.

Книга Иова 30, 20

Естественно, в конце концов, я появился в офисе Петра у врат Иуды, однако сначала изрядно порыскал по небесам. По совету Хейзел, прежде всего я вернулся к вратам Эшера и нашел кооператив «Отыщи своих друзей и любимых».

— Святой Алек, ангелы не выдают ложной информации, и материалы, которыми они располагают,— надежны. Но вполне возможно, что какие-то источники информации они могут пропустить,

и, на мой взгляд, они искали не так тщательно, как сделал бы ты сам, взявшись за это дело лично,— ангелы они и есть ангелы. Марджи может числиться здесь под девичьей фамилией.

— Я им ее и дал.

— О! Я думала, ты просил искать ее как Марджи Грэхем?

— Нет. Может, мне снова сходить к ним?

— Нет. Пока нет. Но если придется — не обращайся в то же справочное бюро. Иди прямо в офис святого Петра. Там к тебе отнесутся внимательнее, у них ведь работают люди, а не ангелы.

— Годится!

— Да. Но сначала попытайся получить ответ в «Отыщи своих друзей и любимых». Это не бюрократическое учреждение, это кооператив, созданный добровольцами, среди которых большинство — люди, для которых это дело действительно интересно и важно. Именно с их помощью Стив нашел меня после того, как его убили. Он не знал моей фамилии, я ею и сама-то много лет не пользовалась. Не знал даты и места смерти. Но маленькая пожилая леди из «Отыщи своих друзей» перебирала всех Хейзел, пока Стив не воскликнул: «В яблочко!» А если бы он просто сверился в главном справочном управлении у святого Петра, ему бы ответили: «Данных недостаточно; идентифицировать невозможно».— Хейзел улыбнулась и продолжала: — А кооператив работает с выдумкой. Они свели меня с Люком, хотя мы даже не были с ним знакомы при жизни. Когда я тут устала от безделья, то решила, что мне невредно заиметь маленький ресторанчик — великолепная возможность знакомиться с людьми и приобретать друзей. Тогда я обратилась в кооператив, они перебрали на компьютере всех поваров и после долгих поисков обнаружили Люка. С ним мы основали совместное предприятие и открыли «Священную корову». Потом мы нашли Альберта.

Хейзел, как и Кейти Фарнсуорт, принадлежала к числу женщин, которые излечивают вас самим фактом своего присутствия. И она практична, как практична моя собственная Маленькая Жемчужинка. Она предложила постирать мою грязную одежду и, пока сохло выстиранное, одолжила мне халат, который носит Стив. Она же нашла зеркало и кусок мыла, чтобы я сбрил, наконец, свою пятидневную (семилетнюю?) щетину. Мое единственное лезвие теперь уже состояло в родстве скорее с пилой, чем с

ножом, но получасовая терпеливая правка на внутренней поверхности стакана (этому я научился в семинарии) вернула ему временную пригодность.

Но теперь мне требовалось настоящее бритье, хотя я и брился — вернее, пытался бриться — всего лишь пару часов назад. Я не знаю, сколько времени ушло на всю эту гонку... но знаю, что брился за это время четыре раза... холодной водой, дважды без мыла и однажды по методу Брайля — без зеркала. Для нас, вознесенных во плоти, были установлены канализация и водопровод, но вряд ли они соответствовали американским стандартам по качеству. Что не так уж и удивительно, поскольку ангелам канализация ни к чему, а основная масса спасенных имеет мало или даже никакого опыта обращения с квартирными сортирами.

Люди, руководящие кооперативом, оказались именно такими доброжелательными, как говорила Хейзел (уверен, что мое сияние к этому не имело никакого отношения), но ничего из того, что мы раскопали, не дало ключа к отысканию Маргреты, несмотря на терпеливый компьютерный поиск по всем параметрам, которые мне удалось припомнить.

Я поблагодарил их, благословил и отправился прямиком к вратам Иуды, то есть через все небеса — тысяча триста двадцать миль. В пути я остановился только один раз на Площади Трона ради удовольствия съесть райский гамбургер Люка и выпить чашку самого лучшего во всем Новом Иерусалиме кофе, а также чтобы выслушать несколько ободряющих слов Хейзел. И с новыми силами продолжил свое утомительное путешествие.

Всенебесное справочное управление занимает два колоссальных дворца справа от врат, как войдешь — прямо за углом. Первый, поменьше, предназначен для приема тех, кто родился до появления Христа; второй — для тех, кто родился позже. В нем же находится и офис святого Петра, расположенный в торцовой части на втором этаже. Я направился прямо туда.

Табличка на большой двустворчатой двери гласила: «Святой Петр. Входите», что я и сделал. Но попал не в офис — за дверью оказалась приемная, способная вместить большой центральный вокзал Нью-Йорка. Я прошел через турникет, вытянув из

специальной прорези талончик, и механический голос произнес: «Благодарим вас, пожалуйста, садитесь и ждите вызова».

Мой талончик имел номер 2013, и в зале было тесновато. Оглядываясь по сторонам в поисках свободного местечка, я пришел к выводу, что мне придется побриться, по меньшей мере, еще раз, прежде чем подойдет моя очередь.

Я искал себе место, когда какая-то монахиня подплыла ко мне и присела в легком реверансе.

— Святой человек, не могу ли я быть вам полезной?

Я мало что знал об одеяниях различных женских орденов католической церкви, а потому не мог определить, к какому ордену она принадлежит. Одета она была, я бы сказал, типично — длинное черное одеяние, из-под которого виднелись только ступни ног и кисти рук, нечто вроде белой накрахмаленной накидки, закрывавшей грудь, шею и даже уши, и черный капюшон, делавший ее голову похожей на голову сфинкса. На шее висели очень крупные четки, лицо спокойное, из тех, по которым почти невозможно судить о возрасте; его украшало перекошенное пенсне. Ну и, конечно, сияние над головой.

Больше всего на меня подействовал сам факт ее присутствия здесь. Она явилась первым доказательством того, что паписты тоже могут спастись. В семинарии мы, бывало, спорили об этом по ночам до хрипоты... хотя официальная позиция моей церкви состояла в том, что они, конечно, могут спастись, если верят столь же горячо, как мы, и возрождены в Иисусе. Я решил спросить монахиню как-нибудь, где и когда она была возрождена. Это, подумал я, вероятно, весьма любопытная история.

— Ох, спасибо, сестра,— сказал я,— вы очень любезны. Да, вы можете мне помочь, вернее, я надеюсь, что сможете. Я — Александр Хергенсхаймер и пытаюсь разыскать свою жену. Ведь именно здесь можно навести справки, не так ли? Я тут недавно.

— Да, святой Александр, это здесь. Но вы ведь хотите повидаться со святым Петром, не правда ли?

— Да, я был бы рад выразить ему свое почтение. Если, конечно, он не слишком занят.

— Я уверена, что он захочет с вами повидаться, святой отец. Разрешите, я обращусь к старшей сестре? — она взяла крест, висевший

на ее четках, и что-то шепнула в него, а затем взглянула на меня.— Пишется Х-Е-Р-Г-Е-Н-С-Х-А-Й-М-Е-Р, святой Александр?

— Все правильно, сестра.

Она опять что-то шепнула в свои четки. Затем снова обратилась ко мне:

— Старшую сестру зовут Мари-Шарль, она секретарь святого Петра. Я же его помощница и девочка на побегушках.— Она улыбнулась.— Сестра Мэри-Роз.

— Очень рад с вами познакомиться, сестра Мэри-Роз. Расскажите о себе. К какому ордену вы принадлежите?

— К доминиканскому, святой отец. При жизни я была госпитальным администратором во Франкфурте, Германия. Здесь, где нет нужды в больничных услугах, я занимаюсь этой работой, так как мне нравится иметь дело с людьми. Не угодно ли вам пройти со мной, сэр?

Толпа расступилась перед нами, как воды Чермного моря,— то ли в знак почтения к монахине, то ли из-за моего огромного сияния, судить не берусь — может быть, и то, и другое. Сестра провела меня к боковой двери, где не было никакой таблички, и я очутился в кабинете ее начальницы — сестры Мари-Шарль. Это была высокая монахиня, ростом не ниже меня, и очень красивая, а если точнее, то слово «прелестная» подошло бы лучше. Она казалась моложе своей помощницы... но разве в этих монахинях разберешься? Мари-Шарль сидела за огромным письменным столом, заваленным папками; старинный «Ундервуд» стоял на выдвинутой из стола полке. Сестра быстро встала, взглянула на меня и сделала тот же странный реверанс.

— Приветствую вас, святой Александр! Весьма польщены. Святой Петр скоро примет вас. Не угодно ли присесть? Стакан вина? Кока-колы?

— Знаете, я бы с удовольствием выпил кока-колы. Не пробовал ее с тех пор, как покинул Землю.

— Кока-кола будет незамедлительно.— Она улыбнулась.— Я выдам вам наш маленький секрет: кока-кола — единственная слабость святого Петра. Мы всегда держим ее на льду для него.

Прямо из воздуха над столом Мари-Шарль раздался голос — сильный, резонирующий баритон, из тех, что, как мне кажется,

должны принадлежать настоящему проповеднику — голос, напомнивший мне «библейского» Барнаби, да будет благословенно имя его.

— Я тебя слышал, Чарли. Пусть пьет свою кока-колу здесь. Я уже освободился.

— Опять подслушиваете, босс?

— Не груби, девочка. И захвати бутылку для меня.

Едва я показался в дверях, как святой Петр поднялся и направился ко мне, протянув для пожатия руку. В курсе истории церкви меня учили, что святой Петр умер в возрасте девяноста лет. Или был казнен (распят?) римлянами, если это правда. (Профессия проповедника всегда считалась делом рискованным, но во времена Петра она была столь же опасной, как в наши дни должность взводного сержанта морской пехоты).

Этот же крепкий здоровяк выглядел на шестьдесят, ну от силы на семьдесят; он явно много бывал на свежем воздухе, отлично загорел, на сожженной солнцем коже выделялись глубокие морщины. Волосы и борода были такими густыми, что, казалось, к ним никогда не прикасалась бритва. Шевелюру словно забрызгало сединой, которой, впрочем, было не так-то много. К своему удивлению, я обнаружил, что в прошлом он, видимо, был рыжим. Был он очень мускулист и широкоплеч, с большими мозолистыми ладонями — что я почувствовал, когда он пожал мне руку. Святой Петр носил сандалии, коричневую рясу из грубой шерсти и такое же, как и у меня, сияние. В гриве его великолепных волос почти терялась миниатюрная кокетливая шапочка.

Мне он понравился с первого взгляда.

Он подвел меня к удобному креслу, стоявшему почти рядом с его рабочим столом, и усадил меня, а уже потом сел сам. Сестра Мари-Шарль стояла за нашими спинами, держа поднос с двумя бутылками кока-колы обычной для Земли формы и куда более редкими там стаканами для коки (я уж годы их не видел), похожими на тюльпаны, с торговой маркой. У меня мелькнула мысль, что было бы интересно узнать, кто купил право на производство таких стаканов на небесах и как тут вообще ведутся дела подобного рода.

— Спасибо, Чарли,— сказал святой Петр.— Никаких вызовов не принимать.

— Даже если...

— Дурочку не валяй. Беги! — Потом он повернулся ко мне.— Александр, я стараюсь принимать каждого новоприбывшего святого лично. Но тебя я как-то пропустил.

— Я прибыл сюда с большой толпой, святой Петр. В день Второго пришествия. И не через эти ворота. Через Эшер.

— Тогда понятно. Это был сумасшедший день, и мы еще не полностью пришли в себя. Но святого обязаны были проводить через Центральные врата... в сопровождении двадцати четырех ангелов и двух трубачей. Мне придется заняться этим случаем лично.

— Если говорить правду, святой Петр,— быстро вставил я,— то не думаю, что я святой. Однако от этого великолепного сияния я отделаться не могу.

Он покачал головой:

— Нет, ты святой, это точно. И не позволяй сомнениям бередить твою душу — святой никогда не знает, что он свят, ему об этом приходится сообщать. Это такой священный парадокс — никто из тех, кто думает, что свят, таковым не является. Да что там! Когда я попал сюда и мне вручили ключи и сказали, что я отвечаю за Врата, я этому просто не поверил. Подумал, что Мастер подшучивает надо мной в отместку за те шуточки, которые я отпускал на его счет в те дни, когда мы все гастролировали на берегах моря Галилейского. О нет! Он был совершенно серьезен. Рабби Симон бар Иона — старый рыбак — ушел навсегда и стал святым Петром. Так же как ты — святой Александр, нравится тебе это или нет. Через какое-то время ты с этим смиришься.— Он похлопал по толстой папке, лежавшей на его столе.— Я прочел все отчеты о тебе. И никаких сомнений в твоей святости быть не может. Просматривая папку, я вспомнил твой процесс. В качестве «адвоката дьявола» против тебя выступал Фома Аквинский; он потом подошел ко мне и сказал, что его атака была чистой проформой, ибо в его душе нет и капли сомнения, что ты полностью соответствуешь. Скажи мне, во время первого чуда — испытания огнем — твоя вера не поколебалась ни на мгновение?

— Боюсь, поколебалась. Недаром у меня вскочил волдырь.

Святой Петр рявкнул:

— Один-единственный разнесчастный волдырчик! И ты еще думаешь, что ты не годишься! Сынок, да если бы святая Жанна была столь же стойкой в вере, как ты, она погасила бы пламя, которое терзало ее. Я знаю о...

Голос Мари-Шарль объявил:

— Жена святого Александра прибыла.

— Введи ее! — А мне шепнул: — Доскажу эту историю потом.

Я едва расслышал его слова: мое сердце готово было разорваться.

Дверь открылась, и вошла... Абигайль.

Не знаю, как описать следующие несколько минут. Рвущее сердце разочарование, смешанное со стыдом — вот все, что я могу сказать.

Абигайль поглядела на меня и сурово сказала:

— Александр, как тебе пришло в голову напялить это чудовищное сияние? Немедленно сними его!

Святой Петр загремел:

— Дочь моя, не очень-то распространяйся; ведь ты находишься в моем личном кабинете. И не имеешь права так разговаривать со святым Александром!

Абигайль перевела взгляд на него и наморщила нос.

— Это *его-то* вы называете святым? А ваша матушка не учила вас, что следует вставать в присутствии леди? Или святые не должны соблюдать элементарные правила вежливости?

— Я всегда встаю в присутствии *леди*! Дочь моя, тебе следует разговаривать со мной с бóльшим почтением. И будь добра обращаться к мужу с тем уважением, которое жена обязана проявлять к мужу.

— Он мне не муж!

— А? — Святой Петр перевел взор на меня, потом опять на Абигайль.— Объяснись.

— Иисус сказал: «Ибо в воскресении не женятся, не выходят замуж, но пребывают как Ангелы Божии на небесах». Вот как! И то же самое повторил в Евангелии от Марка в главе двенадцатой, стих двадцать третий.

— Да,— согласился святой Петр,— я сам слышал, как он это говорил. Саддукеям. Согласно этому правилу, ты ему больше не жена.

— Да! Аллилуйя!! Я многие годы ждала, когда же отделаюсь от этого олуха, отделаюсь, не согрешив при этом.

— Насчет последнего я не очень-то уверен. Но даже если ты ему не жена, это не избавляет тебя от необходимости говорить с этим святым, который когда-то был твоим мужем, вежливо,— Петр опять повернулся ко мне.— Ты хочешь, чтобы она тут осталась?

— Я? Нет! Нет! Это ошибка!

— Видимо, так. Дочь моя, ты можешь удалиться.

— Ну уж, нет! Добираясь сюда по необходимости, я припомнила многое из того, что хотела бы сказать вам. Я навидалась такого безобразия! Как же так... ничуть не стыдясь...

— Дочь моя, я призываю тебя удалиться. Уйдешь сама, собственными ножками? Или мне позвать парочку крепких ангелов и приказать им вышвырнуть тебя за двери?

— Ничего *себе обращение*!!! Я только хочу сказать...

— Ничего ты не скажешь!

— Ишь ты, будто я не имею права высказываться, как все остальные...

— Но не в моем кабинете. Сестра Мари-Шарль!

— Да, сэр?

— Ты еще помнишь приемы дзюдо, которым тебя обучали во времена твоей работы в полиции Детройта?

— Конечно.

— Тогда убери отсюда эту базарную тетку!

Высокая монахиня усмехнулась и поплевала на ладони. То, что случилось, произошло так быстро, что я не могу связно описать ход событий. Но Абигайль исчезла мгновенно.

Святой Петр сел в кресло, вздохнул и взял свой стакан с кокой.

— Эта женщина вывела бы из себя даже Иова. И долго ты был на ней женат?

— Гм... чуть больше тысячи лет.

— Понял. А зачем ты тогда за ней посылал?

— Да не посылал я вовсе! Во всяком случае, не намеревался,— и я начал сбивчиво объяснять суть дела.

Петр остановил меня:

— Ну конечно! Так почему же ты сразу не сказал, что разыскиваешь свою наложницу? Ты ввел в заблуждение Мэри-Роз. Да,

я понимаю, кого ты имел в виду,— ту zaftig shiksa[1], которая фигурирует в последней части твоего личного дела. Мне она показалась очень славной девушкой. Так это ее ты ищешь?

— Да, разумеется. В день, когда раздался звук трубы и глас, мы были вместе. Но смерч, настоящий канзасский смерч, был так страшен, что нас разнесло в разные стороны.

— Ты уже интересовался ею. Запрос поступил из справочного бюро у Реки.

— Так точно.

— Александр, этот запрос и есть последняя запись в твоем досье. Я могу снова приказать провести розыск... но должен предупредить, что следствием явится лишь подтверждение того, что сказано тебе раньше. Ответ будет тот же: здесь ее нет.— Он встал, подошел ко мне и положил руку на мое плечо.— Это трагедия, повторение которой я видел бесчисленное множество раз. Любящие, уверенные в том, что, воскреснув, остаются вместе... Однако один из них попадает сюда, а другой — нет. Что я могу поделать? Хотелось бы, да ничего не могу. Бессилен.

— Святой Петр, но ведь произошла ошибка!

Он молчал.

— Выслушайте меня! Я знаю! Мы — она и я — рядом стояли на коленях около решетки алтаря и молились... как раз перед тем, как раздались звуки трубы и глас... Святой дух снизошел на нас, и мы, будучи в состоянии благодати, были подняты вместе. Спросите его! Спросите его! Он послушает вас.

Петр вздохнул:

— Он выслушает любого и в любой из своих ипостасей. Но я спрошу.— Он поднял телефонную трубку, столь архаичную, что, может быть, этот аппарат собирал сам Александер Грейам Белл.— Чарли, дай мне Духа. О'кей, я подожду. Привет! Это Пит от главных врат. Новеньких анекдотов не слыхать? Нет? У меня тоже нет. Слушай, у меня проблема. Пожалуйста, вернись ко дню гласа и трубы, когда ты в ипостаси Сына вознес на небеса живьем все те бессмертные души, которые в данный момент пребывали в состоянии благодати. Припомни обширный пустырь у дороги на

[1] Юная иноверка *(идиш.)*

Лоуэлл в Канзасе — это в Северной Америке. И обряд возрождения под тентом. Вспомнил? За несколько фемтосекунд до трубы, как свидетельствует некий Александр Хергенсхаймер, ныне канонизирован ный, ты снизошел на него и его наложницу Маргрету. Ее описание: около трех с половиной локтей ростом, блондинка, с веснушками, сто двадцать фунтов... О, ты вспомнил? Ох! Слишком поздно, да? Этого-то я и боялся. Хорошо, передам ему.

Я прервал Петра, настойчиво шепча ему на ухо:

— Спросите его, где она?

— Босс, святой Александр страдает. Он хочет знать, где она. Да, я скажу...— Святой Петр повесил трубку.— Ни на небесах, ни на Земле. Ответ вычисли сам. И, поверь, мне очень жаль.

Должен сказать, что святой Петр проявил бесконечное терпение, разговаривая со мной. Он сказал, что я могу поговорить лично с любым из Троицы, но напомнил, что, проконсультировавшись с Духом святым, мы, фактически, побеседовали и с остальными. Петр проверил последние списки воскресений, списки поднявшихся из могил, список, содержащий сведения о всех прибывших с тех пор... Петр заметил, что ни один результат компьютерного поиска пока не смог опровергнуть незыблемую правильность ответов самого Бога, высказанных устами Духа святого. Это я понял — и согласился, хотя и был рад, что компьютерный поиск все же продолжается.

— А как насчет Земли? Не может она жить где-нибудь там? Например, в Копенгагене?

— Александр, он всеведущ на Земле так же, как на небесах. Неужели ты не понимаешь?

Я глубоко вздохнул:

— Я пытался не замечать очевидного. Ладно, тогда скажите, как мне отсюда добраться до ада?

— Алек, не смей так говорить!

— Черта с два! Петр, вечность без нее здесь не будет для меня вечностью блаженства, это будет вечность тоски и горя. Или вы, может быть, воображаете, что это идиотское роскошное сияние над головой для меня что-то значит, если мне известно, что моя любимая горит в бездне огненной? Я многого не просил. Только

разрешения жить с ней. Я соглашался мыть тарелки всю жизнь, лишь бы видеть ее улыбку, слышать ее голос, держать ее руку в своей. Ее бросили в ад из-за какой-то придирки, что вам отлично известно! Наглые снобы ангелы живут тут, не сделав ни черта, чтоб заслужить это право. А моя Марга, которая и есть истинный ангел, если только таковые вообще существуют, из-за какой-то дурацкой игры в правила сброшена в ад на вечную пытку! Можете сказать Отцу и его сладкоречивому Сыну, и этому пролазе — Духу святому, что они могут взять свой пышный Святой град и засунуть его... Если Маргрета в аду, я хочу быть там.

— Прости его, Отец,— взмолился Петр.— Он потерял голову от горя и не ведает, что говорит.

Я уже слегка успокоился.

— Святой Петр, я прекрасно ведаю, что говорю. Я не хочу тут оставаться. Моя возлюбленная в аду, а потому я хочу быть там же. Там, где я должен быть.

— Алек, ты переживешь это горе.

— Вы просто не можете понять, что я вовсе не желаю переживать это горе. Я хочу быть вместе со своей возлюбленной и делить с ней ее судьбу. Вы говорите, что она в аду...

— Нет, я сказал, что ее нет ни на небесах, ни на Земле, и это точно.

— Ну а разве есть четвертое место? Может быть, чистилище или как его там?..

— Чистилище — миф. Четвертого места я не знаю.

— Тогда я хочу немедленно уйти отсюда, чтобы перерыть весь ад и найти Маргрету. Как это сделать?

Петр пожал плечами.

— Черт побери, не давайте вы мне от ворот поворот! С самого дня хождения по углям меня все время все гонят и гонят. Я что — заключенный?

— Нет.

— Тогда скажите, как мне попасть в ад?

— Ладно. Но сияние в ад брать нельзя. В нем тебя туда не впустят.

— А мне оно и не больно-то нужно. Вперед!

Я стоял на пороге врат Иуды в обществе двух ангелов. Петр со мной даже прощаться не стал — думаю, он во мне разочаровался.

Мне стало как-то не по себе: ведь Петр мне ужасно нравился. Жаль, не удалось его убедить, что для меня небеса — не небеса без Маргреты.

Я стоял на краю.

— Прошу вас передать святому Петру...

Они проигнорировали мои слова, схватили с обеих сторон и швырнули вниз.

Я падал.

Падал стремительно и долго.

24

О, если бы я знал, где найти Его,
и мог подойти к престолу Его!
Я изложил бы пред Ним дело мое,
и уста мои наполнил бы оправданиями.

Книга Иова 22, 3–4

Я падал и падал.

Для современного человека один из наиболее труднопредставимых аспектов вечности определяется тем, что человек привык к непрерывному течению времени. А без часов, без календарей, при отсутствии даже смены дня и ночи, фаз луны или времен года движение времени становится понятием чисто субъективным, и вопрос «Который час?» отражает всего лишь мнение, а вовсе не непреложный факт.

Думаю, я падал больше двадцати минут — допускаю, что падение продолжалось не более двадцати лет.

Но пари ни на ту, ни на другую цифру я бы заключать не стал.

Любоваться мне было нечем — разве что обратной стороной собственных глазных яблок. Не было видно даже, как тает вдали Святой град.

Сначала я развлекался тем, что оживлял в памяти счастливейшие моменты своей жизни, но обнаружил, что прекрасные воспоминания наводят на меня печаль. Поэтому я стал думать о печальных событиях прошлого — и мне стало еще хуже. Тогда я

уснул. А может, думал, что уснул. Как можно быть в чем-то уверенным, если ты начисто отрезан от источников ощущений? Я вспомнил, что читал об одном из «ученых», вечно лезущих куда не надо, который построил нечто, названное им «камерой сенсорных ограничений». То, чего он достиг, было увлекательнейшим цирковым представлением в сравнении со скромными развлечениями, дарованными мне при падении с небес в ад.

Первым свидетельством моего приближения к аду для меня послужила вонь. Тухлые яйца. H_2S. Сульфид водорода. Запах горящей самородной серы.

От этого не помрешь, но мысль сия является слабым утешением, ибо те, кто встретился с этой вонью, были мертвы задолго до того, как вдохнули ее. Во всяком случае, так бывало раньше, но ведь я-то не мертв. Правда, из истории и литературы нам известны и другие смертные, побывавшие в аду — Данте, Эней, Улисс, Орфей. Хотя похоже, что все эти случаи — выдумка. И если это так, то я — первый живой человек, который попадает в ад.

Допустим, что именно так и обстоит дело. Тогда встает вопрос: сколько времени я смогу сохранить тут жизнь и здоровье? Пока не плюхнусь в пылающее озеро? А потом раздастся шипение, и я превращусь в быстро испаряющееся жировое пятно? Не был ли мой донкихотский жест плохо продуманным и излишне поспешным? Быстро испаряющееся жировое пятно вряд ли окажет большую помощь Маргрете. Может быть, следовало оставаться на небесах и попробовать поторговаться? Святой с огромным сиянием над головой пикетирует Господа, восседающего на Троне... может быть, это заставило бы его пересмотреть свое решение... Ибо, в конечном счете, даже такое решение показало бы, что Иегова всемогущ.

Поздно же ты допер до такой мысли, парень. Вон уже виднеется багровый отсвет облаков. Там, внизу, должно быть, кипит лава. Далеко внизу? Да не очень далеко. А с какой скоростью я падаю? На мой взгляд, с чрезмерно большой.

Я уже мог разглядеть знаменитую бездну кальдера невероятно огромного вулкана. Ее стены окружили меня, уходя в высоту на многие мили, а пламя и кипящая лава бушевали далеко-далеко внизу. Но я приближался к ним с совершенно ненужной быстротой. Ну а как твои способности творить чудеса, святой Алек? Ты одолел ту, другую огненную яму, отделавшись лишь легким ожогом. Думаешь, сможешь справиться и с этой? Ведь разница-то только в масштабах.

«С помощью терпения и большого количества слюны слон может победить тучу москитов». Такая работа, следовательно, требует масштабного подхода. Сможешь ли ты сработать не хуже того слона? Святой Алек, эта мысль весьма далека от святости. Что же случилось с твоей верой? Возможно, ощущается влияние сей нечестивой местности? А, ладно, чего уж теперь беспокоиться из-за каких-то там жалких грешков! Ведь сейчас не надо бояться, что за свои грехи ты можешь попасть в ад. Ты и так стоишь у его порога; больше того — можно сказать, ты уже в нем. Грубо говоря, через три секунды ты превратишься в маленькое жировое пятнышко. Прощай, Марга, моя любовь! Жаль, я так и не успел угостить тебя горячим фадж-санде. Сатана, прими мою душу. Иисус — штрейкбрехер...

Они изловили меня, как бабочку. Но тут бабочке потребовались бы асбестовые крылья, чтобы спастись так, как я: мои штаны уже начали дымиться. На берегу кто-то окатил меня ведром воды.

— А ну-ка, подпиши поскорее эту квитанцию!

— Какую еще квитанцию? — Кто-то совал мне под нос листочек бумаги и вечное перо.— А зачем мне ее подписывать?

— Положено подписать. В подтверждение того, что мы спасли тебя от бездны огненной.

— Мне надо посоветоваться с адвокатом. Без него ничего не подпишу.

Последний раз, когда я что-то подписал, это стоило мне четырех месяцев мытья грязной посуды. Теперь же я не мог позволить себе согласиться даже на два месяца — мне надо было немедленно заняться поисками Маргреты.

— Не будь идиотом. Ты что, хочешь, чтоб мы тебя швырнули обратно?

Второй голос произнес:

— Ладно, брось, Берт. Попробуй для разнообразия сказать ему правду.

(Берт? Первый голос показался мне знакомым.)

— Берт?! Что ты тут делаешь?

Друг моего детства, тот самый, что разделял со мной литературные увлечения фантастикой: Верн и Уэллс, Свифт — «барахло», как назвал это чтиво брат Дрейпер.

Владелец первого голоса пригляделся ко мне:

— Да будь я содомский бабуин, если это не Стинки Хергенсхаймер!

— Во плоти.

— Ну, будь я вечно проклят! А ты мало изменился. Род, давай-ка растянем сетку заново; это, понимаешь ли, не та рыбка попалась. Стинки, мы тут из-за тебя лишились неплохой мзды. Мы, знаешь ли, ловим святого Александра.

— Святого кого?

— Александра. Какой-то психованный святой — должно быть, ирландец — выбрал дорогу через задворки. И почему он не взял семь-сорок-семь, один Бог знает. Мы пассажиров у бездны, как правило, не обслуживаем. Так что вполне вероятно, что из-за тебя мы потеряли важнейшего клиента: подвернулся ты нам под руку как раз тогда, когда мы ждали этого святого. Придется тебе это компенсировать.

— А как насчет той пятерки, которую ты мне должен до сих пор?

— Ну, парень, у тебя и память. А по нашим правилам, долги тут требовать не полагается!

— Покажи мне, где это сказано в ваших адских сводах законов! Кроме того, в данном случае срок давности неприменим. Ты вечно отмалчивался, когда я напоминал тебе об этой пятерке. Так что пять баксов, да ежеквартально шесть процентов, да за... за сколько же лет?

— Оставим это на потом, Стинки. Надо постараться не упустить святого.

— Берт!

— Сказал — потом, Стинки!

— А ты помнишь мое настоящее имя? То, которое мне дали родители?

— Ну, почему же... АЛЕКСАНДР!!! Нет, Стинки, быть того не может. Господи, тебя же чуть не выкинули из твоего вшивого

библейского колледжа уже после того, как ты вылетел из Ролла! — на его лице выражались боль и недоверие.— Ну не может же жизнь быть столь несправедлива!

— Пути Господни неисповедимы, когда он творит свои чудеса. Берт, познакомься со святым Александром. Хочешь, я благословлю тебя? Вместо мзды, я имею в виду.

— Мы тут берем наличными. И вообще я тебе не верю!

— А я верю,— вмешался второй, которого Берт называл Родом.— И буду рад получить ваше благословение, отец: меня еще святые не благословляли. Берт, на дисплее дальнего предупреждения ничего нет, и, как ты знаешь, на наше дежурство намечалось лишь одно прибытие по баллистической — так что он должен быть святым Александром.

— Да не может того быть! Род, я отлично знаю этого типа! Если он святой, значит, я — розовая обезьяна.

С безоблачного неба ударила мощная молния. Когда Берт поднялся с пола, одежда на нем висела свободными складками. Однако она ему уже была не нужна, поскольку он весь оброс розовым мехом.

Обезьяна бросала на меня негодующие взгляды.

— Разве можно так обращаться со старым другом!

— Берт, я не виноват. Во всяком случае, я ничего такого делать не собирался. Просто вокруг меня все время происходят чудеса, хотя я их не творю.

— Отговорки! Если бы я болел бешенством, с удовольствием тебя сейчас укусил бы.

Через двадцать минут мы уже сидели за столиком в кабинке прибрежного бара, пили пиво и ждали чародея, известного как эксперт по проблемам форм и образов. Я рассказывал, зачем прибыл в ад.

— Так что мне необходимо ее найти. Во-первых, придется проверить бездну. Ведь если она там, нельзя терять ни минуты.

— Нет ее там,— буркнул Род.

— Да? Надеюсь, ты можешь доказать это? Почему ты так говоришь?

— Да там никогда никого и не было. Все это белиберда, придуманная для того, чтобы держать мужиков в рамках. Конечно, уйма

всякого hoi polloi[1] прилетает сюда по орбите, и какая-то часть падает в бездну, так что здешнему управляющему пришлось натянуть сетку, за которой мы с Бертом присматриваем. Но падение в бездну никакого вреда душе не приносит... Разве что напугает до родимчика. Горячо, конечно, так что душа вылетает оттуда еще быстрее, чем слетела... но совершенно невредимая. Огненная ванна только излечивает от всех видов аллергий, если таковые имели место.

(В геенне огненной никого нет? Никакого вечного горения в адском пламени? Какой это был бы удар для брата «библейского» Барнаби... И для множества других, которые торгуют своим товаром, пугая именно адским пламенем. Но я тут был не для того, чтобы обсуждать проблемы эсхатологии с двумя погибшими душами — *я пришел спасать Маргу*).

— Этот управляющий, о котором вы говорите... это эвфемизм для Дьявола?

Обезьяна (я говорю о Берте) пискнула:

— *Если имеешь в виду Сатану, так и говори!*

— Именно его.

— Не-а. Управляющий города — мистер Ашмедай. Сатана никогда не пачкает рук работой. А зачем ему? Он же владелец этой *планеты*.

— Значит, это планета?

— А ты думал, комета? Погляди-ка в окошко. Красивейшая планета во всей Галактике. И самая ухоженная. Змей нет, тараканов нет. Чиггеров нет. Ядовитого плюща — тоже. Нет налоговых инспекторов. Крыс нет. Рака нет. И проповедников тоже нет. И на всю планету только два адвоката.

— Ты словно о небесах говоришь.

— Где не бывал, там не бывал. А ты болтнул, будто только что оттуда — вот и опиши нам в натуре.

— Ну... небеса — они о'кэй, если ты ангел. Это не планета, а искусственное сооружение, вроде Манхэттена. Но я тут не для того, чтобы хаять небеса. Мне нужно найти Маргу. Может, попытаться увидеться с мистером Ашмедаем? Или лучше стукнуться к Сатане?

[1] Простонародье *(гр.)*.

Обезьяна попробовала свистнуть, но получилось у нее что-то вроде мышиного писка. Род покачал головой:

— Святой Алек, вы меня просто удивляете. Я тут сижу с 1588 года, черт знает как давно, но никогда в глаза не видел хозяина. И даже не мечтал о том, чтобы попытаться увидеть. И не знаю, как к этому подступиться. Берт, а ты как думаешь?

— Я думаю, что хочу еще пива.

— Да его в тебя больше не влезет. С того времени, как тебя ушибло молнией, в тебя больше одной банки не влить. Не говоря уже о трех.

— А ты не суйся не в свое дело, а лучше позови официанта.

Качество нашей дискуссии нисколько не улучшилось, так как каждый вопрос, который я задавал, порождал новые попутные вопросы. А ответов на них не было. Прибыла чародейка и унесла Берта на плече, причем Берт что-то злобно стрекотал насчет ее гонорара — *она потребовала половину всех его сбережений* и настояла, чтобы контракт был подписан кровью, прежде чем она приступит к работе. Берт же соглашался на десять процентов и еще требовал, чтобы половину оплатил я.

Когда они ушли, Род сказал, что пришло время поискать для меня ночлег: он хотел отвести меня в хороший отель, расположенный неподалеку.

Я объяснил, что денег у меня нет.

— *Нет проблем, святой Алек. Все наши иммигранты прибывают* сюда без гроша, но «Американ экспресс», «Дайнерз клаб» и «Чейз Манхэттен бэнк» состязаются в праве предоставить им первый кредит, зная, что тот, кто первым получит подпись иммигранта, имеет больше шансов заниматься его делами вечно плюс еще шесть недель.

— А велики ли у них убытки? Раз они предоставляют необеспеченный кредит?

— Нет. Тут, в аду, все рано или поздно платят свои долги. Надо помнить, что здесь даже самые отчаянные бездельники не могут умереть и избежать уплаты долгов. Так что занимайте номер, пользуйтесь любыми видами услуг до тех пор, пока не установите контакт с одним из банков, входящих в «большую тройку».

«Сан-Суси Шератон» находился на площади прямо против дворца. Род проводил меня до конторки портье, я заполнил регистрационную карточку и попросил номер на одного с ванной. Портье — миниатюрная чертовочка с очаровательными рожками, взглянула на заполненную мной карточку, и глаза у нее полезли на лоб.

— Э-э-э... *Святой Александр?*

— Я — Александр Хергенсхаймер, как и зарегистрировался. Иногда меня зовут святым Александром, но я не думаю, что сей титул годится для этих мест.

Она почти не слушала меня, так как лихорадочно рылась в списках лиц, которым были заказаны номера.

— Вот он, ваша светлость, заказ на ваш номер «люкс».

— А? Но мне не нужен «люкс»! И я, вероятно, не смогу его оплатить.

— За счет заведения, сэр.

25

И было у него семьсот жен
и триста наложниц,
и развратили жены его сердце его.

Третья книга Царств 11, 3

Человек праведнее ли Бога
и муж чище ли Творца своего?

Книга Иова 4, 17

За счет заведения? Что это значит? Ведь никто не знал, что я сюда явлюсь. Это стало известно буквально за мгновение до того, как меня вышвырнули из врат Иуды. Может, у святого Петра есть прямая линия связи с адом? А может, вообще существует тайное сотрудничество с врагом рода человеческого? Дружище, такая мысль способна довести до родимчика весь состав синклита епископов — там, на Земле.

И еще вопрос... Почему? Но у меня не было времени обдумывать все это: миниатюрная дежурная чертовочка (бесовка?) ударила в гонг, стоявший у нее на конторке, и крикнула:

— Очередной!

Дежурный рассыльный, явившийся на вызов, оказался юношей, к тому же весьма привлекательным. Я подумал, почему он умер так рано и почему не удостоился попасть на небеса? Однако так как это меня не касалось, то я и спрашивать не стал. Он напомнил мне рекламный плакат фирмы «Филип Моррис», когда шагал впереди меня к моему «люксу», но я тут же вспомнил еще одну сигаретную рекламу: «Такие округлые, такие крепкие и так хорошо упакованы». У паренька ягодицы были такие, о каких распутные индусы пишут целые поэмы. Может, это и был тот грех, который привел его сюда?

Войдя в номер, обо всем этом я позабыл.

Гостиная была, конечно, маловата для игры в футбол, но для тенниса вполне годилась. Обстановка пришлась бы в самый раз для апартаментов любого высокопоставленного восточного властелина. Ниша, которая называлась кладовкой, была набита холодными закусками в количестве вполне достаточном, чтобы накормить человек сорок. Там же находилось несколько горячих блюд, жареный поросенок с яблоком во рту, запеченный павлин с перьями и еще что-то в том же духе. На это изобилие взирал бар с обширным набором напитков — корабельный эконом «Конунга Кнута» был бы вполне удовлетворен.

Мой рассыльный («Зовите меня Пат») неслышно скользил по номеру, открывая шторы, проверяя полотенца, то есть делая все то, что делают все рассыльные, рассчитывая на крупные чаевые. Я же в это время соображал, как мне с ним расплатиться. Может быть, есть способ внести чаевые в общий счет за номер и обслуживание? Ладно, придется спросить самого Пата. Я проследовал в спальню (мечта новобрачных!) и нашел Пата в ванной.

Он как раз раздевался. Брюки уже были спущены до половины, оставалось их только сбросить. Голые ягодицы нахально лезли в глаза. Я возопил:

— Слушай, парень. Ни в коем случае!!! Спасибо, конечно, за заботу... но мальчики не входят в число моих слабостей.

— Зато они входят в число моих,— ответил Пат,— и я вовсе не парень.— И он повернулся ко мне лицом.

Пат оказался прав — к мальчикам он не относился.

Я стоял с отвисшей челюстью, пока она снимала с себя одежду, которую тут же бросила в корзину для грязного белья.

— Ну вот,— сказала она, улыбаясь,— так приятно сбросить с себя эту обезьянью форму. Я не снимаю ее с той самой минуты, как радар обнаружил вас впервые. Что с вами случилось, святой Алек? Остановились где-нибудь хлебнуть пивка?

— Ну... да... две-три кружечки...

— Я так и подумала. Дежурил Берт Кинси, не так ли? Если наше озеро когда-нибудь переполнится и затопит лавой часть города, Берт все равно остановится перехватить пивка и только потом побежит спасаться. Послушайте, а почему у вас такой испуганный вид? Я что-то не так сказала?

— Э-э... мисс... вы очаровательны... но я ведь и девушку не заказывал!

Она подошла ко мне вплотную, подняла глаза и потрепала меня по щеке. На подбородке я ощутил незамутненную свежесть ее дыхания.

— Святой Алек,— сказала она тихонько,— я вовсе не пытаюсь соблазнить вас. О! Я, конечно, всегда в вашем полном распоряжении; девушка для компании, а иногда две или даже три просто входят в комплект услуг номеров «люкс». Однако я способна на гораздо большее, чем просто заниматься с вами любовью,— она протянула руку, взяла мохнатое полотенце и обернула его вокруг бедер.— Я еще и искусная банщица. Не угодно ли помассировать спину? — она улыбнулась и отбросила полотенце.— Кроме того, я еще первоклассный бармен. Хотите, смешаю вам «Датский зомби»?

— Кто вам сказал, что я люблю «Датский зомби»?

Она отвернулась, чтобы открыть дверцу шкафа.

— Все святые, с которыми я была знакома, обожали этот напиток. А как вам это нравится? — она показала халатик, который, казалось, был соткан из нежно-голубого тумана.

— Чудесный! А со сколькими святыми вы были знакомы?

— С одним. С вами. Нет, с двумя, но тот — второй — не пил «зомби». Я просто подразнила вас, чтобы поддержать разговор. Извините.

— Пожалуйста. Но, может быть, эта информация исходит от девушки-датчанки? Она блондинка и приблизительно вашего роста и веса. Маргрета, или Марга. Иногда ее зовут Марджи.

— Нет. Сведения о вас были в распечатке, которую мне дали, когда определили к вам. Эта Марджи — ваша подруга?

— Гораздо больше, чем подруга. Она — причина того, что я оказался в аду. Надо говорить «в аду» или все-таки «на»?

— И так, и сяк. Но я совершенно уверена, что не видела вашей Марджи.

— А что у вас делают, если надо разыскать кого-то? Есть справочники? Списки избирателей? Что?

— Ничего подобного я тут не видела. Ад не очень заорганизован. Здесь полная анархия, если не считать господства полного абсолютизма в отдельных вопросах.

— Как вы думаете, не следует ли мне обратиться к Сатане?

Она явно сомневалась.

— Я не знаю правил, которые запрещали бы вам написать письмо его адскому величеству. Но нет и правил, обязывающих его читать подобные послания. Думаю, письмо вскроет и прочтет кто-то из его секретарей. Он, конечно, не выкинет его в озеро. Нет. Не думаю, чтобы выкинул.— Подумав, она продолжала: — Ну, пойдем в гостиную? Или вы хотите лечь спать?

— Хм... думаю, мне не помешала бы ванна. Даже уверен в этом.

— Отлично. Я еще никогда не купала святых. Забавная, должно быть, штука.

— О! Мне вовсе не нужна помощь. Я моюсь сам.

Все равно она меня выкупала.

Она сделала мне маникюр. Она сделала мне педикюр. И осталась крайне недовольна состоянием ногтей на ногах. «Позорище» — вот самое мягкое выражение из тех, к которым она прибегла. Она подстригла мне волосы. Когда я поинтересовался бритвенными лезвиями, она подвела меня к шкафчику в ванной, где лежало восемь или девять различных инструментов для борьбы с бородатостью.

— Рекомендую электрическую бритву с тремя плавающими головками, но если вы мне доверяете, можете убедиться, что я вполне компетентна и в обращении с вышедшей из моды опасной бритвой.

— Я ищу лезвие «Жиллетт».

— Этой марки я не знаю, но тут есть новые модели безопасных бритв и соответствующие лезвия.

— Нет. Мне нужен мой сорт. Обоюдоострый. Из нержавейки.

— «Уилкинсоновский меч», обоюдоострый, вечный — подойдет?

— Возможно. Ох, вот и они! Нержавеющий «Жиллетт» — покупаешь два, третий получаешь бесплатно.

— Отлично. Сейчас вас побрею.

— Нет, я сам.

Через полчаса я полусидел в кровати, вполне подготовленный к королевской брачной ночи, подложив под спину мягкие подушки. В желудке у меня покоился отличный дагвуд, в руке я держал «ночной колпак» — стаканчик с «Датским зомби». На мне была новехонькая шелковая пижама темно-бордового цвета с золотом. Пат сняла свой прозрачный пеньюар из голубого дыма, который носила все это время, исключая то, которое пошло на мое купание, и устроилась возле меня, поставив свою выпивку (гленливет со льдом) так, чтобы удобно было брать.

(Я сказал про себя: «Слушай, Марга, я это не выбирал. Тут всего одна кровать. Но кровать большая, а Пат вовсе не собирается ко мне прижиматься.

Ты же не захотела бы, чтоб я вышвырнул ее отсюда, правда? Она очень славная, и мне не хотелось бы ранить ее чувства. Сейчас я выпью стаканчик и буду спать»).

Ну, сразу я не заснул. Пат вовсе не была настойчива, но очень охотно шла на сотрудничество. Я обнаружил, что одна часть моего мозга весьма интенсивно анализирует вопрос о том, что именно Пат может предложить (очень многое!), в то время как другая его часть объясняет Марге, что все это не серьезно, что я в эту девушку не влюблен, что я люблю ее — Маргу — и всегда буду любить... но я никак не мог уснуть и...

Потом мы немного поспали. Затем посмотрели программу голограмм, про которую Пат сказала, что она «довольно старомодная», и я узнал из этой программы такое, о чем я и не слыхивал, но тут же выяснилось, что Пат не только слыхала, но и может все показать и даже научить меня. Я умолк, чтобы объяснить Марге, что учусь для нашего общего с ней блага, после чего полностью отдался процессу обучения.

Потом мы опять подремали.

Прошло какое-то время, и Пат, потянувшись, похлопала меня по плечу.

— Повернись вот так, дорогой. Дай мне увидеть твое лицо. Так я и думала. Алек, я знаю, что ты несешь факел для своей возлюбленной. Вот почему я здесь — чтобы облегчить твою ношу. Но я ничего не смогу достигнуть, если ты тоже не будешь стараться. Что делала она для тебя такое, чего я не сделала или не смогла бы сделать? Может быть, она обладала этой легендарной левосторонней нарезкой? Или чем-то иным? Скажи, опиши мне. И я сделаю то же самое для тебя, или подделаю это, или добуду где-то на стороне. Пожалуйста, дорогой! Ты задеваешь мою профессиональную гордость.

— Да нет, ты все делаешь отлично.

Я погладил ее руку.

— Не уверена. Может быть, тебе нужно одновременно несколько девочек вроде меня, но отвечающих разным вкусам? Чтобы утонуть в девичьих буферах — шоколадных, ванильных, клубничных, тутти-фрутти? Тутти-фрутти? Хм... может, ты хочешь «сандвич» а-ля Сан-Франциско? Или какую-нибудь другую особую забаву по образцам Содома и Гоморры? Есть у меня дружок из Беркли. Он... как бы это сказать... не совсем настоящий мужчина: у него весьма изысканное и игривое воображение. Мы с ним не раз отлично работали на пару. У него есть целый список ребят того же сорта. Он член обществ «Приспешники Эйлистера Кроули» и «Нероновы герои и ничтожества». Если хочешь поглядеть сцену свального греха, Дони и я можем представить ее в том виде, который тебе больше нравится, а Сан-Суси оркеструет его согласно твоим вкусам. Персидские сады, женское общежитие, турецкий гарем, барабаны джунглей с непристойными обрядами, женский монастырь... Монастырь... Я тебе говорила, чем я занималась при жизни?

— Я как-то не очень верю, что ты умерла.

— Конечно, умерла. Я же не бесовская подделка под женщину, я — человек. Уж не думаешь ли ты, что кто-то получит такую работу, как эта, не имея человеческого опыта? Нужно быть человеком до кончиков ногтей, чтобы доставить настоящее удовольствие своим мужским сородичам. Всякая болтовня насчет сексуальных сверхвозможностей всяких там суккубов — главным образом, их

собственное хвастовство. Я была монахиней, Алек, с юности и до самой смерти, и большую часть времени тратила на обучение грамматике и арифметике детей, которые вовсе не желали учиться.

Вскоре я поняла, что мое призвание на самом деле не является призванием. А вот чего я не знала, так это как мне от него отделаться. Поэтому никуда и не ушла. Просто в тридцать лет я узнала, как невообразимо горька моя ошибка; моя сексуальность окончательно созрела к тому времени. Я хочу сказать, что ожесточилась, святой Алек, и с каждым днем делалась все хуже.

Самым худшим в моем положении оказалось не то, что я поддалась соблазну, а то, что у меня не было такой возможности. Будь она — я бы за нее тут же ухватилась. Как бы не так! Мой духовник, может быть, и взглянул бы на меня с похотью, если бы я была мальчишкой из его хора, а так — он иногда просто храпел, когда я ему исповедовалась. И не удивительно: мои грехи были скучны даже мне самой.

— А какие же у тебя были грехи?

— Плотские мечты, о большинстве которых я умалчивала на исповеди. А так как они не были отпущены, то прямиком шли в компьютер святого Петра. Богохульный блуд и адюльтер.

— Как?! Ну, Пат, у тебя и воображение!

— Ничего особенного, просто немного грубоватое. Ты ведь не знаешь, в каких тисках проводит свою жизнь монахиня. Она невеста Христова — это ее контракт. Так что даже мысль о радостях секса превращает ее в неверную жену самого что ни на есть низкого пошиба.

— Будь оно проклято! Пат, недавно на небесах я познакомился с двумя монахинями. Мне они показались вполне жизнерадостными тетками, особенно одна. И все же они попали на небеса.

— Никакого противоречия тут нет. Большинство монахинь исповедуются в грехах регулярно, и они им отпускаются. Затем, как правило, они умирают среди своих сестер, где к их услугам всегда есть духовник или капеллан. Так что им обеспечен обряд отпущения грехов, все грехи прощены, и они отправляются прямо на небеса, чистенькие, как мыло «Айвори».

А со мной было совсем иначе,— усмехнулась она,— меня за мои грехи наказали, и теперь я наслаждаюсь каждой минутой этого

го жестокого наказания. Я умерла девственницей в 1918 году во время пандемии гриппа. Умирали тогда массами, и очень быстро, так что, видимо, не оказалось священника, который успел бы прийти и указать мне путь на небеса. Так я и попала сюда. После первой тысячи лет обучения...

— Подожди-ка! Ты умерла в 1918 году?

— Великая эпидемия «испанки». Родилась в 1878 году, умерла же в 1918 в сорок лет. Ты, может быть, хочешь видеть меня сорокалетней? А то я могу!

— Нет, ты сейчас выглядишь отлично. Ты прекрасна.

— А то кто тебя знает. Некоторым мужчинам... тут, знаешь ли, множество таких... с эдиповым комплексом... но ни один из них не имел шансов получить это при жизни. Так вот, это один из моих самых простых методов доставлять удовольствие. Я просто тебя загипнотизирую, и ты сам сообщишь мне все необходимые данные. Затем я внешне и голосом становлюсь похожей на твою мамашу. Ну, и пахну точно так же, как она. Словом, все, все... за исключением того, что я доступна тебе в таких видах, в каких при жизни она была недоступна и другим. Я...

— Патти, моя мать мне совсем не нравилась.

— О! Неужели же это не сказалось на тебе в Судный день?

— Нет. Ведь такого в правилах нет. В Книге говорится, что ты должен чтить отца своего и мать свою. И ни единого слова о том, что ты обязан их любить. Я чтил их, как положено по протоколу. На моем столе всегда стоял ее портрет. Еженедельно писал ей письма. Звонил по телефону в день рождения. Навещал, когда позволяли мои служебные обязанности. Слушал ее вечные причитания и отвратительные сплетни о ее друзьях женского пола. Никогда ей не противоречил. Оплачивал больничные счета. Проводил до могилы. Но не плакал. Она меня не любила, и я ее не любил. Так что забудь о моей матери. Пат, я задал тебе вопрос, а ты сменила тему разговора.

— Извини, милый. Посмотри-ка лучше, что я нашла!

— И не пытайся снова уклониться от разговора. Просто подержи его в теплом кулачке, пока будешь отвечать на мой вопрос. Ты говорила о своем тысячелетнем ученичестве.

— И что же?

— Но ты же сказала, что умерла в 1918 году. Архангельская труба прозвучала в 1994-м — это я знаю. Был там. Это случилось всего лишь спустя семьдесят шесть лет после твоей смерти. Мне кажется, что труба прозвучала всего несколько дней назад, ну может, месяц, не больше. Однако я уже столкнулся кое с чем, случившимся, видимо, семь лет спустя после Судного дня. Но все же не девятьсот или почти тысяча! Я не дух, я живой во плоти. И я не Мафусаил. (Черт возьми, неужели мы с Маргретой расстались тысячу лет назад? Это же несправедливо!)

— Ох! Алек, в вечности «тысяча лет» — не какое-то конкретно определенное время. Просто эти слова означают «долго». В данном случае, достаточно долго, чтобы сказать, обладаю ли я талантом и способностью к данной профессии. Так много времени потребовалось потому, что, хотя я и закоренела во грехе, и осталась такой, и почти каждый клиент возбуждает меня так, что я могу потолок пробить, в чем у тебя была возможность убедиться, но сюда я прибыла, ничего не зная о сексе. Абсолютно ничего. Однако я училась, и в конце концов сама Мария Магдалина поставила мне высшие оценки и рекомендовала меня на постоянную работу.

— Неужели она здесь?

— О, она здесь приглашенный профессор. Постоянное место ее работы на небесах.

— И чему же она там учит?

— Понятия не имею, но наверняка не тому, чему тут. Во всяком случае, я так думаю. Хм-м... Алек, она принадлежит к числу извечных великих. Она живет по своим правилам. Однако на сей раз тему меняешь ты. Я пыталась сказать тебе, что не знаю, сколько времени продолжалось мое ученье, поскольку время здесь течет так, как ты сам того хочешь. К примеру, сколько времени мы с тобой нежимся в постели?

— Хм... довольно долго. Но меньше, чем мне бы хотелось. Думаю, сейчас что-то около полуночи.

— Сейчас и есть полночь, если тебе так угодно. Хочешь, чтоб я теперь побыла сверху?

На следующее утро, когда бы оно там ни было, Пат и я позавтракали на балконе, выходившем прямо на озеро. Она надела

любимый костюм Марги — облегающие и коротенькие шорты и «недоуздок», из которого чуть ли не переливалось богатство ее бюста. Не знаю, где и когда она достала эту одежду. А мои рубашка и брюки были выглажены и починены за ночь, нижнее белье и носки — выстираны; в аду, по-видимому, повсюду действуют маленькие бесенята. Кроме того, во второй половине ночи через нашу спальню можно было прогнать целое стадо гусей, и я бы не проснулся.

Я поглядывал на Пат через столик, наслаждаясь ее живой, почти скаутской прелестью, рассматривал щепотку веснушек, щедро рассыпанных вокруг носа, и думал, как странно, что раньше я путал секс с грехом. Конечно, секс может повлечь за собой грех, но ведь любой человеческий поступок может сопровождаться жестокостью и несправедливостью. Сам же по себе секс не имеет даже привкуса греха. Я прибыл сюда усталым, растерянным и несчастным — и Пат сначала сделала меня счастливым, затем заставила отдохнуть, и я сохранил ощущение счастья в это дивное утро.

Я нисколько не меньше жажду найти тебя, моя любимая Марга, но теперь я в гораздо более хорошей форме для продолжения поисков, чем был еще совсем недавно.

А сможет ли Маргрета взглянуть на это с такой же точки зрения?

Что ж, мне кажется, она никогда меня не ревновала.

А что бы я почувствовал, если бы она взяла отпуск — сексуальный отпуск вроде того, каким я только что насладился? Хороший вопрос. Подумай-ка над ним, малыш, потому что соус для гусыни можно использовать и по-другому!

Я поглядел на озеро и увидел, как поднимается над ним дымок, как отсветы пламени окрашивают дым в алый цвет... а направо и налево тянутся очаровательные ландшафты начала лета, а вдали виднеются горы с покрытыми снегом вершинами.

— Пат...

— Да, дорогой?

— До берега озера не более фарлонга. Однако я не чувствую даже запаха серы.

— А ты погляди, как бриз колышет вон те стяги! Со всех сторон бездны ветер дует с берега к центру. Над бездной он поднимается

вверх, что, кстати, замедляет скорость падения душ, прибывающих сюда по баллистической, а затем, уже в другом полушарии, воздух стекает в совершенно симметрично расположенную холодную бездну, где H_2S вступает в реакцию с кислородом, образуя воду и серу. Сера выпадает в осадок, вода же в виде пара возвращается в атмосферу. Эти две бездны и формируют механизм циркуляции, управляющий погодными условиями, и в известной степени, аналогичный процессам циркуляции атмосферы, действующим на Земле. Только здесь климатические переходы гораздо мягче.

— В физических науках я не особенно разбираюсь... но все это не очень-то похоже на те законы природы, о которых мне рассказывали в школе.

— Конечно, нет. Тут, как ты понимаешь, совсем другой босс. Он управляет планетой так, как ему заблагорассудится.

То, что я хотел сказать в ответ, утонуло в мягком звоне гонга, прозвучавшем во внутренних покоях номера.

— Можно я открою дверь, сэр?

— Конечно, но как ты смеешь называть меня «сэр»? Надо думать, это местная обслуга. А?

— Нет, дорогой Алек, обслуга приходит только тогда, когда видит, что мы уже кончили.— Она встала и через минуту вернулась с конвертом.— Это тебе, милый. Письмо доставлено имперским курьером.

— Мне?

Я осторожно взял конверт и открыл его. Вверху стоял герб — традиционное изображение дьявола красного цвета, с рогами, копытами, хвостом, вилами, окруженного языками пламени. Ниже шел текст:

Святому Александру Хергенсхаймеру
«Сан-Суси Шератон»
Столица

Привет!

В ответ на Ваше прошение об аудиенции у Его Адского Величества Сатаны Мекратрига, Владыки Ада и Его Внешних Колоний, Первого Повелителя Рухнувшего Трона, Князя Лжи имею честь

сообщить Вам, что Его Величество просит Вас подкрепить Вашу просьбу предоставлением данному офису подробного и предельно правдивого манускрипта о Вашей жизни. Когда таковой будет завершен, воспоследует и решение касательно Вашей просьбы.

Я могу добавить к извещению Его Величества: любая попытка что-то пропустить, скользнуть по поверхности или приукрасить нечто с целью польстить Его Величеству не доставит ему никакого удовольствия.

Имею честь оставаться
Искренне Его
(подпись) Вельзевул,
Секретарь Его Величества.

Я прочел Пат письмо вслух. Она заморгала и присвистнула.

— Ну, дорогой, тебе лучше сразу же браться за дело.

— Я...— Бумага вспыхнула, и я уронил пепел в грязную тарелку.— Это что, у вас всегда так?

— Не знаю. Впервые вижу письмо от номера первого. И первый раз слышу о ком-то, кому, хотя бы на определенных условиях, была обещана аудиенция.

— Пат, я не просил об аудиенции. Я только собирался выяснить сегодня, как это делается. И просьбу, на которую пришел этот ответ, не посылал.

— Тогда тебе следует немедленно подать соответствующее прошение. Не следует нарушать последовательность событий. Я помогу тебе — отпечатаю его на машинке.

Бесенята опять потрудились на славу. В углу огромной гостиной появились два принесенных ими стола. Один — письменный, с аккуратно уложенными пачками бумаги и стаканчиком с перьями. Другой был сложным сооружением. Пат сразу же бросилась к нему.

— Дорогой, похоже, что я все еще приписана к тебе. Теперь я твой секретарь. Тут самое последнее и наилучшее оборудование «Хьюлетт-Паккард», так что работать будет одно удовольствие. Или ты сам умеешь печатать?

— Боюсь, что нет.

— О'кей. Ты будешь писать чернилами, а я — перепечатывать и править... Это значит, между прочим, что ты вообще можешь не ставить знаки препинания. Теперь понятно, почему именно меня выбрали для этой работы. Не из-за моих прекрасных ножек, мой дорогой, а потому что я умею печатать. Большая часть членов моей гильдии печатать не умеет. Многие из них занялись блудом, так как стенография и машинопись для них слишком сложны. Я — другое дело. Ладно, за работу! Она потребует дней и даже недель, не знаю — сколько. Хочешь, чтоб я спала здесь?

— А ты хочешь уйти?

— Дорогой, хозяин — барин. Ему и решать, таков порядок.

— Я не хочу, чтоб ты уходила (Марга, пожалуйста, постарайся понять!).

— Хорошо, что ты так сказал, иначе я бы расплакалась. Кроме того, настоящий секретарь должен быть на месте постоянно. А то вдруг у хозяина ночью что-то вскочит... в голову.

— Пат, эта старая хохма была в ходу у нас еще в семинарии.

— Да. Эта шутка имела бороду еще до того, как ты родился. Давай работать.

Попробуйте представить себе календарь (его у меня не было), чьи листки переворачивает ветер. Манускрипт все рос и рос, но Пат твердила, что совет князя Вельзевула следует понимать буквально. Пат печатала в двух экземплярах все, что я писал; один экземпляр прятался в стол, другой исчезал в тот же вечер. Опять бесенята. Пат говорила, что этот экземпляр, надо понимать, отправляется во дворец и попадает, по крайней мере, на стол к князю... А отсюда следует, что я пока работаю удовлетворительно.

Меньше чем за два часа Пат перепечатывает на машинке, а потом на принтере все то, что я успеваю написать за целый день. Но я прекратил работать столь усиленно, когда получил написанную от руки записку:

«Вы работаете слишком много. Развлекайтесь. Отведите ее в театр. Поезжайте на пикник. Не следует перенапрягаться».

Записка самоуничтожилась, и я понял, что она аутентична. Пришлось повиноваться. С радостью! Но я не собираюсь описывать здесь злачные места столицы Сатаны.

* * *

Этим утром я наконец достиг того места, где я писал (пишу) о том, что происходит в данный момент... И я вручил Пат последний листок.

Не более чем через час после того, как я поставил предыдущую точку, раздался удар гонга. Пат вышла в прихожую и быстро вернулась. Она бросилась мне на шею.

— Это прощальный поцелуй, дорогой. Больше я тебя не увижу.

— ЧТО?

— Именно так, милый. Мне еще утром сказали, что задание я выполнила. И еще я должна тебе кое в чем признаться. Ты узнаешь, ты обязательно узнаешь, что я ежедневно писала на тебя докладные. Пожалуйста, не сердись на меня. Я профессионал, работаю в имперской службе безопасности.

— Будь ты проклята! Значит, каждый поцелуй и каждый страстный вздох — притворство?!

— Ни один из них не был притворным! Ни один! И когда ты отыщешь свою Маргу, скажи ей, что я считаю ее счастливицей.

— Сестра Мэри-Патрисия, это еще одна ложь?

— Святой Александр, я тебе никогда не лгала. Кое о чем приходилось умалчивать до тех пор, пока я не смогу говорить, вот и все...— Она разжала руки и отпустила меня.

— Эй! А ты не собираешься поцеловать меня на прощание?

— Алек, если бы ты хотел меня поцеловать, ты бы не стал спрашивать.

Я не спрашивал. Я целовал. Если Пат притворялась, значит, она лучшая актриса, чем можно было бы предположить.

Два огромных падших ангела уже ожидали, чтоб отвести меня во дворец. Они были вооружены до зубов и закованы в сталь. Пат упаковала мой манускрипт и сказала, что там хотели, чтобы я взял его с собой. Я уже уходил... как вдруг встал как столб.

— Моя бритва!

— Посмотри в кармане, дорогой.

— А как она туда попала?

— Я знала, что ты сюда не вернешься, милый.

* * *

И я снова убедился, что в компании с ангелами умею летать. Прямо с балкона, вокруг «Сан-Суси Шератон», через площадь — и вот мы на балконе третьего этажа дворца Сатаны. Потом через множество коридоров и вверх по лестнице, марши которой поднимаются в такую высь, что она перестает быть удобством для людей. Когда я споткнулся, один из конвойных схватил меня и поддерживал, пока мы не добрались до вершины, хотя ничего не произнес — ни один из них даже словечка мне не сказал.

Колоссальные бронзовые створки, столь же изукрашенные барельефами, как врата Гиберти, открылись. Меня втолкнули внутрь.

И я увидел ЕГО.

Темный и дымный холл, по обеим сторонам его вооруженная стража, высокий трон и некто на нем — раза в два меньше обычного человека. Этот некто был традиционным дьяволом, изображения которого вы можете видеть на бутылках «Плуго» или на жестянках с «дьявольской» ветчиной: хвост и рога, свирепые глазищи, трезубец вместо скипетра, отблески огня от пылающей жаровни на жирной темно-красной коже, мощная мускулатура. Я должен был напомнить себе, что Князь лжи может выглядеть так, как захочет; видно, на этот раз он решил меня припугнуть.

Его голос прозвучал, как штормовой ревун в тумане.

— Святой Александр, теперь ты можешь приблизиться ко мне.

26

Я стал братом шакалам и другом страусам.

Книга Иова 30, 29

Я зашагал вверх по лестнице, ведущей к трону. Снова ступени были слишком высоки и слишком широки, но теперь уже некому было меня поддержать. Я унизился до того, что чуть ли не полз по этим проклятым ступеням, в то время как Сатана смотрел на меня сверху вниз с сардонической усмешкой. Со всех сторон из невидимых источников лилась музыка, музыка смерти, смутно

напоминавшая Вагнера, только я никак не мог вспомнить, что именно. Я полагаю, что там были ультразвуковые волны, заставляющие собак выть, лошадей в панике разбегаться, а мужчин думать о бегстве или самоубийстве.

А лестница передо мной все удлинялась.

Перед тем как начать восхождение, я не сосчитал, сколько ступеней мне предстояло преодолеть, но пролет выглядел так, будто в нем было ступеней тридцать, не больше. Однако, поползав несколько минут на карачках, я понял, что лестница так же высока, как в начале. Князь лжи!

Тогда я остановился и стал ждать.

Наконец громовой голос произнес:

— Что-то не так, святой Александр?

— Все так,— ответил я,— поскольку вы все спланировали именно так. Только если вы действительно хотите, чтоб я приблизился к вам, то перестаньте шутки шутить. Иначе мне нет смысла идти по этой саморастягивающейся лестнице.

— Ты думаешь, я это делаю нарочно?

— Я знаю, что это так. Игра. В кошки-мышки.

— Ты пытаешься выставить меня дураком перед моими джентльменами?

— Нет, ваше величество. Я не могу выставить вас дураком. Только вы сами способны сделать это.

— Ах так! А ты понимаешь, что я могу уничтожить тебя там, где ты стоишь?

— Ваше величество, я в ваших руках с той секунды, как вступил в ваши владения. Чего вы хотите от меня? Должен ли я дальше карабкаться по этой движущейся лестнице?

— Да!

Так я и поступил, но лестница перестала растягиваться, и высота ступеней снизилась до вполне приемлемых семи дюймов. Через несколько секунд я добрался до Сатаны — вернее, до его раздвоенных копыт. А потом оказался в нежелательной близости к нему. Дело не только в том, что его близость наводила ужас — я мог достаточно крепко держать себя в руках,— но от него несло! От него разило мусорными баками, протухшим мясом, циветтой и скунсом, серой, затхлыми комнатами и газами из больных

кишок — всем этим сразу и многим еще. Я сказал себе: «Алекс Хергенсхаймер, если ты позволишь спровоцировать себя на рвоту, ты потеряешь все шансы на то, что он сведет тебя с Маргой. Так что не вздумай блевать. Держи себя в руках».

— Этот стул для тебя,— сказал Сатана.— Садись.

Рядом с троном стоял стул без спинки, такой низкий, что каждый, кто на него садился, неизбежно терял возможность сохранить достойную осанку. Я сел.

Сатана взял манускрипт рукой столь огромной, что обычные машинописные страницы выглядели в ней как колода игральных карт.

— Я прочел это. Недурственно. Слегка многословно, но мои редакторы подсократят. Впрочем, лучше так, чем излишняя лаконичность. Однако нам нужен конец... написанный тобой или писателем-призраком. Лучше, конечно, последним; рукопись должна быть выразительнее, чем получилась у тебя. Скажи, ты не думал писать ради хлеба насущного? Вместо того чтобы проповедовать?

— Не думаю, чтобы я обладал нужным талантом.

— Талант-шмалант. Ты бы посмотрел на ту чушь, которую публикуют. Кстати, тебе придется подработать сексуальные сцены: современный потребитель хочет, чтобы такие сцены были сочны. Впрочем, пока забудем об этом. Я тебя позвал не для того, чтоб обсуждать твой литературный стиль и его слабые стороны. Я вызвал тебя, чтобы сделать предложение.

Я молчал. Он тоже. Спустя какое-то время он спросил:

— Тебя не интересует, в чем оно заключается?

— Ваше величество, конечно, интересует. Но из опыта общения с вами наш род извлек урок: человек должен быть крайне осторожен, вступая с вами в торг.

Он хмыкнул, и фундамент здания содрогнулся.

— Бедный маленький человечишка, неужто ты думаешь, что я стану торговаться из-за твоей душонки?

— Не знаю, чего вы хотите, однако я не так ловок, как Фауст, и далеко не так умен, как Дэниел Уэбстер. А значит, должен быть сугубо осторожен.

— Да брось ты! Не нужна мне твоя душа. Сегодня спрос на души плохой; их слишком много, а качество сильно ухудшилось.

Я могу за пятак купить их целый пучок, как редиску. Нет, они мне не нужны, я ими уже затоварился. Нет, святой Александр, мне нужны твои услуги. Твои профессиональные услуги.

(Тут я сильно встревожился. Где здесь ловушка? Алекс, где-то тут заложена мина. Будь внимателен! Что он задумал?)

— Вам требуется мойщик посуды?

Он опять хмыкнул, это потянуло по шкале Рихтера на четыре целых и две десятых балла.

— Нет, нет, святой Александр. Мне требуются твои профессиональные услуги, а не та крайность, до которой тебе пришлось временно опуститься. Я хочу нанять тебя в качестве толкователя Евангелия и проповедника Библии. Я хочу, чтобы ты занимался христианским бизнесом так, как тебя учили. Тебе не придется добывать средства к жизни или ходить с подносом, собирая деньги на пропитание; зарплата будет хорошая, а дела — мало. Что скажешь?

— Скажу, что вы меня обманываете.

— А вот это уже нехорошо. Никаких фокусов, святой Александр! Ты волен молиться, как молился всегда, ограничений никаких! Твой титул будет «личный капеллан Сатаны и примас ада». Свое свободное время — хочешь много, хочешь — мало, это зависит от желания — ты можешь проводить, спасая погибшие души... тут их хватает. Насчет зарплаты ты можешь поторговаться, но она будет не меньше, чем получал папа Александр Шестой — самый знаменитый хапуга в истории. В общем, тебя не обжулят, обещаю. Что скажешь? Ну?

(Кто из нас спятил? Дьявол или я? Или мне снится один из тех кошмаров, которые преследуют меня последнее время?)

— Ваше величество, вы не упомянули ничего из того, что я хочу.

— Ах, вот как! Но деньги же всем нужны! А ты разорен, ты не можешь оставаться в своем роскошном «люксе» даже еще на одну ночь, если не подыщешь работу.— Он постучал пальцем по манускрипту.— Эта штука, может, когда-нибудь и принесет тебе доход. Но не скоро. Под нее я тебе в долг не дам ни гроша; ведь рукопись может оказаться и убыточной. В наши дни рынок завален всякими боевиками типа «Как я был пленником Князя зла».

— Ваше величество, вы прочли мои мемуары и знаете, что мне нужно.

— Да? Ну-ка, назови.

— Вы знаете. Моя возлюбленная. Маргрета Свенсдаттер Гундерсон.

Он сделал вид, что удивился.

— Разве я не послал тебе записку насчет нее? Ее в аду нет.

Я почувствовал себя как пациент, который держался твердо, пока не принесли результаты биопсии... и не выдержал дурных новостей.

— Вы уверены?

— Конечно, уверен. Как ты думаешь, кто тут командует?

(Князь лжи. Князь лжи!)

— Но откуда такая уверенность? Я слышал, что тут учет поставлен скверно. Человек, говорят, может провести в аду годы, а вам по тем или иным причинам это остается неизвестным.

— Если ты слышал такое, то тебе солгали. Знаешь, если ты примешь мое предложение, то сможешь нанять самых лучших специалистов в истории, от Шерлока Холмса до Эдгара Гувера, и обыскать все закоулки ада. Впрочем, все равно даром выбросишь деньги на ветер: та, кого ты ищешь, вне моей юрисдикции. Я говорю тебе это со всей ответственностью.

Я колебался. Ад — огромная территория; я мог обыскивать его хоть всю вечность и все равно не найти Марги. Однако если денег — вагон (я-то понимал это лучше других), то трудное становится реальным, а невозможное — просто трудным.

И все же... Кое-что из того, что я делал как заместитель исполнительного директора ЦОБ, можно было считать, в известной мере, сомнительным (сводить бюджетные концы с концами не так-то легко), но как рукоположенный священник я еще никогда не продавался врагу рода человеческого. Нашему извечному противнику. Как может священник Христа стать капелланом Сатаны? Марга, дорогая... я *не могу*!

— Нет!

— Не слышу. Давай, я немного подслащу сделку. Прими мое предложение — и я навсегда приставлю к тебе своего лучшего женского агента — сестру Мэри-Патрисию. Она станет твоей рабыней — правда, с небольшой оговоркой: ты не станешь ее продавать. Однако можешь сдавать ее в аренду, если захочешь. Что ты скажешь теперь?

— Нет.

— Ну, брось, брось. Ты просил одну бабу, я тебе предлагаю другую, еще лучше. Не станешь же ты доказывать, что Пат тебе не угодила — ты с ней неделями валялся в кровати. Хочешь, я прокручу тебе записи ваших стонов и вздохов?

— Ты грязный негодяй!

— Эй, эй, не годится оскорблять меня в моем собственном доме! Ты знаешь, и я знаю, и все знают, что между одной женщиной и другой разница невелика, если исключить вопрос о качестве стряпни. Я предлагаю тебе одну, которая чуть получше, взамен той, которую ты потерял. Да через год ты меня благодарить будешь! Через два — вообще не сможешь понять, с чего ты тут кобенился. Давай соглашайся, святой Александр. Это лучшее предложение, на которое ты можешь рассчитывать, ибо говорю тебе серьезно — той датской зомби, в которую ты влюбился и о которой ты просишь, в аду нет. Ну, так как?

— НЕТ!

Сатана побарабанил пальцами по подлокотнику кресла; он казался очень раздраженным.

— Это твое последнее слово?

— Да.

— Ну а допустим, я предложу тебе должность капеллана и в придачу твою замороженную деву?

— Вы же сказали, что ее нет в аду?

— Но я не говорил, что не знаю, где она.

— Вы ее можете доставить сюда?

— Отвечай на мой вопрос. Примешь ли ты обязанности моего капеллана, если в контракт будет внесен пункт, оговаривающий ее возвращение к тебе?

(Марга! Марга!)

— Нет.

Сатана громко приказал:

— Генерал-сержант, отпустите караул. А ты пойдешь со мной!

— НАПРАНАЛЕ-ВО!.. ШАГОМ МАРШ!

Сатана слез с трона и направился за него, не сказав мне больше ни слова. Мне пришлось поторопиться, чтобы успеть за его гигантскими шагами. Позади трона открывался темный туннель; тут мне пришлось бежать — казалось, еще мгновение — и он скроется из виду. Его силуэт внезапно как-то уменьшился, слабо вырисовываясь на фоне тусклого света в конце туннеля.

Я чуть не наступил ему на пятки. Он уходил вовсе не так быстро, как казалось; он просто менялся в размерах. Или это я менялся? И я, и он уже были, примерно, одного роста. Я остановился как вкопанный, когда он подошел к двери в самом конце туннеля, которая слабо освещалась красноватым сиянием.

Сатана дотронулся до двери — наверху вспыхнул яркий желтый прожектор. Открылась дверная створка, и дьявол обернулся ко мне.

— Входи, Алек.

Сердце мое затрепетало, и я задохнулся.

— Джерри! Джерри Фарнсуорт!

27

> Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.
>
> *Книга Екклесиаста 1, 18*

> И начал Иов и сказал: Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек.
>
> *Книга Иова 3, 2–3*

Глаза мне заволокло туманом, голова закружилась, ноги стали ватными. Джерри прикрикнул:

— Эй, ты это прекрати! — обнял меня за плечи и втащил внутрь, сильно хлопнув дверью.

Он не дал мне упасть, встряхнул и ударил по щеке. Я потряс головой и наконец отдышался. Раздался голос Кейти:

— Отведи его куда-нибудь, пусть приляжет.

Я встряхнулся:

— Я в порядке. Просто на секунду нашло какое-то затмение.

Я огляделся. Мы стояли в прихожей дома Фарнсуортов.

— Ты просто плюхнулся в обморок, вот что с тобой произошло. И не удивительно, ты же пережил такой шок. Пошли-ка в гостиную.

— Пойдем. Привет, Кейти. Ну до чего же приятно снова видеть тебя.

— Тебя тоже, дорогой.

Она подошла ко мне, обняла и расцеловала. Я снова ощутил, что хоть Марга для меня — все, но Кейти тоже женщина того сорта, который можно назвать «моим». И Пат — тоже. Марга, как бы я хотел, чтобы ты познакомилась с Пат! (Марга!!!)

Гостиная казалась пустой. Мебель была недоделана, окна отсутствовали, камин — тоже. Джерри сказал:

— Кейти, устрой-ка нам «Ремингтон-два», ладно? А я пока приготовлю выпить.

— С удовольствием, милый.

Пока они занимались своими делами, ворвалась зареванная Сибил, кинулась мне на шею (чуть с ног не сбила; эта девочка весит изрядно) и расцеловала. Правда, поцелуй был мимолетный, не то что благословенный дар Кейти.

— Мистер Грэхем! Вы сработали просто потрясно! Я смотрела все. Вместе с сестрой Пат. Она тоже думает, что вы — молоток!

Левая стена превратилась в «пейзажное окно» с видом на горы; у противоположной — появился камин из дикого камня с веселым огнем, такой же, как в прошлый раз. Только потолок казался значительно ниже. Что касается мебели и другого убранства, то они были такими же, какими их показывал «Ремингтон-два» раньше. Кейти отошла от пульта управления.

— Сибил, отпусти его. Алек, немедленно сядь. Отдохни.

— Олл райт! — Я сел.— Э... это Техас? Или все еще ад?

— Это дело вкуса,— ответил Джерри.

— А есть ли разница? — спросила Сибил.

— Трудно сказать,— проговорила Кейти.— Ну не думай ты об этом сейчас, Алек. Я тоже смотрела передачу и вполне согласна с девочками. Я гордилась тобой.

— Да, он твердый орешек,— вмешался Джерри.— Мне не удалось поколебать его ни на йоту. Алек, ты твердолобый упрямец, я из-за тебя три пари продул! — появилась выпивка. Джерри поднял стакан.— За твое здоровье!

— За Алека!

— Ура! Ура!

— Ладно, выпьем за меня,— согласился я и отхлебнул здоровенный глоток «Джека Дэниэлса».— Джерри? Но вы же не...

Он широко улыбнулся. Сшитый на заказ костюм ранчеро исчез; сапожки, какие носят на Западе, уступили место раздвоенным копытам, в волосах проросли рога, кожа заиграла темно-красным огнем, отливая маслянистым блеском и туго обтягивая мощную мускулатуру. Между ног вылез несообразно огромный фаллос.

Кейти сказала мягко:

— Я думаю, ты убедил его, милый. Это не самое приятное из твоих обличий.

Традиционный дьявол тут же исчез, превратившись в знакомого мне техасского миллионера.

— Так-то гораздо лучше,— хихикнула Сибил.— Папочка, а зачем тебе понадобился этот малоаппетитный образ?

— Таков устойчивый стереотип. Впрочем, обличье, которое я ношу в данный момент, больше подходит для нашей обстановки. Вам тоже не мешало бы облачиться в техасский наряд.

— А нужно ли? Я полагаю, Патти уже достаточно приучила мистера Грэхема к виду обнаженного тела.

— Ее тело — это не твое тело. И поторопись, а не то я поджарю тебя на завтрак.

— Папочка, ты обманщик! — Сибил вырастила на себе голубые джинсы и бюстгальтер, даже не вставая с кресла.— Мне надоело быть тинэйджером, и я не вижу причин продолжать разыгрывать эту шараду. Святой Алек знает, что его надули.

— Сибил, а не много ли ты болтаешь?

— Дорогой мой, Сибил, возможно, и права,— спокойно вмешалась Кейти.

Джерри покачал головой. Я вздохнул и сказал то, что должен был сказать:

— Да, Джерри, я знаю, что меня обманули. Те, кого я считал своими друзьями. И друзьями Марги — тоже. Значит, за всем этим стояли вы? Тогда — кто я такой? Иов?

— И да, и нет.

— Что вы хотите этим сказать... ваше величество?

— Алек, нет необходимости называть меня так. Мы встретились как друзья. Надеюсь, что мы и останемся друзьями.

— Как же мы можем быть друзьями? Если я Иов... Ваше величество, где моя жена?

— Алек, я и сам очень хотел бы знать. Твои мемуары дали мне кое-какие ключи для отгадки, и я их сейчас использую. Но пока ничего не знаю наверняка. Ты должен набраться терпения.

— Э... черт побери, не могу я больше терпеть! Какие ключи? Объясните мне! Неужели вы не видите, что я схожу с ума?!

— Нет, не вижу, потому что ты не сходишь с ума. Я тебя только что поджаривал на медленном огне. Я довел тебя до точки, когда ты должен был сломаться. Но тебя нельзя сломать. И тем не менее, ты не можешь помочь мне в поисках твоей жены, во всяком случае, в данное время. Алек, тебе следует вспомнить, что ты человек... а я — нет. Я обладаю такими силами, которые ты не можешь даже вообразить. Но у меня есть и такие ограничения действия этих сил, которых ты тоже представить себе не можешь. Поэтому сохраняй спокойствие и слушай, что тебе говорят.

Я твой друг. Если ты этому не веришь, можешь покинуть мой дом и сражаться в одиночку. Там, на берегу лавового озера, всегда можно найти работу, если ты в состоянии выдержать вонь серы. Ты можешь искать Маргу собственными методами. Я вам ничем не обязан, поскольку не я виновен в ваших бедах. Поверь мне.

— Э... я очень хотел бы вам поверить.

— А может быть, ты поверишь Кейти?

Кейти тут же включилась в разговор:

— Алек, старик говорит тебе истинную правду. Не он наслал на тебя беды и невзгоды. Дорогой, тебе когда-нибудь приходилось перевязывать больную собаку... когда бедняжка в своем неведении срывает зубами бинт и тем ранит себя сильнее?

— Э-э... приходилось. (Мой пес Брауни... мне тогда было двенадцать. Брауни погиб).

— Так вот, не будь таким, как твой бедный пес. Поверь Джерри. Для того чтобы помочь тебе, ему придется сделать нечто, превышающее твое понимание. Можешь ли ты указывать нейрохирургу, делающему операцию на мозге? Посмеешь ли хотя бы заикнуться?

Я печально улыбнулся и, протянув руку, погладил ее пальцы.

— Попытаюсь быть послушным, Кейти. Буду стараться изо всех сил.

— Да уж, попытайся ради Марги.

— Я сделаю это. Гм... Джерри, я всего лишь человек и многого не понимаю — но можете ли вы рассказать мне хоть что-нибудь?

— Что смогу, то скажу. С чего начать?

— Когда я спросил, не Иов ли я, вы сказали «и да, и нет». Что вы имели в виду?

— Ты и в самом деле второй Иов. Что касается настоящего Иова — должен признаться, что я был одним из его мучителей. На этот раз — нет. Я не слишком горжусь теми способами, к которым прибегал, изводя Иова. Не слишком горжусь и теми ситуациями, в которые позволял вовлечь себя своему братцу Иегове, когда делал за него всю грязную работу, начиная от праматери Евы. Да и до нее были делишки, о которых у меня нет желания распространяться. Однако меня всегда легко было уговорить побиться об заклад... по любому поводу... и этой слабостью я тоже не очень горжусь.— Джерри поглядел в огонь и предался воспоминаниям: — Ева была очаровательна. И как только я ее увидел, сразу же понял, что Иегова наконец-то сварганил существо, достойное настоящего Художника. Уже много позже я выяснил, что основную часть дизайна он стащил.

— КАК? Но...

— Не перебивай меня, парень. Большая часть ваших ошибок — которые мой братец активно поощряет — проистекает из веры в то, что ваш Бог един и всемогущ. На самом же деле мой братик, как и я, разумеется, не больше чем капрал в техническом управлении при главнокомандующем. И я должен прибавить, что тот великий, о ком я думаю как о главнокомандующем, президенте, высшей силе, возможно, является лишь рядовым еще более высокой силы, представить которую мне не дано.

За этой тайной лежит множество других. Бесконечная процессия тайн. Но тебе не нужно знать окончательные ответы — если таковые вообще существуют,— да и мне тоже. Ты хочешь знать, что произошло с тобой и... с Маргой. Яхве пришел ко мне и предложил заключить то же самое пари, которое мы заключали насчет Иова, уверяя, что у него есть последователь, который гораздо упрямее, чем Иов. Я отказался. Пари насчет Иова доставило мне мало удовольствия. Задолго до того, как история с Иовом подошла к концу, я утомился от необходимости непрерывно лупить этого несчастного олуха дубиной по башке. Так что на этот раз я сказал брату, чтобы он искал простаков для своих жульнических игр где-нибудь в другом месте.

И только после того, как я увидел вас с Маргой, пробирающихся вдоль межштатного сорокового, голых, как новорожденные котята, и таких же беззащитных, я понял, что Яхве все же нашел кого-то другого, с кем можно сыграть в эту грязную игру. Поэтому я привез вас сюда и продержал у себя неделю или около того...

— ЧТО?! Мы же пробыли тут всего одну ночь!

— Не дергайся! Я продержал вас достаточно долго, чтобы извлечь из вас всю информацию до донышка, а потом отпустить восвояси... вооружив кое-какими соображениями, которые помогли бы вам немножко... Да, по правде говоря, вы и без них справлялись неплохо. Ты ведь крутой сукин сын, Алек. Мне даже захотелось глянуть на ту суку, которая тебя родила. А она действительно сука, и очень крутая. Эта мегера и твой милый мягкий отец дали жизнь существу, способному *выжить*. Так что я тебя отпустил с легким сердцем.

Меня известили, что ты направляешься сюда — у меня повсюду шпионы. Чуть ли не половина личного состава штаба моего брата — шпионы-двойники.

— И святой Петр?

— А? Нет, Пит — нет! Пит славный старик, самый истинный христианин на небесах, а заодно и на Земле. Трижды он предал своего босса, ну и расплачивается за это до сих пор. В высшей степени доволен, что он на «ты» со своим Мастером во всех трех его обычных ипостасях. Мне Петр ужасно нравится. Если когда-нибудь он расстанется с моим братцем, то у меня всегда найдется для него работа.

Потом ты появился в аду. Ты помнишь мое приглашение, в котором я упомянул об аде?

(...Поищи меня. Обещаю тебе самое горячее гостеприимство...)

— Да!

— Я сдержал слово? Будь осторожен в выражениях, ибо сестрица Пат нас, конечно, подслушивает.

— Ничего она не подслушивает,— возразила Кейти.— Пат настоящая леди. И вовсе не похожа на некоторых. Дорогой, я могу сократить твой рассказ. Ведь Алек хочет знать, *почему* его преследуют, как преследуют и *что* ему теперь делать в отношении Марги. Алек, ответ на вопрос «почему» очень прост. Тебя выбрали по той же причине, по которой отбирают быка для корриды: Яхве решил, что ты можешь выиграть. Ответ на вопрос «как» тоже прост. Ты был прав, когда подумал, что стал параноиком. Параноиком, но не безумцем; против тебя действительно был организован заговор. Каждый раз, когда ты приближался к разгадке, вся эта неразбериха начиналась сызнова. Как с тем миллионом долларов. Мелкие фокусы-покусы вроде того, что деньги у вас не держались, чтобы еще больше задурить вам головы. Я думаю, что это объясняет все, кроме того, что же тебе делать. Единственное, что тебе остается,— верить Джерри. Возможно, у него ничего не получится... это ведь очень опасное дело... но он постарается...

Я глядел на Кейти со все возрастающим уважением и некоторым трепетом. Она упоминала о вещах, о которых я никогда не разговаривал с Джерри.

— Кейти? А ты человек? Или ты... э-э... тоже из падших с Трона? Или вроде того?

Она захихикала:

— Впервые кто-то заподозрил такое. Я человек, и даже слишком человечна, Алек, милый. Кроме того, я тебе знакома. Ты обо мне много чего знаешь.

— Я знаю о тебе?

— А ты припомни хорошенько. Апрель одна тысяча четыреста сорок шестого года до рождения Иешуа из Назарета...

— Ты думаешь, что я смогу что-то вспомнить по таким неполным данным? Увы.

— Тогда попробуем иначе: ровно сорок лет спустя после исхода из Египта детей Израиля.

— Завоевание Земли Ханаанской!

— Ну наконец-то! Теперь вспомни книгу Иисуса Навина, главу вторую. Как меня звали, кем я была? Кто я — матерь, жена или девушка?

(Одна из известнейших историй в Библии! Неужели она?! И я говорю с ней?)

— Э-э... Раав?

— Блудница Иерихонская. Это я и есть. Я прятала у себя в доме генералов Иисуса и тем самым спасла своих родителей, братьев и сестер от гибели. Ну а теперь скажи мне, что я «недурно сохранилась»!

Сибил хихикнула:

— Ну говори же! Давай!

— Нет, правда, Кейти, ты здорово сохранилась. Это ведь было более трех тысяч лет назад, вернее, более трех тысяч четырехсот лет — и хоть бы морщинка! Во всяком случае, их очень мало...

— «Очень мало»! Не будет тебе завтрака!

— Кейти, ты прекрасна и отлично умеешь этим пользоваться. Ты и Маргрета можете соревноваться в борьбе за первое место.

— А на меня вы смотрели? — яростно вмешалась Сибил.— У меня, знаете ли, есть свои фанаты! Ну а мне на самом деле больше четырех тысяч лет! Старуха!

— Нет, Сибил. История, как расступилось Чермное море, произошла в 1491 году до Рождества Христова. Добавим время до Второго пришествия — 1994 год после Рождества Христова, затем еще семь лет...

— Алек!

— Да, Джерри?

— Сибил права. Ты просто не заметил, как летит время. Тысяча лет, разделяющая Армагеддон и Войну на небесах, уже наполовину миновала. Мой брат в образе Иисуса Христа правит на Земле, а я закован и брошен в бездну огненную на всю эту тысячу лет.

— Что-то вы не выглядите закованным. А нельзя ли еще капельку «Джека Дэниэлса»? Я совсем запутался...

— Я перестал шляться на Землю и обратно, бродить по ней туда и сюда, для этого я закован достаточно. Яхве завладел ею на краткий срок, после которого он разрушит ее. Его игры меня не касаются.— Джерри пожал плечами.— Я отказался принять участие в Армагеддоне. Я сказал, что для этого у него вполне хватит шпаны, воспитанной в его собственном доме. Алек, поскольку мой брат сам пишет все сценарии, то предполагалось, что я буду драться яростно, ну как Гарвард, а потом все же проиграю. Мне это все изрядно поднадоело. Он решил, что я предприму еще одну попытку нападения в конце нынешнего тысячелетия, дабы его пророчества полностью оправдались. Эту Войну на небесах он предсказал в Откровении Иоанна. Но я не собираюсь участвовать в таком деле. Своим ангелам я сказал, что они могут, если захотят, создать свой Иностранный легион, но я это время пересижу дома. Какой смысл идти в бой, если исход битвы предрешен за тысячу лет до свистка судьи?

Джерри внимательно следил за выражением моего лица в продолжение всего разговора. Вдруг он резко оборвал свой рассказ:

— Ну, и что еще тебя интересует?

— Джерри... если прошло уже пятьсот лет с тех пор, как я потерял Маргрету, то все бесполезно. Не так ли?

— Проклятие! Парень, разве я не просил тебя не пытаться вдумываться в то, в чем ты ни уха ни рыла не смыслишь? Неужели я стал бы работать над совершенно безнадежной проблемой?

Тут его остановила Кейти.

— Джерри, я только-только успокоила Алека, а ты его снова взвинтил.

— Извини.

— Ну ты же не нарочно. Алек, Джерри грубоват, но он прав. Для тебя, если бы ты действовал в одиночку, дело было бы заранее проиграно, но с помощью Джерри ты можешь надеяться, что отыщешь Маргу. Не наверняка, но надежда все же есть, и можно рискнуть. И время тут ничего не значит. Что пятьсот лет, что пять секунд. Тебе не надо ничего понимать, твое дело — верить.

— Отлично. Буду слепо верить. Иначе и капли надежды не останется.

— Нет, надежда как раз есть. Все, что от тебя требуется,— сохранять спокойствие.

— Постараюсь. Только очень боюсь, что мы с Маргой уже никогда не обзаведемся собственным сатуратором для газировки и стойкой с закусками где-нибудь в Канзасе.

— А почему бы и нет? — спросил Джерри.

— А пятьсот лет? Там, небось, и говорят теперь на другом языке. И не осталось никого, кто мог бы отличить горячий фадж-санде от вяленой козлятины. Переоценка ценностей.

— Тогда вы заново изобретете горячий фадж-санде и заработаете на нем кучу денег. Не будь таким пессимистом, сынок.

— А не желаете ли полакомиться горячим фадж-санде прямо сейчас? — спросила Сибил.

— Его лучше не мешать с «Джеком Дэниэлсом»,— посоветовал Джерри.

— Спасибо, Сибил... но я боюсь, что разревусь над ним. Оно у меня ассоциируется с Маргой.

— Тогда не надо. Сынок, выпивку и ту плохо разбавлять слезами, а уж плакать прямо в горячий фадж-санде — распоследнее дело.

— Так дадут мне все-таки закончить повесть о моей порочной юности или так никто и не хочет ее выслушать?

Я отозвался:

— Кейти, я внимательно слушаю. Итак, ты договорилась с Иисусом Навином...

— Вернее, с его шпионами. Алек, милый, тому, чьим уважением и любовью я дорожу (я имею в виду, в первую очередь, тебя), я кое-что должна пояснить. Некоторые из тех, кто знает, кто я такая, а еще больше те, кто об этом не подозревают, считают блудницу Раав предательницей. Предательство во время войны, предательство собственных сограждан и все прочее... Я...

— Я так никогда не думал, Кейти. Иегова решил, что Иерихон падет. Раз так было задумано, ты все равно ничего изменить не могла. То, что ты сделала, было сделано ради спасения отца, матери и ребятишек.

— Да, но, кроме того, еще многое имело значение. Патриотизм — концепция куда более поздняя. А тогда в Земле Ханаанской лояльность, кроме привязанности к родным и близким, существовала лишь в виде персональной преданности какому-нибудь вождю — обычно удачливому воину, который сам выдвигал себя в

«короли». Алек, проститутки не обладают... не обладали... лояльностью такого сорта.

— Вот как? Кейти, несмотря на то, что я обучался в семинарии, я не имею четкого представления о том, какова была жизнь в те далекие времена. Поэтому я все рассматриваю с точки зрения канзасских реалий.

— Она не так уж сильно от них отличалась. Проститутка в те времена и в тех местах была или храмовой проституткой, или рабыней, или частным предпринимателем. Я, например, была свободной женщиной. Свободной! Шлюхи не воюют с городским начальством — это им не по карману. К тебе заходит королевский офицер и требует, чтоб ты дала ему задарма, да еще поставила выпивку. То же самое относится к городским патрулям — копам. То же — и ко всяким там политикам. Алек, я скажу тебе правду: мне приходилось больше давать даром, чем за плату, и частенько получать фонарь под глазом в виде премии. Нет, я не испытывала чувства лояльности в отношении Иерихона. Евреи не более жестоки, зато они были куда чище.

— Кейти, я не встречал ни одного протестанта, который думал бы о Раав плохо. Однако меня уже давно интересует одна деталь в ее... в твоей истории. Твой дом находился на городской стене?

— Да. Это было не слишком удобно для домашних дел — приходилось таскать воду наверх по этим бесконечным ступенькам — зато удобно для бизнеса, да и арендная плата за помещение невелика. Именно то, что я жила на стене, и помогло мне спасти агентов генерала Иисуса. Я воспользовалась бельевой веревкой — они вылезли из окна. Кстати, свою веревку я обратно так и не получила.

— Как высока была эта стена?

— Что? Честное слово, не помню. Но она была очень высока.

— Двадцать локтей.

— Неужели, Джерри?

— Я там бывал. Профессиональный интерес. Впервые психическая атака применялась в комбинации со звуковым оружием.

— Я вот почему спросил, Кейти: Книга утверждает, что ты собрала всех своих родичей в доме и вы оставались там, пока шла осада.

— Конечно, семь ужасных суток. Мы так договорились со шпионами израильтян. В доме было две крошечные комнатки,

где практически невозможно разместить троих взрослых и семерых ребятишек. У нас кончилась еда, кончилась вода, дети плакали, а мой отец жаловался на судьбу. Он с радостью брал деньги, которые я ему давала: имея семерых детей, он очень нуждался. Но ему было противно оставаться со мной под одной крышей, когда я обслуживала мужиков. Особенно он брезговал спать на моей кровати. На моем станке. Ничего, все равно храпел на ней, а я спала на полу.

— Значит, вся твоя семья была дома, когда стены с грохотом обрушились?

— Да, конечно. Мы не осмеливались уходить до тех пор, пока эти два шпиона не пришли к нам. Мой дом был отмечен красной веревкой, свисающей из окна.

— Кейти, твой дом был на стене высотой двадцать футов. Библия сообщает, что стены рухнули, рассыпавшись в пыль. Неужели никто из вас не пострадал?

— Нет, конечно. Никто.

— Разве дом не разрушился?

— Нет. Алек, это ведь было так давно. Но я хорошо помню и рев труб, и вопли израильтян, и как земля задрожала, когда обрушились стены. Но мой дом остался цел.

— Святой Алек!

— Да, Джерри?

— Все-таки тебе следовало бы лучше разбираться в таких делах, ты же у нас святой. Произошло обыкновенное чудо. Если бы Иегова не швырялся чудесами направо и налево, израильтяне никогда бы не покорили народ Земли Ханаанской. Эта банда оборванцев-оки попадает в богатейший край городов, окруженных стенами... и не проигрывает ни одного сражения. Чудеса да и только! Спроси ханаанцев. Если, понятно, тебе удастся разыскать хоть одного. Мой братик регулярно предавал их мечу, за исключением тех редчайших случаев, когда молодых и красивых обращали в рабство.

— Но это же земля обетованная, Джерри, а они — его *избранный* народ.

— Они действительно были его избранным народом. Конечно, быть избранным Яхве — не такое уж большое счастье. Надо думать, ты достаточно хорошо изучил Книгу и сам знаешь, сколько

раз он их обманывал. Мой брат — в общем-то, личность весьма... жуликоватая.

Я уже порядком принял «Джека Дэниэлса», да и потрясений хватало. Богохульство Джерри, к тому же выраженное походя, взбесило меня.

— Господь Бог Иегова — справедливый Бог!

— Значит, тебе никогда не приходилось играть с ним хотя бы в шарики. Алек, «справедливость» — отнюдь не божественная концепция; это человеческая иллюзия. В самой основе христианско-иудейского кодекса заложена несправедливость: он зиждется на козлах отпущения. Идея жертвоприношения козлов отпущения красной нитью проходит сквозь весь Ветхий Завет, а своего пика она достигает в Новом Завете в образе Спасителя, мученика, искупающего грехи других. Как можно достигнуть справедливости, перекладывая свои грехи на плечи другого? Не имеет значения, барашек ли это, которому, согласно ритуалу, перерезают глотку, или мессия, прибитый гвоздями к кресту и умирающий за грехи человеческие. Кто-то должен был сказать всем последователям Яхве — иудеям и христианам,— что такой штуки, как бесплатная закусь, не бывает.

А может, и бывает. Находясь в кататоническом состоянии так называемой благодати, в момент смерти или при последнем вопле трубы, вы попадаете на небеса. Верно? Ты же сам попал туда таким образом, не так ли?

— Правильно. Мне-то просто повезло. Ибо перед этим длинный список моих грехов пополнился весьма основательно.

— Итак, долгая и греховная жизнь, за которой следуют пять минут пребывания в состоянии благодати, ведет вас прямо на небеса. С другой стороны, долгая и честно прожитая жизнь, наполненная добрыми делами, прерванная внезапным взрывом чувств и случайным упоминанием всуе имени Господа с последующим инфарктом, приводит к тому, что ты оказываешься проклятым на веки вечные. Разве не такова система?

Я упрямо сказал:

— Да, если читать и понимать Библию буквально, то система выглядит именно такой. Но пути Господни неисповедимы...

— Для меня ничего неисповедимого там нет, дружище. Я его знаю слишком давно. Это его мир, его законы, его поступки. Его

правила непреложны, а каждый, кто их соблюдает, имеет право на награду. Но это вовсе не значит, что они справедливы. Как ты оцениваешь его поступки по отношению к Марге и к тебе самому?

Я с трудом перевел дух.

— Это я пытаюсь понять с самого Судного дня... и «Джек Дэниэлс» тут плохой помощник. Нет, не думаю, что я подписывался под таким контрактом.

— Нет, как раз подписывался!

— Как это?

— Мой брат Яхве в облике Иисуса сказал: «Молитесь же так...» Ну, валяй говори дальше сам!

— «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...»

— Довольно! Остановись на этом месте: «Да будет воля Твоя». Ни один мусульманин, говорящий, что он раб Аллаха, никогда не произносил столь всеобъемлющего обета. В такой молитве вы как бы сами приглашаете его пуститься во все тяжкие. С вашей стороны это чистейший мазохизм. Вот отсюда и проистекает испытание Иова, сынок. С Иовом обращались в высшей степени несправедливо... день за днем, в течение многих лет... Я-то знаю, я там был. Я действовал, а мой дражайший братец стоял рядом и позволял мне издеваться. Позволял? Нет, он науськивал меня, он виновен в происходившем, он соучастник преступления, он его планировал и организовывал!

Теперь пришла твоя очередь. Во всем, что с тобой произошло, виноват твой Бог. Проклянешь ли ты его? Или приползешь на брюхе, подобно побитой собаке?

28

Просите, и дано будет вам; ищите,
и найдете; стучите, и отворят вам.

Евангелие от Матфея 7, 7

От необходимости дать ответ на этот совершенно невозможный с моей точки зрения вопрос меня спасло вмешательство случая.

И как же рад был я этому! Полагаю, что у каждого человека время от времени возникают сомнения в справедливости Господа. Признаюсь, в последнее время на меня обрушилось столько, что приходилось вновь и вновь напоминать себе, что пути Господни отличны от путей человеческих и я не должен стараться постичь цели, которые ставит перед собой наш Господь.

Однако ж говорить о своих колебаниях вслух, да еще перед лицом вечного врага Господа, я, конечно, не имел права. Особенно же неприятно мне было, что Сатана для этой беседы выбрал голос и образ моего единственного друга.

Да и вообще, дискутировать с дьяволом — можно ли придумать занятие глупее! Что же касается упомянутой выше случайности, то все было чрезвычайно просто — зазвонил телефон. Случайность? Я не думаю, что Сатана потерпел бы какие-нибудь случайности вообще. Весьма возможно, что я просто не должен был отвечать на вопрос, ответить на который был физически не в состоянии.

— Мне подойти к телефону, дорогой? — спросила Кейти.

— Будь добра.

В руке Кейти возник аппарат.

— Офис Люцифера. Говорит Раав. Повторите, пожалуйста. Сейчас спрошу.— Она поглядела на Джерри.

— Буду говорить.— Джерри обошелся вообще без аппарата.— Слушаю. Нет. Я сказал — нет! Нет, будьте вы прокляты! По этому делу обратитесь к мистеру Ашмедаю. А тот вызов переключите сюда.— Он буркнул что-то насчет невозможности получить хоть сколько-нибудь компетентную помощь, а потом сказал: — Слушаю. Да, сэр! — Затем очень долго молчал и наконец произнес: — Сию же минуту, сэр. Благодарю вас.— Джерри вскочил.— Прошу извинить меня, Алек. Дела. Я даже не могу сказать, когда вернусь. Попробуй рассматривать это время как отдых. Мой дом — твой дом. Кейти, позаботься о нем. Сибил, смотри, чтоб он не скучал.— Джерри исчез.

— Вот я его сейчас развлеку!

Сибил вскочила с кресла и встала передо мной, радостно потирая руки. Ее техасский наряд стал постепенно исчезать, оставив Сибил в чем мать родила. Она улыбнулась.

— Сибил, пожалуйста, перестань,— мягко сказала Кейти.— Сейчас же сделай одежду, или я отправлю тебя домой.

— Тебе бы все только портить! — На Сибил появилось весьма кокетливое бикини.— Я собираюсь заставить святого Алека забыть о его датской дешевке.

— На сколько поспорим, дорогая? Я ведь разговаривала с Пат.

— И что? Что тебе сказала Пат?

— Что Маргрета умеет подавать как надо.

На лице Сибил появилось выражение крайнего неудовольствия.

— Девушка чуть ли не пятьдесят лет трудится на спине, стараясь обучиться своему делу. И тут появляется какая-то неумеха, которая только и может, что поджарить цыпленка да приготовить клецки! Это ж несправедливо!

Я решил переменить тему беседы:

— Сибил, а трюки, которые ты проделываешь с одеждой, весьма занимательны. Ты уже профессиональная колдунья?

Вместо ответа Сибил посмотрела на Кейти. Та сразу откликнулась:

— Все уже позади, дорогая. Можешь говорить свободно.

— О'кей. Святой Алек, и вовсе я не колдунья. Колдовство — полная чушь. Ты знаешь стих в Библии, где говорится, что ведьм в живых оставлять нельзя?

— Книга Исхода, глава двадцать вторая, стих восемнадцатый.

— Вот-вот, он самый. Древнееврейское слово, которое там переведено как «ведьма», на самом деле означает «отравительница». Не дать отравительнице дышать воздухом представляется мне весьма целесообразной идеей. Но любопытно узнать, сколько одиноких пожилых женщин были повешены или сожжены в результате столь неточного перевода?

(Неужели это правда? А как же тогда быть с концепцией «Буквального слова Господня», на которой меня взрастили? Конечно, слово английское, а не древнееврейское... но работой переводчиков версии короля Якова руководил сам Господь, вот почему эта версия Библии — и только она одна — должна пониматься буквально. НЕТ! Сибил ошибается! Всеблагой Господь не позволил бы сотням, тысячам невиновных людей подвергаться пыткам всего лишь из-за

одного неверно переведенного слова! Он ведь так легко мог устранить ошибку).

— Значит, в ту ночь ты вовсе не собиралась лететь на шабаш? А чем же ты занималась?

— Совсем не тем, о чем ты подумал. Мы с Исрафелем вовсе не так близко знакомы для этого. Приятели — да, близкие друзья — нет.

— Исрафель? Я думал, он на небесах.

— Это его крестный. Трубач. А наш Исрафель ни одной верной ноты взять не может. Кстати, он просил сказать тебе — если появится такая возможность,— что он вовсе не такой надутый осел, каким выглядел в роли Родерика Даймена Третьего.

— Рад слышать. Он отлично сыграл роль препротивного юного сопляка. Я никак не мог поверить, что у дочки Кейти и Джерри — или только Кейти? — может быть такой скверный вкус, чтобы выбрать себе в друзья этакого грубияна. Не Исрафеля, конечно, а того, кого он сыграл.

— Ох, тогда надо разъяснить и это. Кейти, в каких мы с тобой родственных отношениях?

— Не думаю, чтобы даже доктор Дарвин смог обнаружить какие-либо генетические связи между нами, дорогая. Но я так же горжусь тобой, как гордилась бы, будь ты моей родной дочерью.

— Спасибо, ма.

— Но мы же все родственники,— возразил я,— благодаря праматери Еве. Поскольку Кейти, со всеми ее морщинками, родилась во времена, когда дети Израиля скитались по пустыне, ее от Евы отделяют всего восемьдесят поколений. Зная твой год рождения, с помощью простейших арифметических вычислений мы сможем установить степень вашего кровного родства.

— Ох! Ох! Ну вот, опять! Святой Алек, мама Кейти — действительно потомок Евы, я же — нет. Другой вид. Я бесовка, если вас интересуют технические подробности.

Она снова «испарила» свою одежду. Ее тело тоже претерпело изменения.

— Видите?

— Слушай, а не ты сидела за конторкой в «Сан-Суси Шератоне» в тот вечер, когда я прибыл в ад? — воскликнул я.

— Конечно, я. И горжусь тем, что ты запомнил меня в моем истинном обличье.— Тут она снова вернула себе человеческий образ плюс крохотное бикини.— Я была там потому, что знала тебя в лицо. Па не хотел никаких ошибок.

Кейти встала.

— Давайте продолжим разговор на свежем воздухе. Я хотела бы окунуться перед обедом.

— Но я же пытаюсь соблазнить святого Алека!

— Воображала! А ты попробуй добиться своего на природе.

Был чудесный техасский день. Тени быстро удлинялись.

— Кейти, пожалуйста, ответь мне честно. Это ад? Или Техас?

— И то, и другое.

— Я снимаю свой вопрос.

Наверняка я позволил своему раздражению проявиться в голосе, так как Кейти остановилась и положила руку мне на грудь.

— Алек, я не шутила. В течение многих и многих столетий Люцифер создавал там и сям на Земле свои pieds-a-terre[1]. В каждом из них он выдавал себя за какую-то личность. После Армагеддона, когда его брат на тысячу лет воцарился на Земле, он перестал там появляться. Но некоторые из этих мест так ему полюбились, что он их «украл». Теперь понимаешь?

— Пожалуй, да. Примерно так же, как корова понимает дифференциальное исчисление.

— Механизм непонятен и мне; это процесс на уровне богов. Но скажи мне, те многочисленные превращения, которые вы претерпели с Маргой во время гонений,— насколько глубоки они были? Как ты думаешь, они каждый раз охватывали всю планету?

В моей голове была такая каша, какой еще не бывало со времени последнего из превращений.

— Кейти, я не знаю! У меня никогда не хватало времени на детальные исследования. Каждое превращение охватывало всю планету и примерно сто лет ее истории. Потому что я всегда проверял историю и старался запомнить столько, сколько в меня влезало. И изменения в культуре — тоже. Весь, так сказать, комплекс.

— Каждое превращение кончалось, можно сказать, у вас прямо под носом, Алек, и никто, кроме вас двоих, не ощущал ни

[1]Убежище *(фр.)*.

малейших перемен. Ты проверял не историю, ты проверял книги по истории. Во всяком случае, так сделал бы Люцифер, если бы он организовал эту постановку.

— Э... Кейти, но разве ты не понимаешь, сколько времени должно уйти на то, чтобы пересмотреть, переписать и перепечатать целую энциклопедию? Я же обычно сверялся с ней.

— Ну, Алек, тебе же говорили уже, что время — не проблема на божественном уровне. И пространство — тоже. Все необходимое для того, чтобы вас обмануть, было под рукой. Но не более чем необходимое. Таков консервативный принцип искусства на божественном уровне. Я этого сделать не могу, будучи весьма далекой от божественного уровня, но зато видела не раз, как это делается. Опытный художник по формам и образам для достижения желаемого эффекта не делает ничего сверх необходимого.— Раав села на бортик ограждения пруда и стала болтать ногами в воде.— Сядь рядом со мной. Допустим, эта облицовка ограничивает область распространения «большого взрыва». А что находится там — за пределами этой грани, где «красное смещение» имеет размах, означающий, что расширение Вселенной равно скорости света — что там?

— Кейти, твой гипотетический вопрос не имеет смысла,— слегка раздраженно ответил я.— Я более или менее старался держаться в курсе таких дурацких идей, как «большой взрыв» или «расширяющаяся Вселенная», ибо проповедник Евангелия должен следить за такими гипотезами, чтобы уметь их разоблачать. Те две, которые ты упомянула, предусматривают невероятную продолжительность времени, что абсолютно невозможно предположить, так как мир был сотворен всего лишь около шести тысяч лет назад. «Около» — ибо точную дату творения трудно вычислить, а еще потому, что я отстал от нынешнего уровня науки. Около шести тысяч лет, а не миллиардов и т.п., чего требуют взгляды сторонников гипотезы «большого взрыва».

— Алек, твоя Вселенная насчитывает двадцать три миллиарда лет.

Я хотел ответить, но закрыл рот. Противоречить хозяйке дома невежливо.

Кейти добавила:

— И в то же время вся Вселенная сотворена за четыре тысячи и четыре года до Рождества Христова.

Я так долго молча смотрел на воду, что Сибил успела выплыть на поверхность и весьма основательно забрызгать нас водой.

— Что скажешь, Алек?

— А что я могу сказать — мысли разбегаются.

— А тебе следовало внимательнее слушать, что я говорю. Я не сказала, что мир был создан двадцать три миллиарда лет назад; я сказала, что это его возраст. Он был уже сотворен таким старым. Он был создан с ископаемыми останками в земле, с кратерами на Луне, что свидетельствовало о его древнем возрасте. Он был создан таким по воле Яхве, ибо того забавляла идея поступить именно так. Какой-то ученый сказал: «Бог не играет в кости со Вселенной». К сожалению, это не верно. Яхве играет со всей Вселенной в фальшивые кости, чтобы обмануть собственные творения.

— А зачем ему это?

— Люцифер говорит, потому, что художник он никудышный, из тех, которые все время меняют замысел и соскабливают с полотна уже нанесенное изображение. А кроме того, он обожает грубые розыгрыши. Но у меня нет своего мнения — уровень не тот. А Люцифер часто бывает несправедлив к своему брату; думаю, это ясно. Но ты ничего не сказал по поводу самого удивительного.

— Возможно, я его просто не заметил.

— Нет, я думаю, ты просто чрезмерно вежлив. Как это старая шлюха может иметь собственное мнение по поводу космологии, телеологии, эсхатологии и прочих длиннейших слов греческого происхождения. Это же ужас как удивительно! Разве нет?

— Ну, дорогая Раав, я был так занят, считая твои морщинки, что не слышал...

За это меня столкнули в воду. Я вынырнул, отплевываясь и откашливаясь, и увидел, что обе женщины животики надрывают от смеха. Тогда я положил обе руки на край бассейна так, что заключил Кейти в кольцо. Она, похоже, не возражала против такого плена и прильнула ко мне, как кошечка.

— И что же ты хотела сказать? — спросил я.

— Алек, уметь читать и писать — занятие не менее увлекательное, чем секс. Или почти такое же. Ты, может быть, и не в силах

оценить полностью, какое это благо, ибо научился читать и писать еще ребенком и с тех пор действовал совершенно автоматически. Но я, когда была шлюхой в Ханаане почти четыре тысячи лет назад, не умела ни читать, ни писать. Я училась, слушая своих мужиков, соседей и сплетни на базаре. Так, однако, многому не научишься, тем более, что даже писцы и судьи в те времена были невежественны.

Я была мертва уже более трехсот лет, прежде чем научилась по-настоящему писать и читать. Моей учительницей стал призрак блудницы из той великой цивилизации, которая потом стала именоваться критской. Святой Алек, может быть, ты и не поверишь, но вообще, если обратиться к истории, шлюхи учились писать и читать задолго до того, как этой опасной практикой стали овладевать респектабельные дамы. Когда я научилась... ну, брат, на некоторое время это чуть не заменило мне секс,— она усмехнулась.— Ну, скажем, почти заменило. Теперь я вернулась к более здравому балансу, читая и занимаясь сексом почти в равных пропорциях.

— У меня, знаешь ли, на такой баланс сил не хватило бы.

— Женщины устроены иначе. Самое прекрасное время в моем образовании началось, когда сгорела Александрийская библиотека. Яхве библиотека была ни к чему, а Люцифер разыскал призраки всех этих тысяч писаний классических авторов, притащил их в ад и тщательно восстановил — вот тогда-то и настал у Раав настоящий праздник! И разреши мне добавить: Люцифер уже посматривает на библиотеку Ватикана, которую в ближайшее время предстоит спасать. Вместо того чтобы регенерировать призраки, Люцифер планирует украсть из Ватикана все в целости и сохранности за мгновение до того, как Время остановится, и доставить в неприкосновенном виде в ад. Разве это не здорово?!

— Звучит очень здорово. Единственный предмет моей зависти к папистам — их библиотека... Но... «регенерированные призраки» — что это такое?

— Стукни меня по спине.

— А?

— Стукни. Нет, сильнее — я же не бабочка. Сильнее. Вот это уже похоже на дело. То, что ты сейчас ударил, и есть регенерированный призрак.

— Ощущение приятное.

— Так и должно быть, я же платила за эту работу по прейскуранту. Это было еще до того, как Люцифер заметил меня и сделал птичкой в позолоченной клетке — зрелище, по правде говоря, довольно печальное. Я так понимаю, что ты спасся, попал на небеса и регенерация у тебя шла одновременно со спасением — но в аду ты покупаешь ее в кредит, а затем отсиживаешь себе задницу, чтобы отработать долг. Именно так я и платила. Святой Алек, я знаю, ты не умрешь. Регенерированное тело очень похоже на то, что было перед смертью, только лучше. Никаких заразных болезней, никаких аллергий, никаких морщинок... и вообще — к чертям морщинки! У меня их не было, когда я умерла — или, скажем лучше, почти не было. И как ты втравил меня в разговор о морщинках? Мы обсуждали проблему относительности и расширения Вселенной... такая была в высшей степени интеллектуальная беседа...

В эту ночь Сибил предприняла весьма настойчивую попытку залезть ко мне в постель, которую Кейти, однако, решительно пресекла — и легла ко мне сама.

— Пат сказала, что тебе не следует спать одному.

— Пат думает, что я болен. Но я здоров.

— Не стану спорить. У тебя дрожит подбородок. Не надо, милый. Матушка Раав поможет тебе спать спокойно.

Ночью я проснулся весь в слезах, Кейти была рядом. Она успокоила меня. Я уверен, Пат рассказывала ей о моих ночных кошмарах. С Кейти я довольно быстро снова погрузился в сон.

То была бы милая аркадийская интерлюдия — если бы не отсутствие Маргреты. Но Кейти убеждала меня, что ради Джерри (и ради нее) я должен быть спокойным и не скулить по поводу своей потери. Я так и поступил, а если и поскуливал иногда, то немножко... ночами, когда становилось особенно плохо. Но даже одинокие ночи не казались такими одинокими, потому что рядом была матушка Раав, всегда готовая успокоить, когда просыпаешься совсем обессиленным. Правда, в одну ночь ей пришлось отлучиться. Сибил заменила ее, получив от Кейти строжайшие инструкции и выполнив их без всяких отступлений.

О Сибил я узнал довольно забавную деталь. Во сне она возвращается к своему истинному, природному облику бесовочки, но сама об этом не подозревает. Она делается на шесть дюймов меньше ростом, и у нее отрастают хорошенькие рожки, которые я заметил там, в «Сан-Суси».

Днем мы купались, загорали, катались на лошадях и устраивали в горах пикники. Чтобы создать этот анклав, Джерри, видимо, «увел» солидное число квадратных миль; казалось, можно идти сколь угодно долго в любом направлении.

А может быть, я просто не понимаю, как делаются подобные вещи.

Вычеркните это «может быть» — я знаю об операциях на божественном уровне столько же, сколько лягушка знает о пятнице.

Джерри отсутствовал уже больше недели, когда Раав появилась, держа в руках мой манускрипт.

— Святой Алек, Люцифер прислал распоряжение, чтобы ты довел рукопись до сегодняшнего дня и пополнял бы ее ежедневно.

— Слушаюсь. А от руки можно? Впрочем, если здесь где-нибудь завалялась пишущая машинка, то, полагаю, я могу попробовать постучать на ней сам.

— Ты пиши от руки, а я сделаю вполне приличный черновик на машинке. Я ведь проделала немало секретарской работы для князя Люцифера.

— Кейти, ты иногда зовешь его Джерри, иногда Люцифером, и никогда Сатаной. Почему?

— Алек, он предпочитает имя Люцифер всем остальным, но вообще-то, ему все равно. «Джерри» и «Кейти» — имена, изобретенные для тебя и Марги.

— И «Сибил» — тоже,— дополнила Сибил.

— И «Сибил». Да, Эгрет. Ты хочешь вернуть себе свое истинное имя?

— Нет. По-моему, хорошо, что Алек и Марга знают такие наши имена, которые больше никому не известны.

— Минутку! — воскликнул я.— В тот день, когда я с вами встретился, вы трое отзывались на свои имена так, будто носили их с детства.

— Ма и я очень быстро вжились в эту импровизацию,— сказала Сибил-Эгрет.— Они, например, не знали, что являются огне-

поклонниками до тех пор, пока я не упомянула об этом в разговоре. А я не знала, что я ведьма, пока ма не намекнула. Исрафель тоже оказался весьма ловким, но у него было больше времени, чтобы продумать свою роль.

— Значит, нас облапошили со всех концов, как парочку кузенов из глубинки!

— Алек,— сказала Кейти серьезно,— Люцифер всегда знает, что и для чего делает. Только очень редко дает объяснения. Его намерения жестоки только в отношении плохих людей... а ты к их числу не принадлежишь.

Мы все трое принимали солнечные ванны, когда внезапно ворвался Джерри.

— Одевайся. Выезжаем немедленно,— резко бросил он мне, даже не поздоровавшись с Кейти.

Кейти вскочила, побежала в дом и вернулась с ворохом моей одежды. Женщины одели меня с такой быстротой, с какой пожарник мчится по сигналу тревоги. Кейти сунула мне в карман бритву и застегнула его. Я объявил:

— Готов.

— Где рукопись?

Кейти снова кинулась в дом и выбежала с прежней быстротой.

— Вот она.

За эти несколько минут Джерри вымахал в высоту футов до двенадцати и вообще сильно изменился. Это все еще был Джерри, но теперь я знал, почему Люцифера называли самым прекрасным из всех ангелов.

— Пока! — сказал он.— Раав, я загляну когда смогу!

Он хотел взять меня на руки.

— Подожди! Мы с Эгрет должны поцеловать его на прощание.

— Ох! Ну, давайте побыстрее.

Так они и сделали, чмокнув меня одновременно. Джерри схватил меня, как ребенка, и мы круто взлетели вверх. Я мельком увидел «Сан-Суси», дворец, площадь, а затем дым и пламя бездны скрыли все. Мы покинули этот мир.

Как мы путешествовали, долго ли и где именно — не знаю. Путешествие в чем-то было похоже на бесконечное падение в ад,

но на руках у Джерри было куда как приятнее. Мне вспомнилось детство, когда после ужина отец брал меня на руки и держал так, пока я не засыпал.

Думаю, я и в самом деле уснул. Прошло много времени, прежде чем я проснулся, почувствовав, что Джерри кружит, выбирая место для посадки. Наконец он поставил меня на ноги.

Здесь существовала какая-то гравитация: я чувствовал свой вес, а слово «низ» снова обрело смысл. Но не думаю, чтобы мы находились на какой-нибудь планете. Казалось, мы стоим на каком-то помосте или у входа в невероятно огромное здание. Его нельзя было разглядеть, так как мы стояли слишком близко. Вокруг ничего не было видно — какие-то аморфные сумерки.

Джерри спросил:

— С тобой все в порядке?

— Да. Думаю, в порядке.

— Хорошо. Слушай внимательно. Я собираюсь познакомить тебя... нет, вернее, собираюсь показать тебя некоему существу, которое для меня и моего брата, а твоего Бога Яхве — то же самое, что Яхве для тебя. Ты меня понял?

— Э-э-э... как будто. Не уверен.

— А относится к Б, как Б относится к В. Для этого существа твой Господь Бог Иегова — ребенок, строящий песчаные замки на морском берегу, а затем разрушающий их в припадке детской ярости. Я для него — тоже ребенок. Я же смотрю на него, как ты смотришь на свое божество — Отца, Сына и Святого духа. Я не почитаю это существо как Бога — он в этом не нуждается, этого не ждет и не уважает подобного лизания сапог. Яхве — может быть, единственный Бог, который завел такой смешной порядок. Во всяком случае, я не знаю иной планеты или иного места во Вселенной, где бы практиковалось поклонение Богу. Правда, я еще молод и мало путешествовал.— Джерри внимательно посмотрел на меня. Он выглядел встревоженным.— Алек, может быть, аналогия объяснит все лучше. Когда ты был мальчишкой, тебе приходилось приносить кого-нибудь из своих домашних любимцев к ветеринару?

— Да. И мне это было не слишком приятно, так как животные его страшно боялись.

— Мне тоже это не по вкусу. Хорошо, ты понимаешь, что значит нести больное животное к ветеринару. А потом приходится

ждать, пока доктор решит, можно ли вылечить твоего любимца. Или же надо воспользоваться милосердным и быстрым способом, чтобы избавить маленькое существо от страданий. Разве не так?

— Да. Джерри, вы стараетесь дать мне понять, что тут присутствует риск? Неопределенность?

— Полнейшая неопределенность. Подобных прецедентов не бывало. Человеческое существо еще никогда не поднималось до такого уровня. Я не имею представления, что он сделает.

— О'кей. Перед этим вы сказали, что есть риск.

— Да, ты в большой опасности. И я — тоже, хотя и полагаю, что для тебя она гораздо реальнее, чем для меня. Но, Алек, могу заверить тебя вот в чем: если он решит тебя уничтожить, ты об этом даже не узнаешь. В этом божестве садизм отсутствует начисто.

— Это «оно» или «он»?

— Хм... говори «он». Если «он» воплотится, то скорее в человека. Если так произойдет, то называй его «мистер Кощей». Обращайся к нему так, как ты обращался бы к человеку старше тебя по возрасту, которого ты глубоко уважаешь. Ни в коем случае не унижайся, не показывай, что поклоняешься ему как Богу. Будь самим собой и говори правду. Если придется умереть, то умри с достоинством.

Страж, остановивший нас у дверей, не был человеком — во всяком случае, до того, как я посмотрел на него второй раз, когда он уже успел приобрести человеческий облик. И это характеризует неопределенность всего, что я видел на этом месте, которое Джерри назвал «местным отделением».

Страж сказал мне:

— Разденьтесь донага, пожалуйста. Ваши вещи останутся тут; вы можете забрать их потом. А это что за металлический предмет?

Я объяснил, что это безопасная бритва.

— И для чего она?

— Это... такой нож, чтоб срезать волосы с лица.

— Вы отращиваете на лице волосы?

Я попробовал разъяснить ему смысл бритья.

— Если вам не нужны волосы на лице, то зачем вы их выращиваете? Это образцы для экономического конгресса?

— Джерри, я, кажется, выбился из сил.

— Я все улажу!

Мне кажется, он поговорил со стражем, хотя ни единого слова я не услышал. Наконец Джерри сказал мне:

— Оставь бритву вместе с одеждой. Он думает, ты псих, но и меня он тоже считает сумасшедшим. Впрочем, все это не имеет значения.

Возможно, мистер Кощей и есть «он», но на мой взгляд, это был близнец доктора Симмонса — ветеринара, к которому в Канзасе я таскал своих кошек и собак, а однажды и черепаху,— целую процессию маленьких животных, которые были друзьями моего детства. И кабинет Председателя выглядел точно так же, как кабинет доктора Симмонса, вплоть до старинного бюро с убирающейся крышкой, которое доктор, должно быть, унаследовал еще от своего деда. Были даже хорошо запомнившиеся мне антикварные часы с восьмидневным заводом, стоявшие на небольшой полочке над бюро.

Я сообразил (спокойно пораскинув мозгами), что это не был доктор Симмонс и что сходство хоть и умышленное, но вовсе не для того, чтобы ввести в заблуждение. Председатель — «он», «оно» или «она» — воздействовал на мой мозг чем-то вроде гипноза, желая создать обстановку, в которой я чувствовал бы себя свободно. Доктор Симмонс тоже, бывало, ласкал животных и разговаривал с ними, прежде чем приступить к неожиданным для них и иногда болезненным процедурам, которые были необходимы.

Это обычно срабатывало. И со мной тоже сработало. Я знал, что мистер Кощей вовсе не хирург-ветеринар моего детства... но созданная им видимость пробудила во мне ответное чувство доверия.

Когда мы вошли, мистер Кощей поднял глаза. Он кивнул Джерри и взглянул на меня.

— Садитесь.

Мы сели. Мистер Кощей вернулся к своему бюро. На нем лежала моя рукопись. Мистер Кощей поднял ее, выровнял по обрезу и положил обратно.

— А как идут дела в твоем собственном округе, Люцифер? Есть проблемы?

— Нет, сэр. Ну, обычные жалобы на работу кондиционеров... Ничего такого, с чем бы я не мог справиться сам.

— Ты хочешь править на Земле в это тысячелетие?

— Разве мой брат не предъявил на сей счет своих претензий?

— Яхве предъявил, да... Он уже провозгласил остановку времени... и срыл все до основания. Но я не обязан разрешать ему начинать перестройку. Ты хочешь получить Землю? Отвечай!

— Сэр, я предпочел бы работать с совершенно новым материалом.

— Ваша гильдия всегда предпочитает начинать с начала. Разумеется, никто при этом не думает о расходах. Я мог бы передать тебе Гларун на несколько циклов. Что скажешь?

Джерри с ответом не торопился.

— Я оставляю этот вопрос на усмотрение Председателя.

— И правильно делаешь, так и надо. Тогда мы обсудим его позже. Скажи, а почему ты заинтересовался этим творением, принадлежащим твоему брату?

Должно быть, я задремал, потому что увидел щенков и котят, игравших во дворе, чего уж никак не могло быть. Я слышал, как Джерри говорит:

— Мистер Председатель, почти все, что относится к человеческой природе,— чудовищно, за исключением способности мужественно переносить страдания и храбро умирать за то, что они любят и чему верят. Истинная сущность предмета любви и предмета веры значения не имеет; значение имеет лишь отвага и смелость. Это уникальные качества человека, возникшие независимо от создателя человечества, который сам ничем подобным не обладает, насколько я знаю, ибо является моим братом... и у меня таких качеств тоже нет.

Вы спрашиваете, почему это животное и почему я? Я подобрал его на обочине дороги, бездомного, и, забыв о своих собственных муках — слишком тяжких даже для него! — он отдал все оставшиеся силы героической (и бессмысленной) попытке спасти мою «душу», согласно тем канонам, в которых он был взращен. То, что его попытка была изначально глупа и бесполезна, ничего не значит: он трудился изо всех сил ради меня, веря, что я нахожусь в страшной опасности. Теперь, когда ему плохо, я просто обязан отплатить ему тем же.

Мистер Кощей опустил очки на нос и внимательно поглядел поверх оправы на Люцифера.

— Ты не назвал причин, почему я должен вмешаться в действия местной администрации.

— Сэр, разве в нашей гильдии не существует правила, которое требует от Художников доброты в обращении с существами, обладающими свободой воли?

— Нет.

Джерри выглядел совершенно обескураженным.

— Сэр, должно быть, я плохо усвоил то, чему меня учили.

— Да, полагаю, что так. Есть лишь принцип артистизма — а вовсе не закон,— что с творениями, которые обладают свободой воли, следует обращаться соответст венно. Но требовать доброты — значит ограничивать ту степень свободы Художника, ради которой свобода воли вкладывается в эти творения. Без возможности возникновения трагических коллизий личности, порожденные нашим актом творения, будут всего лишь големами.

— Сэр, я полагаю, что понял вас. Но не будет ли Председатель так добр и не разъяснит ли, в чем смысл соответствующего обращения с творениями?

— Тут нет ничего сложного, Люцифер. Для творения, которое действует в пределах своих возможностей, правила, которыми ему надлежит руководствоваться, должны быть либо известными заранее, либо такими, которые можно определить методом проб и ошибок, с условием, что ошибки не будут иметь фатальных последствий для личности. Короче, творение должно получить возможность учиться на собственных ошибках и обогащаться опытом.

— Сэр, именно в этом и заключается суть моей жалобы на брата. Взгляните на рукопись, которая лежит перед вами. Яхве положил в ловушку приманку и тем соблазнил это творение принять участие в соревновании, выиграть которое оно просто не могло, а затем объявил игру оконченной и отобрал у него выигранный приз. И хотя это крайний случай, однако он типичен для обращения Яхве со своими творениями. Игры Яхве таковы, что его творения практически никогда не могут выиграть. В течение шести тысяч лет я получаю тех, кто проиграл... и многие из них прибывают в ад в кататоническом состоянии от ужаса — ужаса передо мной, перед вечностью предстоящих мучений и пыток. Они не в состоянии понять, что им лгали. Моим терапевтам крайне трудно переориентировать этих несчастных олухов. А это уже совсем не смешно.

Казалось, мистер Кощей не слушал. Он откинулся на спинку старого деревянного кресла, которое громко скрипнуло,— да, я знаю, что и скрип он извлек из моих воспоминаний,— и снова бросил взгляд на мою рукопись. Он почесал лысину, окаймленную седой порослью, и издал раздраженный звук — полусвист-полугудение. И это тоже было заимствовано из моей памяти о докторе Симмонсе, хотя и представлялось чем-то совершенно реальным.

— А это творение-женщина — та, что служила приманкой,— она тоже обладает свободной волей?

— На мой взгляд — да, мистер Председатель.

(Боже мой, Джерри, неужели же ты не знаешь?)

— Тогда думаю, можно предположить, что это творение не удовлетворится заменой чем-то похожим.— Он снова погудел, а потом присвистнул сквозь зубы.— Стало быть, придется копнуть глубже.

Кабинет мистера Кощея и так показался мне совсем небольшим. Теперь же присутствующих стало больше: еще один ангел, очень похожий на Джерри, но старше и со спесивым выражением лица, столь противоположным заразительной жизнерадостности Джерри; еще какой-то пожилой тип в длинном пальто и широкополой шляпе, с повязкой на одном глазу и с вороном на плече; и еще — кто бы вы думали? — Сэм Крумпакер, жулик из Далласа, будь проклято его нахальство! За спиной Сэма маячили еще три мужика — ребята весьма откормленные и все смутно знакомые мне. Я догадывался, что когда-то имел с ними дело.

И тут я вспомнил. Это у них я выиграл по сотне (или по тысяче долларов) в том совершенно идиотском пари.

Я снова пригляделся к Крумпакеру и разозлился больше, чем когда-либо. Этот тип напялил на себя мое лицо!

Я повернулся к Джерри и громко прошептал:

— Видишь вон того парня? Того, который...

— Заткнись!

— Но...

— Молчи и слушай!

Говорил брат Джерри:

— И кто же тут жалуется?! Или вы хотите, чтоб я проводил такие испытания в образе Христа? Да сам факт, что некоторые из них способны вынести такое, показывает, что тут нет ничего особенного: семь целых и одна десятая процента в последней серии, если не считать големов! Что, разве плохо? Кто бы говорил!

Старикан в черной шляпе сказал:

— Все, что меньше пятидесяти процентов, я считаю провалом.

— И кто поднимает гвалт? Тот, кто проигрывает мне в каждом тысячелетии? Как ты обращаешься со своими творениями, это твое дело, а то, что я делаю со своими — мое!

— Вот потому-то я сюда и явился,— буркнула большая шляпа.— Ты ведь нахально использовал одно из моих.

— И вовсе не я! — Яхве ткнул большим пальцем в сторону человека, разом похожего и на меня, и на Сэма Крумпакера.— Это вон тот! Мой шаббес гой! Грубовато сделано? А чей он парень? Ну? Признавайтесь!

Мистер Кощей постучал по моей рукописи и сказал человеку с моим лицом:

— Локи, сколько раз ты появлялся в этой истории?

— Смотря как считать, сэр. Восемь или девять, если говорить о личных контактах. Или все время, если вы учтете, что я потратил четыре недели, дабы довести до нужной кондиции ту рыженькую училку, что падала на спину и страстно пыхтела при появлении этого жалкого ничтожества.

Джерри положил мне на плечо свою огромную лапу:

— Молчи!

А Локи продолжал:

— А Яхве мне так и не заплатил!

— С чего бы я стал тебе платить? Кто из нас выиграл?

— Ты смухлевал! Я же подловил твоего чемпиона, твоего ханжу-фанатика, который был уже готов треснуть, как спелый орех, но ты взял да вмешался со своим Судным днем. Вон он сидит! Спроси его! Спроси, готов ли он, как и раньше, клясться твоим именем? Или хочет крыть тебя последними словами? Валяй, спрашивай! А потом гони монету! Мне нужно оплатить счета за оружие.

Мистер Кощей спокойно произнес:

— Объявляю эту дискуссию не соответствующей порядку ведения заседания. Данный офис — не место для улаживания споров по заключенным пари. Яхве, принципиальное обвинение в твой адрес заключается, видимо, в том, что ты проявляешь непоследовательность, разрабатывая и применяя правила игры с собственными творениями.

— А мне что, целоваться с ними, что ли? Не разобьешь яйца — не получишь яичницу.

— Речь идет о совершенно конкретном случае. Ты проводил проверку на прочность. Было ли это необходимо с художественной точки зрения — спорно. Однако в конце испытания ты одного забрал на небеса, а вторую бросил, чем наказал обоих.

— Правило одно для всех. Она под него не подходила.

— А разве не ты тот самый Бог, который повелел, чтобы скоту, обмолачивающему зерно, обязательно заматывали морду, дабы не вводить его во искушение?

И тут я обнаружил, что стою на бюро мистера Кощея и гляжу прямо в его неимоверно огромное лицо. Думаю, это Джерри поставил меня туда. Мистер Кощей спросил:

— Это твоя?

Я взглянул туда, куда он указывал взглядом. И мне показалось, что я теряю сознание. Марга!

Маргрета, холодная и мертвая, заключенная в глыбу прозрачного льда в форме гроба. Глыба занимала большую часть бюро и уже начинала подтаивать, роняя капли прямо на поверхность бюро.

Я хотел броситься к ней, но не смог даже пальцем пошевелить.

— Думаю, свой ответ я получил,— продолжал мистер Кощей.— Один, какова судьба *этой*?

— Она погибла в бою во время Рагнарёка. Она заслужила цикл пребывания в Валгалле.

— Нет, вы только послушайте его! — вмешался Локи.— Рагнарёк еще не окончен! И на этот раз я намерен выиграть его! Эта pige[1] моя! Все датские девки дают дрозда будь здоров, но эта — чистый динамит! — Он самодовольно ухмыльнулся и подмигнул мне.— Верно я говорю, а?

Председатель очень тихо сказал:

[1] Девушка, девица *(дат.)*.

— Локи, ты утомил меня.— И внезапно Локи не стало. Даже его стул и тот исчез.— Один, ты можешь освободить ее на часть цикла?

— На сколько? Она заработала право на Валгаллу!

— На неопределенное время. Это творение объявило о готовности мыть грязные тарелки «вечно» для того, чтобы заботиться о ней. Конечно, сомнительно, понимает ли оно, сколько это — «вечно»... и все же его история подтверждает серьезность его намерений.

— Мистер Председатель, мои воины — как мужчины, так и женщины,— погибшие в честном бою, равны мне. Они не рабы, и я горд, что я — всего лишь первый среди равных. У меня нет возражений... если она согласна.

Сердце заныло. И тут Джерри через всю комнату шепнул мне:

— Не лелей слишком больших надежд. Ведь для нее прошло уже более тысячи лет. Женщины легко забывают...

А Председатель продолжал:

— Надеюсь, структура тканей еще не уничтожена?

Яхве пробормотал:

— Кто же уничтожает копии документации...

— В случае необходимости — восстановить.

— И кто оплатит расходы?

— Ты. Расценивай это как штраф, который должен научить тебя уделять больше внимания принципу последовательности.

— Ой! Или я не выполнил все свои пророчества? А теперь он говорит, что я непоследователен! И это справедливость?

— Нет. Но это Искусство. Александр! Смотри на меня!

И я глянул в его огромное лицо. Его глаза завораживали меня. Они росли и росли. Я наклонился и рухнул в их бездонную глубину.

29

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
не останется памяти у тех, которые будут после.

Книга Екклесиаста 1, 11

На этой неделе мы с Маргретой с помощью нашей дочки Герды устроили дома и в ресторанчике настоящую скандинавскую

уборку, так как Фарнсуорты — наши техасские друзья, наши самые дорогие друзья в мире — собрались нас навестить. Для меня и Марги приезд Джерри и Кейти — рождественские праздники и Четвертое июля вместе взятые. И для наших детей — тоже. Сибил Фарнсуорт ровесница нашей Инги, обе девушки — хорошие подруги.

На сей раз случай особый — они привезут с собой Патрисию Меримаунт. Пат — почти такой же старый друг, как Фарнсуорты, и милейшее существо во всей Вселенной — старая дева из сельских учительниц, но ни чуточки не чопорная.

Фарнсуорты сыграли огромную роль в нашей судьбе. Мы с Маргой проводили в Мексике медовый месяц, когда грянуло землетрясение, разрушившее Масатлан. Мы не пострадали, но выбраться оттуда оказалось жутко трудно: паспорта, деньги, дорожные чеки — все пропало. На полпути домой мы познакомились с Фарнсуортами, и эта встреча изменила все — трудности исчезли как по волшебству. О, я вернулся в Канзас гол как сокол, если не считать бритвы (она представляла для меня чисто сентиментальную ценность: Марга подарила ее мне во время медового месяца, и я пользуюсь ей и по сей день).

Добравшись до моего родного штата, мы отыскали здесь такое чисто домашнее заведение, о котором мечтали,— закусочную в маленьком университетском городке под названием Эдем, к юго-востоку от Уичито. Закусочная принадлежала тогда мистеру и миссис А. С. Модей, которые как раз собирались уйти на покой. Мы нанялись к ним на работу, но уже через месяц превратились в арендаторов. Затем я по уши влез в банковские долги, но мы стали номинальными собственниками закусочной «Горячий фадж-санде Марги» — с сатуратором газированной воды, гамбургерами и божественными датскими сандвичами Маргреты.

Маргрета хотела назвать ее «Горячий фадж-санде Марго и Алека», но я запретил — не звучит. Кроме того, именно Марга работает с клиентурой; она наша лучшая реклама. А я занят там, где меня никто не видит,— мойщик посуды, сторож, носильщик, в общем — на все руки. Маргрета работает на виду, ей помогает Астрид. Ну, и я, конечно; все мы умеем приготовить или разогреть любое блюдо из нашего меню — даже открытые сандвичи.

К ним мы прилагаем цветную фотографию Марги и список ингредиентов; их создателем наши заказчики справедливо считают Маргу.

Наше фирменное блюдо — горячий фадж-санде — всегда в наличии. Я продаю его по десять центов за порцию, хотя это дает нам всего лишь полтора цента прибыли. Каждый клиент в свой день рождения получает одну порцию бесплатно, да еще мы хором поем ему «С днем рождения» под громкое бумканье барабана. Кроме того, он получает еще поцелуй. Молодежь из колледжа ценит право поцеловать Маргрету выше дарового санде. Это вполне понятно. Но папаша Грэхем тоже недурно справляется со своими обязанностями, когда дело касается студенток. (Впрочем, насильно «новорожденных» девиц я не целую).

Закусочная пользуется успехом со дня своего открытия. У нее отличное географическое положение — на углу Элм-стрит и Оулд-Мейн. Обширную клиентуру гарантируют низкие цены и магическое поварское искусство Маргреты, а также ее красота и доброжелательность. Мы продаем не калории, мы продаем счастье. Маргрета накладывает счастье щедрой горкой на каждую тарелку — у нее его много.

Благодаря моему отношению к каждому пенни наша команда не может прогореть. Я слежу за этим строго; если стоимость ингредиентов вдруг поглощает скромную прибыль от горячего фадж-санде, цена на него слегка поднимается. Мистер Велиал — президент нашего банка — уверяет, что наша страна вступила в долгий и устойчивый период постепенного экономического подъема. Надеюсь, что он прав, а пока я тщательно слежу за прибылью.

Городок испытывает бум цен на недвижимость, вызванный Фарнсуортами и климатическими изменениями. Раньше всякий богатый техасец стремился приобрести себе летний дом где-нибудь в Колорадо-Спрингс, но теперь, когда мы больше не можем жарить яичницу на плитах наших тротуаров, техасцы начинают ценить очарование Канзаса. Говорят, что причина этих изменений заключается в Джетстриме (или Гольфстриме? я никогда не был силен в науке). Как бы там ни было, летние месяцы у нас благоуханны, а зимы — мягки. Многие друзья и знакомые Джерри покупают землю в Эдеме и строят здесь летние дома. Мистер

Ашмедай, который руководит рядом предприятий Джерри, живет у нас круглый год, а доктор Адрамелех — ректор эдемского колледжа — настоял на его избрании в совет попечителей, а также сделал его почетным доктором. Как бывший специалист по сбору пожертвований, я прекрасно понимаю зачем.

Мы очень рады им всем, и не только из-за денег. Но я не хотел бы, чтобы Эдем стал таким же многолюдным, как Даллас.

Впрочем, это маловероятно. Эдем — буколическое местечко. Наша единственная индустрия — колледж. Единственная церковь обслуживает все секты общины — церковь Божественного оргазма; воскресная школа открывается в девять тридцать утра, службы начинаются с одиннадцати, пикники и оргии сразу же после служб.

Мы не верим в пользу вколачивания религии в ребячьи головы, но, по правде говоря, наша молодежь любит общинную церковь — и в этом огромная заслуга нашего пастора — преподобного доктора М.О. Лоха. Малькольм — пресвитерианец, как мне кажется; в голосе его до сих пор слышится шотландский акцент. Однако в нем нет ничего от угрюмого жителя гор, и детишки его просто обожают. Он всегдашний организатор пирушек и возглавляет всякого рода ритуальные действа. Наша дочь Элиза благодаря ему стала послушницей-экдисиасткой и мечтает заняться этим профессионально. (Ерунда! Она выскочит замуж, как только кончит школу. Я мог бы назвать имя этого молодого человека, хотя и не вижу, что она в нем нашла.)

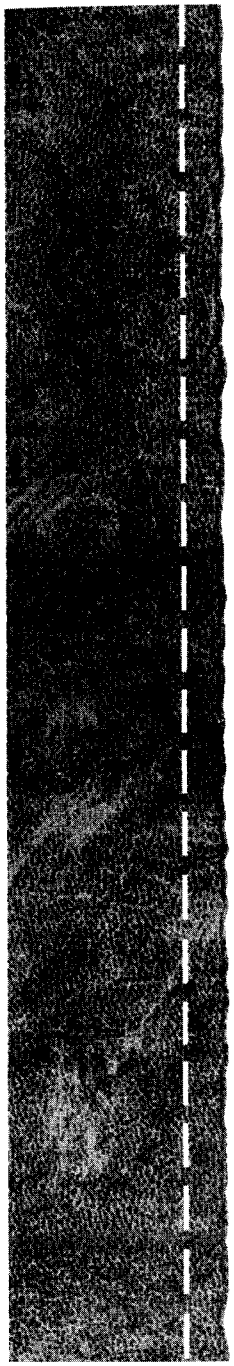
Маргрета состоит в Престольной гильдии. Я хожу с подносом сбора пожертвований на шабашах и служу в финансовой комиссии. Я никогда не прерывал членства в Братьях по Апокалипсису, но должен признаться, что мы — Братья — толкуем его не вполне правильно: конец тысячелетия пришел и ушел, а глас так и не прозвучал. Человек, который счастлив в доме своем, не лежит по ночам с открытыми глазами, думая о завтрашнем дне.

Что есть успех? Мои товарищи по Ролла-Теху давно ушедших времен могут считать, что я удовольствовался малым, став владельцем-на-паях-с-банком крошечного ресторанчика в никому не известном городишке. Но у меня есть все, что нужно человеку. Я бы не захотел стать даже святым на небесах, если бы со мной не было Марги. И не побоялся бы спуститься в ад, если бы

она оказалась там. Впрочем, в ад я не верю, а стать святым на небесах мне вряд ли светит.

Сэмюель Клеменс изрек: «Там, где она,— там и Эдем». Омар сформулировал это иначе: «С тобой и пустыня, родная, прекрасней чудесного рая». Браунинг назвал это «Summum Bonum»[1]. Все они утверждали одну и ту же величайшую истину, которая для меня звучит так: рай там, где Маргрета.

[1] Величайшее благо *(лат.)*.



КОММЕНТАРИИ

Стр. 7. Четыре стихии — еще в античности была сформулирована теория о четырех элементах, корнях всего сущего. Это Огонь, Вода, Земля и Воздух. Они несотворены, изначальны и равны по силе. История мира, согласно этой теории,— разъединение и соединение этих стихий под действием Вражды и Любви.

Стр. 10. Саламандра — по преданиям, дух огненной стихии, в которой и обитает. Изображается обычно в виде маленькой бескрылой ящерицы, выпрыгивающей из огня. Считалась, бесполой, поэтому иногда символизировала еще и целомудрие. Для алхимиков — символ очищающего свойства огня и серы, в геральдике обозначают храбрость и мужество, которому не вредит огонь бедствий.

Стр. 17. Ундина — аналог славянских русалок в средневековой Европе, дева с рыбьим хвостом, живущая в воде. «Унда» по-латыни — «вода». Отличались красивым пением, таились от людей. Также слово имеет второе значение. В германской мифологии — духи воды, прославленные в повести Ф. де ла Мотта, известной в стихотворном переводе Жуковского. Ундины в этом варианте — красавицы с роскошными волосами, прекрасно сложенные, длинноногие.

Стр. 18. Сильф — иначе сильфиды, духи воздуха, воплощение его как одной из четырех стихий.

Стр. 30. «Зекербони» — книга-гримуар, написанная жившим в Милане в середине XVII в. оккультным философом Пьером Мора. «Зекербони» содержал в себе множество таинственных кабалистических образов и прежде всего Великую Пентаграмму. Во время чумы 1630 г. Мора был обвинен в колдовстве и наведении чумы. Разъяренные жители города ворвались в жилище Пьера Мора, где помимо большого количества астрологических, алхимических и магических приспособлений и инструментов был обнаружен алтарь Сатаны. Мора признался в поклонении Сатане и был казнен.

Стр. 35. Тетраграмматон — четырехбуквенное Непроизносимое Имя Господ, считающееся собственным именем Бога. Некогда употреблялось вслух, но потом стало заменяться другими — косвенное обращение к Господу. Запрет на произнесение вслух имени Яхве принято объяснять почтением к имени Бога. Первоначально происходит от корня «быть».

Стр. 38. Ротари-клуб основан 23 февраля 1905 года в Чикаго адвокатом Полем Харрисом. Основная идея, выдвинутая им,— «развивать дух дружбы и солидарности в мире бизнеса больших городов». В число учредителей кроме самого Харриса вошли горный инженер Гюстав Лоэр, продавец угля Сильвестр Шилл (он же станет первым президентом клуба) и портной Хирам Шори. В 1929 году в качестве знака клуба Далласской Конвенцией был принят символ зубчатого колеса, состоящего из двадцати четырех зубцов.

Ротари-клуб является ассоциацией, объединяющей представителей мира бизнеса и свободных профессий, а также руководителей предприятий, желающих добровольно участвовать в акциях помощи мирового масштаба.

В своей деятельности клуб опирается на критерий четырех вопросов, выдвинутых Хубертом Тейлором в 1932 году, и кодекс клуба.

I. Четыре вопроса Тейлора:

Что бы мы ни делали, что бы мы ни говорили и о чем бы мы ни думали, мы должны задавать себе следующие вопросы:

– Соответствует ли это истине?

– Лояльно ли это во всех отношениях?

– Будет ли это содействовать взаимопониманию и укреплению дружеских отношений?

– Выгодно ли это всем заинтересованным сторонам?

II. Деонтологический кодекс клуба:

В качестве ротарианца, работающего в сфере бизнеса или представляющего свободную профессию, я обязуюсь:

1. Рассматривать свою профессию как средство служения людям.

2. Быть преданным духу и букве деонтологического кодекса моей профессии, как если бы это был закон моей страны или моральный кодекс моего общества.

3. Стремиться с честью выполнять свой профессиональный долг, воплощая принципы высокой этики.

4. С уважением относиться к своим сослуживцам и руководству, к соучредителям, клиентам и конкурентам — ко всем, с кем я нахожусь в деловых отношениях.

5. Уважать любую полезную для общества деятельность, оценивая по достоинству все ее заслуги.

6. Делиться своим профессиональным опытом с молодежью, помогать всем нуждающимся и способствовать улучшению уровня жизни моего общества.

7. Избегать предоставления ложной информации или искажения положения дел в моей профессии.

8. Никогда не пользоваться привилегиями или преимуществами ротарианского товарищества, недоступными для других представителей моей профессии.

В настоящее время Ротари-клуб является самой крупной в мире благотворительной организацией. Включает в себя более 1,2 млн членов, объединенных в более чем 28 тыс. клубов.

Стр. 41. Вуду — испанское название — сантерия, португальское — макумба; монотеистическая синкретическая религия островов Карибского бассейна, синтез африканской магии, главным образом из Бенина, и европейского католицизма. Последователи вуду верят в бога-создателя (Bondieu — Доброго бога), который не участвует в жизни своих созданий, богов-духов (vodun, или лоа), которые являются детьми Доброго бога, им молятся и почитают как старших членов семьи. Считается, что в человеке живет несколько душ, до рождения и после смерти он является ангелом, а кроме того, в нем живет посол бога — совесть.

Стр. 54. Нганга — шаман, лекарь и священник у народности банту, он отвечает за исцеление, предсказания и пророчества, но не участвует в действительно религиозных ритуалах, как вхождение в возраст или похороны.

Стр. 68. Оливер Уэнделл Холмс — история США знает двоих людей под таким именем, отца и сына. Старший — врач-физиолог, поэт и эссеист, обожал свободные бессюжетные повествования с афоризмами, игрой слов и дерзкими выпадами против религиозных устоев. Младший — юрист и государственный деятель, преподаватель конституционного права в Гарварде. Заслужил прозвище «великий инакомыслящий», потому что в каждом деле имел свое особое мнение.

Стр. 72. Мандрагора — многолетняя трава семейства пасленовых, ядовита, корни, иногда напоминающие человеческую фигуру,

как у женьшеня, содержат сильные психоактивные алкалоиды. Мандрагоре приписывают магическую силу и используют во многих ритуалах.

Гомункул — иначе гомункулус, от латинского «человечек», подобное человеку существо, получаемое искусственно, в пробирке. Бытовало мнение, что поскольку развитие зародыша есть увеличение в размерах уже сформировавшегося организма, то гомункул — это крохотный человечек, заключенный в сперматозоиде.

Стр. 73. Малый народец — иносказательное название эльфов, фей, брауни, тильвит тегов, беньши и прочих разнообразных фэйери, хотя многие из них не так уж малы ростом. Фэйери не любят, когда их называют по имени.

Стр. 77. Закон Салливана — Национальный закон «Об огнестрельном оружии» (National Firearms Act — NFA), запретивший гражданам владеть отдельными видами и типами оружия, принят Конгрессом США в 1934 году (Свод законов США, раздел 26. Параграф 5801). Его вариант, принятый в 1938 году, вводил запрет на владение оружием отдельными категориями граждан, а также определил жесткую систему налогообложения и лицензирования на считавшиеся наиболее опасными виды огнестрельного оружия.

Стр. 91. Сорок восемь штатов — повесть была написана, когда Аляска и Гавайи были еще территориями.

Стр. 97. Король Кнут — король Англии, Дании и Норвегии, повелитель Шлезвига и Померании (994–1035). Поляк по матери, попал в Англию в августе 1013 года во время ее завоевания и после неожиданной кончины отца был провозглашен королем, но, вернувшись на родину, обнаружил, что на троне уже сидит брат Харольд. Делиться властью Харольд не пожелал, но пообещал поддержку, если Кнут завоюет Англию. Сделавшись правителем Англии, Кнут ввел законы и упорядочил жизнь граждан, хотя порой применял весьма жесткие меры к несогласным.

Стр. 100. Вельзевул — он же Вельзебуб, Веельзебут, Баал-Зебуб, великий демон, которого часто принимают за Сатану. Ранее его почитали филистимляне и хаанеяне, последние по одной из версий изображали его в виде мухи, которой приданы атрибуты высшей власти. Имя переводится как «повелитель мух».

Левиафан — многоголовое морское чудовище, персонификация сил зла. Создан богом, чтобы «играть в нем».

Астарот — один из самых высокопоставленных демонов, древнесемитские народы поклонялись ему как олицетворению Солнца, мужской параллели Астарты, которая и ныне является его супругой в Аду. Он дает истинные ответы о вещах, касающихся настоящего, прошлого и будущего, и может раскрывать все секреты; он охотно рассказывает, как пали духи, а также об их сотворении.

Аббадонна — он же Аваддон, Аполлион, ангел Бездны, демон смерти и разрушения, военный советник Ада, властитель шестого круга преисподней. Имя происходит от еврейского слова «погибель». Именно он ведет в Откровении Иоанна карающую саранчу.

Мамона (Мамон, Мамуна) — демон скупости и богатства, один из представителей бесов, противостоящих ангелам; вероятно, возник из евангельского мамоны, божества богатства. Ходит, низко опустив голову, последним был низвергнут в Ад.

Тевт — египетский бог Тот.

Асмодей — один из самых могущественных и знатных демонов. Дьявол вожделения, блуда, ревности и одновременно мести, ненависти и разрушения, Князь четвертого чина демонов: «карателей злодеяний», «злобных, мстительных дьяволов», пятый из десяти архидемонов в кабале. Оккультисты относят его к демонам Луны. Возможно, что его имя происходит от слова shamad — «разрушать» либо от персидского Айшма-дэв (Aeshma-dev).

Инкуб — один из демонов пьянства, обжорства, сладострастия и корыстолюбия, хитрый, свирепый и коварный. Название происходит от латинского слова, означающего «возлежать», поскольку, согласно книгам, они приходят к женщинам, когда те спят, и насилуют их.

Сатана — правильнее Сатаниэль, старший сын бога, творец материального мира, создал тело Адама перед тем, как бог вдохнул в первого человека душу. Отказавшись поклониться Адаму, так как тот был сделан из праха, а он сам из пламени, был низвергнут с небес. У Хайнлайна в романе «Иов...» Сатана Мекратриг предпочитает отзываться на имя Люцифер.

«ДОРОГА ДОБЛЕСТИ»

Стр. 113. Мы зачитывались Сэлинджером и Керуаком...— Керуак Джек (1922–1969) — один из родоначальников литературы битников, американский писатель, в США его романы «На дороге» (1957–1960), «Подземные люди» (1958), «Бродяги, взыскующие Дхармы» (1958), «Биг Сур» (1962) и «Тщеславие Дюлуза» (1968) пользовались огромной популярностью. Джером Дэвид Сэлинджер (р. 1919 г.) — известный американский писатель, в России была чрезвычайно популярна его повесть «Над пропастью во ржи». Проза Сэлинджера отмечена влиянием дзен-буддизма.

Стр. 115. И хотя «Флэш» Гордон — Флэш Гордон — герой фантастического комикса, созданного в 1934 г. художником Алексом Реймондом. Начиная с 1936 г. про Флэша Гордона было снято множество кино- и телефильмов. Английское слово «флеш» переводится как блистательный, быстрый как молния, но также и показной блеск, бахвальство.

Стр. 137. Я мечтал о путешествии с Улиссом и Синдбадом-мореходом, мечтал о стране лотофагов, где стоит вечный полдень — Здесь и далее Гордон вспоминает героев излюбленных книг американских мальчишек. Это герои книг Л. Кэрролла (Черная Королева, Белый Рыцарь, Твидлдам и Твидлди), Марка Твена («Приключения Гекльберри Финна» — герцог Бриджуотерский и Дофин), Эдгара Берроуза («Владыка Марса», «Дочь тысячи джедакков» — Джон Картер, Рея ...), рассказов Г. Уэллса (в том числе «Дверь в стене»), А. Дюма («Три мушкетера»)... Упоминаются также роман английского писателя Джона Бэкана «Пресвитер Иоанн», «Артуриана» (обширная литература о короле Артуре и его мече Экскалибуре), «Одиссея» Гомера (Улисс), «Сказки тысячи и одной ночи» (Синдбад-Мореход) и т.д.

Стр. 145. Хочешь, зови меня Иштар.— Иштар — богиня плодородия и плотской любви из аккадско-вавилонского пантеона богов.

Стр. 165. ...он испытал горячее желание прикокнуть этого «Человека из Порлока»... — Это персонаж из легенды, связанной с историей написания Колриджем поэмы «Кубла Хан». Великий английский поэт Сэмюэль Тейлор Колридж (1772–1834) писал ее в 1797 г. в загородном доме. Будучи больным и приняв наркотическое средство, Колридж уснул и во сне ему явились строки поэмы. Когда же, проснувшись, он стал их записывать, в доме появился некий человек из Порлока, отвлек поэта и яркие воспоминания о сновидениях улетучились, а поэма так и осталась незавершенной.

Стр. 172. Это была любопытная книженция, написанная неким Альбертусом Магнусом...— Альбертус Магнус (Альберт Великий) — так называли средневекового немецкого теолога и алхимика Альберта фон Больштедта (1193–1280). Он носил титул «Великий в натуральной магии, еще более великий в философии, величайший в теологии». Альберт Великий преподавал в Кельне и Париже. Был естествоиспытателем, алхимиком, астрологом, многие считали его даже чернокнижником, но доказать не смогли. В 1931 г. он был канонизирован, то есть причислен к лику святых.

Стр. 174. ...я же смотрел по телеку «Сумеречную зону»...— американский фантастический телесериал 1959–1964 годов, создателем которого был писатель-фантаст Род Серлинг, сам написавший многие из получасовых и часовых эпизодов. В создании «Сумеречной зоны» принимали также участие другие известные фантасты — Ричард Матесон, Чарлз Бьюмонт, Томас Годвин и др.

Стр. 175. ...стремительных лун Барсума... Вон и Дэя Торис — Барсумом называется Марс в романах американского фантаста Эдгара Берроуза. Дея Торис —принцесса Марса, героиня марсианской эпопеи Берроуза.

Стр. 176. Некоторые из них, особенно крупные, подобно страшилищу Кювье, травоядны.— Жорж Леопольд Кювье (1769 —1832) — знаменитый французский ученый-натуралист, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных. Он восстанавливал облик древних ящеров по остаткам скелета. В данном случае, видимо, имеются в виду гигантские травоядные динозавры. А может быть, это намек на юмористическую историю о том, что однажды некий студент решил подшутить над Кювье, переоделся чудовищем, нацепил на себя рога и копыта и пытался напугать профессора. Кювье якобы осмотрел фигуру и флегматично произнес «Раз копыта, значит, ты травоядный и съесть меня не сможешь».

Стр. 182. ...что даже «Олимпия Пресс» сочла бы нужным подвергнуть такое сообщение цензуре...— «Олимпия Пресс» — парижское издательство, выпускавшее книги, не проходившие в пуританских Соединенных Штатах по цензурным соображениям. В частности, именно там увидели свет романы Генри Миллера (1891–1980) «Тропик Рака» (1934) и «Тропик Козерога» (1939), изданные в США лишь в 1961 и 1962 годах соответственно.

Стр. 187. ...видно, местный Нижинский... — Вацлав Нижинский (1889–1950) — знаменитый русский артист балета и балетмейстер.

Стр. 198. ...потребовалась бы многомесячная работа Сюрте, ФБР и Арчи Гудвина... — Сюрте Насьональ — Генеральная дирекция национальной безопасности в Париже, существововавшая с 1811 по 1966 год. ФБР — Федеральное бюро расследований США. Арчи Гудвин — герой серии романов американского писателя Рекса Стаута (1886–1975), помощник Ниро Вульфа.

Стр. 209. Моя «лошадь»... Назвал я ее Арс Лонга... — имена восьминогих пони Стар и Гордона образуют начало афоризма древнегреческого врача Гиппократа (460—370 до н.э.), который по латыни звучит так: «Vita brevis, ars vero longa, occasio autem praeceps, experienta fallax, judicium difficile». В переводе на русский это означает: «Жизнь коротка, искусство обширно, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно». А имя многоножки Руфо (Морэ Профунда) переводится как «глупость безмерна».

Стр. 226. Джон Генри — герой американского «железнодорожного» (то есть относящегося к эпохе строительства трансконтинентальных железных дорог) фольклора; был наделен невероятной физической силой.

Стр. 227. ...мои мысли явно ассоциировались с образами мадам Помпадур, Нелл Гвин, Нинон Ланкло и Ренджи Лил... применяя термины, которые наверняка сразили бы даже Франсуа Вийона.— Здесь перечислены имена королевских фавориток и дам полусвета, оставивших свой след в европейской истории. А французский поэт Франсуа Вийон (ок. 1431—после 1463) был знатоком жаргона низов общества.

Я продекламировал им «Дочурку Рейли» и «Бармаглота»...— «Дочурка (или малютка) Рейли» — фольклорное стихотворение, входящее во многие американские антологии. «Бармаглот» — стихотворение из первой главы «Зазеркалья» Льюиса Кэрролла.

Стр. 240. А подделок разве не было? Этот... Пилтдаунский человек... — в 1909 г. близ Пилтдауна (графство Сассекс, южная Англия) археолог-любитель Чарлз Даусон нашел фрагмент черепа древнего человека, вызвавший в научном мире сенсацию. В дальнейшем было найдено еще несколько фрагментов. Однако в пятидесятых годах выяснилось, что все это было мистификацией — ловко подсунутыми палеонтологам и антропологам подделками.

...Бирс... коллекционировал подобные истории, пока сам не попал в такую коллекцию...— имеется в виду американский писатель Амброз Бирс (1842–1914?), без вести пропавший в Мексике в 1913 – 1914 гг.

...Каспар Хаузер — человек ниоткуда... — согласно документам, Каспар Хаузер родился 30 апреля 1812 года, однако где он провел первые шестнадцать лет своей жизни — неизвестно. Он появился в 1828 году на улицах Нюрнберга, практически не умея ни говорить, ни писать; его изучали врачи, физиологи, другие специалисты, было опубликовано несколько отчетов о «феномене Каспара Хаузера», однако он так и остался загадкой. А еще четыре года спустя он был убит. На месте его гибели в парке Ансбаха стоит памятник с надписью: «Здесь один неизвестный был убит другим неизвестным».

Стр. 242. Слышал ли ты когда-нибудь об инкубах и суккубах...— Персонажи средневековой демонологии. Инкубы — мужские демоны, домогавшиеся женской любви; суккубы, наоборот, демоны женские и домогались любви мужчин. Иногда принимали человеческий облик и даже вступали в брак со смертными; от этих браков рождались уроды или полузвери.

Стр. 249. ...когда греки снова начнут отсчитывать время по календам...— то есть никогда, поскольку термин «календы» применялся только в римском календаре и означал первые числа месяцев, приходящиеся на время, близкое к новолунию.

Стр. 271. ...известно, что однослоговые слова куда действеннее многослоговых... — намек на то, что в английском языке практически вся внелитературная лексика состоит из однослоговых слов.

Стр. 274. ...малыш — ростом не больше валлаби...— то есть двух с половиной футов (ок. 76 см); валлаби — мелкие австралийские кенгуру.

Стр. 280. Линдберг перелетел через Атлантику...— американский летчик Чарлз Линдберг (1902–1974) в 1927 году совершил первый в мире беспосадочный трансатлантический перелет из Соединенных Штатов во Францию, преодолев 5800 км за 33 часа 30 мин.

Стр. 283. ...совсем как в паноптикуме Ф. Т. Барнума...— Финеас Тэйлор Барнум (1810–1891) в 1871 г. основал первый в США стационарный цирк в Нью-Йорке, а также знаменитый Музей диковинок.

Стр. 288. Это тессеракт? — Тессеракт (или гиперкуб) — куб, имеющий четыре измерения. На свойствах геометрии этого геометрического тела Хайнлайн построил сюжет своего рассказа «...И построил он себе скрюченный домишко...» (1941 г.), в более ранних и менее точных переводах рассказ назывался «Дом, который построил Тил», «И построил он дом».

Стр. 289. ... я (нормальный герой Бута Таркингтона) попал в ситуацию, привычную скорее героям Микки Спиллейна... — Бут Таркингтон (1869–1946) — американский романист и драматург, писавший исторические и бытовые романы. Микки Спиллейн — один из родоначальников жанра «крутого» детектива.

Стр. 309. Скажи мне, Оскар из Гордонов, ты когда-нибудь бывал в Каркасоне? — основанный в 485 г. город Каркасон находится на юге Франции. По одной из версий Сирано де Бержерак родился именно там (хотя эту честь оспаривают и город Бержерак, и Париж, и несколько гасконских городов).

Стр. 318. ...находился в руках мрачных борцов за мир...— намек на китайскую оккупацию Тибета, образование там Тибетского автономного района КНР со столицей в Лхасе и изгнание далай-ламы.

Стр. 321. Все это лишь теория, и «Бритва Оккама»...— одно из правил формальной логики («Не следует умножать сущности сверх необходимости»), которое принадлежит средневековому философу Оккаму.

Стр. 324. ...Царь Чурбан всегда лучше царя Журавля...— имеется в виду басня «Царь Чурбан и журавль» Жана де Лафонтена (1621–1695).

Стр. 346. Царь Мидас, как известно, потерял всякий интерес к своему дурацкому банку...— фригийский царь Мидас, отличавшийся непомерным богатством и таким же сребролюбием, однажды, если верить легенде, возвратил богу Дионису пойманного силена. В награду Дионис предложил исполнить любое Мидасово желание, и тот попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, тут же превращалось в золото. Выяснив, что в золотые слитки превращается даже пища, Мидас охладел к затее и умолил Диониса взять дар обратно.

Стр. 366. Я ведь читал доклад Кинси... — имеются в виду результаты исследования полового поведения американок, проведенного Альфредом Чарлзом Кинси (1894–1956), американским культурологом, биологом и сексологом.

Стр. 380. Так и Менелай говорил то же самое...— Менелай, брат микенского царя Агамемнона, когда юный красавец Парис увел у него жену, не ревновал, а с помощью брата собрал войско и начал Троянскую войну. Все подробности этой истории — в Гомеровой «Илиаде».

Стр. 394. ...единственный соперник Калтеха находился там, где секс вообще объявлен вне закона...— Это намек на Массачусетский технологический институт, находящийся в Новой Англии, которая считается оплотом пуританства.

Стр. 406. Всегда ли «дверь в стене» исчезает при втором взгляде на нее...— намек на рассказ Герберта Дж.Уэлса (1866–1946) «Дверь в стене» (1906).

ИОВ, ИЛИ ОСМЕЯНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Стр. 412. Канаки — меланезийский народ, основное население Новой Каледонии; название произошло от «канака маоли», которым на Гаваях европейцы называли любого островитянина не белой расы.

Луала — праздники и пиры на свежем воздухе, сопровождаемые пением и танцами, на Гавайах и других островах Тихого океана.

Стр. 419. «National Geographic Magazine» — ежемесячный иллюстрированный журнал, посвященный географии, путешествиям, достижениям науки и открытиям, основанный в 1888 году; считается коллекционным благодаря высококачественным фотографиям и картам-вкладышам.

Стр. 428. Бичкомбер — буквально «прочесывающий пляж», белый обитатель островов Тихого океана, живущий случайной работой, чаще всего они рылись в песке на берегу, выискивая полезные вещи, выброшенные океаном, чтобы потом продать их старьевщикам.

Стр. 434. Ольборгский аквавит — скандинавский алкогольный напиток крепостью в сорок градусов, настоянный на различных пряностях, в том числе на лакрице. Название происходит от латинского aqua vitae, «живая вода, вода жизни». Первое упоминание о нем было в 1531 году в письме от датчанина Эске Билле норвежскому архиепископу Олафу Энгельбретссону, к письму прилагалась небольшая посылка с «некоей водой, называемой водой жизни, в помощь больным, применять которую можно наружно и внутренне».

Стр. 435. «если живешь в Риме...» — начало крылатого выражения: «Если живешь в Риме, поступай как римлянин».

Стр. 437. Тор — в скандинавской мифологии бог грома, сын Одина, наиболее могучий воитель среди богов-асов. Тора больше всего боялись их главные враги, великаны-йотуны. Могучий рыжебородый мужчина, вооруженный молотом Мьеллниром, попадающим в цель и возвращающимся к владельцу, и носивший пояс силы Мегингярдар и железные перчатки.

Седрах, Мисах и Авденаго — три иудейских отрока, брошенные Навуходоносором в огненную печь за отказ поклоняться золотому истукану и чудесным образом оставшиеся невредимыми.

Стр. 444. «...Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе» — из книги Песни Песней царя Соломона.

Стр. 451. Поля Фидлера — блаженные поля, куда по поверью отправляются души погибших моряков.

Стр. 454. атторни — адвокат, поверенный, юрист.

Стр. 460. МакКинли Уильям (1843–1901) — 25-й президент США (1897–1901), республиканец. Проводил политику территориальной экспансии, в 1898-м санкционировал оккупацию Кубы и Филиппин, присоединение Гавайев и еще нескольких крупных островов в Тихом океане.

Рузвельт Теодор (1858–1919) — 26-й президент США (1901–1909). Во внутренней политике стремился усилить роль администрации, во внешней придерживался силовых экспансионистских методов. Награжден Нобелевской премией мира за посредничество в переговорах об окончании войны между Россией и Японией в 1905 году.

Стр. 461. «двумя годами» — 1492-м и 1776-м, то есть год открытия Америки Христофором Колумбом и год провозглашеня независимости американскими колониями.

Стр. 463. Соломон Август Андре (1854 — 1897) — шведский инженер, исследователь Арктики. Закончил Королевский технический институт в Стокгольме. 11 июля 1897 года вместе с Нильсом Стриндбергом и Кнутом Френкелем вылетел к Северному полюсу на воздушном шаре «Орёл» собственной конструкции, но все трое погибли, не достигнув цели. Остатки экспедиции были найдены в 1930 г. на острове Белый к востоку от Шпицбергена.

Гомилетика — от греческого homileo — общаться, беседовать с кем-либо, раздел богословия, посвященный подготовке и произнесению проповедей. Формальная гомилетика изучает принципы риторики применительно к пастырской проповеди.

Апологетика — раздел теологии, посвященный рациональной защите истинности христианского вероучения. Греческим словом apologia (защита) первоначально называли речь защитника на суде в ответ на речь обвинителя. Поэтому термин «апологеты» закрепился за христианскими писателями 2–3 вв., которые в своих «апологиях», обращенных к римским императорам или просвещенной публике, старались отстоять правоту христианства.

Стр. 475. Кукурузный пояс — западная часть Среднего Запада от Огайо до Канзаса и Небраски, почва и климат которой благоприятны для произрастания кукурузы и разведения скота.

Стр. 489. Капок — шелковистая вата, покрывающая семена тропического дерева капок; используется для набивки подушек и т.д.; обладает высокой плавучестью.

Стр. 493. Большой Бельт — пролив между островами Лоланд и Сьелланд на востоке и островами Лангеланд и Фюн на западе, соединяет Балтийское море и пролив Каттегат. Длина пролива составляет 115 километров, наименьшая ширина 3,7 километра, наименьшая глубина на фарватере — 11 метров.

Стр. 514. «Мокрые спины» — сначала перегоняемый через реку скот, позднее прозвище сельскохозяйственных рабочих-мексиканцев, которые в поисках работы переплывали или переходили вброд пограничную реку Рио-Гранде, ныне так называют всех нелегальных эмигрантов.

Стр. 529. Эсхатология — от греческого eschatos — последний, учение о конечной судьбе мира и человека. Эсхатология рассматривает либо посмертную жизнь отдельного человека, либо жизнь всего человечества после конца света. Христианское учение о загробной жизни касается физической смерти человека, посмертной жизни и состояния человеческой души, воскресения тела и суда над живыми и мертвыми. В отличие от пантеистов и материалистов христиане верят в продолжение сознательного существования души после смерти.

Стр. 532. Локи — бог огня в германо-скандинавской мифологии, происходит из рода йотунов, отличался необыкновенной хитростью и изобретательностью, благодаря чему и был принят асами в Асгард. Хитер и двуличен. Действовал то заодно с богами, то против них, в конце концов был жестоко наказан асами. Согласно пророчеству о конце света — Рагнареке, в этой битве освободится и выступит против асов.

Стр. 536. Большая пирамида — или пирамида Хеопса в Гизе, со стороной квадрата основания, равной 230 м, первоначально имела

высоту 146,7 м. Верхушка обрушилась на 9,4 м. Основание пирамиды занимает площадь в 5,3 га. Подсчитано, что для постройки Большой пирамиды понадобилось 2 300 000 каменных блоков, вес каждого в среднем 2,5 т.

Стр. 537. В английском и американском фольклоре ирландцы часто выступают в роли деревенских олухов и тупиц; отсюда и слово «ирландизм» — глупость, дурацкое поведение, нелепый поступок.

Стр. 538. Аморальные семьи — речь идет о событиях конца 80-х годов XIX века, когда отношения между мормонской общиной Юты и федеральным правительством США настолько обострились, что федеральные войска окружили Солт-Лейк-Сити и подвергли его артобстрелу; под давлением силы руководство секты мормонов подчинилось требованиям правительства, в частности согласилось на отказ от многоженства (1890 г.).

Стр. 550. ...Никогда больше не стану читать псалом сто тридцать седьмой...— имеется в виду псалом 136: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень».

Стр. 552. «Зеленая карта» — вид на жительство в США с правом на работу, выдаваемый иностранцу при выполнении им определенных требований законов этой страны.

Стр. 565. Навуходоносор — халдейский царь Вавилонии в 605–562 гг. до н.э.; известен как величайший правитель Нововавилонской империи. Прежде чем стать царем, завершил процесс завоевания Ассирии халдеями (выступавшими в союзе с мидянами и скифами), изгнал египтян из Малой Азии. В 597 г. до н.э. занял Иерусалим, пленил и увел в Вавилон 18-летнего царя Иехонию и многих его слуг и приверженцев. После того как преемник Иехонии Седекия заключил союз с Египтом, Навуходоносор вернулся в Иерусалим, осадил его и взял в 586 (или 587) г. до н.э. Седекия и значительная часть жителей Иерусалима были уведены в плен в Вавилонию, а сам город разрушен.

Стр. 566. «Общество свидетелей Иеговы» (иеговисты) — протестантская секта, основанная в США в 1872 году и в настоящее

время действующая практически во всех странах мира. Полное название — Общество Сторожевой башни, Библии и брошюр. Признает единым богом Иегову, отвергая многие основные христианские догматы (триединство бога, бессмертие души и др.); рассматривает земной мир как царство сатаны, в битве которого с Иеговой погибнет все человечество, кроме самих иеговистов; веруют в близкий конец мира и установление власти Иеговы на земле. Название «Свидетели Иеговы» связано с убеждением членов секты, что их основная задача — говорить (свидетельствовать) о Боге, который есть Иегова. Свидетели Иеговы утверждают, что их секта не представляет собой ни религии, ни организованной церкви, тем не менее они в высшей степени активны в пропаганде своих верований.

Экуменическое движение — движение за объединение всех христианских церквей.

Стр. 571. Чарльз Бэббидж (1792–1871) — английский математик, инженер и философ. Естественными науками интересовался с детства и еще до получения степеней бакалавра и магистра в Кембриджском университете опубликовал несколько работ по математике и физике. В 1816 г. был избран членом Лондонского королевского общества, а в 1822 г. опубликовал работу, удостоенную первой золотой медали Астрономического общества. В 1828 г. был назначен профессором математики Кембриджского университета и занимал этот пост до 1839 г., когда подал в отставку, чтобы заняться конструированием вычислительных машин. В 1832 г. Бэббидж был избран иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Вначале Бэббидж попытался создать машину, составляющую и печатающую математические таблицы, что позволило бы исключить серьезные ошибки в навигации и астрономии. Получив от правительства материальную поддержку, в 1823 г. приступил к созданию своей «разностной машины». В течение нескольких лет проектировал, начинал строить, переделывал и, периодически уничтожая достигнутое, заново приступал к работе, но так и не смог довести дело до конца. Отдельные узлы разностной машины можно видеть и сегодня в лондонском Музее науки.

Стр. 588. «Грейхаунд» — крупнейшая в США автобусная компания, занимающаяся междугородными пассажирскими перевозка-

ми, упаковкой мяса и птицы, оказанием финансовых услуг, производством продуктов питания.

Стр. 595. ...Я процитировал ему это место...— «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных».

Стр. 596. «Полуигл» — золотая монета достоинством в пять долларов, выпускалась до 1929 года. «Игл» (орел), соответственно, имеет достоинство в десять долларов.

Стр. 597. Колесо (cartwheel) — точнее, тележное колесо; изначально британская старинная монета в пенс и два пенни, затем серебряный доллар крупного размера и особого дизайна.

Стр. 598. Хила-монстр — иначе ядозуб хелодерма, ядовитая ящерица длиной до 60 см, окраска темно-бурая с оранжево-желтыми или красно-бурыми пятнами. Водится на юго-западе США в штатах Юта, Невада, в округе Сан-Бернадино (Калифорния), Аризона и Нью-Мексико в засушливых районах — главным образом, среди зарослей кактусов, кустарника, травы; встречается на каменистых склонах, на дне каньонов. Питается главным образом яйцами разнообразных животных, а также птицами, ящерицами и мелкими млекопитающими (крольчатами, мышами и белками). Названа так потому, что первая с ней встреча произошла на берегу реки Хила (Gila) в Аризоне.

Стр. 602. «Сторожевая башня» — журнал, издаваемый сектой иеговистов.

Стр. 611. Пустыня Колорадо — находится на территории штатов Колорадо и Аризона, в переводе с испанского «окрашенная»; сложена отложениями, обладающими разнообразной окраской необычайной чистоты и яркости

Стр. 616. Альберто Сантос-Дюмон (1873–1932) — бразильский воздухоплаватель и конструктор дирижаблей. После первого полета братьев Райт Сантос-Дюмон занялся конструированием и строительством летательных аппаратов тяжелее воздуха. Будучи любителем, создал оригинальный, но непрактичный биплан «14-бис»

(«утка») и совершил на нем первые зарегистрированные в Европе полеты; продолжительность самого длительного из них составила всего 21 секунду. Из-за болезни вынужден был оставить занятия авиацией и в 1928 г. вернулся в Бразилию.

Стр. 632. Кошерная пища — еда, отвечающая требованиям кашрута — еврейских законов об употреблении пищи («кашрут» означает пригодность к употреблению в пищу). Основные предписания, касающиеся кашрута, даются в Пятикнижии.

Стр. 633. Доктор Джекил и мистер Хайд — персонажи повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»; первый — олицетворение добра, второй — зла.

Стр. 635. Запатос —мексиканская крестьянская обувь; нечто вроде сандалий.

Стр. 641. Прозелит — от латинского «обращенный» и греческого «обращенный, нашедший свое место». Изначально понятие применялось в отношении язычника, обращенного к иудейской вере, затем так стали называть всех новых горячих приверженцев чего-либо.

Один — верховный бог скандинавской мифологии, творец мира и отец прочих богов. Обычно представляется высоким одноглазым старцем, с длинной бородой и пытливым, выразительным лицом; на голове у него широкополая шляпа, на плечах полосатый плащ, на каждом плече обычно сидит по ворону. Его оружие — не знающее промаха копье Гунгнер, а скакун — восьминогий конь Слейпнир, умеющий летать.

Стр. 699. Лука делла Роббиа (ок. 1399–1482) — скульптор и ювелир, родился во Флоренции. Его первая значительная работа — созданная в 1431–1438 мраморная кантория (певческая трибуна) для собора Санта Мария дель Фьоре. Она украшена рельефами с изображением поющих и музицирующих мальчиков и юношей. Второе крупное произведение скульптора, выполненное из мрамора,— надгробие епископа Федериги в церкви Санта Тринита, законченное в 1456 г. Оно напоминает по форме надгробие Леонардо Бруни работы Бернардо Росселино. Произведение Луки делла Роббиа несколько проще; фигуры отличаются мягкостью пластической моделировки; терракотовые плиты обрамления окрашены в яркие цвета.

Стр. 720. ...в Евангелии от Марка в главе двенадцатой, стих двадцать третий...— автор ошибся, это двадцать пятый стих.

Саддукеи — группировка, существовавшая в Палестине в период со второй половины 2 в. до н.э. до разрушения Храма римскими завоевателями в 70 н.э. Она объединяла богатых землевладельцев, купцов и иерусалимское священничество (жречество) высших рангов. Название «саддукеи» происходит от имени Цадока, первосвященника во времена Соломона. В отличие от фарисеев признавали лишь Писаный закон, строго придерживаясь его буквальной интерпретации.

Стр. 726. Кальдера — глубокая котлообразная впадина, образовавшаяся вследствие провала вершины вулкана.

Стр. 736. Дагвуд — большой многослойный бутерброд, в состав которого входят необычные и часто несовместимые продукты, обычно такой сэндвич делают во время «ночного налета на холодильник». Название произошло от имени Дагвуда.

Стр. 737. Суккубы — в средневековой демонологии демоны женского пола, посещающие ночью молодых мужчин и вызывающие у них сладострастные сны. Как ни странно, крайне редко использовалось слово «succuba» (проститутка), для именования этого класса существ использовалось другое латинское слово: «succubus», мужского рода. Возможно, потому, что суккубы считались дьяволом в женском облике.

Стр. 741. Имеется в виду английская поговорка: «Соус для гусыни годится и для гуся».

Стр. 746. Лоренцо Гиберти (1378–1455) — крупнейший скульптор и ювелир эпохи Возрождения, живший во Флоренции, один из основоположников скульптуры Ренессанса, открывший новый этап в развитии итальянской скульптуры. Создал бронзовые рельефы дверей баптистерия во Флоренции.

Стр. 747. Циветта — пальмовая циветта, нандиния, единственный представитель семейства циветтовых, обладает резким неприятным запахом, особенно усиливающимся в момент опасности.

Стр. 763. «Оки» — презрительная кличка разорившихся охлакомских фермеров.

Стр. 771. Телеология — от греческого «заключительный, совершенный», учение о целесообразности бытия, оперирующее наличием разумной творческой воли. Ставит перед собой задачу ответить на вопрос «зачем, с какой целью?» без анализа причинно-следственной связи явлений.

Стр. 782. Шаббес гой — от «шаббес» — отдых и «гой» — презрительное название христианина среди иудеев. Иноверец, прислужник при синагоге, который по субботам выполняет работы, запрещенные Моисеевым законом.

Стр. 787. Послушница-экдисиастка — от ecdysis (лат.) — линька, сбрасывание покрова. То есть исполнительница стриптиза.

СОДЕРЖАНИЕ

МАГИЯ, ИНКОРПОРЕЙТЕД 5

ДОРОГА ДОБЛЕСТИ 107

ИОВ, ИЛИ ОСМЕЯНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ 407

КОММЕНТАРИИ 789